3

ПРОЗА
ПИСЬМА

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

Полное собрание сочинений и писем

Том 3

3

ПРОЗА
ПИСЬМА

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

Полное собрание сочинений и писем

Том 3

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

Полное собрание сочинений и писем
в трех томах

Том
3

ПРОЗА
ПИСЬМА

Москва
Прогресс-Плеяда
2011

УДК 821.161.1-1Мандельштам О.
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
М23

Составитель А. Г. Мец

Том подготовили: А. Г. Мец, К. М. Азадовский, А. А. Добрицын, А. Зумпф (A. Sumpf), Т. В. Котова, Ф. Лоэст (F. Lhoest), С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Л. М. Видгоф, Е. В. Иванова, М. А. Котова, Т. М. Двинятина

Научный редактор Н. Г. Захаренко

Художник В. Н. Сергутин

На фронтисписе:
Осип Мандельштам. 1935(?) год

Мандельштам, Осип Эмильевич (1891–1938)
М23 **Полное собрание сочинений и писем:** В трех томах. Том третий. Проза. Письма / Осип Мандельштам. – М.: Прогресс-Плеяда, 2011. – 944 с. – илл.
ISBN 978-5-904995-10-2.

Третий том Полного собрания сочинений и писем Осипа Мандельштама составили два раздела. В первый раздел вошла проза – многочисленные рецензии и предисловия, дающие широкое представление о Мандельштаме-критике, заметки о театре, кино и другие работы разных лет. Второй раздел – составили все известные на сегодня письма поэта 1903–1938 годов, заявления и другие документы биографического характера, ряд которых публикуется впервые. Том сопровождается обстоятельными комментариями, а также «Избранными датами жизни О. Э. Мандельштама».

ISBN 978-5-904995-10-2

Очерки

Батум

Весь Батум как на ладони. Не чувствуется концов-расстояний. Бегаешь по нему, как по комнате; к тому же и воздух всегда какой-то парной, комнатный. Механизм этого маленького, почти игрушечного городка, вознесенного условиями нашего времени на высоту русской спекулятивной Калифорнии, необычайно прост. Есть одна пружина – турецкая лира: курс лиры меняется, должно быть, ночью, когда все спят, потому что утром жители просыпаются с новым курсом лиры, и никто не знает, как это произошло. Лира пульсирует в крови всякого батумца, провозглашают же утренний курс булочники.

Это очень спокойные, вежливые и приятные турки, продающие традиционный лаваш из очень чистой и пресной американской пшеницы. Утром хлеб десять, днем четырнадцать, вечером восемнадцать, на другое утро почему-то двенадцать.

Занятий у жителей нет никаких. Естественным состоянием человека считается торговля. На фоне коренного населения резко выделяются советские работники отсутствием лир и соприкосновением с черным хлебом, которого ни один настоящий батумец в глаза не видит.

Спекулятивная иерархия Батума тоже очень ясна и проста. В центре системы стоит десяток крупных иностранных фирм, известных каждому ребенку и окруженных божественным почитанием, – Валацци, Ллойд Три-

естина, Sage, Sala, Витали, Камхи и пр. Но божественное почитание не мешает жизнерадостным иностранцам, толстеньким, поджарым и кругленьким, наравне с прочими носиться по Греческой улице из конторы в контору, из магазина в магазин, колдуя над священной валютой.

Зимы нет. Продавцы мандаринов и чумазые мальчишки с баклавой и бузинаками на каждом шагу. Чуть нагретое, нежно-голубое море ласково полощется вокруг многоэтажного корпуса «Франца Фердинанда» (только что из Константинополя) – многопалубной океанской гостиницы, где хрусталем дрожит дорожный table d'hôte[1].

Молодые константинопольские коммерсанты в ярко-желтых ботинках, перебирая янтарными четками, летают по набережной. Несмотря на свой лоск, они чем-то напоминают негров, переодетых в европейское платье, и еще больше – экзотических исполнителей, некогда подвизавшихся на кафешантанных подмостках. Все двери лавок на набережной открыты.

Здесь в уютном полумраке важно беседуют жирные и апатичные персы, едва не раздавленные грузом собственных товаров – мануфактуры, сахара, мыла, обуви. Горе вам, если вы вздумаете зайти в одну из таких лавок и прицениться к чему-нибудь. По ошибке вам могут продать товару на миллиард – это всё оптовое.

Господствующий язык в Батуме – русский, даже самые матерые иностранцы на третий день начинают говорить по-русски, это тем более забавно, что русских в Батуме почти совсем нет, да, пожалуй, и грузин немного – город без национальности, – в погоне за наживой люди потеряли ее.

Вот случай, показательный для глубокого отчуждения Батума от России, – в самом большом местном кинематографе идет итальянская фильма из русской жизни «Ванда Варенина» (одно имечко чего стоит!). В этом изумительном сценарии русские женщины, как турчанки, ходят под черной фатой и снимают ее только в комнате, русские князья щеголяют в оперных костю-

---

[1] табльдот *(франц.)*

мах из «Жизни за царя», катаются на тройках в английской упряжи, причем сани напоминают замысловатый корабль скандинавских викингов. Я был на этом представлении – никто в переполненном зале не удивлялся и не смеялся, все, очевидно, находили, что это вполне естественно, и лишь когда итальянский кино показал русское венчание и молодых ввели в церковь в каких-то огромных коронах, немногочисленные красноармейцы не выдержали и зароптали.

Чрезвычайно характерна для Батума эмиграция из Крыма. Крым теперь захудал, обернуться там очень трудно, и вот каждый новый рейс «Пестеля» привозит в Батум партию «беженцев» из Феодосии, Ялты и Севастополя. Сначала они бродят по Греческой улице неуверенно, как общипанные цыплята, но проходит несколько дней, они оперяются и становятся полноправными гражданами вольного города.

У иностранца, который свое посещение Советской Федерации ограничивает только Батумом, должно получиться очень странное впечатление, зато для нас Батум вполне достаточен, чтобы судить о прелестях Константинополя.

В Батуме никто не жалуется на тяжелые времена, и только одна подробность напоминает о том, что есть люди без лир, – это многочисленные плакатики, неизбежно украшающие каждую лавчонку, каждый маленький духанчик: «кредит никому», «кредит ни кому» и даже «кредит не кому» – по самой разнообразной орфографии. Но истинная торговля не обходится без кредита, и на самом деле достаточно взять где-нибудь коробку папирос для того, чтобы на следующий день получить в кредит другую.

В одном портовом духане я наблюдал хозяев, которые всегда были настолько пьяны, что падали почти в бессознательном состоянии. Вряд ли у них сходятся концы с концами.

Это всё чрево и служение лире, но у Батума есть и высшие потребности, кое-что для души. На Мариинской улице кружок «ОДИ» – Общество Деятелей Искусств.

Здесь устраиваются смехотворные выставки макулатурных живописцев, скупаемые оптом заезжими греками, а местные эстеты и снобы расхаживают под раскрашенными олеографиями, воображая себя на настоящем вернисаже. Здесь же дамы обучаются пению, музыке и пластике под руководством опытных в этом деле специалистов. Есть в Батуме и поэты, изысканнее которых трудно себе представить. Город постоянно подвергается налетам заезжих шарлатанов – «профессоров и лекторов». Один из них устроил публичный суд над Иудой Искариотским с музыкой, причем самовольно объявил на афише участие местного Ревтрибунала, за что и был привлечен к суду. Еженедельно по субботам город оглашается звуками военной музыки из общественного собрания, это пир на всю ночь, очередной благотворительный вечер в пользу голодающих – с лото, американским аукционом и тому подобными прелестями. Здесь оставляются миллиарды.

Если вечер грузинский – ни на минуту не умолкает гипнотическая музыка сазандарей, путешествующих от столика к столику, пока кто-нибудь из пирующих не поднимется грозно и не пропляшет лезгинку под раздирающий сердце аккомпанемент тары.

Что же такое теперешний Батум? Вольный торговый город, Калифорния – рай золотоискателей, грязный котел хищничества и обмана, сомнительное окно в Европу для Советской страны, очаровательный полувосточный средиземный порт с турецкими кофейнями, вежливыми купцами и русскими торгующими матросами, которые топчут его хищную почву так же беззаботно, как они топтали почву Шанхая и Сан-Франциско. Будем помнить, что воздух современного Батума – солнечный, влажный и нездоровый – пропитан неуважением к будущей пролетарской России, к ее строительству, ее нравственному облику, ее страданию.

Да и коммерческая польза от Батума невелика и сильно раздута. Горы товаров, наваленные в батумских складах, если разобраться в них, – непристойная

дешевка, предназначавшаяся раньше для колониальных стран и дикарей.

Наш лозунг должен быть таков: освободиться поскорее от гегемонии Батума, чтобы соленый морской ветер освежил наш трудовой дом через широкие окна здоровых гаваней Одессы, Новороссийска, Севастополя, Петербурга, где в добрый час уже выставлена первая рама.

Современный Батум

Дождь, дождь, дождь – это не значит, что нельзя выйти на улицу. Дождь может идти и завтра, и послезавтра: зимний дождь в Батуме – это грандиозный теплый душ на несколько недель. Никто его не боится, и, если нужно по делу, всякий батумец пойдет куда угодно даже в такой потоп, когда Ной побоится высунуться из ковчега. Вот спешит «центросоюзник» на службу в свой родной Центросоюз в охотничьих сапогах – последняя кооперативная выдача. Он смело переходит вброд самые опасные места и даже нарочно выбирает там, где поглубже.

Центросоюз внешне процветает, работа кипит с утра до ночи в маленьком чистеньком особнячке у самого приморского бульвара с пихтами, олеандрами и пальмами, в том самом домике, где – по свежему преданию – англичане держали военный суд. С раннего утра неутомимые кооператоры в непромокаемых плащах и макинтошах снаряжают автомобили для осмотра своих чаквинских чайных плантаций и плодовых имений. С раннего утра в приемных толкутся иностранные купцы, ведомые, как агнцы на заклание, местными коммерсантами (всегда можно отличить того, кого ведут, и того, кто ведет), и не без легкого подобострастия проникают в кабинет заведующего, где встречает острый и проницательный суд библейского Соломона или кади из «Тысяча и одной ночи».

– Мы – «общественные купцы», – с гордостью говорят батумские кооператоры. – Нам ни тепло, ни холодно от Центросоюза, – твердит простой обыватель. Но обыватель требует синицу в руки, ему нужно сейчас же что-нибудь осязательное. Между тем, если бы не Центросоюз, тесно связанный с Внешторгом, не было бы никакого удержа, никакой управы на иностранных хищников, которые находят здесь отпор своей алчности и авторитет, перед которым они должны склониться.

Но дождь не идет вечно. Как по волшебству просыхают чистенькие улицы. Батумский потоп – это царство проточной воды. После дождя город только омылся, освежился. Начинается зимнее гулянье на бульваре. В январе люди сидят на теплом щебне пляжа, близко у самых волн, только что не купаются. Тут-то начинается праздник для портовых турецких кофеен – это сердцевина всего города: его маленькие клубы и биржи. В кофейне темно и накурено. Ароматный тягучий кофейный пар стоит в воздухе. В глубине золотыми угольками тлеет неугасающе жаровня, и на ней в медных тигельках самим хозяином изготовляется божественный напиток. Слуга выбился из сил, перенося маленькие кофейные чашечки, сопровождаемые стаканом холодной воды.

Вот заходит газетчик. У него припасены газеты на всех языках. Каждому – свое.

Старый почтенный турок покупает турецкий «Коммунист» и медленно читает вслух другим. Что поймет он, купец и патриарх, в предлагаемом ему новом учении? Он морщит лоб, но не улыбается. Как и весь его народ, он хорошо воспитан и привык уважать чужое мнение.

Самое приятное в торговом Батуме – именно эти торговые дома. В них есть благообразие и культура, которых нет в скороспелых итальянских и прочих европейских торговых фирмах, где царствует суета и нехороший хищный дух. Есть один пункт, где торговля Востока не чета европейской – именно: торговля не только аппарат распределения, но социальное явление, и в привычках торгующего Востока чувствуется уважение к человеку, которого нельзя просто обобрать и с кашей съесть.

Наступают сумерки, но Батум не хочет ложиться спать. По Мариинской улице до поздней ночи движется сплошная праздничная лавина; чувствуется, что каждый в этой толпе «сделал дело» и теперь пожинает плоды своей коммерческой тонкости. Ярко освещены лари и подворотни с фруктами и южной зимней утехой – мандаринами. Какие-то предприимчивые чумазые мальчишки, выплясывая лезгинку, бросаются под ноги прохожим, которые в ужасе откупаются мелкой подачкой. Толпа настолько оживлена, что ее радостный и громкий ропот долетает на четвертый этаж и баюкает ваш первый сон.

А в это время целые кварталы мертвы, как пустыня. Это специальные кварталы лавок у моря. Целые улицы, потухшие, во тьме, с наглухо закрытыми железными тяжелыми висячими замками ставнями. Бродят только сторожа с неусыпными трещотками, охраняя спящие миллиарды. Впрочем, сквозь железные ставни кое-где пробивается свет, и во многих лавках живут. Дело в том, что в Батуме нет квартир, нет даже «жилищного кризиса». Он устранен очень просто – комнат настолько бесповоротно нет, что никому даже не приходит в голову их искать. В Батуме, если вы приезжий, вас не спрашивают, где вы живете, а спрашивают, где вы ночуете. Страх перед бездомными приезжими так велик, что ни в одной чайной, ни в одной кофейной нельзя оставить вещей с вокзала: хозяева уверены, что вы к ним же вернетесь ночевать, и боятся этого, как чумы. Мелкие торговцы ютятся в своих ларьках и будках, размерами не более собачьей конуры. Каким образом устраиваются крупные коммерсанты – это совершенно таинственно. Очевидно, лира побеждает законы пространства.

По характеру своего интернационального торгового оживления Батум напоминает колониальный город или европейский квартал где-нибудь в Шанхае. До чего убогим кажется после него Новороссийск со своим прекрасным гигантски-оборудованным портом, со своими элеваторами, которые высоко поднимают на курьих ножках фантастически длинные, похожие на купальни,

приемники для зерна. Всё это спит и ждет пробужденья. Неприветливо встречает вас ледяной новороссийский норд-ост, но в городе чувствуется какая-то особая серьезность, и он как бы готовится к исполнению огромной предстоящей ему экономической задачи. Но пока что в пустых холодных лавках, где на прилавок демонстративно брошен кусок бязи, героические коммивояжеры с какими-то воровскими по привычке ухватками лихорадочно набивают чемоданы батумскими нитками и влекут куда-то подозрительную стопудовую ношу в опасный и темный путь, вечно стремясь к берегам своей Аркадии.

Кое-что о грузинском искусстве

В русской поэзии есть грузинская традиция. Когда наши поэты прошлого столетия касаются Грузии, голос их приобретает особенную женственную мягкость и самый стих как бы погружается в мягкую влажную атмосферу:

На холмы Грузии легла ночная мгла...

Может быть, во всей грузинской поэзии нет двух таких стихов, по-грузински пьяных и пряных, как два стиха Лермонтова:

Пену сладких вин
Сонный льет грузин.

Я бы сказал, что в русской поэзии есть свой грузинский миф, впервые провозглашенный Пушкиным:

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной, –

и разработанный Лермонтовым в целую мифологию с мифом о Тамаре в центре.

Любопытно, что этим мифом, обетованной страной поэзии, для русской поэзии стала не Армения, а Грузия.

Грузия обольстила русских поэтов своеобразной эротикой, любовностью, присущей национальному

характеру, и легким, целомудренным духом опьянения, какой-то меланхолической и пиршественной пьяностью, в которую погружена душа и история этого народа. Грузинский эрос – вот что притягивало русских поэтов. Чужая любовь всегда была нам дороже и ближе своей, а Грузия умела любить. Ее старое искусство, мастерство ее зодчих, живописцев, поэтов, проникнуто утонченной любовностью и героической нежностью.

Да, культура опьяняет. Грузины сохраняют вино в узких длинных кувшинах и зарывают их в землю. В этом – прообраз грузинской культуры: земля сохранила ее узкие, но благородные формы художественной традиции, запечатала полный брожения и аромата сосуд.

То, что нельзя вывести из рассудочных данных культуры, из учета ее накопленных богатств, есть именно дух пьянства, продукт таинственного внутреннего брожения: узкая глиняная амфора с вином, зарытая в землю.

Никогда русская культура не навязывала Грузии своих ценностей. Русификация края никогда не шла дальше форм административной жизни. Русские администраторы начала прошлого века с Воронцовым-Дашковым во главе, уродуя экономическую жизнь края и подавляя общественность, не сумели затронуть быта и относились к нему с невольным уважением; о культурной русификации в Грузии не было и речи. Поэтому национальное и политическое самоопределение Грузии, резко распадающееся на два периода – до и после советизации Грузии, для грузинской культуры и искусства должны были быть экзаменом верности самой себе, и культурная Россия, целое столетие любовно следившая за Грузией, сейчас с тревогой глядит на страну, готовую изменить своему культурному призванию. Сущность грузинского искусства всегда была в обращенности Грузии к Востоку, причем Грузия никогда не сливалась с Востоком, была отдельной от него.

Я бы причислил грузинскую культуру к типу культур орнаментальных. Окаймляя огромную и законченную область чужого, они впитывают в себя главным обра-

зом его узор, в то же время ожесточенно сопротивляясь внутренне враждебной сути могущественных соседних областей.

Сейчас в Грузии стоном стоит клич: «Прочь от Востока, на Запад, мы не азиаты, мы европейцы, парижане». Как велика наивность грузинской художественной интеллигенции... Тенденция «прочь от Востока» всегда существовала в грузинском искусстве, но разрешалась не грубым лозунгом, а высокохудожественными формальными средствами.

Войдите в национальный музей грузинской живописи в Тифлисе. Перед вами предстанет длинная вереница строгих портретов, преимущественно женских, по своей технике и глубокому статическому покою напоминающих старую немецкую живопись. В то же время плоскостное восприятие формы и линейная композиция (ритм линий) дышат приемами персидской миниатюры. Часто встречается золотой фон и богатый золотой орнамент. Эти работы безымянных живописцев – настоящая победа грузинского искусства над Востоком, и как ничтожны перед ними танцующие осколки скрипки, некогда разбитой Пикассо, пленившей новую грузинскую живопись. С этой скрипкой – то же самое, что с мошенническими реликвиями монахов: скрипка была одна, ее разбили один раз, но нет такого города, где бы не показывали щепочки – вот кусочек от Пикассо.

Жизнь языка открыта всем, каждый говорит, участвует в движении языка, и каждое сказанное слово оставляет на нем свежую борозду. Чудесный случай наблюдать развитие языка живописного доставляют нам вывески, в частности тифлисские, на наших глазах вырастающие в мощное искусство Пиросманошвили.

Нико Пиросманошвили был простой и неграмотный живописец вывесок. Он писал на клеенке в три цвета – охрами, зеленой землей и черной (со всеми вариациями серого). Его заказчики, тифлисские духанщики, требовали интересного сюжета, и он шел им навстречу. На одной из его картин я прочел собственноручную под-

пись – «Шамиль со свево караулом» (с сохранением орфографии). Нельзя не преклониться перед величием его «безграмотных» (неанатомических) львов, великолепных верблюдов с несоразмерными человеческими фигурами и палатками, победивших плоскость силою одного цвета. Если бы французы знали о существовании Пиросманошвили, они бы ездили в Грузию учиться живописи. Впрочем, они скоро узнают, так как по недосмотру вещи его почти все вывезены за границу.

Другое явление современного грузинского искусства, представляющее европейскую ценность, – это поэт Важа Пшавела. Он переиздается Наркомпросом, и в молодой Грузии образуется даже нечто вроде культа Важа Пшавела, но, боже мой, до чего ограничено его непосредственное влияние на молодую грузинскую поэзию! Это был настоящий ураган слова, пронесшийся по Грузии, с корнем вырывавший деревья:

Твои встречи – люди мирные,
Непохожие на воина,
Темнокудрый враг железо ест
И деревья выкорчевывает.

Образность его поэм, почти средневековых в своем эпическом величии, стихийна. В них клокочет вещественность, осязаемость, бытийственность. Всё, что он говорит, невольно становится образом, но ему мало слова, он его как бы рвет зубами на части, широко пользуясь и без того страстным темпераментом грузинской фонетики.

Молодая грузинская поэзия перенесла Важа Пшавела, как бурю, и теперь не знает, что делать с его наследством. В настоящее время она представлена так называемой группой «Голубых Рогов», имеющей резиденцию в Тифлисе, с Паоло Яшвили и Тицианом Табидзе во главе. «Голубые Роги» почитаются в Грузии верховными судьями в области художественной, но самим им Бог судья. Воспитанные на раболепном преклонении перед французским модернизмом, к тому же воспринятым из вторых рук, через русские переводы, они ублажают себя

и своих читателей дешевой риторической настойкой на бодлерианстве, дерзаниях Артура Рембо и упрощенном демонизме; всё это сдобрено поверхностной экзотикой быта. Мимо них прошло всё огромное цветение русской поэзии за последнее двадцатилетие. Для нас они Пенза или Тамбов... Единственный русский поэт, имеющий на них бесспорное влияние, – это Андрей Белый, эта мистическая русская Вербицкая для иностранцев.

Другое течение грузинской литературы, консервативное, совершенно бесцветно. Литературная жизнь необыкновенно шумна и криклива, множество диспутов, ссор, банкетов, расколов – не покроет всю эту суету сует львиный рык художника: «Вы не Запад и не Восток, не Париж и не Багдад; глубокой воронкой врезалось в историческую землю ваше искусство, ваша художественная традиция. Вино старится – в этом его будущее, культура бродит – в этом ее молодость. Берегите же свое искусство – зарытый в землю узкий глиняный кувшин».

«Г р о т е с к»

Когда входишь в маленькую, уютную, теплую каюту «Гротеска», сразу начинают щекотать ноздри воспоминанья, такой тонкий приятный запах прошлого, словно весь «Гротеск», как знаменитый страсбургский пирог, только что доставлен, горячий и дымящийся, из кухни петербургской «Бродячей Собаки» и «Дома Интермедии».

Здесь незримо присутствует гений Потемкина, автора великой англо-негритянской трагедии «Black and White» (кстати, входит в репертуар «Гротеска»), и всё семейство больших и маленьких «Вампук» перекочевало в этот хрупкий ковчег остроумия.

«Гротеск» не просто забавный неисхищренный маленький театр, это правнучек, кровный отпрыск семьи российского театрального Сатирикона, может быть, не любимый бабушкин внучек, да что делать – бабушка постарела, приласкать некому.

Давно отшумел блестящий петербургский 1913 год:

Камина красного тяжелый зимний жар,
Над черным кофеем встающий тонкий пар,
Веселость едкая литературной шутки.

Что это было, что это было! Из расплавленной остроумием атмосферы горячечного, тесного, шумного, как улей, но всегда порядочного, сдержанно беснующегося гробик-подвала – в маленькие сенцы, заваленные

шубами и шубками, где проходят последние объяснения, прямо в морозную ночь, на тихую Михайловскую площадь – взглянешь на небо, и даже звезды покажутся сомнительными: остроумничают, ехидствуют, мерцают с подмигиваньем.

И не освежает морозный воздух, не успокаивают звезды. Скрипит снег под легенькими полозьями извозчичьих санок, и, как «бесы невидимкой при луне», в снежной пыли кувыркаются последние петербургские остроты, нелепость последнего скетча сливается с снежной нелепицей, и холодок остроумия, однажды попав в кровь, «как льдинка в пенистом вине», будет студить и леденить ее, пока не заморозит.

Да, я любила их, те сборища ночные,
На маленьком столе стаканы ледяные.

В том году театральное остроумие взвилось, как стоцветная ракета в темную ночь. «Дом Интермедии», «Кривое зеркало», «Би-ба-бо» рассыпали холодный фейерверк гротеска, скетча и пародии в воздухе, который был «предчувствием томим» для театральной публики; посвященная, она прошла через культуру остроумия, высшую школу издевательства, академию изысканной нелепости.

Простой петербуржец из трамвая, банка, министерства ничего не понимал в этом, но мы сходили с ума от факира, который, показывая бритву перед каким-то фокусом, пояснял, что она бреет растительность, «и даже на лице».

Дело было так. Из своеобразного ощущения исторической минуты родилось сильнейшее и острейшее чувство нелепости, возведенное в культ кривозеркальцами и сатириконцами. Это чувство нелепости положило начало позднему и утонченно упадочному расцвету русского театрального гротеска.

Настоящими участниками этой мистерии абсолютно нелепого могли быть только люди, дошедшие до «предела», у которых было что терять и которых толкала на

путь сокрушительного творчества из нелепого внутренняя опустошенность, предчувствие конца. Появились приемы, выработалась традиция, театр гротеска вышел на улицу. Иррациональный, нерассудочный элемент, заключенный в эстетической категории нелепого, должен был выветриться, уступить место простому остроумничанью, «Сатирикону» с штучками Мисс и стилизацией Агнивцева. То-то и печально, что в ростовском «Гротеске» господствует не тень Потемкина, который даже трезвый и приличный походил на отмытого негра, а изысканный Агнивцев с браслетами, цепочками и собачками, этот Кузмин на сахарине с маргариновым старым Петербургом, где стилизация не прячется в углах губ, а прет из каждой строчки, как лошадиное дышло.

В «Гротеске» кончилось творчество нелепого – всё остроумно, мило, занятно. Но, когда выходишь из «Гротеска» на морозную улицу, звезды не ехидствуют и снег не хрустит с усмешкой.

Антракты «Гротеска», благодаря Курихину, острее, художественнее, гротескнее самого действия. Каждое слово – чистое золото нелепости:

«Вот, позвольте представить, Марья Васильевна, самая красивая девушка Ростова и Нахичевани».

За это «и Нахичевани» можно всё отдать.

В антрактах Курихина живет традиция творчества нелепого, он единственный из джиммистов, составляющих ядро «Гротеска», – подлинный мастер иррационального, гротескного юмора тонкого упадочного театра, стоящего на грани пустоты.

Шуба

Хорошо мне в моей стариковской шубе, словно дом свой на себе носишь. Спросят – холодно ли сегодня на дворе, и не знаешь, что ответить, – может быть, и холодно, а я-то почем знаю?

Есть такие шубы, в них ходили попы и торговые старики, люди спокойные, несуетливые, себе на уме – чужого не возьмет, своего не уступит, шуба что ряса, воротник стеной стоит, сукно тонкое, нелицованное, без возрасту, шуба чистая, просторная, и носить бы ее, даром что с чужого плеча, да не могу привыкнуть, пахнет чем-то нехорошим, сундуком да ладаном, духовным завещанием.

Купил я ее в Ростове, на улице, никогда не думал, что шубу куплю. Ходили мы все, петербуржцы, народ подвижный и ветряный, европейского кроя, в легоньких зимних, ватой подбитых, от Мандля, с детским воротничком, хорошо, если каракуль, полугрейках – ни то ни се. Да соблазнил меня Ростов шубным торгом, город дорогой, ни к чему не приступишься, а шубы дешевле пареной репы.

Шубный товар в Ростове выносят на улицу перекупщики-шубейники. Продают не спеша, с норовом, с характером. Миллионов не называют. Большим числом брезгуют. Спросят восемь, отдают за три. У них своя сторона, солнечная, на самой широкой улице. Там они расхаживают с утра до двух часов пополудни, с шубами внакидку

на плечах, поверх тулупчика или никчемного пальтишки. На себя напялят самое невзрачное, негреющее, чтобы товар лицом показать, чтобы мех выпушкой играл соблазнительней.

Покупать шубу, так в Ростове. Старый шубный митрополичий русский город. Здесь гуляют поповские гладкие шубы без карманов: зачем попу карман, только знай запахивайся, деньги не убегут.

Не дает мне покоя моя шуба, тянет меня в дорогу, в Москву да в Киев, – жалко зиму пропустить, пропадет обновка. Хочется мне на Крещатик, на Арбат, на Пречистенку. Хочется и в Харьков, на Сумскую, и в Петербург на Большой проспект, на какую-нибудь Подрезову улицу. Все города русские смешались в моей памяти и слились в один большой небывалый город с вечно санным путем, где Крещатик выходит на Арбат и Сумская на Большой проспект.

Я люблю этот небывалый город больше, чем настоящие города порознь, люблю его, словно в нем родился, никогда из него не выезжал.

Отчего же неспокойно мне в моей шубе? Или страшно мне в случайной вещи – соскочила судьба с чужого плеча на мое плечо и сидит на нем, ничего не говорит, пока что устроилась.

Вспоминаю я, сколько раз я замерзал в разных городах за последние четыре года: и замерзание в Петербурге, возвращение с обледенелым пайком в руках в комнатку Дома искусств, жгучие железные перила черной лестницы, без перчаток никак до них не доберешься, чудом поднимешься на свой этаж, грохнешь паек на стол – и в кухоньку, к старушонке, понемногу оттаять, прийти в чувство.

Жили мы в убогой роскоши Дома искусств, в Елисеевском доме, что выходит на Морскую, Невский и на Мойку, поэты, художники, ученые, странной семьей, полупомешанные на пайках, одичалые и сонные. Не за что было нас кормить государству, и ничего мы не делали.

Впрочем, молодые не унывали, особенно Виктор Борисович Шкловский, задорнейший и талантливейший литературный критик нового Петербурга, пришедший на смену Чуковскому, настоящий литературный броневик, весь буйное пламя, острое филологическое остроумие и литературного темперамента на десятерых. Он, как настоящий захватчик, утвердился революционным порядком в елисеевской спальне с камином, двуспальной постелью, киотом и окнами на Невский.

На него было любо смотреть, и елисеевская бывшая челядь его уважала и боялась. Вот он возвращается с огромным мешком картона на спине из экспедиции по дрова. Комнаты нам недотапливали, зато тут же в доме находились девственные залежи топлива: брошенный банк, около сорока пустых комнат, где по колено навалено толстых банковских картонов. Ходи, кому не лень, но мы не решались, а Шкловский, бывало, пойдет в этот лес и вернется с несметной добычей. Затрещит затопленный канцелярским валежником камин, а хозяин разбросает по глянцевитым ломберным елисеевским столам, и на кровати, и на стульях, и чуть ли не на полу листочки с выписками из Розанова и начнет клеить свою удивительную теорию о том, что Розанов писал роман и основал новую литературную форму.

Приехала к нам и Мариетта Шагинян, прямо из Ростова, со своей монашеской глухотой, не от мира сего, вернее, не от нашего петербургского мира. Ее засмеяли, когда она, единственная из всего населения Дома искусств, вышла на чистку снега, скромную трудовую повинность, возложенную на нас советской властью и встреченную, конечно, снобическим саботажем.

Вспоминаю я моего соседа по Камчатке бывших меблированных комнат, куда сплавили нас за неимением места в хоромах Дома искусств, – поэта Владислава Ходасевича, автора «Счастливого домика», чей негромкий, старческий, серебряный голос за двадцатилетие его поэтического труда подарил нам всего несколько стихотворений, пленительных, как цоканье соловья, неожиданных и звонких, как девический смех в морозную ночь.

Это была суровая и прекрасная зима двадцатого–двадцать первого года. Последняя страдная зима Советской России, и я жалею о ней, вспоминаю о ней с нежностью. Я любил этот Невский, пустой и черный, как бочка, оживляемый только глазастыми автомобилями и редкими, редкими прохожими, взятыми на учет ночной пустыней. Тогда у Петербурга оставалась одна голова, одни нервы.

Тяжело мне в моей шубе, как тяжела сейчас всей Советской России случайная сытость, случайное тепло, нехорошее добро с чужого плеча. Я спешу пройти в ней поскорее мимо окна гастрономического магазина, спешу рассказать знакомым, что заплатил за нее недорого, но больше всего мне совестно за мою шубу перед старушонкой, что ютится на кухне нашей квартиры, которая нарочно ездила прошлой осенью в Москву за вещами после покойного сына, на обратном пути добрые люди посоветовали ей сдать вещи в багаж, и у нее выкрали из багажа весь ее жалкий скарб, всё, буквально всё, заработанное за всю жизнь.

Холодное лето

Четверка коней Большого театра... Толстые дорические колонны... Площадь Оперы – асфальтовое озеро, с соломенными вспышками трамваев, уже в три часа утра разбуженное цоканьем скромных городских коней...

Узнаю тебя, площадь Большой Оперы, – ты пуповина городов Европы, и в Москве – не лучше и не хуже своих сестер.

Когда из пыльного урочища «Метрополя» – мировой гостиницы, где под стеклянным шатром я блуждал в коридорах улиц внутреннего города, изредка останавливаясь перед зеркальной засадой или отдыхая на спокойной лужайке с плетеной бамбуковой мебелью, я выхожу на площадь еще слепой, глотая солнечный свет, мне ударяет в глаза величавая явь Революции, и большая ария для сильного голоса покрывает гудки автомобильных сирен.

Маленькие продавщицы духóв стоят на Петровке, против Мюр-Мерилиза, – прижавшись к стенке, целым выводком, лоток к лотку. Этот маленький отряд продавщиц – только стайка. Воробьиная, курносая армия московских девушек: милых трудящихся – машинисток, цветочниц, голоножек, – живущих крохами и расцветающих летом...

В ливень они снимают башмачки и бегут через желтые ручьи, по красноватой глине размытых бульваров,

прижимая к груди драгоценные туфельки-лодочки – без них пропа́сть: холодное лето. Словно мешок со льдом, который никак не может растаять, спрятан в густой зелени Нескучного, и оттуда ползет холодок по всей лапчатой Москве...

Вспоминаю ямб Барбье: «Когда тяжелый зной прожег большие камни». В дни, когда рождалась свобода – «эта грубая девка, бастильская касатка», – Париж бесновался от жары, но жить нам в Москве, сероглазой и курносой, с воробьиным холодком в июле...

А я люблю выбежать утром на омытую светлую улицу через сад, где за ночь намело сугробы летнего снега, перины пуховых одуванчиков, – прямо в киоск, за «Правдой».

Люблю, постукивая пустым жестяным бидоном, как мальчишка, путешествовать за керосином не в лавку, а в трущобу. О ней стоит рассказать: подворотня, потом налево, грубая, почти монастырская лестница, две открытых каменных террасы; гулкие шаги, потолок давит, плиты разворочены; двери забиты войлоком; протянуты снасти бечевок; лукавые заморенные дети в длинных платьях бросаются под ноги – настоящий итальянский двор. А в одно из окошек из-за кучи барахла всегда глядит гречанка красоты неописуемой, из тех лиц, для которых Гоголь не щадил трескучих и великолепных сравнений.

Тот не любит города, кто не ценит его рубища, его скромных и жалких адресов, кто не задыхался на черных лестницах, путаясь в жестянках, под мяуканье кошек, кто не заглядывался в каторжном дворе Вхутемаса на занозу в лазури – на живую, животную прелесть аэроплана...

Тот не любит города, кто не знает его мелких привычек: например, когда пролетка взбирается на горб Камергерского, обязательно, покуда лошадь идет шагом, за вами следуют нищие и продавцы цветов...

На большой трамвайной передышке, что на Арбате, – нищие бросаются на неподвижный вагон и собирают свою

дань, но, если вагон идет пустой – они не двигаются с места, а, как звери, греются на солнце под навесом трамвайных уборных, и я видел, как слепцы играли со своими поводырями.

А продавцы цветов, отойдя в сторонку, поплевывают на свои розы.

Вечером начинается игрище и гульбище на густом, зеленом Тверском бульваре – от Пушкина до тимирязевского пустыря. Но до чего много неожиданностей таят эти зеленые ворота Москвы!

Мимо вечных несменяемых бутылок на лотерейных столиках, мимо трех слепеньких, в унисон поющих «Талисман», к темной куче народа, сгрудившейся под деревом...

На дереве сидит человек, одной рукой поднимает на длинном шесте соломенную кошелку, а другой отчаянно трясет ствол. Что-то вьется вокруг макушки. Да это пчелы! Откуда-то слетел целый улей с маткой и сел на дерево. Упрямый улей коричневой губкой висит на ветке, а странный пасечник с Тверского бульвара всё трясет и трясет свое дерево и подставляет пчелам кошелку.

Хорошо в грозу в трамвае «А» промчаться зеленым поясом Москвы, догоняя грозовую тучу. Город раздается у Спасителя ступенчатыми меловыми террасами, меловые горы врываются в город вместе с речными пространствами. Здесь сердце города раздувает меха. И дальше Москва пишет мелом. Всё чаще и чаще выпадает белая кость домов. На свинцовых досках грозы – сначала белые скворешники Кремля и, наконец, безумный каменный пасьянс Воспитательного дома, это опьяненье штукатуркой и окнами, правильное, как пчелиные соты, накопление размеров, лишенных величья.

Это в Москве смертная скука прикидывалась то просвещеньем, то оспопрививаньем, – и как начнет строиться, уже не может остановиться и всходит опарой этажей.

Но не ищу следов старины в потрясенном и горючем городе: разве свадьба проедет на четырех извозчиках –

жених мрачным именинником, невеста – белым куколем, разве на середину пивной, где к «Трехгорному» подают на блюдечке моченый горох с соленой корочкой, выйдет запевала, как дюжий диакон, и запоет вместе с хором черт знает какую обедню.

Сейчас лето, и дорогие шубы в ломбарде – рыжий, как пожар, енот и свежая, словно только что выкупанная, куница рядком лежат на столах, как большие рыбы, убитые острогой...

Люблю банки – эти зверинцы менял, где бухгалтеры сидят за решеткой, как опасные звери...

Меня радует крепкая обувь горожан и то, что у мужчин серые английские рубашки, и грудь красноармейца просвечивает, как рентгеном, малиновыми ребрами.

Сухаревка

Сухаревка не сразу начинается. Подступы к ней широки и плавны, и постепенно втягивает буйный торг в свою свирепую воронку. Шершавеет мостовая, буграми и ухабами вскипает улица. Видно, невтерпеж румяной бабище-торговле – еще к себе не привела, а уже раскидала свои манатки прямо на крупной мостовой: книжки веерами, игрушки, деревянные ложки – что полегче и в руках не горит, – пустяки, равнодушный товар...

На отлете базара сидят на кочках цирюльники, чисто и крепко бреют двужильных страстотерпцев. Табуретки что каленые уголья, – а не вскочишь, не убежишь.

Под самой Сухаревой башней, под башней-барыней, из нежного и розового кирпича, под башней-индюшкой, дородной, как сорокапятилетняя государыня, к чахлому деревцу привязана холмогорская корова. Когда строили башню, кончался огородный XVII век. Построил ее Петр с перепугу, вывел на огородной земле диковинную гражданскую постройку: не цейхгауз, не каланчу, а нечто сухопутное до мозга костей, где обучали морскому делу.

Сухаревка – земля огородная. Ничего, что ее затянуло камнем, под ним чувствуется скупой и злой московский суглинок, и торговля бьет из-под земли, как порождение самой почвы.

Дикое зрелище – базар посередине города: здесь могут разорвать человека за украденный пирог и будут

швыряться им, как резиновой куклой – до кровавой пены; здесь люди – тесто, а дрожжи – вещи, и хочешь не хочешь, а будут тебя месить чьи-то загребистые руки.

Как широкая баба, навалится на тебя Сухаревка – недаром славится Москва «своих базаров бабьей шириной»; плещется злой мелководный торг в зелено-желтых трактирных берегах; слева же подковой разбежался пустой шереметевский двор, здание легкое, крылатое, как белая девическая ступня.

Базар, как поле, засеянное вразбивку то рожью, то овсом, то гречью, – размежеван, разлинован, изрезан тропинками, и, закрыв глаза, по запахам, по испарениям можно сказать, какие грядки ты проходишь. То запах свежей убоины мускусом и здоровьем ударяет в голову, нестрашный запах животных трупов, – потому что мы не хотим понимать его значения; то квадратный запах дубленой кожи, запах ярма и труда, – и тот же, но смягченный и плутоватый запах сапожного товара; то метелочкой петрушки и сельдерея защекочет невинный запах зеленных рядов и сытый и круглый запах рядов молочных.

Я видел тифлисский майдан и черные базары Баку, разгоряченные, лукавые, но в подвижной и страстной выразительности всегда человеческие лица грузинских, армянских и тюркских купцов, – но никогда не видел ничего похожего на ничтожество и однообразие лиц сухаревских торгашей. Это какая-то помесь хорька и человека, подлинно «убогая славянщина». Словно эти хитрые глазки, эти маленькие уши, эти волчьи лбы, этот кустарный румянец на щеку выдавались им всем поровну в свертках оберточной бумаги.

Говорят, муж от долгого сожительства становится похожим на жену. Если присмотреться – и купец похож на свой товар, всех спокойнее и благообразнее лабазники: всё текуче – один хлеб остается.

Лица мясников говорят о сметке первобытного хирурга, они сложнее, подвижнее, добродушнее: мускульная игра, неизбежно сопровождающая их работу, –

свежевание туши и рубка сплеча, на глазомер, наложила на них отпечаток.

Женщины-мануфактурщицы, торгующие булавочной мелочью, заострили лица и поджали тонкие губы.

И здесь отдыхаешь на смуглых и открытых лицах каких-то кавказских чертенят, ковыряющих ваксу с блаженным смехом.

Медленно раскачивается Сухаревка, входит в раж, пьянеет от выкриков, от хлыстовского ритуала купли-продажи. Уже кидает человека из стороны в сторону, только выбрался он из ручной толкучки, преследуем сомнительными двуногими лавками, как понесло его одним из порожистых говорливых ручейков и прибило к тупику, – и, оглушенный граммофонами, он уже шагает через горящие примусы, через рассыпанный на земле скобяной товар, через книги...

Книги. Какие книги. Какие заглавия: «Глаза карие, хорошие», «Талмуд и еврей», неудачные сборники стихов, чей детский плач раздался пятнадцать лет назад.

Тут же уголок, напоминающий пожарище, – мебель, как бы выброшена из горящего жилья на мостовую, дубовые, с шахматным отливом столы, ореховые буфеты, похожие на женщин в чепцах и наколках, ядовитая зелень турецких диванов, оттоманки, рассчитанные на верблюда, мещанские стулья с прямыми чахоточными спинками.

Удивленный человек метнулся обратно – чуть не наступил на белую пену кружевных оборок, взбитых, как сливки, и, сам не зная как, очутился среди улья гармонистов, словно подыгрывающих к чьей-то свадьбе, разворачивая лады вежливым извиняющимся движением, так, что в воздухе висит гармонный плач.

Есть что-то дикое в зрелище базара – эти десятки тысяч людей, прижимающие к груди свое добро, как спасенного от огня ребенка. Базар всегда пахнет пожаром, несчастьем, великим бедствием. Недаром базары загоняют и отгораживают, как чумное место. Если дать волю базару, он перекинется в город и город обрастет шерс-

тью, а пока он напоминает о себе серой, неожиданной оберточной литературой, этими кульками и мешочками, которые оказываются то житием святого, то сборником диких анекдотов, то уставом какой-нибудь давно отжившей службы.

Но русские базары, как Сухаревка, особенно жестоки и печальны в своем свирепом многолюдстве. Русского человека тянет на базар не только купить и продать, а чтобы вываляться в народе, дать работу локтям, поневоле отдыхающим в городе, подставить спину под веник брани, божбы и матерщины; он любит торговые петушиные бои и крепкое слово, пущенное вдогонку. В городе говорят лениво – разговаривают. Здесь речь, говорок – средство защиты и нападения, словно ручной хорек шныряет под лавками; базарная речь, как хищный зверек, сверкает маленькими белыми зубками.

Такие базары, как Сухаревка, возможны лишь на материке – на самой сухой земле, как Пекин или Москва; только на сухой срединной земле, которую привыкли топтать ногами, возможен этот свирепый, расплывающийся торг, кроющий матом эту самую землю.

Несколько пронзительных свистков – и всё прячется, упаковывается, уволакивается, и площадь пустеет с тою истерической поспешностью, с какою пустели бревенчатые мосты, когда по ним проходила колючая метла страха.

Возвращение

В августе девятнадцатого года ветхая плоскодонная баржа, которая раньше плавала только по Азову, тащила нас из Феодосии в Батум. Хитрый полковник дал нам визы и отпустил к веселым грузинам, твердо рассчитывая получить нас обратно, ибо, как потом оказалось, были сделаны самые хозяйственные распоряжения на этот счет. Чистенькая морская контрразведка благословила наш отъезд. Мы сидели на палубе вместе с купцами и подозрительными дагестанцами в бурках, пароход уже отчалил, обогнул феодосийский мол, но забыл свою подорожную и вернулся обратно. Никогда больше мне не встречалось, чтобы пароход что-нибудь забывал, как рассеянный человек.

Пять суток плыла азовская скорлупа по теплому соленому Понту, пять суток на карачках ползали мы через палубу за кипятком, пять суток косились на нас свирепые дагестанцы: – Ты зачем едешь? – У меня в Тифлисе родные. – А зачем они в Тифлисе? – У них там дом. – Ну, ничего, поезжай, всяк человек свой дом имеет. На, пей, – и протягивал стаканчик с каким-то зверобоем, от которого делались судороги и молния раздирала желудок.

Вечером на пятый день пришли в Батум, стали на рейде. Город казался расплавленным и раскаленным массой электрического света, словно гигантское казино,

горящее электрическими дугами, светящийся улей, где живет чужой и праздный народ. Это после облупленной полутемной Феодосии, где старенькая Итальянская улица, некогда утеха южных салопниц, где Гостиный двор с колоннадкой времен Александра I, и по ночам освещены только аптеки и гробовщики. Утром рассеялось наваждение казино и открылся берег удивительной нежности холмистых очертаний, словно японская прическа, чистенький и волнистый, с прозрачными деталями, карликовыми деревцами, которые купались в стеклянном воздухе и, оживленно жестикулируя, карабкались с перевала на перевал. Вот она, Грузия! Сейчас будут пускать на берег.

На берег сойти не мешают, только какие-то студенты, совсем такие, как у нас распорядители благотворительных вечеров, почему-то всегда это были грузины, отобрали на сходнях паспорта: дескать, всегда успеете их получить, а нам так удобнее. Без паспортов в Батуме было ничуть не плохо. Зачем паспорта в свободной стране?

Нигде человек не окажется бездомным. Мы опекали в дороге двух почтенных старушек, выгружали их замысловатый многоместный багаж, и вот мы в кругу уютной батумской семьи, душой которой является «дядя». Этот дядя, собственно, живет в Лондоне и едет сейчас в Константинополь, – он такой кругленький и приятный, от него так пахнет английским мылом и табаком «Capstan», будто сам биржевой курс принял образ человека и сошел на землю сеять радость и благоволение между людьми. После обеда симпатичное семейство отпустило нас в город. Ничто не сравнится с радостным ощущением, когда после долгого морского пути земля еще плывет под ногами, но все-таки это земля, и смеешься над обманом своих чувств и топчешь ее, торжествуя.

Как иностранцы, мы, конечно, сразу попали впросак: долго спрашивали у прохожих, где кафе «Мацони», между тем так называется там по-итальянски простокваша и вывешена на каждой кофейне. Наконец мы нашли свое «Мацони» – дворик, усыпанный щебнем,

с зонтиками-грибами по столикам, и увенчали свой день чашечкой турецкого кофе с рюмкой жидкого золота – горячего мартеля. Здесь приключилась встреча. Долговязый Агнивцев, закованный в чудовищный серебряный браслет. Он спьяну полез целоваться, но, узнав, что мы едем в Москву, сразу помрачнел и исчез.

На другой день отправились получать паспорта, чтобы всё было в порядке. На самой чистенькой улице, где пахнет порядочностью, где остролистые тропические деревья стесняются, что они растут не в кадках, нас принял любезный комиссар и осведомился о наших намереньях. Мне показалось, что мы очаровали друг друга непринужденной искренностью и доброжелательством. Он вникал во всё, беспокоился, не потеряюсь ли я без друзей в чужой стране. Я старался его успокоить – у меня есть в Грузии друзья: называю простодушно Сергея Городецкого – он очень обрадовался, как же, как же, мы его знаем, мы его недавно выслали из Грузии; называю еще одно имя, кажется, Рюрика Ивнева, – он опять радуется: оказывается, они его тоже знают и тоже выслали. «Теперь, – говорит, – вам осталась одна маленькая формальность – получить визу генерал-губернатора, это совсем близко, вам сейчас покажут дорогу».

Пошли к губернатору, а у проводника карман оттопырен, – кто из нас был поопытнее, сразу оценил эту подробность, – этот карман означал как бы инкубационный период лишения свободы, но мы шли навстречу неизвестности с чистым и невинным сердцем. К генерал-губернатору нас провели без очереди, и это был дурной знак. Он похож на итальянского генерала: высокий и сухопарый, в мундире с стоячим воротником, расшитым какими-то лаврами. Вокруг него тотчас забегали, закудахтали, залопотали люди неприятной наружности. И в этом птичьем клекоте всё время повторялось одно понятное слово, сопровождаемое энергичным жестом и выпученными глазами: «болшевик», «болшевик».

Генерал объявил: – Вам придется ехать обратно. – Почему? – У нас хлеба мало. – Но мы здесь не остаемся,

мы едем в Москву. – Нет, нельзя, – у нас такой порядок: раз вы приехали из Крыма, значит, и поезжайте в Крым.

Дальнейшие разговоры были бесполезны. Аудиенция кончилась. Решение относилось к целой группе лиц, не знакомых друг с другом. Видимо, не доверяли, что мы сами поедем в Крым. Мы перешли на явно полицейское попечение. Полицейские же считали нас группой заговорщиков, связанных круговой порукой, и, когда один в суматохе убежал, с ножом к горлу приставали, куда скрылся наш товарищ.

В самой гуще батумского порта, около таможни, там, где грязные турецкие кофейни, попыхивая угольками, выбросили на улицу табуретки с кальянами и дымящимися чашками, там, где контора «Ллойд Триестино», там, где персы спят на своих сарпинках в прохладных лавках, где качаются фелюги и горят маки турецких флагов, где муши с лицами евангельских разбойников тащат на спине чудовищные тюки с коврами и мучные мешки, где молодые коммерсанты нюхают воздух, там возвышается ящик портового участка: внутри пассаж, бывшее торговое помещение, с одной только единственной камерой, на разведку, для всех высылаемых – «откуда и зачем приехал».

О тюрьмы, тюрьмы! Узилища с дубовыми дверями, громыхающими замками, где узник кормит и дрессирует паука и карабкается на амбразуру окна, чтобы выпить воздуха и света в маленьком крепком окошке; романтические тюрьмы Сильвио Пеллико, любезные хрестоматиям, с переодеванием, кинжалом в хлебе, дочерью тюремщика и визитами священника; милые упадочно-феодальные тюрьмы Франсуа Виллона, – тюрьмы, тюрьмы, все вы нахлынули на меня, когда захлопнулась гремучая дверь и я увидел следующую картину: в пустой и грязной камере по каменному полу ползал молодой турок, сосредоточенно чистил все щели и углы зубной щеткой. Ему очень не понравилось, что мы пришли и помешали ему, и он пробовал нас выгнать, хотя это было совершенно невозможно.

Здесь мы должны были ждать парохода, который доставит нас в Крым. Из окошка были видны нежные «японские» холмы, целый лес моторных парусников и пре[.....]

[.....] вооруженным спутником я пошел в русскую газету, но газета, как на грех, оказалась врангелевской, и там сказали: «Если вы не сделали ничего дурного, почему бы вам не ехать в Крым?» После долгих мытарств мы нашли другую, более подходящую газету. Редактор, увидев меня, всплеснул руками и позвонил по телефону какому-то «Веньямину Соломоновичу». Этот-то Веньямин Соломонович и оказался настоящим гражданским генерал-губернатором Чиквишвили, я же попал в лапы к его военному заместителю Мдивани. Человек с иконописным интеллигентским лицом и патриархальной длинной козлиной бородой усадил меня в кресло, прогнал часового лаконическим «Пошел вон» и тотчас, протягивая мне какую-то тетрадку, заговорил: «Ради бога, что вы думаете об этом произведении, этот человек нас буквально компрометирует». Тетрадка оказалась альбомом стихотворений поэта Мазуркевича, посвященных грузинским меньшевистским правителям. Каждое начиналось приблизительно так –

О ты, великий Чиквишвили,
О ты, Жордания, надежда всего мира...

«Скажите, – продолжал Чиквишвили, – неужели он у вас считается хорошим поэтом? Ведь он получил Суриковскую премию...» [.....]

Меньшевики в Грузии

I

Оранжерея. Город-колибри. Город пальм в кадках. Город малярии и нежных японских холмов. Город, похожий на европейский квартал в какой угодно колониальной стране, звенящий москитами летом и в декабре предлагающий свежие дольки мандарина. Батум, август 20-го года. Лавки и конторы закрыты. Праздничная тишина. На беленьких колониальных домиках выкинуты красные флажки. В порту десятка два зевак затерты администрацией и полицейскими. На рейде покачивается гигант Ллойд Триестино из Константинополя. Дамы-патронессы с букетами красных роз и несколько представительных джентльменов садятся в моторный катер и отчаливают к трехпалубному дворцу.

Сегодня лавочникам и воскресным буржуа приспичило посмотреть на самого Каутского. И вот катерок бежит обратно, и по деревянному мостику засеменили улыбающиеся вожди «настоящего европейского социализма». Цилиндры. Очаровательные модельные платья – и много, много влажных дрожащих красных роз.

Каждого гостя бережно, как в ватную коробку, усаживают в автомобиль и провожают восклицаниями. Одного из делегатов неосведомленная береговая толпа принимает за Каутского, но выясняется ошибка, и глу-

бокое разочарование: Каутский заболел; Каутский очень жалеет, шлет привет – приехать не может. Тут же передается другая версия: чересчур откровенный флирт грузинских правителей с Антантой оскорбил немецкие чувства Каутского. Все-таки Германия зализывала свежие раны... Зато приехал Вандервельде. Они уже стояли на балконе профсоюзного «Дворца труда». Вандервельде говорил. Я никогда не забуду этой речи. Это был настоящий образец официального, напыщенного и пустого, комического в своей основе красноречия. Мне вспомнился Флобер, «Мадам Бовари» и департаментский праздник земледелия, классическое красноречие префектуры, запечатленное Флобером в этих провинциальных речах с завыванием, театральными повышениями и понижениями голоса; влюбленный, влюбленный в свою декламацию буржуа, – а все, как один человек, чувствовали, что перед ними буржуа, – говорил: я счастлив вступить на землю истинной социалистической республики. Меня трогают (широкий жест) эти флаги, эти закрытые магазины, небывалое зрелище по случаю приезда социалистической делегации.

– Вы цивилизовали этот уголок Азии (как характерно сказалось здесь поверхностное невежество французского буржуа и презрение к старой, вековой культуре). Вы превратили его в остров будущего. Взоры всего мира обращены на ваш единственный в мире социалистический опыт.

II

За неделю до приезда Вандервельде в Батум пришел другой пароход. Не из Константинополя, а из Феодосии – маленькая плоскодонная, небезопасная на Черном море азовская баржа с палубными пассажирами, бывшими в пути семь дней. С этим пароходом приехали крымские беженцы. Родина Ифигении изнемогала под солдатской пятой. И мне пришлось глядеть на любимые, сухие, полынные холмы Феодосии, на киммерийское холмогорье из тюремного окна и гулять по выжженному дворику,

где сбились в кучу перепуганные евреи, а крамольные офицеры искали вшей в гимнастерках, слушая дикий рев солдат, приветствующих у моря своего военачальника.

В эти дни Грузия была единственной отдушиной для Крыма, единственным путем в Россию. Визы в Грузию выдавались контрразведкой сравнительно легко. Связь меньшевистской и врангелевской контрразведки была прочно налажена. Людьми бросались туда и обратно. Отпускали в Грузию для того, чтобы поглядеть, *куда* и *как* он побежит, а потом сгребали – и обратно в ящик.

Семь дней волновался тугой синий холст волн. На карачках ползали за кипятком. Дагестанцы в бурках угощали зверобоем. Хорошо из тюрьмы перейти прямо на корабль, в раздвижную палатку пространства с влажным ковровым полом.

На сходнях встречает студент, облеченный полномочиями. Вспомнились распорядители кавказских балов в Дворянском Собрании. – Ваш паспорт, – и ваш – и ваш! – полу́чите через три дня. Пустая формальность. – Почему не у всех? – Формальность. Дагестанцы в бурках глядят искоса.

В городе предупреждают: не ходите в советскую миссию – выследят и схватят. Не ходим. Поедем в Тифлис, все-таки столица. Город живет блаженной памятью об англичанах. Семилетние дети знают курс лиры. Все профессии и занятия давно стали побочными. Единственным достоянием человека считается торговля, точнее, извлечение ценностей из горячего, калифорнийского, малярийного воздуха. Меньшевистский Батум был плохой грузинский город.

Высокие аджарцы в бабьих платках, коренные жители, составляли низшую касту торговли мелочью на базарах. Густой разноплеменный сброд смешался в дружную торговую нацию. Все – грузины, армяне, греки, персы, англичане, итальянцы – говорили по-русски. Дикий воляпюк, черноморское русское эсперанто носилось в воздухе.

III

Через три дня после приезда я невольно познакомился с военным губернатором Батума. У нас произошел следующий разговор:

– Откуда вы приехали? – Из Крыма. – К нам нельзя приезжать. – Почему? – У нас хлеба мало. – Неожиданно поясняет: – У нас так хорошо, что если бы мы позволили, к нам бы все приехали. – Эта изумительно наивная, классическая фраза глубоко запечатлелась в моей памяти. Маленькое «независимое» государство, выросшее на чужой крови, хотело быть бескровным. Оно надеялось чистеньким и благополучным войти в историю, сжатое грозными силами, стать чем-то вроде новой Швейцарии, нейтральным и от рождения «невинным» клочком земли.

– Вам придется ехать обратно.

– Но я не хочу здесь оставаться, я еду в Москву.

– Всё равно. У нас такой порядок. Каждый едет туда, откуда он приехал.

Аудиенция кончена. Во время разговора по комнате шныряли темные люди и, жадно и восторженно указывая на меня, в чем-то убеждали губернатора. В потоке непонятных слов всё время выделялось одно: большевик.

Люди лежат на полу. Тесно, как в курятнике. Военнопленный австриец, матрос из Керчи, человек, который неосторожно зашел в русскую миссию, буржуа из Константинополя, юродивый молодой турок, скребущий пол зубной щеткой, белый офицер, бежавший из Ганджи. Офицера берет на поруки французская миссия. Турка выталкивают пинками на свободу. Остальных – в Крым. Нас много. Ничем не кормят, как в восточной тюрьме. Кое у кого есть деньги. Стража благодушно бегает за хлебом и виноградом. Раскрывают дверь и впускают рослого румяного духанщика с подносом персидского чаю. Читаю нацарапанные надписи, одна запомнилась: «Мы бандитов не боимся пытки, ловко фабрикуем Жордания кредитки». Одного выпускают. Он по глупости опять заходит в советскую миссию, на другой день возвращается обратно. Похоже на фарс, на какую-то оперетку. С

шутками и прибаутками людей отправляют туда, где их убьют, потому что для крымской контрразведки грузинская высылка – высшая улика, верное тавро. Я вышел в город за хлебом, с спутником-конвойным. Его звали Чигуа. Я запомнил его имя, потому что этот человек меня спас. Он сказал: – У нас два часа времени, можно хлопотать, пойдем куда хочешь. – И таинственно прибавил: – Я люблю большевиков. Может, ты большевик?

Я, оборванец каторжного вида, с разорванной штаниной, и часовой с винтовкой ходили по игрушечным улицам, мимо кофеен с оркестрами, мимо итальянских контор. Пахло крепким турецким кофе, тянуло вином из погребов. Мы заходили, наводя панику, в редакции, профсоюзы, стучались в мирные дома по фантастическим адресам. Нас неизменно гнали. Но Чигуа знал, куда меня ведет, какой-то человек в типографии всплеснул руками и позвонил по телефону. Он звонил к гражданскому генерал-губернатору. Приказ: немедленно явиться с конвойным. Старый социал-демократ смущен. Он извиняется. Военная власть действует независимо от гражданской. Мы ничего не можем поделать. Я свободен. Могу курить английский табак и ехать в Москву.

Перегон Батум–Тифлис. Мальчики и девочки продают в корзинках черный виноград-изабеллу – плотный и тяжелый, как гроздья самой ночи. В вагоне пьют коньяк. Разгоряченная атмосфера пикника и погони за счастьем. Вандервельде с товарищами уже в Тифлисе. Красные флажки на дворцах и автомобилях. Тифлис, как паяц, дергается на ниточке из Константинополя. Он превратился в отделение константинопольской биржи. Большие русские газеты полны добродушья и мягкой терпимости, пахнет «Русским Словом», двенадцатым годом, как будто ничего не случилось, как будто не было не только революции, но даже мировой войны.

Первая Международная крестьянская конференция

Набросок

Горой пухнет лестница, ведущая в Андреевский зал, и упирается в лубочную живопись: Александр III принимает волостных старшин. Огромное полотно, царь, похожий на лихача, окруженный старшими дворниками в поддевках и бляхах и коронационными бурятами.

Мимо этого музейного сокровища, туда, где непомерно-высокий зал с бальным светом приютил отважных разноязычных друзей, собравшихся к нам в гости для крепкой беседы.

Первое впечатление – именно беседы, а не «заседания». Многие встали с мест и облепили переводчика. Тот, с акцентом немецкого волжского колониста, перекладывает только что сказанную иностранную речь. Двое или трое слушают его по-крестьянски, вытянув голову, всем корпусом наклонившись.

А рядом та же речь журчит в английском пересказе, и, уже не вставая с мест, хладнокровно слушают американские фермеры и индусы, японцы.

Говорит финский оратор. На широких плечах неуклюже, по-воскресному сидит мешковато пиджак. Он говорит взволнованно и глубоко дыша, как будто у себя

перед финской аудиторией, с высоко поднятой крупной головой.

Говорит поляк, подыскивая русские выражения; ему не хватает слов, и с крестьянского стола летит дружеский подсказ.

Гляжу на китайских делегатов. Ясно мне представляется огромный жизненный путь этих маленьких людей со спичечным худым телом и матовыми бледными лицами изможденных студентов. Европейская одежда кажется на них пустой, до того в них мало плоти и всё ушло в беспокойную мысль, в огромное деятельное напряжение.

Сразу узнаю французских южан. Гасконцев и провансальцев: виноградари с эспаньолками и буйными артистическими шевелюрами.

Врожденное изящество и благородство движений древнего индусского народа отличает представителей индусов.

Рядком за последним столом уселись русские делегатки, пожилые женщины в черных косынках с материнскими строгими лицами. Делегаты – российские крестьяне тянутся к листкам раздаваемых тезисов. Видно, как им хочется подойти поближе к чужестранцам. Они подсаживаются к ним, разглядывают их с ласковым любопытством.

Среди французской делегации мелькают лица, как бы вышедшие из галереи Парижской коммуны. Это большеголовые бородачи, с упрямыми лбами мыслителей, философы действия, незаметно переходящие из кабинета на баррикады.

Центр тяжести для всех работа у себя дома, и все волнуются о том, как выйдет дома у них то, о чем здесь говорится. Южанин француз, финн, поляк, норвежец – все говорят с оглядкой на свое домашнее, и в голосе нота стыда за своих братьев, если они равнодушны или превращены в холопов.

Состав конференции очень пестрый. Здесь есть люди, только что вышедшие из массы и еще теплые от прикосновения к ней, есть крупные деятели, организа-

торы европейского масштаба, но под каждым шевелится своя крестьянская глыба, и все хотят поднять одну огромную тяжесть.

Вдруг после разговора с человеком земли переносишься как бы в аудиторию германского университета и слышишь расчлененную, отточенную и методическую речь.

Непонимающие уходят в кулуары и гурьбой возвращаются назад послушать переводчика. Географии не соблюдают, перепутались местами. Почтительным вниманием, как ласковая бабушка, окружена гостья конференции Клара Цеткин. Этим людям есть что друг другу сказать. Вот китаец положил руку на плечо молодого мексиканца. Оба удивленные и обрадованные.

В кулуарах треплется маленькая реликвия: свежая августовская афиша пролетарской ассоциации искусств, изгнанной фашистами из Баварии и перекочевавшей в город Иену.

Международная крестьянская конференция

Здание Коминтерна на Воздвиженке; о, это не парадные хоромы! Низкие потолки, крошечные комнатки, дощатые перегородки... Хлопает дверца, и черная лестница, и еще дверца, и еще черная лестница. Клетушки, переходы, домашняя теснота... Я в дощатом закутке у англичанина... Нам непривычна болезненная вежливость европейца... Это у них в крови. Ведь это искусство – сделать социально-приятными мелкие, ежедневные сношения... Тут же в тирольской шляпе, в толстом зеленом пальто сидит типичный фермер. Косматые брови насуплены, кажется упрямым маленький лоб – лоб и тот зарос волосами. Для него пишут какое-то письмо... Он долго держит его в руках, говорит: «супер флю» (не нужно) и, возвратив обратно, продолжает сидеть молча...

На кремлевском дворе тихо после московской улицы. Огибаем Кавалерский корпус... Гулко звучат шаги по каменным площадкам... Автомобилям не вытоптать здесь травку. Здесь играют дети, а рядом, прохаживаясь по пустому тротуару, тихо и важно беседуют о государстве и революции.

В Андреевский зал, где крестьянская конференция, ведет пухлая дворцовая, с мелкими ступеньками, лестница. На верхней площадке картина: Александр III,

похожий на лихача, и волостные старшины, типы старших дворников в поддевках, с медалями и бляхами...

Мимо этого печального произведения искусства – в зал конференции... Слишком просторно даже для 10–12 длинных, крытых красным сукном столов... Непринужденно шумит и двигается маленькая рабочая семья конференции под огромным шатром Андреевского зала. Входя, я услышал русскую речь с добро-советским акцентом волжского колониста-немца. То волжанин-немец переводил русским крестьянам немецкое слово... Крестьяне слушали по-мужицки – истово, вытянув шею... Мне показалось, что я пришел на перерыв. Рядом кто-то читал по-английски, гораздо тише и сдержаннее... Монгол в полосатом халате и бурят – сидели одиноко за последним столом.

На трибуне я заметил голову, которая показалась мне центральной по крупной выразительности и значительности своей. То был председатель Вуазей, из французской делегации... Настоящий «большеголовый», широкое лицо с лопатой бороды – словно с галереи Парижской коммуны сошел этот философ действия, серьезный и спокойный.

Слишком большой звонок, как бы маленький медный колокол, стоял перед ним, но ему не приходилось призывать к порядку. Другая фигура невольно меня поразила и тронула – был финский делегат: его большая сутулая фигура, его мешковатый «воскресный» пиджак, его манера говорить (он говорил по-фински), горячая и убедительная, будто *все должны его понять*. От него дышало трогательной верой в свое дело, какой-то чудесной у скандинавского революционера нравственной силой.

Поляк и финн сделали сообщения с мест. Оба рассказали про ложь и кабалу своей страны как про нечто временное и, говоря, как бы в темноте нащупывали Советскую Россию. То была страшная повесть цифрами и кровью...

Прямо против Вуазея сидели французы-южане, должно быть гасконцы и провансальцы, виноградари,

ставшие революционерами. Их семья казалась театрально темпераментной. Эспаньолки, буйные шевелюры... Будто села на скамью вся европейская романтика заговора и революции! Так живуч национальный физический тип. Но они не романтики и не заговорщики – они хотят быть научными революционерами и прислушиваются к осторожным и точным указаниям марксизма. Революция среди крестьян! Ее тяжелый шаг, ее трезвый взгляд, ее холодная осторожность!

Варга, венгерский делегат, автор «тезисов», олицетворяет эти качества. Европеец до мозга костей, нервный и сухой, невероятно подвижный, – он хлопочет о самом важном: о связи, о единстве. Гасконец Жаро, может быть чересчур осторожный, предлагает для Франции поправку: смягченную форму религиозной свободы.

Варга умело подготовляет отклонение поправки. За ним железный авторитет Вуазея. Еще раз окидываю взглядом конференцию: два-три пестрых, ярко-шелковых халата, молодые китайцы, похожие на изможденных экзаменами студентов, с тонкими матовыми лицами, с худым спичечным телом, в европейской одежде, русские делегатки в темных косынках уселись в сторонке, матерински-строгие и скромные, мексиканцы – коричневые, огненные, любящие опасность и действия, путешественники, и русские крестьяне, с ласковым любопытством глядящие на иностранцев. На трибуне Наркомзем Теодорович. Он говорит с жаром молодого ученого перед мировым университетом. Чудесная, ясная лекция по крестьянскому вопросу в России, от Болотникова и Пугачева до наших дней, выпуклая, насыщенная исторической правдой. Все понимающие по-русски заслушались, и, как военная палатка, раскинулся внезапно причудливый университет.

Севастополь

Схлынула волна приезжих. Закрылись самые дорогие рестораны. Опустел Приморский бульвар. Севастополь предоставлен самому себе, чистенький, раскидавший от кургана до кургана старые военные постройки, пакгаузы, дома с колонками, казармы и памятники.

Севастополь – приемник всей курортной волны. Скорые поезда выбрасывают на маленькую площадь из одноэтажного белого вокзала массу пассажиров; их подхватывают хищники-автомобили, скромные линейки, обтянутые полотном. Крошечный трамвай мчится в гору, и сразу проникаешься атмосферой маленького города:
– У вас, гражданка, нет мелочи, – говорит кондуктор, – ну, ничего: в следующий раз заплáтите.

Кажется, в Севастополе не было построено ни одного нового здания с самой осады: те же самые пузатые дома, толстые стены, колонки, маленькие окна, балкончики и завитушки. Он сохранил внешний вид полумещанского, полувоенного приморского городка.

В магазинах всё продают втридорога, гораздо дороже московского. Это всё для приезжих; местный житель идет на базар, подошедший вплотную к зеленой, пропитанной нефтью морской воде. Здесь бесчисленные парикмахерские с живописными восточными вывесками тщетно ждут клиентов, стучат кости домино в турецкой

кофейне, пышет жаром, как доменная печь, булочная, работающая на мазутном огне.

Единственная газета в городе – газета военмора «Аврал». Энергичный листок, умеющий находить крепкие слова, всегда простые и сильные, для домашнего военморского быта, типичная «своя» газета, подошедшая вплотную к своему читателю.

Татарское население в городе – меньшинство. Возле базара приютился скромный татарский клуб. Здесь разучивают на стареньком фортепиано национальные мелодии, ставят злободневную оперетку; оживленно хлопочут молодые деятели татарского театра в маленьких барашковых шапках, с упрямыми скуластыми лицами и косыми глазами.

Уже свечерело, когда я подходил к освещенному зданию Морского собрания. Происходило общее собрание союза грузчиков. На скамейках плотными рядами сидели рабочие в пропыленных мукой широких блузах, все один к одному, как из камня обтесанные, массивные фигуры, молчаливые и сдержанные. Президиум из трех с величайшим напряжением старался овладеть аудиторией, которая тяжело ворочала свою думу, плохо верила, туго поддавалась.

– Вы не смотрите, товарищи, что в Керчи и в Феодосии были приняты высшие ставки, – говорил председатель. – Надо думать, чтобы нам всем не надорваться. Нельзя заставить государство платить через силу: нам же хуже будет.

И с трудом проникали веские слова в сознание слушателей. Из грузного, но внимательного собрания по временам слышались недоверчивые возгласы, иронические вопросы.

Особенно досталось правлению за кассу взаимопомощи: грузчики никак не могли согласиться с тем, что нельзя распылять ссуды, и попрекали кассу покойником, которого не удалось вовремя похоронить из-за невыдачи ссуды. Когда принимали отчет правления, в голосовании участвовали далеко не все – подавляющее меньшин-

ство, остальные воздерживались и думали свою тяжелую думу. Видно было, какого колоссального труда стоит деятелям местного профсоюза поднять глыбу этих силачей, завоевать их доверие; и все-таки это им удается, и словно стальные канаты протягиваются между организатором и массой.

Гордость Севастополя – «Институт физического лечения». Этот великолепный дворец может составить славу любого мирового курорта. Белоснежные сахарно-мраморные ванны, огромные комнаты для отдыха, читальни с бамбуковыми лежанками, настоящие термы, где электричество, радий и вода бьются с человеческой немощью. Никаких очередей, быстро и вежливо обслуживают массу пациентов.

«Институт физического лечения» – настоящее сокровище Севастополя. Он мог бы обслуживать гораздо больше больных, приходящих, конечно, если бы только им было где жить. Для того, чтобы институт мог развернуть свою огромную пропускную способность, необходимо дать возможность приходящим больным, приезжим, устраиваться около института. Лечение в севастопольском институте для многих гораздо полезнее, чем пребывание в санаториях Южного берега, где отсутствует великолепное оборудование института.

Лечебное будущее Севастополя в связи с институтом – всё впереди.

Крымские впечатления

Когда-то у эмира было пять собственных экипажей, он был поставщиком роскошных дач, десятками десятин считались его виноградники.

Сейчас он глядит смиренно, жалуется, кряхтит, но смотрит лисой. Он уже забрал в свои руки поставку винограда и фруктов на всю окрестность, снарядил пару линеек, купил в Севастополе баркас для рыбной ловли, и – странное дело – сын его в исполкоме, и он за сыном спокоен.

Эти эмиры – превосходные организаторы. Они любят действовать под флагом артели и кооперации.

На южном побережье работает несколько артелей виноградных товариществ. Старые прессы починены и пущены в ход, течет крепкое сусло, работают опытные мастера, выходцы из Южной Европы в синих блузах, уже настоящие крымчаки.

Но превратить свой виноград в вино, послав его в артель виноделов, – нелегкое дело для среднего крестьянина.

Ему трудно подняться. Прежде всего, он физически ослаб и, не пользуясь наемным трудом, не мог как следует перекопать своего виноградника; поэтому сорта винограда у него невысоки, культура страдает. Со всех сторон слышны разговоры о необходимости образования

настоящих артелей трудовых виноградарей, происходят совещания, где достать кредит.

Масса татарского крестьянства совершенно переродилась за последние годы.

Дети до сих пор очень плохо оправились от последствий недоедания. Золотуха, коклюш, рахитические заболевания, всяческие язвы на почве истощения. Они, как зверьки, бегают по улицам, радуются солнцу, выздоравливают, но за ними нужен крепкий уход, а родители дать его не могут.

Нередко можно наблюдать сильнейшую семейную вражду между хозяйством, которое оправилось, и хозяйством, которое пришиблено вконец.

Брат Абдул скупил у Ибрама в голодные годы все его виноградники и вышитые одеяла, и чадры, и подушки – всё то, чем гордится татарский дом, что бережно прячется как приданое в чистый стеклянный шкап.

Для нового быта характерно такое явление. Мулла, отправляющий свои религиозные службы, в то же время занимается извозом, как обыкновенный извозчик.

Иронически рассказывают, что напрасно он скликает с минарета свою паству. Всё равно никто не идет.

То, чему в Крыму необходимо помочь, что составляет его больное место и в то же время важнейшее средство исцеления, – это кооперация. Кооперативы, по общему признанию, из рук вон плохи. Население настолько мало уважает кооперацию, видя дурные примеры, что относится к ней как к обычному частному торговому предприятию – с недоверием и опаской. Кооператив старается обслуживать не местное население, а исключительно состоятельных приезжих. Здесь спекулируют на червонце, не держат нужных предметов первой необходимости, и о кооперации крымчак-татарин часто говорит с раздражением и пренебрежением.

Во всяком случае, расслоение крестьянской массы идет полным ходом. Союзниками выздоравливающих низов являются кооперация и школа. Татарская школа, несмотря на исключительно скромный бюджет Нарком-

проса, во всех отношениях впереди местной русской, которая подчас стоит подолгу пустая, с выбитыми стеклами. Следует отметить, что крымская школа получила на днях от центра довольно крупную кредитовку и сумеет в ближайшем будущем обслужить население, которое относится к ней с ревнивой любовью.

Пивные

Сухопарый сгорбленный старик с козлиным лицом и оловянными бляхами глаз, неверной походкой, нагибаясь и покачиваясь, вылез из маленькой стеклянной дверцы отдельного кабинета и невидящим глазом окинул пивную. При его входе всё стихло. Головы повернулись. Завсегдатаи объясняли новичкам: тридцать лет поет, всю программу знает. Вслед за ним вышел хор и аккомпанемент. Два гармониста в скрипучих сапогах и русских рубахах – просто парни с ярмарки – уселись на скамье, усердно качаясь, растягивали и собирали свою жалобную пищалку. По бокам, по двое в профиль к публике окаменели певцы. Старик управлял хором. Подвижное хитрое лицо подмигивало, глаза щурились, указательный палец выразительно вытягивался, голова нервно качалась.

Это была его привилегия – козлиная выразительность. Остальные не шелохнулись.

Свой репертуар, свои привычки, свой давний обычай каменной выразительности. Маленький ресторанчик, не для публики из городского центра, а для окраин, для подмастерий и мелких дельцов. Во всех городах, во всех странах вас зовут по-особому. И крепко держатся ваши обычаи.

Посетители хорохорятся, грудь колесом, за свои деньги. – Эй, дайте бумаги. – Вам для чего, для дела или между собой посчитаться? Между собой посчитаться –

это главный нерв пивной, ее настоящая деловая душа. Здесь не любят начинать дел. Здесь любят их кончать. Это не биржа, а «дом отдыха» и последний акт трубных и сухаревских сделок. В пивную приходят «обдумать дело» и между собой посчитаться.

Ряд мелких судебных процессов за последнее время указывает на пивную как на место, где созревала мысль о преступлении, происходил сговор, обсуждались подробности.

Сюда мещанин, запутавшийся, подавленный лицемерием и несчастьями, ревностью, банкротством, приходит набираться храбрости «на поступок».

Восклицания певцов, самоуверенные пьяные голоса, чад, звон, угар – всё это взвинчивает слабую тщедушную волю, и смотришь, под низким упрямым лбом уже созрела мысль: или вернуться домой, шатаясь, с вымышленным рассказом о грабителях, или разжалобить кредиторов потоплением в Чистых Прудах, или выкрасть из суда с помощью «верного человека» неприятное дело. Между седыми столиками, как зверек, шныряют плутня и взятка.

В грузинском духане с того столика, где остановятся музыканты, должен обязательно встать гость и проплясать лезгинку. Такой обычай.

Но русский хор не вмешивается в домашнюю жизнь историка. Хочешь слушай, хочешь нет. Он каменный – никаких интимностей, никаких предложений, спел и ушел в стеклянную дверь – допивать остатки пива.

Где сейчас лубки, куда перешли они со стен московских трактиров? Где машина «орган»? Это вывелось; всё больше ресторанов, всё меньше трактиров, всё чаще стакан вместо «пары чая». Только пивные еще придерживаются старых обычаев, но уже и в них часто каменные лица хора сменяются бойким актерским заигрыванием, и вместо «Не даром поэты...» – полугусарский, полуопереточный репертуар.

Армия поэтов

I. И их сотни тысяч...

Во французских гимназиях-лицеях в число предметов обучения входит версификация – писание стихов. Французские мальчики упражняются в писании александрийских двенадцатисложников по старому испытанному рецепту.

Во французской гимназии вряд ли представляют себе другую поэзию, кроме официальной; юноши получают венки и награды за «академические» стихи – внешне грамотные, на самом деле глубоко фальшивые и пораженные крупнейшими недостатками.

Очевидно, эта школьная учеба отбивает вкус к сочинению стихов, и молодое поколение, среднебуржуазный юноша, выходя из гимназии, отряхивает с себя поэтическую пыль вместе с учебниками.

В России юношеское сочинение стихов настолько распространено, что о нем следовало бы говорить как об огромном общественном явлении и изучать его, как всякое массовое, хотя бы и бесполезное, но имеющее глубокие культурные и физиологические причины производство.

Знакомство, хотя бы и поверхностное, с кругом пишущих стихи вводит в мир болезненный, патологический, в мир чудаков, людей с пораженным главным

нервом воли и мозга, явных неудачников, не умеющих приспособляться в борьбе за существование, чаще всего страдающих не только интеллектуальным, но и физическим худосочием.

Лет десять назад, в эпоху снобизма «бродячих собак», юношеское стихописание носило совершенно другой характер. На почве безделья и обеспеченности молодые люди, не спешившие выбрать профессию, ленивые чиновники привилегированных учреждений, маменькины сынки охотно рядились в поэтов со всеми аксессуарами этой профессии: табачным дымом, красным вином, поздними возвращениями, рассеянной жизнью.

Сейчас это поколение выродилось, игрушки и аксессуары разбиты, и среди массы пишущих стихи очень редко попадаются поэты-снобы, изнеженные и хорошо обеспеченные.

При исключительно трудной борьбе за существование десятки тысяч русских юношей умудряются отрывать время от учения, от повседневной работы для сочинения стихов, которых они не могут продать, которые вызывают одобрение, в лучшем случае, лишь немногочисленных знакомых.

Это, конечно, болезнь, и болезнь не случайная, недаром она охватывает возраст от 17 до 25 приблизительно лет. В этой форме, уродливой и дикой, происходит пробуждение и формирование личности, это не что иное, как неудачное цветение пола, стремление вызвать к себе общественный интерес, это жалкое, но справедливое проявление глубокой потребности связать себя с обществом, войти в его живую игру.

Основное качество этих людей, бесполезных и упорных в своем подвиге, это отвращение ко всякой профессии, почти всегда отсутствие серьезного профессионального образования, отсутствие вкуса ко всякому определенному ремеслу. Как будто поэзия начинается там, где кончается всякое другое ремесло, что, конечно, неверно, так как соединение поэтической деятельности с профессиональной – математической, философской,

инженерной, военной – может дать лишь блестящие результаты. Сквозь поэта очень часто просвечивает государственный человек, философ, инженер. Поэт не есть человек без профессии, ни на что другое не годный, а человек, преодолевший свою профессию, подчинивший ее поэзии.

Спутником этого отвращения к профессии является, и на этом пункте я чрезвычайно настаиваю, отсутствие всякой физической жизнерадостности, чисто физиологическая апатия, нелюбовь и незнакомство со спортом, движением, попросту отсутствие настоящего здоровья, обязательная анемия.

После тяжелых переходных лет количество пишущих стихи сильно увеличилось. На почве массового недоедания увеличилось число людей, у которых интеллектуальное возбуждение носит болезненный характер и не находит себе выхода ни в какой здоровой деятельности.

Совпадение эпохи голода, пайка и физических лишений с высшим напряжением массового стихописания – явление не случайное. В эти годы («Домино», «Кофейни Поэтов» и разных «Стойл») молодое поколение, особенно в столицах, необходимостью было отчуждено от нормальной работы и профессиональной науки, между тем как в профессиональном образовании, и только в нем, скрывается настоящее противоядие от болезни стихов, настоящей жестокой болезни, потому как она уродует личность, лишает юношу твердой почвы, делает его предметом насмешек и плохо скрытого презрения, отнимает у него то уважение, которым пользуется у общества его здоровый сверстник.

У больного «болезнью стихов» поражает полное отсутствие ориентации не только в его искусстве и литературных шагах, но и в общих вопросах, в отношениях к обществу, к событиям, к культуре.

Попробуйте перевести разговор с так называемой поэзии на другую тему – и вы услышите жалкие и беспомощные ответы или просто – «этим я не интересуюсь». Больше того, больной «болезнью стихов» не интересуется

и самой поэзией. Обычно он читает только двух-трех современных авторов, которым он собирается подражать. Весь вековой путь русской поэзии ему незнаком.

Пишущие стихи в большинстве случаев очень плохие и невнимательные читатели стихов; для них писать было бы одно горе; крайне непостоянные в своих вкусах, лишенные подготовки, прирожденные не-читатели – они неизменно обижаются на совет научиться читать, прежде чем начать писать.

Никому из них не приходит в голову, что читать стихи – величайшее и труднейшее искусство и звание читателя не менее почтенно, чем звание поэта; скромное звание читателя их не удовлетворяет, и, повторяю, это прирожденные не-читатели.

Разумеется, всё, что я сейчас говорю, относится к массовому явлению. Дальше я попытаюсь подойти к нему ближе, классифицировать его и дать несколько типичных примеров.

Мне хочется лишь сказать, что волна стихотворной болезни неизбежно должна схлынуть в связи с общим оздоровлением страны. Молодежь последнего призыва дает меньше поэтов, больше читателей и здоровых людей.

Меня могут спросить, почему бы по примеру французской буржуазной школы не ввести стихописание, версификацию в наше школьное обучение, чтобы показать трудность этого дела, научить его уважать.

На это я отвечу – уже во Франции школьное обучение стихотворчеству нелепо, потому что оно имеет смысл только там, где существует веками неподвижная общепризнанная поэтическая манера: просодия, например, в Греции.

Не только русский, но и европейский стих переживает сейчас коренную ломку, поэтому школа, не имея перед глазами увековеченного и прославленного образца, будет поставлена в затруднение, чему учить, и, в лучшем случае, даст лишь подражателей отдельным и случайным поэтам.

Одно дело, если юноша учится писать во всенародной и общепризнанной поэтической манере, это просто грамота. Грамоте же можно учить. Другое дело – подражание отдельным авторам, это дело вкуса, и оно остается на личной совести подражателя.

Кто же они, эти люди, – не глядящие прямо в глаза, потерявшие вкус и волю к жизни, тщетно пытающиеся быть *интересными*, в то время как им самим ничего *не интересно*? О них я хочу рассказать в следующий раз – без глумленья, как о больных.

II. Кто же они такие?

Встреча в редакции тяжелого, допотопного, уже не существующего ежемесячника. Входит милый юноша, хорошо одетый, неестественно громкий смех, светские движения, светское обращение – совсем не к месту. Надышавшись табачного дыму, уже собираясь уходить, он словно что-то вспоминает и с непринужденностью обращается к бородатому, одурманенному идеологией и честностью редактору: «А скажите, вам не подошли бы французские переводы стихов Языкова?» Глаза у всех раскрылись – было похоже на бред. Он пришел сюда предлагать французские стихи, и притом переводы Языкова. Когда ему пролепетали вежливое «не нужно», он ушел веселый и ничуть не смущенный. Дикий образ этого юноши мне запомнился надолго. Это был какой-то рекорд ненужности. Всё было ненужно: и Языков ему, и он журналу, и французские переводы Языкова России. Не знаю, легко ли ему ходить по людям с таким товаром, но он отверженный, он щеголь и гордится этим.

Однажды я застал у себя в комнате мрачного, очень взрослого человека. Он сидел в шляпе, с толстым портфелем, решительный, тяжелый, и глядел с ненавистью. Ни тени приветливости, ни улыбки, ни даже обыкновенной просьбы не выражало его лицо – лицо враждебное и ненавидящие глаза. С сосредоточенною враждебностью

он сообщил, что его многие слушали или одобрили «из вашей компании», как он выразился с оттенком презрительности, и вдруг уселся, вытащил из портфеля пять клеенчатых тетрадей: «У меня есть драмы, трагедии, поэмы и лирические вещи. Что вам прочесть?» Обязательно прочесть вслух. Обязательно немедленно. Требование и всё та же непримиримая ненависть. «Я не знаю, чего вам нужно, на какой вкус вам нужно. Вашей компании нравилось. Я могу на разный вкус». Когда его тихонько выпроводили, у меня осталось впечатление, что в комнате побывал сумасшедший. Но я ошибся: то был разумный, взрослый человек, отец семейства, по образованию техник, но неудачный, инженерию забросил, где-то служит, кормит семью, но иногда на него «находит», и с тяжелой, звериной ненавистью, обращенной даже на собственные кожаные тетради, он врывается в чужие жилища, требует, чтобы его похвалила какая-то «компания», чтобы ему кто-то помог и признал. С ним нельзя говорить. Он оскорбит и хлопнет дверью. С ним разговор закончился бы где-нибудь в пивной бурной исповедью и слезами.

Еще один: голубоглазый, чистенький, с германской вежливостью, аккуратностью приказчика и шубертовской голубой дымкой в глазах. Его приход не уродлив, в нем нет ничего насильственного и безобразящего человеческое общение. Просто, слегка извиняясь, оставляет детскую каллиграфическую рукопись. И что же? – в убогих строчках, косноязычных напевах – благородный дух германской романтики, темы Новалиса, странные совпадения, беспомощные создания подлинно высокого духа. Он приказчик в нотном магазине, был настройщиком, полунемец. Да читайте же Новалиса, Тика, Брентано. Ведь есть же целый мир, которому вы, кажется, сродни. – Не читал, не догадался, предпочитает писать. Этот или излечится совсем от высокой болезни, или станет настоящим читателем.

Молодой человек в голодное время ходил к классическому поэту и читал ассирийские стихи. Чтобы заста-

вить себя слушать, он приносил сахар. Будучи убежден, что всё вообще ерунда и что всё можно подделать, – ассирийскую мифологию и сахар он приносил в дар поэту. Он стеснялся бедности и всяческого убожества – он поддерживал самоуважение странными своими жертвоприношениями. Судьба подняла его очень высоко – сейчас у него международное бюро для марочных коллекционеров. Он сохранил только скептицизм, неуважение к своему ассирийскому учителю и убеждение, что всё можно подделать.

Стихотворцев в Москву и Петербург шлет Сибирь, шлет Ташкент, даже Бухара и Хорезм. Всем этим людям кажется, что нельзя ехать в Москву с голыми руками, и они вооружаются, чем могут, – стихами. Стихи везут вместо денег, вместо белья, вместо рекомендаций – как средство завязать сношения с людьми, как способ завоевать жизнь. Ребенок кричит оттого, что он дышит и живет, затем крик обрывается – начинается лепет, но внутренний крик не стихает, и взрослый человек внутренне кричит немым криком, тем же древним криком новорожденного. Общественные приличия заглушают этот крик – он сплошное зияние. Стихотворство юношей и взрослых людей – нередко этот самый крик, атавистический, продолжающийся крик младенца.

Слова безразличны – это вечное «я живу, я хочу, мне больно».

Он приехал из Иркутска, из рабочих, большое самолюбие, не боится правды, если ему говорят «плохо». Он привез не стихи, а сплошной крик. Ему кажется, это похоже не то на Маяковского, не то на каких-то имажинистов. Ни на что не похоже! Короткие строки, два-три слова, дробит, грызет, захлебывается, душит, неистовствует, затихает, опять куда-то громоздится, ревет – слова безразличны, слова непослушны, всё выходит не так, как он хочет, но слышен в них древний рев: я живу, я хочу, мне больно, и, может быть, еще одно – уже от взрослого и сознательного человека: помогите! Таких, как этот, – десятки тысяч. Они – самое главное, им нужно

помочь, чтобы они перестали кричать, тогда для них будет кончено со стихами – этим атавистическим ревом, начнется лепет, начнется речь, начнется жизнь.

Я спрашиваю – как они сами себя слышат? – ведь это очень важно, всё зло в том, что они себя оглушают, дурманят звуком собственного голоса: кто просто орет, не считаясь с синтаксисом, чувством и логикой, кто подпевает в нос, кто бормочет, раскачиваясь на арабский лад, кто выдумал речитативную себе погудку и запевает под мелодическую сурдинку. Смотришь на листок бумаги и думаешь, – ведь неглупый человек написал – как он может в этом что-нибудь находить? Но послушаешь, как он это читает, – литургия, пророк, носовые звуки, уже на русскую речь не похоже – до того торжественно. Сохранившиеся эстеты напирают на окончание прилагательных: -анный, -онный; любители грубого стиха – на новый лад читают, словно ругаются, наступая на слушателя с проклятием и угрозами. Ну, конечно: голос – рабочий инструмент, без погудки нельзя, она что рубанок. Голосом, голосом работают стихотворцы. Правильно. Но голос этих людей – их собственный враг. С таким голосом ничего не сошьешь, не сладишь.

Другая черта – жажда увидеть себя напечатанным, хоть где-нибудь, хоть как-нибудь. Убеждены – вот напечатают, и сразу начнется новая жизнь. Ничего не начнется. Печатанье не событие, даже хорошее стихотворенье не сдвинет с места литературных гор. Девушки и барышни, рукодельницы стихов, те, что зовут себя охотно Майями и хранят благоговейную память о снисходительной ласке большого поэта! Ваше дело проще, вы пишете стихи, чтобы нравиться. А мы сделаем вот что: заговор русской молодежи – не глядеть на барышень, которые пишут стихи.

А кто же будет писать стихи? Да разве на это вообще нужно разрешенье – все мы носим ботинки, а ведь мало кто шьет башмаки. А многие ли умеют читать стихи? А ведь пишут их почти все.

Нюэн Ай-Как

В гостях у коминтернщика

– А как отразилось в Индо-Китае движение Ганди? Не дошли ли какие-нибудь волны, отголоски? – спросил я Нюэна Ай-Кака.

– Нет, – отвечал мой собеседник. – Анамитский народ, крестьяне, живет погруженный в глубокую кромешную ночь – никаких газет, никакого представления о том, что делается в мире; ночь, настоящая ночь.

Нюэн Ай-Как – единственный анамит в Москве, представитель древней малайской расы. Он почти мальчик, худой и гибкий, в вязаной шерстяной телогрейке. Говорит по-французски, на языке угнетателей, но французские слова звучат тускло и матово, как приглушенный колокол родной речи.

Нюэн Ай-Как с отвращением произносит слово «цивилизация»: он объехал почти весь колониальный мир, был в Северной и Центральной Африке и достаточно насмотрелся. В разговоре он часто произносит «братья». Братья – это негры, индусы, сирийцы, китайцы. Он написал письмо Рене Марану, офранцуженному негру, автору густо-экзотической «Батуалы», и поставил вопрос ребром: хочет или не хочет Маран помочь освобождению колониальных братьев? Рене Маран, увенчанный французской академией, отвечал сдержанно и уклончиво.

– Я из привилегированной анамитской семьи. Эти семьи у нас ничего не делают. Юноши изучают конфуцианство. Вы знаете, конфуцианство – это не религия, а скорее наука о нравственном опыте и приличиях. И в основе своей предполагает «социальный мир». Мальчиком, лет 13-ти, я впервые услышал французские слова: свобода, равенство и братство – ведь для нас всякий белый – это француз. И мне захотелось познакомиться с французской цивилизацией, прощупать, что скрывается за этими словами. Но в туземных школах французы воспитывают попугаев. От нас прячут книги и газеты, запрещают не только новых писателей, но даже Руссо и Монтескье. Что было делать? Я решил уехать. Анамит – крепостной. Нам запрещено не только путешествовать, но и малейшее передвижение внутри страны. Железные дороги построены с «стратегической» целью: по мнению французов, мы еще не созрели ими пользоваться. Я добрался до побережья – ну и уехал. Мне было 19 лет. Во Франции шли выборы. Буржуа обливали друг друга грязью. – Судорога почти физического отвращения пробегает по лицу Нюэна Ай-Кака. Тусклый и матовый, он загорается блеском. В больших зрачках тяжелая вода, он косит и смотрит зрячим взглядом слепого.

– Когда пришли французы, все порядочные старые семьи разбежались. Сволочь, которая умела прислуживаться, захватила брошенные дома и усадьбы; теперь они разбогатели – новая буржуазия – и могут воспитывать детей на французский лад. Если мальчик идет у нас учиться к католическим миссионерам, это уже отбросы, подонки. За это платят деньги. Ну и идут низколобые тупицы, всё равно как если бы шли служить в полицию, жандармерию. Католическим миссионерам принадлежит у нас пятая часть всей земли. С ними могут потягаться только концессионеры.

Что такое французский колонизатор? О, какой это бездарный и недалекий народ. Первая забота – устройство родственников. Затем – нахватать и награбить как можно больше и скорее, а цель всей этой политики – маленький домик, «свой домик» во Франции.

Французы отравляют мой народ. Они ввели обязательное употребление алкоголя. Мы берем немного хорошего рису и делаем хорошую водку, когда придут друзья или в семейный праздник предков. Французы брали плохой дешевый рис и гнали водку бочками. Никто не хотел у них покупать. Слишком много водки. Тогда губернаторам предписали по количеству душ населения сделать обязательную водочную раскладку и заставили насильно покупать водку, которой никто не хотел.

Мне наглядно представилось, как спаивают этот нежный народ, любящий такт и меру, ненавидящий излишества. Врожденным тактом и деликатностью дышал весь облик Нюэна Ай-Кака. Европейская цивилизация работает штыком и водкой, пряча их под сутану католического миссионера. Нюэн Ай-Как дышит культурой, не европейской культурой, быть может культурой будущего.

– Сейчас в Париже группа товарищей из французских колоний – 5–6 человек из Кохинхины, Судана, Мадагаскара, Гаити издают журнальчик «Пария», посвященный борьбе с колониальной политикой французов. Это совсем маленький журнальчик – каждый сотрудник доплачивает на его издание из своего кармана, вместо того чтобы получать гонорар.

Бамбуковая трость с вырезанным на ней воззванием незаметно обошла все деревни. Ее пересаживали с места на место – и сговор состоялся. Он дорого обошелся анамитам, были казни, полетели сотни голов.

– У анамитского народа нет священников и нет религии в европейском смысле. Культ предков – чисто социальное явление. Никаких жрецов. Старший член семьи или деревенский старейшина совершает поминальные обрядности. Мы не знаем, что такое авторитет жреца или священника.

Да, интересно, как французские власти научили наших крестьян словам «большевик» и «Ленин». Они начали преследовать коммунистов среди анамитов в то время, как никаких коммунистов и в помине не было. И таким образом вели пропаганду.

Анамиты – простой и вежливый народ. В благородстве манер, в тусклом, матовом голосе Нюэна Ай-Кака слышен завтрашний день, океанская тишина всемирного братства.

На столе рукопись. Спокойный деловой отчет. Телеграфный стиль корреспондента. Он фантазирует на тему: Конгресс Интернационала в 1947 году. Он видит и слышит порядок дня, он там присутствует, он ведет протокол.

На прощанье Нюэн Ай-Как что-то вспоминает: – Да, у нас был еще один «мятеж». Его поднял анамитский царек Зюнтан. Против увоза наших крестьян на французскую бойню. Зюнтан бежал. Теперь он в эмиграции. Скажите и о нем.

Прибой у гроба

Необычна Москва в эти ночи. Морозный хруст шагов по завьюженным улицам. Тысячи шагов. Идут кучками: терпеливые пешеходы с Замоскворечья, с Плющихи, с Таганки...

Чем ближе к сердцу Москвы, к ночному гробу – тем громче шорох, и темные тени пешеходов сливаются в сплошной движущийся лес.

Университет на Моховой гудит, как пчельник глухой ночью. Колонны выстроились. Узкая горбатая Тверская запружена неподвижной толпой. Снега розовеют от костров. С трудом движутся всадники в черном человеческом потоке.

Двери аптеки распахиваются: малиновая аптека пышет паром, там яблоку негде упасть – отогреваются...

Революция, ты сжилась с очередями. Ты мучилась и корчилась в очередях и в девятнадцатом, и в двадцатом – вот самая великая твоя очередь, вот последняя твоя очередь к ночному солнцу, к ночному гробу...

Мертвый Ленин в Москве! Как не почувствовать Москвы в эти минуты! Кому не хочется увидеть дорогое лицо, лицо самой России?

Который час? Два, три, четыре? Сколько простоим? Никто не знает. Счет времени потерян. Стоим в чудном ночном человеческом лесу. И с нами тысячи детей.

Высокое белое здание расплавлено электрическим светом. Три черных ленты спадают к ногам толпы. Там, в электрическом пожаре, окруженный елками, омываемый вечно-свежими волнами толпы, лежит он, перегоревший, чей лоб был воспален еще три дня назад...

Сколько жизней вокруг него, который так любил жизнь суровой любовью, взыскательной любовью.

Перебегают к костру. Горький дым ест глаза. Какой-то художник сует к огню замерзшие краски, оттаивает кисти; шарахаются людские ряды от автомобилей и коней.

Чем ближе, тем плотнее жмутся люди:

– По трое, по трое в ряд!

Шутка ли в этой тьме запомнить свое место! Но перекличкой, на голос находят своих.

На полотнище над крышей театра неровным почерком вспыхивают ночные телеграммы. Снуют продавцы папирос. Нет-нет, да и прорвется детский смех. Дети – всегда дети: даже в чехарду играют.

Но мелочи жизни не оскорбляют величия минуты.

Ленин любил жизнь, любил детей.

И мертвый – он самый живой, омытый жизнью, жизнью остудивший свой воспаленный лоб.

Киев

I

Самый живучий город Украины. Стоят каштаны в свечках, розово-желтых хлопушках-султанах. Молодые дамы в контрабандных шелковых жакетах. Погромный липовый пух в нервическом майском воздухе. Глазастые большеротые дети. Уличный сапожник работает под липами жизнерадостно и ритмично. Старые «молочарни», где северные пришельцы заедали простоквашей и пышками гром петлюровских пушек, – на местах. Они еще помнят последнего киевского сноба, который ходил по Крещатику в панические дни в лаковых туфлях-лодочках и с клетчатым пледом, разговаривая на самом вежливом птичьем языке. И помнят Гришеньку Рабиновича, бильярдного мазчика из петербургского кафе Рейтера, которому довелось на мгновение стать начальником уголовного розыска и милиции.

В центре Киева – громадные дома-ковчеги, каких мало и в Москве и в Ленинграде, а в воротах этих гигантов, вмещающих население атлантического парохода, вывешены грозные предупреждения неплательщикам за воду, какие-то грошовые разметки и раскладки.

Слышу под ногами какое-то бормотание. Это хедер? Похороны? Нет, молитвенный дом в подвале. Сотня почтенных мужей в полосатых талесах разместилась, как школьники, за желтыми тесными партами. Никто не обращает на них внимание. Сюда бы художника Шагала!

Да, киевский дом – это ковчег, шатаемый бурей, скрипучий, жизнелюбивый. Нигде, как в Киеве, не осязаемо величие управдома, нигде так не романтична борьба за площадь. Здесь шепчут с суеверным страхом: «Эта швея делает квартирную политику – за ней ухаживает сам Ботвинник!»

Каждая киевская квартира – романтический мирок, раздираемый ненавистью, завистью, сложной интригой. В проходных комнатах живут демобилизованные красноармейцы, без белья, без вещей и вообще без ничего. Терроризованные жильцы варят им на примусах и покупают носовые платки.

Киевский дом – ковчег паники и злословия. Выходит погулять под каштанами Мазар – крошечный человек с крысиной головой.

– Знаете, кто он? Он подпольный адвокат. Его специальность – третейские суды. К нему приезжают даже из Винницы!

В самом деле, за стеной у Мазара идет непрерывный суд. Сложные вопросы аренды, распри мелких компаньонов, всяческий дележ, ликвидация довоенных долгов – велика и обильна юрисдикция Мазара. К нему приезжают из местечек. Он присудил бывшего подрядчика, задолжавшего кому-то триста тысяч царских рублей, выплачивать по тридцать рублей в месяц, – и тот платит.

На Крещатике и на улице Маркса (Николаевской) отпечаток какого-то варшавского кондитерского глянца. «Готель Континенталь» – когда-то цитадель ответственных работников – восстановил все свои инкрустации. Из каждого окна торчит по джазбандному негру. Толпа вперяет взоры на балкон второго этажа. Что случилось? Там Дуров кого-то чешет...

Киевляне гордятся: все к ним приехали! В городе сразу: настоящий джазбанд, Еврейский Камерный из Москвы, Мейерхольд и Дуров, не говоря уже о других.

Колченогий карлик Дурова выводит гулять знаменитую собаку-математика – событие! Негр идет с саксофоном – событие! Еврейские денди – актеры из Камерного – остановились на углу, опять – событие!

Среди бела дня на Крещатике действует рулетка-буль. Тишина похоронного бюро. Матовые котлы стола вспыхивают электричеством. В тощем азарте мечутся два-три невзрачных клиента. Эта убогая рулетка днем была зловещей.

Всякое происшествие в Киеве вырастает в легенду. Так, например, я десятки раз слышал о беспризорном, который укусил даму с ридикюлем и заразил ее страшной болезнью.

Беспризорные в пышных лохмотьях, просвечивающих итальянской оливковой наготой, дежурят у входа в кафе. Таких отборных, лукавых и живописных беспризорных я не видел нигде.

Террасами громоздится великий днепровский город, переживший беду.

Дом-улица «Пассаж», обкуренный серой военного коммунизма... И славные дома-руины... Против бывшей Думы-Губкома – Марксов памятник. Нет, это не Маркс, это что-то другое! Может быть, это замечательный управдом или гениальный бухгалтер? Нет, это не Маркс.

Киев коллегии Галагана, губернатора Фундуклея, Киев лесковских анекдотов и чаепития в липовом саду вкраплен здесь и там в окружную советскую столицу. Есть горбатые сложные проходные дворы, пустыри и просеки среди камня, и внимательный прохожий, заглянув под вечер в любое окно, увидит скудную вечерю еврейской семьи – булку-халу, селедку и чай на столе.

II

Трамвайчик бежит вниз к Подолу. Слободка и Труханов остров еще под водой. Свайная мещанская Венеция. За всё великолепие верхнего города всегда расплачивался Подол. Подол горел. Подол тонул. Подол громили. Подол выдержан в строго-плюгавом стиле. Целая улица торгует готовым платьем. Вывески: «Лувр», «Змичка».

На площади Контрактов (киевская ярмарка) – деревянный кукиш каланчи, уездный гостиный двор, луковки подворий.

Презрение к Подолу чрезвычайно распространено в буржуазном городе:

«Она кричит, как на Подоле», «У нее шляпка с Подола», «Что вы от него хотите: он торгует на Подоле».

Плоскими улицами Подола я вышел на Днепр к старику Розинеру, несчастному лесопильному компаньону. Мудрый семьянин и старейшина лесного дела сидел на теплой шершавой доске, у ног его лежали нежные, как гагачий пух, опилки. Он понюхал щепотку древесной пыли и сказал:

– Эта балка – больная, чахоточная. Разве так пахнет здоровое дерево?

И, взглянув на меня желтыми овечьими глазами, заплакал, как плачет дерево – смолой.

– Вы не знаете, что такое частный капитал! Частный капитал – это мученик! – Старик развел руками, изображая беспомощность и казнь частного капитала.

Мученики частного капитала чтут память знаменитого подрядчика Гинзбурга, баснословного домовладельца, который умер нищим (киевляне любят сильные выражения) в советской больнице... Но можно еще жить, покуда есть крепкое изюмное вино, любой день превращающее в Пасху, густые прозрачные наливки, чей вкус – само удивленье, и солоноватое вишневое варенье.

На этот раз я не застал в Киеве никаких слухов и никаких крылатых вымыслов, за исключением твердой уверенности, что в Ленинграде идет снег.

Одно в Киеве очень страшно: это – страх людей перед увольнением, перед безработицей.

– У меня была в жизни цель. Много ли человеку нужно? Маленькую службочку!

«Службочка» произносится с дрожью в голосе, со слезами влюбленности и страхом.

Потерять работу можно по сокращению (режим экономии) и по украинизации (за незнание государственного языка), но получить ее невозможно. Сокращенный или сокращенная даже не сопротивляются, а просто обмирают, как жук, перевернутый на спинку, или шпареная муха. Заболевших раком не убивают. Но их сторонятся.

Вместо серной кислоты, обиженные киевские жены мстят мужьям, добиваясь их увольнения. Я слышал такие рассказы в зловеще-романтическом киевском стиле.

Прислушайтесь к говору киевской толпы: какие неожиданности, какие странные обороты. Южно-русское наречие цветет, и нельзя отказать ему в выразительности.

– Не езди коляску в тени, езди ее по солнцу!

А сколько милых выражений, произносимых нараспев, повторяемых на каждом шагу как формулы жизнелюбия: «Она цветет, как роза», «Он здоров, как бык» – и на все лады спрягаемый глагол «поправляться».

Да, велико жизнелюбие киевлян. У входа в пышные приднепровские сады стоят палатки с медицинскими весами. Тут же «докторский электрический автомат», помогающий от всех болезней. Очередь – на весы. Очередь – к автомату.

На Прорезной я видел богомолок. Сотня босых баб шла гуськом, держа в руках мужские сапоги, а впереди – монашек-чичероне. Бабы шли, не озираясь, слепые ко всему окружению, нелюбопытные и враждебные, как по турецкому городу.

Странное и горькое впечатление от нынешнего Киева в целом. Необычайно по-прежнему жизнелюбие маленьких людей и глубока их беспомощность. У города большая и живучая коллективная душа. Глубоким и тройным дыханием дышит украино-еврейско-русский город.

Немногое напоминает о годах эпической борьбы. Еще торчит на Крещатике остов семиэтажной громады, зияющей сквозными пролетами, как Колизей, а напротив другая руина, с золотыми банковскими вывесками.

Днепр входит в берега. Пространство – как загрунтованный пол. Пространство врывается в город отовсюду, и широкая просека Бибиковского бульвара по-прежнему открыта – на этот раз не вражеским полчищам, а теплым майским ветрам.

Кисловодск весной

Разные бывают солнца, но такого, как в Кисловодске, нет, кажется, больше нигде. При высшей своей жгучести оно не палит, не жжет, а глубоко, насквозь пронизывает тело радостью...

То же и кисловодский воздух. Разные бывают воздухи – степной, морской, горный, но кисловодский – особенный: мало того, что он насыщен всякими там кислородами и озонами; мало того, что сам он отличается необычайной легкостью, необычайной способностью проникать в легкие, – он и тела делает легкими... Восьмипудовая какая-нибудь туша чувствует себя в Кисловодске пятипудовой, а пятипудовые гражданки носятся по горам, как перышки...

Тот самый гражданин, который здесь, в Москве, хирел от жиру, разгуливает по кисловодскому парку с улыбающейся физиономией. Сам воздух там поддерживает его подмышки. Ноги сами ходят, точно к щиколоткам привязаны крылышки, как у крылатого греческого бога Гермеса.

Да, замечательные вещи – воздух и солнце в Кисловодске! Но еще замечательней – нарзан. Это уж совсем что-то живое. Это как будто «просто» углекислая вода, которая излечивает сердечные болезни, но это не так «просто». Это – шампанское, бьющее прямо из земли.

Натуральное шампанское, – возбуждающее, чуть-чуть пьянящее...

Сядешь в ванну, и тело моментально покрывается пузырьками, – как бы серебряной чешуей. Струйками со дна подымаются эти пузырьки, всё больше и больше, – вода точно закипает от присутствия в ней человеческого тела, и кажется, что и тело в соединении с нарзаном начинает излучать теплоту, кипит в ласковых иглах нарзана, теплеет, розовеет...

Сидит в ванне человек, какой-нибудь такой седой, с печальными глазами, и улыбается. А выходит из ванны – тело оранжевое, совсем Аврора!

Потом легко идет, бодро, перекинув простыню через плечо, в парк, в горы, к «Красному солнышку», к «Медовому водопаду» (много прекрасных уголков и замечательных окрестностей в Кисловодске!) – и черт знает куда его еще носит, старого человека с седой бородой! Усталости не знаешь в Кисловодске – с каждой новой ванной нарзанной как будто начинаешь снова жить...

Недаром горские народы зовут нарзан «Нардсаном», что означает «богатырь-вода»...

Да, хорошо в Кисловодске. И летом хорошо главным образом тем, что не жарко. Часто выпадают дожди – моментальные ливни, быстро просыхающие. Но после такого дождя воздух еще лучше, солнце еще ярче.

И весной, и осенью, и зимой хорошо в Кисловодске.

Летом там слишком много людей. Не видно деревьев за людьми. Облеплены горы людьми. А осенью и весной свободнее, тише. Тишина звенит. Начинается игра красок...

В парке каждое утро на рассвете стелятся новые ковры. Выбежишь в парк, еще глаза не разлепились от сна, и видишь – опять постелены новые ковры. И разные все – самых разнообразных оттенков! Парк виден насквозь далеко. Вон под липами – оранжевый ковер, а рядом – золотой под кленами покрыл весь бугор, и солнце играет уже рассыпанным золотом у подножья стволов, а дальше, где ясень и дуб, – темно-коричневый ковер

с зелеными пятнами... И всё дорогие узоры – персидские, французские...

Разве только вдруг выпадет снег... Покроет моментально белыми пеленами горы... Лежит ослепительный на фоне ярко-синего неба в горах. Красив снег в Кисловодске!

Но лица вытягиваются, начинается «ропот»: «Вот те на! Приехали!», – и не успевают как следует забрюзжать приехавшие, как солнце скатывает пелены... И опять тепло. Даже в декабре бывает днем до 20 град<усов> тепла. Ходят в летних платьях и принимают солнечные ванны...

И шампанское зимой всё так же бьет из недр земли, животворящий богатырь-Нарзан – лучшей марки шампанское.

Но как ни хорошо в Кисловодске зимой, осенью и летом, а лучше всего все-таки весной. Весна побивает рекорд. Со всех времен года она собирает в себе самые лучшие краски, и, как птицы и пчелы на яркий цветок, слетаются в Кисловодск люди отовсюду, со всех сторон.

Ессентуки

Ессентуки в отличие от Кисловодска (и особенно Железноводска, который карабкается на высокую гору) лежит в низинах – точно на досках. Никаких подъемов. Все они, кроме того, закутаны садами – сады и палисадники, и в два ряда по улицам аллеи – бесконечная перспектива аллей.

В общем, странный город: выйдешь из своих ворот, отойдешь всего на два шага в сторону, и уже не видно за деревьями не только домов на противоположной стороне, но и своего дома; ни крыш, ни окон, ни заборов – всё исчезает в деревьях, как будто и вовсе нет домов, – лицо города спрятано в густой листве, как женское лицо за покрывалом. Такое впечатление, во всяком случае, производит большинство улиц.

Самое интересное в Ессентуках – это, конечно, знаменитая на весь мир грязелечебница, о которой надо рассказать отдельно, а сначала – о парке, о целительных источниках и о Любе...

Парк огромнейший. Не знаю, какую площадь он занимает в действительности, но кажется, что его не обойти. Тут же и скаты, и крутые подъемы. Расположен он как будто на двух плоскогорьях, соединенных между собой то широкими и отлогими лестницами, то почти отвесными дорожками, стремящимися вниз сломя голову.

Благодаря такому расположению – в два этажа – получается интересная вещь: оркестр, который играет в центре, наверху, в двух минутах подъема, – внизу здесь совершенно не слышен. Там – музыка, шум и толчея, а совсем близко, тут, в аллее, тоже под горячим солнцем, – глубокая и прямо загадочная тишина. Загадочная потому, что очень уж близок этот шум, неслышный, эта крикливая мишура, тогда как здесь сразу – торжественность.

Там, наверху, главный источник № 17, и к нему радиусами сбегаются аллеи, – там рестораны, кафе, театры, открытая сцена, ларьки с разными заманчивыми вещами, вроде оранжевых шарфов и копеечных брошек. Там, у источника, окруженного колоннадой, по утрам, часов так с семи, когда еще розовый воздух, проточной вереницей стоят больные с кружками – ревматики, подагрики, нефритики – непрерываемая очередь ожидающих исцеления. Девушка, наполняющая кружки водой, захватывает в каждую руку сразу их по несколько за ушки, подставляет под струю, промывает (этой же самой целительной водой № 17), ловким, кругообразным движением наполняет все – пожалуйте! – подымает сразу несколько кружек, точно прилипших друг к другу, – нам, сюда, к перилам, – тут уж разбирайтесь сами – которая чья.

Вкусная вода – Ессентуки № 17! Играет музыка, играет солнце, играют пузырьки в кружке – газируется вода в глубине земли, чуть-чуть пощипывает язык – слегка (оттого, вероятно, и хочется болтать, когда утром идешь в компании по парку и не торопясь, глотками отпиваешь свою воду!). Вкусная вода – в ней земная прохлада и утренняя свежесть.

А днем внизу, на нижнем плоскогории, пьешь другую воду – источник № 4. Здесь – скорее радость, чем веселье. Здесь даже и в шуме – тишина. И кажется, что сюда специально льется солнце, в эти низины. Здесь замедляются шаги... Та же самая толпа вдруг радостно стихает.

Воду свою в кружках несем подогревать. Тут, рядом. В широком, мелком ящике, наполненном горячей водой,

всегда уже стоит целая толпа кружек. Девушка в красном платочке (это и есть Люба) сидит на скамейке перед ящиком и градусником измеряет воду – кому сколько предписано градусов. Делает она это с полным вниманием, но флегматически – в медлительном темпе, свойственном ее наружности. Солнцем выжжены у нее ресницы. Лицо хорошо скроено, крепкие розовые губы – собственного цвета.

– Пожалуйста, измерьте, сколько в этой кружке...

– Пожалуйста, сколько в моей...

Десятки рук протянуты над кружками – каждый подвигает свою.

Она отвечает медлительно – 48... 35... 24... – ресниц не подымает, и взгляд ее переходит с кружки на кружку.

Одна за другой мелькают кружки и с кружками – люди. Целительная вода Ессентуков растекается по бесчисленным желудкам больных.

А над всем этим – горячее южное солнце и ласкающий воздух гор.

Рецензии, предисловия

Эренбург И. Одуванчики.
Рецензия

«Одуванчики» – третья книга Эренбурга. Острая парижская тоска растворяется в безнадежной «левитановской» влюбленности в русскую природу. Но скромная, серьезная быль г. Эренбурга гораздо лучше и пленительнее его «сказок». Очень простыми средствами он достигает подчас высокого впечатления беспомощности и покинутости. Он пользуется своеобразным «тютчевским» приемом, вполне в духе русского стиха, облекая наиболее жалобные сетования в ритмически-суровый ямб. Приятно читать книгу поэта, взволнованного своей судьбой, и осязать небольшие, но крепкие корни неслучайных лирических настроений. Эпитеты бледны, но обдуманны, неожиданности нет, но нет и скуки. Один из немногих, г. Эренбург понял, что от поэта не требуется исключительных переживаний. Тем ценнее общеобязательность лирического события. Однако несколько застенчивое, несвободное отношение автора к явлениям своей душевной жизни передается читателю, между тем как истинное поэтическое целомудрие делает ненужным стыдливое отношение к собственной душе.

Лондон Д. Собрание сочинений. *Рецензия*

На обложках Джека Лондона печатается похвальный отзыв Леонида Андреева. Если бы издатель пожелал заручиться мнением настоящего профессора «дурного вкуса», он не мог бы сделать лучшего выбора. Как всегда беспомощный в выборе своих эпитетов, Л. Андреев называет Лондона «свежим» талантом, между тем как эта определенная в применении к сливочному маслу похвала ни с какой стороны не характерна для художественного дарования. Анемичному русскому обывателю необузданный здоровяк-Лондон пришелся как нельзя более по вкусу: его герои живут особенно охотно за полярным кругом, отличаются железной выносливостью, пьют виски, как воду, и т. п.

Однако связь этого мнимого дикаря с новейшим, чисто американским развитием техники – несомненна. В универсальном техническом прогрессе человеческая машина-организм занимает одно из последних мест, но могущественный спорт в союзе с разнообразными идеалами физического процветания идет навстречу этому чувствительному техническому пробелу современности. С прозорливостью янки Джек Лондон взял патент на усовершенствованного нового человека еще раньше, чем его тип был осуществлен в действительности естественным подбором и спортивными упражнениями. Полярный скороход, проходящий на пари две тысячи миль в 60 дней при 90° мороза («Сын Солнца»), или плантатор, больной дизентерией, исключительно волевым напряжением властвующий над толпой людоедов на Соломоновых островах («Приключение»), – великолепные человеческие особи. И нужно отдать справедливость Лондону: фантастическая мужественность его героев временами правдоподобна и подчас внушает уважение. На примере Лондона можно видеть, чего может достигнуть художественно бесплодный и духовно весьма скудный писатель, если

он находится в добром согласии с инстинктами и заповедями своей расы. Отсутствие всякой сентиментальности в миросозерцании и суровая деловитость в отношении к жизни англосакса привлекательны для размягченной славянской души. Гений расы, о котором любит говорить Лондон, покровительствует ему и создает иллюзию художественного дарования. Но художественная значительность произведения измеряется не глубиной мыслей, высказываемых автором, а теми непроизвольными духовными испарениями, которые создают атмосферу произведения. Вокруг приключений Джека Лондона самая обыкновенная духовная пустота, как вокруг газетного фельетона или рассказа Конан-Дойля. Как и прочие англо-американские писатели-спекулянты, Джек Лондон искусственно вызывает острое любопытство с тем, чтобы сполна и добросовестно его удовлетворить; если на первой странице рассказ пленительно нов, то на последней – смертельная скука ликвидации и погашенных векселей. Джек Лондон никогда не поднимается выше мудрости кинематографа, и роман как-то сам принимает у него очертание мелодрамы с добродетельным финалом на лоне природы и «головкой героини на плече героя». Лучшее в кинематографе – так называемые «видовые картины», и Лондон развертывает бесконечную ленту монотонного северного пейзажа, аляповатого, как панорама, и мелькающего, как живая фотография, гипнотизуя читателя автоматической готовностью показать сколько угодно тысяч метров.

«Художественный» прием Лондона – непрерывность действия. Каждая страница дает новую сенсацию подобно тому, как номер американской газеты содержит очередное убийство. Джек Лондон так мало знает, что ему делать с людьми, и – что весьма отрадно – ему так не хочется обращать их в манекенов, что он предпочитает убивать их, как только они сделают свое сенсационное дело. Идеология Джека Лондона поражает своим убожеством и своей старомодностью с европейской точки

зрения: весьма последовательный и хорошо усвоенный дарвинизм, к сожалению, прикрашенный дешевым и дурно понятым ницшеанством, – он выдает за мудрость самой природы и неколебимый закон жизни.

В одном месте Лондон обмолвился значительным признанием: «огромная, страшная и чужая вещь, которая называется культурой». Эта скромная самооценка и наивное благоговение перед чужой и непонятной сложностью культуры – пожалуй, самое ценное в Лондоне. Болезнь Нового Света, тайный недуг чудовищных городов – культурное одичание – нашло в Джеке Лондоне неожиданно-привлекательного выразителя. Дело в том, что у Лондона это историческое одичание не обусловлено личным вырождением, а выступает особенно наглядно на фоне безукоризненного физического и душевного здоровья. Современному человеку нет надобности ехать в Клондайк или на остров Тихого океана, чтобы почувствовать себя дикарем: так легко заблудиться в лабиринте Нью-Йорка или Сан-Франциско, в стихийном лесу молодой цивилизации, мощная растительность которого непроницаема для живительных лучей культуры. Безобидная занимательность и душевная ясность Лондона делают его незаменимым писателем для юношества. Наивное увлечение Лондоном взрослых читателей можно только приветствовать: оно показывает, насколько поверхностны были прежние увлечения читательской толпы, и что если подлинное искусство пользовалось успехом, то проникало в умы контрабандой, под флагом посторонних соображений.

Перевод, который очень бранили в прессе, сделан хорошим фельетонным языком; другого перевода Лондон, бесконечно равнодушный к задачам стиля, не заслуживает.

Гюисманс Ж. К. Парижские арабески. *Рецензия*

«Парижские арабески» – ранняя книга Гюисманса – возвращают нас к истокам его творчества. Книга эта как бы намеренно физиологична. Столкновение беззащитных, но утонченных внешних органов восприятия с оскорбительной действительностью – вот главная ее тема. Париж есть ад. Уже Бальзак соглашается с этой аксиомой. Бодлер и Гюисманс сделали из нее последние выводы. Для обоих поэтов жить в аду – великая честь, столь крайнее несчастье – королевский удел. Дерзость и новизна Гюисманса в том, что в кипящей смоле он сумел остаться убежденным гедонистом. Так он изображает мученичество Фолантена, мелкого чиновника с тонкой организацией, всё существование которого – цепь ничтожных страданий и отвращений. Странное дело: достаточно отнять у Дез Эссента капитал и сокровища эрудиции, чтобы он превратился в своеобразного декадентского Акакия Акакиевича! Келейный эстетизм не есть последнее слово Гюисманса. Декаденты не любили действительности, но знали ее, чем отличаются от романтиков. Она была нужна им, как берег, чтобы оттолкнуться от него. Гюисманс особенно ценный декадент, так как его «другой берег», là-bas, – несомненная вещность. Не в воображаемом средневековье, а в подлинном – он нашел великое противоядие современности. Для восприятия бесконечной сложности средневековья необходима физиологическая изощренность – качество, которое Гюисманс с ненавистью и ожесточением вырабатывает в «Парижских арабесках».

Не будучи Симеоном Столпником стиля, вроде Флобера, Гюисманс имел органический стиль. Г. Спасский передает его только грамотно, часто подпадая под гипноз французской фразы. Ошибка переводчика еще в том, что он уснастил свой перевод чисто русскими, московскими словечками.

Северянин И. Громокипящий кубок. *Рецензия*

Поэтическое лицо Игоря Северянина определяется главным образом недостатками его поэзии. Чудовищные неологизмы и, по-видимому, экзотически обаятельные для автора иностранные слова пестрят в его обиходе. Не чувствуя законов русского языка, не слыша, как растет и прозябает слово, он предпочитает словам живым слова, отпавшие от языка или не вошедшие в него. Часто он видит красоту в образе «галантерейности». И все-таки легкая восторженность и сухая жизнерадостность делают Северянина поэтом. Стих его отличается сильной мускулатурой кузнечика. Безнадежно перепутав все культуры, поэт умеет иногда дать очаровательные формы хаосу, царящему в его представлении. Нельзя писать «просто хорошие» стихи. Если «я» Северянина трудноуловимо, это не значит, что его нет. Он умеет быть своеобразным лишь в поверхностных своих проявлениях, наше дело заключить по ним об его глубине.

Анненский И. Фамира-кифаред. *Рецензия*

К жестокой сказке Софокла Иннокентий Анненский подходит с болезненной осторожностью современного человека.

Тема любви матери к собственному сыну превратилась у Анненского в мучительное чувство лирической влюбленности, и так далеки небожители от этих смятенных, отравленных музыкой душ, что нимфа Аргиопэ, когда решается погубить кифареда, очарованного Музами, не сразу находит слова для обращения к Зевсу. И когда Гермес спускается на землю, чтобы возвестить волю богов, он более похож на куклу, сделанную руками волшебника Леонардо для какого-нибудь князя итальянского Возрождения, чем на живого олимпийца.

Пока Фамира был причастен музыке, он метался между женщинами и звездами. Но когда кифара отказалась ему служить и музыка лучей померкла в выжженных углем глазах, он, жутко безучастный к своей судьбе, сразу становится чужд трагедии, как птица, что сидит на его простертой ладони.

Только поучение звучит совсем как голос древнего хора:

Благословенны боги, что хранят
Сознанье нам и в муке.

«Фамира-кифаред» прежде всего произведение словесного творчества. Вера Анненского в могущество слова безгранична. Особенно замечательно его умение передавать словами все оттенки цветного спектра. Театральность пьесы весьма сомнительна. Она написана поэтом, питавшим глубокое отвращение к театральной феерии, и не как советы исполнителям, а как само исполнение следует понимать чудесные ремарки, в выразительности не уступающие тексту.

Пляски и хоры Анненского воспринимаются как уже воплощенные, и музыкальная иллюстрация ничего не прибавит к славе «Фамиры-кифареда».

Для чего, в самом деле, тимпан и флейту, претворенные в слово, возвращать в первобытное состояние звука?

Напечатана книга всего в 100 экземплярах.

Городецкий С.
Старые гнезда. *Рецензия*

Двойственное впечатление оставляет последняя книга рассказов Городецкого. Свободный полет душевной жизни, пламенная и зрелая любовь к России уживаются у поэта с унылой покорностью трафаретам отечественной беллетристики. Умирание дворянских усадеб, история блудного сына, разлад и гниение в зажиточной крестьянской семье достаточно знакомы читателю. Только

вспышка острой наблюдательности, порою остроумия, и неожиданные стилистические вдохновения, а также отсутствие тупого пристрастия к определенному классу или сословию поднимают эту книгу над подобными ей. Если есть у автора пристрастие – то предмет его дети: «милое родимое зверье, босоногое наше будущее».

В рассказе «Глухая тропа», пожалуй, лучшем в книге, прекрасно передано смутное детское влечение к смерти: гимназист Митя травится медленно уксусом и под страшной клятвой выдает свою тайну девочкам Зое и Рае, которые, пачкая светлые туфельки, бегут на мельничную плотину и бросают в воду свой завтрак, чтобы сделать первый шаг к небытию.

Городецкий не создает в прозе собственного мира. Русская действительность, не очищенная в горниле художественного созерцания, предстает в его рассказах несколько кошмарной.

Кажется, что с годами автор пришел к сознанию невозможности для прозаического повествователя непосредственно заглядывать в сокровенное изображаемых людей и предоставил догадываться о нем читателю на основании неслучайных слов, жестов и положений, закрепленных писателем.

Кокорин П. Музыка рифм.
Рецензия

Напряженная серьезность мысли и слова странно не гармонирует с наивно-футуристической внешностью. Способность к высокой абстракции сочетается у автора с оригинальным чувством ритма. Скупой и холодный в средствах выражения, поэт предпочитает коротенькие строчки (нередко по одному слову на строку), что придает его стихам отрывистый и резкий темп, напоминающий Полежаева:

Светил,
Горел
Хрусталь,

Я пил
И пел
Печаль.

Ритм Кокорина органический: он находится в полном согласии с дыханием, как народная песня.

Книжка Кокорина очень народна, без всякой кумачности, и в то же время утонченна, несмотря на ряд грубых промахов от неумелости и наивности автора.

Революционер в театре

1

Пьеса Эрнста Толлера «Masse-Mensch» – «Человек-масса», еще не видевшая рампы в России, – несомненно, пьеса с будущим, независимо от своих художественных и театральных достоинств. Она принадлежит к типу драматических произведений в роде «Жизни человека» Леонида Андреева, сильных и элементарных, понятных всем и каждому благодаря ясной схематичности действия и грубой, но яркой символике сценического воплощения.

Эрнст Толлер, мужественный германский революционер-спартаковец, один из зачинателей кружка молодой немецкой драматургии, так называемой группы «Драматической Воли». Но в ближайшем рассмотрении, поскольку можно, по крайней мере, судить по произведениям самого Толлера, драматическая воля его единомышленников, собственно, лежит вне театра – это не театральная воля. Могучий и благородный социальный инстинкт – мужественная революционная воля германского пролетариата, одушевляющая Толлера, переплескивается через театр, смывая его как таковой, ничего не созидая для театра, действуя через него, пользуясь им как средством. Поэтому Эрнста Толлера, несмотря на его пафос, энергию и напряженность, никак нельзя назвать революционером в драматургии – это революционер в театре, наскоро приспособивший театр для своих боевых целей, пользуясь старыми средствами, в данном слу-

чае средствами германского модерн-символизма. Нам, русским, их приемы чрезвычайно напоминают Леонида Андреева, его «школу» и печальной памяти недавнее прошлое (не дай Бог воскреснуть), – когда Он, Она, Оно и прочие значительные персонажи наводили панику на впечатлительного российского интеллигента. Но какая разница, выгодная для Толлера, при сравнении его опытов с родственными отечественными дореволюционными произведениями. Вместо бледной интеллигентской немочи – живая кровь, настоящий пафос, железная революционная воля:

Мы, замурованные в глухие ящики небоскребов,
Обреченные в жертву механизму злорадной системы,
Мы, навеки разлученные с матерями,
Из фабричных глубин подаем мы голос.
Когда мы любовию жизнь измерим,
Когда мы насытим первичную жажду воли,
Когда мы избавимся от ига!

Есть что-то прометеевское и исконно-германское в массовых хорах Толлера, он сумел из варьяции Интернационала сделать настоящий гимн:

Вставайте из всемирной дремы,
Рабы, поденщики труда,
Грядущих прав грохочут громы,
День настает, горит звезда.

Великолепен пафос Толлера – это пафос высокой трагедии:

А фабрики принадлежат рабочим,
Не капиталу в лайковых перчатках,
Прошли года, когда с горбатых наших спин
Он озарял заморские богатства
И, чужанина порабощая, ткал паутину войн.

Тем досаднее, что Толлер как драматург всецело в плену у символики мюнхенского модерна, и весь его трагический пафос беспомощно виснет на символических манекенах.

2

В основу драматургической интриги «Masse-Mensch'a» взято совершенно реальное и правдоподобное положение: дама из хорошей буржуазной семьи, жена бюрократа, прокурора или видного адвоката, ушла в рабочее движение и готовится взять на свои плечи всю ответственность за беспощадные действия масс как руководительница и вдохновительница. Но в последнюю минуту решимость ее покидает, гуманистические предрассудки (всё, что угодно, только не насилие) берут верх, и она сходит на нет. Ее никто не хочет слушать, настоящий беспощадный вождь отводит ее в сторону, она не годится в вожди; эта дама, очевидно, дилетантка в рабочем движении, названа у Толлера просто женщиной, с большой буквы, без одного реального признака, кроме мужа. Последний, несмотря на большую букву, – почти реальная, даже комически-бытовая фигура, и говорит жаргоном, соответствующим своему образованию и положению, тем нарушая общую патетику действия. Протагонист драмы – так называемый Безымянный, он же «Masse-Mensch», или массовик.

Это уже совершенно отвлеченная фигура, без малейших признаков личной характеристики. Пафос на манекене. Нам скажут, нелепо требовать личной характеристики от представителя коллективной воли, коллективного действия, и Толлер нарочно срезал все углы у Безымянного. Я на это отвечу: массовик тоже человек, и каждый массовик – массовик по-своему. Драматическое воплощение массовика, так же как и воплощение индивидуалиста Фауста, требует драматической характеристики. Иначе получится общее место, движущееся в пространстве, а не драматическая сила. Вся пьеса протекает и сплошь состоит из полемики Женщины и Безымянного. Это сплошной митинг. Митинг перемежается бредовыми сценами – сцена банкиров, где в кинематографическом темпе показана биржа, сцена тюремного двора, фантазия из недалекого будущего, где уже тени расстрелянных танцуют символический танец. В них мы узнаем знако-

мых банкиров. Разумеется, наивно массовое действие толковать как митинг. Именно митинг не есть действие, и немитинговый характер социальной революции, воспитанной массовыми причинами, назревшей в массах, но происходящей в деловом порядке, делает исторически неправдоподобными и неубедительными самые сильные сцены Толлера. Важные события, управляющие ходом революции, никогда не рождаются на митинге. Можно взять трех человек у себя дома, соединить их телефоном и показать массовое действие. Благодаря же наивному смешению массового действия с митингом почти все европейские революционные пьесы внешне на один лад. Даже сценарий – на тот же рабочий кабачок, зал собраний или что-нибудь подобное. Но смешение массового действия с митингом и банкиры-тени, пляшущие символический леонид-андреевский танец смерти под дудку Безымянного, – всё, всё прощается Толлеру за великий пафос подлинной, хотя и не воплощенной, трагедии. Он с необычайной силой столкнул два начала: лучшее, что есть у старого мира, – гуманизм и, преодолевший гуманизм ради действия, новый коллективистический императив. Недаром слово «действие», tat, звучит у него как орга́н и покрывает весь шум голосов. В уста героини, погибающей от раздвоенности, он вложил самые сильные, самые огненные слова, какие мог произнести старый мир в защиту гуманизма. Трагедия женщины – трагедия самого Толлера. Он переборол и переболел в себе гуманизм во имя действия – вот почему так ценен его коллективистический порыв. Пьеса Эрнста Толлера «Masse-Mensch» – один из самых благородных памятников германского революционного духа.

Заметка о Барбье

Июльская революция 1830 года была классически неудачной революцией. Казалось, никогда еще так цинично не злоупотребляли именем народа. По сущес-

тву, это был мостик между двумя монархиями: бурбонской, Карла X, и орлеанистской, Луи-Филиппа. Это был мостик от полуфеодальной реставрации, опиравшейся на уцелевших львов бывшей эмиграции, на крупное землевладение, – набожной, ханжеской, бездарной в экономических вопросах, не понимавшей ни духа, ни потребностей времени, – к настоящей буржуазной монархии Луи-Филиппа, к королю финансистов и биржевиков, покровителю заводчиков, перед которым охотно склонилась буржуазия, увидев почти самое себя на троне. Волна европейских революций 1830 и 1848 годов совпала с открытием эры железных дорог, с реальным выступлением парового двигателя. Городской пролетариат всюду содрогнулся, как бы почувствовав в своей груди новую, неслыханную силу клокочущего пара. Но это был лишь толчок. Движение было впереди.

Между тем картинная, театральная сторона парижской революции 1830 года была великолепна и не стояла ни в каком соответствии с ее реальными достижениями. Париж снова как бы копировал гениальную постановку 1793 года. Три дня – 27, 28 и 29 июля – глубоко впечатлили парижан. Особенно врезался в память мощный набат, потрясавший в эти дни воздух, так как собор Парижской Богоматери был захвачен мятежниками. Казалось, по городу пронесся ураган: срубленные деревья, выкорчеванные фонари, опрокинутые пролетки, баррикады, вылепленные старинным искусством революционного улья из разной всячины, как кузов птичьего гнезда, – вот что оставила после себя трехдневная июльская буря.

Эти три дня заслужили и получили своего поэта. Огюст Барбье не был революционером. Сын адвоката, к моменту революции он служил клерком у нотариуса Делавиня (брата знаменитого романтического писателя). В этой нотариальной конторе скопилась целая группка молодых писателей романтического толка, горячих театралов, восхищенных Гюго, поклонников живописной средневековой старины. Барбье разделял их увлечения, и, если бы не 1830 год, он навсегда бы остался бледным и банальным романтиком.

Интересно, что в июльские дни Барбье отсутствовал в Париже. Он был в отъезде, а вернулся, когда на улицах оставались горячие следы борьбы и происходила уже дележка власти. Барбье не был очевидцем «трех дней». Его поэзия родилась из ощущения контраста между величием пронесшегося урагана и убожеством достигнутых результатов. За несколько дней до появления в «Парижском обозрении» знаменитой «Собачьей своры» Барбье журналист Жирардэн писал: «Две недели назад были днями народного мятежа, минутами храбрости и энтузиазма. Теперь – возмущение совсем другого рода, восстание всех добивающихся места. Они бегут в передние с такой же пылкостью, с какой народ бросался в битву. С семи часов утра батальоны одетых во фраки кидаются во все стороны столицы. С каждой улицей толпа их увеличивается: пешком, на извозчике, в кабриолетах, потные, задыхающиеся, с кокардою на шляпах и с трехцветными лентами в петлицах, – вы видите всю эту толпу, которая надвигается на дворцы министерств, врывается в передние, осаждает дверь кабинета и т. д.».

Литературные враги Барбье после напечатания «Собачьей своры» обвиняли его в заимствовании, чуть ли не в пересказе этой газетной статьи. Но нам кажется, что умение использовать злобу газетного дня для своего вдохновения ничуть не умаляет, а лишь увеличивает заслугу поэта.

«Собачья свора» была напечатана в газете «Журналь де Деба»; еще не высохла типографская краска, как имя поэта было у всех на устах. Слава пришла одним ударом, одним стихотворением, потом она надолго померкла. Какими способами, какими средствами художественной выразительности достиг Барбье ошеломляющего впечатления на современников?

Во-первых, он взял мужественный стих ямбов, как это раньше сделал Шенье, – стих, стесненный размером, с энергичными ударениями, приспособленный для могучей ораторской речи, для выражения гражданской ненависти и страсти.

Во-вторых, он не стеснялся приличиями литературного языка и умел сказать грубое, хлесткое и циничное слово, что было вполне в духе французского романтизма, боровшегося за обновленный поэтический словарь.

В-третьих, Барбье оказался мастером больших поэтических сравнений, как бы предназначенных для ораторской трибуны. Силе поэтических образов Барбье учился непосредственно у Данта, ревностным почитателем которого он был, а не следует забывать, что «Божественная Комедия» была для своего времени величайшим политическим памфлетом.

Ямбы Барбье, рожденные вспышкой тридцатого года, следовали пачкой один за другим: «Собачья склока», «Лев» («Я был свидетелем трехдневного смятенья: три дня метался лев народного терпенья по звучным мостовым прабабки городов»), «Девяносто третий год», «Мятеж», и особняком два последние, направленные против культа Наполеона: «Популярность» и «Истукан».

В ненависти своей к Наполеону Барбье одинок во всей романтической школе. Для Наполеона приберегает он самые сокрушительные, дантовские образы. Для него Наполеон еще жив. Яд наполеоновского культа, разлагающий демократию того времени, яд, приготовленный в лабораториях лучших поэтов и художников, он рассматривает как опаснейший токсин.

После этой пачки ямбов дыхание большого стиля отлетело от Барбье. Он жил еще долго – до 1882 года, путешествовал в Италии и Англии, воспевал лазурные гроты и античные кладбища и оставил ряд сентиментальных поэм в духе справедливости и человечности.

В Россию, несмотря на запрещение николаевской цензуры, Барбье проник очень рано. Лермонтов зачитывался им на гауптвахте и испытал сильное его влияние. В кружке петрашевцев Барбье знали и переводили; поколение шестидесятников, не будучи в состоянии оценить поэтической силы Барбье, восхищалось им как сатириком. Характерно, что редактор «Вестника Европы» Стасюлевич, покоробленный подлинным выражением

Барбье «святая сволочь», – просил своего переводчика смягчить его или заменить другим. Некрасов переложил стихотворение Барбье «Пророк» – «Не говори, забыл он осторожность...». Нынешняя революционная поэзия, идущая совершенно другими путями, не испытала классического влияния Барбье. Отзвуки его голоса мы слышим у Лермонтова и даже у Тютчева (когда он говорит о Наполеоне). Но в поэзии Барбье нас пленяет даже не страсть, не буйство образа, а одна почти пушкинская черта: уменье одной строкой, одним метким выражением определить всю сущность крупного исторического явления.

Белый А. Записки чудака. *Рецензия*

Русский символизм жив. Русский символизм не умер. Пифон клубится. Андрей Белый продолжает славные традиции литературной эпохи, когда половой, отраженный двойными зеркалами ресторана «Прага», воспринимался как мистическое явление, двойник, и порядочный литератор стеснялся лечь спать, не накопив за день пяти или шести «ужасиков».

В послесловии к «Запискам чудака» Белый оговаривается, что он написал заведомо плохую книгу – признание в устах автора почти всегда неискреннее; и, действительно, тут же следует – «но зато книга моя необыкновенно правдива». Искренность книги Белого – вопрос, лежащий вне литературы и вне чего бы то ни было общезначимого. Плохая книга – всегда литературное и социальное преступление, всегда ложь. Приемы, которыми написана книга «Записки чудака», далеко не новы и не представляют собой откровенья: это последовательное и карикатурное развитие худших качеств ранней прозы Андрея Белого, грубой, отвратительной для слуха музыкальности стихотворения в прозе (вся книга написана почти гекзаметром); напыщенный, апокалиптический тон, трескучая декламация, перегруженная астральной терминологией вперемежку с стертыми

в пятачок красотами поэтического языка девятисотых годов.

В книге можно вылущить фабулу, разгребая кучу словесного мусора: русский турист, застигнутый войной в Швейцарии, строит Иоаннов храм теософской мудрости; швейцарцы, обратив внимание на подозрительного иностранца, высылают его, и, преследуемый шпиономанией, он вполне благополучно возвращается через Англию и Норвегию в Россию. Но фабула в этой книге – просто заморыш, о ней и говорить не стоило бы, хотя жадно отдыхаешь на всякой конкретности, будь то описание бритого шпика, пароходного табльдота или просто человеческое слово, верно записанное. Книга хочет поведать о каких-то огромных событиях душевной жизни, а вовсе не рассказать о путешествии. Получается приблизительно такая картина: человек, переходя улицу, расшибся о фонарь и написал целую книгу о том, как у него искры посыпались из глаз. Книжка Белого – в полном согласии с немецкими учебниками теософии, и бунтарство ее пахнет ячменным кофе и здоровым вегетарианством. Теософия – вязаная фуфайка вырождающейся религии. Издали разит от нее духом псевдонаучного шарлатанства. От этой дамской ерунды с одинаковым презрением отшатываются и профессиональные почтенные мистики, и представители науки.

Что за безвкусная, нелепая идея строить «храм всемирной мудрости» на таком неподходящем месте? Со всех сторон швейцары, пансионы и отели; люди живут на чеки и поправляют здоровье. Самое благополучное место в мире. Чистенький нейтральный кусочек земли, и в то же время в сытом своем международном благополучии – самый нечистый угол Европы. И на этом-то месте, среди фамильных пансионов и санаторий, строится какая-то новая София. Ведь нужно было потерять всякое чутье значительности, всякий такт, всякое чувство истории, чтобы додуматься до такой нелепицы. Отсутствие меры и такта, отсутствие вкуса – есть ложь, первый признак лжи. У Данта одного душевного события хватило на всю жизнь. Если у человека три раза в день происходят

колоссальные душевные катастрофы, мы перестаем ему верить, мы вправе ему не верить – он для нас смешон. А над Белым смеяться не хочется и грех: он написал «Петербург». Ни у одного из русских писателей предреволюционная тревога и сильнейшее смятение не сказались так сильно, как у Белого. И если он обратил свое мышление, свою тревогу, свой человеческий и литературный стиль в нелепый и безвкусный танец, тем хуже для него. Танцующая проза «Записок чудака» – высшая школа литературной самовлюбленности. Рассказать о себе, вывернуть себя наизнанку, показать себя в четвертом, пятом, шестом измерении. Другие символисты были осторожнее, но в общем русский символизм так много и громко кричал о «несказанном», что это «несказанное» пошло по рукам, как бумажные деньги. Необычайная свобода и легкость мысли у Белого, когда он в буквальном смысле слова пытается рассказать, что думает его селезенка, или: «событие неописуемой важности заключалось в том, каким образом я убедился, что этот младенец есть я» (младенец, разумеется, совершенно иносказательный и отвлеченный). Основной нерв прозы Белого – своеобразное стремление к изяществу, к танцу, к пируэту, стремление танцуя объять необъятное. Но отсутствие всякой стилистической мысли в его новой прозе делает ее чрезвычайно элементарной, управляемой двумя или тремя законами. Проза асимметрична, ее движения, движения словесной массы, – движение стада, сложное и ритмичное в своей неправильности; настоящая проза – разнобой, разлад, многоголосие, контрапункт, а «Записки чудака» – как дневник гимназиста, написанный полустихами.

В то время как в России ломают головы, как вывести на живую дорогу освобожденную от лирических пут независимую прозаическую речь, в Берлине в 1922 году появляется в издании «Геликона» какой-то прозаический недомерок, возвращающий к «Симфониям». «Записки чудака» свидетельствуют о культурной отсталости и запущенности берлинской провинции и художественном одичании даже лучших ее представителей.

Гауптман Г. Еретик из Соаны. *Рецензия*

«Еретик из Соаны» – типичная германская модернистская новелла. Германский модернизм, колеблясь между легким чтением и так называемыми «символическими и мистическими запросами», выработал особую разновидность повествования, уснащенного психологией и высокопарной символикой, но не лишенного внешней занимательности. С одной стороны, сомнительные глубины, но с другой – нельзя же пренебрегать и легкомысленными вкусами среднего читателя. В результате целый пантеон грошового символизма, где «глубины духа» отлично приспособлены к вагонному чтению. Но «Еретик из Соаны», повесть о превращении священника Франческо в козьего пастуха (итальяно-швейцарский ландшафт, дионисийские козлы, приапический культ, горная девушка-соблазнительница и пр.), не годится даже для вагонного чтения. Здесь германская новелла-модерн окончательно отяжелела и заплыла жиром. Полное отсутствие фабулы, характеристик, опорных пунктов повествования, чудовищная лирика в прозе, вроде: «мистерии черных объятий в зеленой траве, перламутровое сладострастье, восторг и опьянение, тайны желтых маисовых зерен, всех плодов, всех красок». Время действия не определено (от XV до XX века!), сама повесть об искушении молодого священника развивается черепашьим шагом, причем надоедливый экстатический тон повествования удушает даже зачаточное действие. Удивительно, до чего «Еретик из Соаны» – традиционная, типическая вещь. Запоздалый культ Ренессанса и совершенно невинная «языческо-пантеистическая» вражда к христианству – давно знакомый штамп германского модернизма. Это – приват-доцент, отдыхающий в санатории, облаченный в сандалии и, поверх егерской фуфайки, в козьи шкуры, доцент, предпочитающий для отдыха озера итальянской Швейцарии, местечки вроде Лугано и прочие благословенные, изобилующие пансионами и оте-

лями места, потому что они настраивают его на возвышенный мифологический и филологический лад. Таким санаторским доцентом в козьей шкуре представляется нам Гауптман – автор «Еретика из Соаны». Связь Гауптмана с ужасным литературным вкусом среднего мещанского читателя вычеркнула его из списка действующих рядов современной немецкой литературы. Тяжеловесные экстатические повести о священниках, искушаемых девушкой и козлом, – отрыжка популярной, необычайно распространенной в Германии литературы о Ренессансе с восхвалением язычества, причем Ренессансу приписывается совершенно чуждый ему дух мистического пантеизма. Весь этот треугольник между университетом, мюнхенским кафе и швейцарской санаторией, столь типичный для германской «новеллы», – всё это может повергнуть в отчаяние. И никакое уважение к автору «Ткачей» не должно препятствовать борьбе с литературными ублюдками, вроде «Еретика из Соаны».

Свентицкий Ан. Сказания о короле Артуре и о рыцарях Круглого стола. *Рецензия*

Ан. Свентицкий использовал в своей книжке часть большого кельтского цикла о короле Артуре. Этот цикл весьма разветвлен и, самое главное, в подлиннике утрачен, не существует. Основным фондом, откуда европейская поэзия черпает артуровский сюжет, являются знаменитые стихотворные романы-повести Crestien de Troyes – занимательная литература, авантюрный роман.

Crestien de Troyes – француз XII века. Отличный авантюрный рассказчик, мастер стихотворного повествования.

Но ни Тристана с Изольдой, ни мерлиновской ветви, обработанной Свентицким, от Кретьена не дошло. Первоисточником мерлиновского сюжета считается латинская

Historia regum Britanniae монаха Gaufrei de Monmouth. Трудно сказать, с какой позднейшей французской или итальянской переделки снимал свою мерку Свентицкий. Рыцарский роман русской ярмарки и лубка неизмеримо выше. Это же стихи Щепкиной-Куперник, переложенные прозой: «яркий шлем», «чары», «блестящие доспехи», где фраза закруглена, как в канцелярском протоколе. Где у Свентицкого меткость и разнообразие эпитетов Кретьена, где ручеек свежей авантюрной повести?

Книга – полное недоразумение. На первый взгляд, сделана под «романтическое средневековье». Без указания источников. Без примечаний. Без указания, перевод ли это, переделка или стилизация. Голый прозаический текст. Имя Свентицкого – и больше ничего.

Подлинным средневековьем, филологическим духом здесь даже не пахнет. Это изделие во вкусе машинных французских ковров с «рыцарями», «колдунами» и «турнирами». Однако у книги все-таки есть источники, своя генеалогия. Поэтизированье и переливанье из пустого в порожнее сюжетов артуровского цикла, приспособление их к самому банальному современному пониманию, вся эта никчемная «работа», одинаково ненужная и филологу и читателю, – еще один поклеп на средневековье с его здоровым и утонченным художественным организмом, изумительно гибким каноном форм. Поразительно, как обесценивается, обесцвечивается до неузнаваемости, перелицовывается чудесная ткань средневековой фабулы в руках «поэтичного» любителя. Всему виной любовь к поэтичному, к «французскому коврику» и недостаток филологического образования.

Очевидно, Свентицкий соблазнился лаврами главаря теперешней романистики Бедье. Бедье воссоздал по Кретьену и другим источникам утраченную фабулу Tristan et Iseut[1]. «Тристан и Изольда» Бедье – настоящее чудо реконструкции, почти подлинник – и безусловно заслуживает перевода на русский язык.

---

[1] Тристан и Изольда *(франц.)*

Пьер Гамп

Пьер Гамп – сейчас самый популярный писатель во Франции. Его романы выдержали десятки изданий; есть произведения, разошедшиеся в сотнях тысяч экземпляров, есть пьесы, не сходящие с репертуара избалованных парижских театров. Его «Песнь Песней» премирована, а «Рельсы» знает каждый грамотный человек. Пьера Гампа цитируют, Пьера Гампа интервьюируют, Пьера Гампа переводят на все языки.

Госиздат принял к переводу целый ряд его блестящих беллетристических произведений; предисловие к ним пишет секретарь ЦБ Французской компартии – Борис Суварин.

Чем объяснить такую до чрезвычайности быструю и необычайно широкую популярность нового французского бытовика-беллетриста, резонера-драматурга, еще два года назад никому не известного? Причин несколько. Первая, разумеется, как и должно быть, – это сильный и своеобразный талант. Вторая причина – своевременность появления на литературно-общественном горизонте острых тем, на которые пишет Пьер Гамп. Певец труда и поэт печали, он с таким мастерством открывает один за другим новые и новые уголки в жизни и быте «меньшего брата» и с такой силой художественности и определенного социального уклона передает читателю свое настроение, что, в сравнении с нашими далекими дореволюционными временами, его можно приравнять лишь к Максиму Горькому, который своих «босяков» посадил в почетном углу барского дома русской литературы. Но есть и третья причина, в которой кроется значительная часть шумного успеха и заслуженных лавров нового гуманиста, – это его, безусловно, незаурядная биография. Джек Лондон, О. Генри, Кнут Гамсун должны почтительно расступиться и дать место Гампу. В узкий круг признанных больших писателей вступает человек, до 18 лет бывший неграмотным.

Что же делал, кем был до своей славы этот писатель? Кочегаром, кондитером, булочником, чернорабочим, чем хотите – обычные этапы бродяжничанья мятущейся души, в конце концов обретшей покой на хорошем месте старшего повара в большом ресторане. Многие пишущие были бродягами, многие ими становились, чтобы получать и пополнять свой запас наблюдений и тем из подлинной жизни, но немногие из пишущих могут в своей биографии отметить неграмотность до 18 лет. А из тех, кто отметит, – знаменитостей нет. Есть одна замечательная черта в произведениях Гампа – это любовь к труду и жалостливость к самым мелким невзгодам трудящихся. Эти два чувства сквозят и просачиваются в каждом его самом маленьком рассказе, посвящает ли он всю книгу жизни рабочих большой парфюмерной фабрики, дает ли изумительные картины на фоне повседневных работ железной дороги («Рельсы»), бойни, или дубильного завода («Муха»), любовно описанный труд и бесхитростно трогательное изображение горестей простого люда. Гамп не учит – он только показывает. Но наглядные уроки, которые им даются, – не забываются. Они твердят и доказывают, что в мире крупного капитала рабочий не может освободиться от рабства, пока он не сбросит с себя оковы, что в предстоящей борьбе, кроме этих оков, он ничего потерять не рискует.

По красноармейским рукописям

Передо мной небольшая пачка красноармейских литературных опытов. Стихов больше, чем прозы. Всех почти тянет на стихи. Почему?

Красноармейская жизнь дает много сильных, здоровых и свежих впечатлений. Жизнь течет приподнято.

И вот эти нахлынувшие, новые впечатления ищут выхода, просятся в песню. Не случайно большинство берется именно за стихи. Песня лучше всего передаст волнение человека.

Но вот – странное дело, когда читаешь эти строки, нередко искренние и прекрасные по чувству, то приходит в голову: автор, наверное, складно и хорошо говорит, за словом в карман не полезет, а в стихах у него язык заплетается, и не только песни не выходят, но даже трудно выговорить. Красноармеец Поляков пишет:

На границе мы стоим,
В оба зорко мы глядим,
Чтоб шпион контрабандой
Не имел куда пролезть.

Первые две строчки еще похожи на песню, а третья и четвертая мучительно нескладны. Стихи тем и хороши, что их легко выговорить. Если палкой сгонять слова под рифму, а они упираются, не идут, получается нескладная, несуразная речь, и уж гораздо лучше говорить осмысленной прозой.

Больше того, лихое рифмачество мешает людям рассказать как раз самое интересное, заставляет топтаться на месте. Так, другой красноармеец, вместо того, чтобы рассказать об интересных явлениях красноармейской жизни, всё время повторяет:

В Красной армии служить
и присягу принимать,
без измены всё служить,
служить вечно без измены... и т. д.

* * *

У многих замечается особое стремление выразиться в стихах как можно вычурней, чтобы было непохоже на обыкновенную речь. Отделком 133-го полка Носов рассказывает о деревенской зиме. Детишки катаются на салазках. И вдруг –

Словно пушки разрядились:
Прокатился детский смех.

Конечно, автор никогда бы себе не позволил сказать такую несуразную вещь в разговоре, а в стихах ему кажется, что так и нужно.

Нужно сказать, что не только начинающие авторы-красноармейцы грешат таким образом, поэты-интеллигенты, особенно любители, ничуть не лучше.

Вот, например, дурное влияние интеллигентской поэзии:

Медведи заходят в берлоги,
мятели поют, словно бес.

Никто ведь никогда не слышал, как поет бес. Неужели автор, сравнивая метель с пеньем беса, надеется дать живой образ метели, но по дурной литературной привычке метель принято сравнивать с бесом, и автор – жертва этой привычки.

Когда-то Пушкин написал знаменитое стихотворение «Бесы», про метель же. Конечно, и он ни в каких бесов не верил, но картина зимней ночи напомнила ему народное поверье; а потом уже пошли без всякого толка сравнивать метель с бесом.

* * *

Красноармеец 134-го полка рассказывает о полковом собрании. Его поразила сильная и твердая речь командира о германских событиях. Как же он передает эту речь?

Час к часу будь готов
На помощь раб-германской силы.

Командир так никогда не мог сказать. Автор, ломая слова для стихов, сам придумал выраженье «раб-германская сила», т. е. «рабоче-германская». Выраженье неудачное, и получилась двусмысленность: «будь готов, раб германской силы».

На все лады в стихах повторяется мысль о необходимости братства с германским трудовым народом:

Хоть сейчас готовы, ждем другие народы

или:

И чтобы с новым годом
Нам слиться с западным народом.

Но прекрасная мысль выражена беспомощно: «Стальной млат не знает преград».

Видно, для рифмы понадобилось мертвое церковнославянское слово «млат» вместо молот.

Вообще начинающие писатели, когда говорят о революции, очень охотно тянутся к эмблемам, т. е. картинным изображениям: серпу, молоту, солнцу, звезде, красному знамени и т. д.

Между тем это следует беречь для праздников, для очень важных случаев. Если же трепать их по всякому поводу, они потеряют свой смысл.

В одном стихотворении курсант Лин почти выходит на настоящую дорогу, т. е. схватывает жизнь: курсант в больнице –

Как уйти от больничных будней?
К черту халат: лучше хлебать курсантский студень.
Нам ли, нам ли мощью молодых крыл,
Время одолевшим, от лени
Вымеривать стен *оскалые* плеши?

Хорошо, что он говорит о живых вещах: о студне, о халате, но как же он додумался до оскаленных плешей? Какие же у плеши зубы?

* * *

От стихов перейдем к прозе. Чрезвычайно радует своим рассказом «Выдержка» товарищ С. Д-ло. Всё хорошо и толково в его маленькой повести: и вечер в казарме, где

«Курили много, курили до того, что свет от маленькой лампы казался сизым и умирающим».

И лукавый кулак-бандит, заманивший к себе в дом красноармейца:

«А чего ж, милости просим».

Маленький эпизод гражданской войны рассказан так, что любо слушать, а сам рассказ вставлен в рамку сегодняшнего красноармейского быта:

«– Нет, братцы, что ни говорите, – заметил Зелев, – а кровавое было время, по-моему, это была настоящая наша жизнь. А теперь что?

– Ну, это романтика, – пробасил Батрак. – Разве теперь мы не боремся, разве некуда силы приложить. Ты вот сидишь, как колода, а почему? Потому что целый день сегодня боролся с еще большим бандитом, боролся с темнотой. С этим бандитом у нас теперь борьба; а надо будет – мы шашками умеем».

Saint-Ogan L. Toudiche.
Рецензия

Книга захватывает революцию, директорию и, главным образом, наполеоновскую реставрацию. Но тщетно стали бы вы искать в ней героики, маршалов, орлов и т. п.

Это похождения мошенников, своего рода «Мертвые души», история ампирного Чичикова – четкая, сухая, местами непристойная, очень злая и остроумная книга. Тудиш, от лица которого ведется рассказ, – скромный авантюрист, работающий на пороге двух столетий, пассивный авантюрист, «Казанова поневоле». Его притягивают самые разнообразные общественные и семейные группировки, он выжимает их, как виноградные гроздья, он сам переходит из рук в руки.

Это «путешественник по житейскому морю», тип, излюбленный литературой XVIII века, часто воплощаемый в гувернере, «меняющем дома».

Тудиш – рационалист. Роль Фигаро его несколько тяготит, у него определенный вкус к буржуазной оседлости, которому благоприятствует общий уклон эпохи. Он принадлежит к числу людей, которые нашли себя *после революции*, через бурное самоопределение с ничтожным результатом.

Тем интереснее замысел романа.

В начале еще соблюдается революционный календарь.

Конфирмуют Тудиша на чердаке, украшенном зелеными гирляндами. Учится он в республиканском интернате, где нетоплено, укрываются матрацами, пьют ледяную воду.

Первый эпизод, развертывающий живописное дарование Сент-Огана, – большая деревенская свадьба, где отступившегося жениха неожиданно и неофициально заменяет Тудиш.

Затем Тудиш – учитель в семье, изгоняемый ревнивой хозяйкой.

Далее – гувернер в замке.

Большое гнездо романа – замок *Бельмарест*.

Любовницы грансеньора с детьми живут патриархальным гаремом и обедают на трех столах – *по сословиям*. Тудиш приглашен гувернером ко *всем* детям сразу.

Поездка в Париж. Посещение притона. Сухой реализм. Ощущение современности временами доходит до газетной остроты. Во всем чувствуется глубокая и темная вода. Нередко прозрачный анекдот глубок, как омут.

Некий маркиз на 2 недели уехал в Париж, да так и остался там на 3 года: боится дорожных опасностей (у него *шок* после революции).

Некто татуировал на руке «смерть тиранам» и сейчас боится засучить рукав.

Экономические отношения эпохи выявлены блестяще. Операции с национальными имуществами, медовый месяц буржуазии.

Всеобщее жульничество. Мошенничество вспыхивает там, где его всего меньше можно было ожидать. Молодые прекрасные женщины изобретательны не менее мужчин.

Центральный эпизод романа, занимающий вторую, бóльшую часть книги, – «одиссея страхового общества». Фон – «золотой век» Наполеона. Тудиш примкнул к шайке некоего Лорана. (Между прочим – вводный эпизод: перепродажа кафе «на ходу» с инсценированной клиентурой мнимых «завсегдатаев», в труппу входит даже поэт, «прочитавший трагедию m-lle Mars».)

Эта одиссея шайки Лорана, ошеломляющего провинциальных префектов, совершенно по-хлестаковски, рассказами о своей близости к Тюльери, орудующего именем Императора, который приказал ему «утереть слезы своих бедных детей», – отличное ядро романа.

Лоран – гениальный учитель Тудиша. Дилижансы. Гостиницы. Смехотворные салоны, банкеты, речи. Развязка почти «под “Ревизора”». Лоран – гибнет от правосудия. Тудиш вывернулся и остепенился.

Характерно для злой и прозрачной прозорливости романа: последняя страница, дурной сон Тудиша (от тяжелого воздуха в комнате): *он видит военное разрушение, развалины родных мест.*

Если б на обложке не стояло прославленное нескромным издателем имя А. Франса, читатель сказал бы: вот его прекрасный ученик. Но вспомнил бы, пожалуй, с большим правом имена Стендаля и Лакло.

Сент-Оган Л. Тудиш.
Предисловие

Современность вправе предъявлять к историческому роману повышенные требования. Всякая стилизация, всякая подделка под дух и язык прошлого не нужны современному читателю, оставляют досадное впечатление.

Образы отошедших исторических эпох в исторической борьбе сегодняшнего дня являются не пассивными воспоминаниями, а действенными силами – орудием, которым пользуются борющиеся стороны.

Нельзя не отметить страстных литературных споров, ведущихся в западной литературе, за то или иное освещение определенных моментов прошлого.

По отношению к великой революции и началу XIX века – Директории и Империи французская литература обычно не проявляет ни объективности, ни добросовестности.

Любой мещанский французский писатель, любой академик одобряет Революцию – до Робеспьера и с лицемерным пафосом отвергает ее дальнейшее развитие. Директория и наполеоновская эра в любом банальном французском романе представляется как тихая бухта

после мрачного шторма, как начало и обещание золотого века. Особенно наполеоновская эра истолковывается, в некотором роде, как залог «победоносных возможностей» будущего, как классический образец, отбрасывающий тень на сомнительное величие буржуазной республики.

Работа по идеализации исторического прошлого, по «канонизации» его, ведется академической частью французской литературы в течение прошлого века и по сегодняшний день с исключительным упорством и настойчивостью (Жанна д'Арк и пр.).

Но во Франции всегда существовало и сейчас существует обратное течение: борьба с мишурной позолотой прошлого, уничтожение фетишей, развенчание ложной святости и мнимого героизма. Беспощадная ирония, свойственная французскому уму, насмешливая зоркость, трезвая проницательность – вот качества, отмечающие предлагаемый читателям роман Лефевра Сент-Огана «Тудиш», посвященный эпохе Директории и первым годам наполеоновской эры.

Бернард Шоу направил свой удар на личность самого Наполеона. Он показал, что прославленный император, любимец рантьеров, тайный идол французского мещанина, чей малахитовый саркофаг в самом сердце Парижа до сих пор служит предметом сентиментального поклонения буржуазии, – вылеплен из того же теста, что и всякий буржуа, и что не случайно буржуазная Франция поставила его в число своих исторических пенатов.

Лефевр Сент-Оган, достойный ученик Анатоля Франса, оставляя в стороне центральную фигуру эпохи, показывает ее будничную повседневную подоплеку, мелкую бытовую зыбь, расходящуюся вокруг больших имен и событий. Он берет тогдашнюю Францию в провинциальном разрезе. Его интересует мутная вода эпохи – он видит в ней гротеск, анекдот.

Книга захватывает лишь косвенно революцию, главным же образом Директорию и наполеоновскую реставрацию, но тщетно стали бы вы искать в ней героики, маршалов, орденов и т. п.

Это похождения помещиков, своего рода «Мертвые души», история «ампирного Чичикова», четкая, сухая, очень злая и остроумная книга. Тудиш, от лица которого ведется рассказ, – скромный авантюрист, действующий на пороге двух столетий, пассивный авантюрист, «Казанова поневоле». Его притягивают самые разнообразные общественные и семейные группировки, он выжимает их, как виноградные гроздья, он сам переходит из рук в руки.

Это путешественник по житейскому морю, тип, излюбленный литературой XVIII века, часто воплощаемый в гувернере, «меняющем дома».

Тудиш – рационалист. Роль Фигаро его несколько тяготит. У него определенный вкус к буржуазной оседлости, которому благоприятствует общий уклон эпохи. Он принадлежит к числу людей, которые нашли себя после революции, *через бурное самоопределение – но с ничтожным результатом.*

Тем интереснее замысел романа, позволяющий взглянуть на эпоху глазами человека, который по самой социальной природе своей должен был всегда быть настороже, служа барометром исторической погоды.

По манере письма «Тудиш» примыкает к авантюрному роману XVIII века. На нем лежит печать подлинности. Это больше, чем стилизация. Воссоздавать прошедшее не путем ложной идеализации, а глазами и устами подлинного современника, изнутри его сознания, его средствами, психикой и языком, Лефевра Сент-Огана научил Анатоль Франс.

К «Тудишу» нужно подойти, как к подлиннику, как бы вновь открытому роману, написанному на рубеже XVIII и XIX века.

Как подлиннику, мы должны простить «Тудишу» прежде всего то, что герой его, Тудиш, личность выразительная, но сама по себе ничтожная – мелкая лукавая рыбка, озабоченная инстинктом самосохранения, плещущаяся в мутной исторической воде.

Как подлиннику, мы должны простить «Тудишу» мнения и характеры его персонажей, легкомысленный

воздух, которым они дышат, ибо за каждой мелочью «Тудиша» чувствуется серьезный исторический фон.

Если бы французский писатель начала XIX века захотел проследить судьбу типичного мелкого авантюриста XVIII столетия, перешедшего за порог новой эры, он бы написал именно «Тудиша».

Чем объясняется расцвет авантюризма и в жизни и в литературе XVIII века?

С одной стороны, слабеющие феодальные могущества, медленно агонизируя и справедливо не доверяя уже оформлявшемуся третьему сословию, искали невольно поддержки в деклассированных выходцах этого сословия, его перебежчиках, «блуждающих почках», какими по существу своему и являлись эти авантюристы века; с другой стороны, этим перебежчикам, путешественникам по сложной карте дряхлеющих феодальных могуществ Европы, представлялось необычайно широкое поле действия.

Светские и духовные власти, не уверенные в себе, не доверяя друг другу, легко шли на удочку шантажа и вымогательства, позволяли себя морочить, находились в постоянной зависимости от ловких проходимцев.

После Реставрации положение в корне изменилось. Намечавшиеся скрепы нового буржуазного строя сразу же сообщили общественным отношениям бóльшую устойчивость. Тут нужны были другие приемы. Секрет успеха заключался в уменьи учесть новую экономическую обстановку, искусно лавируя между биржей и свежеподмалеванными гербами. «Тудиш» успешно разрешил для себя эту проблему. Вторая часть романа – одиссея страхового общества – показывает, как приспособился Тудиш к новой обстановке, как действовал он в новых условиях.

Тудиш нашел себе учителя – Лорана. Лоран сильнее. Он цельный характер. Он дерзок. Сама идея Лорана – до некоторой степени вызов обществу и властям.

Никем не уполномоченный, без медной полушки, не имея чем заплатить в гостинице, вооруженный лишь бережно хранимой в тощем чемоданчике безукоризнен-

ной черной парой и где-то раздобытым орденом, он расточает по провинциальным префектурам свои щедрые страховые посулы, орудует ни более ни менее как именем самого Наполеона. Превосходно выступление Лорана в зале провинциальной префектуры перед околпаченными чиновниками и разинувшими рот буржуа. Он произносит медоточивую речь во вкусе официального красноречия эпохи. Он издевается, он предлагает утереть слезы вдов и сирот по поручению чадолюбивого монарха. Он поймал нерв эпохи. Он поет соловьем о нежной любви императора к среднему собственнику, оплоту государства и порядка.

Материал эпопеи Лорана, как сообщает Лефевр Сент-Оган, взят из подлинного судебного процесса, сохранившегося в газетах 1812 г.

Но Тудишу не по пути с Лораном. Уже округляется его чичиковский подбородок. Уже намечается солидный буржуа, отец семейства. Лоран ввергнут в темницу, Тудиш – ускользнул из лап правосудия. Получил охранную дворянскую грамоту. Отныне он будет мошенничать легально.

Волна всеобщего мошенничества захлестывает весь роман. Это не случайность. Это оригинальное и очень глубокое наблюдение над духом всей Реставрации. Эпос наполеоновских войн входит в раздробленное сознание эпохи отнюдь не героически. Военная слава является как бы капиталом, рента и проценты с которого жадно расхищаются всеми, кто только может и умеет, не брезгуя средствами, не останавливаясь перед мистификацией, подлогом и головоломными трюками.

Весьма характерна позиция Тудиша по отношению к религии. Значительно уже одно то обстоятельство, что этот пройдоха готовился к священному сану и при других обстоятельствах мог быть недурным епископом.

Кроме Тудиша и Лорана, Лефевр Сент-Оган дает целую портретную галерею гротескных персонажей. Эти миниатюрные портреты – на одну, две страницы, – напоминающие лучших карикатуристов наполеоновского времени, конечно, не могли быть написаны, если бы

Лефевр Сент-Оган не принадлежал к поколению, которое училось у Анатоля Франса.

Вот монсиньор Сивилла (только что из Рима), в терминах апостольского красноречия утешающий сумасбродную даму, у которой околел щенок, ставя на вид, что здесь не без божьей кары, ибо собака была названа христианским именем.

Вот бывший откупщик в парике и франклиновских очках, на чердаке пережидающий революцию.

Некий маркиз на две недели уехал в Париж, да так и остался там три года, боясь дорожных опасностей.

Целая шайка занимается перепродажей «кафе на ходу», инсценируя клиентуру мнимых завсегдатаев; в труппу входит даже «поэт, прочитавший трагедию мадемуазель Марс».

Любовницы грансеньора с детьми живут патриархальным гаремом и обедают на трех столах, по сословиям. Тудиш приглашен гувернером ко всем детям сразу.

Сухой реализм. Ощущение современности временами доходит до газетной остроты. Во всем чувствуется глубокая и темная вода. Нередко прозрачный анекдот глубок, как омут.

Нелепо спрашивать у Тудиша о революции: он ее только переждал. Зато лучше, чем кто-либо другой, Тудиш расскажет о реставрации. Какая разительная противоположность между величавым стилем «ампир», между пластикой эпохи, уходящей корнями именно в революцию, и ничтожными характерами ликвидаторов революции! Тудиш принадлежал к ликвидаторам революции – тем самым уже опорочена ее ликвидация.

Эпоха, на которой остановился Лефевр Сент-Оган, привлекала внимание крупнейших писателей: Бальзака и Стендаля. Уровень жизненности этой эпохи, ее возбужденный пульс, столпотворение красок и характеров при неумолкающем гуле только что отгремевшего столкновения двух веков – благодарнейший материал для романиста. Но никто лучше Лефевра Сент-Огана не сумел показать последнего прыжка когда-то гибкого восем-

надцатого века, который, как зверь с раздробленными лапами, упал на подмостки новой эры.

Мы должны быть благодарны Лефевру Сент-Огану и его литературному учителю Анатолю Франсу за позднюю, но меткую характеристику столь значительной переломной эпохи.

Для русского читателя не безразлично, как расценивает современная литература Франции важнейшие моменты ее исторического прошлого. От этой расценки зависит многое. И в ряду писателей, для которых прошлое – не мертвая священная риза, а живая органическая ткань, сплетенная из тончайших волокон, – Лефевру Сент-Огану принадлежит почетное место.

Strobl K. H.
Gespenster im Sumpf.
Рецензия (1)

Книга Karl Hans Strobl'a «Gespenster im Sumpf» – поздний цвет германской романтики, воскресшей с изумительной силой, молодостью и буйством. Горькая любовь к Европе, исполненная дикой нежности, безрассудства и прелести отчаянья, выделяет ее из сотен внешне подобных ей книг.

Книгу пронизывает не одно действие, а целые *потоки* действия. Они сносят на своем пути многочисленные искусно построенные и трудные плотины реального плана, воздвигнутые автором. Вена – историческая язва на теле старой Европы, и выбор места действия, топография романа *не случайна*: речь идет об *отрицательном полюсе* старой культуры. Судорожно распутывается ее последний узел. Как и все крупные романтики, Штробль обладает в высокой степени даром *систематики* и *логики*. Книга начинается с находки *плана* Вены в чужом сюртуке, поданном в Нью-Йорке миллиардеру. В дальнейшем действии этот план оживает, населяется

сотнями существ, фосфоресцирует, вспыхивает, погружается в ночь.

В «Gespenster», произведении строго логичном и глубоко музыкальном (Штробль – мастер прозаического контрапункта, *периода*, унаследованного от Жан Поля и Гофмана), я различаю *следующие* темы:

1) трагедия умирающего города, разработанная *совершенно реально*,

2) тема иронии и гротеска, значительного социально и политически (очень желательного),

3) тема *приключений* молодой американки (собственно *рассказ*) в развалинах и катакомбах Вены,

4) интереснейшая тема *подпольной* жизни в Вене: острые голоса атавизма,

5) наконец, чистая тема *музыки*, вплетенной в рассказ, приблизительно в шубертовском ключе.

Примеры ситуаций: 1) булочник эпохи упадка – изобретатель булочных колокольчиков, запеченных в тесте (средство от вора); окаменевшие хлебцы (Glockenbäckerei) в пустом городе звенят бубенцами; 2) последнее венское правительство, в котором участвует всё сохранившее разум население; все – государственные секретари; 3) правительство *женщин*; 4) окончательно одичавшие венцы-землееды (Erdfresser); 5) педантичный акцизный, помешавшийся на отсутствии налоговых поступлений.

Пример сокращенья: выбрасываются длинноты из *гротескных* апокалиптических речей венского Иоканаана-столпника, которому, впрочем, оппонирует ведомый на казнь Erdfresser'ами доктор Ней ссылками на исследования Ник. Морозова.

Книга читается с *захватывающим* интересом. *Отнюдь не упадочная*, с элементами *очень желательной* сатиры и памфлета; после *множества* мелких, но необходимых для русского читателя сокращений она может рассчитывать на большой успех.

Strobl K. H. Gespenster im Sumpf. *Рецензия (2)*

«Призраки на болоте» Ганса Штробля – один из опытов фантастического построения «гибели Европы», вернее – и в этом его своеобразие – гибели одной только *Вены.*

Со времен европейской войны прошло лет сорок. Что сталось с остальным миром – автор обходит молчанием, но Вена превратилась в живописные развалины, привлекающие туристов-американцев. Наказанный за вековое легкомыслие, опустошенный болезнью – *morbus viennensis*, – город оцеплен военным кордоном, изолирован от всего мира. По Рингу и Пратеру бродят крысы величиной с собак. Остатки жителей, одичавшие заморыши, играют в правительство, ведут бредовую жизнь. В необычной обстановке просыпаются атавизмы. Автором блестяще использован ряд положений для политической сатиры. Между каменным веком на улицах бывшей европейской столицы и тончайшим упадком перезрелой культуры – тысячи переходов и оттенков. Руины Вены – лес фантастических неожиданностей. Стержень повествования: экскурсия американских миллионеров. Посещение *бывшей Вены* сопряжено с опасностями и стало *спортом.* В книге настойчиво проводится мысль: мозг культуры (старой Вены) пережил ее распад и *самостоятельно бредит.* Литературная школа автора: Гофман, Жан Поль Рихтер. Насыщенная, густая, прекрасная проза. Мастерские переходы. Читается с большим интересом.

К сожалению, кроме здоровой фантастики, остроумных образов и ситуаций, в книге очень много болезненного спиритуализма; вкраплены даже элементы теософии.

Оздоровление книги путем искусного сокращения возможно, и в результате его вещь только выиграет.

Новые произведения Жюля Ромена

В ближайшее время в издании Ленгиза выходят две новые книги Жюля Ромена: пьеса «Старый Кромдейр» и повесть «Обормоты».

Еще очень недавно Жюля Ромена у нас знали очень глухо и на вопрос: «читали ли вы Жюля Ромена» – чуть ли не отвечали: «как же, как же, знаю, Ромен Роллан». Между тем Жюль Ромен не похож ни на Ромена Роллана, ни на кого другого из современных французских писателей, если не считать его спутника, его малую планету – Дюамеля. Жюль Ромен – стихотворец и прозаик. Жюль Ромен – реформатор французского стиха. Он пробовал свои силы во всех литературных жанрах, начиная от высокой эсхиловской трагедии («Армия в городе»), кончая кино-романом («Доонго-Тонка») и похождениями обормотов – веселой и остроумной книгой, отличным чтением для юношества – книгой, которая соединяет здоровую грубость Рабле с жизнерадостностью Марка Твена.

Но во всех своих жанрах Жюль Ромен верен одному качеству – своеобразно понимаемой им простоте. Жюль Ромен поставил себе законом писать крупно, почти с каллиграфической четкостью, – так, чтоб видно было издалека. При этом он никогда не впадает в пропись, не поучает, не ханжит, не льет сентиментальных слез.

В предисловии к «Армии в городе» Жюль Ромен говорит:

«В театре нет места обособленной личности, которая царит в лирической поэме. В драматическом произведении на протяжении любой сцены всё сводится к пламенной и текучей жизни группы. Драматический акт – взаимодействие групповых сил. Зритель наблюдает их смену, их борьбу, их взаимное проникновение».

В «Старом Кромдейре» действуют группы крестьян. Мы знаем французского крестьянина. Его инстинкт собственника, косная сторона его психологии достаточно изучены. Драма Жюля Ромена развертывается в одной

из южных провинций Франции, в Севенских горах, где пестрый этнографический состав населения позволил ему столкнуть два различных крестьянских уклада, как бы две расы.

Кромдейр – деревушка, гнездящаяся в скале, выбитая в ней, словно выщербленная долотом. Это каменный улей, твердая ржаная лепешка, нахлобученная на темя гор. Кромдейр – община. У него один язык. Одна воля.

Всё кряжисто в пьесе «Кромдейр» – и люди, и предметы. Такое впечатление производили приблизительно картины художника Курбе, когда впервые появились в живописи толстые деревянные башмаки и крестьянские блузы.

В пьесе два драматических узла: Кромдейру навязывают церковь, которую он не хочет, Кромдейру нужно взять лоссонских девушек. «Мы исконный народ самцов. У нас девичий недород».

Поссорившись с епископом, кромдейрцы строят, однако, свою церковь, увлекшись этой работой не из религиозных побуждений, а из любви к обтесыванию каменных глыб «величиной с быка», в каком-то коллективном опьянении дикой и строгой прелестью возникающей архитектуры.

Церковь готова – и тут-то оказывается, что как таковая она совсем не нужна. Эммануил – любимец деревни, которого прочили в священники, поворачивает это дело в шутку, а старики говорят: «то-то будет нам, старым дьяволам рыжим, исповедываться у него лафа».

Между тем дает себя знать «девичий недород». Назревает умыканье (древний обычай Кромдейра). Кромдейрские конники в ярмарочный день лавиной скатываются в долину. Во главе их Эммануил. Девушки похищены. Они станут плотью Кромдейра.

Другая книга Жюля Ромена, «Обормоты», переносит нас в совершенно иной мир.

Обормоты – семеро друзей-студентов – образуют «группу» в самом жюльроменовском значении слова. Каждый из семерых необходим. Даже бесцветный Мартен, о котором автор затрудняется сказать что-либо

характерное. Эти молодые люди, может быть политехники, будущие инженеры, только недавно отбывшие воинскую повинность, злобно и весело расправляются с набившим оскомину официальным порядком, мстят администрации, военщине, правительству, глупой и смешной провинции.

В студенческом кабачке, на товарищеской попойке возникает мысль о походе на Амбер и Иссуар – две провинциальных префектуры. Кто на поезде, кто на велосипедах, обормоты добираются до городков, обреченных в жертву их мистификаторской изобретательности.

Ночью в Амберские казармы является министр с секретарской свитой. «Я побывал у них в лапах, – говорит обормот Брудье, – сейчас мы отомстим». Строжайшая ревизия. Начальство перепугано. Министр приказывает устроить ночную тревогу. У правительства свои тайные виды. Пусть часть солдат изображает инсургентов, остальные – усмиряют мятеж. Это маневры первостепенной важности. Требуется абсолютная тайна. Мистификация удается. Буржуазный городок Амбер сходит с ума от ужаса, потрясаемый чудовищными ночными залпами, созерцая сквозь щели ставен с неба свалившуюся гражданскую войну.

Две другие мистификации обормотов не менее остроумны и злы.

Проза «Обормотов» экономна, прозрачна и насыщена геометрически точными образами и сравнениями. Пластическая сила Жюля Ромена так велика, что слышно, как хрустит каждый камушек под велосипедной шиной. «Обормоты» достойны занять классическое место среди произведений европейского юмора.

Эти две, столь не похожие друг на друга книги – «Старый Кромдейр» и «Обормоты» – несомненно приблизят Жюля Ромена к русскому читателю. Он – поэт группы, изучающей связи и сочленения современного общества, делает работу аналогичную той, которую в области художественного отображения индустриальной жизни совершил «Гомер производственной техники», ее эпический изобразитель – Пьер Амп.

Ромен Ж. Кромдейр-старый.
Предисловие

Жюль Ромен в современной французской поэзии не одиночка: он центральная фигура целой литературной школы, именующейся унанимизмом. Раскрыв смысл французского наименования школы, получим: поэзия массового дыхания, поэзия коллективной души. Жюль Ромен, Рене Аркос, Дюамель, Вильдрак – вот писатели, делающие одну работу, идущие в одном ярме.

На редкость дружное литературное единение. Литературные братья, унанимисты не боятся совпадений и сходства, как бы стараются походить друг на друга, работают одним материалом; их голоса и походки, характер их усилия – схожи.

В стихах и прозе Жюля Ромена и его товарищей неоднократно и настойчиво выражено желание говорить простыми словами о простых, грубых и обыкновенных вещах, о заурядных средних людях, о любви и работе среднего человека. Не будет ошибкой сказать, что материалом их поэзии является средний человек.

Еще Флобер и Гонкуры тянулись к будничной человеческой особи, не нарядной, не разукрашенной. Но мощные романисты девятнадцатого века совершали свою увлекательную работу как хирурги-анатомы, с некоторым высокомерием – артистической брезгливостью, смешанной с любопытством.

Совсем не то у Жюля Ромена и его группы. Это героическая поэзия обыкновенного человека, насыщенная уважением к его судьбе, к его личности, к его радости и страданию. «Герой» одного из последних произведений Жюля Ромена («Смерть одного из многих») – железнодорожный машинист-парижанин. Жюль Ромен с каким-то суровым благоговением, с настоящей почтительностью вводит нас в круг жизненных интересов этого человека.

Кстати нужно отметить, что в стихах и прозе унанимистов часто, наподобие формулы, встречается обраще-

ние: «один из многих, кто-нибудь» (см. Дюамель – «Ода нескольким людям»).

В драме Жюля Ромена, которая предшествовала «Кромдейру», – «Армия в городе», написанной еще до войны, ни одно из действующих лиц не названо по имени, а указаны лишь социальные признаки и группировки: мэр, жена мэра, первый буржуа, второй буржуа, первый посетитель кафе, второй посетитель и т. д. Но в характеристике этих «номеров» Ромен никогда не собьется: и третий буржуа, и четвертый посетитель – внимательно выписанные скупыми и точными чертами «сгущенные, сборные люди».

Откуда взялись у содружества еще недавно молодых французских писателей почти на пороге европейской войны, в те самые годы, когда человеческое мясо готовилось впрок для бойни, это нежное уважение, эта героическая ласка к человеку толпы?

Мне кажется, лучше всего определить этот своеобразный художественный уклон как расовый демократизм. Бесконечно чуждые национализма и шовинизма, Жюль Ромен и его друзья – писатели не только французской, но, можно сказать, глубже – романской и латинской крови. Они принесли во французскую литературу своеобразную эстетику расы, жажду здоровья, силы и равновесия. Им нужно возрождение расы романской и братской – германской. Им нужно слышать, как вырастает в гудение «наслоенный шум от тысячи дыханий», они готовы благословить и города, и деревни, согретые радостным человеческим теплом здоровой расы.

Нельзя не признать, что это опасный и скользкий путь. Как легко было бы удариться в беспочвенную романтику расы, в сантиментальную болтовню. И где взять, наконец, ядро этой здоровой расы в современной Франции?

Однако опасность эта миновала Жюля Ромена: художественное чутье подсказало ему правильный путь: здоровая раса труда. Дух Уитмэна возродился в ясных и отчетливых латинских формах. «Кто-нибудь», «один из

многих» – стали мерой вещей, золотой мерой века, источником ритма и силы.

Поэты-битюги, поэты-тяжеловозы еще раз сдвинули с места тяжелую колесницу латинского гения.

Всего меньше современная Франция оставляет места для народнических иллюзий. Исторический характер французского крестьянства, достаточно определенный, не поддается никакой идеализации – скорее, он способен служить пугалом для социалистически настроенного горожанина. Кожа французского крестьянина выдублена целым столетием мелкого хозяйничания, и обработать ее под поэтическое народничество так же трудно, как камень под лайку.

Однако Жюль Ромен дал нам «Кромдейра-старого», резко повернувшись лицом к крестьянству, без сентиментальности, без «народничества», обычными для него сгущенно-типическими приемами, и в монументальном видении кромдейрской крестьянской общины, не отступая от этнографической и бытовой правды, он, может быть, вскрыл лишь некоторые подсознательные возможности традиционной психики французского крестьянина.

С большим тактом Жюль Ромен обходит время и место действия «Кромдейра-старого»: он придумал для него целую легендарную этнографию, очень точную и убедительную, но столь же фантастическую, как этнография шекспировской Польши или Московии. По окончаниям некоторых имен, по ландшафту и архитектуре есть соблазн поместить Кромдейр в пиринейскую провинцию, а кромдейрцев считать чем-то вроде басков. Но кряжистые жители горной деревушки, замешанной «как ржаная квашня», и жители Лоссонской долины говорят на одном языке – значит, антагонизм Кромдейра и долины – а на нем держится вся драма – нельзя объяснить грубо этнографически. Приходится брать на веру фантастическую этнографию Жюля Ромена вместе с убедительнейшей его топографией.

Трудно назвать пьесу в мировом репертуаре, где топография, ландшафт так сросся бы с действием, как в

«Кромдейре-старом». Повышение и понижение голоса, подъем, спуск, дыхание речи, походка, малейшее движение связано со строением самой почвы, диктуется необходимостью приспособления к ее шероховатостям, к ее неровностям, к ее геологической архитектуре.

Отсюда – пластическая убедительность, необычайная подлинность всех жестов и интонаций Кромдейра.

Драматическая выдумка Жюля Ромена простотой напоминает античную и даже отдает античным заимствованием. «Армия в городе» – эсхиловская монументальность. Романский городок оккупирован армией по типу германской. Жители устраивают праздник мнимого примирения с победителями, рассасывают их по своим домам. Попытка умерщвления. Античный коварный заговор. «Кромдейр» построен на умыкании девушек из Лоссонской долины – якобы древней, обрядовой, кромдейрской традиции.

Архаический характер кромдейрской общины, общины – охранительницы своего закона и первородного «коммунизма», всемерно подчеркивается Жюлем Роменом. Кромдейр отнюдь не намерен спускаться в долину проповедовать свой «коммунизм». За ним право первородства. Похищенных девушек еще можно претворить в свою кровь, но поднять долину до себя, очевидно, нельзя – нужно родиться гражданином этой твердокаменной деревушки. Противоречия двух пластов крестьянской психики выставлены в совершенно античной наготе.

Интуиция Жюля Ромена позволяет нам заглянуть не только в подсознательный коллективизм французского крестьянина, но освещает еще другой, очень темный, угол его психики – религиозный. Может быть, секуляризация, обмирщение психики французского крестьянина зашло дальше, чем принято думать. Может быть, бесконечно далекий от веселого домашнего язычества Кромдейра, он всё же далеко отброшен от Рима и глухо враждует с ним.

Что же представляет собой «Кромдейр» как литературное произведение? (А помимо социальной и даже

революционной интуиции, он – литературное произведение до мозга костей.)

«Кромдейр-старый» – редкая разновидность пасторальной драмы, или – героическая пастораль в драматической форме. Отзвуки старофранцузской народной поэзии и музыки смягчают суровую простоту медленно, но неуклонно назревающего действия, одного события – умыкания, бросающего тень на все пять актов. Драма движется между пасторалью и драматической арией-монологом для большого голоса, причем наивные и нежные подробности только оттеняют монументальность больших линий. Искусственно изолированный мир Кромдейра живет глубокими и продуманными законами, но сама изоляция Кромдейра, его упростительская тенденция указывает на утомление поэта сложными отношениями современности.

Ромен Ж. Обормоты.
Предисловие

В литературе и общественном мнении старой Европы – до возникновения фашизма и неизбежного вовлечения буржуазной молодежи в политическую борьбу – существовал взгляд на студенчество как на привилегированную касту, временно освобожденную от преклонения перед авторитетами и государственными установлениями, условно свободную и безобидно оппозиционную по отношению к мировоззрению господствующих сил. Лучше всего это отношение передается немецким выражением austoben[1]: студенчество должно перебеситься. На студенческие шалости глядели сквозь пальцы, – будь то простое буйство в кафе, глумление над профессором или даже издевательство над полицейским и бюргерским порядком, – и подобная снисходительность была более чем благоразумна и оправдана необходимостью. Нужно помнить, как и из кого формиру-

[1] перебеситься *(нем.)*.

ется западное студенчество. С помощью каждого нового студенческого набора буржуазия получает и усваивает новые соки из полубуржуазных, полуремесленных и даже крестьянских слоев и незаметно растворяет их. Эти наборы господствующим классам необходимы – и что же удивительного, если последние проявляют некоторый педагогический такт, соглашаясь на безобидное буйство молодежи, смешанной и подозрительной по социальному составу, пока она не будет обработана под нужный цвет и закал колесами высшей школы.

«Обормоты» Жюля Ромена завершают во французской литературе длинную цепь студенческих буйств и мистификаций, начинающуюся еще в пятнадцатом веке подменой вывесок и глумлением над городской стражей, о которых рассказывает мэтр Франсуа Вийон. Но «Обормоты» Жюля Ромена, по глубине мистификации, по силе темперамента, по далеко не безобидному яду своих шалостей, позволяют поставить вопрос: сможет ли *такое* студенчество, даже получив нужную обработку, делать дело буржуазии, и не является ли оно уже по-настоящему неблагонадежным и социально неблагополучным?

Все герои этой книги – будущие инженеры или юристы, нотариусы или адвокаты. Все они получают из дому деньги, учатся между попойками и, в конце концов, добьются своих дипломов. Но замечательно при этом, что ни один из них не относится серьезно к своей положительной миссии в обществе и даже не в состоянии представить себя наделенным полномочиями власти или общественного положения.

В лице всех этих молодых людей мы видим как бы больших детей. Их отношение к взрослым, к миру политики, силы и власти, при всей своей напряженности и активности, – безответственно. Больше того: как группа, как содружество обормотов, они противопоставляют себя всему миру, и в этом возвеличении группы, в этом любовании первоначальным кристаллом симпатии и солидарности сказывается одно из глубочайших свойств художественной личности Жюля Ромена. Группа обормотов

вычислена и вычерчена писателем с правильностью геометрической фигуры. Это один из многочисленных и едва ли не лучший опыт социальной кристаллографии Жюля Ромена. Конечно, не будь вожака всей этой группы – Бенена, – ее не существовало бы. Более слабая инициатива у Брудье и Лесюера. Конечно, такая группа – соединение временное, позволяющее каждому из участников возможно дольше сохранить свое своеобразие и независимость. Распад группы обормотов, которая держится только стихийной симпатией и личным влиянием Бенена, – неизбежен. И после этого распада каждый из них станет на свое место. Но всё же остается героическая эпопея жизнерадостных французских «школяров», наградивших тремя крупными щелчками государство, церковь и армию. Время действия обормотов – между франко-русским альянсом и войной, т. е. золотые годы буржуазного порядка. Обормоты объявляют этому порядку как бы веселый террор. Три покушения, три мистификации, составляющие фабулу «Обормотов», – не только вспышки остроумия и буйной любви к жизни, не только безответственная студенческая игра, но целая программа творческой жизнерадостности и физиологического отвращения к господствующему порядку... Прошло всего несколько лет, и сейчас обормоты уже невозможны. То же брожение молодости сейчас проявилось бы иначе, но, как завершение бессознательно революционного бунта европейского студенчества, – «Обормоты», несомненно, книга весьма значительная.

Бартель М. Завоюем мир!
Предисловие

На примере Бартеля мы видим, как историческая необходимость создает классового поэта из чуждого материала, перерабатывая в горниле классовой борьбы идеалистическую психологию, преодолевая символизм и заставляя служить интересам масс весь арсенал буржуазной поэтики.

В Германии пролетарская поэзия возникла путем отщепления от глыбы бюргерской символической поэзии. В Бартеле еще свежа эта трещина – так блестит свежестью излома только что отбитый кусок кварца.

Кто предки Бартеля? С одной стороны, вся вековая мудрость германского символизма с ее родоначальником Гете, а с другой – Фрейлиграт, Гервег и немногие другие литературные одиночки-революционеры.

Поэзия Бартеля, как он сам признает в предисловии к «Arbeiterseele» («Душа рабочего»), есть точное отображение душевного перелома тех элементов рабочего юношества, которые можно назвать пролетарской интеллигенцией, перелома весьма длительного: от первых его моментов, когда это юношество призвала в свои ряды *партия*, и дальше, по всем извилинам революционного пути.

Между культурой и рабочей молодежью стоит решетка[1] государства и классового насилия. «Решетку» надо разбить. Тоска по обетованной стране культуры, которую должен завоевать пролетариат, напоминает у Бартеля тягу старших немецких поэтов к Италии, к блаженному югу. В его «Утопии» – жгуче-синее небо, растут лавры и т. п.

Это – *классовый романтизм культуры*, оправданный *временно* противоречием в самом существе положения германской рабочей массы.

В лице Бартеля германская поэзия, насыщенная музыкой и мощным чувством природы (чувством космическим), пошла на службу революции. Интересно, как пульсируют у Бартеля самые обычные «поэтические» образы: так, например, лес неоднократно становится у него, с глубокой внутренней логикой, воплощением коллективной мощи и действия:

И брызнет сок из муравьиной,
Из черной мастерской корней,
И разольется до вершины
В зеленых щупальцах ветвей!

---

[1] Решетка – излюбленный Бартелем символ: см. его «Страну за решеткой». – *Примеч. автора.*

Если бы не война и не русская революция, мы бы никогда не увидели Бартеля во весь рост. История оставит за ним имя поэта германского «Марта», поэта 19-го года, подобно тому, как Барбье был вынесен на гребне революции 1830 года.

Жажда действия, стыд бессилия, братский укор русского примера, вся нравственная трагедия на этот раз уже не одной молодежи, а мучительно созревшего *класса* – всё это выражено Бартелем позднейшего периода с чисто германской мужественностью.

Когда читаешь Бартеля, нельзя забывать огромное значение *песни* в общественной жизни Германии. Певческие союзы (Gesangvereine) в буржуазных, студенческих и рабочих кругах Германии – политическая сила, агитационные аппараты.

И Бартель своими стихотворными брошюрками: «Revolutionäre Gedichte» («Стихи революции»), собранными в «Утопии», обращается не просто к массе, а к поющей массе. Формально – выученик германского символизма, исторически – ученик войны и русской революции, он пытается претворить ее в кровь и голос германского пролетариата.

Кулисы французской печати

«Тан» заявляет. «Матэн» полагает. По мнению «Журналь де Деба»... Почтенные и внушительные формулы. Редакции европейских газет. Напряженное сознание ответственности. На самом деле шапоклякные газеты попросту мошенники, притом нередко мелкие жулики, готовые на всё за 5 тысяч франков.

На этих днях в русском переводе (в Ленгизе) выйдет книга «Кулисы французской печати», где французским журналистом рассказаны замечательные вещи о чудесах французской газетной кухни.

Во Франции эта книга не выйдет. Автор книги, человек бывалый и знающий больше, чем ему полагается знать, очевидно, не успел еще купить виллу на Тунском

озере и только собирается приступить к разведению кроликов и культуре роз – обычному эллински-мудрому закату парижского журналиста.

Книга охватывает период от Русско-японской войны и эпохи русских займов до 23-го приблизительно года.

В конце своей громадной и великолепно документированной книги анонимный автор совершенно серьезно предлагает повесить всех французских буржуазных журналистов или же ввести в уголовный кодекс каторжные работы за то, что пишется каждый день в современной парижской газете.

Во Франции сделать политическую карьеру, не имея своей газеты, своей в буквальном смысле слова, т. е. собственной, совершенно немыслимо. Все крупнейшие политические деятели «ковали свою монету» с помощью собственных газет. Сенатор Бертула – собственник «Либертэ», депутат Тардьё, позже министр, один из авторов Версальского договора, – акционер множества больших газет, собственник «Эко Насьональ», депутат Леон Додэ – директор «Аксион Франсэз», Клемансо – собственник «Л'Ом Либр», сенатор Беранже – собственник «Журналь» и т. д.

История большинства парижских газет сто́ит хорошего уголовно-авантюрного романа. В «Кулисах французской печати» дан ряд таких «газетных биографий» с портретами владельцев газет.

Подход автора – деловой. Иначе быть не может. Экономическая организация французской газеты, ее внутренний строй не похожи ни на английскую, ни на немецкую, ни на американскую. Большая газета в Париже, как это ни странно, убыточна. Газета распространяется путем розницы. Подписки почти не существует. В Париже 70 ежедневных газет: в 7 раз больше, чем в Лондоне, и в 5 раз больше, чем в Нью-Йорке. Газета издается не ради прямой прибыли, а ради косвенных извлекаемых из нее выгод.

Газеты всего мира питаются доходом с объявлений, но во Франции ни одной торговой фирме не придет в голову добровольно рекламировать себя в газете. Объ-

явления даются только в порядке принуждения и всегда под шантажной угрозой. Слово «вымогательство» с первой до последней строчки не сходит со страниц «Кулис французской печати».

Тайный советник Артур Рафалович, финансовый агент царского правительства в Париже, долгие года был кормильцем французской прессы.

Письма к Рафаловичу и Рафаловича, переписка с Извольским, Коковцевым, счета и реестры, особые кредитные канцелярии Министерства финансов, благодарственные вымогательские письма директоров «Тан», «Матэн», «Журналь», «Эко де Пари», «Фигаро» и др. пестрят на страницах книги. Распределение денег на подкуп французских газет вплоть до правительства Керенского (здесь карты перепутались, и действовали частью по инерции, частью не успели еще начать действовать) шло через крупные банки и носило самый упорядоченный и систематический характер. В переписке Рафаловича и Извольского черным по белому сказано, что Пуанкаре вызывал к себе Извольского и давал ему инструкции о распределении денег на предмет пропаганды займов и поддержки русской политики незадолго до войны. Пуанкаре изъявлял неудовольствие по поводу недостаточного внимания, которым пользовались те или иные газеты. Рафалович всё время проявляет искреннюю брезгливость к своей клиентуре и своеобразную чиновничью скупость и бережливость.

Суммы, получаемые парижскими газетами от царского правительства, колебались от 30 до 300 тыс. франков в год. Впереди всех шли «Матэн» и «Тан». Особую назойливость проявлял «Тан», командировавший в Петербург специального представителя Шарля Риве для получения перед самой революцией заказа на иллюстрированное приложение, посвященное России. За это приложение «Тан» должен был получать полтораста тысяч франков в год и успел получить от Министерства финансов за 2 года вперед 300 тыс. франков. После Февральской революции, чтобы не потерять русских денег, «Тан» резко переменил фронт. Шарль Риве обивал пороги приемных Временного

правительства и писал лакейски угодливые письма. Что же касается иллюстрированного приложения – набор был спешно рассыпан, и вместо портретов царской семьи и министров появились с новым текстом портреты февральских героев.

Типографии за небольшую плату продают желающим готовые оттиски газет с текущим материалом, хроникой и т. д., но без названия и с пустым местом для передовицы и подписи ответственного редактора. Газетные бандиты финансовой прессы, сделав соответственную заявку и допечатав оттиск, орудуют нередко единичным экземпляром таких газет.

Нервами больших парижских газет являются так называемые «газетные походы», иначе – «кампании». Например: кампания против комнатных печей системы Шуберского, кампания против общества бульонных кубиков «Магги» (в защиту парижских молочников – фальсификаторов молока), знаменитые в свое время кампании за и против русского займа, кампании против различных банков, игорных домов, клубов, монакского казино, реже – министров и частных лиц. Для крупных кампаний газеты организуются в картели и действуют согласованно.

Обычный исход кампании – получение отступного, почти всегда в благовидной форме крупной платы за объявление.

Над всем газетным сбродом, над мелкими карьеристами и жуликами, над коммерсантами, финансирующими газету ради красной ленточки Почетного легиона, возвышается «каменный человек», по сегодняшний день владелец крупнейшей французской газеты, собственник «Матэн», непроницаемый Бюно-Барилла.

Бюно-Барилла скупил все акции «Матэн». Он – самодержец. Во время войны он раздавал ордена имени «Матэн». Бюно-Барилла в жизни не написал ни одной строчки и, кажется, не произнес ни одного слова. Его присутствие в здании «Матэн» возвещается гордо реющим штандартом. В героическую пору своей карьеры Бюно-Барилла был заинтересован возобновлением работ на

Панамском канале. Маленький штат Колумбии отказывался продлить срок концессии северо-американскому правительству. Бюно-Барилла, друг Рузвельта, отправляется в Нью-Йорк и зафрахтовывает пароход. На пароход сажает 300 вооруженных ковбоев и бывших полисменов. Причалив к Панамскому берегу и высадив всю орду, он заставляет насмерть перепуганных местных политиканов провозгласить себя «временным правительством независимого штата Колумбия». Первым актом нового правительства было согласие на концессию. Во время «переворота» в Панаме Бюно-Барилла повесил 40 человек оригинальным способом: люди с петлей на шее, закинутой на перекладины, были поставлены на открытые вагоны платформы, а поезду был дан сигнал к отправлению.

«Вот это человек!» – восклицает восхищенный автор «Кулис французской печати», умеющий ценить сильный характер и волю во всех ее проявлениях.

Собственника «Аксион Франсэз», Леона Додэ, анонимный автор характеризует как национального мерзавца Франции. На совести этого выродка (сын писателя, специализировавшийся во время войны на подыскивании жертв для военно-полевых судов по обвинению, почти всегда лживому, в шпионаже) больше смертных приговоров, чем на душе у любого командующего армией.

Немедленно после объявления войны французским правительством было отпущено на первое время 25 миллионов франков на организацию «Дома печати». Громадный особняк с типографиями, аудиториями, салонами и проч. То была величайшая мастерская заведомой лжи, какую знал мир. Здесь служили банкиры в мундирах простых солдат. Сюда ходили все. Здесь Эдмон Ростан получал по несколько тысяч франков за дрянной патриотический сонет. Отсюда щупальцы лжи протягивались на весь мир, и зловонный фонтан бил на шестидесяти языках. В верхнем этаже «Дома печати», под стеклянной крышей, помещалась художественная мастерская немецких зверств – настоящее ателье. Декораторы Большой Оперы расписывали кулисы. Изготовлялись модели

вырезанных грудей, проколотых языков, размозженных черепов и т. д. Со всего этого снимались фотографии.

Картина французской печати превосходит ожидания даже подготовленных, хотя бы последним процессом «Матэн», читателей. Помимо отдельных крупных выступлений, то обстоятельство, что всякая строчка газеты – политическая и биржевая информация, хроника, театральная и литературная критика, – одним словом, всё, за исключением бюллетеня погоды, должно быть оплачено со стороны, – является всеобщим и непреложным правилом. Газеты держатся чем угодно, только не обычными доходами, и все они сходятся в одном – в бесконечном презрении к читателю.

Теперь мы знаем, что означают сакраментальные фразы: «Матэн» полагает, по мнению «Тан» и т. д.

Эрман А. Скипетр. *Предисловие*

«Что это: оперетка или Шекспир?» – нередко спрашивает себя в патетические минуты не лишенный юмора и литературного образования эрцгерцог Павел. «Оперетка? – подозрительно спрашивает он и без особой уверенности решает: – Нет, Шекспир!».

Книга Абеля Эрмана – остроумное, подчас заразительно-веселое издевательство дряхлеющего буржуазно-демократического мира над обломками феодализма, над горностаем, купленным на банкирские деньги, над августейшим «интернационалом» «царствующих» династий Европы, над союзом короля и епископа, руки которых соединяет тайный агент полиции, служащий проводником в первоклассной гостинице: ловкий малый, новый Фигаро, сочиняющий под веселую руку манифесты будущего повелителя.

«Скипетр» написан в 1896 году, когда политическая карта Европы была почти сплошь выкрашена в пестрые цвета монархий, когда политическое здание капитализма было еще аккуратно облицовано тонкой феодальной фанерой.

Скандальный успех книги был вовремя погашен лояльной республиканской цензурой. Пролежав четверть века под спудом, книга Абеля Эрмана не только не утратила интереса, но даже выиграла как гротескная картина отошедшей эпохи.

Девяностые годы – эпоха политических скандалов в республиканской и конституционной Европе: дело Дрейфуса, похождения коронованных особ, развязка Панамы, знаменитые парламентские побоища в Будапеште и Вене и помятая в парижских барах и цирковых уборных скромная тирольская шляпа Леопольда, «короля бельгийцев», короля – прожигателя жизни, любимца кокоток и ресторанных лакеев.

Для современного читателя политическая пряность этого памфлета только подчеркивается некоторым расстоянием: автомобиль еще неизвестен, высокопоставленные лица разъезжают в ландо, велосипед – чуть ли не модная новинка. Аромат эпохи.

Невинное буржуазное зубоскальство по поводу человеческих слабостей высоких особ – вещь весьма распространенная в девяностые годы.

Властелины Монако, Люксембурга, Албании, Черногории и мелких немецких княжеств часто служили оперетке и легкой литературе в качестве благодарной мишени, но политическая соль Абеля Эрмана будет покрупнее: это не простое бульварное зубоскальство.

Когда политическая философия монархии передается одним живописным парижским восклицанием «Saperlipopette»[1], когда будущий король, подписывая манифест, подсунутый ему ловким шантажистом, читает: «Мы будем по-прежнему служить прочным оплотом европейского мира, но обязуемся сокрушить наследственного врага», когда этот добродушный монарх, кроткая жертва шантажа, осведомляется у своего ментора: кого же он, собственно, должен сокрушить, и получает ответ: «Так принято писать в манифестах», – это уже не оперетка, это уже, если хотите, Шекспир.

---

[1] Непереводимое французское междометие, выражающее сильнейшую степень удивления. – *Примеч. автора.*

Эрцгерцогу Павлу совершенно не хочется царствовать. Он – уклоняющийся. Он саботирует. Это помесь Леопольда бельгийского и засидевшегося в наследниках, матерого холостяка, принца Уэльского. Но – не трудящийся да не ест! Как это ни странно, и здесь оказался применим этот суровый афоризм. У Павла был простой, почти ребяческий план – как в старом анекдоте у татарина, который на вопрос: что он сделал бы, если бы был царем, ответил: «Украл бы сто рублей и убежал». Но оказалось, что инкогнито – скромная оболочка господина Леруа – не предохраняет от превратностей, не дает безопасности в удовольствиях, не спасает от банкротства и уголовной ответственности.

Комедия развертывается с легкостью итальянской импровизации. Понемногу саботирующий наследник попадает в воронку шантажа. Он не один. Ему сопутствует маленький двор: преданный и дубоватый фельдмаршал Лютцбург, придворная старуха Эшенбах, кстати и некстати напоминающая его высочеству о том, что она его пеленала и купала, и, наконец, верный друг и спутник его похождений, бежавший от своей латыни епископ, в миру буржуа Левек, опознанный в лотошном зале и присоединенный к маленькой компании.

Горько приходится бедному Павлу в буржуазной оболочке. Курортный слет коронованных семейств. Павел по привычке затесался в августейшую группу, позирующую фотографу. Фотограф рявкает: «Отойдите, господин, вы в поле объектива!» Даже князь Ничего его третирует, а какие-то голландские княжата, заехав ему мячом в физиономию, утешают себя: «Пустяки: ведь это глаз *не кровного* господина».

Судьбами Европы управляет тайный агент полиции Альфред – гид «Континенталя», Фигаро и шантажист.

Способ распутать денежные затруднения: его высочеству предлагается выступить в театре «Альгамбра» и пропеть национальный гимн своей страны. (Конечно, на афише только инициалы.) На другой день для прекращения позора посольство вносит пятьсот тысяч франков,

которые распределяются между кредиторами эрцгерцога, театром и остроумным гидом.

Альтернатива – престол или суд присяжных, престол или скандальный процесс, престол или тюрьма и банкротство – развивается бурно. Заключительное коронование – не что иное, как средство замять скандал.

«Скипетр» Абеля Эрмана – произведение столь же беспринципное, сколь и беспощадное. Здесь неуважение к политическому укладу мишурно-монархической Европы бьет из каждой мелочи. Над судьбами мира автор задумывается не больше, чем любой опереточный либреттист, но он умеет издеваться и знает тех, над кем он издевается.

Эрман знает кухню монархии, знает, как делают толпу и приветственные клики, знает, как фабрикуют народный восторг. Монархия, прежде всего, – фирма, не стесняющаяся затратами на рекламу и на представительство. Глава фирмы получает за это деньги. Но ни копейки даром.

Впечатление высокого комизма производят заключительные слова Павла: «Чувствую, что становлюсь богом».

Но у нас остается впечатление, что из всех европейских буржуа короли (и, в особенности, современные жалкие остатки падающих династий) – самые мелкие буржуа, потому что они – самые зависимые и наименее самостоятельные.

Лекаш Б. Радан Великолепный. *Предисловие*

В последние годы читатель, наблюдающий идейный поход реакционной Франции на новую французскую интеллигенцию и ее социалистический авангард, стоит перед удивительным зрелищем: застрельщики французского фашизма, писаки из «Action Française»,

берут под сомнение почти всю действующую французскую литературу и культуру, подозревая ее в скрытом большевизме и еврействе. Этот поход, уже оставивший немало курьезных печатных памятников (из них можно указать хотя бы на двухтомную «Антологию французского пораженчества», составленную Жаном Максом), ведется более изощренно, чем это принято в литературе подобного рода. Объектом его ненависти являются Ромен Роллан, Барбюс, группа «Clarté», которой приписываются все смертные грехи, Жюль Ромен с Дюамелем и вся школа унанимистов с ее почти академическим коллективизмом. Даже литературных кубистов и дадаистов не миновал гнев разнузданной шовинистской критики: и почтенный – уже покойный – Гильом Аполлинер, и молодой дадаист Блэз Сандрар оказались повинны в тайной разрушительной работе, умерщвляющей культуру и душу Франции.

Если сравнить эту солидно поставленную и сравнительно утонченную идеологическую кампанию с антисемитским и шовинистским походом эпохи «дрейфусиады», то бросается в глаза ребяческая наивность и топорность «спасителей Франции» первого призыва по сравнению с нынешним. Тогда дело изображалось просто: евреи, подкупив изменника Зола, разрушают армию, чтобы отдать Францию пруссакам.

Первая волна антисемитизма закончилась полным банкротством. Дрейфусиада, со своим политическим треском, была последним сражением, где обе стороны оперировали старыми традиционными ценностями. Социальные корни ее плохо осознавались ее участниками: в сущности, это был конфликт между крупными землевладельцами, поддерживаемыми старыми аристократами и политиканами, и промышленной буржуазией, опиравшейся на средние классы; и в этом столкновении, как и при других обстоятельствах, антисемитизм был демагогической диверсией со стороны реакции. В результате на могиле знаменитого «дела» был лишь разведен цветник с приличными республиканско-демократическими клумбами.

Антисемитские силы в рядах воинствующей буржуазии никогда не были передовыми отрядами. По существу, это всегда была «обозная сволочь», к которой относились с нескрываемым пренебрежением. Антисемиты всегда были орудием в чужих руках. Капитализм охотно содержит в своей армии, для подозрительных диверсий переходного периода, эти отряды, вооруженные кремневыми ружьями феодальной аргументации. После войны антисемитизм обрел во Франции новую мощь, которую он почерпнул в мобилизации всех реакционных сил против большевистской опасности, а также и против самóй буржуазной демократии, т. е. против политического влияния мелкой буржуазии. Феодальную мишуру он окончательно отбросил, но, по обыкновению, роясь в арсенале вчерашнего дня, он заимствовал свои аргументы там, где он только мог, – у декаданса, у символизма, у второсортной социальной мистики.

Книга Бернара Лекаша является резкой отповедью на один из наветов этого антисемитизма, а именно – на измышления о «мистике еврейского капитала».

Автор «Радана Великолепного» блестяще опровергает измышление о таинственном еврейском капитале, который играет в руку «мировому большевизму» и ставит себе разрушительные задачи, независимые от общей тенденции международного промышленного и банковского капитализма. Он показывает, что излюбленная неоантисемитами версия об еврейском капитале – не что иное, как дымовая завеса, под прикрытием которой совершаются типично интернациональные махинации. На примере Жака Радана мы видим, как возникшая из распада патриархально-ремесленной еврейской семьи капиталистическая инициатива приобретает ярко выраженный интернациональный характер, как вслед за ассимиляцией бытовой и культурной осуществляется братание еврейского – по личным и семейным корням – капитала с «национальным», то есть с капиталом международным.

Против антисемитизма выросла и окрепла новая французско-еврейская литература. В настоящее время

она располагает собственным органом, «Revue Juive». К ней примыкают такие оригинальные писатели, как Жан-Ришар Блох, и поэты, как Андрэ Спир и Эдмон Флэг. Еврейское происхождение писателя отнюдь не служит критерием для причисления его к этой группе. Обновитель французского стиха Гильом Аполлинер (Костровицкий) или поэт-католик Макс Жакоб заслуживают внимания в совершенно ином плане. Литературное творчество, ощущающее себя французско-еврейским, зародилось внутри самой французской литературы, не отделяя себя от нее, как одно из закономерных ее проявлений. Эти писатели, настроенные в целом интернационалистически, испытывают в то же время подъем еврейского национального чувства и в восприятии жизни и формы несколько отличаются от французов.

У них нет особого языка, они не отрекаются от «жаргона» и даже не всегда замыкаются в кругу еврейских тем. Всех их, пожалуй, объединяет убеждение в том, что социальное обновление мира должно разрешить судьбу еврейства, и, поскольку ударение делается на последнем, в этом воззрении можно разглядеть черты запоздалого мессианства. Поэт Эдмон Флэг живет в кругу богоборческих представлений и «Экклезиаста», его стихи насыщены фонетикой древнееврейских имен подобно тому, как стихи иных европейских поэтов пестрят воспоминаниями античности. Андрэ Спир вливает в древний юдаистический пафос новое содержание, он мечтает о том, чтобы Израиль перековал зубцы своих плугов на «изящные маленькие браунинги» – орудие современной мести. Жан-Ришар Блох стремится уловить хрупкий момент ассимиляции – где кончается «еврей» и начинается «француз», и в этой ассимиляции он видит лишь одно из бесчисленных превращений еврейства, причем задача еврея сводится к тому, чтобы ускорить кристаллизацию современного общества. Для Жана-Ришара Блоха еврейство является прозрачным окном, сквозь которое он наблюдает современность.

Бернару Лекашу чужда мистика гнева и сострадания; еще более чуждо ему какое бы то ни было месси-

анство. Ассимиляция для Лекаша – не одно из «вечных превращений еврейства», а реальный и окончательный факт. Книгу его можно назвать еврейской не столько по мироощущению, сколько по теме и внутренней форме. Эта изящная проза – в которой, по завету Андрэ Спира, «библейский плуг перекован на современный браунинг», достигает местами большого пафоса. Страницы, посвященные домашнему быту парижского «полугетто» в квартале Марэ, дышат классической простотой и любовной проникновенностью.

Но главная ценность книги – в трезвом освещении еврейского вопроса во Франции.

Жак Радан и его враги – люди одного порядка. Напрасно старик-отец пытается оправдать ренегата-сына библейскими цитатами. Для Радана это – «еврейская грамота». Он – «хороший» француз. Рычаги продажной прессы ему гораздо нужнее всей мудрости Иова.

Обострение классовых противоречий в послевоенной Франции должно было в некоторой степени благоприятствовать антисемитской накипи в среде господствующих классов и, с другой стороны, выдвинуть новую еврейскую литературу. При этом необходимо, однако, подчеркнуть, что антисемитизм остался во Франции таким же, как он есть и каким он был в других местах, – демагогическим оружием наиболее свирепых реакционных элементов: всех тех, кто обычно объединяется вокруг интересов крупных собственников. Антисемитская идеология встречает иногда довольно благоприятную почву среди обедневших и деморализованных слоев средних классов – разорившихся вследствие обесценения денег рантье, пощипанных налогами торговцев и впавших в нищету мелких чиновников, т. е. людей, поставляющих живой материал для фашистских организаций. Но каковы бы ни были в будущем перипетии классовой борьбы во Франции, антисемитизм навряд ли сыграет в ней значительную роль. Французским рабочим и крестьянам он непонятен: у него нет там никаких экономических или других предпосылок. А использование его в качестве средневекового оружия правой буржуазией нарушает интересы

и обычаи могущественных финансовых кругов, в рядах которых евреи-патриоты шествуют рядом с католическими и радикальными банкирами.

Бласко Ибаньес В. Земля для всех. *Рецензия*

От литературных салонов Парижа, где чудовищные рыжие поэтессы мучают гостей стихами, где русские княгини румынского происхождения ищут мужа-американца, где монументальные торты взяты в кондитерской напрокат, а голодную богему кормят сухариками, – в Аргентину.

Так перебрасывается действие в последнем романе Бласко-Ибаньес «Земля для всех». Писателя-эмигранта потянуло к Латинской Америке.

Испанский инженер с фаустовскими планами орошения прерий, влюбленные подрядчики, выписывающие в степную глушь цилиндры и духи из Буэнос-Айреса, франты, щеголяющие в цирковых фраках с толстыми шелковыми шнурами, сумасброды, разбивающие английский парк на раскаленной безлесной земле, – всё это, пожалуй, больше похоже на киносценарий, чем на обычный роман.

Эта книга насыщена юмором и буйством жизни. Недаром трактирщик в странном поселке, где разбогатевшие самцы, как бизоны, сражаются за обладание парижанкой, расцветил свою хижину всеми флагами – и признанными, и не признанными Лигой Наций.

«Земля для всех» вышла в «Прибое».

Cohen R. Out of the Shadow. *Рецензия*

Книга «Роза Коген» – любопытнейший памятник массовой еврейской эмиграции в Америку и, безусловно, один из основных документов по этому вопросу. По форме

это увлекательная повесть, по содержанию – глубокий и непреднамеренный социальный памфлет.

Еврейская местечковая семья перебрасывается в Нью-Йорк. (Характерная подоплека – непорядок в воинских делах отца.) Трагически назревающие сборы. Тайный переход границы в контрабандных фурах, под охапками соломы. Рассказ ведется от лица девочки, которая несколько позже последовала за отцом. Повесть отталкивается от впечатлений «черты оседлости». Эмигрантская станция в Гамбурге и само плавание показаны кратко и напряженно. Доминирует инстинкт жизни и жажда новизны. В дальнейшем книга складывается как стройная биография девушки-работницы с резким предрасположением к американизации. Постепенно перевезенная, вернее, с громадными усилиями перетащенная в Нью-Йорк, семья немедленно закабаляется как рабочая сила. Наблюдения кристаллизуются вокруг бытовых явлений. Еврей-торговец, например, для уличной безопасности берет в провожатые девочку, ибо в Америке «уважают женщин». Вежливые «полупогромы». Подкуривание еврейских домов. Из первой части мы узнаём, как живет и хозяйничает в Нью-Йорке семья, считающая на десятки долларов, узнаём с такой яркостью и подробностью, как если бы говорилось о Белостоке или Балте. Центральная часть почти всецело посвящена условиям труда: портновские, закройные, плиссировочные мастерские, женский, детский труд, синдикализация, локауты. Полутемная квартира мелких американских дельцов, где живут и обедают при электрическом свете. Спанье на стульях в кухне, «совсем как дома».

Центральный эпизод – неудачное сватовство 16-летней героини. Отвергнутый жених-бакалейщик. Основная черта Розы Коген – отвращение к плаксивому и обличительному тону и непобедимое жизнелюбие. В последней части освещена своеобразная филантропически-миссионерская деятельность американского капитала в еврейской массе. Пресвитерианский госпиталь. Благотворительный спорт. Дама-патронесса, читающая из роскошной

золотообрезной книги поэму... о ритуальных убийствах. Вообще книга «Роза Коген» необычайно богата материалом по американскому лицемерию: на бельевой фабрике работницам по случаю возвращения хозяина из Европы раздают в конвертиках золотые безделушки, стоимость которых вычитается из заработной платы, и т. д.

Книгу, с некоторыми сокращениями, можно рекомендовать массовому читателю: она органически вводит в быт современной Америки, заинтересовывая в то же время личностью самой рассказчицы.

La Mazière P. J'aurai un bel enterrement! *Рецензия*

«Сенаторские похороны» Пьера Мазьер – блестящий, точно выверенный социальный памфлет. Через мрачные залы «Лионского кредита», где худосочные клерки шелестят чеками, просвечивает вся чудовищная машина «демократической республики». Герой романа, мальчик-рассыльный, делает карьеру. Наследственная собачья преданность существующему порядку соединяется у него с желчной и проницательной ненавистью. Похороны мошенника-сенатора, знаменитого в свое время панамского героя, описанные с реализмом кинематографа, являются как бы отправной точкой романа. Вплоть до июльской мобилизации четырнадцатого года юноша честно, по-собачьи, служит. Товарищи внушают ему ужас и жалость: рабская работа превратила их в безумцев и маниаков: один помешан на опере (человек-оркестр), другой – на великосветской хронике, все – нищие в фальшивых воротничках, живут бредовой, иллюзорной жизнью. Президенту Республики представляют ветеранов труда, стариков с узловатыми руками в нафталиновых сюртуках. Наглая фигура президента, робкий испуг инвалидов-стариков опять-таки передан с живостью фильмы «Патэ». Блестящие страницы посвящены моби-

лизации, животному мещанскому патриотизму и т. д. Но лучшее в романе – это изображение победы. Знаменитый сочельник 19-го года. Бесстыдные сборища в ресторанах, засыпанных цветами. Неслыханные обжорные оргии, изображаемые газетчиками как трогательный апофеоз Франции. Переход героя в другую социальную плоскость вполне правдоподобен – он вторично получает по чеку, проходящему через его руки, который забыли инкассировать. Острая сцена – аудиенция через год у директора банка – возвращенье «долга» (сумма за это время умножилась биржевой спекуляцией). Финансист преклоняется перед талантом маленького чиновника. Решает его использовать. Затем в нескольких страничках развертывается карьера, избранье в депутаты, перспектива сенаторских похорон.

Блестящая, цельная книга. Читается с увлеченьем.

Machard A.
Printemps sexuels. *Рецензия*

Изображается «пробуждение пола» у парижских школьников – мальчиков и девочек – в возрасте 9–13 лет. Общий тон книги сюсюкающий и умиляющийся, что не мешает ей быть весьма эротической. Автор, конечно, не «фрейдист» в серьезном смысле слова: он литератор невысокого полета, ищущий пикантной темы. Чтобы доставить удовольствие взрослому читателю, он преувеличивает наивность парижского ребенка и ставит детей в намеренно-трогательные положения. Дети Машара – это «ангелочки» (его подлинное выражение), посвящающие друг друга в тайны и предвосхищающие наслажденье запретным плодом. Вся физиологически-мучительная и подсознательная сторона детской сексуальности автором игнорируется. Его эротические «детские пасторали» фальшивы и неубедительны.

Thiess F. Das Tor zur Welt. *Рецензия*

Эпоха неопределенная. Революция и война игнорируются. Режим в Германии неизвестно какой. Тенденция – грубо идеалистическая. Гимназисты гениальничают и прекраснодушествуют; они благородны, наивны и целомудренны; в вопросах пола – застенчивы, как дети; о политике говорят словами Шпильгагена. Несмотря на колоритный фон провинциального городка с педагогами, пансионными хозяйками и забавным мещанством классической немецкой школы – крайне фальшивая и поэтическая в дурном смысле книга: в ней даже не пахнет современным немецким юношеством и его трагедией. Это сплошной фальсификат. «В Германии ничего не переменилось – и бюргер может быть спокоен». Идеология: дешевое ницшеанство плюс мюнхенский эстетизм.

Lunel A. Niccolo-Peccavi, ou l'Affaire Dreyfus à Carpentras. *Рецензия*

В провансальском городке Карпантре друг против друга на рыночной площади живут местные нотабли: поставщик духовных одеяний для епископа и семинария – Николо Пеккави и почтенный суконщик – еврей, дедушка Абране. Повесть ведется мемуарно. Автор – внук Абране – рассказывает о великой распре соседей в 1899 году, в разгар «дрейфуссады». Николо Пеккави – лидер местных антисемитов, горячий католик и ханжа. Абране исполнен мягкого иронического благородства и снисходительно терпит дикие выходки соседа, который по традиции в базарный день надевает цилиндр и, выйдя на середину площади, плюет в сторону евреев. Начало книги дает настоящий аромат эпохи, увлекает интересным еврейско-провансальским фольклором и своеобразной

интригой: Николо Пеккави ночью стучится в дом Абране и неожиданно объявляет себя тайным дрейфуссаром и другом евреев, продолжая, однако, вести двойную игру и даже усилив антисемитскую травлю, чтобы не потерять положения в обществе. Затем рассказ перебивается весьма любопытными экскурсами в историю провансальского гетто (архив Абране). Это анекдоты о спекуляции на еврейском крещении в XVIII веке, о нашествии бродячих немецких евреев и прочее. Пеккави на основании этих документов оказывается потомком евреев: астролога Мемукана и нищей бродяжки, крещенных предприимчивыми монахами. Бытовая и анекдотическая сторона этих воспоминаний, особенно описание Purimspiel'я, вне всяких сомнений; но уже в эпизоде с синагогальной анафемой Мемукану звучит глубокий националистический пафос. В дальнейшем этот пафос только крепнет, а весь общественно-исторический интерес перед ним отступает. Всё построено на забавном двурушничестве Николо Пеккави и на теме «голоса крови», заговорившей в ренегате. Инцидент с перепутанными письмами (одно – оправдательное – епископу, другое – покаянное – дедушке Абране) решает судьбу отступника. Он становится из уважаемого клерикала посмешищем города, от него сбегает жена, он банкротится, под конец – сходит с ума и кончает скромным юродивым носильщиком на перроне Карпантре, как бы повторяя фигуру Мемукана – прапрадеда своего. В книге много очаровательной выдумки, например – паломничество старых евреек к Дрейфусу (история в омнибусе), но тенденция ее при всем «свободомыслии» автора сугубо националистическая. Ренегат посрамлен и покаран (мистический отзвук синагогальной анафемы). Антикварное, археологическое и фольклорное кружево сплетено тонко и умно. Литературные достоинства блестящи, но решительно недостает объективности в изображении еврейско-провансальской буржуазии: оно дано в лирически-влюбленных тонах, смягченных иронией Франса. О целеустремленности автора спорить не приходится: он фантазирует на тему о воскресении из

мертвых и предлагает чтить как реликвию – благородную желтую шляпу еврейского гетто. Для «Прибоя» – даже для «Книжных новинок» – книга не годится.

Неустановленное издание. *Рецензия*

Детективный роман осложненного типа; весьма остроумное построение, сближающее капиталиста с профессиональными мошенниками; ставка на внешнюю занимательность.

Детективный роман – остроумный, даже блестящий, без грубой бульварщины, *но и без какой бы то ни было идеи*, если не считать морали: «круглые жулики – биржевики, банкиры – остаются, увы, безнаказанными».

Фабула следующая:

Амстердамский банкир симулирует ограбление с убийством в экспрессе, рассчитывая сыграть на биржевой панике. «Режиссером» комедии является знаменитый «гостиничный» вор. Сыщик Дюпор, случайно оказавшийся в экспрессе и сразу не опознавший вора, осложняет его задачу. Внимание Дюпора законтрактованные банкиром мошенники отвлекают следующей диверсией: одурманивают пассажирку с фальшивыми бриллиантами, выбрасывают куклу в окно поезда и добросовестно выполняют «заказ» биржевика. Всё разъясняется в конце книги: банкир объявляется в живых и просит считать историю «невинной инсценировкой, вызванной семейными обстоятельствами». Книга изобилует вставными эпизодами и забавными кинематографическими моментами, она иронична, подчас пародийна. Полиции (Дюпору) отведена скорее положительная роль – «умной ищейки». Следует еще отметить фигуру дурковатого писателя, арестованного по ошибке. В общем, симпатии автора распределяются равномерно между мошенниками (очень ярок, фламандски жизнерадостен Ян Бульи) и профессионалом детективом. Такого рода книги, как бы

хорошо они ни были написаны, отвечают нездоровому спросу на прямую занимательность; киноромантика заслоняет социальную перспективу. В данном случае эти недостатки сведены к минимуму, но книга, несмотря на внешнюю занимательность, сомнительна.

Заключение: книга в своем роде хороша, но сомнительна, как всякая «детективная» литература.

Meyrink G. Goldmachergeschichten.
Рецензия

Три повести Густава Мейринка об алхимиках, затрагивающие эпоху курфюрста Фридриха III Бранденбургского, Марии-Терезии и Польшу начала XVII в., окрашены вялым и непоследовательным романтизмом. Стилизуя <сло>жные исторические отношения, автор упро<щает> их до анекдотических интриг. Лишенный живости Дюма, он равняется по нему в изображении характеров.

Действительность врывается в условную ткань «исторического романа» в виде экономической и политической мотивировки тогдашнего увлечения алхимией, но мотивировка эта очень слаба.

Исторический фон – картонный. Читается – не легко.

Giraudoux J. Elpénor.
Рецензия

Такой прозы Франция не видела со времени лучших вещей Франса. Даже Пруст и Радиге бледнеют рядом с Жироду. *И всё же – книга неприемлема.* Она – для сверхкультурного читателя. Математически точные капризы синтаксиса Жироду, рассудочная музыка его стиля, заставляющая вспоминать Дебюсси, – всё это требует

громадной подготовки. «Elpénor» – *это ироническая прогулка современного француза по морям и гротам «Одиссеи»*, как бы попытка расслышать в рокоте Гомера диссонансы и полутона. Одиссей морочит циклопа категориями германской метафизики во славу прозрачности французского гения... Слова и понятия для этого александрийского писателя, «впавшего в ренессанс», как впадают в детство, – лишь поющие и говорящие игрушки, разбросанные под дряхлым небом мира.

Vildrac Ch. Découvertes. *Рецензия*

Шарль Вильдрак – один из виднейших представителей литературной школы унанимистов, преследующей задачу изучения человека как социальной особи и подчеркивающей в обществе главным образом его органическую природу. Подобно товарищам своим Жюлю Ромену и Дюамелю, Вильдрак является прославителем социальной радости и мощи, придавая им несколько биологический оттенок. Но из всей плеяды унанимистов Вильдрак, пожалуй, самый прозрачный и доступный, наиболее доходящий до массового читателя.

Небольшая книжечка – «Открытия» – ограничена весьма строгим и простым замыслом: в ней говорится о социальных касаниях и прикосновениях, взятых, так сказать, в чистом виде, как прозрачная легкая ткань. Книжка состоит из маленьких очерков по 5–6 страниц каждый и небольшого отрывка диалогической формы. Каждый очерк разрабатывает какой-нибудь незначительный факт обыденной жизни, освещая его по-новому, с точки зрения социальной значимости радости общения.

На лесах строящегося здания двое каменщиков затеяли шутливую погоню; прохожие с сочувственным любопытством наблюдают за этой игрой. Уличная толпа на мгновение становится органическим целым. Неожиданное развлечение воспринимается каждым по-своему и ощущается как редкий и ценный подарок.

Семилетний ребенок прильнул к окну поезда, жадно впитывая впечатления.

Приятель в гостях у приятеля знакомится с новым человеком: люди нащупывают друг друга, перед каждым открывается громадный и увлекательный мир.

Двое прохожих на улице озабочены составлением маршрута для случайного встречного.

Сосед по квартире дарит корзинку с грушами человеку, впавшему в дурное настроение, и тот по-новому расценивает пережитый день.

Несмотря на свою примитивную бесфабульность (за исключением одного драматического эпизода), эти очерки читаются чрезвычайно легко. Они увлекательны потому, что построены на принципе нарастающего удивления обыденным вещам.

Весьма характерен для Вильдрака его подход к современной мертвящей вежливости с ее неизбежными на каждом шагу «простите». Он противополагает ей новую вежливость – непосредственную, опирающуюся на живой интерес человека к человеку, построенную на свободе и непринужденности социальных прикосновений.

Центром тяжести книги, придающим ей определенную устойчивость, нужно считать мастерско́й диалогический отрывок: здесь говорится о людях (муж, служащий в бюро, и его жена), по природе своей неловких и стеснительных. У них нет друзей, они не владеют искусством быстрого сближения с себе подобными. С необычайной простотой и убедительностью вскрывается внутренний мир обреченной на одиночество скромной четы. Является гость. Он пришел не по делу, без задней мысли, просто так. Сначала этому не верят. Потом бурная и целомудренная вспышка радости.

Книжка Вильдрака чрезвычайно ценна своим органически культурным подходом к обнаженной проблеме социального общения. Этот подход не является классовым по своему импульсу, но окрашен подлинным и воистину революционным исканием. Эта книга не только занимательна, благодаря прозрачнейшему стилю Вильдрака, но также безусловно полезна с воспитательно-культурной точки зрения.

Poulaille H. L'enfantement de la Paix.
Рецензия

В то время как французская литература о войне чрезвычайно богата и дает даже в некотором смысле перепроизводство, книги, посвященные последствиям войны, весьма немногочисленны. «Первые шаги после мира» Анри Пулай должны занять в этом последнем ряду почетное место.

Автор бросает нас в самую гущу демобилизации. Действие начинается в свежеотторгнутом Эльзасе, где на станциях еще распоряжаются немецкие железнодорожники в красных фуражках, по привычке властно командуя по-немецки. Раскрывается психология взвода. Парижане настроены скептически. Крестьяне не понимают смысла событий. Военная машина отпускает людей крайне туго. Напряжение растет. Манье, химик-провизор, – типичный представитель интеллигентного пролетариата, настроен революционно, с типичным анархистско-мещанским уклоном к «прямому действию». Крестьянин Биюто – кряжистый собственник – поглощен семейной трагедией.

В дальнейшем линия романа раздваивается. Судьба Манье рассматривается независимо от судьбы Биюто, что дает пищу ярким контрастам.

Согласно закону, демобилизованные сохраняют право на получение прежней работы при условии предупреждения патрона о своем желании вернуться за две недели до демобилизации. Манье, доверяя своему патрону-аптекарю, пренебрег этой формальностью. Аптекарь не принял провизора, предпочитая дешевый труд временного заместителя.

Послевоенной безработице, биржам труда и различным бюро по приисканию работы с их убийственной эксплуатацией посвящены весьма яркие страницы. Манье устраивается в госпитале Красного Креста. Интереснейшие подробности: начальство пользуется ранеными

и больными для личных услуг. Протест. Столкновение. Манье выбрасывают из госпиталя.

Чрезвычайно интересен эпизод на химическом заводе. Показана борьба с синдикализацией рабочих. Неудачная забастовка, сорванная женщинами. Хозяева обезвреживают «опасного человека» – Манье, переводя его на квалифицированную работу. *Манье любопытен именно тем, что он самый заурядный интеллигентный пролетарий.* Отлично сознавая, что его купили, он тем не менее на время успокаивается: прочная экономическая база нужна ему в связи с необходимостью восстановить семейный очаг. Почти в каждой мещанской семье война оставила глубокую трещину. Эти швы зарубцовываются крайне медленно.

В книге Анри Пулай нет ни одного необычайного события, но всё вместе значительно и увлекательно. К организованной классовой борьбе Манье относится скептически. Он видит в ней мягкотелость, фразерство, не доверяет человеческому материалу, из которого состоит революционный класс. Кульминационной точкой романа является та минута, когда больной Манье, в лихорадке, в гостиничной комнате утром 1-го Мая бредит революцией. Раздается отельный звонок. «Это пробил час» – восклицает горячечный больной, повторяя заветную формулу. В пении и возгласах кучки демонстрантов ему мерещится настоящая революция.

Что касается Биюто, которому автор отвел значительно меньше места, – его судьба определяется изменой жены. Типичная крестьянская трагедия, суровая и потрясающая. Биюто ликвидирует свою ферму и, потеряв всякую волю к жизни, перебирается в Париж. Встреча с Манье. Неунывающий шутник-парижанин укоряет товарища в слабости. Гибель Биюто под колесами омнибуса вполне логична и оправданна. Война, способствуя измене жены, *поразила главный жизненный нерв крестьянского хозяйства* и тем самым убила собственника.

Изобразительные средства Анри Пулай отличаются скромностью, точностью и большой убедительностью.

Он *настоящий ученик Барбюса и Доржелеса*. Он умеет передать атмосферу провинциального кафе, заполненного солдатами, и горячий воздух парижской улицы в праздник 14-го июля, в первый праздник после войны. Но главное достоинство его книги в том, что она углубляет социальные и семейные противоречия, врезаясь в толщу быта. Анри Пулай, а вместе с ним Манье, не устает повторять, что урок войны забыт. С неподдельным пафосом, устами заурядного человека, он призывает *помнить войну*. Установившаяся мирная жизнь – только жалкая надстройка. Почва колеблется. Книга заключается трагическим лепетом опьяневшего Манье, который пытается слиться с толпой танцующих на улице парижан, уверяя себя, что ему на всё наплевать.

Эту книгу следует горячо рекомендовать к переводу, *для самого широкого круга читателей, потому что автор* обладает редким искусством чисто *житейского* подхода к людям и обстоятельствам, сохраняя при этом глубину далеко не обывательской мысли.

Daudistel A. Wegen Trauer geschlossen. *Рецензия*

Болезненная, надрывная книжка, сработанная почти халтурно. Герой – мясник, бывший повар короля Эдуарда – любимец женщин. Всё держится на уголовном романе с патологическим убийством. Тон истерический. Много карикатурной достоевщины. Кающийся фабрикант ядовитых газов. Возгласы: «грешен ли господь Бог?» и т. д. Крепкая грубоватая форма Даудистеля неузнаваема в этой мнимо-экспрессионистской чепухе. Автор явно изменил себе в погоне за остротой и пикантностью. Абсолютно неприемлемо.

Perutz L., Frank P. Das Mangobaumwunder. *Рецензия*

Ученого врача-токсиколога спешно вызывают на роскошную баронскую виллу. Болен садовник барона – индус. Врач определяет укус змеи «тик-палуга» – опаснейшей кобры. В доме барона, где поселяется врач, происходят странные вещи: сам барон – знаменитый альпинист, – к удивлению врача, оказывается дряхлым стариком; дочь барона – на вид молодая женщина – ведет себя инфантильно, играет в куклы; оранжерея барона разрослась в уголок тропических джунглей: змеи, гигантские бабочки и т. д. Барон, отнюдь не озабоченный спасением жизни индуса, требует применения к нему некоей смертельной сыворотки, способной вернуть больному сознание на полчаса. Сыворотка применяется. Гипнотический сеанс. Садовник излучает астральную энергию – барон молодеет и т. д.

Фабула этой книги, основанная на басне *о власти «йогов» над ростом организма,* – аляповата и нелепа. Колорит ее – «из баронской жизни» – бульварен. Лак «научности» наведен крайне неумело. Книга – типичная «Reiselektüre»[1] – совершенно неприемлема.

Rouquette L.-F. La Bête errante. *Рецензия*

По типу своему «La bête errante» – *сильно дегенерировавший Джек Лондон.* Клондайкские приключения, драки, свирепые ситуации – всё это путь к обладанию эгоистической красавицей – «кинозвездой». Развязка добродетельная: женитьба на скромной служанке полярного кабачка и 1.000.000 за золотоносный участок!

---

[1] «вагонное чтение» *(нем.).*

Sanzara R. Das verlorene Kind. *Рецензия*

Это попытка монументального уголовного романа с психологической мотивировкой. Автор чужд какого бы то ни было модернизма, настроен реакционно, старательно обходит современность. Ситуация следующая: 13-летний мальчик – сын батрачки на ферме арендатора изнасиловал 4-летнюю дочку хозяина. Обстановка преступления контрастирует с его чудовищностью: *библейски-патриархальный усадебный быт – невозможный в современной Германии.* Причины преступления коренятся в садической наследственности. Атмосфера повествования очень напряженная, с уклоном к мелодраме. Социально книга фальшива. Фабульно – интересна. Принять ее ни в коем случае нельзя: она насквозь нездорова, играя на патологических явлениях и искажая действительность.

Toudouze G. G. L'Homme qui volait le Gulf Stream. *Рецензия*

Роман-фельетон Тудуза «Человек, укравший Гольфштром» принадлежит к распространенному типу западной беллетристики, рассчитанному на читателя, жаждущего пряных и необычайных впечатлений. Основным событием романа является климатическая катастрофа: на Европу надвигается как бы ледниковый период, в то время как подтропический пояс сжигается неестественным зноем. Увеселительная светская яхта вышла на прогулку из порта Сен-Мало. Резкая перемена погоды. Ураган. Появляются стада тюленей и моржей. Температура в июле месяце падает значительно ниже нуля. Авария яхты. Встреча с военной канонеркой. Возвращение в Брест.

На канонерке и на яхте, разумеется, сгруппировано самое изысканное общество: светский художник, влюбленный в дочь мартиникского плантатора, и т. д. Все эти люди довольно тупо воспринимают неуклюже изображенный автором мировой катаклизм. Франция под глубоким снегом, остановившиеся поезда, осадное положение... Всё сделано наспех, аляповато, по-газетному. Но верх нелепости – это ключ к этой загадке. Художник на канонерке отправляется спасать дочь плантатора, гибнущую на атлантическом пароходе, потерпевшем от плавучих льдов. Ледяные горы расплющивают и пароход, и канонерку. Шлюпка с немногими уцелевшими разбивается о коралловый риф. В самом рифе вдруг раскрывается люк, и некий экзотический господин, рекомендующий себя потомком древних мексиканских императоров-ацтеков, объявляет, что отклонил течение Гольфштрома (вызвав искусственным способом появление коралловой плотины), дабы отомстить европейцам за надругательство над мексиканскими праотцами.

Несуразный по сюжету и бульварный по стилю, роман Тудуза с его великолепными героями и брестским префектом, вздыхающим, как подобает доброму отцу, «о бедных матросах», – никуда не годен.

Mann K. Kindernovelle. *Рецензия*

К молодой вдове великого философа (не то неокатолик, не то шпенглерианец) является ученик его и почитатель (модернизованный гамсуновский бродяга). Добродетельная мать четверых детей беременеет от юноши-незнакомца. Центр тяжести в переживаниях детей, обрамляющих сентиментальную драму матери. Сильный упор на гениальность отца – неоправданный и неубедительный. Фигура бродяги любопытна своим лирическим размахом (брошюра о Советской России в кармане и серафическая эротика). Тон повествования

крайне торжественный, и несчастная любовь буржуазной дамы возводится в полурелигиозный миф. Основная идея: святость семьи, на которой почиет гениальность умершего мыслителя. Книга утонченна и в то же время безвкусна.

Chérau G.
Le vent du destin. *Рецензия*

Жеро поразительно безличный автор. Его рассказы лишены всякого цвета, вкуса и запаха. По большей части он играет на сантиментальной струнке буржуазного читателя. Основная вещь – «Le vent du destin» – развивает излюбленную мещанскую «тему наследства»: барышня, умирая, завещает свой дом товарищу детства – бедному рыбаку, старому морскому волку. Тот, в свою очередь, отписывает всё богатство экономке покойной барышни. Завещание моряка порыв ветра уносит в море. Девушка, утаившая его по безграмотности, наказана за свою нечестность.

«Другие рассказы» так же никчемно говорят о «рогатом» муже, раскаявшемся суровом отце (конечно, богатый фабрикант) и т. д.

Имя Гонкура кощунственно на обложке этой книги.

Anet C.
La Fin d'un Monde. *Рецензия*

Книга Клода Ане базируется на научных данных *лишь во внешнем своем построении*. Доисторическим людям автор навязал слащавую сантиментальную психологию. «Я покинул тебя ребенком: теперь ты *цветок*». Это язык Фр. Коппе! Пещерная девушка, прихорашиваясь «met de rouge»...[1] и т. д. Самое понятие «*романа*»

---

[1] «нарумянивается» *(франц.)*.

фальшиво там, где можно говорить лишь о *подборе* и приспособлении. Вообще сознательным переживаниям отведена незаконно-превалирующая роль. Занимательность книги весьма условна.

Récits de la vie américaine. *Рецензия*

Это новеллы писателей Латинской Америки, главным образом аргентинцев. В литературной манере этих авторов замечается некоторая старомодность, словно они испытывают непосредственное влияние Мериме. Почти все – очень хорошие рассказчики, с сильной фабульной пружиной. Их привлекает колониальное прошлое с его гражданскими войнами и живописным беззаконием. Очень хотелось бы составить небольшой оригинальный сборничек, *но, к сожалению, то, что подбирается, лишено центра тяжести.* Книга неполная: несколько рассказов вырезано. Из остающихся приемлемы:

1) *Alvarez. Охота на кондора* – [прекрасная охотничья миниатюра] хрестоматийно-совершенная вещь: редкое чувство меры в сопоставлении человека и природы.

2) *Payro, Capuche d'éte.* Яркий социальный мотив: вор-префект преследует крестьянина.

3) *Leguizamon. Le coup de grace*: эпизод одной из бесчисленных гражданских войн (40-е годы). Расстрел пленников. Чисто формальные достоинства.

4) *Остров Робинзона*: посещение колонии островитян; фрегатно-парусная эпоха; проблема цивилизации с отзвуками Руссо; чудесный ландшафт.

5) *Primitif*. Злоключения простака-крестьянина – скотовода. Быт прерий в середине прошлого века. Социальный мотив заслонен темой рока.

Прочие рассказы построены на литературной обработке суеверных преданий и мистике ужаса.

Из поименованных пяти вещей можно составить книжку. Но хотелось бы выбрать лучше и тщательнее.

Les Œuvres Libres. Recueil littéraire ne publiant que l'inédit. T. LXIII. *Рецензия*

Содержанием своим настоящий сборник *подрывает доверие ко всей серии*: «Les oeuvres libres». Это беспринципный подбор частью банально-добродетельного, частью гривуазного материала, рассчитанный на консьержку и коммивояжера.

1) *«Серьезная» повесть.* Знаменитый художник вспоминает на старости своих любовниц. Италия. Эстетическое обрамление.

2) *Перевод с румынского.* Священник воспитывает в своем доме незаконного сына. Мелодрама. Кончается детоубийством.

3) *Салонная комедия.*

4) Остроумный, но абсолютно *неприличный скетч*: автомобильная катастрофа: американская star[1] и ее спутник, выловленные крестьянами из пруда, в постели деревенской гостиницы.

5) Лучшая вещь в сборнике. Рассказ о маленьком импотентном чиновничке – любителе бильярда, который прослыл в своем квартале фавном и вынужден был бежать, удрученный тяжестью этой репутации.

В «Monsieur Papanoix»[2] (5) есть элементы сатиры; это неплохая юмореска на тему, если можно так выразиться, о парижском «жакте». *Если б не гривуазность*, годилась бы для юмористической летучей библиотечки.

Гюго В. Девяносто третий год. *Предисловие*

«93-й год» интересен для нас как попытка Гюго привести в систему разноречивые и несколько неустойчивые элементы его политического мировоззрения. Эта

---

[1] звезда *(англ.)*.

[2] «Господин Папануа» *(франц.)*.

книга отмечена несомненным политическим темпераментом; более того, многие страницы ее по стилю напоминают образцы парламентского красноречия Гюго. В этом романе сказался Гюго-парламентарий и Гюго-оратор в не меньшей степени, чем Гюго-художник. Гюго внимательно следил за социальными бурями своего века. Этот мощный писатель, отразивший и собравший в одном фокусе все чаяния и мечты благоразумного и радикального мелкого буржуа, наряду с описанием героической борьбы восходящей буржуазии и мелкой буржуазии, предлагает нам целую кучу социальных и политических прописей.

Центральное место в мировоззрении французского, а отчасти всеевропейского буржуа, каким был Гюго, занимает вера в прогресс и в цивилизацию. Но у Гюго к ней примешиваются отголоски полурелигиозной морали, корни которой восходят к деизму философов, подготовивших Великую революцию и утверждавших культ «разумного верховного существа». Недаром устами Симурдэна, в котором он видит теоретического застрельщика 93-го года, Гюго провозглашает, что революция есть дело бога, что все противоречия ее только видимые, мнимые и что и классы, и партии, и люди – только марионетки в руках «Промысла»... «Все мы дети одной родины, – размышляет Симурдэн, – и революция пришла, чтобы утвердить во всемирном масштабе семью как высшую форму человеческого общежития». «Конвент, – говорит Гюго, – всегда сгибался под волей народа, но этот ветер исходил из уст народа, он был дуновением уст божиих».

Гюго всеми способами своей романтической диалектики пытается далее показать, что революция – лишь могучая игра светотени, что контрасты ее оправдываются общей картиной и необходимы для сильнейшего эффекта. Наконец, в полном согласии с благожелательными буржуазными историками, он рассматривает революцию как особый вид «священного безумия народа», этой раскованной стихии, которая однажды вышла из берегов, чтобы расчистить путь прогресса от феодальных обломков. Он прощает Великой революции даже террор

и неистовый 93-й год под условием, чтобы они никогда больше не повторились. И потому, убежденный в том, что дело революции уже сделано, что она – только славное театральное прошлое, Гюго не боится ее прославлять по всем правилам романтической поэтики.

Но за Гюго, выправляя его ошибки, мыслят метафоры, сравнения, блестящие определения и антитезы и самый метод романтической школы, сшибающий крайности и влюбленный в противоречия. Нам не важно, что всю громадную сложность исторического 93-го года Гюго свел к бутафорской осаде феодальной вандейской башни, где засели девятнадцать человек против пяти тысяч, где противники сначала переругиваются, а потом, как в эпические времена Роланда, чуть ли не личным поединком предрешают весь ход событий. Нам важно, что он отлично передал температуру высокого каления, столь характерную для 93-го года, что «климатические пояса революции» – это подлинное его выражение – он показал нам по линии классового нарастания событий, и в самой ограниченности действующих лиц заставил звучать подлинные аргументы эпохи, те самые доводы, которые жужжали в воздухе монтаньярских и жирондистских клубов. В этих прямолинейных и донельзя упрощенных зарисовках революции есть нечто общее с картинами художника Давида: в них театральный гнев лже-историка и желчь и боль почти современника...

Перго Л.
Рассказы о животных.
Предисловие

Написать рассказ из жизни животных – вещь очень трудная вообще. А написать его так, чтобы у зверей не было человеческих свойств, чтобы они не говорили литературным языком или не подделывались под детский лепет, чтобы это были действительно звери, а не очеловеченные животные, – еще труднее. Вполне понятно

поэтому, что только очень немногие писатели справляются с этой нелегкой задачей и что самые лучшие из них, вплоть до Лафонтена и Киплинга, не свободны от этого недостатка.

«Рассказы о животных» составляют в данном случае счастливое исключение. Перго не подменивает зверя человеком и не сближает животных с детьми. Во всех рассказах он суров, как природа и ее животный мир, но вместе с тем он очень прост. Все его описания проникнуты одною мыслью: в минуты страдания и опасности человек ближе к зверю, но и зверь в такие минуты ближе и понятнее человеку. Благодаря этому и люди в рассказах Перго не заслоняют животных, а показаны в своем общении с ними как-то по-новому, иногда с большой силой и неожиданной яркостью.

Есть в рассказах Перго еще одна положительная черта. По большей части социальный облик автора, который пишет о животных, проступает всегда очень четко и ясно. Так, например, у Киплинга – писателя империалистической Англии – почти всегда можно уловить, в его рассказах о животных, нотки правящего класса: его мангуст – слуга белых людей, англичан. Звери Перго никому не служат – они живут свободной жизнью, приобщая нас к горестям и радостям бытия.

Эрман А. Марионетка.
Предисловие

Абель Эрман описал в небольшой книжке судьбу пролетарского ребенка, попавшего в Джеки Куганы, судьбу семилетней знаменитости, заласканной и замученной обезьяньими лапами буржуазного кино, с его Людовиками XV, перезрелыми актрисами из Французской комедии и слезоточивыми катушками в пять тысяч метров...

Наследник гнилого театра, упадочное кино Запада недаром потянулось к ребенку, который всегда был

по душе поварам мещанской драмы. Во-первых, ребенок – существо податливое: с ним можно делать всё, что угодно, и он примиряет подчас самые резкие противоречия и умеряет человеческую ненависть. Во-вторых, всякий ребенок – а в особенности выразительный мальчуган из парижского предместья – фотогеничен.

Маленький Бебер пал жертвой фотогеничности и лицемерной нежности французских кино-ублюдков к ребенку-актеру.

Маленький Бебер не вундеркинд, а заурядный способный мальчик. Его очарование – в возрасте и в «классовой выразительности», в том, что можно бы назвать «фотогеничностью пролетарского ребенка». Кинодельцам понадобился именно он – чумазый херувимчик с рабочей улицы, утенок, плескавшийся в водах мутного канала... Некий Фредо (он мог бы быть и Шарло, как Бебер мог бы быть Джеки Куганом) настиг свою жертву врасплох. Крошечный человечек, привыкший быть начеку и отстаивать свои интересы без нянек и опекунов, играл в ту минуту как первоклассный киноактер. Ужимки маленького пролетария нравятся буржуа: он готов любоваться ими, как чахоточной обезьянкой в зоологическом саду...

Но этого мало: Беберу надо создать имя, из его рожицы и тщедушного тéльца надо сделать грандиозный плакат, обслуживающий интересы кинокомпании. И вот сам Бебер и его родители втягиваются в воронку рекламы. Их образ жизни, их особняк, их миллионный контракт становятся известными всей Франции, как реклама автомобиля Ситроэна на облаках... К Беберу, в самом деле, примазывается и такая фирма, как охотно примазались бы к нему и всякие другие торговые предприятия... Мальчуган, увенчанный славой, говорит своей матери, наивно восторгающейся газетными статьями о ее сыне: «Разве ты не знаешь, что их посылает редакциям сам господин Фредо?»

Абель Эрман – этот фельетонный иронист и скептик, для которого старая Европа всегда была театром марионеток, – сам слегка заражен духом французского кино, и вся его история о маленьком Бебере – не что иное, как

замаскированный сценарий. И мы не можем с уверенностью сказать, что в эту минуту какой-нибудь другой мальчуган из стаи парижских уличных воробьев уже не снимается под отеческим руководством господина Фредо в фильме «Несчастный Бебер», который быстро подрос, утратил свою фотогеничность, был выброшен на мостовую и, изнеженный и расслабленный праздной жизнью, погиб в том же самом мутном канале, где несколько лет тому назад его впервые увидел киноделец Фредо...

Bloch J.-R. Destin du Siècle. *Рецензия*

Как литературный жанр книга Жан-Ришара Блоха примыкает к «легкой и занимательной философии». Это блестящая, подчас виртуозная болтовня на важные культурно-исторические и политические темы, фельетон с притязанием на пророческий размах.

По содержанию – она из бесчисленной семьи так называемых «закатов Европы», но в отличие от догматики и систематики Шпенглера автор рисуется свободомыслием: он над партиями и над классами.

Лейтмотив книги – всё разбито. Демократия поругана. Свобода – жалкий призрак. Политика разит падалью. Мировая революция обанкротилась. Полиция, увы, обнаглела и врывается в частные дома. Благородное поколение, воспитанное на Толстом, Ромен Роллане и Ганди, не желает идти за коммивояжером политики господином Вивиани. Распаду социалистических партий Жан-Ришар Блох посвящает немало язвительных страниц, но нимало не сомневается в их искренности: он уважает всякий пафос.

Война и революция для Жан-Ришара Блоха – отнюдь не закономерности, но явления стихийного, катастрофического порядка. Во всей книге нет ни одного намека на какую бы то ни было подготовку этих сдвигов в прошлом. Идеи с рук на руки передает друг другу так называемое

«человечество»; созерцательный Восток глядится в душу мятежного, деятельного Запада. Коммунизм не что иное, как предчувствие новой религии. Европеец – высшая порода человека, хозяин мира, лишь временно утративший господство и самообладание. Он наложит на себя узду, найдет новые слова, ясные, магические формулы, и цивилизация будет спасена.

Массы демобилизованных пролетариев и мелких буржуа колебались между Вильсоном и Лениным. Америка для Блоха – жупел, автоматическое чудовище, но Вильсон – благороднейший неудачник и библейский проповедник. Народ пошел за ним оттого, что он обещал немедленную гармонию, а Ленин звал к гражданской войне.

Воплощенная революция – уже не революция: дух от нее отлетает. О Троцком – нежная страничка: он хранитель вечного перманентного пламени. И вообще революция как таковая, по Жан-Ришару Блоху, умерла. Ее предал СССР, занявшись хозяйственным строительством. Зато воскресло античное язычество в спорте и религия в культе великих людей и государственных символов. Наполеон и Бетховен – европейские мифы. Ленин – тоже. А большевизм – изнанка наполеонизма.

Вся изощренность мысли пускается в ход, чтобы создать колоссальное расстояние между Востоком и Западом, чтобы доказать, что пролетарская революция победила где-то в потустороннем мире.

В книге собран целый ворох цитат, имен, научных и псевдонаучных ссылок: Морис Баррес, Стравинский, Дягилев, Маркс, Фюстель де Куланж, Ферреро, Унамуно, Гладков и даже разговор Горького с Блоком в Летнем саду.

Всё это похоже на сорочье гнездо, куда натасканы блестящие предметы.

Вывод следующий: книга Блоха при всей своей внешней левизне и независимости – глубоко реакционна. Она огромный шаг назад от настроений Ромен Роллана.

Будущая война, говорит Блох, обойдется без армий, а потому с ней достаточно бороться при помощи идей.

Переводить книгу ни в коем случае не следует, но упоминания в обзоре западноевропейской публицистики она заслуживает.

Duhamel G. Géographie cordiale de l'Europe. *Рецензия*

Дюамель не хочет быть «гражданином» и политиком, не хочет быть публицистом или избирателем, – он хочет быть туристом даже в собственной стране. Голландия, Греция и Финляндия – три «несерьезных» страны; их выбор – уже демонстрация: долой политику и да здравствуют голландские тюльпаны и финские лыжи.

Поэт социальной симпатии и проповедник уважения к маленькому человеку – объявил себя другом порядка. Книга знаменательна. Дюамель «принимает» победу – он называет ее «наша горькая победа». В Греции он мчится на автомобиле по шоссе, проложенному французами в дни войны, и сердце его под фланелевой фуфайкой полно гордости. Впрочем, шовинизм – это грязная вещь, но старая грязноватая Франция с опаздывающими поездами, каштанами, префектурами и провинциальным уютом все-таки хороша, и к ней постоянно возвращаешься.

Европа жива несмотря ни на что, потому что она конгломерат родин, отечеств, уцелевших после войны и даже процветших по ее милости.

Обширное введение посвящено Америке. Автор извиняется перед Францией за то, что страна-спасительница ему не понравилась. Неуклюжий французский чемодан заменили стандартным американским, и Дюамель растерялся на перроне. Америка – очаг заразы, растлевающий органическую европейскую культуру.

Мы живем среди вещей, сделанных машинами, а машинную технику избранники духа должны ненавидеть. В этом плоском конфликте – предел глубокомыслия Дюамеля.

Для разбега Дюамель берет или придумывает поэтичные легенды: для Финляндии немного из «Калевалы» – про Вайнемайнена, для Голландии – историйку с Саваофом и его архангелами, для Греции – чуточку археологии. Греция подает ему повод к размышлениям о том, что французы – истинные продолжатели эллинского духа; он умиляется корешками французских книг в библиотеке новогреческого поэта, – куда ни приедешь, всюду Расин и Мольер.

Если откинуть сладенькую погоню за поэзией и местным колоритом – в книге Дюамеля остается довольно много добротного чувственного материала. Голландские шлюзы, фарфоры, покоящиеся на прочной базе свиноводства, возведены им в перл создания. Лишь бы голландки не отказались от четырнадцати национальных юбок! Голландцы в его изображении вышли домовитыми и опрятными животными, и собственник ночью, не вставая с постели, разглядывает через оптическое приспособление сверкающий электричеством хлев. Дюамель договаривается до того, что современная Финляндия чужда *всякому* лицемерию. Маленькая страна наслаждается своей самостоятельностью и самобытностью, любовью, трудом и рунами «Калевалы».

Вся книга – печальное зрелище социального ожирения у несомненного, хотя и не крупного художника. Она имеет резкий политический тембр: истинная цивилизация сближает противоположности и стирает социальные противоречия. Голландия – классическая страна индивидуализма; в ней, слава богу, 146 партий, а в Амстердаме столько же автобусных компаний. Жена бургомистра бегает на коньках со своей служанкой, а директор Нидерландского банка беседует запросто с последним из своих клерков.

Дюамель как писатель всё время шел на помочах у перворазрядных творцов и законодателей французской литературы. Он постоянно снижал и Франса, и Ромен Роллана, и даже Жюль Ромена до золотой середины. Наша критика всегда этого не замечала и была к

Дюамелю слишком близорука и снисходительна. В своей новой книге Дюамель лягает своих же учителей подкованным каблуком туриста.

Сквозь розовые очки

Н. Огнев хорошо сделал, что выбрал форму дневника, и ведет свой рассказ от имени Кости своеобразным, ломающимся, задорным языком московского школьника. В этом, пожалуй, главная сила этой книги. Писатель Бабель делает по-своему то же самое, когда ведет повествование на языке бойцов гражданской войны: ведь Костя – боец школьной войны.

Но этот художественный прием еще не страхует Огнева от фальши. Очень уж хорошим получился у него Костя. Что-то в нем есть от гимназиста Карташова, от героя и вечного именинника старых гимназических книг.

Всё как будто на месте: язык меткий, правильный, школьный быт захвачен глубоко, но бросается в глаза старое, подозрительное разделение на добрых и злых, плохих и хороших. Очень уж выпячивается героизм, правдивость и даже наивность Кости. Разве может московский школьник второй ступени сказать, что аборт – это такая медицинская выдумка, которая мужчину превращает в женщину или наоборот? Разве не фальшиво и надуманно звучит, например, такая запись: «Учишься с девчатами и дерешься с ними, и лапаешь их – и это не производит никакого впечатления...»

Н. Огнев контрабандой протащил в «Дневник Кости Рябцева» свое представление о мальчике-герое, заимствованное из барской литературы. Ведь жизнь напирает на Рябцевых со всех сторон, а если вспомнить, что Костя сын кустаря и не оберегался никакими гувернантками, то читателя будет раздражать, а подчас и бесить его ангельская прямолинейность, чистота и наивность. Не таковы пролетарские дети – и беды в этом нет.

Другой недостаток книги Огнева – это ее благодушие, розовые педагогические очки. Вся она проникнута убеж-

дением (идеализация Кости и Никпетожа), что дело само собой утрясется и образуется. Между тем учение идет из рук вон плохо. Масса ребят Огневым вовсе не показана. Те самые ребята, которые пишут сочинения «Пушкин был марксист и романист», Огнева вовсе не занимают. Его интересует передовой отряд, головка. Ведь ради одного Кости и подруги его Сильвы Дубининой не стоило бы поддерживать всей дорогостоящей, лабораторной, новой советской школы.

Художник-наблюдатель борется в Огневе с педагогом-любителем. «Дневник Кости Рябцева», так поразительно похожий на подлинный документ, в значительной мере является подделкой, и читать его нужно критически, отсеивая ложь от правды.

Письмо тов. Кочину

Товарищ Кочин!

Когда я читал твою книгу, мне было сразу и досадно, и радостно. Я радовался, чуя в тебе настоящего художника, а горько мне было потому, что во многих местах твоей книги ты пишешь совсем безразлично, так что никто не скажет, написал ли это Кочин или кто-нибудь другой. Я думаю, что такого «безразличного» письма вообще не должно быть. Оно никому не нужно. От художника мы требуем, чтобы у него был *свой* голос, *свое* лицо. Ты сумел увидеть деревню по-особому, «по-кочински», и за это многие будут тебе благодарны.

В нашей крестьянской литературе утвердилась манера очень небрежно и поверхностно изображать людей.

Почти каждая книга о деревенской жизни целиком состоит из мелких кусочков – бытовых разговоров – вразбивку с описаниями природы. Писатели, вроде Панферова и других, полностью выезжают на одних разговорах. Крестьяне у них замечательно болтливы. Легко даже запутаться читателю в этих разговорчиках: иной раз не

поймешь, кто говорит: дед ли Еремей или тетка Анфиса. Крестьянские писатели любят понапихать в свои книги целую уйму действующих лиц. Они это делают прямо без счета и без всякой меры и надобности.

Мне кажется, что в этой манере действует старая привычка барской и народнической литературы, которая считала, что, выводя в книге «мужика», можно не слишком с ним церемониться: тяп-ляп – и готово. Ведь мало еще назвать свою героиню Марфой и сказать, что на ней была полосатая ситцевая юбка. Тут еще не будет живого человека. Надо уметь выводить своих персонажей так, чтобы они понемножку обрастали жизнью и всё сильней и сильней запоминались читателю.

Да, наши крестьянские писатели в большинстве своем пишут старым барским письмом, хлопая мужика по плечу, обращаясь с ним походя. Надоело нам это вечное хватание под микитки, крепкая ругань да занозистые словечки, и трудно нам уже глотать тягучие и нудные, будто бы крестьянские, разговоры.

В твоей книге, товарищ Кочин, нет главных и второстепенных лиц. Одной хворостиной, как пастух стадо, пасешь ты всех своих многочисленных героев.

Для сравнения я напомню тебе сейчас две книги из мировой литературы, два знаменитых романа: «Анну Каренину» Толстого и «Госпожу Бовари» французского писателя Флобера. Сколько труда потратили писатели, чтобы их героини встали перед нами во весь рост. Кажется, будто сам Толстой мысленно превратился в ту женщину, с которой писал портрет. То же самое сделал Флобер. В чем же тут, спрашивается, дело? Неужели петербургская барыня и скучающая жена французского лекаря удостоились чести такого полного и хорошего изображения только потому, что они из мелкобуржуазной или дворянской породы? Да, этих женщин изображали могучие классовые художники, и они не поскупились на медленный, огромный и кропотливый труд, чтобы из мелочей, подбирая черточку к черточке, создать незабываемый тип.

А теперь, тов. Кочин, я скажу: мы вправе тебя сравнивать и с Толстым, и с Флобером независимо от размеров твоего дарования, но потому, что ты тоже настоящий художник и тоже хочешь быть беспощадным. И вот, можно ли сравнивать твою Паруньку-Козиху, или Марью, или Федю-селькора с типами этих больших романистов? Ведь это по замыслу твоему – *центральные фигуры*, а между тем ты их едва намечаешь и бросаешь на полдороге. Паруня-поджигательница, например, ушла куда-то, и в самую интересную минуту судьба ее оборвалась, как будто ты о ней забыл. Мне кажется, твоих героев посреди книги можно было бы *подменить другими*, и читатель этого не заметил бы.

Тут я скажу, тов. Кочин, почему ты настоящий художник, в чем твоя слабость и одновременно сила. У тебя, я сказал бы, какой-то *зоологический* подход к мужику или девке как к любопытной и близкой тебе стихии. Деревня твоя – какой-то страшный зверинец, а девки, которых ты действительно великолепно изобразил, – это не люди, но страдающие, тоскующие самки – поруганные, растоптанные и бессильные. Я возвышаю свой голос против такого зоологического изображения крестьян. Это не наш подход. Мы знали мужикобоязнь, например у Бунина, но для нас гораздо ценнее и интереснее подход к деревне *Чехова*.

Чехов одинаково бесстрашно, спокойно и тщательно изображает врача, инженера и *личность* крестьянина. Между тем тебя, тов. Кочин, интересует только темное крестьянское нутро, только стихийная и полуживотная жизнь, которую ты показываешь мастерски. Как только ты переходишь от изображения этого нутра к другим темам, перо твое сразу слабеет.

Что же отличает твою книгу от большинства деревенских книг? По-моему, это *сила твоего сострадания* к тем деревенским девкам, которые живут под какими-то кличками, как коровы; бродят с унылыми песнями, соединяясь в какие-то кучки – «девичьи артели»; растут, как слепые самки, на потеху распущенной ораве парней,

позволяют себя щупать, ловить, мять – без радости, без охоты – из одного только страха. Девки эти позволяют над собой глумиться и покорно сносят все издевательства. Строптивая, вооружив против себя женихов, испортит свою девичью карьеру, не выскочит вовремя замуж, станет в деревне посмешищем. Ты, тов. Кочин, прекрасно изобразил травлю девушки в деревне. А ведь травля эта происходит изо дня в день, и мало кто ее замечает. Где выход из этого темного круга? Выход будет тогда, когда сама унизительная кличка «девки» умрет. Та страница твоей книги, где молодых – Паруньку и Ваньку-слюнтяя спаривают после церковной свадьбы, как скот, а свахи подглядывают за ними, как в тюремный глазок, в дверную скважину, – *одна из самых сильных в советской литературе.*

Нет, тов. Кочин, ты не похож на слезливых писателей-народников, нет в тебе умиления над деревенской простоватостью, и ты хорош еще тем, что не умеешь и не хочешь прощать темной деревне ее зла. Но тем обиднее, что ты не отказался от старого способа кустарно изображать деревню и что твоя страстная и страшная повесть расплывается в бесформенную болтовню, что девки твои живут только артелью и не показаны во весь рост как люди.

Старая литература висит над нами, как тяжелый рок, как зловещий топор.

Мы должны сделать так, чтобы прекратились книги, где крестьяне только галдят, только беспорядочно перекатываются со страницы на страницу, треплются, мотаются – все на одно лицо: ведь это *барин не различал их, как муравьев.*

Характерно отметить, что почти все деревенские книги лишены завязки и развязки, лишены фабулы. Я думаю, что это происходит от литературного барства, которым мы все заражены. Ведь *хорошая, интересная фабула – это признак уважения писателя к своему герою.*

Ты ее дашь, тов. Кочин, в своей следующей книге; ты наметишь в ней центральных лиц повествования, как

это делали Толстой, Чехов и Флобер, ты выбросишь, как мусор, ненужные разговорчики и разобьешь заклятый круг старой деревни, над которой топором нависла мертвая деревенская литература.

Серафимович А. Город в степи. *Рецензия*

«Город в степи» Серафимовича своей тематикой касается одного из важнейших этапов русского капитализма, а именно – 90-х годов. Финансовое грюндерство эпохи Витте, бурный рост железнодорожной сети, хищническое первоначальное накопление на фоне нищей деревни, лязг капиталистического железа под либеральный говорок интеллигенции, стихийное брожение рабочей массы в шорах «экономических требований» и т. д. Однако роман Серафимовича написан так, что, лишь устранив из него всех «действующих лиц» и все «литературные красоты» Серафимовича, можно разобраться – по фактическому остатку – в движущих силах эпохи.

Серафимович в своей книге культивирует ползучую прозу, облюбованную всей плеядой бытописателей 5-го года. Неуклюжим посредником между ними и русским модернизмом был Л. Андреев.

Инженеры и рабочие у Серафимовича в равной степени погружены в облако липкой скуки, и вместо могучих, хотя бы и безобразных форм нарождающейся, расколотой противоречиями жизни мы видим у Серафимовича канителящую и похотливо зевающую бытовщинку. Нельзя поверить, чтобы в рабочем железнодорожном поселке в южной русской степи – или где бы то ни было – люди только и делали, что крепко ругались, духовно харкали и плевались, надрывно исповедывались, цинично выворачивали себя наизнанку – или же, будучи трезвыми, истекали по существу пьяными мутными слезами.

Всё это, конечно, лишь условность литературного веянья. Лично Серафимович тут ни в чем не пови-

нен. Когда писатель вменяет себе в долг во что бы то ни стало «трагически вещать о жизни», но не имеет на своей палитре глубоких контрастирующих красок, а главное – лишен чутья к закону, по которому трагическое, на каком бы маленьком участке оно ни возникало, неизбежно складывается в общую картину мира, – он дает «полуфабрикат» ужаса или косности – их сырье, вызывающее у нас гадливое чувство и больше известное в благожелательной критике под ласковой кличкой «быта».

Серафимович пишет:

> ...прошел в столовую и поцеловал руку жены.
> – Ну, я иду.
> Та печально смотрела в окна.
> – Какая тоска!..
>
> Полынов вышел. Всё было мутно, точно стерлись очертания и пропали краски.

Мне кажется, простой белый лист чистой бумаги несравненно выразительнее этих строк. Мне кажется, что всякому позволено отказаться от поисков марксистского критерия в книге, не содержащей в себе даже намека на исторический кругозор.

Работа у Серафимовича кондовая, по-своему добротная. Он деловито ставит беллетристический сруб. Но краше в гроб кладут слово, чем оно бывает на казенной службе. Какие-то тени пьют, едят, чешутся, умничают, дерутся... Но никто не поверит, что стоило рожать, умирать, любить, носить имя, трудиться, стяжать, ненавидеть и позориться – каким бы то ни было людям для того, чтобы наплодил свою нежить, с сигнатурками имен и фамилий, солидный беллетрист.

Серафимович литературно реакционен, потому что он солиден. Прошу не смешивать солидность с серьезностью. В серьезности я вижу залог уважения к миру, в ней предчувствие возмужалости и полноты знания. Иное дело – солидность. Так полагается. Ешь и думай. Читай и думай. И благодари. Помни, что каждый кусок, который ты глотаешь, – литература.

Напрасно думают, что это нужно массовому читателю – рабочим и крестьянам. Сам читатель так вовсе не «полагал». За него так положили в салонах – полузнания и полумысли. И пишут бытовые полотна у него на спине. Станковая живопись. Вот он и мнет и ломит шапку, как мастеровой человек в день получки в конторе кондовой русской беллетристики. Ей же нет в мире равной по тому, как она в грош не ставит читательский труд и терпенье... У нее своя забота! Какое величье! Отдаете ли вы себе отчет в ассортименте принудительных образов, которые прут из жерла реалистической смертушки-литературы?

«Бытовик» – такая же нелепость для умственного слуха моего, как «жизневик» или «смертовоз». Мы говорим о реализме... Что взято у Золя? Ничего. Даже за кисти гроба его не подержались... Дух пытливости, дух исследования, гений лаборатории нам чужд...

У нас щегольство: навалиться на читателя, заушить его как следует, обдать его перегаром так называемой жизни.

Я не хочу сказать, чтобы «грубое корявое письмо» Серафимовича коробило мой нежный слух (он у меня далеко не такой нежный: принимает же он и Маяковского, и Фурманова, и Шекспира, и Рабле), но беллетристические мозоли Серафимовича (продукт подражания очень плохим образцам) еще не дают ему права на литературную непогрешимость. Между тем мы имеем сейчас до ужаса некритическое издание Серафимовича. Его волокут в классики, то есть в полосу отчуждения и священного отупения.

Описания природы (знаменитая «степь») у Серафимовича размазаны патокой, чтоб на нее «садились» разговоры. Служебная функция этой школьной (точнее, гимназической 1905–1908 гг.) риторики достаточно ясна.

Лучше прочего автору удаются жанровые картинки (например, рабочее утро в поселке и пр.), но они никогда не поднимаются выше самого заурядного холста с выставки передвижников.

Сам Серафимович, видимо, не подозревает, что в своем раннем произведении он выступает носителем мрачной литературной биологии реакционнейших на перешейке двух революций годов, когда бытовики, втайне завидуя широкому культурному горизонту символистов, созидали свой канон «мистики для широкого употребления», искали в жизни лицо зверя и, сами того не замечая, писали «по-свински бытовые рассказики» в тональности реквиема или панихидного воя.

Тем более странно, что книга Серафимовича издается в 31-м году издательством «Федерация» с неслыханной хвалебной и рекламирующей аппаратурой. Тут и большой исторический очерк Нерадова (впрочем, весьма дельный там, где говорится не о Серафимовиче), и целые груды приложений: интервью с автором, выписки из Фатова, Лежнева и других авторитетов.

Повторять всю несусветную чушь этих беззубых похвал, приложенных к самой книге, я считаю излишним.

Но если переиздание книги Серафимовича (для сравнительного изучения этого жанра вполне хватило бы и старых экземпляров) было ошибкой, то переиздание ее в таком виде – в дни массовой литучебы и призыва ударников в литературу – я квалифицирую как преступление.

Ивнев Рюрик. [Рукопись мемуарной книги]. *Рецензия*

Новеллы Ивнева принадлежат к наилегчайшему разговорному жанру, который сам по себе неплох. По-французски это называется «causerie». Лирическое приятие Октября – основная тема Ивнева. В большом литературном замысле болтовня о революции могла бы стать на свое место, но не от авторского лица и не всерьез, как это делает Ивнев.

Ивнев между прочим говорит: «пролетарская революция это не шутка». Поразительна свежесть его восприятия, а именно то, что он до сих пор переживает это обстоятельство как некое открытие. Бессознательно Ивнев дает очень интересный социальный гротеск. Он отталкивается от определенного круга людей, для которых *всякая* действительность – нечто грязноватое, неприличное и опасное, очень зло иронизирует над этим кругом. У него определенное желание рассказать, как он очистился от этой брезгливости, примкнув к Октябрю. Плохо то, что приятие происходит без внутренней ломки, без трагедии, а потому неизбежно носит анекдотический характер. От Бориса Савинкова – через вольноопределяющихся – Ивнев строит ряд к щупанью горничных. Так нельзя писать о Савинкове.

...Матросы уверены в победе, и она хрустит у них на зубах, как *сахар*... Царские лакеи любовно склоняют имя Рюрик... (Может быть, это и смешно, но еще смешнее авторский *резонанс* явления)... О. Д. Каменева стрижет почти канцелярскими ножницами... Какой-то субъект интересуется устройством уборных в Зимнем дворце... Другой субъект спрашивает, «как это вы не сделали карьеру», и опять-таки автор – при всей своей скромности – находит почему-то нужным это записать.

На митинге автор заявляет: будь Лев Толстой жив, он бы выступил за Октябрь... И это без всякой оговорки, даже без намека на то, что в горячую минуту был сказан вздор.

Автора как мемуариста не случайно беспокоит Коллонтай, ее шелковое платье, отношение к ней бульварной прессы.

...Знаменитый актер жадно ест ветчину: «жир свисал с ломтика хлеба как маленькая вялая женская грудь без соска»...

То и дело мелькают лицеисты, похоть, глупость, гарсоны с золочеными пуговицами и т. д.

Для Ивнева характерно: «коврик со следами ног монарха лежит в писсуаре». Мы исторически не в состоянии думать, где лежит этот коврик, нам наплевать на это.

Имеются чисто календарные раздумия о превратности судеб: «в 11 году в Тифлисе играли в теннис на даче у Юденича, а теперь вот куда всех занесло».

Новелла о Ленине: лимон электрического света, позолота, красный бархат, манжета анархиста, люстра, гора бутербродов. О самом Ленине: я заметил, что он немного картавит. И одна-единственная живая черточка: замыкающий жест, которым Ленин сопроводил требование о закрытии буржуазных газет.

Повторяю: мемуары автора могут быть использованы *или им самим, или кем-нибудь другим* лишь как прием гротескной характеристики в объективной литературной вещи. Книга – ненужное саморазоблачение, тем более, что автор как советский поэт далеко ушел от своих мемуаров.

Коваленков А. [Зеленый берег]. *Рецензия*

Несомненное лирическое дарование Коваленкова глохнет от засилия литературщины, т. е. «условно-молодежного» лирического жанра. Поэт очень плохо слышит себя самого, но зато буквально оглушен ученической газетно-журнальной лирикой. Любопытно, что его нельзя назвать ни учеником Пастернака, ни Гумилева, ни Асеева, ни даже Багрицкого: он ученик их безответственных оборотней, тех профессиональных путаников и поставщиков неопределенной, подлаживающейся, уродливой сдельщины. Я утверждаю, что множество молодых поэтов учились на стихах «Огонька», «Красной Нивы» и «Прожектора» в гораздо большей степени, чем у так называемых классиков и мастеров. Кто-нибудь, несомненно, учится и у Коваленкова, поскольку он печатается. Это явление не учитывается нашей критикой: опаснейшая круговая порука. Между тем у Коваленкова есть начатки подлинной молодой советской лирики. Он говорит о революции: «Тихо сняла винтовку, стукнула в пол

прикладом, зоркая и большая, стала со мною рядом». Прекрасная сдержанная строфа, обдуманные глаголы. Военная точность и спокойствие и в то же время огромная взволнованность.

Вот еще строфа, которая могла быть сказана только о советском школьнике и только советским поэтом:

Вникай, озорной смышленыш,
В жизнь, которой ты дышишь,
Видишь прозрачным глазом,
Розовым ухом слышишь...

Какая меткость, какой чудесный подбор простейших средств. В развернутом виде эти четыре стиха составят характеристику лучших качеств советской школы. И все-таки сборник Коваленкова – совсем не книга стихов. Почти девять десятых стихов написаны с ужимкой, которую я определил бы как салонно-комсомольский стиль. «Молодость снова берет свое»... «Быть черноглазым, злым и веселым»... «Законы взволнованной юности – легкой и скромной»... «Моя большая молодость идет»... «Молодость моя свежа»... «Юность не верила в старость и смерть»... и т. д. ...

Поразительное кокетничанье своим возрастом. Революционная молодежь устами Коваленкова говорит сама о себе, как коварная и злая демоническая барышня. Дома отдыха и крымские путевки занимают у Коваленкова очень большое место. Правильно: для Тютчева – Альпы, для Фета – усадьбы, а для нашей молодежи хотя бы путевочный Крым – мощный возбудитель чувства.

Облако тает, шиповник цветет.
Два миноносца плывут в Севастополь...

Но и сюда просочилась скрытая пошлость литературщины: «все разбрелись – кто с девушкой, кто с книгой». Я спрашиваю: каково девушке прочесть такой стишок? Автор даже не догадывается, что выразился смешно и оскорбительно для девушек. Он думает, что у молодежи есть какое-то особое право на лирический паек, а между прочим и на девушек. Еще шаг: книга

ходит по рукам и девушка тоже... У молодежи нет никаких особых лирических прав перед другими возрастами. Не мешает Коваленкову помнить, что именно молодежь пишет обычно плохие стихи. Внешне безобидное лирическое разгильдяйство мешает мыслить, обедняет опыт.

У Коваленкова, между прочим, есть «пиджак, надетый набекрень». Вот куда заводит лирическая удаль...

Напрасно потревожил Коваленков тургеневскую влюбленность: он не только не читал Тургенева, но вообще не знает ни дворянско-помещичьей прозы, ни усадебного быта. У него девушка «лукаво прижимается к усатому хмельному господину», и это – о ужас! – тургеневская девушка.

Душевный мир советской учащейся молодежи не является чем-то абсолютно достоверным, открытым, лежащим на ладони. Способность самонаблюдения плохо развита. Большинство новых эмоций никем еще не выражено. Например, сотни тысяч юношей посещают стадионы, но только одному Коваленкову удалось сказать:

И холодок волнения гусиный
Опять со мной на цыпочки встает...

Великолепные два стиха. Лучшие в сборнике.

Все пятьдесят тысяч футбольных зрителей приподнимаются здесь на цыпочки в решающую минуту матча. Здоровый, точный импрессионизм, объемность образа, обилие воздуха. О книгах и про учебу Коваленков говорит плохо: «кладешь на полку ворох черствых книг». Здесь нелепое и вредное противупоставление молодости и книги. Ничего черствого в книгах нет: иная книга живее иного юноши.

Есть ли у Коваленкова свой подход к миру, начатки своей лирической темы? С радостью отвечаю утвердительно:

Всё будет так, как нужно. Но с тобой
Еще скорей всё будет так, как нужно...

Всё идет правильно, говорит Коваленков.

Он сознает историческую правоту своего поколения. Но что же делать поэту в этой «правильности»? Только ли поддакивать и кричать: «Верно»? Конечно, нет. И личная тема Коваленкова начинается там, где он зовет на бесконечную, не имеющую предела борьбу с «языческим, слепым непостоянством», с «тяжелой косностью неправильного мира...». Здесь, по праву поэта, он называет каждую материю «языческой» и освежает старое понятие.

В заключение выпишу отрывок, свидетельствующий о незаурядных лирических способностях Коваленкова, который губит свое дарование самовлюбленным псевдолирическим бахвальством:

От духоты у нас в конце концов
Дурная кровь в ушах заговорила.
Как помнится, мы вышли на крыльцо
И по-мальчишески уселись на перила.
Ночь вся была в кузнечиках. Теплынью,
Язычеством, зарницами, полынью
Тянуло с поля. Круглые кусты,
Как медвежата, шли из темноты...

Я предлагаю издательству «МТП»:

1) В настоящем виде сборник Коваленкова решительно отвергнуть.

2) Прочно связаться с автором, дать ему хорошего консультанта; устроить через некоторое время в небольшом кружке критическую читку его вещей.

3) Включить книгу Коваленкова в план издания на 34-й год, независимо от ее размеров: хотя бы очень маленькую.

Дагестанская антология: аварцы, даргинцы, кумыки, лаки, лезгины, тюрки, таты, ногайцы. *Рецензия*

Книга составлена в историческом разрезе: безыменное народное творчество, знаменитые певцы прошлого века, гремевшие далеко за пределами родного аула, но

доверявшие свою поэзию только памяти односельчан, потому что родная речь не имела грамоты; дальше – поэты и литераторы буржуазно-просветительной эпохи, выбившиеся «в люди», живавшие и учившиеся в столицах; дальше – изумительное по революционной жизненности и верности родному народу поколение молодых писателей-революционеров, с незабываемым Гарун Саидовым во главе; наконец, сегодняшняя советская литература Дагестана, созидаемая участниками и организаторами стройки, усвоившими большевистскую теорию, людьми, совмещающими, как, например, лакский поэт Черинов, интерес к мировой литературе, работу над Пушкиным и Шекспиром с сельскохозяйственной научной подготовкой.

Восемь глав сборника: аварцы, даргинцы, кумыки, лаки и т. д. – это ущелья, по которым обособленно развивалось творчество народов Дагестана.

Для составителей книги, знающих главные языки Дагестана и чувствующих форму каждого поэта, такое деление кажется закономерным, но в сглаживающем русском переводе читатель, восемь раз окунаемый в прошлое и восемь раз переживающий революционный перелом, невольно путается и устает.

Если в старом Дагестане были замечательные поэты: например – аварец Махмуд и даргинец Батырай (предисловие Эф. Капиева), то надобно было бы их выделить, поручив перевод мастерам русского стиха, чтоб сохранился размер, напев и словесный узор. Того же Махмуда Дзахо Гатуев излагает частью свободным стихом, частью зарифмованной прозой. Получается как бы длинная выписка изречений в арабско-персидском вкусе. Между тем дагестанскому народному творчеству свойственна энергия и узорность, сближающая поэтов с златокузнецами-оружейниками.

Каждой насечке узора соответствуют удар, искра. Слово в горской песне берется в тиски для выпрямления, скребком очищается от окалины, куется на подвижной наковальне, чеканится не только снаружи, но и изнутри, как сосуд.

Большинство стихов дагестанского сборника в русской передаче лишены материальности, словесной активности. Даже неловко выписывать такие строчки, как «соловей поет зарею, беззаботно и игриво» (перевод Бугаевского из Етим Эмина – крупнейшего лезгинского поэта, о котором готовит монографию Дагестанский научно-исследовательский институт).

В самом начале книги радуют прекрасные переводы Андрея Глобы «Тюрьма царская проклятая» и «Салтинский мост».

Если б цепь порвать!
Если б дверь сломать!
Если б аргамак мой
Подо мной опять!

Составители не сочли нужным сообщить, связаны ли переводчики наказом приближаться к точной форме подлинника, или работают по вдохновению, натягивая текст подстрочника на более удобную для них русскую колодку. Поэтому о пьесах Глобы можно лишь сказать, что в них удачно скрестилась новая советская лирика с народной дагестанской темой.

Гей, почему все черешни в цвету
И скворцы поют?
Гей, почему на Салтинском мосту
Барабаны бьют?

Глубоко впечатляющую песнь хунзахских партизан «Смерть большевика Муссы Кундухова» перевел Александр Шпирт. Вот доказательство, как много может сделать даже лишенный особых лирических данных переводчик, если он уважает свой материал.

В селенье Цацан-Юрт приехал ты
И на субботник шел, наш друг Мусса,
И на дороге встретили тебя
Отравленные местью кулаки.
Большевика хотели обмануть,
Пожатьем рук хотели обмануть,
Чтоб руки вывернуть, чтоб повалить –
Уловкой взять хотели храбреца.

Хунзахская песня – высокий образец революционного чувства; нежность к погибшему товарищу, горе, просветленное уверенностью в победе, наивная сила крестьянской речи – так кстати, так по-агитационному умно подчеркивающей конкретное в биографии Муссы – открывают этой пьесе дорогу в широкий массовый репертуар, несмотря на большие стилистические срывы.

Однако я сейчас же оговорюсь, что в дагестанском сборнике очень немного стихов, достойных войти в русский литературный обиход, и это тем более досадно, что большинство дагестанских лириков распевает свои сочинения, владеет голосом как поэтическим оружием, и органически не может создавать мертвых вещей.

Политические лозунги дагестанская лирика всегда поворачивает к родной стране, национально окрашивает, бережно доводя их содержание до вчера еще неграмотного, жадного слушателя. Никакой риторики в строении образа у дагестанских поэтов нет, а в переводах она есть.

Когда поэт Шамсудин говорит: «Светлая свобода с мудрыми порядками, мощная и стройная, как в русле река», – нужно иметь в виду, что мощная и плавная река для горца – новый образ, уводящий его из домашнего кругозора. Горная речка узкая и стеснена скалами. Вот почему, говоря о партии, которая принесла в тесный аул мировую революцию, дагестанский лирик начинает свежим для него образом равнинной реки.

В переводе, очевидно, всё сдвинуто, смещено: у реки завелись порядки, ей приписан невозможный строй, а величавое ее течение техническими средствами стиха не передается.

Сытое великодержавное невежество мешало дагестанцев в одну кучу с кавказцами вообще. В громадном и нищенском ауле Кубачи работали чеканщики в бараньих шапках. В городах европейской России ютились кустари-отходники, выходцы из маленькой дагестанской народности – лаки, лудильщики по профессии. В губернском городе они продолжали трагедию домашнего существования: неуменье помочь друг другу, так прекрасно характеризованное в песне Гаджи Ахтынского:

Мы слова, нужного двоим,
Вдвоем не сложим, Дагестан.

Бедняки-лудильщики становились хозяйчиками поневоле и били по голове учеников-подростков, выжимая из них «прибавочную стоимость», чтобы спасти саклю от продажи с публичных торгов, и кинжал с узорной насечкой находил свое место в трагедии. Обезумевшие, забитые подмастерья обкрадывали хозяев. Дело шло к развязке, деньги оборачивались кровью: «Эй... Голова моя в огне... Это не я, не я убил. Держите. Шестьсот тысяч рублей... Держите... Люди, где вы, люди?.. Смилуйтесь. Эй, мальчик. Иди. Иди, укажи мне дорогу в Багдад...»

Об этом рассказывает лакский драматург Гарун Саидов – студент Коммерческого института, вернувшийся в Дагестан делать революцию и зарубленный контрреволюционными бандитами в 1919 году в расцвете замечательных творческих сил.

В пьесе Гарун Саидова роль трагического вестника исполняет почтальон с телеграммой, которую никто не может прочесть, потому что все неграмотны.

Надо ли удивляться, что в дагестанской фольклорной, только на днях сложенной песне о культштурме говорится:

О желанной, как солнце красное,
Грамоте будем петь...

Переводчик Зайцев правильно понял свадебную запевку этого стихотворения.

Не следует подходить к поэзии современного Дагестана с укороченной, облегченной меркой. У дагестанских авторов за плечами большая словесная культура родного народа. У них взыскательные и творчески одаренные слушатели.

«Писатели переключаются на отображение величественных процессов, меняющих лик страны. Наиболее значительным произведением, рисующим развернутый образ горца, пришедшего на завод, является поэма лезгинского писателя А. Фатахова “Ударник Гассан”»

(цитирую предисловие Капиева). В этой поэме пейзаж дан набором готовых линяло-акварельных красок: «В голубой, небесной чаше звезд сияющая россыпь», речь по газетному очерку: «план четвертого квартала выполнен наполовину». Сюжет строится по способу благополучного развития: премированный колхозник-ударник на заводе. Лирическая поэма превращается в какой-то разжевывающий аппарат. Читательский интерес убывает по мере развития темы.

Поэма Фатахова – быть может, почетная для молодого лезгинского писателя неудача, но всё же срыв. Если даже ее обесцветил переводчик, – остается мертвенность сюжетной композиции.

Дагестанской прозы составители сборника как будто стесняются и называют ее схематичной. В этом они глубоко неправы. В дагестанской прозе большое скованное, оригинальное и недоразвитое мастерство. Молодые авторы, о которых идет речь, правильно угадали, что прозаическое искусство состоит в извлечении максимального общего эффекта из подробностей, из частностей. Их внешне бессюжетные вещи без натяжки детальны, без дробности подробны, что редко случается с нашими молодыми прозаиками.

«По густо-синему небу с коротким клекотом, чертя зигзаги, вился стервятник. Он парил от одного хребта к другому, словно штопал невидимыми нитями зияющую между горами пропасть» (Шахабудны Михайлов).

«На засаленной жирной странице журнала крестики посещаемости напоминают жирную баранту...»

«Мертвые каменные переулки...» «...Пышные воротники шуб...»

Надо поблагодарить тов. Эффенди Капиева и Дзахо Гатуева за прекрасно задуманный сборник и глубоко проработанный материал. Несомненно, они сделали всё от них зависящее для прочного знакомства нашего читателя с дагестанской поэзией. Но следовало бы отвести наиболее равнодушных и слишком ловких переводчиков, сообщить в предисловии принципы перевода, вкратце сказать о ладе и музыкальном сопровождении дагестан-

ской народной песни (не упомянуты даже инструменты) и, наконец, кроме ценнейших сведений, вкрапленных в биографические справки, дать общую характеристику советской дагестанской литературы как содружества и как организации.

Стихи о метро. Сб. литкружковцев Метростроя. *Рецензия*

В одной из шахт Метростроя на Смоленской площади работали люди 34 профессий (резинщики, химики, токари, формовщики, мебельщики и др.) – так велика была тяга к работе на Метрострое.

В другом участке работы пом. директора кинофабрики обучал пришедших с ним на Метрострой киноработников тоннельному мастерству: так бесконечно много давала квалификация на Метрострое, общение с этим университетом социалистического труда.

Один из строителей – бывший чернорабочий, четырнадцатилетним мальчиком спустившийся в шахты Донбасса, – пройдя метростроевский стаж, заговорил в печати о «стиле работы».

Почти каждый выступающий на страницах прессы участник Метростроя считает нужным сближать социалистический труд с художественным творчеством, и нередко о труде говорят в терминах искусства.

В шахте под Свердловской площадью комсомолка Паня напевает, работая, арию: «не счесть алмазов в каменных пещерах», и, быть может, в двух шагах в Большом театре звучит та же ария – поразительное было бы совпадение.

«Кто первым дорвется до юрских глин?» – интересный лозунг соревнования. Вдумайтесь в него: строители метро научно разбираются в геологических пластах и эпохах. В толщу времени эти люди, озабоченные тем, чтобы построенные их руками тоннели выдержали дав-

ление грядущих веков, вторгаются, как полновластные хозяева: изучить строение породы, победить ее сопротивленье, вырвать у нее свободное пространство, залить его светом, наполнить движением, социалистической радостью.

«Большое дело, громадное дело соорудил. Вынуть сто тысяч кубометров одного грунта и уложить двадцать тысяч кубов одного бетона, не считая облицовки и других работ. И вот получается роскошная станция – Крымская площадь. Мрамор. Свет. Колонны. Рельсы, сверкая, уходят вдаль... А ведь подумать, каждый из нас стоял на своем маленьком участке, борясь с водой, с плывунами, – каждый в отдельности кажется таким беспомощным! Метро – это победа коллектива».

К лирическому сборнику «Стихи о метро» нельзя подобрать лучшего эпиграфа, чем эти слова. В них дан ключ к пониманию лирики метростроевцев.

Первая встреча бригады с «непонятной, тяжелой землей», «тихий, но строгий бетон» (его нужно укладывать по два куба в день), и – через три года – подземные дворцы, в описании которых созидавшие их поэты теряются, проявляют беспомощность, потому что старые слова для описания роскоши и великолепия здесь неприменимы, потому что в само созерцание здесь входит новый момент, момент новой эстетики: эти предметы созданы нами.

Стихи о метро подобраны любовно, внутренне спаяны и стоят примерно на одном уровне выполнения. Отдельные строки и стихотворения выделяются особо над этим уровнем, но у читателя всё же преобладает впечатление, что сборник написан одним автором, но в разных манерах. (Наиболее четкая поэтическая индивидуальность у тов. Кострова.) Тематика книги – организаторский энтузиазм, размах работы, связь с партией, ценность законченного труда, углубление товарищеской солидарности, трудность работы, ответственность перед будущим («тоннелям надо выдержать века»), ощущение работы как памятника, который коллектив воздвигает себе в эпохе.

Поэты-метростроевцы ни на минуту не забывают, что им помогала строить вся страна, что вне первой и продолжающей ее второй пятилетки Метрострой был бы немыслим, превратился бы в утопию. И эта живая связь со всей страной, с пятьюстами сорока заводами, которые осваивали и выполняли для Метростроя важнейшие задания, воплотилась в личном руководстве тов. Кагановича.

Звонил, находясь на Урале,
Молнировал из Сибири
И в шахту спускался прямо,
Окончив дела в ЦК.

Здесь в четырех отлично выверенных строчках передан размах огромной политической работы, даны связанные между собой географические дистанции, показана техника рабочего дня члена Политбюро, работника ЦК и выражен стиль этой работы.

И вот, я обращаю внимание на то, как хороши, как уместны в этом маленьком отрывке глаголы – т. е. носители действия: звонил, молнировал, спускался.

Поэт, забывший о глаголе, – всё равно что летчик или шофер, заснувший у руля.

Сложные технические процессы, то и дело упоминаемые поэтами, слиты с душевными переживаниями – будь то сознание исторической ответственности, величия работы, радость напряжения творческих сил, будь то личное чувство – к девушке, товарищу по бригаде.

Не сказал я, что, когда с тобою
Мы носили гравий на замесы,
Брался я за ручки так, что вдвое
Для тебя был ящик легковесней.

(Бахтюков)

Лирической вершиной этой маленькой книжки «Стихи о метро» я считаю одно стихотворение Кострова.

Да здравствуют
Товарищи мои,
Ведущие подземные бои,

Идущие сквозь плывуны
И камень,
Сквозь толщи глин,
Прессованных веками,
Сквозь черный сумрак
Неживых ночей.
Товарищи, несущие в ночах
Большое дело
На своих плечах.
....

Работники
Простого благородства,
Художники труда
И производства,
Ведущие великие бои,
Да здравствуют
Товарищи мои.
Товарищи,
Чьих дел глубокий след
Останется в земле
На сотни лет.

Много в русской поэзии прекрасных заздравных стихов, начиная с пушкинского «да здравствуют музы, да здравствует разум» и хмельных языковских здравиц, но этот изумительный трезвый тост, этот дифирамб живым и здравствующим товарищам, этот бокал с черной землей из шахты Метростроя, поднятый над советской Москвой, радуют даже самый взыскательный слух. Поздравляем товарища Кострова с отдельной удачей и тут же оговоримся, что он наделал в сборнике «Метро» множество поэтических ошибок.

Потери такой
Нам нисколько не жаль,
Ты был ведь работником средним.

Напрасно Костров думает, что о средних работниках нужно писать плохо и вяло. Этот вид соответствия формы и содержания поэзию не устраивает.

Следует отметить, что книга метростроевцев содержит ряд свежих стихов о Москве. И это естественно,

потому что метростроевцы, выходя «на-гора» и сменив спецовки на обычный костюм, напряженнее, чем когда-либо, вслушивались в биение жизни города, вглядывались в толпы, в улицы, и после грохота кессонных работ старый знакомец – «трамвайский язык», как говорил Маяковский, был им люб и дорог. «Ползет вода – змеистая, кривая, сверкучая от желтого луча» (Смирнов); у него же: «осеннее чувиньканье синиц».

Бахтюков держит поэтическую связь с Метростроем даже тогда, когда говорит откуда-то с черноземов.

Как широко распахнуты просторы,
Какое море смелой тишины!

Лирическим героем стихов о метро является, в сущности, бригада, а не отдельный человек. Вера Лихтерман говорит именно о бригаде с той детальной зоркостью и внимательностью, которую старая поэзия применяла только к отдельным людям:

Переливчато звенит
Просеваемый гранит.
На ресницах иней пыли,
Глянь – бригада вся седая.

Побольше внимания к деталям словесной работы литкружковцев. Лирика тоже требует, чтобы «нигде не капало» (технический лозунг т. Кагановича для метро). Не замечая этих маленьких удач, не называя по имени их авторов, мы обескуражим поэтов. Поэты хиреют от суммарных оценок, они становятся беспризорны от невнимательно-рассеянной критической ласки.

Если бы лирики «Метро» в стихах своих работали по большому и дальнозоркому плану, как у себя на производстве, если б работа их ощущалась ими самими как литературный цех Метростроя, они достигли бы бóльших результатов. Как на формальные недостатки их работы следует указать на недостаточную емкость строфы, а также на однообразие и автоматичность ритмов. В словарном отношении книжка богаче, чем большинство аналогичных сборников, и это признак культурного роста.

Можно также пожелать поэтам большей свободы в построении образа и в развитии лирической темы. Ведь для советского поэта работа над лирическим стихотворением также является ударной стройкой, и материал для этой стройки, как бы обслуживая ее, доставляет вся страна, вся социалистическая действительность, понятая как целое.

Санников Г. Восток. *Рецензия*

В посвящении книга определяется самим автором как пока еще неполное собрание сочинений.

Санников, бывший участник поэтической группы «Кузница», с первых шагов прекрасно овладел техникой культурного традиционного стиха, обновленного и омоложенного усилиями лучших символистов.

При этом у Санникова наблюдается учет достижений футуристической поэзии. Новое звучит у него приглушенно, под сурдинку, в мягкой оболочке старого. Первый раздел книги Санникова хронологически совпадает с романтическими выпадами Н. Тихонова и Багрицкого. Уже значительно позднее, в одном из лирических отступлений, в поэме «Египтяне», Санников говорит, характеризуя этот свой период:

Я вместе с Байроном угрюм,
На бурю променяв покой,
Запоем пил из звездных рюмок
Ночей тропический настой.

По земному шару, который Маяковский обошел почти весь и всерьез, Санников начал весьма рискованное путешествие с Чайльд-Гарольдовой командировкой, давно утратившей всякий конкретный исторический смысл.

В этих стихах 1926–27 года стучат машины океанских пароходов, волчьей шкурой сереет вздыбленная вода. Радио трубит в ответ стонущим путешественникам фокстроты, шимми и чарльстоны. Океаны бессмысленны

и дики – они не наши, чужие. Следующий отдел – «Пески и Розы». Язвы Востока прикрыты классической поэзией, мозаикой мечетей. Жалкая, постыдная жизнь и певучие сказочные узорные ковры:

Я тебе расскажу, красавица,
Только ты не хитри, не клянись,
Красота твоя очень славится,
Но ни к чорту не годна жизнь.

В подражаниях персидскому Санников удачно воспроизводит скупую лирику классиков пустыни, певцов небытия.

Подымется ветер,
Заметет следы,
И будто я не был,
Не будешь и ты.

А в совсем недавнем (1934 г.) обращении к Фирдусси говорит:

Мы в твой народный славы гул
Поэзии вплетаем ветви,
И при твоем тысячелетьи
Несем почетный караул.

«Песнь о городе Тавризе» посвящена тегеранскому восстанию 1908 года: тегеранские базары, море барашковых папах...

Когда поэт показывает свою лабораторию, это может быть и ценно и интересно: мысль борется с новым материалом. Но я решительно отказываюсь назвать «поэтической лабораторией» бóльшую часть опытов Санникова, посвященных росту народного хозяйства и технологии; скорее, это кухня, не умеющая обращаться с продуктами.

Я имею в виду самые интересные по замыслу, деловые главы «Каучука» и «Египтян».

...Должны быть созданы нормы –
Научно обоснованная монополия...

Вопрос о длине волокна
Для пролетарского государства не безразличен.

Санников злоупотребляет свойством всякой разумной речи распадаться на смысловые единицы: обыкновенные части фразы он выдает за стихи: «Комиссия... в акте, на месте происшествия написанном, установила объективно...»

Хочется лишь выправить расстановку слов в таких стихах, как это сделал бы любой газетный корректор.

Это тем более досадно, что Санников стремится расширить область поэзии и чувствует огромную ответственность перед нашей современностью.

Он прощается с самодовлеющими, условными формами лирики, в которых мог спокойно преуспевать на радость эстетам. Но такая тематика, как наука, революционная практика, борьба и жизнь масс, требует творчества, а не списывания хотя бы из блестящей газетной статьи или из учебника химии.

В лучших отрывках своих поэм Санников достигает «сложной простоты» – редкое умение, которое всегда радует в лирике.

Ничто не нарушает сна,
Повсюду шерстяные тени.
И кажет голые колени
Над городом луна.

В «Каучуке» Санников говорит о горном каучуконосном растении тау-сагызе, словно о романтическом кавказском герое эпохи Марлинского:

При шапке крупного размера
Листвы игольчатой, с лица
Он выглядел довольно дико...

Блеском романтического костра озарено случайное открытие каучуконосного растения.

Здесь не что иное, как черпанье новизны при помощи старого ковша, или искусное омоложение дряхлеющего литературного канона; иногда стихи Санникова звучат как дурная копия с «Эдды» Баратынского, переложенной на хлопок.

Между тем автора горячо интересует стык между наукой и классовой борьбой. Каждая поэма изображает цикл классовых боев, протекающих в трудной и своеобразной обстановке среднеазиатских республик, и надо признать, что с расширением тематики лирическое дыхание автора заметно окрепло: «Песня комсомолки» в «Египтянах», баллада о коврике Пенде Гюль, который пламенеет в клубе рика с портретом В. И. Ленина, замечательные ткацкие баллады, фрагмент «в невеселом городе Тавризе, где сады, сады, полюбил я лирику Гафиза и простую мудрость Саади», – всё это обязано своим рождением перевороту, перелому, наступившему в творчестве Санникова. Дело теперь для поэта уже не в узорности, не в орнаментике как таковой, не в изощренности так называемого восточного искусства, которое в «Египтянах» иронически названо супрематистским. Шерсть, из которой ткутся ковры, прополоскана в коровьей моче. В цветных нитях бегут труды и дни дехканства.

Но читатель вправе спросить: удалась ли Санникову его основная задача?

Необходимо указать, что в «Каучуке», несмотря на его перегруженность научными формулами, несмотря на песню шелестящих шин, настойчиво требующих труда, изобретательства, социального творчества, основное действие, т. е. борьба за советский каучук в обстановке классовых боев, дано сквозь дымку условной романтической поэмы. Байская дочь Рейхан, у которой отца раскулачили и отправили в Караганду, – «казачка, похожая на Офелию». И в этом последнем обстоятельстве, конечно, никакой беды нет, но плохо то, что функционально, в силу нагрузки образа, эта кулацкая Офелия, поднимающая Алаш-Арду против Кызыл-аскеров, с феодальным знаменем, на котором начертан старый закон – Адат, оказывается героиней второй поэмы, просвечивающей сквозь первую.

Крепнущие кадры всевозможных специальностей, которые так дороги Санникову, не могут быть поэтически характеризованы с помощью переклички сегодняшнего

героя и, например, Алеко из пушкинских «Цыган». Для того, чтобы связать диалектическую часть «Египтян» с романтической подосновой, Санников охотно прибегает к пародии, к едкой лирической иронии. Так, сравнивает он растерявшегося от личных и общественных неудач Кречетова с тенью Петрарки, вздыхающего по Лауре в долине реки Сарги, и говорит о «кречетовской луне». Подобными нитками, однако, не заштопаешь разрыва.

В «Египтянах» не существует второй просвечивающей поэмы. Восстание басмачей здесь не опоэтизировано по Марлинскому, как авантюра Рейхан в «Каучуке». Разрыв идет по другой линии: между изобразительной и деловой частью поэмы – «куполообразная, беспамятная, старая, окаменелая мечеть Тимура». Тут же рядом бешеное и сложное движение:

Шумная тачанка,
Гражданская подруга,
Ухарство и лихость
Махновских ночей.
Тронулся навстречу
Город полукругом...

Санников великолепно понимает огромное историческое значение советской химии. Он сознает всю глубокую связь между творческими поисками этой революционнейшей отрасли нашего научного мышления и методами поэзии. Однако он только учится химии на глазах у читателя, сдает свои зачеты: «углерод четырехвалентен; одновалентен всегда водород». «Полимеризация даст переворот – диметилдивинил элементов. Диметилдивинил, или $CH_2 = C(CH_3) - C(CH_3) = CH_2$. Всё это правильно и к поэзии (здесь мы расходимся с любителями «изящного» как такового) имеет самое близкое отношение; но здесь ровно ничего не сделано для взаимного сближения поэтической и химической мысли. Научный термин – только словесный знак, насыщенный понятиями. Водород – самый подвижный элемент в органической химии. Перемещаясь, вступая в соединения, он работает с удивительной дерзостью, как гимнаст на трапеции.

Санников же работает на узорчатом персидском коврике. Высоту Тимуровой мечети он изображает хорошо, а дерзость органической химии передает экзаменационным лепетом.

Иногда с поэтом случаются курьезы, потому что для социально ценного содержания он не умеет найти естественной поэтической формы.

> ...Для промышленного применения
> Через колбы, реторты и сетки, –
> Достиженье советского гения,
> Не предусмотренное пятилеткой.

Настоящий балаганный раешник, речь ярмарочного зазывалы с бойкой и нелепой рифмовкой отвлеченных слов.

Традиционно прозрачные «бахчисарайские» строфы перемежаются с многоярусными формулами социологии и химии, грубо уложенными в стихи. Автор на одной странице бывает красноречив и многоязычен, традиционен, как старообразный школьник, и лихорадочно современен, как мастер революционного репортажа. Зрелость, косность, подражательность и новизна удивительно совмещаются в одном поэте.

Поэмы «Каучук» и «Египтяне» похожи на ранние географические карты с неосвоенными пространствами. Санников, например, берет в типографскую рамку интересные цифровые сводки, нумеруя их как строфы. Цифры сами по себе замечательно выпуклы. Но какое здесь неуважение к числу, непонимание образной творческой природы числового мышления. Чтобы цифры советской статистической науки заговорили поэтическим языком, надо и над ними проделать такую же положительную работу, как и над словом. Голое цитирование даже самого замечательного факта – только типографский прием. Никакой дерзости и новизны в этом приеме нет. Гораздо важнее то, что происходит внутри поэтического хозяйства Санникова, т. е. внутренняя сдача позиций белому пятну поэтически не освоенного факта. При этом всегда условно сохраняется видимость, и только види-

мость, оживленного лиро-эпического рассказа, и больше того: манера автора всякий раз в таких случаях приобретает невероятную бойкость. Образное оживление таких мест идет за счет воспоминаний из древней истории: «по Геродоту, солдаты Ксеркса были в хлопковых одеждах, Искандер, прободая Персию, видел муслины нежные»...

Но как только дело доходит до прозаического мяса, до упорствующего сырья, – Санников решительно перестает изобретать, но стучит на пишущей машинке:

А дело в том, что добровольно
Никто не вызвался поехать
На саранчовый фронт возглавить
Борьбу за хлопок многопольный.

Метрически однозначущие девятисложные строчки являются здесь обыкновенными единицами прозаической речи, притом очень дурно построенной, т. к. естественная живая проза не терпит однообразия: абсолютно однородные части не соединяются в ткань.

Сотрудничество советского поэта с широчайшими кадрами строителей социализма, с работниками науки, с колхозниками, с красноармейцами должно быть поэтически образующей силой, должно найти свое прямое отражение в самой структуре произведения, в каждой клетке поэтической ткани. Когда Санников заканчивает: «Египтянин победил», т. е. высокосортный культурный хлопок засеял сотни тысяч колхозных гектаров – с исторической необходимостью, несмотря на все происки врага, то хозяйственная победа является здесь последним звеном поэтической композиции.

Однако нельзя передоверять своей поэтической работы даже рожденному в коллективных усилиях жизненному факту, нельзя украшаться этим фактом, только регистрируя его.

Научная формула должна претвориться в дышащее слово, сложнейшие элементы строительства – в поэтическую химию, в единый и целеустремленный стиль. Партийная мысль должна быть не изложена, а продолжена в поэтическом порыве.

Адалис А. Власть. *Рецензия*

Пишет Адалис так легко и лихорадочно, как будто карандашом на открытках, начав на одной и продолжая на другой. Кажется, она стоит в зале телеграфа, дожидаясь, пока освободится расщепленное перо на веревочке, или же из междугородной будки, задыхаясь, передает лирическую телефонограмму:

– Достать стихи. Узнать, отчего происходят стихи. Подойти как можно ближе к тем людям и делам, ради которых и благодаря которым пишутся стихи.

Прежде всего, необходимо дышать не для себя, не для своей грудной клетки, а для других, для многих, в пределе – для всех. Воздух, который мы в себя вобрали, нам уже не принадлежит, и меньше всего тогда, когда он находится в наших легких.

Второе, и это второе, очевидно, первее первого, это то, что я назвал бы убежденностью поэтического дыхания или выбором того воздуха, которым хочешь дышать.

И вот мы получили книжечку стихов – сестрински-нежных и матерински-гордых, товарищески-открытых и в то же время деловитых, служебных, озабоченных, командировочно-спешных – стихов, которые требуют помощи и сами хотят помочь.

Мы должны быть благодарны Адалис за то, что у нее нет собственнического отношения к теме.

Лирическое себялюбие мертво, даже в лучших своих проявлениях. Оно всегда обедняет поэта.

Когда я читал книжку Адалис, у меня было ощущение, будто я одновременно нахожусь и в степи, где по жесткой смете, «на базе бурого угля» строится новый город, и в Армении на голубых рудниках Арагаца, и на улице Архангельска, где «рабочая ночь» пахнет озоном и северолесом, и в совхозе «Бурное», где сидят в полумраке на соломенных тюфячках за удивительной беседой о социализме и скрипке Гварнери. Адалис говорит:

Так дико я близок с чужими людьми и делами,
Что часто мне кажется, мир есть мое продолженье.

Прелесть стихов Адалис – почти осязаемая, почти зрительная – в том, что на них видно, как действительность, только проектируемая, только задуманная, только начертанная, только начерченная, набегает, наплывает на действительность уже материальную.

В литературе и в кино это соответствует сквозному плану, когда через контур сюжета или картины уже просвечивает то, что должно наступить.

В лирике это соответствует состоянию человека, который набрел на правильную мысль, уверен, что ее выскажет, именно поэтому боится ее потерять и всех окружающих убедил и заразил своим волнением.

Море приобретает глубокий цвет синей кальки чертежника.

Граница, отделяющая страну от хищных соседей, отмечена и характеризована мирными новостройками.

Сады, гитары и моря Италии идут на описание шахтерского городка, который возникает чуть южнее завода.

Сон, виданный в раннем детстве, – запах бузины, жары и орехов, красные шары на спинах выгнутых мостов – вытряхивается из памяти через десятки лет и продолжается как свежая работа: населяется каменщиками из Тамбова и Торжка, получает прививку мичуринского винограда, оглашается «безбрежным влажным пением» во время обеда и отдыха трудящихся.

Дитя не вернется в утробу,
И хлеб не вместится в зерно,
Как слива не втянется в завязь, –
И в этом их тайная честь! –
Мы больше не можем обратно
В звериные норы пролезть!

Даже мысль о том, что лирическая работа совершается только поэтами, дика и чужда для Адалис. Это – тоже звериная нора, куда нельзя залезать обратно.

И вот Адалис всеми силами старается доказать, что за нее лирически думают и чувствуют все те, кого она называет товарищами, друзьями. Как заводы для обога-

щения руды – руды социального переживания, поставлены у Адалис встречи, и в еще более глубоком ряду стоят рассказы встреченных о тех других, с кем сталкивались они. Трое товарищей, которых кто-то приволок к себе в комнату читать бюллетени о взятии южанами Шанхая, и мимоза, бросавшая в этой комнате тени на крутящийся потолок, – потолок, крутящийся потому, что на улице в это время пробегали фары первых автомобилей «Амо», и купленный на радостях для четверых литр столового, чей вкус запомнился вместе с мимозой и Шанхаем, – все эти элементы не составляют никакой цепи, никакого искусственного сцепления и могут рассыпаться в любую минуту, потому что сейчас же соберутся в другом месте, в другом сгустке, в других сочетаниях, потому что ничто социально пережитое не пропадет.

И это качество новой лирики, избавляющее ее от необходимости дрожать за то, что порвется хрупкая нить ассоциаций, что выпадет петелька из кружева, что в развитие темы проникнет что-нибудь чужеродное, нарушающее строй, – это качество выступает у Адалис как доверие к жизни во всей ее перекатной полноте.

Цель поэта – не только создать и поставить перед читателем образ, но также соединить впечатления, кровно принадлежащие читателю, но о связи которых он, читатель, живой носитель этой связи, еще не догадывается, хотя чувствует ее...

Дорога в Балаклаву на автобусе, столы, накрытые в саду (быть может, на курорте, а быть может, и в совхозе), стеклянные шары нагретого степного воздуха, радость волейбола, радость футбола и радость яблока – получают у Адалис эмоциональную округлость, единство – внутреннюю форму, социальную спайку.

Адалис рассказывает о неумении своих современников бросать начатую работу – единственном из неумений, которое составляет наше богатство и наше счастье.

Книжка ее одновременно и гордая, и робкая – одна из первых ласточек социалистической лирики, избав-

ляющей поэта, т. е. лирически работающего конкретного человека, от хищнической эксплуатации собственных чувств, снимающей с него ревнивую заботу о поддержании своей исключительности.

Стихи заняты, стихи озабочены. Им некогда любоваться собой...

А мастерство?

Послушайте, что говорит Адалис о Багрицком.

Нам голос умершего друга
В глубокую полночь звучал...
По радио передавалась
Былая повадка сполна.
Едва выносимая жалость
Шатала меня, как волна...
Сердитый, смешной и знакомый,
Он громко дышал и хрипел,
Он громко о жизни зеленой,
О воинской свежести пел...

Это и есть мастерство.

Тарловский М. Рождение родины. *Рецензия*

Для характеристики поэта очень важен его инвентарь: круг предметов, привлекающих его внимание. Не менее важно и то, *что* говорит поэт об этих вещах. Но самый простой и сухой перечень явлений, остановивших на себе внимание художника, определяет профиль его творчества.

Вообразим невероятный случай: поэт пишет только о саксонском старом фарфоре, окружает его размышлениями глубоко идейного порядка, делает исторические выводы и перебрасывает от кофейного сервиза тематический мостик к современности. Но без блюдечка с цветочками и ободочками он шагу ступить не может. Всё у него начинается от бабушкиного кофейника. Как бы «идео-

логически» ни пыжился этот воображаемый уродливый поэт, ясно, что у него получится чепуха, что он перелицованный пассеист, что он насквозь фальшив.

Случай Тарловского гораздо сложней. Книжка его называется «Рождение родины». Тема – преодоление архаики во имя будущего. Посмотрим, чем же интересуется Тарловский, куда тяготеют его живые вкусы, что он видит в современности.

В Москве роют землю для метро. Тарловскому уже становится интересно. Почему? Вырыли кость мамонта, нашли кусок кладбищенской парчи, докопались до петровской шпаги, а в конечном счете добрались до помойной ямы Ивана Калиты. «Конечно, мы были бы рады, разрезав Москву пополам (?), найти в ее профиле клады, зарытые некогда там – алмазы, червонцы, лампады»...

Дальше для нейтрализации лампадной рухляди – метро само по себе объявляется кладом и зароком (?).

Настоящей исторической наукой, геологическими или палеонтологическими интересами в этих стихах даже не пахнет: поэтический мир Тарловского – это паноптикум, т. е. ненаучное собрание курьезов и т. п. редкостей, грубо и бессмысленно щекочущих естественный интерес к прошлому, раздражающих дешевой пряностью и лишенных всякой познавательной ценности.

Протест против музейной чехарды и чертовщины, в которой упражняется Тарловский, следовало бы заявить от имени исторической науки. Поэт говорит: «старина ни в чем не допустима; Русь – татары? – мимо, мимо, мимо: останавливаться, как в кино, строго-настрого запрещено». Эти возмутительные ухарские строчки, призывающие к невежеству, написаны в то время, когда углубленное преподавание истории становится одной из основных задач советской школы.

Тарловскому нужен между прочим «гиньоль» – театр ужасов. О Пугачеве он обмолвился: «где, катом подъятый с размаху, деленый (?) мигнул Пугачев». Извращенно-гурманский намек на четвертование. Безвкусное сма-

кование техники этого акта. «Петр женил стрельцов на тугой пеньковой девке, они влезли в эту даму головами и дергались в ней до утра». Не знаешь, что отвратительнее – сама петровская казнь или развязность, с которой о ней повествует Тарловский. Но поэт с головой залез в свой собственный словарь. Абсолютно чуждым нашей культуре языком перестраивающегося сноба-гробокопателя и смакователя старины он пробует передать свое отношение к современности, и получаются такие перлы, как, например: «рослый советский детина».

Тарловский на речном трамвае плывет по Москве-реке. Вот его поэтический маршрут: удельная Рязань, удельный Суздаль, пепел – тишайший царь, «самозванный» стяг, кремли, струги. Всё это упоминается для того, чтобы сейчас же отплеваться, и сейчас же переход к действительности: девочка-подросток Маша, грамотная только первый год, читает по складам вывеску: «Машин, но строительный завод». Мало того, что здесь нелепое сюсюканье: в Москве в 31 году очень трудно было найти подростка, грамотного только первый год. Тарловский бессознательно искажает факты.

Если он расскажет про обсерваторию, то противовесом к ней или дополнением обязательно является старая мечеть. Для Тарловского это две половинки одного ореха. Механистический стих Тарловского – продукт разложения и распада акмеистических приемов. Поэт настолько лишен чутья и вкуса, что способен зарифмовать «парикмахер» и «пахарь».

Тарловский обладает поэтическим темпераментом, упрямством, изобретательностью, – но ему необходимо стать в простые, ясные, свободные от бутафории отношения к жизненной правде.

Только тогда он освободится от эстетического хлама и перестанет любоваться историческим мусором.

В этом смысле наиболее типичные вещи «Бог войны» и «Вопрос о родине». В первой пьесе «бог войны» – с «бердышом» (?) и с сигарой забрался на ресторанный попла-

вок и заказывает «человеку» шашлык из человеческого мяса. Во второй боги японского Олимпа лишают загробного Олимпа белогвардейского прохвоста за то, что он вредил своей родине. Стремление к хлесткости, к дешевому версификаторскому блеску – мешает Тарловскому серьезно развить большую тему. Даже наиболее заостренные вещи страдают ломкостью, хрупкостью или перегружены эстрадностью и пряной анекдотичностью.

О театре
О кино
Другие работы

I

Художественный театр и слово

Художественный театр – дитя русской интеллигенции, плоть от плоти ее, кость от кости.

Театр русской интеллигенции! Это уже внутреннее противоречие! Такого театра быть не может! А между тем он был! Больше – он еще есть. С детства я помню благоговейную атмосферу, которой был окружен этот театр.

Сходить в «Художественный» для интеллигента значило почти причаститься, сходить в церковь.

Здесь русская интеллигенция отправляла свой самый высокий и нужный для нее культ, облекая его в форму театрального представления. Общество, которое всем своим складом было враждебно всякому театру, строило свой театр из всего, что ему было дорого; но, если сложить в одно место всё, что любишь, даже самое дорогое, все-таки театра не получится, и любовь русской интеллигенции не стала театром.

Для всего поколения характерна была *литература*, а не театр. Это было типично литературное, даже «литераторское» поколение. Театр понимали исключительно

как истолкование литературы. В театре видели *толмача литературы*, как бы переводчика ее на другой, более понятный и уже совершенно свой язык.

Источником этого театра было своеобразное стремление *прикоснуться* к литературе, как к живому телу, осязать ее и вложить в нее персты.

Пафосом поколения – и с ним Художественного театра – был пафос Фомы неверующего. У них был Чехов, но Фома-интеллигент ему не верил. Он хотел прикоснуться к Чехову, осязать его, увериться в нем. В сущности, это было недоверие к реальности даже любимых авторов, к самому бытию русской литературы.

Когда художественники привезли «Вишневый сад» в один большой русский провинциальный город, по городу распространилась весть, что труппа не захватила с собой «пузатого комода». С искренним огорчением передавали друг другу обыватели эту подробность. Без комода ведь уже не то. Пальцем «Фомы» уже нельзя будет к нему прикоснуться.

Что такое знаменитые «паузы» «Чайки» и других чеховских постановок?

Не что иное, как праздники чистого осязания. Всё умолкает, остается одно безмолвное осязание.

Путь к театру шел от литературы, но в литературу не верили как в бытие, *сло́ва* не слышали и не осязали.

К литературе требовался *толмач*, переводчик. Эту роль навязали театру.

Вся деятельность Художественного театра прошла под знаком *недоверия* к слову и жажды внешнего осязания литературы.

Начиная от «Федора Иоанновича», кончая «Лизистратой», это один *цельный* путь. Доходило до курьезов: елизаветинский Шекспир на античный лад.

По-настоящему буйствовал народ, по-настоящему плакали и пели и стрелялись. Но я помню «На дне». Ведь все-таки это был ситцевый и трущобный маскарад. Чистенький притон. Прилизанная трущоба. Осязать смрад и

грязь им не удалось, как и многое другое. По-настоящему они осязали только себя.

Я говорю о Художественном театре без враждебности и с уважением: он не мог быть иным. Он был расплатой целого поколенья за словесную его немоту, за врожденное косноязычие, за недоверие к слову. Вместо того, чтобы *читать* в слове, искали, что просвечивает за ним (теория сквозного действия). Уж не проще ли было заменить текст «Горя от ума» собственными «психологическими» ремарками и домыслами.

Никогда не читали текст. Всегда свои домыслы. Истинный и праведный путь к театральному осязанию лежит через слово, в слове скрыта режиссура. В строении речи, стиха или прозы, дана высшая выразительность.

Они этого не знали. Они исправляли слово, помогали ему. Они ошибались, запинались и путались даже в пушкинских стихах, беспомощно размахивая костылями декламации – выразительного чтения.

Несколько раз переделывали актерскую «азбуку чувств» и все-таки играли не правду, а актерский шифр.

Бытовой театр, МХТ, всегда был условным, театром-толмачом, переводчиком текста на актерскую азбуку чувств.

Вспоминаю «Месяц в деревне». Кажется, пустяк. Легкая безделушка. А как неестественно, развязно звучали голоса Верочки и других, с растяжкой, с истерическим смехом.

В «Лизистрате» все *женщины* читают по-старому, по актерской азбуке.

Почти все мужчины освободились от нее, и не случайно движения всех женщин плохи, будто сошли с картины Семирадского, а движения мужчин превосходны.

В театре для того, чтобы двигаться, нужно говорить, потому что он весь дан в слове.

«Березіль»

Еще несколько лет тому назад украинский театр был стихийным бытовым явлением, он был отдан на волю случая, на произвол личного таланта, сочетал рутину с живым блеском, жил ощупью и наугад.

Старый украинский театр отличался громадной живучестью – и в мелодраме, и в музыкальной комедии он хранил своеобразие жестких и скудных форм, сковывая актеров, угождая неприхотливому зрителю. Украинский театр не прошел через литературную выучку, через могучее преобладание литературы. Он никогда не был театром мещанских «проблем», никогда не был психологическим театром...

В этом смысле ему, быть может, посчастливилось: он был зрелищем, насыщенным примитивной театральностью. В нем всегда были сильны элементы балагана, он мог бы легко, при других условиях, дать ростки и комедии и драмы, глубоко народных, с большой самостоятельностью актера, с тяготением к импровизации, с летучим и условным оформлением...

Но случилось так, что к революции на Украине созрело поколение с громадным зарядом театральности, не отягощенное традицией, – театр без литературы, без психологии, обращенный к зрителю через голову автора.

«Березіль» за четыре года своей работы застроил многообразными и временными постройками дикое поле старого украинского театра. Эта застройка производилась с лихорадочной поспешностью. С такой быстротой строятся верфи перед войной, воздвигаются баррикады и роются окопы. В работе «Березіля» есть нечто общее с работой всякого основоположника: он стремился в кратчайший срок дать образцы разнообразнейших жанров, наметить все возможности, закрепить все формы.

Театр «Жакерии», «Коммуны в степях», «Гайдамаков» и «Шпаны» – это не единый театр, а несколько борющихся направлений. «Березілю» предстоит почетный и благотворный распад: из него выйдут основные

типы будущего украинского театра и, работая раздельно, продолжат его дело.

Необычайно важным для театра был момент его зарожденья. Он родился в эпоху летучих, перегорающих, как порох, постановок в прифронтовой полосе, окруженный армейскими и клубными театриками; он родился в эпоху подневольной театральности, военно-революционной театральной повинности, когда режиссерствовал паек, и, право же, иногда неплохо!

К малым театральным формам революции «Березіль» отнесся без высокомерия. Он усвоил от них партизанскую подвижность, легкость свертывания и развертывания, умение перемигнуться с зрителем, завербовать его и через месяц вернуться уже другим.

В работе «Березіля» есть течение, прямо идущее от непрофессионального клубного театра; оно сильно в «Коммуне в степях» и в «Джимми Гигинзе». Здесь «Березіль» – старший брат «клуба».

Даже в самых праздничных и пышных постановках «Березіля» чувствуется «живая картина», самое примитивное достижение революционного театра. В «Гайдамаках» есть «живые картины», великолепные, как старый украинский лубок. И эта постановка принадлежит театру, который в «Шпане» показал, как театральное движение преображает сырой «чаплинизм» в торжествующую новую комедию!

Другим могучим влиянием, сформировавшим «Березіль», было влияние театральной Москвы. В «Березіле» борются театры Мейерхольда и Камерный; отдаленно чувствуются отголоски всевозможных «старинных» театров, процветавших еще до войны и переваливших в лице Камерного и многих студий через революцию.

Скелетообразность конструкций и цветущая пышность живописи – вот два полюса режиссуры «Березіля». Среди конструкций постоянно движутся разряженные цветные шахматы – действующие лица; в отвлеченной клетке мечутся живые фигуры, сошедшие то с украин-

ского лубка, то с стилизованной западной гравюры, то с английской карикатуры.

Наконец, в «Березіле» пробиваются воспоминания о «нутряном» театре (актерская читка в «Жакерии») и продолжаются, несмотря ни на что, некоторые приемы старой украинской оперетки и мелодрамы.

Когда-то в том же «бывшем Соловцовском» театре шла «Фуэнте Овехуна», вот этот спектакль – по прямой линии от «старинного театра» барона Дризена! А «Жакерию» «Березіля» можно посадить на грузовики и повезти по городу.

Еще одно свойство «Березіля»: он всё время не теряет связи с революционным уличным карнавалом. Мы уже привыкли к платформам, на которых стоят наивные капиталисты в лоснящихся цилиндрах, первомайские генералы в эполетах и т. д. Однако им суждено повлиять на судьбу театра...

Всё сказанное о «Березіле» свидетельствует о его тяготении к массовому зрителю. Театр – основоположник украинской театральной культуры – верен своему назначению и в «Макбете», и в «Шпане».

«Березиль»

(Из киевских впечатлений)

Я видел только проводы «Березиля» – мозаичный праздничный спектакль, составленный из отрывков. Этого бесконечно мало, чтобы составить суждение о театре, но слишком достаточно, чтобы почувствовать его вкус.

Маленький Соловцовский театр был наэлектризован. Каждый фрагмент и провозглашаемая фамилия режиссера встречались аплодисментами. Я пришел к концу пира, а потому было трудно догнать восторг и опьянение обычных зрителей «Березиля».

Все фрагменты говорили об одном: это глубоко демократический театр, театр страны, где не может быть

ни снобизма, ни дендизма, где любой эстет осужден быть посмешищем.

Несколько слов о технических средствах «Березиля». По словам близко стоящих к театру лиц, самая дорогая постановка обошлась «Березилю» в полторы тысячи рублей (!). Принимая во внимание достижения «Березиля», это обязывает почти к гениальности.

«Жакерия» по Мериме, со своей готической конструкцией и пышной костюмерией, производит впечатление оперной роскоши. Сама пьеса неузнаваема: актеры играют ее так, как у нас играли бы «Царя Максимилиана». Конечно, это нарочно, как и всё в «Березиле» сознательно и нарочно.

Главный упор театра: коллективное, массовое действие. Всё самовластие, весь неограниченный деспотизм современного режиссера сказались в «Джимми Хиггинсе». Рядовой актер угнетен и превращен в сомнамбулу. Сомнамбулы в прозодежде говорят нараспев, протягивают руки, шарахаются, мечутся, карабкаются на ящики, изображающие Америку, и на лестницы: всё по строжайшему, обдуманнейшему плану.

В этих толлеровских и кайзеровских клетках и в Синклере, отделанном под Толлера, украинские актеры задыхаются, как травленые мыши. Здесь не помогут никакие табуреты и лестницы, потому что всюду рассыпан зеленый порошок литературной отравы. Украинский актер хочет жить и всем существом своим ненавидит конструктивную клетку, нумерованную западню и дуровскую дрессировку.

Ведь «Березиль» не единственный на Украине театр. Тут же рядом подвизается недисциплинированная «анархическая» труппа с национальным актером Саксаганским. Ведь в самом «Березиле» выросли такие буйные индивидуальные величины, как трагик Бучма, играющий так, что мороз пробегает по коже, словно в доброй старой мелодраме, и комик Крушельницкий, который очень скоро, подобно Варламову, попадет на папиросные коробки.

Театральную молодежь заставляют непрерывно митинговать в лжеколлективных пьесах, где волнообразные движения толпы, ее органические приливы и отливы подменены рассудочным голосованием на сцене, где вместо хора, провозглашающего закон действия, и ропщущего человеческого моря – на сцене всегда рассудочный говорящий кворум.

Митингующая театральная толпа, как ее понимает «Березиль» и многие другие революционные театры, в конечном счете даже не голосующий митинг, а «заседание» и ведет свое начало от революционной канцелярии.

Искусный и трезвый «Березиль», накапливая свое рассудочное мастерство, шествовал по суконным вершинам революционной драматургии – по «Газам», Толлерам и «Джимми», – и вдруг прорвало. Ревет Бессарабка, ринулись в театры евреи с Подола: ничего не хотим, хотим «Шпану».

А «Шпана» возникла случайно, что называется, вне плана, на нее не возлагали надежд, сделали ее наспех, чуть ли не на затычку. «Идеология» в ней прихрамывает, содержание легковесно: какая-то чепуха про растратчиков, но так или иначе киевляне подняли «Шпану», всенародно перенесли ее в цирк, валят на нее десятками тысяч и ни за что не выпускают из города.

Общее признание увенчало «Шпану». Получилась комедия большого стиля. «Березиль» вышел на новую увлекательную дорогу.

Этот молодой и глубоко рассудочный театр, осторожно увлекающийся биомеханикой, никак не может, однако, освободиться от обезьяньих лап экспрессионизма и театрального лжесимволизма, от толлеровщины. Я видел злостный по своей рассудочности трюк: актер Бучма (Джимми) переправлялся на канате из американского застенка в толпу, изображающую коллектив. Канатная переправа – Джимми черпает утешение в коллективе – и возвращается в застенок. Безумно точно, а потому безумно скучно.

Украинский актер по природе своей и традиции никогда не потерпит обезличения. Ему претит деспотизм

режиссера. В жилах его течет рассудочная, но солнечная мольеровская кровь. Ему бы самому писать пьесы, а в советчицы взять хоть курьершу, хоть зеленщицу с Бессарабки.

Не надо ужасов, не надо украинской табуретной Америки, не надо мистики, хотя бы и социальной, символических групп и канатных прыжков в коллектив.

Украинский театр хочет быть рассудочным и прозрачным, чтобы на него изливалось румяное солнце Мольера.

Наша советская комедия – «Мандаты» и «Воздушные пироги» – через голову Островского тянется к Гоголю. Украинская комедия движется вокруг Мольерова солнца. Трагедию и высокие жанры пока что заволакивают тучи.

Московский государственный еврейский театр

По деревянным мосткам невзрачного белорусского местечка – большой деревни с кирпичным заводом, пивной, палисадниками и журавлями – пробиралась долгополая странная фигура, сделанная совсем из другого теста, чем весь этот ландшафт. Я смотрел в окно вагона, как этот единственный пешеход черным жуком пробирался между домишками, через хлюпающую грязь, с растопыренными руками, и золотисто-рыжим отливали черные полы его сюртука. В движениях его была такая отрешенность от всей обстановки и в то же время такое знание пути, словно он должен пробежать «от» и «до», как заводная кукла.

Эка, подумаешь, невидаль: долгополый еврей на деревенской улице. Однако я крепко запомнил фигуру бегущего ребе потому, что без него весь этот скромный ландшафт лишался оправдания. Случай, толкнувший в эту минуту на улицу этого сумасшедшего, очаровательно нелепого, бесконечно изящного фарфорового пешехода,

помог мне осмыслить впечатление от Государственного еврейского театра, который я видел незадолго в первый раз.

Да, незадолго перед этим на киевской улице я готов был подойти к такому же почтенному бородачу и спросить его: «Не Альтман ли делал вам костюм?» Я спросил бы так без всякой насмешки, очень искренне: у меня перепутались планы...

Какой счастливый Грановский. Достаточно ему собрать двух-трех синагогальных служек с кантором, позвать свата-шатхена, поймать на улице пожилого комиссионера – и вот уже готова постановка, и даже Альтмана, в сущности, не надо.

Так ли это просто? Конечно, не так. Еврейский театр исповедует и оправдывает уверенность, что еврею никогда и нигде не перестать быть ломким фарфором, не сбросить с себя тончайшего и одухотвореннейшего лапсердака.

Этот парадоксальный театр, по мнению некоторых добролюбовски глубокомысленных критиков, объявивший войну еврейскому мещанству и только и существующий для искоренения предрассудков и суеверий, теряет голову, пьянеет, как женщина, при виде любого еврея и сейчас же тянет его к себе в мастерскую, на фарфоровый завод, обжигает и закаляет в чудесный бисквит раскрашенную статуэтку зеленого шатхена-кузнечика, коричневых музыкантов еврейской свадьбы Рабичева, банкиров с бритыми накладными затылками, танцующих, как целомудренные девушки, взявшись за руки, в кружок.

Пластическая слава и сила еврейства в том, что оно выработало и пронесло через столетия ощущение формы и движения, обладающее всеми чертами моды, непреходящей, тысячелетней. Я говорю не о покрое одежды, который меняется, которым незачем дорожить, мне и в голову не приходит эстетически оправдывать гетто или местечковый стиль: я говорю о внутренней пластике гетто, об этой огромной художественной силе, которая переживает его разрушение и окончательно расцветет только тогда, когда гетто будет разрушено.

Скрипки подыгрывают свадебному танцу. Михоэльс подходит к рампе и, крадучись, с осторожными движениями фавна, прислушивается к минорной музыке. Это фавн, попавший на еврейскую свадьбу, в нерешительности, еще не охмелевший, но уже раздраженный кошачьей музыкой еврейского менуэта. Эта минута нерешительности, быть может, выразительней всей дальнейшей пляски. Дробь на месте, и вот уже пришло опьянение, легкое опьянение от двух-трех глотков изюмного вина, но этого уже достаточно, чтобы закружилась голова еврея: еврейский Дионис нетребователен и сразу дарит весельем.

Во время пляски лицо Михоэльса принимает выражение мудрой усталости и грустного восторга, – как бы маска еврейского народа, приближающаяся к античности, почти неотличима от нее.

Здесь пляшущий еврей подобен водителю античного хора. Вся сила юдаизма, весь ритм отвлеченной пляшущей мысли, вся гордость пляски, единственным побуждением которой, в конечном счете, является сострадание к земле, – всё это уходит в дрожание рук, в вибрацию мыслящих пальцев, одухотворенных, как членораздельная речь.

Михоэльс – вершина национального еврейского дендизма, – пляшущий Михоэльс, портной Сорокер, сорокалетнее дитя, блаженный неудачник, мудрый и ласковый портной.

А вчера на этой же сцене – энглизированные жокейские лапсердаки на стройных девушках-танцовщицах, патриархи, пьющие чай в облаках, как старики на балконе в Гомеле.

Яхонтов

Яхонтов – молодой актер. Он учился у Мейерхольда, Станиславского и Вахтангова и нигде не привился. Это – «гадкий утенок». Он сам по себе.

Работает Яхонтов почти как фокусник – театр одного актера, человек-театр.

Всех аксессуаров у него так немного, что их можно увезти на извозчике: вешалка, какие-то два зонтика, старый клетчатый плед, замысловатые портновские ножницы, цилиндр, одинаково пригодный для Онегина и для еврейского факельщика.

Но есть еще один предмет, с которым Яхонтов ни за что не расстанется, – это пространство, необходимое актеру, пространство, которое он носит с собой словно увязанным в носовой платок портного Петровича, или вынимает его, как фокусник яйцо, из цилиндра.

Не случайно Яхонтов и его режиссер Владимирский облюбовали Гоголя и Достоевского, то есть таких писателей, у которых больше всего вкуса к событию, происшествию.

Игра Яхонтова, доведенная Владимирским до высокого графического совершенства, вся проникнута тревогой и ожиданием катастрофы, предчувствием события и грозы.

Наши классики – это пороховой погреб, который еще не взорвался. Чудак Евгений недаром воскрес в Яхонтове: он по-новому заблудился, очнулся и обезумел в наши дни.

На примере Яхонтова видим редкое зрелище: актер, отказавшись от декламации и отчаявшись получить нужную ему пьесу, учится у всенародно признанных словесных образцов, у великих мастеров организованной речи, чтобы дать массам графически точный и сухой рисунок, рисунок движения и узор слова.

Ничего лишнего. Только самое необходимое. По напряжению и чистоте работы Яхонтов напоминает циркача на трапеции. Это работа без «сетки». Упасть и сорваться некуда.

Чудаковатый портной Петрович кроит ножницами воздух так, что видишь обрезки материи, чиновничек в ветхой шинелишке семенит по тротуару так, что слышишь щелканье мороза, кучера у костров хлопают в

рукавицы, а вдруг на тебя медведем навалится николаевский будочник с алебардой или промаячит с зонтиком ситцевая Машенька из «Белых ночей» у гранитного парапета Фонтанки.

И всё это могло быть показано одним человеком, всё это течет непрерывно и органически, без мелькания кино, потому что спаяно словом и держится на нем. Слово для Яхонтова – это второе пространство.

В поисках словесной основы для своих постановок Яхонтов и Владимирский вынуждены были прибегнуть к литературному монтажу, то есть искусственному соединению разнородного материала. В некоторых случаях это был монтаж эпохи («Ленин»), где впечатление грандиозности достигается соединением политических речей, отрывков из «Коммунистического манифеста», газетной хроники и т. д. В других случаях монтаж Яхонтова – это стройное литературное целое, точно воспроизводящее внутренний мир читателя, где рядом существуют, набегая друг на друга и заслоняя друг друга, различные литературные произведения. Таков «Петербург» – лучшая работа Яхонтова, сплетенная из обрывков «Шинели» Гоголя, «Белых ночей» Достоевского и «Медного всадника».

Основная тема «Петербурга» – это страх «маленьких людей» перед великим и враждебным городом. В движениях актера всё время чувствуется страх пространства, стремление заслониться от набегающей пустоты.

На большой площадке Яхонтов играет в простом пиджаке, пользуясь уже указанными аксессуарами (плед, вешалка и проч.).

Показывая, как портной Петрович облачает Акакия Акакиевича в новую шинель, Яхонтов читает бальные стихи Пушкина – «Я черным соболем одел ее блистающие плечи», подчеркивая этим убожество лирической минуты. В тексте еще рукоплещет раек, но Яхонтов уже показывает гайдуков с шубами или мерзнущих кучеров, раздвигая картину до цельного театра, с площадью и морозной ночью. В каждую данную минуту он дает

широко раздвинутый перспективный образ. Редкому актерскому ансамблю дается так наполнить и населить пустую сцену.

Яхонтов, при своем необыкновенном чутье к рисунку прозаической фразы, ведет совершенно самостоятельно партию чтеца, в то время как режиссер Владимирский зорко следит за игрой вещами, подсказывая Яхонтову рисунок игры – до такой степени четкий и математически строгий, словно он сделан углем.

Яхонтов – единственный из современных русских актеров движется в слове, как в пространстве. Он играет «читателя».

Но Яхонтов – не чтец, не истолкователь текста. Он – живой читатель, равноправный с автором, спорящий с ним, несогласный, борющийся.

В работе Яхонтова и Владимирского есть нечто обязательное для всего русского театра. Это возвращение к слову, воскрешение его самобытной силы и гибкости. Нужна была революция, чтобы раскрепостить слово в театре. И всё же ее оказалось мало... Яхонтов – один из актеров будущего, и работа его должна быть показана широким массам.

II

«Генеральская»

Пошли ребята в кинематограф. Долго не выбирали. Зашли наобум.

Выправили билеты, третьи места. Сорок минут ждать. Ожидальная зала просторна, что твой вокзал. Народ на лавочках вполголоса разговаривает, как у доктора в приемной.

На стенах – плакаты: то головорез в кепке, обмотанный зеленым шарфом, другого за горло хватает, то девушка с распущенными волосами и дикими глазами, словно яд сейчас приняла, и прочие изображения энергичных и бритых мошенников.

Это всё ребята уже перевидали и каждого Мабузу как свои пять пальцев знают.

Сидят под цветными фонариками. Ждут. Болтают.

Вкусы разные. Один зверей любит: слон хоботом, как лебедкой, работает. А у льва – зад длинный, словно у осы. Другой любит борьбу: как негр с французом в рукавицах колотились и полотенцами обмахивались. Третий вспоминает океанский пароход. Ребят тянет к технике, к жизни, к спорту, борьбе, движению.

А вот что им показали:

Сначала на экране появился польский костел, с русской и польской подписью. Костел как костел. Подержался на полотне и исчез. Мальчики только крякнули.

Потом пошли разные беседки и мостики, любимые местечки какого-то польского короля, все с двойными подписями.

В зале кто-то заговорил по-польски, объясняя королевские достопримечательности.

Кто-то крикнул: – Даёшь Домбаля!..

Ребята друг друга толкают и фыркают.

Дальше – настоящее представление: ну что бы вы подумали – русская драма из семейной жизни генералов. Это было даже интересно посмотреть, особенно кто генералов видел.

Хоть на экране ливнем лил косой дождь, как полагается, на третьем месте мы глядели во все глаза.

Сначала генерал был показан в семейном кругу, в белом кителе, осанистый, с пушистыми баками. Все его любили и спасали его честь от одного пройдохи (тоже очень симпатичного), который втерся в порядочную семью. Все пили кофе со сливками на роскошной мраморной террасе.

Потом для разнообразия какой-то сенатор ел цыпленка, пряча под стол (от жены) графин с водкой.

Затем бал у генерала, вызвавший дружный смех всей публики: расшитые золотом сановники и правоведы прыгали, как индейцы на свадьбе.

Очень всем понравилась жена генерала, достойная и сдержанная дама: не в пример рабочим женам. Ее хоть железом прижигай: только бровь поднимет и вяжет себе какое-то кружево. Вдоволь насмотрелись мы на генеральское житье – с сигарами и пальмами.

Когда доброе имя генерала все-таки погибло, он не перенес и свалился в параличе на руки любящих детей.

– Это еще что, – говорит паренек, – на Тверском показывают рыцарей. Далеко генералам до рыцарей. Те обедают вроде как в церкви. Кушанья им несут крестным ходом человек двести, по четыре на блюдо, цельных баранов, а пироги башнями.

Дали свет. Слышатся разочарованные и раздраженные голоса:

– У нас в Ейске такого не покажут.

– Хуже, чем в провинции.

– На днях одной картины из программы совсем не показали, видно, стыдно было.

Этому охотно верим.

Вышли на улицу и мои ребята.

– Эх, денег жалко на такую дрянь, – сказал один.

– А ты чего на афишу не глядел? Ну еще сыщицкая туда-сюда. А то генеральская. Спасибо.

Татарские ковбои

Просмотр этой фильмы в АРКе можно уподобить разве необычайному зрелищу «Илиады», говорящей сама о себе. Благодаря любезности творцов этого произведения, мы ознакомились с эпическими стихиями, обусловившими наслоения и напластования этой чудовищной фильмы.

Чебуречно-минаретный Крым сам по себе является заманчивой областью для кино-налетов, и, несмотря на то, что смелые исследователи говорили о своей «экспедиции» с дрожью в голосе, с суровыми интонациями, словно об исследовании тибетских недр, – она не нуждается ни в объяснениях, ни в оправданиях.

Воистину, нужно быть каменным человеком, чтобы не испытать живейшего восторга перед очаровательно-нелепым воображением авторов «Песни на камне».

Так говорить о Крыме, о татарах, о моменте, отстоящем от нас на какие-нибудь 10–15 лет, может только иностранец. У нас создается впечатление, что сценарий составлен интеллигентным парагвайцем или аргентинцем, что элементарнейшее представление о царском Крыме, его социальных отношениях и т. д. искажены с причудливой экзотической дерзостью.

Татары охотятся на исправника и на полицейских с остервенением настоящих индейцев. На мирном крымском шоссе на шею исправника накидывают лассо, тащат его куда-то вверх на скалу. Вооруженных всадников обезоруживают, как маленьких детей. Всё это безнаказанно производится самым мирным и кротким из всех окраинных народов царской России – крымскими татарами, теми самыми, социальная пассивность которых была широко использована царской властью.

В прозаичнейшей курортной крымской Элладе автор сценария отыскал какую-то пещеру и поселил в ней каких-то одичавших отшельников-ветеранов никогда не существовавшей татарской революции.

«С этим пистолетом я боролся еще с ханскими опричниками».

Эта изумительная надпись вводит нас в самую гущу экзотической фильмы. Она реет над ней, как великолепный лозунг. Из пистолетов по ханским (?) опричникам. Лассо на исправников. Бизонов в крымские прерии.

Авторы заявляют, что хотели дать бытовую фильму. Крым они упорно называют Востоком, и, нужно отдать им справедливость, они сделали всё возможное, чтобы вытравить из реальной картины Крыма всё, оскверняющее эту сомнительную экзотическую девственность. Попробуйте выйти на любое крымское шоссе, чтобы не встретить экипажа, автомобиля, каких-нибудь «европейцев», дачников, вообще отнюдь не татар.

Где и когда видано, чтобы татары жили в Крыму с патриархальной замкнутостью, словно какие-нибудь горцы в саклях при Шамиле? Осторожные творцы странной фильмы ограничили поле своих наблюдений, очевидно, одним Бахчисараем и, делая вылазки на побережье (понадобились волны), тщательно следили за тем, чтобы ничто постороннее не вторглось в чебуречно-овечий стиль.

Стерилизованные таким образом татары только и делают, что пляшут, борются на праздниках, продают друг другу чебуреки.

По заявлению режиссера, экспедиция в Крыму гнушалась воспроизведением и подделкой быта и пользовалась исключительно услугами местного населения, заставляя его изображать интересные номера. Этот способ работы дал убогие и фальшивые плоды. Население действительно постаралось для высоких путешественников. Так подходя к сырому человеческому материалу, можно лишь выявить потенциально дремлющие в нем свойства плохих актеров.

Действительно опытная режиссерская рука чувствуется лишь в эпизоде похорон, порученном (по выражению авторов – отданном на откуп) прекрасному постановщику, настоящему мулле. Мулла и его ритуальные помощники оказались профессионалами, и татарские похороны вышли у них не за страх, а за совесть.

Режиссеру, конечно, не удалось избегнуть кино-вампуки. Массовые сцены поражают своей безалаберностью и опереточной фальшью. Игра отдельных «актеров» безвкусна и трафаретна.

О технике этой фильмы не хочется говорить, настолько приковывает внимание ее исключительно забавная композиционная нелепость. Зритель никогда не забудет граничащего с нервным шоком недоумения, которое он испытал, когда «татары» ни с того ни с сего замахали руками и с яростью набросились на пресловутого исправника, появившегося на народном празднике.

Незабываемый исправник с баками Александра II и пистолет из татарской пещеры, к сожалению, не одиноки.

Растет поколение, которое по таким фильмам будет создавать свое представление о вчерашнем дне. Стыдно перед детьми. И перед татарами.

Я пишу сценарий

Шкловский посоветовал мне написать сценарий и скрылся, мелькнув огуречной головой. Больше я его не видел, но получилось вот что: я проклял Шкловского до седьмого колена.

Я решил написать из быта пожарных. Мне сразу померещился великолепный кадр во вкусе Эйзенштейна: распахнутый гараж и машины, как гигантские ящеры, набегающие на зрителя.

Или, например, тревога: качающийся колокол, дежурный у телефона, пожарные вскакивают с коек...

А можно начать с мирной жизни: пожарные сидят на койках и читают газеты, или можно еще углубить бытовой уклон: скажем, пожарные созывают какое-нибудь совещание для выбора делегатов или борьбы с чем-нибудь. Тут же играют в шахматы... и вдруг приходит чья-то жена, жена какого-нибудь пожарного, и начинается... коллизия.

Да, коллизия, легко сказать – коллизия! Почему она приходит, чего ей нужно?

Нет, лучше подойти со стороны. Где-то в Замоскворечье сидит за чаем семья бухгалтера и совершенно не подозревает, что вся обстановка с ореховым буфетом через полчаса сгорит, а в это время пылает на кухне примус, а возле него ребеночек.

Вся суть в композиции кадров и в монтаже. Вещи должны играть. Примус может быть монументален.

Например: примус подается большим планом. Ребенка к черту. Всё начинается с погнувшейся примусной иголки (тонкая деталь). Иглу тоже первым планом. Испуганные глаза женщины.

Впрочем, лучше начать с китайца, продающего примусные иголки у памятника Первопечатнику. Это будет обрамление. Фильма без героя – это хорошо, но все-таки должен быть какой-нибудь главный пожарный. Пусть он еще не оторвался от деревни. С одной стороны, он любит сельский инвентарь, с другой – привязан к пожарным машинам. Вот и конфликт: например, пожарный тайно от всех, ночью прокрадывается в гараж и что-нибудь изобретает.

Вот уже ничего: как будто что-то маячит. Коллизию нужно, коллизию! За коллизию денежки платят. Коллизия – это не фунт изюма.

Пусть коллизия будет такая:

Когда-то, еще до войны, главный пожарный служил на заводе у частного капиталиста. Капиталист в семнадцатом году, спасаясь за границу, замуровал в сейфе различные драгоценности...

Но надо столкнуть пожарного с бухгалтером. Чего они не поделили? Здесь узел всей фильмы. Ответив на этот вопрос, мы сразу сдвинемся с мертвой точки.

Одного пожарного мало оттого, что ничего не выходит, что он разветвился. Нужно его противопоставить... Но что мы знаем о нем самом? Ничего, кроме того, что он еще не оторвался от деревни, да и это не вяжется с тем, что он служил у частного капиталиста.

Хорошо: пусть один служил у частного капиталиста, а другой еще не оторвался от деревни. Но эти-то двое чего не поделили?

Пусть вещи играют отдельно, а пожарные совершенно отдельно. В вещах – пафос событий, а в людях – социальный заряд. Машины, то есть насосы и лестницы, воспитывают пожарного. Женщина тут ни при чем: ей нет места и в этой коллизии.

Кино – не литература. Надо мыслить кадрами.

Пусть главный пожарный дежурит в фойе театра, а в это время его товарищ угощает чужую жену пирожными.

Нет, это чепуха.

Тема перегорела в процессе работы. Ничего больше не маячит. Нужно поймать Шкловского.

Долой «Куклу с миллионами»!

Скучно жить в трудовой республике, граждане и господа. Пресная жизнь. Никчемная. Какая серость, какое убожество! Чего сто́ят одни названия магазинов: справа «Коммунар», слева – «Сорабкооп». Один только парикмахер – «Жорж» – звучит по-европейски, – да и какой это Жорж, просто паскудный человечишко: хватает клиента за нос, курит и бреет, бреет и курит – прямо в лицо,

и сует посетителю на предмет ожидания пропыленный, засаленный, жирный от многих прикосновений «Огонек», продукт американцев с Петровки – Кольцова и Зозули. Скучно жить в одной стране, господа, а какая это страна, вы сами догадываетесь. Какие-нибудь последние болгары или чехо-румыны шьют костюмы на заказ у портных, а мы, как вешалки, пялим на себя готовую, стандартную одежонку – без примерки, в принудительном порядке: в плечах топорщится, в проймах жмет.

А есть другой мир, куда в профсоюзной толстовке и на порог не пустят. Вот извольте надеть наушнички радио, послушать, как пчелкой гудит гавайская гитара, или переводной романчик в железнодорожном киоске. Парижская штучка. Дэль-Тэйль. Жанна д'Арк без мистики, с трюфелями. Есть еще мир светящихся реклам. «Из страны блаженной, незнакомой, дальней слышно пенье петуха». Петуха фирмы Пате и К°, горластого любителя курочек, темпераментного кино-петуха.

Но, друзья мои, не дают нам виз на выезд, так нельзя ли как-нибудь приспособить на парижский манер Петровку? Нет, не спорьте, у Москвы есть кое-какие данные, и комсомолочки бывают недурны, не смейтесь над физкультурой. Пожалуйте сюда, хрюкающие граждане в толстовках, в государственный кинотеатр, кинопаек выдается, как хлеб, по заборным книжкам. Сегодня премьера. Сейчас будет произведена над Москвой совершенно безобидная маленькая операция – очень пикантная и вполне лояльная. Москва будет показана из номера отеля «Савой», где проживает субчик, приехавший в международном вагоне с неопределенной и весьма заманчивой целью и с весьма большими средствами.

Не беспокойтесь, граждане, ничего преступного не произойдет. Когда же жить, граждане? Раз в жизни нужно полной грудью... Кинорежиссер С. Комаров, сценарист Олег Леонидов, операторы К. Кузнецов, Е. Алексеев, художник Родченко и актеры Ильинский и Фогель «сжигают Москву».

«Кукла с миллионами», новая фильма Межрабпома, – это военный клич, это славный боевик, это весе-

лая советская комедия, – это вторая часть другой замечательной картины по сценарию Федора Михайловича Достоевского, на одном петербургском кладбище разыгранной свеженькими покойничками – очень молодыми людьми с участием тайного советника и одной девицы – отнюдь не комсомолочки. «Бобок» называлась та фильма. Помнишь, читатель, словечко «бобок» – бессмысленное словцо кладбищенского веселья?!

Вот уж подлинно: на реках профсоюзных сидели и плакали. Но кто бы мог догадаться, что на Петровке, под самым ЦИТом (Центральный институт труда), где Гастев учит, как гвозди молотком загонять по Тейлору, можно устроить «кино-Бобок», заголить по-весеннему советскую Москву-комсомолочку (ничего – она молоденькая)!

В Париже умирала старуха-миллионерша. На кардинальской четырехспальной кровати пригорюнилась обезьянка, символ дряхлеющего мира. Начало заграничное, эпохи Макса Линдера. Первые, но весьма обнадеживающие шаги Великого Немого. Ильинский в гостях у Макса Линдера:

– Что, брат Линдер, есть о чем поговорить? Тебя, брат Линдер, скоро Чаплин покроет, а у нас, брат Линдер, еще Глупышкин семенит.

– Я, французская старуха-миллионерша, завещаю три миллиона не беспутному племяннику, которого дубасит мужеподобная балерина, а двоюродной внучке, русской девчурочке, которую рассеянная мать обронила в корзине на советском вокзале. Документы зашиты в куклу...

Родственники плачут и уходят. Племянники жарят прямо из Парижа в Москву (момент получения виз Леонидовым опущен).

Впрочем, я, должно быть, ошибаюсь. «Кукла с миллионами», наверное, задумана как очень тонкий идеологический гротеск. Родченко, сбежавший из Лефа, даст павильоны эпохи ампирного Пате-Людовика. Режиссер будет долго потеть, выколачивая из Ильинского дурь: еще нелепей, еще беспомощней, еще жалчей, чтоб слезы

сострадания к великому десятилетию Глупышкина – довоенного, дофокстротного Чарли – хлынули из глаз умиленного зрителя.

И Москва обернулась подлейшей экзотикой.

Двое французиков ищут в Москве комсомолочку с родинкой на плече, чтоб, сочетавшись с ней и в ЗАГСе и в костеле, получить теткины миллионы. На Александровском вокзале французик, как зверь, бросается на кустарный киоск и начинает потрошить русских кукол. Смешно, Олег Леонидов! Другой французик выстраивает в коридоре отеля «Савой» русских девушек, вызванных по объявлению (шестнадцать лет, натурщица, родинка на плече, для сепаратного осмотра на предмет означенной родинки). Недостаточно смешно, Олег Леонидов! Московский школьник – этакий беззаботный гамен, каждый день смакующий на улице расклеенные наподобие стенгазет объявления о натурщицах, перемарывает шестнадцать на шестьдесят шесть, и к французику являются жуткие старухи. Ох, не надо! Ужас, отвращение. Надпись: «Скажите, вам, наверное, уже исполнилось шестнадцать лет?» Старух вышибают за дверь. Смешно, Олег Леонидов!

Другой французик натаскал тем временем в свой номер со всей Москвы кукол и рубит, режет, потрошит, засучив рукава, как мясник. В «Кукле с миллионами» много кадров, вызывающих физическую тошноту, но этот, помимо воли авторов получивший грубо садическую окраску кадр, – один из самых мерзких. А вместо четырех десятков муштрованных по-военному американских длинноногих герльс, вместо этих повзводных цапель высокородного ревю авторы «Куклы с миллионами» нам покажут физкультурных девушек и профсоюзных юношей в трусиках, стреляющих ногами и руками за здоровье Семашки и Подвойского и в усладу «французикам из Бордо». Вам покажут комсомольцев из «Куклы с миллионами». Это родные братья огорченных парижских родственников. Это какие-то бараны, жующие резину в роскошных ампирных общежитиях и бодающие под

невидимой клюквой гранит науки. Эти «комсомольцы» гораздо хуже фривольных парижан. Это пшюты, апаши и сутенеры наизнанку. «Вместо юбки – третий том Бухарина». Вместо кокаина – «стенгазета» с кощунственным распределением краденых миллионов: 500 000 франков на Мопр, остальные на Авиохим, Автодор и прочих святых советского календаря.

Вместо поцелуя в диафрагму – вузовская стипендия имени господина Свидригайлова, в чьем сизом мозгу только и мог зародиться весь этот бред.

Нет, Глупышкин здесь ни при чем. Глупышкин – не лакей. Он – родоначальник плодотворного кинобезумия, дервиш города, пьяный без вина, нелепый Заратустра асфальтовых площадей.

Сорок тысяч героев Зощенки с подтяжками в одной руке и пирожным, на котором сделан «надкус», в другой – приветствуют «Куклу с миллионами».

А, кстати, у парижского «редактора» типаж московского пройдохи из кабачка в Доме Герцена. Можно так изолгаться, что и подлинная борода покажется приклеенной.

Любопытен всё же в этой картине ее звериный атавизм, ее мышиная гонка, младенческое ощущение кинотемпа не как скорости, а как спешки, столь памятной нам по тому времени, когда в иллюзионах шел сухой целлулоидный дождь, а горничная с метелкой лезла на стену.

Шпигун

Верблюд – фигура нейтральная. Он одинаково чужд и белым, и красным. Хотя Шпиковский и заставляет верблюда чихнуть в лицо бывшему уряднику, осквернив его хлопьями пены, – это неубедительно. Благородный зверь мог осквернить своим поганым чихом любого и красного командира. Верблюду всё равно, на кого чихать, – нельзя сделать его орудием политики. Верблюд здесь важен как прием остранения. Одна только мысль пустить героя на

верблюде по Украине – уже сама по себе великолепный сценарий. Здесь, кстати, скажем: у киносценария есть свои необоримые физиологические законы. Зритель к ним чрезвычайно чуток, он требует развития именно этих стихийных элементов, заложенных в сценарии. Быть может, прообразом всякого сценария была погоня, преследование, бегство. Для зрителя герой Шпиковского совсем не шкурник, а фантастический полусказочный «верблюжий шпигун», как метко определил его, рапортуя «его благородию», белый солдат в одной из отличных надписей фильма. Шпиковский сам не заметил, как вступил на путь сказки, а между тем он находится на несомненной фольклорной дорожке, с ее кружением вокруг одной неподвижной точки, с ее повторами, с ее здоровым лукавством.

Нет погибели на Ваньку-встаньку, нет покрышки на Тартарена, нет извода верблюжьему шпигуну.

Чем совершеннее киноязык, чем ближе он к тому еще никем не осуществленному мышлению будущего, которое мы называем кинопрозой, с ее могучим синтаксисом, – тем большее значение получает в фильме работа оператора. С этой точки зрения работа Шпиковского, несмотря на свою скромную реалистическую внешность, – достижение очень высокой пробы.

Этот художник, не возлагая излишних надежд на актерскую игру, повествует подлинными зрительными образами, не повышая голоса, без крика, без высоких нот, без хриплого шепота, который хуже всякого крика. Трудно поверить, что большая вещь выдержана от начала до конца, выдержана без единого крупного плана. Мы слышим всё время ровный, с логическими ударениями и небольшими паузами, голос чтеца. Шпиковский, я думаю, не сумел бы поставить натюрморт. Он видит мир с высоты седла, с вагонной площадки или с артиллерийской двуколки – глазами среднего человека – не напряженно, без символических причуд. В самом начале фильма он показывает землю, взрыхленную почву, какие-то черноземные бугры, но поворачивает плоскости

с таким любовным мастерством, что зритель готов удивиться: как много на свете добротной земли, как похожа она на море.

Влюбленный в средний украинский пейзаж, он не впадает в живописность. Тощая артиллерия, например, плетется змейкой по узким уличкам предместья среди палисадников – если взять кадры отдельно, то скажешь: здесь засняты маневры где-нибудь на Шулявке. Это кусок хроники. Только замечательное использование светотени, свойственное Шпиковскому, и «угол зрения» поднимают такие куски на уровень кинопрозы. Шпиковский умеет работать на среднем дневном освещении. Его оператор должен был бы великолепно снимать хронику.

Если бы работа режиссера и оператора развертывалась нормально, по внутренним законам, если бы сценарист не побоялся фольклорной сказочной основы с ее веселым озорством, – мы получили бы настоящего «верблюжьего шпигуна», легенду о верблюжьем Тартарене. Зритель не утолен развитием сюжета. Мало встреч, мало эпизодов. Корабль пустыни не довершил своего плавания по украинским дорогам. Очень жаль, что верблюд не чихнул на того, кто испортил сценарий Шпиковскому. Нынче шкурник девятнадцатого года – это уже кустарная игрушка, детская кукла. Ваньку-встаньку не бьют, его щелкают. Степку-растрепку не изобличают – с ним надобно играть. Я удивляюсь той громадной недооценке зрителя, которую проявляют все наши сценаристы и все опекуны кино. Вот, например, – Шпиковский создал великолепную игрушку, игрушку «социального назначения» – верблюжьего шпигуна. Образ пластический, выдумки прямо лесковской, – точеную кустарную куклу с большим воспитательным смыслом. Так нет же. Кому-то понадобилось отнять игрушку, сломать ее, подменить. По сказочному смыслу сценария на бедного шкурника должны были сыпаться шишки как с белой, так и с красной стороны. Ему полагалось быть битым и на свадьбе, и на похоронах. Гибнуть ему вообще не полагалось. Ванька-встанька непобедим, и Тартарен вечен.

Между тем какой-то недобрый гений внушил Шпиковскому, что, наряду с фольклорной темой верблюжьего шпигуна и даже в противовес ей, надо крепить и развивать тему труда и хозяйства. Я уже сказал, что в «Шкурнике» разлит воздух мирного времени. Это не инсценировка Гражданской войны – это мы, в двадцать девятом году, играем куклой шкурника.

Всё дело в том, что здесь не было достаточно бережного, любовного отношения к анекдоту, к сказу, к малой фабуле. Вообще в последних своих фильмах и ВУФКУ, и другие фабрики в плену у больших масштабов. Война, революция, фронты – это фон. Но нехорошо, когда этот фон глушит медными трубами голос рассказчика. Нехорошо, когда нет смычки между исторической тематикой и скромной повестью или сказкой. История, могучая хроника, глушит органические сюжетные ростки. Оттого все сценарии выходят похожими один на другого. Получается какой-то общесоветский Пудовкин – мать всех российских фильмов.

Зачем Шпиковский на каждом шагу роняет шкурника, забывает о нем? Отчего он не провел героя через лучшие, самые ответственные места своей съемки? Фабула у Шпиковского движется по одной линии, а съемка по другой. Это главный недостаток «Шкурника», его органический изъян. Всюду, где вещь пахнет инсценировкой, она слаба. Сцена дележки награбленных сокровищ в монастыре – прямая бутафория, корчма из «Годунова» в Госопере. Тут, кстати, и невнятица: зритель помнит изъятие ценностей и решает, что монахов экспроприируют не то бандиты, не то комиссары. А надо понимать, что бандиты делятся с монахами. Центральный эпизод – ржаные поля, примятые бойцами, – хорош как съемка, но фабула здесь ни при чем. А ведь таких колючих, усатых, военных колосьев ржи, как у Шпиковского, – поискать надо. Сама по себе смена кадров – ржаное поле – поле битвы – великолепна. Но если б мужики поймали в поле верблюжьего шпигуна и избили его за потраву, нам было бы интересней.

Основной закон сказочности – три ряда повторений – в «Шкурнике» всё же соблюден: советская командировка на Овечий Брод с верблюдом для восстановления транспорта, приключения в штабе у белых, где удивительно радует метаморфоза бедного шпигуна в господина начальника Освага (английский френч, машинистки), и, наконец, опаснейшее знакомство с бандой. Даже в таких мелочах, как одновременное лузганье семечек, игра на гармошке и ловля вшей (трое мешочников на вокзале) – едва ли не лучший кадр «Шкурника», – чувствуется фольклорная троичность.

Нам жалко невинного «Шпигуна», загубленного ненужной агиткой, мы не верим в сусальный субботник на вокзале и в страшную кожаную комиссаршу. Изрытый копытами песок на овражке дает лучшее представление о Гражданской войне, чем тела убитых во ржи. Мы хотели бы, чтобы верблюжий шпигун со своим дромадером воскрес в новой фильме Шпиковского – мастера светотени и спокойной, вдумчивой кинопрозы. Побольше озорства, побольше смелости, побольше доверия к зрителю! Шкурник в сказке должен быть наказан не расстрелами и скорпионами, а тем, чтобы как дополнительный паек на верблюда раздатчик всучил ему... шнурки для ботинок.

III

Веер герцогини

Марсель Пруст рассказывает, как одна герцогиня слушала музыку. Герцогиня была очень гордая, какой-то невероятно голубой крови, бурбонская, брабантская или еще того выше. Как-то случайно она забрела на раут к бедной родственнице, захудалой виконтессе с каким-то изъяном в гербе. Концерт, однако, был хорош. Дамы слушали Шопена, покачивая в такт прическами и веерами. Перед герцогиней встала проблема: отбивать ли ей веером такт, как это делали соседки, или нет. Не слишком ли жирно будет для музыканта такое необузданное одобрение с ее стороны? И вот голубая особа блестяще вышла из затруднения: она привела в движение свою черепаховую штучку, но не в такт исполняемой музыки, а вразнобой – для независимости.

Наша критика, увы, напоминает в некоторых отношениях эту герцогиню: она высокомерна, снисходительна, покровительственна. Критик, разумеется, не гимназический учитель. Не его дело ставить отметки, раздавать знаки отличия, премировать, заносить на черную доску. Настоящий критик прежде всего осведомитель – информатор общественного мнения. Он обязан описать книгу,

как ботаник описывает новый растительный вид, классифицировать ее, указать ее место в ряду других книг. При этом неизбежно возникает вопрос о масштабе книги, о значительности явления, о духовной силе автора, обо всем, что дает ему право разговаривать с читателем. Я не вижу существенной разницы между большим критическим очерком, развернутым в статью, и малой формой критики – рецензией. Но убожество приемов нагляднее в малой форме рецензии.

Беру пример наудачу: ленинградская «Красная вечерняя газета» от 12 января. Рецензия о романе Алексея Липецкого «Наперекор». Подписана – Гельштейн.

«Героиня романа – молодая крестьянская девушка Маша, воспитанная и окруженная условиями кулацкого быта, не выдерживает деспотического ига отца и встает “наперекор” своей судьбе. Она уходит из дому, работает избачкой и затем, выйдя замуж за одного из активных партийцев своей деревни, сама становится образцовым общественным работником, направившим все свои силы на борьбу с косной деревенской массой. Такова в двух словах фабула романа».

Такую, с позволения сказать, фабулу можно придумать, садясь в трамвай или зашнуровывая ботинки. Рецензент тем не менее преподносит ее серьезно: ему подвернулась под руку «формочка доброжелательного отзыва». Автор здесь ни при чем. Веер герцогини механически пришел в движение.

Мы еще ничего не знаем о том, как пишет Липецкий, и ровно ничего не узнаём о пресловутой Маше. Ни один судебный репортер не позволил бы себе столь бессодержательного пересказа всплывших на суде обстоятельств. У нас нет никакой гарантии, что эта самая Маша «под гнетом деспотического отца» не разведется завтра с сознательным избачом, чтобы вновь погрузиться в кулацкую среду.

«Роман Липецкого интересен попыткой построения нового литературного героя».

Слово – рецензенту. Почему построен новый тип?

Дело, оказывается, в том, что «генеалогия Маши как передовой женщины, ищущей и нашедшей себе удовлетворение в общественно-полезной работе, несомненно восходит по литературной линии к активным героиням Тургенева (Елена “Накануне”, Марианна “Нови”)».

Позвольте! Читатель хватает рецензента за рукав. Тут неладно. Веер, остановись! Я сплю или он бредит? Ведь это же как раз наоборот, ведь это называется старый литературный тип. Какая странная обмолвка!

Еще двадцать слов рецензенту. Еще не поздно выправиться.

«Надо признать, что хотя бытовизм по построению романа и отступает на второй фоновый план перед вырисовкой героев, тем не менее он оказался удачнее, нежели сами герои...»

Хуже всего, что это не простая бессмыслица, а ритуальная. Это какое-то шаманство на диком выспреннем жаргоне: «бытовизм» оказался удачнее героев. Даю перевод к этой белиберде: быт изображен лучше, чем характеры. Но ведь это не только бессодержательно, но и бессмысленно, поскольку сами характеры бытовые.

Дальше сообщается, что автору особенно не удался «худосочный партиец, нафаршированный политграмотой, и такая же неживая сельская учительница».

Что же, собственно, удалось автору? Где книга? О чем писал рецензент? Секрет прост: подвела «формочка».

Рядом с отзывом на книгу Липецкого в том же номере газеты помещена рецензия на повесть Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове». Вот как она начинается:

«О символистах написала роман Зинаида Гиппиус – “Чертова кукла”. О формалистах и прочих написал сейчас Вениамин Каверин. Каждая литературная эпоха оставляет помет в пасквильном романе».

С первых же слов книга серьезного мастера с таким крупным достижением, как «Конец хазы», безобразно названа «литературным пометом эпохи».

Дальше идет подделка под «научно-формальную» рецензию – настоящая «липа». «В книге задокументи-

рован литературный Ленинград». Это после того, как повесть названа пасквилем и пометом! «Каверин вводит в русскую литературу новый принцип занимательного типажа». Чем это отличается от упомянутой липецко-тургеневской Маши? «В построении интриги Каверин обнаружил недальновидность: интересному герою Некрылову он назначил обыденные приключения, а невзрачному профессору Ложкину – интересные».

Как раз наоборот: это и называется дальновидностью, умением построить фабулу.

Такому построению учит еще народная сказка об Иване-дураке.

О книге Перегудова в рецензии, помещенной на днях в «Известиях», сказано, что «близость к изумрудным перелескам и березовым рощам спасает его от нутряной критики в духе Всеволода Иванова», которого, очевидно, перелески не спасли.

Это улов рецензий за один день из разных газет...

Если перечесть подряд сотню рецензий и критических статей из нашей периодики, то получится впечатление, будто автор – какой-то паразит, присосавшийся к своим героям.

Критики, махнув рукой на автора, через голову его налаживают контакт прямо с героями, советуют им плюнуть на автора, бросить его, разделаться с ним навсегда. Так, критик Тальников и еще кто-то советуют Полуярову расплеваться с Сельвинским, уговаривают его не стреляться, как Козьма Прутков юнкера Шмидта, забывая о том, что если б не Сельвинский, не было б никакого Полуярова.

Почти вся работа на критическом фронте и в газетах, и в журналах ведется в неправильном ключе. Чего стоит одно только выражение: «достойно внимания», с его душком педагогического совета гимназии девяностых годов. Бывает похвала, от которой коробит, поощрение, от которого опускаются руки. Сказать человеку, написавшему добросовестную и хорошую книгу, что она заслуживает внимания или что мимо нее нельзя пройти, обратиться

к нему на этом убийственном казенном языке – значит его оскорбить. Откуда взялось «заслуживает», что значит «достойно»? Ведь писатель, пусть даже молодой, не выслуживался, а работал и к чести быть чего-то удостоенным не стремился.

Не так давно вышла книга Юрия Олеши – «Три толстяка». Олеша – писатель на виду. После «Зависти» он выпустил «Толстяков». Если бы «Толстяки» Олеши были переводной книгой – то всякий внимательный читатель сказал бы: как странно, что я до сих пор не знал этого замечательного иностранного автора. Наверное, у себя на родине он считается классиком, спасибо, что его хоть поздно, да перевели. Между тем у нас чуть не единственным откликом на «Толстяков» была рецензия в «Читателе и писателе» под заголовком: «Как не следует писать книги для детей», с высокомерным и неумным брюзжанием и боязнью захвалить молодого автора. Между тем «Толстяками» уже зачитываются и будут зачитываться и дети, и взрослые. Это хрустально-прозрачная проза, насквозь пронизанная огнем революции, книга европейского масштаба.

Случаи отставания рецензентов и критиков от читателя у нас не редки. Иногда они принимают крайне печальный характер и ведут к большим недоразумениям. Упомяну хотя бы о вопиющей недооценке повести Катаева «Растратчики», вышедшей в 1926 году. Повесть двусмысленная, ее подхватили за рубежом, из нее делают орудие антисоветского пасквиля. Однако в ней есть за что уцепиться. Бояться ее нечего. Как всякая крупная вещь, она допускает различные толкования. Злостно-хвалебным статьям о «Растратчиках» зарубежной прессы мы не можем противопоставить своего толкования, потому что книгу у нас недооценили, она пошла под общую гребенку – «удостоилась» куцых похвал и похлопываний по плечу. Вместо разбора произведения Катаева были в свое время устроены никому не нужные, кустарные суды над самими «растратчиками» – его героями. Проглядели острую книгу.

В заключение приведу уже совсем позорный и комический пример «незамечания» значительной книги. Широчайшие слои сейчас буквально захлебываются книгой молодых авторов Ильфа и Петрова, называемой «Двенадцать стульев». Единственным откликом на этот брызжущий веселой злобой и молодостью, на этот дышащий требовательной любовью к советской стране памфлет было несколько слов, сказанных т. Бухариным на съезде профсоюзов. Бухарину книга Ильфа и Петрова для чего-то понадобилась, а рецензентам пока не нужна. Доберутся, конечно, и до нее и отбреют как следует.

Еще раз напоминаю о «веере герцогини». Он движется не в такт и с подозрительной независимостью. Нам не нужно веера герцогини, хотя бы в жилах ее текла трижды выдержанная идеологическая кровь.

IV

«Жак родился и умер»

Пояснение к предложению прямой речи отделяется знаками – запятой и тире.

– Славный сегодня денек, – сказал он, ухмыляясь в бороду.

Так водится во всех книгах, хотя никто и никогда так не говорит и не рассказывает. Не знаю, почему в обыкновенных, т. е. оригинальных, книгах это почти незаметно, но в переводах это жужжит надоедливым веретеном.

И еще не знаю, почему меня преследует в эти дни бессмысленное монументальное синтаксическое построение, как бы синтез и картонная пирамида этого словесного мира из папье-маше:

– Жак родился и, прожив жизнь, умер.

Кто он, этот Жак? Родился ли он в Шампани, в Турени или в Эльзасе, пропущен ли он автором желтообложечного романа через мясорубку войны, или же какой-нибудь лихой подголосок Бенуа загнал его в Тунис, к арабам; почему он отказал невесте, получил ли он наследство, облагодетельствовал ли рабочих на образцовых каменоломнях?

Не всё ли равно? Переводы – это Экклезиаст, суета сует. Долго, долго будет стоять страшная картонная пирамида.

– Жак родился и, прожив жизнь, умер.

Злая, убийственная двусмысленность есть в самом слове «перевод», подобная той, которая заключена в слове «ухаживать» – «уходил».

Перевод иностранных авторов таким, каким он был, захлестнувши и опустошивши целый период в истории русской книги, густой саранчой опустившийся на поля слова и мысли, был, конечно, «переводом», т. е. изводом неслыханной массы труда, энергии, времени, упорства, бумаги и живой человеческой крови.

Годунов, когда в Москве был мор, велел строить Сухареву башню. И безработным семнадцатого века, верно, кстати пришелся государев паек и медная гривна.

«Всемирная литература» – Сухарева башня голодных интеллигентов девятнадцатого года. Не знаю – добром тебя помянуть или предать проклятью? Чуть ли не на веленевой бумаге, с именинной грандиозной роскошью отпечатаны были одни имена авторов мирового Пантеона, подлежавших переводу. В закромах «Всемирной» было скудное зерно – его расклевывали, и до потолка набухали кипы ненапечатанных рукописей.

По линии наименьшего сопротивления – туда, где дают. Застрекотали пишущие машинки, заскрипели перья в розовых и подагрических пальцах. Две тысячи новых, более гибких синтаксических трафаретов прибавилось к приемам Иринарха Введенского; никто не спрашивал себя – захочется ли ему переводить Стендаля и захочет ли кто-нибудь читать его перевод. Вертелись буддийские мельницы, листы подсчитывала бухгалтерия.

Было время, когда перевод иностранной книги на русский язык являлся событием – честью для чужеземного автора и праздником для читателя. Было время, когда равные переводили равных, состязаясь в блеске

языка, когда перевод был прививкой чужого плода и здоровой гимнастикой духовных мышц. Добрый гений русских переводчиков – Жуковский, и Пушкин – принимали переводы всерьез.

Упадок начался приблизительно с шестидесятых годов, когда появилось насквозь фальшивое понятие черной умственной работы, интеллектуальной поденщины, когда началась разъедающая болезнь русской культуры, когда мозг стал цениться дешево. Работа может быть тяжелой, кропотливой, но «черной» она быть не смеет – будь то работа грузчика или переводчика... Тогда курсистки ехали в Москву достать работишку или перевод, тогда пауки в книжных лавках сообразили, что можно выгодно поторговать дешевым мозгом, и началась фабрикация грязного чтива. Стасюлевичи, боявшиеся печатать в своих «Вестниках» Лескова, тупо жалуясь на оскудение литературы, забивали толстые журналы «Жаком», и пухлая дамская ручка уродовала для них Эдгара По, чьи рассказы в свое время были переведены с вычеркнутыми ужасами, потому что переводчице показалось «слишком страшно».

В одной жанровой книжке семидесятых годов автор, описывая тогдашнюю новость – конку, передает подслушанный разговор: какая-то бедная Настенька, обманутая апраксинцами, на которых она шила рубашки, рассказывает, что пришлось ей зайти в «магазин», где «дали» перевод по пяти рублей с листа да два рубля авансу.

Тогда хоть было откровенно, и хоть жалко Настеньку, а магазин как магазин.

Высшая награда для переводчика – это усвоение переведенной им вещи русской литературой. Много ли можем мы назвать таких примеров после Бальмонта, Брюсова и *русских* «Эмалей и камей» Теофиля Готье?

Слишком многое в переводной литературе последних лет, несмотря на высшую школу, изощренность, точность, академичность, выработанную передовым отрядом переводчиков, было насильственно, случайно и, в конеч-

ном счете, не нужно. Даже самый тщательный перевод иностранного автора, если он не вызван внутренней необходимостью, не является живой перекличкой культуры народов, оставляет вреднейший след в подсознательной мастерской языка, загромождая его пути, развращая его совесть, делая его сговорчивым, уклончивым, примирительно-безличным.

По линии наименьшего сопротивления – на лабазные весы магазинов пудами везут «дешевый мозг».

В результате сложнейшего и неслучайного стечения обстоятельств мы стоим лицом к лицу с горькой и унизительной болезнью: книга у нас перестала быть событием. Да, каждый номер газеты – это по-своему событие, это биение пульса, это живая кровь, которую мы уважаем, а книга – это полфунта чего-то, не всё ли равно – Всеволода Иванова, Пильняка или «Жака».

Книга не терпит деморализации: болезни ее прилипчивы. Нельзя выпустить на рынок безнаказанно сотни тысяч неуважаемых, непочтенных и полупочтенных, хотя бы продажных, хотя бы тиражных книг.

Все книги, плохие и хорошие, – сестры, и от соседства с «Жаком» страдает сестра его – русская книга. Если частица драгоценного мозга страны сжигается в прожорливых печах переводной кухни, если часть нашего интеллектуального золотого запаса сознательно и упорно переплавляется в чужую монету, на это должны быть серьезные причины и оправдания. Причин я вижу сколько угодно, но оправдания нет и не будет.

Через «Жака» просвечивает какая-то мерзкая чичиковская рожа, кто-то показывает кукиш и гнусной фистулой спрашивает: «Что, брат, скучно жить в России? Мы тебе покажем, как разговаривают господа в лионском экспрессе, как бедная девушка страдает оттого, что у нее всего сто тысяч франков. Мы тебя окатим таким сигарным дымом и поднесем такого ликерцу, что позабудешь думать о заграничном паспорте!»

Это ничего, что девица, кончившая вторую ступень, читает Бласко Ибаньеса и не знает, что такое Андалу-

зия – женское имя или река в Южной Америке. Плохо, что книга стала чем-то вроде погоды – сыростью или туманом – и что нужна гроза, чтобы книга снова зарокотала.

Взыскательной и строгой сестрой должна подойти русская литература к литературе Запада и без лицемерной разборчивости, но с величайшим, пусть оскорбительным для западных писателей недоверием выбрать хлеб среди камней.

Ничтожество «социального романа» современной Германии и булавочный, пропитанный трупным ядом мозг рядовой французской книги – всё это с благодарностью возвращаем обратно.

Пусть лучше наступит в России книжный голод, пусть над нами развернется пустая лазурь бескнижья, чем это отвратительное месиво, чем это слякотное безразличие: «прочел, да не помню автора».

– Жак родился и, прожив жизнь, умер.

Потоки халтуры

По существу говоря, выбрасываемая сейчас на рынок в русских переводах иностранная беллетристика не что иное, как потоки халтуры. Еще недостаточно проставить на обложке «Синклер», «Пиранделло» или «Мопассан» для того, чтобы книга действительно принадлежала тому или иному иностранному автору. Массовый читатель, владеющий только родным языком, вводится издательствами в систематическое заблуждение. Потребитель-одиночка и библиотеки вовлекаются в невыгодную сделку. Здесь «секрет Полишинеля», нечто такое, о чем надо иметь мужество сказать откровенно и напрямик: для наших издательств переводная иностранная книга вовсе не литература, но попросту *безгонорарное и в то же время тиражное издание.* Сколько-

нибудь внимательный читатель заметит, что в русских переводах почти все иностранные писатели – от Анатоля Франса до последнего бульварщика – говорят одним и тем же суконным языком. Дряблость, ничтожество и растерянность той социальной среды, из которой у нас часто вербуются переводчики (деклассированные безработные интеллигенты, знающие иностранные языки), кладет печать неизгладимой пошлости на всё их рукоделье. Они показывают не только авторов, но и себя. Из их рук мы получаем богатства чужих народов опошленными, тенденциозно сниженными.

Иностранная книга у нас фактически безгонорарна. Процент переводческого и редакторского гонорара в калькуляции этой книги по сравнению с оригинальной настолько ничтожен, что о нем не приходится говорить.

При равнодушии к качеству продукции, издательства в то же время горячо заинтересованы в ее распространении. Читаемость современной русской книги по сравнению с переводной весьма незначительна. Иностранная беллетристика в буквальном смысле слова захлестывает современную русскую.

Издательствам крайне выгодно и удобно иметь дело с книгой, живой автор которой отсутствует. Во-первых, не требуется его согласия на самое издание, во-вторых, с ним не нужно вести утомительного и рискованного торга, в-третьих, он не станет протестовать, в каком бы виде книга ни вышла в свет.

Но, помимо этой печальной экономической базы, есть еще одно обстоятельство, в связи с которым иностранная книга у нас хронически и тяжело больна. Эта причина – общекультурная.

Качество переводов в данной стране – прямой показатель ее культурного уровня. Оно так же показательно, как потребление мыла или процент грамотности. Качество переводов у нас буквально отчаянное.

К тому же администраторы и хозяйственники отыгрываются на переводчиках. Госиздат, хранитель куль-

туры, тот самый ГИЗ, которому вручен передовой участок культурного фронта, на последних совещаниях по пересмотру типового договора не только не повысил нищенских ставок оплаты переводческого труда, но даже снизил их.

Знает ли общество, сколько платят издательства переводчикам? Знает ли общество, из кого вербуются переводчики? Знает ли оно, в какое дикое положение поставлена горсточка мастеров и специалистов, сумевшая удержаться на этом злосчастном фронте?

От тридцати до шестидесяти рублей с печатного листа (с 40 тыс. букв) платит издательство нашим переводчикам. И как платит! С воистину садической рассрочкой! После сдачи рукописи половину, а после выхода – вторую. Между сдачей и выходом книги тянутся месяцы. Но этого мало: на переводчика ложится еще тяжелый для него производственный расход: машинистка (от 4 до 6 р. с печ. листа), выписка книг и т. д.

К самому переводу относятся как к пересыпанию зерна из мешка в мешок. Чтобы переводчик не утаил, не украл зерна при пересыпке, текст по методу лабазного контроля оплачивается с русского, а не с подлинника, и вот годами по этой с виду ничтожной причине книги пухнут, болеют водянкой. Переводчики нагоняют «листаж», чтобы как-нибудь свести концы с концами.

Перевод – один из трудных и ответственных видов литработы. По существу, это создание самостоятельного речевого строя на основе чужого материала. Переключение этого материала на русский строй требует громадного напряжения внимания и воли, богатой изобретательности, умственной свежести, филологического чутья, большой словарной клавиатуры, умения вслушиваться в ритм, схватить рисунок фразы, передать ее – всё это при строжайшем самообуздании. Иначе – отсебятина. В самом акте перевода – изнурительная нервная разрядка. Эта работа утомляет и сушит мозг больше, чем многие другие виды творческой работы. Хороший переводчик, если его не беречь, быстро изнашивается. Здесь нужна

трудовая профилактика. Нужно изучать и предупреждать профзаболевания переводчиков, страховать их, давать переводчикам регулярную передышку. Где всё это в ГИЗе, ЗИФе, «Молодой гвардии»?

Если мы хотим иметь хорошую иностранную книгу, мы должны *в корне* уничтожить бессмысленную, халтурную постановку производства, которая из года в год даже ухудшается.

За бульварный роман и за Флобера платят почти одинаково. Начинающий работник, дилетант и зрелый мастер художественного перевода получают почти одинаковый гонорар. В то же время ска́ла полистной оплаты за оригинальную прозу колеблется от 150 до 500 рублей с листа. Немудрено, что издательства с их «системой» работы отпугнули от перевода не только литераторов, но даже просто грамотных людей.

Сейчас ГИЗ затеял полное издание Гете в 18 томах. Нужно удивляться смелости, вернее, дерзости ГИЗа, посягнувшего на полного Гете, оставив в полной неприкосновенности весь аппарат переводческой канцелярии.

В результате громадная культурная функция частенько выполняется бездарными и случайными искателями заработка.

За отравление колодцев, за порчу и загрязнение канализации или водопровода, за дурное состояние котлов в общественных кухнях – отдают под суд. Но за безобразное, возмутительное до того, что отказываешься верить, состояние мастерских, в которых изготовляется для нашего читателя мировая литература, за порчу приводных ремней, которые соединяют мозг массового советского читателя с творческой продукцией Запада и Востока, Европы и Америки, всего человечества в настоящем и прошлом, – за это неслыханное вредительство до сих пор никто не отвечает, оно сходит безнаказанно, оно – будничное явление. Об этом нужно кричать в рупоры на всех перекрестках! Пусть общественные организации на деле поддержат кампанию, которую мы сейчас начинаем. Нужна коренная перестройка этого дела,

которое должно пройти через все стадии чистки, ревизии и ломки и завершиться победой в законодательном порядке. Причем все эти стадии пусть пройдут гласно, с широкой информацией в печати, под контролем авторитетных общественных организаций.

В каждом издательстве сидят в секторах штатные редакторы, которые обязаны пропускать за месячное вознаграждение через свои реторты десятки печатных листов в рукописях. Редакторы эти, в большинстве случаев, грамотные и литературно-компетентные люди. Они «насобачились» в своей работе. Рукопись в их руках делается неузнаваемой. Вы думаете, они сверяют с подлинником, приближая текст к нему? Ничего подобного! Редактор, в сущности, не редактирует, а дезинфицирует перевод, он стрижет его под элементарную грамотность, закругляет фразы, устраняет бессмыслицы, истребляет многие тысячи «который» и «что» и т. п. В подлинник при этом он заглядывает только тогда, когда натыкается на явный абсурд. Сверка шаг за шагом привела бы зачастую к логической необходимости скомкать всю рукопись и швырнуть ее в корзину, а этого сделать нельзя, потому что рукопись заказана и оплачена, а сам переводчик, плохо ли, хорошо ли, но всё же клиент издательства.

Из редакторского кадра можно бы подобрать недурных переводчиков. Но редакторы не пойдут на эту работу.

Впрочем, далеко не все редакторы на месте, и то, что было сказано о переводчиках, отчасти относится и к редакторам.

Есть ли у нас переводческие имена? Их нет. В этом повинна и пресса. Рецензенты заражены общим неуважением к ремеслу, к искусству, мастерству переводчика. Книгу иностранного автора рецензируют люди, равнодушные к литературной форме.

Никто не поверит, каким способом подбираются у нас книги для переводов. В Ленгизе широко практиковалась выписка книг из-за границы. Они отсеивались сознательно в несколько приемов. Во-первых, агенты-

заготовщики за границей давали приблизительно нужные присылки. Затем опытные рецензенты прочитывали десятки и сотни книг, причем рецензии на книги, даже никогда не увидевшие печати, были сплошь и рядом грамотнее, литературнее, содержательнее, нежели те, что печатаются в толстых журналах. На 40–50 проработанных таким образом книг намечались 3–4 вещи – кандидатки к переводу. И только тогда уже, по соглашению с идеологическим руководством, одна или две книги сдавались в работу. Теперь, ссылаясь на затруднения с валютными ассигнованиями, издательства почти прекратили выписку книг из-за границы. Маклерствуют сами переводчики. У них своя агентура. Какие-то родственники в Париже и Нью-Йорке решают, что будет читать советский читатель. – Дайте мне работу. – Что ж, предложите книжечку; если интересная, то мы... – Вот самый обычный разговор в стенах издательства. Издательства, как купеческая невеста, скрестив на животе ручки, ждут предложений. Переводчики заводят переписку с наивными авторами за границей. Мне известны случаи, когда право на авторизованный перевод доставалось таким образом полуграмотным, но энергичным.

Нельзя отговариваться отсутствием валютных кредитов на выписку книг. Надо выбить инициативу из рук предприимчивых кустарей. Мне кажется, что в деле подбора книг, наряду с квалифицированными рецензентами, союзы пролетарских писателей Европы и Америки могут оказать бóльшую услугу, нежели чьи-то родственники из Парижа и Лондона. Необходимо, наконец, создать междуиздательское «информационное бюро» по подбору и рекомендации книг.

От рецензента, работающего внутри издательства, пишущего для «внутреннего употребления», зависит судьба книги. Он может ее убить или протолкнуть. Каждая рецензия должна быть написана так, чтобы ее не стыдно было напечатать, чтобы автор за нее полностью отвечал. Нередко эти отзывы сводятся к бездушным кан-

целярским отпискам. Их нельзя опубликовывать, до того они бывают мелочны, позорны или бессодержательны. Рецензенты – такие же случайные клиенты, как и переводчики.

Рецензент дает «взгляд и нечто», а правление издательства, совершенно незнакомое с содержанием книги, на основании бюрократического доклада решает, печатать ее или не печатать.

Наряду с переводом, рецензированием и редактурой, так же, если не более катастрофично, состояние обработок. Грамотеи издательств любят обработку и даже предпочитают ее переводу, потому что она дешевле и ее можно скорее «сварганить». Между тем обработка органична и закономерна. Мы не разделяем лицемерного пиетета к текстам. Мы ценим академические издания, но писатель другого века и культуры для нас не фетиш. Наша эпоха вправе не только читать по-своему, но лепить, переделывать, творчески переиначивать, подчеркивать то, что ей кажется главным. Не только массовый читатель потянулся навстречу Сервантесу, Вальтер-Скотту и Свифту, но и они двинулись ему навстречу. К целым историческим мирам наш читатель может быть приобщен не иначе, как через обработку, устраняющую длинноты, дающую книге приемлемый для него ритм. Обработка подлинника труднее и ответственнее всякого перевода, но обработчику нужно дать время, не торопить его и как следует оплачивать его труд. Всего этого пока что в практике издательств не существует.

Нужен срочный созыв всесоюзного совещания по вопросам издания иностранной литературы. Инициативу созыва пусть возьмут на себя Федерация писателей и крупнейшие издательства. Чтобы совещание не выродилось в беспорядочную говорильню, состав его должен быть ограничен и строго продуман. Помимо писателей, делегированных различными объединениями, и ответственных руководителей издательств, в нем должны принять участие знатоки иностранной литературы, а также признанные мастера переводов. Совещание укажет, как

создать здоровую трудовую атмосферу, как использовать и выявить наличные силы и таланты, как рационально поставить производство переводной литературы. Совещание оформит назревшую идею создания института иностранной литературы с постоянным факультетом по теории и практике перевода, с рядом семинариев по переводу с европейских и восточных языков, а также с украинского и других языков Союза. Институт должен руководиться деловым и идеологически выдержанным правлением. В ведение его нужно передать для полной реорганизации «Вестник иностранной литературы». Институт должен принять непосредственное участие в работе издательств.

Это авторитетное учреждение должно будет неуклонно работать над поднятием культурного уровня иностранной переводной книги и обеспечить нас кадрами нужных работников. В создании института должны принять прямое и органическое участие: Федерация писателей, Комакадемия, ГАХН, а также ГИЗ, ЗИФ, «Молодая гвардия» и Институт журналистики.

О переводах

Переводчество как социальное явление появляется у нас в прошлом веке, приблизительно в 40-х годах. Особое развитие получает при появлении разночинчества и необеспеченной учащейся молодежи, которая ничем другим не может себя прокормить.

От времен Писарева до наших дней в социальной природе переводчества ничего не изменилось: оно было и остается *регулятором безработицы умственного труда*, костылем, подпирающим всё немощное и дряблое, формой подачки, которую класс уделяет своим отстающим представителям. Для старых крупных издателей переводчики были поставщиками дешевого мозга. Главным потребителем переводной литературы было мещанское «быдло», не знающее иностранных языков.

Переводчики-модернисты обслуживали квалифицированную читательскую верхушку, давая ей Ибсена, Гамсуна, Метерлинка в небольших и дорогих тиражах. Вся прочая литература шла мелкой плотвой по линии приложений к «Ниве», к «Вестнику иностранной литературы». Ее изготовляли за жалкие гроши голодные студенты и неудачники. Между Сойкиным и Сытиным и кухонной макулатурой «приложений» умещался, к примеру, Саблин, чья установка удивительно напоминает среднюю установку переводной книги ГИЗа. После революции интеллигенция сразу же ухватилась за привычный ей переводческий костыль. Началась «Всемирная литература», детище Горького, двоюродная бабушка ЦЕКУБУ. Получился новый тип голодного, но в то же время «квалифицированного» академического перевода. На веленевой бумаге был отпечатан каталог всех мировых авторов, и названия постепенно крылись русскими фишками. Своеобразное лото! Впрочем, кое-кто и сейчас мечтает о ренессансе «великолепия» «Всемирной».

У нас в скрытом виде продолжают жить и бороться все три основные тенденции дореволюционного перевода: массовая, идущая от «приложений», середняцкая – от так называемых «культурных» изданий, и, наконец, модернистическая – от символистов, через «Всемирную» к «Академии» и к классикам ГИЗа. В данную минуту ходовая иностранная беллетристика – явление, смежное с кинопродукцией. Как правило, это книга-однодневка, не сохраняемая и легко забывающаяся. Иностранная беллетристика на русском языке – это особый мир, стоящий вне литературы, но имеющий свою судьбу и свои законы развития.

Наряду с ростом тиражей переводной литературы, мы наблюдаем рост и интереса к изучению языков в комсомольской массе, в вузовской и среди рабочей молодежи. Очень характерно то настроение, с которым молодежь приступает к изучению иностранных языков. Она делает это с чувством торжества завоевателя, вступающего на

до сих пор запрещенную территорию. Знание языков в руках господствующего класса – могучее орудие. С его помощью совершается подмена содержания всей культурной современности, фальсификация мировой литературы до того состояния, какое требуется господам положения.

Кроме академической сверки с подлинником (лучше помолчать о том, как она у нас производится), нам важна еще другая сверка: та сверка с внутренней, исторической правдой автора, которую проведет рабочая интеллигенция, когда овладеет иностранными языками. Эта переоценка неизбежна. Я уже писал о дряблости случайного состава переводчиков, в большинстве бывших и лишних людей. Переводчик – могучий толкователь автора: по существу, он – бесконтролен. Его невольный комментарий просачивается в книгу сквозь тысячи щелей. Обрабатывая старые переводы Вальтер-Скотта, я заметил, что они сделаны полицейским языком паспортистов, и это хамское клеймо нельзя смыть никакими усилиями. Издательства об этом совершенно не думают, и старые переводы «приспособляют». Мы должны работать не на традиционное пассивное «быдло», а навстречу читателю, который двинулся к иностранным языкам, – того читателя, который по складам разбирает немецкие уроки «Комсомольской правды». Надо перебросить мост от переводной книги к изучению языков, сделать ее стимулом и пособием для этого изучения. Что в этом смысле дал ГИЗ? Пока – ничего. Монументальная серия классиков, всё та же *работа на книжный шкаф* – работа по существу бессмысленная. Это – пирамида во славу ложно понятой культуры. Возможный потребитель таких изданий, как включенный в гизовскую пятилетку восемнадцатитомный Гете, – это небывалое фантастическое существо. Хотел бы я видеть своими глазами подписчика на это гизовское издание! Оно будет украшением книжной полки для интеллигента, прекрасно знающего немецкий язык, и будет стоять рядом с подлинным Гете. Перевод

полного Гете (о Гете я говорю для примера, потому что это крупнейшее и «образцовое» начинание гизовской серии классиков) – это работа для целого поколения. При массовом переводе здесь неизбежны рыхлость, дряблость; только очень немногое будет звучать до конца по-русски, будет крепко слажено и достойно оригинала. Жреческая академическая каста, которая держит в своих руках издание классиков, оказывая громадное влияние и на современную переводную литературу, – эта каста утверждает вполне схоластический подход к делу, не чувствуя языка, его силы, правды, экспрессии, не ощущая живого читателя. Доценты-литературоведы преподносят жеваные папье-маше, сверенные с подлинником. Например, расхваливают брюсовский перевод «Фауста» – беззубое, лженаучное шамканье, от которого, при всем уважении к Брюсову, до гетевской мощи – как до звезды небесной. Одно из двух: или корешки с золотыми обрезами, или живые, социально действенные книги. Надо проломать кастовую перегородку, заслоняющую переводную кухню от советской литературной общественности.

Под контроль работу ГИЗа! Литературные организации, к пересмотру пятилетки, *которая должна быть пересмотрена*! Классиков мы дадим не дубовому шкафу, а рабочей интеллигенции и (это нельзя не подчеркнуть с достаточной важностью) школе. Создадим новый тип советского издания классиков, строго-утилитарный, рассчитанный на культурный голод, а не на коллекционерство и пресыщенность. Кто не помнит, например, «Овидия» в издании Манштейна? Старая школа знала, как агитировать за древние языки, потому что это было политически важно, и умела это делать. Попробуем сделать то же самое с образцами всей мировой литературы для массового читателя. Я предлагаю бросить лучшие литературные силы с первоклассным научным комментарием на создание *школьной и массовой серии избранных классиков*. Серия должна быть устойчивая, должна обслужить целое поколение, громадные тиражи, переиздания. Близорукому коммерческому подходу свернуть

шею! Каждая книжка подстрекает к изучению языка. В каждой книжке – хотя небольшая смычка с подлинником, параллельный текст и пояснительный к нему словарь. Сейчас идет борьба за то, чтобы вырвать переводное дело у кастового руководителя, для которого массовый читатель – фикция, старое «быдло», не знающее иностранных языков.

ГИЗ и ЗИФ откликнулись на мою статью в «Известиях» кое-какой реформаторской работой, но всё идет в строго ведомственном порядке. Общественные организации были представлены той частью Федерации, которая сама поддерживает кастовый подход. У каждой значительной литературной группы есть мандат на участие в этом деле. Пусть все мандаты будут предъявлены. Наш писатель привык гнушаться переводной кухней, но отвечает за то, что в ней происходит. Кроме двух-трех очень дельных выступлений Асеева, я не знаю ни одного случая вмешательства писателя с советами и указаниями по этому вопросу.

Теперь о «Молодой гвардии». У нее монополия на юношество. Она ее очень своеобразно понимает: молодежь-де слопает всё. Хватит с нее и переделки. Вместо того, чтобы бросить на такую работу самые квалифицированные силы, «Молодая гвардия» макулатурит из года в год, продолжает традиции Сойкина и Сытина, даже пользуясь их наследством. «Молодая гвардия» – у нас самое залихватское, самое коммерческое издательство. Это она дает большинство анонимных текстов «под редакцией», это она культивирует беспардонное мастачество и приспособленчество. К лицу ли «Молодой гвардии» лопотать на языке канцеляристов и паспортистов? Как могла она отгородиться даже от того с грехом пополам профессионального переводчества, которое налицо в ГИЗе и ЗИФе, и развести у себя совсем цинический третий и четвертый сорт? Не позволим обслуживать молодежь домашним хозяйкам, дамам с гусиными лапками и представительным мужчинам неопределенных занятий... На днях, на выставке японской детской книги,

мы видели, до какой «виртуозности» доводит, хотя бы по оформлению, юношескую книгу японская милитаристская буржуазия. Японские издатели развили в этом направлении исключительную интенсивность: они «приспособили» для железной классовой педагогики всю мировую литературу от Данте до Толстого. Можно себе представить, что они сделали с содержанием книг! Наша задача – сокращение пути от читателя к автору, пути, не оплаченного рентой, наследственным досугом и сытостью. Иногда дать полного автора равносильно издевательству. Но всюду, где можно заменить иностранную переводную книгу оригинальной, ее нужно заменять, и, в первую очередь, это относится к юношеской книге. Нам нужен свой приключенческий роман для юношества с этнографической и прочей начинкой. В настоящее время Майн-Рид имеет только ретроспективное значение. Это – здоровая романтика. Живучесть Майн-Рида объясняется тем, что он учел великую жадность молодежи к познанию географического пространственного мира. Он – блестящий педагог, сочетавший в своих образовательных путешествиях научные сведения своего времени с бесхитростной фабулой. За создание «советского Майн-Рида»! Надо усадить наших лучших прозаиков, к их услугам должен быть создан целый научный аппарат (этнография, физическая география и т. п.). Ведь не скупятся на создание целого учреждения, целых штатов и аппаратов для обслуживания Большой и Малой энциклопедии. Неужели этой чести не удостоится серия романов для юношества по мироведению? Это – столь же фундаментальное издание, запасы корма на целое поколение. Нужны годы на его реализацию, и к нему нужно приступить немедленно.

Подбор иностранных новинок не под силу нашим издательствам. Намечается междуиздательское бюро по выписке и рекомендации книг. Но ему собираются присвоить лишь моральный авторитет, и вряд ли в него войдут представители литературных организаций. Такое бюро выродится в подобие почтенной комиссии по детскому

чтению. Нужны авторитетные «советы по иностранной литературе» при издательствах. Писателей-общественников – в бюро! Редакционным над-издательским советам – власть и контроль!

Погоня за идеологически выдержанной книгой нередко приводит к повторению задов; сплошь и рядом классовая борьба преподносится в сентиментальном и даже квакерском разрезе. Обжегшись на войне, многие писатели Запада метнулись влево. Теперь они неуклонно отходят на новые позиции. Круг этих попутчиков сужается. Грозит «рецензентский голод».

Мелькают одни и те же благонадежные, но посредственные имена. Идеал такой золотой середины – Дюамель, а Барбюсом всех не накормишь! Мне кажется, что чрезмерная трусость и связанность в подборе книг обусловлены нашим неумением подавать их. При уклонении на столько-то градусов от стопроцентной «идеологичности» книга обезвреживается предисловием, то есть канцелярской припиской, которую никто не читает. Свернув шею бульварщине, нужно сохранить читателю по возможности все «события иностранной литературы». Никто нам не мешает бороться с автором самой книги, как это делают с кадрами в кино: автор примечаний вгрызается в текст, становится участником действия, полемизирует, язвит, разоблачает на поворотах, опорочивает ханжу и святошу, развенчивает мнимого героя, подчеркивает действительно ценное, вклинивается в умолчания. Откуда такая робость, товарищи? Раз мы взяли книгу в работу, то можем повернуть ее так, как нам потребуется. Таким образом будет ослаблен кризис подбора иностранной беллетристики с выигрышем для кругозора и осведомленности читателя.

А работа среди переводчиков распределяется с не менее божественной слепотой, чем бумажные трубочки-билетики из лотерейного колеса Моссельпрома. Впрочем, слепота не до конца: писателя-сноба, Марселя Пруста или Анри де-Ренье, переведут мастера слова, а «простака» Клебера, которого можно пустить в десят-

ках тысяч тиража (Клебер, конечно, взят как нарицательное понятие), – переводчик-ремесленник. Я не хочу сказать, что нужно наоборот. Но нельзя ли, по крайней мере, добиться некоторого равновесия? Лучшие переводческие силы, сосредоточенные в Ленинграде, сейчас эксплуатируются «Академией», которую усыновил ЗИФ для строго-эстетских заданий. Отчего бы не перетряхнуть мешок, не бросить эти силы на задания массовые? Ведь рабочий-читатель, подобно молодняку, получает второсортную кормежку. Сопротивление, оказываемое издательским аппаратом и кастой жрецов иностранной литературы, составляющей академическую гордость издательств, намечающейся перестройке всего дела, громадно и будет еще больше. Легко ли отказаться от «выморочного» поля, от «регулятора безработицы», от культурного собеса и т. д.? Максимум, на что согласен ГИЗ, – это на отбор лучших переводчиков и на небольшое повышение гонорара, но этого мало. Пока в таком важном деле останется келейность, кастовая замкнутость и бессознательное повторение прошлого, – оно будет гнить. Легонько, плечиком, дело загоняют обратно в ведомство, где оно закрутится по-старому.

В заключение скажу несколько слов о подготовке переводческой смены. Низовая волна изучения иностранных языков этой смены, конечно, не даст. Между тем, наперекор этой волне знание языков в интеллигентской среде катастрофически падает. Это всё тот же французский язык «тетушки», читавшей Мопассана. Переводчики-профессионалы, ветераны своего ремесла, уже не понимают новых авторов. Всё богатое цветение послевоенного словаря прошло мимо них. Для них это арго, к которому нужен словарь. Мое предложение – создать мастерскую для подготовки новой переводческой смены при Библиотеке иностранной литературы, в ведении Главнауки. Уже имеется в зачатке такая мастерская. Там учится отборная молодежь, стоящая на целую голову выше профессиональных переводчиков, без всякой надежды дорваться когда-либо до практической работы. Вольем

в этот скромный семинарий свежие преподавательские силы и поднимем его на высоту всесоюзного техникума по искусству и мастерству перевода. Литературные вузы командируют в него подающую в этом смысле надежду молодежь, и в результате мы получим крепкую переводческую смену. Здесь не надо останавливаться даже перед заграничными командировками для выдвиженцев. О рецензировании у нас в печати иностранной книги хотелось бы поговорить особо. Это пример того, как не нужно, как нельзя рецензировать. Скажу только, что издание Полугодника по иностранной литературе, посвященного обзору и оценке текущей иностранной литературы, а также теории и практике перевода, отнюдь не было бы роскошью для ГИЗа.

V

К проблеме научного стиля Дарвина

(Из записной книжки писателя)

«...Вспомнил, что это искусство щелкуна нигде не было описано как следует».

Дарвин. Путешествие на «Бигле»

Во все критические эпохи естественные науки были ареной особо ожесточенной борьбы за мировоззрение. Только внимательно изучив историю воззрений на природу, мы поймем закономерность в смене литературных стилей естествознания.

Дарвин не навязывает природе какой бы то ни было цели, он отрицает за нею какую бы то ни было благость. Всего более далек он от мысли приписывать ей волю или разумные зиждущие свойства.

С удивительным постоянством Дарвин дает захватывающие снимки животного или насекомого, застигнутого врасплох в самом типическом для него положении.

«Щелкун, брошенный на спину и приготовляющийся к прыжку, загибает голову и грудь назад, так что грудной отросток выдается наружу и помещается на краю

своего влагалища. Пока продолжается это загибание головы назад, грудной отросток действием мышц сгибается подобно пружине; в это время животное опирается на землю краем головы и надкрыльев».

Нам уже трудно оценить всю небывалую свежесть этого описания, которое так и просится на пленку кино. Для того чтобы понять всю глубину художественно-научной революции, осуществленной Дарвином, сравним эту хищную, насквозь функциональную зарисовку жука с одним из описаний Палласа – натуралиста линнеевской школы, автора «Физического путешествия по разным провинциям Российской империи в 1767–1769 гг.»:

«Азиатская козявка. Величиной с сольтицияльного жука, а видом кругловатая с шароватою грудью. Стан и ноги с прозеленью золотые, грудь темнее, голова медного цвета. Твердокрылия гладкие, лоснящиеся, с примесью виолетового цвета – черные. Усы ровные, передние ноги несколько побольше. Поймана при Индерском озере».

Насекомое преподнесено как драгоценность в оправе, как живопись в медальоне.

Систематика Линнея нуждалась в таких описаниях: «предустановленная гармония» в природе постигается непосредственно через классификацию, познавать и восхищаться – одно и то же.

«Сие изящное строение сердца с приходящими к нему жилами служит единственным побуждением к кровообращению», – говорит Линней.

Почти столетие отделяет Линнея от зрелого Дарвина. Между ними – Кювье, Бюффон и Ламарк. Структурные и анатомические признаки в натуралистических сочинениях возобладали над чисто живописными приметами. Искусство «миниатюры» Палласа пришло в упадок. Но по существу мало что изменилось.

На место неподвижной системы природы пришла живая цепь органических существ, подвижная лестница, стремящаяся к совершенству. Вместо бога-архитектора (Линней) у деиста Ламарка – конституционный монарх. Классификация, по Ламарку, – нечто искусственное, как

бы волосяная сетка, накинутая человеком на разнообразие явлений. Что же остается натуралисту, как не восхищаться по-прежнему, но уже не единичными феноменами природы, а ее классами, расположенными в порядке поступательного развития.

Французская революция оставила глубокий отпечаток на стиле естествоведов. Тот же Бюффон в своих научных трудах выступает в роли революционного оратора. Он восхвалял «естественное состояние» лошадей, ставил людям в пример табуны диких коней, воздавал почести гражданской доблести коня.

А Ламарк, пишущий свои лучшие труды как бы на гребне волны Конвента, постоянно впадает в тон законодателя и не столько доказывает, сколько декретирует законы природы.

Замечательный прозаизм научных трудов Дарвина был глубоко подготовлен историей. Дарвин изгнал из своего литературного обихода всякое красноречие, всякую риторику и телеологический пафос во всех его видах.

Он имел мужество быть прозаичным потому, что имел многое и многое сказать и не чувствовал себя никому обязанным ни благодарностью, ни восхищением.

Лишь сочетание мысли с могучим *инстинктом* естествоиспытателя позволило Дарвину добиться таких результатов.

Я имею в виду инстинкт отбора, скрещивания и *селектирования фактов*, который приходит на помощь научному доказательству, создает благоприятную среду для обобщения.

«Происхождение видов» состоит из 15 глав. Каждая из них расчленяется на 10–15 подглавок, размерами не больше воскресного фельетона из «Таймса». Книга построена с таким расчетом, чтобы читатель с каждой точки обозревал всё целое труда. О чем бы ни говорил Дарвин, куда бы ни уводили извилины его научной мысли, проблема стоит всегда в своем полном объеме. Факты наступают на читателя не в виде одиночных примеров-иллюстраций, а развернутым фронтом – системой.

Приливы и отливы научной достоверности, подобно ритму фабульного рассказа, оживляют дыхание каждой главы и подглавки. Только в совместном звучании, только в созвеньях научные примеры Дарвина получают значимость. Дарвин избегает выписывать весь длинный «полицейский» паспорт животного со всеми его приметами. Он пользуется природой как великолепно организованной картотекой. В результате – изумительная свобода в расположении научного материала, разнообразие фигур доказательства и емкость изложения.

Дарвин рассказывает о том, как сложилось его убеждение. Так, рассказав о сухопутных хищниках, превращающихся в водных, и пояснив это превращение переходными типами, он тут же оговаривается: «Если бы меня спросили, как некоторые насекомоядные и четвероногие развились в летучих мышей, я бы, пожалуй, смутился. Но это не важно».

Дневник путешествия на «Бигле» с его новым принципом *естественно-научной вахты* продолжается в «Происхождении видов». С тою лишь разницей, что Дарвин протягивает корреспондентские нити к бесчисленным адресатам, несущим ту же самую службу, во все концы земного шара.

Движимый инстинктом высшей целесообразности, Дарвин счастливо избегает «затоваривания» природы, тесноты, нагроможденности. Он на всех парах уходит от плоскостного каталога к объему, к пространству, к воздуху. Это ощутимо даже в самых сухих и служебных звеньях «Происхождения видов».

Чувство цвета у Дарвина больше всего изощряется на низших формах живых существ, где оно приходит на помощь характеристике их строения. В путевом дневнике Дарвина встречаются цветовые характеристики крабов, спрутов, медуз, моллюсков, заставляющие вспоминать самые смелые красочные достижения импрессионистов.

Дарвин строго следит за профилем своего доказательства. В поисках разнокачественных опорных точек он создает настоящие *гетерогенные* ряды, то есть груп-

пирует несхожее, контрастирующее, различно окрашенное. Он протягивает координаты от примера к примеру – в ширину, в глубину, в высоту, воздействуя с помощью подлинной *селекции* материала.

«Я назову только три случая: инстинкт, побуждающий кукушку откладывать яйца в чужих гнездах, рабовладельческий инстинкт муравьев и строительство пчелиных сотов».

Автор выхватил из гущи опыта всего-навсего три примера. Первый окрашен *биологически* (размножение), второй – *исторически* (рабовладельчество), третий – *архитектурно* (пчелиные соты).

Блестяще разработанная столетними усилиями терминология в зоологии и в ботанике сама по себе обладает исключительной впечатляющей образной силой. У Дарвина названия животных и растений звучат как только что найденные меткие прозвища.

Дарвина и Диккенса читала одна и та же публика. Научный успех Дарвина был в некоторой своей части и литературным. Читатель испытывал жесточайшую реакцию против всего сентиментального, кисло-сладкого, пуританского. Этот читатель всему на свете предпочитал *характерное*, картинам природы – социальные контрасты. Реализм Чарльза Дарвина пришелся как нельзя более кстати. Его научная проза, с ее биографической сухостью, с ее атмосферической зоркостью, с ее характеристиками в действии, на взрывающихся пачками примерах, была воспринята как литературно-библиографический документ.

Быть может, всего более подкупало читателя то, что Дарвин не расточал литературных восторгов перед законами и тенденциями, которые с такой ясностью утвердил.

Глаз натуралиста – орудие его мысли, так же как и его литературный стиль.

Бодрящая ясность, словно погожий денек умеренного английского лета, то, что я готов назвать «хорошей научной погодой», в меру приподнятое настроение автора

заражают читателя, помогают ему освоить теорию Дарвина.

Окруженный жесточайшими врагами, Дарвин никогда не покидает спокойного, уравновешенного тона.

Не обращать внимания на форму научных произведений – так же неверно, как игнорировать содержание художественных. Элементы искусства неутомимо работают в пользу научных теорий.

Никто не сумеет популяризировать Дарвина лучше его самого. Его научный стиль необходимо изучать. Но подражать бесполезно, потому что историческая ситуация, при которой стиль возник, никогда больше не повторится.

VI

От редакции (1)

«Московский комсомолец» открывает еженедельную литературную страницу. Мы обращаемся ко всей пишущей рабочей и крестьянской молодежи с призывом присылать нам литературный материал.

Литературное движение молодежи принимает массовый характер. По размерам своим оно не уступает рабкоровскому, но в организованности и целеустремленности значительно от него отстает.

Товарищи начинающие писатели! Не становитесь на ходули, избегайте гениальничанья, вычурности, внешней красивости. Прежде всего – пишите просто. Сплошь и рядом бывает так: у парня под рукой в ячейке, в завкоме, в общежитии, в вузе великолепный материал, а он между тем силится описать англичан или китайских кули в Шанхае, или Гражданскую войну, которую сам не переживал.

Второй наш совет – пишите о том, что хорошо знаете. Маленький очерк из жизни цеха, короткие рассказы о дружбе и борьбе, путешествие или интересная командировка, какой-нибудь случай из жизни ударной бригады – всё это нам нужнее и дороже, чем придуманная история,

за которой не стоит знание класса, производства и человеческих отношений.

Третий наш совет – избегайте трескучих фраз и общих мест. Давайте живых людей, копите меткие наблюдения, сгущайте их в четкие образы. Десять раз подумайте, прежде чем выбрать прозаическую или стихотворную форму. Нередко стихи обращаются в косноязычный лепет. В прозе подчас можно сказать и лучше, и дельнее, и художественнее.

Товарищи, работающие в литературных кружках, и читатели-активисты из кружков Друзей книги, – установите как можно скорее тесную связь с «Московским комсомольцем».

От редакции (2)

Вопрос о том, является ли наш писатель хорошим читателем, мы оставляем открытым. Здесь – далеко не благополучно. Многие наши писатели, выражаясь словами Пушкина, «ленивы и нелюбопытны». Можно говорить даже о писательском невежестве как об опасном социальном явлении. Эту тему мы поставим в одной из ближайших страниц «Московского комсомольца» на широкое обсуждение.

Перекличка с читателями

Укажите, что делать? Литучеба и непрерывная неделя. Литкружок и стенгазета. «Хочу напечататься». Кого считать классиком?

Письмо тов. Колосова[1] вызвало горячую волну читательских откликов.

Предоставим слово тов. Морозову:

---

[1] Читай «Московский комсомолец» от 12 сентября с. г. – *Примеч. автора.*

«В деревне до 1925 г. мне пришлось быть 2 года пастухом. Не кончил 2-х классов сельской школы. Порешил расстаться на некоторое время, а может навсегда, со стадом; поехал в Москву.

Приветствую нарождение новой газеты. Полагаю, что и я, быть может, с нею нарожусь. Наладим правильное творчество начинающего литкружка при редакции этой газеты. У меня большая тяга к такому кружку. Я и сам пишу стихи, хотя и нелепые. Прошу, не ругайте, а пособите исправить ошибки. За свой краткий путь я перенес много невзгод и, может, только поэтому у меня зародилась мысль писать стихи. Укажите что делать для дальнейшего моего развития к этой склонности или начинанию».

Письмо тов. Морозова мы приводим полностью потому, что в нем прекрасно выражено подлинное отношение рабочего или крестьянина к литературной учебе. Источник творчества – сама действительность с ее «невзгодами» и противоречиями.

Цель его – «родиться заново», т. е. стать участником великого движения. Литературное самолюбие на последнем плане.

Тов. Марсев (1-я Госмакаронная фабрика) пишет:

«У нас много ребят желают заниматься в литкружках, но, к сожалению, не могут. Тот парень, который не занят учебой, но грамотен, завален по горло общественной работой на производстве. Кроме того будет мешать сменная работа на фабрике. От посещения одной утренней недели и пропуска двух других будет мало толку».

Помехой тов. Марсев считает также непрерывную рабочую неделю. Взамен кружков он предлагает письменную литконсультацию, «чтобы все учились у себя дома, как, например, немецкому языку в "Комсомольской правде"».

Отвечаем тов. Марсеву: литрабфак на страницах газеты, опирающийся на опыт кружковой работы и дающий примерные занятия кружков, мы обязательно поведем в «Московском комсомольце». Но нет никакого

смысла проходить этот рабфак в одиночку, каждому в своем углу; при малейшей возможности надо организовать группы, дополняя печатную программу своей инициативой. Что касается до непрерывной недели и 3-сменной работы, то надо помнить, что сам литкружок по заданиям своим разбивается на группки и что большая часть литучебы (чтение, подготовка к докладам) протекает на дому.

Тов. Хоменчук (Калуга) вносит ценное предложение:

«Если заглянуть в стенные газеты более крупных предприятий или же деревень, то в большинстве из них увидишь совершенно неграмотную редакционную правку. А почему? Потому что работники редколлегии стенгазеты зачастую сами малограмотны! К ним нужно *прикрепить литкружковца*, который, с одной стороны, учился бы сам, с другой – помогал бы редколлегии газеты».

Тов. Петухов (г. Дмитров, мастерские им. Кропоткина) начинает с совершенно ложной мысли, по которой нужно крепко ударить:

«Не надо бросать в корзину хоть *мало-мальски* подходящее стихотворение, а дать автору полезный совет, как его исправить, *чтобы изменить и напечатать*. Печатанье *вообще* имеет громадную пользу для автора, который после этого *приободряется* для дальнейшей работы». Тов. Петухов смотрит на печатанье как на лекарство для унывающих. Он ошибается, когда думает, что слабую вещь можно почти всегда исправить советами и указаниями и за волосы протащить в печать. Можно лишь устраивать временами в газете показательные разборы отдельных слабых вещей, но никакими фокусами, никакой лакировкой их не выправишь. Дальше тов. Петухов советует созвать конференцию начинающих писателей и создать курсы для руководителей литкружков.

Вместо конференции всех начинающих писателей, которая вышла бы чересчур громоздкой и неработоспособной, *«Московский комсомолец» предполагает созвать конференцию актива литкружков Москвы с участием делегатов области.*

Тов. Бернштейн отмечает, что «тяга среди молодежи к классикам чрезвычайно велика, но многим бросаются в глаза одни лишь любовные драмы и больше ничего».

– Как-то на днях, – рассказывает тов. Бернштейн, – я беседовал с одним комсомольцем, только в прошлом году окончившим семилетку. Этот комсомолец сильно увлекается классиками.

Разговор зашел о романе Тургенева «Дым».

– Хорошая вещь. Читал с увлечением.

– Что же тебе понравилось?

– Да там один только главный момент, любовь. Больше я ничего не заметил...

Желательно, чтобы читатели сами высказались, кого они считают классиками и какой смысл вкладывают в это понятие. Слово «классик» многие часто произносят, не вдумываясь. Когда мы договоримся, *кто такие «классики»*, интересно будет поставить вопрос, кто из современных писателей заслуживает этого названия.

Наконец, тов. Паршин (Москва) предлагает перепечатать отрывки из лучших произведений прошлого, «которые учили бы, как нужно писать». Здесь возникает вопрос: имеет ли смысл в газете перепечатка высокоценных вещей (не только старых, но и современных авторов) с критическим разбором?

Таким образом от литстраницы можно перекинуть мост к книге.

VII

Молодость Гете

Эпизод первый

Право охоты на оленей принадлежало сенату. Раз в год на торжественном публичном обеде сенаторам подавали жареного оленя. Но всех оленей в окрестности перестреляли дворяне, нарушая охотничье право сената. Пришлось развести стадо оленей. Олений выгон был в черте города. Каждый год сенаторам подавали жареного оленя.

Однажды выгон упразднили.

На месте выгона построили дом.

В этом доме родился Гете.

При доме не было места для сада. Вместо сада – цветы на окошках второго этажа, – в комнате, которая называлась садовой.

Садовая комната – детская.

Из окна – вид на чужие сады. На территории Конного рынка бюргеры-домовладельцы разбили сады. В садах играли в кегли. С громом катились шары, сбивая кегли.

– Чьи это сады?

– Чужие.

– Можно туда пойти?

– Нельзя. Можно только смотреть из окна. Сады – чужие.

Зато ярмарка открыта всем и каждому.

Мимо городской ратуши, называемой Рёмер, с огромными сводчатыми залами, куда можно проникнуть, если очень попросить сторожа, и увидать фрески, и скамью судей, и скамью почтенных бюргеров, и скамью ремесленников, и стол протоколиста; мимо средневековой Нюренбергской гостиницы, обнесенной крепостной стеной, мимо фабрики, мимо красильни, мимо белильни – на ярмарку.

Внутри города возник новый город – город лавок, деревянных бараков.

Толкаются, суетятся, распаковывают, выгружают товары.

Что бы такое купить? В детском кошельке так мало денег.

Купцы жалуются: за городскими стенами – грабеж. Окрестные дворянчики пошаливают, разбойничают. Товары пришлось везти под специальным вооруженным конвоем. Под конвоем же приехали имперские чиновники.

Конвоиры желают пройти в город.

Но город ссылается на свои права и не пропускает конвоиров. У городских ворот – драка.

И вот кавалерия граждан, разделенная на многие отряды, во главе с начальниками подъезжает к разным городским воротам. Граждане и конвоиры мирятся и устраивают под стенами города пирушку.

А под вечер к подъемному мосту подъезжает почтовая нюренбергская карета. В ярмарочный день, по обычаю, в ней должна сидеть старуха.

– Где старуха? – кричат мальчишки и с <ревом>[1] бросаются вслед за каретой.

– Где старуха? – кричат бюргеры из высоких окон.

Вот три герольда в голубых мантиях, с золотой каймой и с нотами, укрепленными на рукавах.

У одного свирель, у другого фагот, у третьего гобой.

Сегодня – в день Варфоломеевской ярмарки – главному судье города вручают хартию императора, который заискивает у городов, подтверждая на год вперед городские льготы.

Впереди идут герольды.

За ними – послы с дарами.

Главный предмет колониальной торговли – перец.

Посол преподносит судье деревянный резной бокал, полный перца, хорошего перца в зернах. На бокале – пара белых перчаток и белый жезл.

Главный судья, почтенный бюргер, дедушка Гете, – принимает дары.

Вечером бабушка ссыпает перец в ящик для специй, бокал и жезл достаются детям, а перчатки дедушка, живущий отдельно, употребляет для садовых работ, чтобы защитить руки от шипов.

На ярмарке купили много посуды, и мальчику достались игрушечные горшки и блюдца.

– А что, если выбросить тарелку в окно: никого нет дома.

Как она славно разбилась, как зазвенели черепки.

Мальчик хлопал в ладоши, кричал и смеялся.

Братья Оксенштейны – соседи – услыхали звон разбитой тарелки и крикнули:

– А ну-ка еще!

Вслед за тарелкой полетел горшок.

– А ну-ка еще, – кричали соседи.

Пришлось побежать за посудой на кухню.

---

[1] Текст исправлен С. Василенко и Ю. Фрейдиным. Ср.: «Уличные мальчишки поднимали с приближением кареты невообразимые рев и гвалт» (Собр. соч. СПб., 1895. Т. 8. С. 15). Об использовании этого перевода см. комментарий.

Тарелки – тарелки – в окно.
Из комнаты в кухню.
На полках – тарелки.
Тарелки, тарелки – в окно.
– А ну-ка еще, – кричали соседи.
И снова на кухню. И снова тарелка – в окно.
Кофейник, и чашки, и сливочник – прямо в окно.
Целая груда черепков под окнами.
Груда разбитой посуды.

Разрушитель Вольфганг Гете, трех с половиной лет, перебил всю посуду в доме.[1]

<Эпизод второй>

[.....]

Другой голос (перебивает).

Дважды в год, разлившись, Нил
Весь Египет затопил.

Учитель. Довольно.

Детский голос.

Дважды в год, разлившись, Нил
Весь Египет затопил.

Учитель. Довольно!

Голоса.

Нет реки священней Ганга,
Ганг – река большого ранга.

Учитель. Тихо!

Первый голос. А в Лиссабоне землетрясение.

Учебник географии был весь зарифмован. Латинская грамматика тоже.

Детям скучно читать Корнелия Непота, зато Овидиевы «Превращения» проглатываются с жадностью.

[1] Текст эпизода первого – по первой редакции.

Увлекаться Робинзоном Крузо лежит в само́й детской природе, а за два крейцера на ларях, что подле церкви Варфоломея, где спокон века отведено место для ручного торга и всегда толпится народ, – продают картинки с раскрашенными и раззолоченными зверями и ходкие книжки франкфуртского издания на плохой серой бумаге, с печатным шрифтом. Это настоящие сокровища – здесь и «Прекрасная Мелузина», и «Прекрасная Магелона», и «Дети Аймона», и «Фортунат». Главное преимущество этих книг – дешевизна.

Но как трудно пробираться сквозь крикливую толпу. А когда проходишь мимо отвратительных ларей мясника, нужно обязательно зажмурить глаза, чтобы не затошнило.

Вчера в дом к советнику Гете заходил проезжий шарлатан-англичанин и предлагал привить детям оспу. Но он запросил несуразную цену, и его с позором выгнали.

Детский голос. А в Лиссабоне землетрясение. Все говорят.

Учитель. Да, в Лиссабоне было землетрясение.[1]

Мальчик. Правда, что земля <рас>трескалась?

Учитель. Очень сильные толчки. Один за другим. Земля дала трещины, из них извергался огонь. Рушились и горели дома.

Мальчик. А на море что?

Учитель. Страшное волнение. Волны заливали весь порт. Уцелевшие корабли спасались в открытое море.

Мальчик. А как же жители?

Учитель. Шестьдесят тысяч человек, за минуту до того спокойных и счастливых, в один миг лишились всего своего достояния. Право, лучше тем, кто уже не может осознать всей глубины своего несчастия. Из тюрем вырвались преступники и среди общей разрухи грабили

---

[1] Далее – вставка текста первой редакции.

город. Природа повсюду проявляла свой неистовый произвол. Десница карающего Бога. Такая пышная столица, такой богатый порт.

У мальчика в комнате стоял отцовский музыкальный пюпитр красного дерева, в форме усеченной пирамиды со ступеньками, очень удобный для исполнения квартетной музыки. На ступеньках была разложена в прекрасном порядке минералогическая коллекция – прозрачная слюда и хрупкий известняк, и розовый шпат, и мрамор в жилках, и кристаллический хрусталь, а рядом – образцы почвы, от чернозема до красных глин, и дары природы – колосья, засушенные ветки, шишки, семена.

– Прекрасная коллекция, – говорили люди, входя в комнату.

Мальчик молчал. Никто не знал, что это *алтарь природы.*

По утрам, когда солнце, всходившее за стенами соседских домов, наконец разливалось по крышам, он брал зажигательное стекло и наводил луч на курительную свечку, помещенную в фарфоровую чашечку на вершине пирамиды.

Пюпитр – алтарь природы.

Природа всемогуща.

Мальчик – жрец природы. Свеча – жертва. Она не горела, а тлела. На алтаре каждое утро возжигалось благовонное пламя жертвы. Никто об этом не знал.

В соседней комнате сестра учится музыке. Учитель отбивает такт:

– Мизинчиком, мизинчиком – скорей, хоп-хом...

– Мимишку – мизинчиком, а фа – крючком.

– Серединчиком соль – как в солонке соль.

– По чернавке ударь. Легче, легче, быстрей.

Каждая клавиша имела свое имя, каждый палец – свою кличку.

При отце состоял в качестве камердинера и секретаря, слуги́ – мастера на все руки, – юноша Пфейль. Он еще немного подготовится и откроет пансион для мальчиков – ведь невозможно изучать французский язык в одиночку. Необходимы пансионы для подростков. Молодые англичане и французы, сыновья торговцев, имеющих дела с Франкфуртом, которые пожелают изучить немецкий язык, тоже, наверное, поступят к Пфейлю в пансион.

Отец сердится:

– Опять не нарвали шелковицы! Все черви передохнут!

Отец увлекается шелководством и развел шелковичных червей, ждет больших прибылей от этого дела. Уход за червями возложен на детей. Мерзкие черви не выносят ни малейшей сырости и дохнут тысячами. По всему дому стоит вонь.

В промежутках между уроками мальчишки дразнят Гете-сына, который хочет играть главную роль в только что придуманной игре.

М а л ь ч и к и. Ворона в павлиньих перьях! Загордился, потому что дед судья. Забыл, что второй дед – трактирщик и дамский портной.

ГЕТЕ. В нашем городе все граждане равны. Мой дед был честным бюргером. Почет воздается каждому по заслугам. Я горжусь своим дедом.

М а л ь ч и к. Ищи своего деда по белому свету. Твой отец – незаконный сын одного важного дворянина, а бюргер его только усыновил.

Это явная ложь. Но мальчик огорчен. Интересно, конечно, что дед не бюргер, как у всех, а дворянин; но все-таки неприятно: однако нужно быть стойким и уметь скрывать огорчения.

ГЕТЕ. Жизнь так прекрасна, что не стоит задумываться, кто тебе ее подарил.

Мальчики. А стихи твои не так уж хороши, Ганс пишет лучше.

ГЕТЕ. Он вовсе не сам пишет. За него Пфейль написал.

ГАНС. Неправда, я сам написал.

ГЕТЕ. Плохие стихи.

ГАНС. Лучше твоих.

ГЕТЕ. Неужели лучше?[1]

Эпизод третий

Не браните кукольный театр, вспомните, сколько он вам доставил радости. Гете на всю жизнь запомнил прыжки и жесты всех этих мавров и мавританок, пастухов и пастушек, карликов и карлиц, и тяжелую поступь доктора Фауста – который продал душу дьяволу.[2]

Как хотел я еще раз взглянуть на кукольное представление. Но отец считал, что нельзя баловать ни старых, ни малых и чем реже доставлять детям радости, тем сильнее будет их впечатление.

Я обратил внимание, что в доме, еще необжитом, есть одна дверь, выходящая в столовую и всегда запертая на замок. Однажды утром мать забыла ключ в скважине. Я вошел в чулан и беглым взглядом окинул картонки, шкатулки, мешки, ящики, стаканы и банки и всю запасную посуду. Стащив несколько сушеных яблок, я уже пробирался к дверям, как вдруг заметил два рядом стоявших ящика, из которых торчало кукольное тряпье. Как я обрадовался, убедившись, что в этих ящиках запакованы герои и реквизит моих трагедий. Я приподнял легкую крышку. На самом верху ящика лежала рукописная книжечка: это была комедия о Давиде. С тех пор все мысли мои сосредоточились на комедии, каждую свобод-

[1] Конец вставки текста первой редакции.

[2] Далее –вставка текста первой редакции.

ную минуту я украдкой твердил стихи и в мыслях представлял себе, как это выглядит на сцене.[1]

Как-то вечером он прочитал матери наизусть один из своих любимых монологов из кукольной комедии «Давид», и она, чтобы прихвастнуть неожиданным талантом сына, рассказала об этом владельцу кукольной труппы.

– С тех пор я стал постоянным помощником кукловода, и он посвятил <меня> во все тайны своего искусства.

Я сам дергал кукол за ниточки и однажды во время спектакля, дававшегося для приглашенных соседских детей, нечаянно уронил своего великана, но тотчас высунулся и, под громкий хохот зрителей, разрушив всю иллюзию, поставил его на ноги.

Но вскоре мне надоели затверженные пьесы. Я решил обновить репертуар и сам упражнял свою фантазию, сочиняя всякие драматические отрывки, вырезывая из картона и раскрашивая новые декорации.

Однажды я соблазнил товарищей поставить настоящий спектакль. На костюм героя, сурового и великодушного рыцаря, взял серую бумагу. Для врагов его – золотую и серебряную. Но в суете приготовлений я совершенно

---

[1] Конец вставки текста первой редакции. Следующий за ней текст в машинописи:

Как-то вечером, я прочитал матери наизусть один из моих любимых монологов, и, чтобы прихвастнуть неожиданным талантом сына, она рассказала об этом владельцу кукольной труппы молодому артиллеристу, человеку с большими способностями к механике. Под влиянием этого события [.....]

[.....] Я ждал реплики Готфрида, но он не вышел. Я начал было говорить за Готфрида, но у меня ничего не получалось, и зрители хохотали.

И третий актер не вышел. Все попрятались. А публика ждала продолжения. Требовала зрелища!

И тогда, позабыв о Танкреде, я перешел на старых знакомых – Давида и Голиафа – и детская публика, частенько слышавшая эту пьесу в моем театре, тут же на месте распределила между собою роли и выбежала на сцену, чтобы играть со мной.

Спектакль был спасен.

упустил, что каждый актер должен знать, когда и что говорить. Уже собрались зрители и ждали представления, а мои актеры в растерянности спрашивали друг у друга, что же им, собственно, делать. Переодетый и чувствующий себя Танкредом, я вышел на сцену и прочел несколько напыщенных стихов.

Никто из актеров не вышел. Никто мне не ответил. Зрители хохотали.

Тогда, позабыв о рыцарских страстях и поединках, я перешел к библейской сказке про тщедушного царя Давида и силача Голиафа, который вызвал его на бой.

Дети обрадовались знакомой пьесе и выбежали играть со мной.

Спектакль был спасен.

Эпизод четвертый

Молодой гражданин большого города бродит по улицам. Иногда случаются события, нарушающие спокойное течение жизни: то пожар уничтожит чей-нибудь дом, то совершается преступление, розыском и наказанием которого город занимается несколько недель.

Отчего толпится народ на площади? Отблески костра в окнах соседних домов.

...За оскорбление религии и добрых нравов суд постановил предать сожжению всё издание легкомысленного французского романа.

Груду горящей бумаги ворошат железными вилами.

Вдруг подул ветер, и сотни горящих листов – бумажные бабочки с красными хрустящими крыльями – взлетели на воздух.

Толпа кинулась их ловить.

А Гете воспользовался переполохом и стащил с костра еще не тронутый огнем экземпляр запрещенной книги.

На всякую птицу есть своя приманка.

Большая темная комната в чьем-то неизвестном доме. Бюргерский сын Вольфганг Гете в компании веселых и общительных молодых людей. У окна за прялкой тоненькая девушка с большими глазами и маленьким ртом, – Гретхен, Маргарита.

<Первый юноша.> Маргарита, сходи в лавку, принеси еще вина.

ГЕТЕ. Как можно посылать беспомощную девушку одну без провожатого в такую темную ночь.

Смех.

Первый юноша. Не беспокойся. Она привыкла. Погребок – напротив. Она сейчас вернется.

Второй юноша. Вы знаете, этот богач Леерман – с чего он начал – торговал спичками, а сейчас один из первых людей во Франкфурте.

Первый юноша. Ловкий человек. Никогда не пропадет.

Второй юноша. Ты что сегодня делал?

Первый юноша. Бегал по поручениям суконщика – он так разленился, что готов делить прибыль с маклером.

Второй юноша. Гете, мы достали для тебя новый заказ на свадебные стихи. Те, что ты писал – похоронные, помнишь, уже пропиты. Займись-ка стихами, мы через часок вернемся.

Большая грифельная доска на столе. Гете записывает мелком стихотворные строчки, стирает их губкой, снова пишет.

Маргарита. Зачем вам это нужно? Бросьте это дело. Уходите отсюда, пока вы не нажили себе неприятностей. Послушайтесь меня, уходите.

ГЕТЕ. Гретхен, если б человек, который вас любит, почитает, ценит...

Гретхен. Только не целуйте... Мы ведь друзья.

Гретхен за прялкой (Шуберт).

Это случилось во Франкфурте. Это переживал юноша, почти подросток и крепко запомнил. Дурное общество, подозрительные, но веселые люди. Большая висячая лампа. Ночные исчезновения. Тайком передаваемые деньги и записки. И все-таки здесь ему было хорошо, и чем-то он здесь освежался. Уют и порядок, порядок и уют, родительский дом – как раздваивалось его существо: он будет сокрушать этот порядок, и будет его воспевать, и будет ему служить через много десятков лет – веймарским тайным советником со звездой на груди.

А теперь шайка молодежи, дурачившая полицию, морочившая честных граждан, изощрившаяся в озорных проделках и головоломных плутнях, обнаружена ищейками городской ратуши. Советник Шнейдер с поклонами и сладенькими улыбочками производит допрос на дому у Гете-отца.

– Где познакомились?
– На гуляньи.
– Где встречались? Кто там бывал? Назовите улицу.

Вольфганг слег в постель. Нервная горячка.

Между франкфуртской Гретхен и Гретхен из «Фауста» трудно найти что-нибудь общее.

Что с ней сталось? с этой первой Гретхен?

Гете никогда об этом не узнал.

Скорей бы вырваться из Франкфурта, скорей бы уехать!

Отец покупает сукно кусками – это обходится дешевле.

В доме всегда запас добротных тканей. Портных отец <не держал> – лишний расход. В доме есть слуга, он

плохо кроит, н<о хорошо> шьет. Целыми днями он строчит сюртучки и камзольчик <для Ге>те-сына.[1]

[.....]лезное – но, помни, не трать на мимолетные радости.

Краткая пауза.

Кем стал бы Гете, если бы послушался отца? Фон Рейнеке обижен на своего зятя и уже много лет преследует его судебным процессом. Но так как суд никак не мог решить де́ла в его пользу, старик подал жалобу на самих судей и ведет теперь уже две тяжбы. Он всегда озабочен, никогда не улыбается и на лысой голове носит белый колпак, подвязанный тесемками.

Когда проходишь по широким чистым улицам, обстроенным великолепными домами, то никогда не догадываешься, какая страшная жизнь скрывается за этими стенами, еще более мрачная по контрасту со светлой окраской фасада.

Фон Рейнеке был страстным любителем гвоздики.

Фон Маляпорт развел в своем саду великолепную коллекцию этих цветов.

Однажды во время цветения гвоздики удалось свести обоих любителей-садоводов. Рейнеке пожаловал к Маляпорту. Старики обменялись лаконическим, вернее,

---

[1] Текст абзаца частично утрачен, восстановлен (Т. В. Котовой) на основании сличения с текстом Гете, ср. в переводе А. Л. Соколовского: «Поэтому он никогда не держал дома прислуги, которая не была бы для чего-нибудь необходима... Точно так же признал он полезным взять лакея, который в то же время знал портняжное ремесло и был обязан в свободное от исполнения своей должности время шить не только ливреи для себя и прочей прислуги, но равно и платья для отца и нас... Хотя наш домашний портной был хороший подмастерье и мог очень изрядно сшить платье, когда оно скроено, но уменья снять мерку и скроить его самому у него решительно не было» (Собр. соч. СПб., 1895. Т. 8. С. 151–152).

пантомимным приветствием и шагом дипломатов начали обход грядок.

Молодежь подметила в беседке накрытый стол, вазы с фруктами и графины с искрящимся мозельвейном.

К несчастью, Рейнеке увидал прелестную гвоздику с опущенной головкой и тронул ее рукой.

Маляпорт. Вы, кажется, забыли золотое правило любителя-садовода – цветок для зрения и обоняния, но не для осязания.

Рейнеке. Позвольте, ваше замечание... Истинный любитель имеет право осторожно дотронуться до цветка.

Маляпорт. С моей точки зрения – только взглядом, только взглядом.

Рейнеке. А по-моему... Прелестный цветок...

И Рейнеке снова коснулся гвоздики.

Мозельвейн унесли обратно в погреб.

Пусть старики трясутся над гвоздикой.

Краткая пауза.
Рожок почтальона.

Мы сидим в мчащейся почтовой карете. Горе тому, кто закажет <пробел> на станции, оставшейся позади.

Шуберт «Мельник».
Рожок почтальона.

Эпизод пятый

Я здесь живу, ну как? Ну как сказать? – я сам не знаю, как!

Ну вот так приблизительно:

Живу как птица – гость прекрасных рощ
Свободой леса дышит в лад ветвям.
Качаясь вверх и вниз, туда-сюда,
И с певчей радостью на крылышках упругих –
Порхаю в чащах, исчезаю в кущах...

Довольно, представьте себе ликующего птенца на самой зеленой ветке: это я.

А теперь перейдем к программе университетских лекций.

«Прагматическая история протестантской церкви как введение в теологические и телеологические предпосылки для чтения и изучения Библии в морально-философском аспекте». Профессор «от четырех до пяти», по средам и пятницам. Фамилия – безразлична. Курс красноречия:

Он Цицерона на перине
Читает, отходя ко сну:
Так птицы на своей латыни
Молились Богу в старину.

Право. Имущественные отношения римских квиритов и размышления по поводу пандектов, – под углом определения понятий обладания, владения, овладевания, завладевания и... обалдения.

Пауза. Сапожник забивает гвозди в подошву.

Сапожник. Жена!

Жена. Чего тебе, Фриц?

Сапожник. Что ты скажешь о студентах?

Жена. О студентах ничего не скажу. Но насчет твоей дурости...

Сапожник. Жена, не возражай мужу...

Жена. Ты сам спрашиваешь. Зачем выдал башмаки этому белобрысому шалопаю.

Сапожник. Что же я мог сделать? Без башмаков нельзя ходить на лекции.

Жена. А тебе не всё равно, ходит он или не ходит?

Сапожник. Ведь если он не кончит университета, он никогда не будет доктором и не вернет за башмаки.

Жена. Лучше готовые башмаки в мастерской, чем еще один должник в университете.

Сапожник. Жена, ты рассуждаешь как женщина.

Стук в дверь.

Жена. Вот еще заказчик: в долг сапоги заказывать.

Вошел Гете в темно-зеленом дорожном плаще, запыленный, усталый.

ГЕТЕ. Я к вам с приветом от вашего племянника – студента богословских наук Гауфа. Он просит меня приютить на несколько дней.

Сапожник. Очень рад. Пожалуйте. Ну как Гауф? Он победил уныние или уныние победило его?

ГЕТЕ. Он прислал вам письмо. Могу засвидетельствовать, что зрение его стало лучше.

Сапожник. Не вы ли его сосед по комнате, который всегда передает мне приветы?

ГЕТЕ. Я самый.

Сапожник. Видно, вы приехали в Дрезден посмотреть, как я тачаю сапоги.

ГЕТЕ. Отчего бы и нет, мастер! А кстати и посмотреть, как Рембрандт управлялся с кистью.

По вощеным полам, в торжественной тишине картинной галереи бродил юноша с покатым лбом, туго стянутыми к затылку и заплетенными в косичку волосами,

острым, как будто ищущим носом и коричневыми, жадно вопрошающими глазами. По пятам его семенил музейный проводник, присяжный объяснитель картин.

Молодой человек, соблюдая вежливость, всемерно старался отделаться от проводника, который видел в нем свою законную добычу и сыпал, как горохом, названиями живописных школ, именами художников; юношу явно раздражали хвалебные возгласы: божественно, очаровательно, неизъяснимо, непередаваемо, воздушно, бесподобно.

Избавившись наконец от спутника, он твердым шагом прошел через комнаты итальянской живописи, где на фоне ярко-синего неба среди остроконечных скал и тонкоствольных деревьев изображались пастухи с ягнятами, женщины с удлиненными <лицами>[1], держащие цветок в вытянутой руке или же склоненные к колыбели пухлого мальчика.

– Всё это прекрасно, но не сейчас, после! Скорей к голландцам, к бессмертным северным мастерам: яблоки, рыбы, бочонки, крестьяне, пляшущие под дубом и кажущиеся под огромным деревом взрослыми карликами с развевающимися полами кафтанов. Женщины в тяжелых бархатных платьях и большеголовые дети, цепляющиеся за их подол. Лудильщики и бочары, косматые, всецело поглощенные работой, и, наконец, семья сапожника: спальня, жилая комната, она же и мастерская – коричневый полумрак, кусок хлеба с воткнутым ножом на столе, молоток, ударяющий по башмаку, надетому на колодку, деревянная ладья колыбели – с парусом полога, раскрытый шкаф с мерцающей посудой и причудливо вырезанные куски кожи, разбросанные на полу.

– Да ведь это мастерская шутника-сапожника Фрица.

Искусство и жизнь встретились.

Перед отъездом сапожник подарил Гете пару прочных, но некрасивых сапог.

---

[1] Текст утрачен, восполнен С. Василенко и Ю. Фрейдиным.

Эпизод шестой

– Вы слыхали? писатель Готшед женился. Ей девятнадцать лет, ему шестьдесят пять.

Не забежать ли в гости к Готшеду?

Готшед жил очень прилично – в первом этаже гостиницы «Золотой медведь». Квартиру ему предоставил благодарный издатель.

Гостей провели в большую комнату. Вышел сам Готшед – толстый, огромный, в зеленом шелковом халате, подбитом красной тафтой. На лысой голове – ни одного волоска. Вслед за ним выбежал слуга с громадным париком в руках, локоны которого спускались до самых локтей. Он боязливо вручил своему господину этот пышный головной убор. Готшед спокойно отвесил слуге полновесную пощечину, затем надел парик на голову, опустился в кресло и заговорил с молодыми студентами о высоких материях.

Пауза.

– Кто умеет чинить вороньи перья?

– А ты пиши гусиными.

– Вы ничего не понимаете.

Бериш – оригинал и острослов – длинноносый, с резкими чертами лица, с шляпой подмышкой и с шпагой на боку, балагур-бездельник, похожий на старого француза, чей костюм, всегда серый, но в сложнейшей гамме серых оттенков, вызывал общие насмешки. Тридцатилетний Бериш – гувернер, выгнанный из графского дома за дружбу со студентом Гете и за пристрастие к литературным трактатам, – был мастером словесной карикатуры.

Бериш. Свежие пирожные нашего доброго булочника Генделя – заметьте, что его вывеска ласкает слух, напоминая о широкой, спокойной и прекрасной музыке одноименного композитора, – я предпочитаю черствым изделиям почтеннейшего профессора Готшеда, выпеченным из тухлой исторической муки и приправленным иностранными словами. Старика Клопштока называют божественным поэтом. Согласен. Он хорош уже тем, что не проглотил целиком древнегреческой колонны. Но поэма его – знаменитая «Мессиада», пересказывающая Евангелие, так длинна, что понадобилось бы нанять носильщика, чтобы таскать ее с собой на прогулку. Речи святых персонажей усыпляют, как воскресные проповеди, но вдруг автор оживляется и обретает силу, огонь, краску, звучность. Бедняга Клопшток! Он уже угадывает язык страстей, язык живой природы, – но слушать органную музыку и выжимать из себя слезы сорок восемь часов подряд! Нет, спасибо.

Пауза.

Четверг 10 ноября 1767 года, 7 часов вечера.

ГЕТЕ. Ах, Бериш! какое жуткое мгновенье! О Боже, Боже! Хоть бы немного успокоиться. Бериш, будь она проклята, любовь. Если бы ты видел меня, ты бы стонал от жалости ко мне.

Кровь угомонилась. Я успокаиваюсь и уже могу говорить. Разумно ли. Может ли безумец быть рассудительным? Будь у меня цепи на руках, я бы знал, по крайней мере, во что вгрызаться.

Я очинил перо, чтобы дать себе передышку... Тише, тише: я расскажу тебе всё по порядку.

Он сидит за маленьким рабочим столиком у высокого окна без занавески. Резной стул с очень высокой спинкой немного откачнулся назад. Комната учащегося и моло-

дого художника. Стоит мольберт с начатой живописью. Мятущееся дерево в голландском вкусе. Рядом – пузатая фляга с каким-то питьем и стакан, накрытый блюдцем. Гете – в короткой рабочей куртке. Лицо – напряженное, злое. Он не причесан, косичка болтается, у него тяжелый подбородок упрямого школьника. Почерк его исполнен самого дикого движения и в то же время гармонии. Буквы похожи на рыболовные крючки и наклоняются по диагонали. Как будто целая стая ласточек плавно и мощно несется наискось листа.

ГЕТЕ. Всё это меня так больно уязвило, что я заболел настоящей лихорадкой. Всю ночь меня бросало в жар и в холод. Весь день я просидел дома. К вечеру я зачем-то послал служанку на улицу, и что же? – девушка возвращается и рассказывает, что Кетхен со своей матерью, где бы ты думал? – в театре! В театре – когда ее любимый болен!

В городе только что отстроили новый театр. Студенты гурьбой навещали декоратора на чердаке. Там, на полу, был распластан свеженамалеванный занавес. Музы уже не витали в небесах, но стояли на земле. К портику ушел человек. Всех радовало, что он не в греческом хитоне, а в обыкновенном платье. Это Шекспир. Мысль художника ясна: он один пробил себе дорогу к Пантеону искусств. Шекспиром зачитываются. Шекспиром захлебываются. В нем ценят дерзость ума, глубину душевного чувства, чудесные переходы от ярости к нежности, размах в изображении человеческих характеров и, больше всего, – горечь и стыд за современность, которую узнаешь в Шекспире под любыми масками.

С высоких колосников студенты смотрели на сцену, и она казалась им слишком маленькой для шекспировского действия. Всем хотелось, чтобы «Гец фон Берлихинген» – юношеская трагедия Гете – была достойна Шекспира.

Эпизод седьмой

События... наслаждения... страсти... страдания...

События? Какие могут быть события в феодальном немецком городке? У герцогини подохла любимая собачка. Жена статс-секретаря родила двойню.

Директор герцогской мюзик-капеллы уволил флейтиста за то, что он громко высморкался на придворном концерте.

Придворным лакеям шьют новые ливреи. Ткацкий и портняжный цех ликуют.

В город приехал модный архитектор и строит дома с наружной, а не внутренней лестницей, предназначенной для нескольких семейств. Подумайте: под одной крышей будут жить три семьи.

Нищая страна. Спящая промышленность. Бюргерам негде развернуться. Молодежь среднего класса не знает, куда девать силы. Но стремления к росту уничтожить нельзя.[1]

Страсбург. Гете кончает университет. Высокие башни Страсбургского собора видно со всех концов города. Это первый блестящий образец готической архитектуры, который увидел Гете. На больших речных дорогах, в торговых узлах, в ярмарочных центрах высились стреловидные громады готических соборов. Издали они были похожи на каменные леса, увенчанные башнями. Вблизи они удивляли глаз обилием растительных завитков, фантастической скульптурой, в которой повторялись морды животных, листья и цветы. Из главной точки каждого свода расходились мощные ребра. Равновесие и полет были законом этой архитектуры.

От архитектуры разрешите перейти к танцам.

Жизнь едина во всех ее проявлениях. Надо всё испытать, надо всё уметь, надо всё узнать и всему порадоваться.

---

[1] Далее следует вставка текста первой редакции.

Страсбург – граница Франции.

Чем волнуется эта кучка молодых людей, называющих друг друга гениями, даже в товарищеском кругу, даже с глазу на глаз. Может, их обуревают освободительные идеи Франции, которая уже раскачивается для великой буржуазной революции? Философы завтрашней революции, и в первую очередь Вольтер, им, конечно, знакомы. Но они – эти юноши – целиком живут внутренними душевными бурями. Им кажется, что презренные феодальные князьки должны трепетать перед их вдохновением. Ярость душевных порывов, свободная поэзия, черпающая силу в народном творчестве, победит немецкую косность, сокрушит убожество пережившего себя строя. Как это произойдет?

Гремят барабаны на чистеньких площадях.

Под музыку церковных органов проповедуют ханжи и подхалимы.

Бродячие шарманки разносят по селам и городкам маленькую, рожденную в комнатной клетке, в отгороженном садике мещанскую грусть и радость.

Золоченые кареты под звуки фанфар развозят чванных посланников, занимающихся стиркой государственного белья.

Где же победа над косностью? Как же она произойдет?

Кто тобой, гений, пестуем –
Ни дожди тому, ни гром
Страхом в сердце не дохнут.
Кто тобой, гений, пестуем,
Тот заплачку дождей,
Тот гремучий град
Окликнет песней,
Словно жаворонок,
Ты – в выси!

Революция любит пение жаворонка, но нигде и никогда жаворонки не производили революцию.

[.....] <учи>ть Гете этому искусству. <Дочери учит>еля: Люцинда и Эмилия помогают о<тцу об>уча<ть> учен<ика.>[1]

– Роза, я сломлю тебя,
Роза в чистом поле.
– Мальчик, уколю тебя,
Чтобы помнил ты меня.
Не стерплю я боли.
Роза, роза – алый цвет,
Роза в чистом поле...

Он сорвал, забывши страх,
Розу в чистом поле,
Кровь алела на шипах,
Но она – увы и ах –
Не спаслась от боли.
Роза, роза – алый цвет,
Роза в чистом поле.

Эмилия танцевала с ним менуэт.

Эмилия. Люцинда больна. Она лежит в постели. Она говорит, что умирает, потому что вероломный друг сначала увлек, а потом покинул ее ради другой.

ГЕТЕ. Но я не виноват, я никогда не увлекался Люциндой. Я знаю, кто может это подтвердить. Не вы ли, Эмилия?

Эмилия. Отец говорит, что ему стыдно брать с вас деньги за уроки: вы уже знаете все танцы.

ГЕТЕ. Эмилия, и это вы советуете мне покинуть вас?

Эмилия. Вчера мы зазвали гадалку. Между вами и Люциндой лежала бубновая дама. А что, если это я? Вернется мой жених – что скажет он? А Люцинда! Одна сестра несчастна из-за вашей любви, другая – из-за вашего

---

[1] Текст частично утрачен, восстановлен С. Василенко и Ю. Фрейдиным.

равнодушия. Прощайте, – и в знак того, что это последняя встреча...

Дверь распахнулась, и в комнату вбежала Люцинда.

Люцинда. А, ты его целуешь! Ты не одна простишься с ним. Такую сцену на театре могла бы исполнить только хорошая французская актриса. Это не первое сердце, которое ты у меня отнимаешь. А тот, с кем ты обручена, разве он не был моим? Я должна была всё это вынести и вынесла. О, слезы мои, я проста и легковерна, я открыта и честна! А ты – ты хитрая, ты злая, ты скрытная.

Эмилия. Уходите! Зачем вам это слушать.

Люцинда. Постой. Я знаю: ты для меня потерян. Но тебе, сестра, он не достанется тоже. Прощай... первый и последний поцелуй... Эмилия, слушай: я проклинаю ту, которая после меня поцелует эти губы... Хочешь, попробуй; но берегись, не оберешься бед! А вы что здесь? Бегите! Бегите прочь! Скорей.

Гете бежал, дав зарок никогда не возвращаться к танцмейстеру.

Менуэтная музыка.[1]

В даль убегают туманные цепи Вогезских гор, простирающиеся на юг. Внизу долина реки Саар. Позади остались башни Страсбургского собора. На больших речных дорогах, торговых узлах, в ярмарочных центрах – высокие стреловидные громады готических соборов. Издали они были похожи на каменные леса, увенчанные башнями, вблизи они удивляли глаз обилием растительных завитков, фантастической скульптурой, в которой

[1] Конец вставки текста первой редакции.

повторялись морды животных, листья и цветы. Из главной точки каждого свода расходились мощные ребра.

Старик-проводник обут в одну туфлю и в один башмак. Он поминутно поправляет сползающие чулки. Его сын – рабочий-литейщик.

Что за речонка? Когда попадаешь в новую местность, проследи, по какому направлению текут реки и даже ручейки, – через это позна́ешь рельеф, геологическое строение местности.

Какие здесь цены на хлеб? Неисчерпаемые природные богатства – уголь, железо, квасцы, сера, а страна – под угрозой голода. Лавочник в <П>фальцбурге отказался вчера продать нам хлеб.

Отчего этот запах серы и гари, и дым из трещин земли?

Подземный пожар, охвативший отработанные штольни. Он длится уже 10 лет.

Двухэтажный домик с белыми занавесками на окнах. Здесь, на горе, в рудничном районе живет «угольный философ» химик Штауф. Гете, путешествуя по Саару, пришел поговорить с ним о хозяйстве страны и об использовании природных богатств.

– Зато меня порадовала выработка проволоки. Это зрелище способно привести в восторг любого человека: тяжелый ручной труд заменен машиной. Она работает, как разумное существо.

Гете положил на стол свой штейгерский молоток.

И Моцарт на воде, и Шуберт в птичьем гаме,
И Гете, свищущий на вьющейся тропе,
И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,
Считали пульс толпы и верили толпе.

Эпизод восьмой[1]

[.....]

И еще один человек с таким мягким выражением лица, с таким пухлым ртом, с такими плавными дугами бровей, как будто он сочинитель музыки, с отпечатком болезненности и силы в каждой черте своей: собиратель народных песен – поэт и мыслитель Гердер. Гете от него узнал: поэзия никогда не является частным личным делом. Поэзия – серьезная работа. Гердер слабо улыбается и говорит: «Мысль и слово, чувство и выражение неотделимы друг от друга <, не>расторж<имы>[2], как два близнеца».

Чтобы понять, как разворачивалась жизнь и деятельность Гете, нужно также помнить, что его дружба с женщинами, при всей глубине и страстности чувства, была твердыми мостами, по которым он переходил из одного периода жизни в другой.

Фридерика Брион в крестьянском платьице с короткими рукавами, с длинными косами. Она поворачивает голову, прикрытую косынкой, как ягненок на звук колокольчика. Пасторская дочка. Шумная деревенская семья.

Лотта, чужая невеста, всегда хлопочущая и со всеми приветливая, та самая старшая сестра из повести «Вертер», за подол которой цепляются младшие братья и сестры: ограниченное и довольное среднее бюргерство.

Лили Шёнеман, или просто Лили, смеющийся и задорный профиль, но отчеканьте его на монете, – и те же тонкие губы, та же греческая прическа будут выглядеть властно: дочь банкира, играющая на клавесине, твердая в своих причудах.

И вот хочется спросить: почему же Гете, общительный, любимый, любящий, глубже всех поэтов своего времени выразил тему одиночества.

---

[1] Распределение текста в первой редакции между эпизодами седьмым, восьмым и девятым неясно, в целом он соответствует седьмому и восьмому эпизоду второй редакции.

[2] Текст машинописи неисправен, восстановлен Е. В. Алексеевой.

Кто хочет миру чуждым быть,
Тот скоро будет чужд!
Ах, людям есть кого любить,
Что им до наших нужд?

Так что вам до меня?
Что вам беда моя!
Она лишь про меня.
С ней не расстанусь я.

Ответ на этот вопрос мы найдем в «Вертере» – этой книге отчаяния молодого Гете. Книга эта посеяла заразу самоубийств в обеспеченной бюргерской среде. Чувствительная молодежь поняла ее как руководство к самоубийству. Хотя автор писал с обратной установкой – как выздоравливающий рассказывает о своей болезни. Голубой фрак, в который одевался Вертер, послужил символом победоносного ухода от действительности: на самом же деле, несмотря на гибель нескольких десятков злополучных подражателей Вертера, этот литературный образ, образ чувствительного молодого буржуа, стоящего вне своей среды, послужил лишь к укреплению жизненности своего класса, и недаром Наполеон брал его с собой в поход и перечитывал его семь раз.[1]

Унизительно, унизительно, унизительно!

Во франкфуртском доме стесняются произносить слово «карета».

Вольфганг не слышит. Отец шепчется с матерью:

– Такой афронт! Такой бламаж! Такой конфуз!

Вольфганг вздрагивает. Ему приходят на память собственные стихи из «Прометея»:

Молот возьму,
Брошу огонь во тьму,
Слава дерзнувшему,
Пламя раздувшему,
Слава укравшему
Огонь у богов.

---

[1] Далее следует вставка текста первой редакции.

На страсбургском каретном дворе голубым штофом обивают спальный экипаж – так называемый дормез. Кузов его лакируют. Веймарский герб на дверцах золотят.

Вечно земля крепка.
Мучиться ей века!
Роют и бьют ее,
Треплят и рвут ее,
Чтоб плод несла.
С плугом идти в борьбу
Век по ее горбу
В поте лица рабу!

– Так обещать и так надуть! Поставить в такое дурацкое положение.

Страсбургские каретные мастера, не торопясь, изготовляют тюрьму на колесах, лакированный гроб на рессорах, в котором величайшего поэта Германии должны доставить в карликовое государство – Герцогство Веймарское, – где он будет министром у помещика, чудом-юдом для показа гостям.

Творческая тайна художника – как это хорошо, как это глубоко!

Мудрый совет, толкающий на полезное действие, – как это прекрасно!

Но из этих двух – сошьют *тайного советника*, Гете.

Коршун исклевал печень богоборца Прометея.

– Корни мои подрублены, – воскликнул, умирая, Гец фон Берлихинген.

Черные глаза Лотты кажутся Вертеру пропастью, которая влечет его к безумию и смерти.

Эти трое, рожденные его фантазией, разбились, погибли. Однако тот, кто еще не разучился ждать, кому

еще знакома лихорадка ожидания, – отталкивается от гибели.

Новому не рад я. С преизбытком
Этот род к земному приспособлен.
Только дню текущему он служит...

Чего же он ждет?

Придворная карета изволит не приезжать.

Карета, которую за ним обещали прислать веймарские чиновники, изволит опаздывать.[1]

Эпизод девятый[2]

Тра-та-та-те! Тра-та-та-те!
Труби, почтальон, на высоких козлах!
Пламенейте, вершины красных кленов!
Прощай, неуклюжая, но все-таки милая Германия.
Шоссе не совсем гладкое, но это не беда.

Хочется со всеми говорить, как с добрыми з<накомыми.>

Хочется каждому нищему сказать что-нибудь о<бодряющее.>

Хриплая бродячая шарманка лучше концертной м<узыки.>

Мычание упитанных тирольских стад кажется пол<ным> смысла и жизни, как будто сама земля обрела голос <и ра>ссказывает о том, как ее хорошо напоили осенние лив<ни.>

Гендель. «Времена года»

Карета замедляет бег. Две фигуры стоят посреди дор<оги.>

---

[1] Конец вставки текста первой редакции.

[2] Соответствует эпизоду десятому первой редакции.

Девочка лет одиннадцати отчаянно машет краешком красного плаща. Рядом с ней стоит чернобородый мужчина. За плечами у него большой треугольный футляр.

Маленькая дикарка с арфой – Миньона. Южанка, потерявшая свою родину. Воплощение тоски по цветущему югу, но не итальянка. Старик из-под нахмуренных бровей глядел и гордо, и униженно.

– Девочка устала. Господин путешественник, не откажите ее подвезти.

Гете в мчащейся карете шутит с пугливым зверьком, с<амо>любивой[1] маленькой арфисткой. Он ее дразнит, экзаменует. Она не умеет отличить клена от вяза. Но и девочка не остается в долгу. Между прочим, она объясняет, что арфа – прекрасный барометр. Когда дискантная струна настраивается выше, это всегда к хорошей погоде.

За Бреннером в начале альпийского перевала он увидел первую лиственницу, за Шенбургом первый сибирский кедр. Верно, и здесь маленькая арфистка стала бы расспрашивать [.....]

[.....] цимбал, гитар и скрипок.

Дóма в Германии он избегал углубляться в античность, в древний классический мир, потому что понять для него значило увидеть, проверить осязанием. Первая встреча с памятником классической древности – живой древности, не менее живой, чем природа.

Веронский амфитеатр: один из цирков, построенных римским императором для массовых зрелищ.

– Я обошел цирк по ярусу верхних скамеек, и он произвел на меня странное впечатление: на амфитеатр надо смотреть не тогда, когда он пуст, а когда он наполнен людьми. Увидев себя собранным, народ должен изумиться самому себе – многогл<авый,[2]> многошумный,

---

[1] Здесь и выше в «Эпизоде девятом» текст в угловых скобках восстановлен С. Василенко и Ю. Фрейдиным.

[2] Текст машинописи утрачен, восстановлен Е. Алексеевой. См. комментарий к «Эпизоду девятому».

волнующийся – он вдруг видит себя соединенным в одно благородное целое, слитым в одну массу, как бы в одно тело. Каждая голова зрителя служит мерилом для громадности целого здания.

Ветер, веющий с могил древних, проносясь над холмами, покрытыми розами, проникается их благоуханием. Памятники выразительны, трогательны и всегда воспроизводят жизнь. Так в<идишь> мужа[1], который из ниши, как из окна, глядит на свою жену, там стоят отец и мать, а между ними сын, и смотрят друг на друга с невыразимой естественностью.

А через несколько недель в маленьком венецианском театре шла довольно нелепая пьеса: актеры, по ходу действия, чуть ли не все закололись кинжалами. Неистовая венецианская публика, вызывая актеров, вопила: «Bravo, i morti!» – браво, мертвецы!

Чему так непрерывно, так щедро, так искрометно радовался Гете в Италии?

Популярности и заразительности искусства, близости художников к толпе, живости ее откликов, ее одаренности, восприимчивости. Больше всего ему претила отгороженность искусства от жизни.

Прислушайтесь к шагам иностранца по нагретому камню уже опустевшей набережной Большого венецианского канала. Он не похож на человека, который вышел на свидание: слишком велик размах его прогулки, слишком круто и решительно он поворачивает, отмерив двести или триста шагов.

В упругом воздухе ночи попеременно – сзади и спереди – звучат мужские голоса. Они передают друг другу мелодию, они продолжают и никак не могут закончить какой-то трепещущий рассказ в стихах.

Каждый раз, наталкиваясь на свежую волну напева, Гете сворачивает обратно к другому, только что умолк-

---

[1] Текст машинописи неисправен, восстановлен Т. Котовой. См. комментарий к «Эпизоду девятому».

шему, певцу и, провожаемый мелодией, удаляется от нее – навстречу новой, ожидаемой волне ее продолжения.

Перекликающиеся лодочники поют стихи старинного поэта Торквато Тассо. Тассо знает вся Италия. Безумный Тасс, семь лет просидевший на цепи в темнице герцога в Ферраре, тот самый Тасс, которого хотели увенчать лаврами в Римском Капитолии. Но не успели – он умер, не дожив. Певец средиземных просторов – он рассказывал, как рубили дерево в заколдованных рощах и строили башню на колесах для осады мусульманских городов.

Великодушный поэт смешал в одну кучу турок, арабов и европейских крестоносцев; волшебников и чертей он поставил чуть ли не выше христианского бога и помешался от страха, что церковь и власть объявят его еретиком.

К Гете подошел старый лодочник:

– Удивительно, как трогает душу это пение, особенно, когда поют умеючи и по-настоящему.

Четырнадцатого октября 1786 года Гете выехал из Венеции в Рим.

Восемнадцатого июня 1788 года он вернулся в Веймар.

Конец

П р и л о ж е н и е (1)

[П о э т о с е б е]

Октябрьская революция не могла не повлиять на мою работу, так как отняла у меня «биографию», ощущение личной значимости. Я благодарен ей за то, что она раз навсегда положила конец духовной обеспеченности и существованию на культурную ренту... Чувствую себя должником революции, но приношу ей дары, в которых она пока что не нуждается.

Вопрос о том, каким должен быть писатель, – для меня совершенно непонятен: ответить на него – то же самое, что выдумать писателя, а это равносильно тому, чтобы написать за него его произведения.

Кроме того, я глубоко убежден, что при всей зависимости и обусловленности писателя соотношением общественных сил современная наука не обладает никакими средствами, чтобы вызвать появление тех или иных желательных писателей. При зачаточном состоянии евгеники всякого рода культурные скрещивания и прививки могут дать самые неожиданные результаты. Скорее возможна заготовка читателей, для этого есть прямое средство: школа.

Заявка на повесть «Фагот»

«Фагот». 4 печ. листа.

В основу повествования положена «семейная хроника». Отправная точка – Киев эпохи убийства Столыпина. Присяжный поверенный, ведущий дела крупных подрядчиков, его клиенты, мелкие сошки, темные люди – даны марионетками, – на крошечной площадке с чрезвычайно пестрым социальным составом героев разворачивается действие эпохи – специфический воздух «десятых годов».

Главный персонаж – оркестрант киевской оперы – «фагот». До известной степени повторяется прием «Египетской марки»: показ эпохи сквозь «птичий глаз». Отличие «Фагота» от «Егип. марки» – в его строгой документальности, – вплоть до использования кляузных деловых архивов. Второе действие – поиски утерянной неизвестной песенки Шуберта – позволяет дать в историческом плане музыкальную тему (Германия).

Другие редакции
Черновики
Записные книжки

Детские писательницы

Детская литература вещь трудная. С одной стороны, нельзя допускать очеловечения зверей и предметов, с другой – надо же ребенку поиграть, а он – бестия! – только начнет играть, сразу ляпнет и что-нибудь очеловечит. За детской литературой нужен глаз да глаз. Здесь нужна научная постановка дела и хорошо подготовленные опытные пожилые женщины. Одна знакомая научно-подготовленная старушка до такой степени овладела идеологией, что ее буквально рвут на части: теперь она консультант и всюду заседает, утвержденная ГУСом. Выдвинулась она не сразу, хотя данные у нее были выигрышные: во-первых, она сама когда-то была ребенком, во-вторых, отличалась незаурядной для своих лет живостью ума. Старушка эта была с виду обыкновенная, довольно аккуратная, содержала себя самостоятельно и с шестидесяти лет жила литературным трудом.

Она не сразу попала в точку и долго бродила вокруг да около. Сначала она думала, что можно жарить по старине, и принесла в детский журнал совершенно негодную и вредную сказочку. Буквально все насекомые и звери в этой сказочке что-нибудь говорили, кузнечики во фраках услужали какому-то принцу, заяц бил в барабан. Прочитавшему эту сказочку становилось мутно, словно его опоили ромашкой. Сказать по правде, это было черт знает что.

Старушку выручил заяц. Этому зайцу она должна бы памятник поставить.

– Заяц у вас еще туда-сюда, – сказал переутомленный секретарь, – все-таки барабан – трудовой процесс.

Старушка вернулась домой и быстро себя перевоспитала. Следующий раз она принесла такую сказку, в которой овцы и бараны стеснялись даже произносить «бэ» и «мэ».

По ходу сказочки овца молча отращивала свою шерсть для полезного употребления. Ввиду такого оборота, к старушке вышел сам редактор и выразился неопределенно:

– В производственном плане, но скучновато...

В ту ночь старушке приснился сон. Она видела зайца-барабанщика, который стриг овцу, собирая шерсть на барабан, а потом отнес ее в какую-то коллегию, где долго говорили, нюхали шерсть и разошлись только поздно вечером.

«Березиль» (Из киевских впечатлений). *Из черновиков*

На днях в Киеве встретились два замечательных театра: украинский «Березиль» и Еврейский камерный из Москвы. Великий еврейский актер Михоэльс на проводах «Березиля», уезжающего в Харьков, сказал, обращаясь к украинскому режиссеру Лесю Курбасу: «Мы братья по крови»... Таинственные слова, которыми сказано нечто большее, чем о мирном сотрудничестве и сожительстве народов.

[Березиль, что бы ни говорили, – театр рассудочный, детище биомеханики, старая опара Украины; Березиль – театр культурного голода, связанный с Украиной]

Между тем оба театра совершенно непохожи, даже полярны. Еврейский камерный, приехавший в Киев на шестинедельные гастроли, прикоснулся к родной почве: здесь он у себя дома и бесконечно выигрывает, когда

кругом кипит еврейская толпа, звучат еврейские голоса, царит еврейский вкус – покрой одежды, жест.

«Березиль» мог возникнуть только на Украине. Его молодая рассудочность, трезвость театральной мысли, его балаганная живость, достигшая апофеоза в украинской [.....]

Московский государственный еврейский театр. *Из черновиков*

(1)

И человечек-то подбитый ветром. И в портфелишке сущая чепуха – [два-три] просроченных [мандатишка] командировка, удост<оверение> на штабной вагон да пять кусков сахару. [Когда-нибудь да выклянчит тов. Шиндель командировку с магич<еской> оказ<ией>] Откуда же взялась демоническая самовлюбленность, страстная убедительность – Шиндель гипнотизирует нас, заст<авляет> желать, чтоб у него был сахар и настоящая командировка.

Температура игры М<ихоэльса> реальна, как физическое тепло и холод. Но так же реально передает он температуру исторического дня. В устах Шинделя «Наркомпрос! Наркомпрос!» [впервые стали символом любви] звучит, как вздохи эоловой арфы.

Когда Шинд<ель> с констр<уктивистской> площ<адки>, изображающей комнату, вых<одит> на «улицу», – вся фигурка пайкового чертика съеживается и слышно, как снег хрустит под наркомпросными валенками. Такого актера нельзя выпускать на реалистическую сцену – вещи расплавятся от его прикосновения. Он создает предметы – иголку с ниткой, рюмку с перцовкой, зеркало, – быт, – когда ему вздумается. Не мешайте ему: это его право. Не отнимайте у него творческой радости... Иногда, утомившись прыжками, утомившись мудрым своим беснованием на беспредметной сцене, М<ихоэльс>

сад<ится> на пол: «Дов<ольно!> Прекр<атим> игру»... Это часовщик, созерцающий зубчики в лупу, это еврей, созерцающий свой внутренний мир, – совсем одинокий, с горящей свечкой в руках и с выражением страдальческого восторга, как в «Колдунье».

М<ихоэльсу> близки эпилептические крайности [драм. искусства]: иногда он бывает на грани припадка падучей («Ночь на ст<аром> рынке»), но здесь его спасает воистину [.....]

(2)

Я, признаться люблю [.....] на нас глядит, вспыхивая из [.....] прожектором маска еврипидова актера – слепое лицо, изборожденное зрячими морщинами. Теоретики класс<ического> балета обращают громадное внимание на улыбку танцовщицы – они считают ее дополнением к движению, истолкованьем прыжка, полета. [Но эта пляска мыслящего тела, которой учит нас Михоэльс] Но иногда опущенное веко видит больше, чем глаз, и ярусы морщин на человеческом лице глядят, как скопище слепцов. Когда изящнейший фарфоровый актер мечется [на сцене], как каторжанин, сорвавшийся с нар, избитый товарищами [, истерзанный], как запарившийся банщик, как базарный вор, [когда он поднимается в эпилептическом вдохновении] готовый крикнуть свое последнее неотразимо убедительное слово [перед самосудом], – тогда стираются границы национального и начинается хаос трагического искусства. [Так в спектакле, слаженном еврейскими мастерами из Москвы, мелькает тень Еврипида. Тогда начинается та мешанина]

(3)

Михоэльс однажды сказал: «Я умоляю художников сохранить мне мое лицо». Но все пьесы Госета построены на раскрытии маски Михоэльса, и в каждой из них

он проделывает бесконечно трудный и славный путь от иудейской созерцательности к дифирамбическому восторгу, к освобождению, к раскованности мудрой пляски.

(4)

Каждый спектакль с участием М<ихоэльса> проходит как бы в двух планах: образ, создаваемый [величайшим] иудаистическим актером, [бьется о рамки спектакля,] взрывает его оформление, и всей режиссерской машине спектакля не догнать М<ихоэльса>, как мельничному крылу не догнать другого.

И ни к кому больше, чем к М<ихоэльсу>, не применимы слова Вахтангова: «“Свадьбу” и “П<ир> в<о> вр<емя> ч<умы>” надо игр<ать> в од<ном> спект<акле>: по сущ<еству> <это> одно и то же».[1]

Перго Л.
Рассказы о животных. Предисловие.
Первоначальная редакция

«Рассказы» из жизни животных? Да возможны ли такие рассказы? Или героями их будут, в конечном счете, люди – или животным будут приписаны человеческие свойства!

Но Луи Перго доказал, что возможно правдивое, драматическое проникновение во внутренний мир животных; он нащупал мост между психикой человека и темным бытием зверя и птицы. (Никогда и никому не удавалось и не удастся рассказать, что чувствует зверь, на языке зверя, обнажить его внутренний мир. Сознанье животных не однородно сознанью человека, и каждый особ<енный ?>) Этот мост Луи Перго предоставила современная наука своим учением об условных рефлексах и подсознательных наслоениях психики. Если непозволительно «переводить» переживания зверя на литера-

[1] Сокращения раскрыты С. Василенко и Ю. Фрейдиным.

турный язык и приписывать ему человеческую мотивировку, то более чем законно наметить «общее» между человеком и животным – для творческих выводов и сравнений.

Каждый рассказ Перго взят как шахматная задача: зверь не подменивается человеком, но человек, поставленный на место зверя, обремененный теми же условными рефлексами, делает за него выбор, намечает линию его поведения в соответствующей обстановке.

Почти все рассказы Перго построены на теме приспособления (характерна лиса с подвешенным бубенцом). Их драматизм в том, что они доводят рефлекторную психику зверя, вырванного из обычных условий существования, до ярчайших вспышек. (Ласка в капкане, обезумевшая сорока, опоенная водкой.) «Потребности, – говорит Перго, – хозяева наших чувств и поступков», – и звери Перго правдивы, потому что поведенье их оправдано ослепительной необходимостью.

Перго далек от фальшивого сюсюк<анья>. Он не уподобляет животное детям. Он не боится сложных сцеплений, он суров и вместе прост. В минуту страдания и опасности человек ближе к зверю, но и зверь в такие минуты ближе и понятнее человеку. Старую невинную сказку о гадком утенке Перго развертывает в зоо-социологический этюд. Люди в его рассказах не только не заслоняют животных, но сами показаны по-новому, иногда с поразительной силой и неожиданностью («Он подходит стремительный, грубый: его горячее дыханье дымится, как вулкан, в морозном воздухе утра: ни дать ни взять печная труба избы, куча обугливаемых деревьев дымит на воздухе»).

Рассказы Перго, сохраняющие внешнюю связь с традиционными формами басни (в именах, а подчас и сравнениях и стиле), ушли бесконечно далеко от наивного морализирования; скорей они среди тем здоровых, как примитивы, которые выражены, например, в увлечении негритянским искусством.

Социальный облик автора, пишущего о животных, проступает всегда необычайно ярко. Рассказы Киплинга

империалистичны, его мангуст – слуга «белых людей – англичан». Но так написать о животных, как написал Перго, – мог лишь европеец с повышенным сознанием ответственности перед жизнью, с настороженной и разбуженной совестью. Его герои – ласка, ворон, сорока – никому не служат, но приобщают нас к ужасу и радостям бытия.

Записная книжка
(Заметки о натуралистах)

1. С тех пор, как друзья мои – хотя это слишком громко, я скажу лучше: приятели – вовлекли меня в круг естественно-научных интересов, в жизни моей образовалась широкая прогалина. Передо мною открылся выход в светлое деятельное поле.

2. Глаз натуралиста обладает, как у хищной птицы, способностью к аккомодации. То он превращается в дальнобойный военный бинокль, то в чечевичную лупу ювелира.

3. Требования науки счастливо совпадают с одним из основных законов художественного воздействия. Я имею в виду закон гетерогенности, который побуждает художника соединять в один ряд по возможности разнокачественные звуки, разноприродные понятия и отчужденные друг от друга образы.

В поле зрения Дарвина всегда находится целиком весь органический мир. С удивительной свободой и легкостью он оперирует самыми отдаленными разновидностями живых существ.

4. С детства я приучил себя видеть в Дарвине посредственный ум. Его теория казалась мне подозрительно краткой: естественный отбор. Я спрашивал: стоит ли утруждать природу ради столь краткого и невразумительного вывода. Но, познакомившись ближе с сочинениями знаменитого натуралиста, я резко изменил эту незрелую оценку.

5. Естественно-научные труды Дарвина, взятые как литературное целое, как громада мысли и стиля, – не что иное, как трепещущая жизнью и фактами и бесперебойно издающаяся газета природы. Дарвин организует свой материал, как редактор-издатель большого и влиятельного, скажем прямо – политического, органа.

6. Он не один. У него множество сотрудников – корреспондентов, разбросанных по всем графствам, колониям и доминионам Соединенного Королевства, по всем странам земного шара.

«Я раздобыл сейчас, – говорит он, – все породы (голубей), какие только мог купить или так или иначе заполучить с помощью друзей в разных странах. Особенно я благодарен сэру Эллиоту».

7. Купеческое здравомыслие, чувство инициативы, солидарности, бесстрашие перед конкурентами, самоуверенная и несколько ограниченная жизнерадостность – вот рычаги, движущие его научно-изобретательской мыслью.

Но эти факторы в не меньшей степени влияют на стиль и манеру, на деятельную форму его изложения, они напитывают собой и предопределяют литературную форму и структуру его жизненного труда.

Конечно, стиль натуралиста – один из главных ключей к его мировоззрению, так же как глаз его, его манера видеть – ключ к его методологии.

8. «Происхождение видов» как литературное произведение – большая форма естественно-научной мысли. Если сравнить ее с музыкальным произведением, то это не соната и не симфония с ее нарастанием частей и бурными этапами, а скорее сюита. Небольшие самостоятельные члены...

9. На смену кропательству и составлению каталогов Дарвин выдвинул новый принцип – естественно-научной вахты. «Происхождение видов» – такой же точно путевой дневник, как «Путешествие на “Бигле”». Натуралист – дозорный, несущий службу на капитанском мостике.

Молодая буржуазия охотно посылала своих детей в кругосветное плаванье. Путешествие на фрегате вокруг

света входило в большой план воспитания молодого человека, которому прочили серьезное будущее. Ряд художников, ученых и поэтов прошли кругосветную школу. Вот почему в научных сочинениях Дарвина мы находим элементы географической прозы, начатки колониальной повести и морского фабульного рассказа.

10. «Происхождение видов» ошеломило современников. Книгу читали взасос. Ее успех у читателей был равен успеху гетевского «Вертера». Ясно, что ее приняли как литературное событие, в ней почуяли большую и серьезную новизну формы.

11. «Происхождение видов». Животные и растения никогда не описываются ради самого описания. Книга кишит явлениями природы, но они лишь поворачиваются нужной стороной, активно участвуют в доказательстве и сейчас же уступают место другим.

И вот сейчас надо отметить: Дарвин раз навсегда изгнал красноречие, изгнал риторику, изгнал велеречивость из литературного обихода. Золотая валюта фактов поддерживает баланс его научного предприятия, совсем как миллион стерлингов в подвалах <британского банка обеспечивает циркуляцию хозяйства страны>.

12. Здоровое расположение духа естествоиспытателя сказывается в свободном расположении научного материала. Дарвин располагает факты с изысканным вкусом. Он позволяет им дышать. Он рассыпает их в фигурные созвездия, группирует в светящиеся сгустки.

Энергия доказательства разряжается «квантами», пачками. Приливы и отливы достоверности оживляют каждую маленькую главу «Происхождения видов». Но самое замечательное и поучительное в Дарвине для всех писателей – это забота Дарвина о том, чтобы читать в фактах, в натуральных рядах.

Он пользуется серийным разворотом признаков и сталкиванием пересекающихся рядов. Сплошь и рядом, постепенно накопляя существенные приметы, он дает усиливающуюся гамму.

13. Это безустанная забота Дарвина-писателя (художника) – о наиболее выгодном физическом освещении каждой детали.

14. «Когда я проникся этими истинами и захотел сообщить их моим ученикам, то понял, что прежде, чем углубляться в детали и в частности, надлежит установить общие принципы касательно всех животных, показать целое»... («Философия зоологии»).

15. Если мы захотим определить тональность научной речи Дарвина, то лучше всего назвать ее научной беседой: это не профессорская лекция в обычном смысле и не академический курс. Вообразите ученого садовода, который водит гостей по своему хозяйству между грядками и клумбами, дает им объяснение; или зоолога-любителя в питомнике, принимающего добрых друзей. Неожиданная дружественность Дарвина к большинству представителей его класса, уверенность в их поддержке, особая открытая приветливость его научной мысли и самого способа изложения – всё это не что иное, как результат классовой солидарности с международными научными силами буржуазии.

Кроме того, надо отметить тягу Дарвина к читателю-середняку, его желание быть понятным среднеобразованному буржуа, джентльмену средней руки, каким он считал самого себя. Величайший эрудит своего века не случайно говорил с широкой публикой через голову касты ученых. Ему важно снестись непосредственно с этой публикой. Она лучше его поймет, чем ученые педанты. Он несет читателю нечто насущное, социально необходимое, поразительно гармонирующее с их самочувствием.

Поэтому Дарвин добродушен, поэтому он избегает научной терминологии в своей раздвижной, панорамной и медленно выпрямляющейся книге.

Эта книга была рассчитана на завоевание широчайших читательских масс. И ее воспринимали как научную публицистику.

16. Дарвин строго следит за профилем своего доказательства. В поисках различных опорных точек он создает настоящие гетерогенные ряды, то есть группирует несхожее, контрастирующее, различно окрашенное.

17. Для Дарвина характерна нелюбовь к цитатам. Он редко выписывает текст буква в букву. Чаще всего

он приводит чужое мнение в самом лапидарном виде – в краткой, энергичной и абсолютно объективной формулировке.

18. Свое научное доказательство Дарвин строит объемно. Он протягивает координаты примера в ширину, в глубину, в высоту, воздействуя при этом с помощью подлинной селекции материала.

«Я назову только три случая инстинкта: побуждающий кукушку откладывать яйца в чужих гнездах, рабовладельческий инстинкт муравьев и строительство пчелиных сот».

19. Лишь сочетание мысли с могучим инстинктом естествоиспытателя позволило Дарвину добиться таких результатов. Я имею в виду истинный отбор, скрещивание и селектирование фактов, которые приходят на помощь научному доказательству, создают благоприятную среду для обобщения.

20. Организация научного материала – стиль натуралиста.

Серийно-массовый характер научного опыта Дарвина.

Единичное явление в центре внимания линнеевского натуралиста. Описательность. Живописность. «Миниатюры» Бюффона и Палласа. Телеология. Благодарность. Умиленность. Похвала природе.

Красноречие – Линней, Бюффон, Ламарк.

Прозаизм Дарвина. Установка на среднего читателя. Тон беседы.

Метод серийного разворачиванья признаков. Пачки примеров. Подбор гетерогенных рядов. Помещение действенных примеров в центре доказательства.

Приливы и отливы достоверности как ритм в изложении («Происхождение видов»). Автобиографичность. Элементы географической прозы. Школа кругосветного путешествия (Бигль).

Роль зрения. Глаз как орудие мысли.

21. Систематика – гордость и слава линнеевского естествознания – благоприятствовала искусству описаний, она порождала замечательное мастерство деталь-

ных и замкнутых в себе созерцательных характеристик. У бездарных кропателей они вырождались в накопление полицейских примет, у художественно-одаренных натуралистов расцветали в узор, в миниатюру, кружево.

Самостоятельное мастерство и своеобразное искусство пассивно-созерцательных натуралистических описаний достигло наивысшего расцвета во вторую половину XVIII столетия. Один из самых замечательных примеров этого жанра – «Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, составленное академиком Палласом в 1767 году».

Здесь барская изощренность и чувствительность глаза, выхоленность и виртуозность описи доведены до предела, до крепостной миниатюры.

Описанная Палласом азиатская козявка костюмирована под китайский придворный театр, под крепостной балет. Натуралист преследует чисто живописные феерические задачи.

Ко времени Дарвина искусство этих миниатюристов дворянского естествознания пришло в окончательный упадок. Устои классической линнеевской систематики были расшатаны рукою Ламарка. Буржуазия уже не нуждалась в естественно-научной идеологии, восхвалявшей разумность действительности.

22. Ламарк чувствует провалы между классами. Он слышит синкопы и паузы эволюционного ряда. Он предчувствует истину и захлебывается от отсутствия подтверждающих ее фактов и материалов (отсюда легенда о его «конкретобоязни»). Ламарк – прежде всего законодатель. Он говорит, как Конвент. В нем Сен-Жюст и Робеспьер. Он не столько доказывает, сколько декретирует природу.

В обратном, нисходящем движении с Ламарком по лестнице живых существ есть величие Данта. Низшие формы органического бытия – ад для человека.

<...>

26. В эмбриологии нет смысловой ориентации и быть не может. Самое большее – она способна на эпиграмму.

27. Линней говорил с кафедры проповедника. Его систематика служила обедню: приятное и целесообразное строение живых тварей демонстрируется во славу разумного творца...

28. «Творец природы снабдил человека орудиями, известными под именем чувственных и преизящно устроенных» (Линней).

29. «Сие изящное строение сердца с приходящими к нему жилами служит единственно к побуждению кровообращения» (Линней). «Всеконечно нельзя не удивляться помыслу божьему, видя, как он костьми оградил сердце, легкие и прочие внутренности» (Линней). «Кожа, облекающая наше тело, состоит из тончайших волокон, удивительным образом между собой переплетенных и усеянных кровяными сосудами и чувствительными жилками. Она удивительно растягивается, а потом сжимается» (Линней. «Система природы»).

30. Сравните с этими богословами, ораторами и законодателями в естественных науках скромного Дарвина, по уши влипшего в факты, озабоченно листающего книгу природы – не как Библию, какая там Библия! – а как деловой справочник, биржевой указатель, индекс цен, примет и функций...

Система карточных записей, та гигантская текучая картотека, о которой говорил Дарвин в своей автобиографии, оказала решающее действие на его работу.

31. Ту же самую развенчивающую работу проделал Диккенс над обществом тогдашней Англии с ее молодыми мануфактурами и феодальной судейской машиной.

Вокруг натуралистов

1.

Писатель-натуралист не выбирает своего стиля и не получает его готовым. Всякий научный метод предполагает особую организацию научного материала: форма

служит мировоззрению и его задачам. В естествознании эти проблемы научно-литературной формы особенно наглядны. Во все критические эпохи естественные науки были ареной борьбы за мировоззрение. Только внимательно изучив историю воззрений на природу, мы поймем закономерность в смене литературных стилей естествознания.

Нигде и никогда Дарвин не называет себя философом природы. Дарвин не навязывает природе какой бы то ни было цели, он отрицает за ней какую бы то ни было благость. Всего более далек он от мысли приписывать ей волю или разумные зиждущие свойства.

Форма его научных трудов, вся совокупность его логических и стилистических приемов вытекает из биологической концепции.

Дарвин выступил в эпоху широчайшего распространения естественно-научного дилетантства. И в Англии, и на континенте процветало любительское изучение природы. Просвещенные бюргеры и джентльмены коллекционировали, гербаризировали, наблюдали и описывали. Над ними издеваются немецкие романтики и английский сатирический роман. Знаменитый «Пиквикский клуб» Чарльза Диккенса не что иное, как едкая сатира на это любительство. Мистер Пиквик и его собратья по клубу, как известно, натуралисты. Но делать им в сущности нечего. Они занимаются черт знает чем. Они смешат молодых девушек и уличных мальчишек. Почтенные джентльмены, вооруженные сачком и ботанической сумкой, не имели руководящей цели. Описательство и погоня за наблюдениями вылились в карикатуру. Наряду с этим чисто домашним любительством эсквайров и пасторов ширилась и росла волна мироведческих интересов. Кругосветные путешествия вошли в педагогическую моду. Не только финансовая аристократия, но сплошь и рядом средняя буржуазия старалась доставить своим детям случай объехать на торговом или военном судне земной шар.

Новый вид любопытства к природе, с которым мы здесь сталкиваемся, в корне отличается от любозна-

тельности Линнея или от пытливости Ламарка. Начиная Дарвином и его путешествием на «Бигле», кончая знаменитым художником Клодом Монэ с его кругосветным плаваньем на «Бригитте» – мы здесь имеем колоссальную тренировку аналитического зрения и жажду накопления мирового опыта на твердом стержне практической деятельности и личной инициативы.

С удивительным постоянством Дарвин призывает себе на помощь свет и воздух, внимательно учитывает расстояние, пользуется при этом пленэрными эффектами, дает захватывающие снимки животного или насекомого, застигнутого врасплох в самом типическом для него положении.

«Щелкун, брошенный на спину и приготовляющийся к прыжку, загибает голову и грудь назад так, что грудной отросток выдается наружу и помещается на краю своего влагалища. Пока продолжается это загибание головы назад, грудной отросток действием мышц сгибается подобно пружине; в это время животное опирается на землю краями головы и надкрыльев».

Нам уже трудно оценить всю небывалую свежесть этого описания, которое так и просится на пленку кино. Для того чтобы понять всю глубину художественно-научной революции, осуществляемой Дарвином, сравним эту хищную, насквозь функциональную зарисовку кузнечика с одним из описаний Палласа – натуралиста линнеевской школы, автора «Физического путешествия по разным провинциям Российской империи. 1769–70 гг.»:

«Азиатская козявка (Chrisomela asiatica). Величиной с сольтицияльного жука, а видом кругловатая с шароватою грудью. Стан и ноги с прозеленью, грудь темнее, голова медного цвета. Твердокрылия гладкие, лоснящиеся, с примесью виолетового цвета – черные. Усы ровные, передние ноги несколько больше. Поймана при Индерском озере».

Насекомое костюмировано и загримировано под китайский придворный театр, под крепостной балет. Оно преподнесено как драгоценность в оправе, как живопись в медальоне.

Систематика Линнея нуждалась в таких описаниях: в природе есть мудрый план, он постигается непосредственно через классификацию, познавать и восхищаться одно и то же. «Сие изящное строение сердца с приходящими к нему жилами служит единственным побуждением к кровообращению», – говорит Линней.

Почти столетие отделяет Линнея от Дарвина. Между ними эволюционисты – Кювье, Бюффон, Ламарк. Структурные и анатомические признаки в натуралистических сочинениях возобладали над чисто живописными приметами. Искусство дворянско-феодальной «миниатюры» Палласа пришло в упадок. Но по существу мало что изменилось.

На место неподвижной системы природы пришла живая цепь органических существ, подвижная лестница, стремящаяся к совершенству. Вместо бога-архитектора у деиста Ламарка – конституционный монарх, не вмешивающийся во внутренние дела природы. Классификация, по Ламарку, – нечто искусственное, как бы волосяная сетка, накинутая человеком на разнообразие явлений. Что же остается теперь натуралисту, как не восхищаться по-прежнему, но уже не единичными феноменами природы, но ее классами, расположенными в порядке поступательного развития?

Между тем Французская революция оставила глубокий след на стиле естествоведов. Тот же Бюффон в своих научных трудах выступает в роли революционного оратора. Он восхваляет естественное состояние лошади, ставил людям в пример табуны диких коней, воздавал почести гражданской доблести коня.

А Ламарк, пишущий свои лучшие труды как бы на гребне волны Конвента, постоянно впадает в тон законодателя и не столько описывает, сколько декретирует законы природы.

Замечательный прозаизм трудов Дарвина был глубоко подготовлен историей. Дарвин раз навсегда изгнал из естествознания всякое красноречие и всякую риторику и всякий телеологический пафос во всех его видах.

Он имел мужество быть прозаичным потому, что имел многое и многое сказать и не чувствовал себя никому обязанным ни благодарностью, ни восхищением.

2.

«Происхождение видов» состоит из пятнадцати глав. Каждая из них расчленяется на десять – пятнадцать подглавок, размером не больше воскресного фельетона из «Таймса». Книга построена с таким расчетом, чтобы читатель с каждой точки обозревал всё целое труда. О чем бы ни говорил Дарвин, куда бы ни уводили извилины его научной мысли, проблема стоит всегда в своем полном объеме. Факты наступают на читателя не в виде одиночных примеров-иллюстраций, а развернутым фронтом, сериями.

Приливы и отливы научной достоверности, подобно ритму фабульного рассказа, оживляют дыхание каждой главы и подглавки. Только в совместном звучании, только в созвеньях научные примеры Дарвина получают значимость.

«Происхождение видов» ошеломило читателя революционностью содержания, новизною мысли. Сила и новизна формы литературных трудов Дарвина прошла незамеченной, хотя много способствовала освоению широчайшими кругами его теории.

Научный стиль старой линнеевской натуралистики знал только два элемента: красноречие общих мест и метафизические и богословские рацеи и пассивно-созерцательную описательность. С Бюффоном и Ламарком в научный стиль ворвалась гражданская революционная публицистическая струя.

Дарвин вступает с природой в отношения военного корреспондента, интервьюера, отчаянного репортера, которому удалось подсмотреть событие у самого истока. Он никогда ничего не описывает, он только характеризует, и в этом смысле Дарвин как писатель принес в натуралистику вкусы современного ему английского чита-

теля. Не следует забывать, что одновременно с Дарвином читали и Диккенса, – и тот и другой нравились публике по тем же самым причинам.

Дарвин никогда не выписывает весь длинный «полицейский» паспорт животного или растения со всеми его приметами. Он пользуется природой как великой организованной картотекой. Классификация поставлена им на место, она перестала быть самоцелью, а в результате – изумительная свобода в расположении научного материала, разнообразие фигур доказательства и емкость изложения.

Питая неизъяснимое отвращение к догматике, Дарвин только рассказывает о том, как сложились его убеждения. Так, рассказывая о том, как сухопутные хищники могут превращаться в земноводных, и поясняя это превращение переходными типами, он тут же оговаривается: если бы меня спросили, как некоторые четвероногие превратились в летучих мышей, я бы, пожалуй, смутился.

Дневник путешествия на «Бигле» с его новым принципом естественно-научной вахты продолжается в «Происхождении видов» с той разницей, что Дарвин протягивает корреспондентские нити к бесчисленным адресатам, несущим ту же самую службу, во все концы земного шара. Коневодства, птичники, пчельники, оранжереи, принадлежащие специалистам, людям самостоятельного и органического опыта, расширяют лабораторию Дарвина. Больше того – они оплодотворяют его труд. Автор в постоянной переписке с этими добровольными помощниками, он их благодарит, он ссылается на них.

Солидарность Дарвина с международной любительской верхушкой естествоведов придает его научному стилю теплокровность, самоуверенность и сообщает его аргументации силу дружеского рукопожатия. Торговый флаг великобританского флота реет над страницами его книги.

Необходимо отметить тягу Дарвина к читателю-середняку, его желание раскрыться перед средним джентльменом, каким-нибудь сэром Элиотом, который

прислал ему в подарок голубей. Дарвин пишет как человек, рассчитывающий на поддержку необоримой толщи читателей.

Не обращать внимания на форму научных произведений так же неверно, как игнорировать содержание художественных. Элементы искусства неутомимо работают и там и здесь.

Блестяще разработанная столетними усилиями терминология в зоологии и в ботанике сама по себе обладает исключительной впечатляющей образной силой. У Дарвина названия животных и растений звучат как только что найденные меткие прозвища.

Дарвина и Диккенса читала одна и та же публика. Научный успех Дарвина был в некоторой своей части и литературным. Читатель испытывал жесточайшую реакцию против поучительного, сентиментального, кисло-сладкого жанра, которым обкормил его предшественник Диккенса. Этот читатель всему на свете предпочитал характерное – картины природы, социальные контрасты.

Прозаизм Чарльза Дарвина пришелся как нельзя более кстати. Его научная проза с ее географической сухостью, с ее атмосферической зоркостью, с ее характеристиками в действии была воспринята как автобиографический литературный документ. Быть может, всего более подкупало читателя то, что Дарвин не высказывал никакого телеологического восторга перед законами и тенденциями, которые с такой ясностью утверждал.

Глаз натуралиста – орудие его мысли, так же как и его литературный стиль. Бодрящая ясность, словно погожий денек умеренного английского лета, то, что я готов назвать хорошей научной погодой, в меру приподнятое хорошее настроение автора заражает читателя, помогает ему освоить теорию Дарвина.

Никто не сумеет популяризировать Дарвина лучше его самого. Его научный стиль необходимо изучать, но подражать ему бесполезно, потому что историческая ситуация, при которой он возник, никогда больше не повторится.

Запись о постановке пьес Чехова «Дядя Ваня» и «Вишневый сад»

Чехов. Действующие лица «Дяди Вани»: Серебряков, Александр Владимирович, отставной профессор. Елена Андреевна, его жена, 27 лет. Софья Александровна (Соня), его дочь от первого брака. Войницкая, Марья Васильевна, вдова тайного советника, мать первой жены профессора. Войницкий, Иван Петрович, ее сын. Астров, Михаил Львович, врач. Телегин, Илья Ильич, обедневший помещик. Марина, старая няня. Работник.

Чтобы понять внутренние отношения этих действующих лиц как системы, нужно чеховский список наизусть выучить, зазубрить. Какая невыразительная и тусклая головоломка. Почему они все вместе? Кто кому тайный советник? Определите-ка свойство или родство Войницкого, сына вдовы тайного советника, матери первой жены профессора, с Софьей Александровной – дочкой профессора от первого брака? Для того, чтобы установить, что кто-то кому-то приходится дядей, надо выучить целую табличку. Мне, например, легче понять воронкообразный чертеж дантовской Комедии, с ее кругами, маршрутами и сферической астрономией, чем эту мелкопаспортную галиматью.

Биолог назвал бы чеховский принцип – экологическим. Сожительство для Чехова – решающее начало. Никакого действия в его драмах нет, а есть только соседство с вытекающими из него неприятностями.

Чехов забирает сачком пробу из человеческой «тины», которой никогда не бывало. Люди живут вместе и никак не могут разъехаться. Вот и всё. Выдать им билеты – например, «трем сестрам», – и пьеса кончится.

Возьмите список действующих лиц хотя бы у Гольдони. Это виноградная гроздь с ягодами и листьями, это нечто живое и целое, что можно с удовольствием взять в руки – personaggi: Фабрицио – старик, горожанин; Евгения – племянница Фабриция; Фламиния, племянница Фабриция, – вдова; Фульгенций – горожанин, влюблен-

ный в Евгению; Клоринда, двоюродная сестра Фульгенция; Роберт – дворянин и т. д. Тут мы имеем дело с цветущим соединением, с гибким и свободным сочетанием действующих сил на одной упругой ветке.

Но Чехов и упругость – понятия несовместимые.

[Чехов калечит людей]

В античном мифе владыка афинский Эак, когда весь народ его вымер от заразы, от порчи воздуха, – из муравьев людей понаделал. А и хорош же у нас Чехов: люди у него муравьями оборачиваются.

На днях я пришел в Воронежский городской театр к третьему действию «Вишневого сада». Актеры гримировались и отдыхали в уборной. Ко мне подошла старая театральная девочка в черном платье с белой косыночкой. То была Варя. Кулак Лопатин, только что купивший вишневый сад, еще усиливался сдержать в чертах лица выражение хитрой, но чувствительной коммерческой щуки. На клетчатых своих коленках он тихонько укачивал серебролунного думного боярина из пьесы Алексея Толстого, из той самой, которую написал полицейский пристав в сотрудничестве с Аполлоном Бельведерским, – на этот раз мой Мстиславский был в долгополом «расейском» сюртуке: помещик по фамилии Пищик.

В общем, развалины пьесы, ее, так сказать, тыл, были неплохи. [Чувствовалось лето, хотя и помятое] [Чувствовалась погода, хотя и помятая] Поиграв Чехова, актеры вышли как бы простуженные и немного виноватые.

Между театром и так называемой жизнью у Чехова соотношение простуды к здоровью.

[За несколько дней <до этого> театру был большой влёт: его изругала областная газета за то, что «Вишневый сад» был сыгран без настроения и обращен в удалую комедию.

Я испугался львицы, игравшей в пьесе главную барыню, и поболтал о том, о сем с актером, исполнявшим роль конторщика Епиходова. В нем нельзя было не узнать философа, ищущего места по объявлению в

«Петербуржском Листке». В то время, как другие актеры всей осанкой своей говорили: «не мне, а имени моему». Один Епиходов знал свое место.[1]

Шумно вошла львица, игравшая в пьесе главную барыню. Номер ее обуви был слишком велик и в точности передавался голосом. У Епиходова дрожали усики.

[Выходец из суворинского Малого Театра, этот комический актер двадцать лет не видел родного города. «Петербуржский Листок». Место по объявлению. Кружка пива. Бутерброд с бужениной. Райские птицы галстуков в галантерейной лавке.]

Запись о постановке «Отелло»

Метод шекспировского творчества – случайность, превращающаяся в закономерность. Он ее обволакивает, он ее переваривает, эту случайность, но кусок остается всегда непереваренным.

Отелло никогда никого не убил. В сцене скандала, сколько бы он ни грозил, никто не верит, что он кого-нибудь проткнет шпагой. Он скорее может вылечить рану, быть хирургом, чем убить. Недаром его последние слова – про турка. Это нечто такое, что можно изрыгнуть, только заколов потом самого себя.

Дездемона (Войлошникова) – идеал средневековой женщины-жены. Этот идеал никогда не обрабатывался в литературе. Но он в ней присутствовал. Жена по образу какого-то средневекового Домостроя, лишенного восточной жестокости. Дошекспировский идеал. В шекспировское время женщина уже изменяется под влиянием напора буржуазии. Войлошникова инстинктивно вернула Дездемону средневековью, и в этом ее сила.

(Пастернак принадлежит к числу людей (художников), которые Эсхила продолжают перерабатывать в Гете.)

---

[1] Предшествующая версия: В то время, как все они двигались, как недостойные иереи, словно ожидая, что кто-нибудь назовет их «ваше правдоподобие» и чмокнет в ручку.

Никакой Венеции в «Отелло» не нужно. Это Англия.

Пастернак – человек всепониманья; я – человек исключительного понимания. И Гете – человек всепонимания.

Брат тов. Назарова

Первый час ночи. На междугородной телефонной станции ждет один только человек. Его разговор с Москвой – последний. Собственно – два разговора: один обыкновенный, частный, и один деловой. Человек устал. Он дремлет, как на вокзале. Он [привалился к деревянной лавке:] спит и слушает, грузный, в военном френче и в черном пальто.

– Номер такой-то в пятую будку.

– Тося! Ну как? Как Александр? Он был там? У него налаживается? Вот это хорошо.

И дальше сыплются обычные стружки телефонного разговора. Коротенькие поддакивания. Семейное и командировочное. – А? С ним я буду сейчас говорить. У меня заказано...

И вдруг: – Что, Тося? Авария? А Коля? Разбился? Погиб?

И несколько раз он переспрашивает: «Так погиб до смерти?» Ну передай там соболезнование.

И странное певучее «ай-яй ай-яй», какое-то слишком упорное и протяжное. Выходит из будки.

– Вы это что же, дайте быстро. Сразу дает следующий номер. Командировочный распрямился. Он твердо входит в будку. Он говорит так долго, что телефонистка вынуждена объяснить старшей: «Я продлила – служебный». Каждое слово раскатывается в пустой комнате.

[.....] вагоны и про всё другое. [Нажимы Горького приводить к концу: два слова.]

Он мастерски проводит нужный разговор: с нажимом, с подчеркиваниями, со всеми оттенками деловой тревоги, с порывом, с интересом к ускользающей от непосвященного теме.

Еще два слова о брате перед выходом на улицу.

Я снимаю шапку и низко кланяюсь командировочному.

Что ж тут особенного?

Ничего. Только вот что: мы живем в стране, где работа сильнее смерти, где дикая случайность, слепая стихия, катастрофа – не властны поколебать великой тяги к будущему, охватившей всех нас, где гибель драгоценного близкого человека на славном посту рождает гордое и мужественное горе, где нормой является самозабвение, и великолепная героическая выдержка – самая будничная вещь.

Наша социалистическая страна – первый друг и утешитель в личном горе для своих верных сынов.

Низкий поклон тов. Назарову из Наркомвнуторга от меня и телефонистки, на которую он накричал в ту ночь.

Мы были свидетелями подлинного величия.

Записи и проспекты к «книге о деревне»

Цель книги – дать читателю ощущение близкого непосредственного знакомства с людьми и делами колхозов села Никольского Воробьевского района. Это село, образующее целую систему слободок, еще недавно было гнездом старого быта [Классовая борьба принимала здесь напряженнейшие формы. Торгаши и кулаки], было известно низким уровнем земледельческой техники, бескультурьем [и массовыми побоищами в церковные праздники], засильем торгашей, организацией кулацкой секты (летуны) и т. д.

В настоящее время колхозное строительство в этих местах носит бурный творческий характер. Конкретный, с полной наглядностью показ перелома должен явиться содержанием книги.

В числе колхозных строителей здесь имеются люди, с оружием в руках гнавшие белогвардейцев, строившие

<текст утрачен> в этих самых местах советскую власть, прошедшие на месте весь реконструктивный период. Это подлинные организаторы – как, например, предколхоза «Пламя революции» товарищ Дорохов, вместе с горсточкой батраков основавший в Никольском первую сельскохозяйственную артель.

Передовые колхозники Никольского – сами ощущают пережитое десятилетие как историю и сохранили в своей памяти все драматические эпизоды классовых боев на теперешней колхозной земле. Среди них имеются яркие и талантливые рассказчики.

....

Я предлагаю дать документальную книгу о деревне (село Никольское Воробьевского района). Выбор мой остановился на этом селе по следующим соображениям:

Никольское (в прошлом государственные крестьяне) трудными путями шло к коллективизации. Отдаленное от железной дороги и от районного центра, оно жило трепещущей и напряженной жизнью, где ясно различались два процесса – один, увлекавший население в прошлое (село переболело настоящим психозом – здесь имело место, например, летунство и др.), и другой – к новым формам жизни и к социалистическому землепользованью. Население – нервное и талантливое, всё время выдвигало значительных и интересных людей, боровшихся за коллективизацию. Переломным моментом, окончательно решившим судьбу села, явился – с запозданием против других районов – именно 35 год. Впервые до сознания масс в несокрушимой ясности дошли преимущества коллективного хозяйства, впервые все вышли в поле и все стали на работу, осознав ее как свое личное дело. Этот момент становления – исторический переломный момент – с необычайной яркостью представленный в Никольском – должен быть зафиксирован на живых примерах – без прикрас, с полной правдивостью, с показом прошлого: с историографической, скажем, установкой: из чего росло, с чем боролось, куда растет. Талантливость борющихся сторон делает эту яростную схватку

старого и нового в Никольском – особенно выпуклой и значительной.

В селе Никольском 5 слобод – и 6–7 колхозов. Наиболее индивидуально очерчены два – колхоз имени Молотова и «Пламя революции», – оба борются за районное первенство.

В основу книги должны лечь рассказы колхозников о созидательной работе в колхозах, причем цель этих записей – не только показ хозяйственного роста, но и роста каждого участника этого процесса.

[К примеру: председатель «Пламя революции» Дорохов – бывший партизан – биография в форме рассказов об отдельных событиях гражданской войны. Дорохов – о колхозе (запись).]

Форма работы – обработанные записи, с сохранением и упором на особенности речи современной деревни, так как язык деревни – не константа, он изменяется, обогащается, меняет свой характер в зависимости от глубинных процессов, и даже в любой момент есть резкое различие в языке пассивного и активного колхозника, в языке единоличника и в языке сельского партийца. Фиксация языковых сдвигов представляет собой не только узконаучный отвлеченный интерес, но и социальный. Мы привыкли называть фольклором установившееся и отстоявшееся и до сих пор почти не фиксировали тех подвижных форм изустного рассказа о современности [.....]

I. Синтаксис.

1) Расположение обиходных речевых конструкций в порядке возрастания синтаксической сложности.

2) Вытеснение пассивно-эмоциональной связи между элементами речи связью логической.

3) Обогащенье живой речи ассоциативными ходами и влияние этого процесса на речевую структуру.

II. Энергетика речи.

1) Речевые темпы, ритм, модуляции голоса. Напевность, протяжность, повторы, характеризующие «говор», и ликвидация их в речи колхозника.

2) Переход от «говора» – пассивной организации речи – к речи активной.

III. Обороты.

IV. Лексика:

совпадение словаря с инвентарным кругом, степень насыщенности речи отвлеченными понятиями, пережиточно-обрядовые слова, газетная лексика, географическая номенклатура, медицинская номенклатура, эмоциональный словарь, лирические элементы речи, ругань, имена, специфика словаря в разговорах взрослых с детьми, детский словарь, коммерческий словарь, товарная номенклатура, словарь трудового земледельческого цикла [(лексика машинной и немашинной обработки земли, механической [.....])].

Зренье, слух, осязание и вкус и их словарные выразители в обиходной речи в связи с культурным и материально-бытовым уровнем района.

* * *

1) Деловая речь.

2) Речь, сопутствующая процессам труда (эмоциональный регулятор).

3) Речь, аморфная по отношению к труду (межтрудовая):

а) Слово как бытовой жест;

б) Сообщительно связная речь.

Процесс, происходящий в деревенской речи, – отмирание орнаментики, бытовой статики и обогащение динамической и сообщающей речи.

<Запись на полях:> А куда амплификацию?

....

[.....]ческим порывом. В значительной степени благодаря ему колхоз идет открыто на всех пшеничных и свекольных парусах, чувствует будущее, имеет, что называется, «курс».

Отягощенный мыслью о сорока семи выгнанных им хозяйствах и раскаявшийся в командирских заскоках, Дорохов меньше всего хотел показаться мне грозным. Репутация страшилища, видимо, его тяготила. Живет он в полугородской обстановке. Одинаково сердится, когда воруют газеты и [.....]

С утра в поле, дома лег отдохнуть и вышел в подтяжках, растирая полотенцем открытую грудь. Сел, наклонил плодовитую, озабоченную голову, художественно совпадающую – да простят мне это сравнение – с головой председателя пивных собраний, мудреца из бир-галя на Васильевском острове, старого шорника или каретника, – одним словом, не командир, а папаша. Речь Дорохова, распаханная под научную экономику, под газетную передовицу, – была все-таки крестьянская. Он сколачивал ее годами как политический стиль, как орудие, как богатство и умело ею пользовался.

– Перелом у нас в 33 году. Смена была председателей у нас. По некоторой неприятности: меня призвали в районном [.....]

....

24/VII. Воронеж

Выехали в 6 утра. Грузовик. Везет столы и стулья и подстилки (холсты) для зерна. Богатство земли. Шапки соломенного меха на хатах. Разнообразие красок: музыка желтого, зеленого. Такое сочетание: волейбольная сетка, ток, гигантские шаги, маленькая трибуна. Дети – городок – стрижка – комната девочек и мальчиков. Содержание стенгазеты. История с больными и с пайком. По дороге – малярийные дети. Почему врач – гастролер? Очень дорого. Всего три месяца. Секретарь парткома соглашается, что театр без продолжающей культработы – культрастрата.

Четвертое отделение. Дзюба – начальник отделения. Спокойствие управляющего – очень бывалого. Общая тенденция не огорчать начальника (политотдела)

и держаться бодро. Успокаивать и заверять во что бы то ни стало. Не рассказывать ничего неприятного, кроме [.....]

....

28/VII

Я заметил, что уборочная кампания в зерносовхозе подготовлялась, как будто гигантский прыжок с парашютом: раскроется или не раскроется.

Представьте себе этот парашют, на котором повисли десятки комбайнов, тысячи га земли и тысячи людей.

Всё время, когда я сопоставляю хозяйство зерносовхоза с колхозными полями, мне приходит в голову еще другое сравнение: не только площадь, но и глубина машинизированного зернового хозяйства, глубина эта еще не освоена людьми. (Нельзя же допустить, чтобы ремонтная мастерская оказалась более стихийной, чем производящая земля, чем погода.)

День начальника политотдела и директора совхоза разворачивается в богатейшую кинофильму: обозрение зернового океана, машин и людей. Две машины мчатся друг за другом по бархату грейдерных дорог. С комбайнов снято шесть магнето. Сам директор везет их на починку. Он бы и целый участок свез на центральную усадьбу [– на просмотр и опробование], если б это оказалось возможно.

Выражение его лица давало весь переход от удивительной доброты и ласки к угрозе – через насмешку, через стрелковый прищур: от зоркости это лицо с удивительной быстротой неслось к подозрительности.

Серые глаза сельсоветки, красноармейца, летчика то мрачнели, то смеялись, подбородок тяжелел, осаживался. Лагерная худоба щек держалась на самой границе между здоровьем и не думающей о себе усталостью.

....

Желто-зеленые горы собранного хлеба. Иногда они похожи формой своей на глыбу из-под Медного Всадника, иногда на северный финский валун.

Соломенные бури на току. Кто сказал, что машинная обр<аботка> земли бездушна? Тот, кому выгодно было лгать.

Ток. Место молотьбы: поле в действии. Здесь – театр зерна. Без зрителей, без лишней публики: одни участники – да еще синяя харьковская молотилка размерами с ярмарочную фуру, да еще веялка, попугайно-пестрая, размалеванная, как обклеенный лубками органчик.

На почетной подстилке – само зерно [.....]

....

Мы стояли ночью на улице вор<обьевского> зернхоза и говорили о том, что у нас называют культурой, т. е. о глубине деятельной социалистической жизни. Начполит [не стоял на ногах] дал этому ночному разговору неожиданный оборот: «Вот... мы ведем борьбу, даже объявляем кампанию: “За культурную тряпку для тракториста” – она вся промаслена и пыль на нее садится».

Звезды, культура и эта тряпка.

Мне кажется, такого умения, такой потребности обобщать детали мир еще не знал. Этой тряпкой будет стерто всякое общее место, всякая фраза: т. е. всё гиблое, проваливающееся, притворяющееся, пустое.

Звездам чуточку стыдно: достаточно ли они конкретны?

....

Лицо сельсовета. Мужичанский сельсовет. Крыльцо высокое. Комнаты голые, пустые: присутственные, канцелярские; барьеры с колонками.

А ведь есть уютные сельсоветы – не удивляйтесь: с большим вкусом, любовно, изящно обставленные.

Например, Березовский. «Не сорить, не курить». Здесь хозяйка – женщина. Удобные низкие скамейки вдоль стен. Портреты развешаны толково. Сукно пылает, как домашняя скатерть на столе. Бумаги хранятся в черном стеклянном шкапчике, не канцелярского, но хозяйственного вида. Знамя в углу – развернуто стремительно.

Дедовская чернота мебели гармонирует с красным, и зелень бьет в окна.

А в загсе – совсем роскошь – венская мебель. Это – крестьянская гостиная.

Смеются:

– Кто сюда войдет – тому наверное захочется жениться или развестись.

....

Пыль в этой полосе СССР – голубая, а дороги черные. Земля утратила свою неподвижность, бежит к далекому Азову, торопится вниз к Черноморью. Степь – бескостная и плавная – то и дело вздувается в легкий шатер или вытягивается в длинную седловину. Как жаль, что все эти неровности не имеют названия, что в большинстве они безымянны. Мы еще недостаточно любим свою землю, мало любуемся ее живым рельефом. Стремительные трещины высохших балок, лагерная белизна меловых оврагов, овечий помет на бесцветных холмах и купоросная зелень заболоченных камышей [.....]

....

[.....] т. е. начало разрушения землянки с не выведенными из нее детьми, с корректностью разговора и юридическими советами тут же на месте. Отсутствие испуга у выселяемых.

[3 отделенье.] Старый колхозник заявляет денежную претензию. Разыгрыванье простачка, нательный крестик. Начальник крайне внимателен. Гарантии разбора на месте. Суть дела: сезонникам не платят 3 года, сезонники хотят получать «непрерывную зарплату», включая дождливые дни и выходные, как штатные рабочие.

Психологический отдых без комбайна на так называемой «перевалке», т. е. месте просушки зерна, не сданного на сушильню элеватора, вопреки директиве ЦК, – отдыхают на простоте этого процесса.

Хороший комбайнер не может воспитываться только на комбайне, вроде как мужик на сохе. Работа требует

огромного кругозора. Нужен тип рабочего земледельческой индустрии, а не починщик сложного примуса. Никаких следов какой бы то ни было культработы, кроме засушенных гирлянд в некоторых столовых, при объезде гигантской территории совхоза не обнаружено. Воробьевский театр не обслуживает даже совхозной периферии: не на чем доставлять зрителей. Вздох партсекретаря о пятерке актеров для полевых бригад.

Необходимо:

1) Выписывать из Воронежа лекторов на двухнедельные циклы по вопросам: литературе, партистории, интернациональному воспитанию, технике и т. д.

2) Наладить библиотечки, читальни, ассигновать деньги на выписку литературы. Поручить в Воронеже вполне ответственному лицу постоянное пополнение книжного фонда.

3) Войти в контакт с областным отделением ВССП с целью: а) организации писательских выездов, б) организации читательских кружков.

4) Наладить музыкальную самодеятельность (имеется лишь несколько одиночек-баянистов). Выписать на короткое время инструктора по хоровому пению хотя бы через радиокомитет.

....

Опробыванье затягивалось. Директор совхоза – Бондарь объехал стоящие комбайны, снял с них семь магнето и в легковой машине привез их на починку в совхозный центр.

Бондарь тяжел, как кузнец. Брови – командирские, плечи широкие; глядит как улыбающаяся туча. Партизан, Дантон, да редко его слышно... Его спокойствие могло быть чудесной базой для работы совхоза, если б к нему прибавить тревогу.

....

Комбайн – самая сложная и в то же время наименее механистическая из всех машин, употребляемых в полевой работе. Это значит вот что: комбайн не терпит автоматического обслуживанья, он требует настройщика, механико-музыканта, рабочего-инженера. Иначе он превратится в карикатуру, в полевой примус, который нельзя проткнуть иглой.

Мы объезжали отделения совхоза – эти подчиненные центры, маленькие вокзалы без железной дороги. Это был день горячего молока из кухонных шалашей, не утолявшего жажду, и туго выздоравливающих, учившихся ползать мертвых, полумертвых, медленно оживающих комбайнов.

....

Вот он какой день: тоненькая корочка черноты – еще тоньше корочка сна, а внутри большой неделимый шар из голубого, хрустящего от скорости, необычно материального воздуха, шар, наполненный движущимися плоскостями посоломленного кивающего шелка и недоломленными армиями доспевающего колоса, [шар, начиненный полуукраинскими ласковыми голосами с] колючей стерню, прокосами, с отсверкивающим зеркальцем автомобиля перед глазами и галлюцинациями кефира, кумыса и холодной колодезной воды.

[Через год иль два эти люди перед обедом примут душ и переоденутся в чистый костюм.]

А я и не знал, что день такой большой, что в нем так много может поместиться. Например, свеженькие шершавые столы и скамейки, подпрыгивающие на грузовике. – Куда? На четвертое отделение к Дзюбе, о котором все отзываются с уважением и почему-то напирая только на толковость, только на хозяйственность, только на бывалость: дескать, опытный, неогорчительный, положительный человек – управляющий. Чтобы на этих столах люди, живущие в таборе под высоким, как купол цирка, соломенным конусом и спящие на аккуратных

жестких досках, [едва прикрытых цветными подстилками,] ели и пили по-людски в обеденный час.

А я и не знал, что день настолько емок, что из него можно вытряхнуть дегтярную черноту матерьяльных баз, где воздух пропитан заведываньем и учетом на бочках с протравой для тары.

Были мы и в пионерском лагерьке. На вопрос, чего бы не хватало, дети дружно выкрикнули: денег нет! Вот так штука! Приносят вишни, не на что покупать.

Через час в очередном летучем штабе начальник политотдела вместе с распоряжением о походных флягах для рабочих открывает и соответствующую ребячью ассигновку. [Хотелось бы подразнить этим воплем пауперизованных детей какого-нибудь мистера Робинзона.]

[А когда же я видел сезонника, который, указывая на соседний Сталинградской области колхоз, простецки вговаривал всё тому же начальнику политотдела: «Мы тамочка не бываем, мы тутошние... А вот за 33 год семьдесят рублей – мы сено убирали – нам задерживают...»

И вдруг вдохновился сезонник и говорит: «В совхозе не всё в порядке: нам, сезонникам, за выходные и дождливые дни платить не хотят».]

В совхозе работают и сезонники из окрестных колхозов. Им хотелось бы получать и за дождливые, и за выходные дни. Совхоз, соединяя свои разбросанные участки, невольно помог колхозникам в строительстве дорог, слегка выручал машинами, сам постоянно нуждается в рабочих руках и тягловой силе, но от него – глубоко дышащего, широкопланного – колхозники вправе ждать и требовать большей помощи. Одним соседством да добрым знакомством здесь не отделаться.

Записи к «Молодости Гете»

(1)

Базедов задумал образцовую школу. Деньги нужно выманить у богачей. Базедов начинает с просьбы, и

неожиданно для себя самого оскорбляет человека, к которому обращается. Мудрено ли, что ему отказывают?

Ядовитый Мерк – прообраз Мефистофеля. Гете сравнивает его с улиткой, которая нет-нет, да и покажет людям рога.

(2)

У Гете замечательная оценка Лафатера. Он говорит: «Что такое человек, прекрасно наблюдающий подробности, но не имеющий цели? Он видит, какая складка на лбу, но не знает, для чего эта складка и какой она должна быть».

Фотографии тогда, как известно, не было.

(3)

«Этим путешествием я хочу раз навсегда насытить свою душу, стремящуюся к прекрасным искусствам. Пусть образы их запечатлеются в моем сознании: я сумею их сберечь для тихого, сосредоточенного наслаждения. Но потом, когда я вернусь, я возвращусь к ремеслам, я изучу механику и химию. Время прекрасного отживает. Только полезность и строгая необходимость управляет нашей современностью».

Трудно поверить, что эти слова были записаны в Италии на самом гребне могучего жизненного подъема. Не объясняется ли эта запись великим волнением души, охватившим путешествующего по Италии Гете?

(4)

Люди – Одиночество – Вертер – время – Дорога. – Италия

Шток (гравер). [Мерк.] Гердер. Клингер. Лили. Фридерика. Лафатер. Базедов. [Госпожа Ла Рош.] [Штайнер.] Ленц (сумасброд).

(5)

Как путешествовал Гете.

Человек-кодак: собств<енный> художник Книпп.

Деньги. Письма на банкиров. <...>

(6)

Морское плавание.
Буря. Соч. Тассо.

Палермо: в гостях у крестьян
род<ственники> Каллиостро?

Карнавал в Риме (Шуман)

Письма

1903–1920[1]

1. Ф. О. и Э. В. МАНДЕЛЬШТАМАМ

С пути из Новгорода в Старую Руссу –
в С.-Петербург, 5 мая 1903 г.

Дорогие мама и папа!

Извините, что предыдущее мое письмо было так коротко; я его написал у почтового ящика. Теперь, переправляясь из Новгорода в Старую Руссу через озеро Ильмень, я пишу вам подробнее. В вагоне ночью почти никто не спал. В три часа, когда уже совсем рассвело, мы из вагона вышли на пристань и в 3½ в пути выехали по Волхову в Новгород. На пароходе мы пили чай. В Новгород пароход пришел в 9 ч. утра. До 12 ч. мы ходили по городу, осматривая его достопримечательности, а затем прекрасно пообедали в лучшей гостинице. Теперь мы едем в Старую Руссу, где и переночуем.

Любящий вас ваш сын Ося

Цалую Бабушку и Женю.

---

[1] В этом разделе до письма 36 включительно даты даются по старому стилю (в скобках – по новому стилю).

2. Ф. О. и Э. В. МАНДЕЛЬШТАМАМ

Из Вильно в С.-Петербург,
16 (29) октября 1907 г.

Дорогие мама и папа!

В дороге я чувствую себя отлично. Читаю, хожу в гости к Ю. М. – станет скучно, смотрю в окна. Соседи мои финны. Благодаря своей сдержанности они меня нисколько не стесняют. Погода разгулялась, и голова моя – тоже почти свободна от мыслей.

Напишу и завтра.

Ваш Ося

Мир Вам и покой. Ваш Ю. Розенталь.[1]

3. Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Парижа в С.-Петербург,
17 (30) ноября 1907 г.

Дорогой мой Женичка!

Обо мне можешь всё узнать от мамы, а о себе напиши мне еще раз, сам. Чем больше привыкаешь, тем больше скучаешь.

Я никуда не хожу – разве только музыку послушать, – всё читаю, да пишу, да мечтаю – чего никому не желаю.

Поцелуй от меня всех, кого любишь. И скажи, что я в общем доволен.

Твой Ося

[1] Приписано Ю. М. Розенталем.

4. Ф. О. МАНДЕЛЬШТАМ
Из Парижа в С.-Петербург,
23 января (5 февраля) 1908 г.

5/I 1908

Дорогая мамочка!

Посылаю тебе свою физиогномию, которая совершенно случайно запечатлелась на этом снимке. Можно сказать, что я обернулся нарочно для того, чтобы послать вам свой привет!..

Ося

5. Ф. О. МАНДЕЛЬШТАМ
Из Парижа в С.-Петербург, 7 (20) апреля 1908 г.

Дорогая мамочка!

Получил, получил твое письмо. Что же это станется из нашей переписки, если неделями будем мы молчать... Этак всякое живое содержание из нее исчезнет, и поневоле останутся одни общие места.

Была ты, значит, у В. В. Это хорошо... Жалею, что не послал для него письма...

Любопытно мне, что он скажет. Надеюсь об этом скоро узнать.

Сейчас у меня настоящая весна, в самом полном значении этого слова...

Период ожиданий и стихотворной горячки...

Время провожу так:

Утром гуляю в Люксембурге. После завтрака устраиваю у себя вечер – т. е. завешиваю окно и топлю камин и в этой обстановке провожу два-три часа...

Потом прилив энергии, прогулка, иногда кафе для писания писем, а там и обед... После обеда у нас бывает общий разговор, который иногда затягивается до позднего вечера.

Это милая комедия.

К последнему времени у нас составилось маленькое интернациональное общество из лиц, страстно жаждущих обучиться языку...

И происходит невообразимая вакханалия слов, жестов и интонаций под председательством несчастной хозяйки...

Вчера, например, я до самого вечера говорил с некиим молодым венгерским писателем о превыспренних материях, состязаясь с ним в искажении языка. Этот талантливый поэт настойчиво употребляет странное выражение: «мустар» для обозначения горчицы (...мелко, но характерно).

Не слишком ли преждевременно будет теперь думать об университетских хлопотах?

Ведь их и невозможно начать раньше осени?

А если меня не примут – то я поступлю в один из немецких университетов... и согласую занятия литературой с занятиями философией.

Маленькая аномалия: «тоску по родине» я испытываю не о России, а о Финляндии.

Вот еще стихи о Финляндии, а пока, мамочка, прощай.

Твой Ося.

О красавица Сайма, ты лодку мою колыхала,
Колыхала мой челн, челн подвижный, игривый и острый.
В водном плеске душа колыбельную негу слыхала,
И поодаль стояли пустынные скалы, как сестры.
Отовсюду звучала старинная песнь – Калевала:
Песнь железа и камня о скорбном порыве Титана.
И песчаная отмель – добыча вечернего вала,
Как невеста, белела на пурпуре водного стана.
Как от пьяного солнца бесшумные падали стрелы
И на дно опускались, и тихое дно зажигали;
Как с небесного древа клонилось, как плод перезрелый,
Слишком яркое солнце, и первые звезды мигали;
Я причалил и вышел на берег седой и кудрявый;

И не знаю, как долго, не знаю, кому я молился...
Неоглядная Сайма струилась потоками лавы.
Белый пар над водою тихонько вставал и клубился.

Paris,
20/IV 1908

Осип Мандельштам

6. Вл. В. ГИППИУСУ

Из Парижа в С.-Петербург, 14 (27) апреля 1908 г.

Paris, 27/IV 1908

Уважаемый Владимир Васильевич!

Если вы помните, я обещал написать вам «когда устроюсь». Но я не устроился, т. е. не имел сознания, что делаю «нужное», до самого последнего времени, и поэтому я не нарушил своего обещания.

Поговорить с вами у меня всегда была потребность, хотя ни разу мне не удалось сказать вам то, что я считаю важным.

История наших отношений или, может быть, моих отношений к вам кажется мне вообще довольно замечательной.

С давнего времени я чувствовал к вам особенное притяжение и в то же время чувствовал какое-то особенное расстояние, отделявшее меня от вас.

Всякое сближение было невозможным, но некоторые злобные выходки доставляли особенное удовольствие, чувство торжества: «а все-таки...»

И вы простите мне мою смелость, если я скажу, что вы были для меня тем, что некоторые называют: «другом-врагом»...

Осознать это чувство стоило мне большого труда и времени...

Но я всегда видел в вас представителя какого-то дорогого и вместе враждебного начала, причем двойственность этого начала составляла даже его прелесть.

Теперь для меня ясно, что это начало не что иное, как религиозная культура, не знаю, христианская ли, но во всяком случае религиозная.

Воспитанный в безрелигиозной среде (семья и школа), я издавна стремился к религии безнадежно и платонически – но всё более и более сознательно.

Первые мои религиозные переживания относятся к периоду моего детского увлечения марксистской догмой и неотделимы от этого увлечения.

Но связь религии с общественностью для меня порвалась уже в детстве.

Я прошел 15-ти лет через очистительный огонь Ибсена – и хотя не удержался на «религии воли», но стал окончательно на почву религиозного индивидуализма и антиобщественности.

Толстой и Гауптман – два величайших апостола любви к людям – воспринимались горячо, но отвлеченно, так же как и «философия нормы».

Мое религиозное сознание никогда не поднималось выше Кнута Гамсуна, и поклонение «Пану», т. е. несознанному Богу, и поныне является моей «религией».

(О, успокойтесь, это не «мэонизм», и вообще с Минским я не имею ничего общего.)

В Париже я прочел Розанова и очень полюбил его, но не то конкретное культурное содержание, – к которому он привязан своей чистой, библейской привязанностью.

Я не имею никаких определенных чувств к обществу, Богу и человеку, – но тем сильнее люблю жизнь, веру и любовь. Отсюда вам будет понятно мое увлечение музыкой жизни, которую я нашел у некоторых французских поэтов, и Брюсовым из русских. В последнем меня пленила гениальная смелость отрицания, чистого отрицания.

Живу я здесь очень одиноко и не занимаюсь почти ничем, кроме поэзии и музыки.

Кроме Верлэна, я написал о Роденбахе и Сологубе и собираюсь писать о Гамсуне.

Затем немного прозы и стихов.

Лето я собираюсь провести в Италии, а вернувшись, поступить в университет и систематически изучать литературу и философию.

Вы меня простите: но мне положительно не о чем писать, кроме как о себе. Иначе письмо обратилось бы в «корреспонденцию из Парижа».

Если вы мне ответите, то, может быть, расскажете мне кое-что, что могло бы меня заинтересовать?

Ваш ученик Осип Мандельштам
Мой адр<ес>: Rue Sorbonne, 12

7. А. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ

С пути из Берна в Геную – в Райволу, 24 июля (6 августа) 1908 г.

Шуринька!

Я еду в Италию! Это вышло само собой. У меня 20 фр<анков> с собою, – но это ничего, один день в Генуе, несколько часов у моря и обратно в Берн. Мне даже нравится эта стремительность. Поезд вьется по узкой долине Роны. Отвесные стены – скалы и лес завешены облаками.

«Они» ничего не знают – пока, конечно.

Addio!
Ося

8. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Сент-Мориц (Швейцария) в Хомбург фор дер Хёэ (Германия), 24 июля (6 августа) 1908 г.

Дорогой папочка!

Видишь – я совсем близко. В Берне я буду, может, послезавтра. Там есть русское консульство – тот же Бер-

лин. Спешить и волноваться нечего. В Интерлакене отель меня бессовестно ограбил.

Целую крепко всех.

Белье не приняли.

Твой Ося

9. В. И. ИВАНОВУ

Из Павловска в С.-Петербург, 20 июня 1909 г.

Очень уважаемый и дорогой Вячеслав Иванович!

Где бы Вас ни застало мое письмо, попрошу Вас об одном: сообщите мне свой адрес, а также будете ли в Швейцарии и когда? Пока что я с семьей до отъезда за границу живу безвыездно в Царском. Ваши семена глубоко запали в мою душу, и я пугаюсь, глядя на громадные ростки.

Радую себя надеждой встретить Вас где-нибудь летом.

Почти испорченный Вами, но... исправленный
Осип Мандельштам
Петербург, Коломенская 5

10. А. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Берлина в Мустамяки,
около 26 июля (8 августа) 1909 г.

Дорогой Шурочка!

Сижу тут и дожидаюсь поезда. Вспомнил о тебе и решил послать тебе это вещественное доказательство своих губительных наклонностей. Одновременно пишу маме.

Твой Ося

11. В. И. ИВАНОВУ

Из Монтрё в С.-Петербург, 13 (26) августа 1909 г.

Дорогой Вячеслав Иванович!

Вы позволите мне сначала – несколько размышлений о вашей книге. Мне кажется, ее нельзя оспаривать – она пленительна – и предназначена для покорения сердец.

Разве, вступая под своды Notre Dame, человек размышляет о правде католицизма и не становится католиком просто в силу своего нахождения под этими сводами?

Ваша книга прекрасна красотой великих архитектурных созданий и астрономических систем. Каждый истинный поэт, если бы он мог писать книги на основании точных и непреложных законов своего творчества, – писал бы так, как вы.

Вы – самый непонятный, самый темный, в обыденном словоупотреблении, поэт нашего времени – именно оттого, что, как никто, верны своей стихии, – сознательно поручив себя ей.

Только мне показалось, что книга слишком – как бы сказать – круглая, без углов.

Ни с какой стороны к ней не подступиться, чтобы разбить ее или разбиться о нее.

Даже трагедия в ней не угол – потому что вы соглашаетесь на нее.

Даже экстаз не опасен – потому что вы предвидите его исход. И только дыхание Космоса обвевает вашу книгу, сообщая ей прелесть, общую с «Заратустрой», – вознаграждая за астрономическую круглость вашей системы, которую вы сами потрясаете в лучших местах книги, даже потрясаете непрерывно. У вашей книги еще то общее с «Заратустрой» – что каждое слово в ней с пламенной ненавистью исполняет свое назначение и искренно ненавидит свое место и своих соседей.

Вы мне извините это излияние...

Две недели я жил в Beatenberg'е, но потом решил провести несколько недель в санатории и переехал в Montreux.

Теперь я наблюдаю странный контраст: священная тишина санатории, прерываемая обеденным гонгом, – и вечерняя рулетка в казино: faites vos jeux, messieurs! – remarquez, messieurs! rien ne va plus! – восклицания croupiers[1] – полные символического ужаса.

У меня странный вкус: я люблю электрические блики на поверхности Лемана, почтительных лакеев, бесшумный полет лифта, мраморный вестибюль hôtel'я[2] и англичанок, играющих Моцарта, с двумя-тремя официальными слушателями в полутемном салоне.

Я люблю буржуазный, европейский комфорт и привязан к нему не только физически, но и сантиментально.

Может быть, в этом виновно слабое здоровье? Но я никогда не спрашиваю себя, хорошо ли это.

Еще мне хочется вам сказать вот что.

У вас в книге есть одно место, откуда открываются две великих перспективы, как из постулата о параллельных две геометрии – Эвклида и Лобачевского. Это – образ удивительной проникновенности, – где несогласный на хоровод покидает круг, закрыв лицо руками.

Собрались ли уже в Петербурге наши друзья? Что делает «Аполлон»? «Остров»?

Как бы мне хотелось видеть кого-нибудь из знакомых или даже незнакомых наших поэтов. Знаете что, В. И. Напишите мне (я знаю, что вы мне ответите, – а вдруг нет?), когда кто-нибудь поедет за границу. Может, как-нибудь – я увижу кого-нибудь, а чтобы увидеть вас – я готов проехать весьма большое расстояние, если это понадобится. Еще одна просьба. Если у вас есть лишний, совершенно лишний экземпляр «Кормчих Звезд» – не может ли он каким-нибудь способом попасть в мои бережные руки?..

---

[1] делайте ставки, господа! – внимание, господа! ставок больше нет!.. крупье *(франц.)*

[2] отеля *(франц.)*

Напишите мне также, В. И., какие теперь в Германии есть лирики. Кроме Dhemel'я не знаю ни одного. Немцы тоже не знают – а лирики все-таки должны быть.

Крепко вас цалую, В. И., и благодарю сам не знаю за что – лучше которой не может быть благодарности.

Осип Мандельштам

P. S. Посылаю стихи. Делайте с ними что хотите – что я хочу – что можно.

12. И. Ф. АННЕНСКОМУ

Из Монтрё в Царское Село, 17 (30) августа 1909 г.

Глубокоуважаемый г. Анненский!

Сообщаю Вам свой адрес на случай, если он будет нужен редакции «Аполлона»: Montreux – Territet, Sanatorium l'Albri[1].

С глубоким почтением
Осип Мандельштам

13. М. А. ВОЛОШИНУ

Из Гейдельберга в С.-Петербург,
вторая половина сентября 1909 г.

Глубокоуважаемый Макс Александрович!

Оторванный от стихии русского языка – более, чем когда-либо, я вынужден составить сам о себе ясное суждение. Те, кто отказывают мне во внимании, только помогают мне в этом. Так помог мне Мережковский, который на этих днях, проездом в Гейдельберг<е>, не пожелал выслушать ни строчки моих стихов, помог мне милый Вячеслав Иванович, который – при искреннем ко мне

---

[1] Монтрё – Территэ, санаторий Альбри *(франц.)*.

доброжелательстве – не ответил мне на письмо, о котором просил однажды.

С Вами я только встретился.

Но почему-то я надеюсь, что Ваше участие в моей трудной работе будет немного иным. Если Вы пожелаете обрадовать меня своим отзывом и советом – мой адрес:

Heidelberg, Anlage 30.

Stud. phil. Mandelstam.

14. М. А. ВОЛОШИНУ

Из Гейдельберга в С.-Петербург,
конец сентября – начало октября 1909 г.

Глубокоуважаемый Макс Александрович! Простите мне мою мелочность – пятая строка стихотворения:

В безветрии моих садов

читается:

В юдоли дольней бытия

вместо ужасной «безвыходности», которая торчит, как оглобля.

С глубоким почтением
Осип Мандельштам

15. В. И. ИВАНОВУ

Из Гейдельберга в С.-Петербург, 13 (26) октября 1909 г.

Дорогой Вячеслав Иванович!

Если вам хочется мне написать и вы не отвечаете мне по какой-нибудь внешней причине, то все-таки напишите мне.

Я хочу многое вам сказать, но не могу, не умею до этого.

Любящий вас
Осип Мандельштам
Heidelberg, Anlage 30

16. В. И. ИВАНОВУ

Из Гейдельберга в С.-Петербург,
22 октября (4 ноября) 1909 г.

По-прежнему дорогой Вячеслав Иванович!

Не могу не сообщить вам свои лирические искания и достижения.

Насколько первыми я обязан вам – настолько вторые принадлежат вам по праву, о котором вы, быть может, и не думаете.

Ваш Осип Мандельштам

17. В. И. ИВАНОВУ

С пути в Гейдельберг (из Гейдельберга?) –
в С.-Петербург, 11 или 12 (24 или 25) ноября 1909 г.

Дорогой Вячеслав Иванович!

Вот – еще стихи.

Неизменно вас любящий
Осип Мандельштам

18. В. И. ИВАНОВУ

Из Гейдельберга в С.-Петербург, 13 (26) декабря 1909 г.

Дорогой Вячеслав Иванович!

Может быть, Вы прочтете эти стихи?

С глубоким уважением
Осип Мандельштам

P. S. Извините за всё дурное, что Вы от меня получили.

19. В. И. ИВАНОВУ

Из Гейдельберга в С.-Петербург,
17 (30) декабря 1909 г.

Дорогой Вячеслав Иванович!

Это стихотворение – хотело бы быть «romance sans paroles» (Dans l'interminable ennui...). «Paroles» – т. е. интимно-лирическое, личное – я пытался сдержать, обуздать уздой ритма.

Меня занимает, достаточно ли крепко взнуздано это стихотворение?

Невольно вспоминаю Ваше замечание об антилирической природе ямба. Может быть, антиинтимная природа? Ямб – это узда «настроения».

С глубоким уважением
О. Мандельштам

На темном небе, как узор,
Деревья траурные вышиты.
Зачем же выше, и всё выше ты
Возводишь изумленный взор?

Вверху – такая темнота –
Ты скажешь – время опрокинула,
И, словно ночь, на день нахлынула
Холмов холодная черта.

Высоких, неживых дерев
Темнеющее рвется кружево:
О месяц, только ты не суживай
Серпа, внезапно почернев![1]

[1] Приложена также другая редакция этого ст-ния (с вариантами в двух стихах), см. в т. 1 наст. изд. раздел «Другие редакции».

20. С. К. МАКОВСКОМУ
Из Гельсингфорса в С.-Петербург,
27 июня (10 июля) 1910 г.

Глубокоуважаемый Сергей Константинович!

Будьте добры сообщить мне, находите ли возможным напечатать (в сентябре?) вместе с другими эти два стихотворения. Мой адрес: Helsingfors, Talbacka[1].

Ваш О. Мандельштам

21. В. И. ИВАНОВУ
Из Хювинкя в С.-Петербург,
2 (15) марта 1911 г.

Дорогой Вячеслав Иванович! Я уехал на несколько недель в Финляндию по причине болезненного состояния. Примите глубокий поклон и будьте очень строги, если станете меня читать в «Академии».

С искренним уважением

Осип Мандельштам

22. В. И. ИВАНОВУ
Из Конккала в С.-Петербург,
21 августа (3 сентября) 1911 г.

21/VIII 1911

Дорогой Вячеслав Иванович!

Спешу сообщить Вам радостную новость, что могут быть открыты новые стихи Тютчева.

---

[1] Гельсингфорс, Тальбака.

Именно: сенатор А. Ф. Кони рассказал мне, что в его архиве имеется ряд писем Тютчева к Плетневой, весьма интимного содержания.

Письма получены Кони непосредственно от самой Плетневой. В них попадаются отдельные стихотворные строки (частью из известных стихотворений) и целые стихотворения, поясняющие текст.

Есть, между прочим, стихотворение такого содержания: поэт хотел бы идти в зной по тернистой дороге, чтоб изнеможением заглушить в себе страдание любви. Однажды Кони докладывал об этих сокровищах академии, но встретил глубокое равнодушие. Через несколько дней драгоценные бумаги будут в моем распоряжении, и будет известно, какой праздник нас ожидает.

В ожидании скорой встречи
с глубоким уважением
Иосиф Мандельштам

23. Г. В. ИВАНОВУ

С.-Петербург, осень 1913 г.

Юрочка!

Я в «Записках». Напиши мне, что тебе удалось сделать. Я позвоню к тебе оттуда 547-02.

24. П. Е. ЩЕГОЛЕВУ

С.-Петербург, осень 1913 г.

Многоуважаемый Павел Елисеевич!

Я слышал о Вашем желании иметь для «Современника» произведения акмеистов. Будьте добры ознакомиться с содержанием моего стихотворения, и хотел бы сегодня же узнать Ваше решение.

Готовый к услугам
Мандельштам

25. М. В. АВЕРЬЯНОВУ

С.-Петербург, 29 мая 1914 г.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Вы мне обещали прибавить к 50 еще 25 р. с тем, чтобы считать наш расчет окончательным. Быть может, Вы сделаете это сегодня? Я уезжаю в деревню, и 15 р. для меня сейчас очень важны. Надеюсь, Вы не откажете.

Ваш О. Мандельштам

26. С. П. КАБЛУКОВУ

Из Котаниеми в Сестрорецк, 11 (24) июля 1914 г.

Дорогой Сергей Платонович!

По небрежности домашних только на днях получил Ваше письмо. Адрес мой: Котаниеми, близ Выборга – и всё. Неподалеку живет здесь Р<имский>-Корсаков. На этих днях собираюсь в Петербург. До свиданья в Сестрорецке!

Ваш О. Мандельштам

27. Ф. К. СОЛОГУБУ

Петроград, 27 апреля 1915 г.

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

С крайним изумлением прочел я Ваше письмо. В нем Вы говорите о своем намереньи держаться подальше от футуристов, акмеистов и к ним примыкающих. Не смея судить о Ваших отношениях к футуристам и «примыкающим», как акмеист я считаю долгом напомнить Вам следующее: инициатива Вашего отчуждения от акмеистов всецело принадлежала последним. К участию в Цехе поэтов (независимо от Вашего желания) привлечены Вы не были, равно как и к сотрудничеству в журнале

«Гиперборей» и к изданию ваших книг в издательствах: «Цех поэтов», «Гиперборей» и «Акме». То же относится и к публичным выступлениям акмеистов как таковых.

Что же касается до моего к Вам предложения участвовать в вечере, устроенном Тенишевским Училищем в пользу одного из лазаретов, то в данном случае я действовал как бывший ученик этого училища, а не как представитель определенной литературной группы.

Действительно, некоторые из акмеистов, и я в том числе, в ответ на приглашения Ваши и А. Н. Чеботаревской посещали Ваш дом.

Но после Вашего письма я имею все основания заключить, что это было с их стороны ошибкой.

Искренне Вас уважающий
Осип Мандельштам

28. С. К. МАКОВСКОМУ

Петроград, 8 мая 1915 г.

8 мая 1915

Многоуважаемый Сергей Константинович!

В ноябре прошлого года мною была предложена «Аполлону» статья о Чаадаеве, принятая к напечатанию. В течение полугода эта статья не была напечатана. Мне неизвестно, каковы были причины, ежемесячно мешавшие включению этой статьи в очередной номер; однако, не желая ждать, пока прекратится действие этих причин, я считаю мою статью свободной и прошу мне возвратить ее в виде оттиска, т. к. в настоящее время я не помню, где находится рукопись этой статьи.

С истинным уважением
Осип Мандельштам
Б<ольшая> Монетная, д. 15, кв. 38

29. Ф. О. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Коктебеля в Петроград, 20 июля 1915 г.

20 июля 1915

Дорогая мама!

Вчера получил телеграмму о приезде Шуры, которая скрестилась с моей. Жду Шуру завтра. Очень одобряю его приезд. Август и сентябрь здесь отличные.

Жить он будет на даче Волошиной.

Целую папу, Женю, бабушку.

Твой Ося

30. В. И. ИВАНОВУ

Москва, февраль – март 1916 г.

Константин Юлианович Ляндау и Осип Эмильевич Мандельштам желали бы видеть Вячеслава Ивановича по делу, имеющему занять очень короткое время.

31. Ф. О. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Коктебеля в Петроград, 20 июля 1916 г.

20 июля 1916

Дорогая мамочка!

У нас всё установилось благоприятно. Шура оправился и вошел в колею мирной жизни. Больше не скучает и смотрит совсем иначе. Третьего дня нас возили в Феодосию с большой помпой: автомобили, ужин с губернатором; я читал, сияя теннис-белизной, на сцене летнего театра, вернулись утром, отдохнули за вчерашний день. Обязательно осенью сдаю свои экзамены; узнай, пожалуйста, сроки и пришли древнюю философию Виндельбанда или Введенского. Получили вторую комнату. Милая мама,

напиши мне, как ты смотришь на мое возвращение – могу ли быть нужным в П<етрограде>. Поздравляю с политехником! Молодец, Женя! Целую папочку!

Ося

32. С. Г. ВЕРБЛОВСКОЙ

Петроград, осень 1916 г.

Дорогая бабушка!

Прими мои горячие поздравления по случаю рождения твоего.

Желаю тебе быть бодрой, веселой, танцовать мазурку, играть на рояли и поменьше думать о кислых вещах.

У нас всё вошло в норму, между прочим и мои занятия в университете. Цалую тебя и Юлия Матвеевича.

Твой внук Ося

Милая бабушка!

Сердечно поздравляю тебя с днем рождения и желаю всего хорошего. Надеюсь, что ты здорова и чувствуешь себя хорошо. Поменьше думай и беспокойся о нас. У меня очень много занятий, кроме того, я занят нашим Тенишевским лазаретом и другими делами, связанными с войной. Напомни, пожалуйста, Сем<ену> Григ<орьевичу>, что он когда-то хотел взять к себе 1–2 выздоравливающих раненых. Если он не раздумал, то сообщи мне, и я их могу достать. Очень хотел бы тебя увидеть. Может быть, как-нибудь выберусь на день. Передай, пожалуйста, мой привет Сем<ену> Григ<орьевичу> и Елиз<авете> Феодоровне.

Крепко целую тебя.

Твой Женя

P. S. Я живу у дяди Генриха и столуюсь дома. Он, бедный, очень волнуется из-за тети и Миши, которые не могут вернуться. Дела его очень плохи, так что он сдает несколько комнат.

Женя[1]

Дорогая бабушка!

Присоединяюсь к Осе и Жене и шлю вместе с ними сердечное поздравление по случаю твоего дня рождения.

Прочел Осино пожелание и всецело присоединяюсь к нему. Очень хотел бы тебя увидеть. Наверно, скоро заеду тебя проведать. Целую.

Любящий тебя Шура

Привет С<емену> Г<ригорьевичу> и Л<изавете> Ф<еодоровне>.[2]

33. А. Л. ВОЛЫНСКОМУ

Петроград, 7 декабря 1916 г.

7 дек. 1916

Многоуважаемый Аким Львович!

Если только у Вас не прошла охота посетить наш скромный «Цех», приходите в пятницу 9 дек. к Адамовичу (Георгию Викторовичу) на Верейскую, 4, в 8 ч. в<ечера>.

Все Вам будут очень рады.

До свиданья! Жму Вашу руку!

Осип Мандельштам

---

[1] Написано Е. Э. Мандельштамом.

[2] Написано А. Э. Мандельштамом.

34. А. Д. СКАЛДИНУ

Петроград, 8 января 1917 г.

8 янв. 1917

Дорогой Алексей Димитриевич!

Простите мою возмутительную небрежность: книги страхового общества вместе с извинением в понедельник 9 января будут отосланы в секретариат общества.

Звоните мне и не забывайте меня! Привет Ел<изавете> Конст<антиновне>!

Осип Мандельштам

35. Н. Я. ХАЗИНОЙ

Из Феодосии в Киев, 5 (18) декабря 1919 г.

5 дек.
Феодосия

Дитя мое милое!

Нет почти никакой надежды, что это письмо дойдет. Завтра едет «в Киев» через Одессу Колачевский. Молю Бога, чтобы ты услышала, что я скажу: детка моя, я без тебя не могу и не хочу, ты вся моя радость, ты родная моя, это для меня просто, как божий день. Ты мне сделалась до того родной, что всё время я говорю с тобой, зову тебя, жалуюсь тебе. Обо всем, обо всем могу сказать только тебе. Радость моя бедная! Ты для мамы своей «кинечка» и для меня такая же «кинечка». Я радуюсь и Бога благодарю за то, что он дал мне тебя. Мне с тобой ничего не будет страшно, ничего не тяжело...

Твоя детская лапка, перепачканная углем, твой синий халатик – всё мне памятно, ничего не забыл...

Прости мне мою слабость и что я не всегда умел показать, как я тебя люблю.

Надюша! Если бы сейчас ты объявилась здесь, – я бы от радости заплакал. Звереныш мой, прости меня! Дай

лобик твой поцеловать – выпуклый детский лобик! Дочка моя, сестра моя, я улыбаюсь твоей улыбкой и голос твой слышу в тишине.

Вчера я мысленно непроизвольно сказал «за тебя»: «я должна (вместо “должен”) его найти», т. е. ты через меня сказала...

Мы с тобою как дети – не ищем важных слов, а говорим что придется.

Надюша, мы будем вместе, чего бы это ни стоило, я найду тебя и для тебя буду жить, потому что ты даешь мне жизнь, сама того не зная, голубка моя, – «бессмертной нежностью своей»...

Наденька! Я письма получил четыре сразу, в один день, только нынче... Телеграфировал много раз: звал.

Теперь отсюда один путь открыт: Одесса; всё ближе к Киеву. Выезжаю на днях. Адрес: Одесский Листок, Мочульскому. Из Одессы, может, проберусь: как-нибудь, как-нибудь дотянусь...

Я уже 5 недель в Феодосии. Шура всё время со мной. Был Паня. Уехал в Евпаторию. В Астории живет Катюша Гинзбург. В городе есть один экземпляр «Крокодила»!! А также Мордкин и Фроман. (Холодно. Темно. «Фонтан». Спекулянты.) Не могу себе простить, что уехал без тебя. До свиданья, друг! Да хранит тебя Бог! Детка моя! До свиданья!

Твой О. М.: «уродец»

Колачевский едет обратно. Умоляю его взять тебя до Одессы. Пользуйся случаем!!

Милая Надежда Яковлевна! Шлю Вам сердечный привет,

братец N...[1]

---

[1] Приписано А. Э. Мандельштамом.

36. М. А. ВОЛОШИНУ

Феодосия, 15 (28) июля 1920 г.

15 июля

Копия послана Эренбургу

Милостивый государь!

Я с удовольствием убедился в том, что вы толстым слоем духовного жира, простодушно принимаемого многими за утонченную эстетическую культуру, – скрываете непроходимый кретинизм и хамство коктебельского болгарина. Вы позволяете себе в письмах к общим знакомым утверждать, что я «давно уже» обкрадываю вашу библиотеку и, между прочим, «украл» у вас Данта, в чем «сам сознался», и «выкрал у вас через брата свою книгу».

Весьма сожалею, что вы вне пределов досягаемости и я не имею случая лично назвать вас мерзавцем и клеветником.

Нужно быть идиотом, чтобы предположить, что меня интересует вопрос, обладаете ли вы моей книгой. Только сегодня я вспомнил, что она у вас была.

Из всего вашего гнусного маниакального бреда верно только то, что благодаря мне вы лишились Данта: я имел несчастье потерять 3 года назад одну вашу книгу.

Но еще большее несчастье вообще быть с вами знакомым.

О. Мандельштам

37. О. Н. АРБЕНИНОЙ

Петроград, ноябрь (не ранее 14-го) или декабрь 1920 г.

Милая Ольга Николаевна!

Билеты на «Петрушку» есть. Зайдите за мною завтра в 6 ч. Если Вы надумаете идти к Дроботовой, то приходите к 2 ч. в столовую Д<ома> И<скусств>. Во всяком случае до 6 я вернусь оттуда. Возношу молитвы о погоде и Лине Ивановне.

Ваш О. Мандельштам

1921–1934

38. Н. Я. ХАЗИНОЙ

Из Москвы (?) в Киев, 9 марта 1921 г.

9 марта 1921

Надюша милая!

Получил вашу записочку. Буду в Киеве через несколько дней. Не унывайте, друг милый. Подумаем, как устроить, чтоб вам не было плохо. До очень скорого свидания, дружок! У меня всё готово к отъезду.

Только никуда не уезжать и спокойно ждать моего приезда!

Ваш О. Мандельштам

39. В. Я. ХАЗИНОЙ

Из Москвы в Киев, май – начало июня 1921 г.

Милая Вера Яковлевна!

Рад вам сообщить, что у нас всё благополучно. Должно быть, в субботу мы с Надей едем в Тифлис в хороших условиях и на определенное обеспечение.

Я встретил здесь своего приятеля, Особоуполномоченного по эвакуации Кавказа, и он нас берет с собой на

службу в Грузию. Это очень хороший человек, художник Лопатинский, когда-то он работал со мной в Наркомпросе. Теперь он во главе огромного учреждения на Кавказе. Отношения у нас прочно-дружеские, и он всё для меня сделает, что может.

Я съездил без Нади в Петербург. Голодать не пришлось. Живем у Жени. Ковер будет продан на дорогу очень скромно, сейчас ковры не в цене, и продать очень трудно, тысяч двести думаем получить. Надя здорова, сырой воды не пьет и ничего сырого есть не будет в пути. Настроение бодрое.

Адрес наш: Ростов, Управление Особоуполномоченного Центроэвака на Кавказе, для Мандельштама. Это центр. Оттуда едем дальше. Оттуда же перешлют ваше письмо по пути нашего следования.

Проезжая Харьков, телеграфируем в Киев.

Перед отъездом подаем заявление в литовскую миссию. Основания (мои бумаги) признаны достаточными. Это продлится месяц и механически будет сделано в наше отсутствие. Сердечный привет Якову Аркадьевичу и Анне Яковлевне.

С истинной преданностью,
О. Мандельштам

40. А. С. БАЛАГИНУ

Москва, 26 апреля 1922 г.

Уважаемый Александр Самойлович!

Мы были у Вас с опозданием (домой-то пришел только в восемь!)

Если разрешите, завтра соберемся в то же время (т. е. к 8-ми).

Ваш О. Мандельштам
26/IV/22.

41. С. А. ПОЛЯКОВУ

Москва, июля последние числа 1922 г. (?)

Уважаемый Сергей Александрович!

Анастасия Ивановна Цветаева просит вас выдать ей пособие, назначенное ей на последнем заседании правления; беспокоится, что у нее нет удостоверения личности (для получки), и потому просила написать эту записочку.

Ваш О. Мандельштам

42. Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Москвы в Петроград, 11 декабря 1922 г.

11 дек. 1922

Милый Женичка!

Шура до сих пор носит письмо к тебе, потому что он не знает, где купить марки. Могу подвести итоги этому месяцу.

Шура живет у нас в доме в комнатке неопределенного назначения, не то «комендантской», не то «для приезжающих».

Комнаты никакой, разумеется, он получить не может, да ему и нельзя жить отдельно: он растеряется, а кроме того, он же у меня, т<ак> ск<азать>, на «полном пансионе». Он живет здесь «явочным порядком». Думаю, что это можно длить, сколько нам понадобится, т. к. у самого «коменданта», населившего дом свояками и родичами, совесть не чиста. Собираюсь его прописать: как член семьи он вправе жить со мной, не занимая лишнего места, а спит он ведь на столе или ящике, куда кладут тюфячок. Вялость его и пришибленность понемногу проходят. Я устроил его на службу в Госиздат. Сейчас его нет дома: уже несколько дней ходит на работу и очень этим доволен. В нем проснулась добросовестность прежних времен. В Госиздате организовали отдел рекламы, т. е.

оповещения мира о книжных новинках Г<ос>изд<ата>. Пригласили работать трех человек. Один из них Шура; он даже проявляет инициативу. До сих пор, конечно, он не заработал ни копейки, а получать будет мил<лионов> 400. Но всё его жалованье будет уходить на одежду: совершенно разваливается, нет буквально ничего, кроме тряпок, и мне еще придется ему прибавить.

Живем мы дружно, по-семейному. Я к нему привык, содержать его мне почти незаметно, и ни за что его от себя не отпущу. Авось выровняется. Перестанет говорить извиняющимся голосом и научится твердо входить в комнату, в чем он делает уже успехи.

Мои дела неплохи. Ни одной крупной получки до сих пор у меня не было, но по мелочам набежало довольно. До сих пор спали на ужасном узком кухонном столе. По приезде купили хороший пружинный матрац, поставленный на раму, наподобие турецкого дивана. Зимняя шапка, ботики, перчатки, обувь съели массу денег. В комнате тепло и уютно, но ведется вечная борьба с шумом (соседство кухни). Я почти никого к себе не пускаю, и прежде чем ко мне прийти, всякий думает, не помешает ли мне. Это удивляет Шуру и не нравится ему. Он предпочел бы веселую богемную жизнь, чтобы в комнате постоянно болтались 5 человек и чтоб его самого не изгоняли. Теперь я хочу приспособить Шуру для переписки «Антологии», вместе с Над<еждой> Яковлевной. Эта работа поздно, но все-таки вышла. 20-го расчет: дополучу 1½ миллиарда (500 получено). Потом я взял во «Всемирной» перевести драму за 3 миллиарда (работы на месяц) и еще заключу договор с Госиздатом. В двух последних местах четверть суммы получу авансом.

Немедленно сообщи мне, как твои дела; как видишь, на днях (всё очень долго подготовлялось) я буду действительно в состоянии тебе ссудить. Ох, боюсь, как бы мне когда-нибудь не пришлось у тебя брать!!!

Пришли Татичкину карточку. Скажи ей, что дяди ее крепко любят и помнят, и тетя тоже.

Марии Николавне сердечный привет и Анне Дм<итриевне>.

Теперь. Папе напишу отдельно. Но ты тоже напиши мне о нем. От самого ведь не добьешься толку. Что сказать о себе? Мне хочется жить настоящим домом. Я уже немолод. Меня утомляет комнатная жизнь. Мне и работать для себя трудно: мало времени остается от хлопот и заработной беготни.

Целую тебя, милый.

Твой Ося

43. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Москвы в Петроград, первые числа января1923 г.

Дорогой папочка!

Посылаю тебе с Женей весть о нас с Шурой.

У нас всё хорошо. Работаем, живем дружно, не нуждаемся. Женя тебе подробно расскажет о нашем быте.

Я же только скажу, что до нормальной жизни нам недостает квартиры из 2–3 комнат.

А это как раз невозможно [.....]

Если ты приедешь сюда на днях, будем очень рады. Поздравляем с Новым Годом и желаем всяческого добра.

Твой Ося

<Дорого>й Эмиль Веньяминович! <Поздра>вляю с Новым Годом! <Бу>ду рада, если прие<дете в> Москву. Привет [.....]

Надя[1]

---

[1] Приписано Н. Я. Мандельштам. В угловых скобках восполнены утраты текста.

44. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Москвы в Петроград, ранняя весна 1923 г.

Дорогой папочка!

Сегодня к вам едет на 2–3 дня Шура. Мне ехать сейчас бессмысленно, потому что я должен ждать ответа Бухарина. Я у него был вчера. Он был очень внимателен и сегодня говорит по телефону с Зиновьевым о Жене. Обещал сделать всё возможное и предложил мне систематически поддерживать с ним связь.

Он сказал, между прочим: «Я не могу дать поручительства. На днях ЦК запретил это делать своим членам. Остается только окольный путь».

Потом он сказал: «Возьмите его на поруки вы (т. е. я?), вы человек известный (?)». Завтра я узнаю от Бухарина, как отнесся Зиновьев к его просьбе и какие «auspicii»: виды на будущее (выражение Бухарина). Еще он спрашивал, кто из коммунистов (видных) знает Женю, очевидно рассчитывая поддержать их выступление со стороны. Если можно, достаньте от Комячейки института заявление, характеризующее Женю. Отзыв о его поведении и настроении за последний год. (Очень важно![1]) Я передам его Бухарину, и это облегчит его действия. Повторяю: прием был исключительно хороший. Беседа продолжительная: минут 20. Он сказал, что Зиновьев еще приедет в Москву. Жалел, что не узнал вчера утром, когда Зиновьев был здесь. Сами Зиновьева не беспокойте.

У нас всё благополучно. Одно плохо. Хотя необходимое есть, денег последнее время в обрез. Не могу послать сейчас ни гроша. Не задерживайте Шуру, он должен вернуться к сроку, иначе потеряет службу, которая для него всё.

Папин приезд дня на три (чтобы не оставлять Марию Ник<олаевну> одну) очень желателен.

Сам я могу выехать, как только будет смысл. Меня ничто не задержит.

---

[1] Приписано на поле.

45. Б. В. ГОРНУНГУ
Москва, май или июнь 1923 г.

Многоуважаемый Борис Владимирович!

Давайте все-таки возьмем следующую пятницу. У меня на плечах огромная и спешная работа; буквально каждая минута эти дни рассчитана, и, физически присутствуя на своем докладе, я всё равно буду неспокоен. Передайте мои извинения Л. К.

С искренней преданностью
О. Мандельштам

46. Л. В. ГОРНУНГУ
Москва, август (не позднее 10-го) 1923 г.

Многоуважаемый Лев Владимирович!

Спасибо за стихи. Читал их внимательно. Простите меня, если я скажу о них в этой записочке: в них борется живая воля с грузом мертвых, якобы «акмеистических» слов. Вы любите пафос. Хотите ощутить время. Но ощущенье времени меняется.

Акмеизм 23-го года – не тот, что в 1913 году.

Вернее, акмеизма нет совсем. Он хотел быть лишь «совестью» поэзии. Он суд над поэзией, а не сама поэзия. Не презирайте современных поэтов. На них благословенье прошлого.

С приветом О. Мандельштам

47. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ
Из Гаспры в Петроград,
20 или 21 сентября 1923 г.

Дорогой папочка!

Вот уже месяц, как от Шуры ни слова, не отвечает на письма, телеграммы и т. д. Он был оставлен хранителем

всего моего имущества; в наше отсутствие произошли важные перемены: я отказался от комнаты (письмом в Союз). Обо всем он ничего не сообщает. Какой-то ненормальный!

Срок нашего пребывания здесь кончается, 6–8 октября мы должны выехать, т. е. через 15–17 дней.

Если б не дикие тревоги из-за безобразного молчанья Шуры (между прочим, у него квитанция ломбарда на наши шубы, срок кончается 22 сентября, я телеграфировал, он не отвечает – просто сошел с ума?!?) – так вот, если б не это, я мог быть очень доволен результатами двухмесячного нашего отдыха, особенно для Нади. Плохо то, что нам нечем ехать. Не хватает 2 червонцев. Занять нельзя. И после 6-го жить здесь тоже нельзя, перестанут кормить. Я писал тебе спешную почту и телеграфировал.

Если не получим к сроку от тебя этих денег, а это возможно лишь телеграфом на Ялту или проще на «Крым, Кореиз, Гаспра», – то мы очутимся в безвыходном положении. Это письмо тебе пересылает д-р Белоконский, который едет сегодня утром в Петербург. Еще просьба: если знаешь, что с Шурой и где он, телеграфируй ему насчет наших шуб, пока есть 2 льготных недели срока от 22 сентября. Он обещал всё это сделать, но уже месяц от него ни звука! Непостижимо!!!

Беспокоюсь за мебель, которую ему доверил перевезти в другое место.

Что с Шурой?

Целую тебя, Женичку и Татю.

До скорого свидания.

Ося

Милый Эмиль Веньяминыч –

я пополнела, поправилась – вы были бы довольны, не то что в Москве. Целый день играю в шахматы. Осе отдых не в отдых из-за Шуры – не понимаю, что с ним случилось. Раньше он поправился, повеселел (ведь пер-

вый отдых за 5 лет), а теперь всё идет насмарку из-за волнений.

Целую Вас.

Надя

Привет Е<вгению> Э<мильевичу> и М<арии> Н<иколаевне>. Выросла Татичка? Помнит ли Осю и меня? [1]

48. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Москвы в Петроград, конец ноября 1923 г.

Дорогой папочка!

Получили мы твое последнее письмо-фельетон. И оно доставило нам большую радость. Ты смотришь в корень и проявляешь большую проницательность. Мы тебе немедленно ответили телеграммой. А сейчас, в ожидании приезда твоего, хочу тебе подробно на всё ответить.

Приехав в Москву, мы три недели жили у Евгения Яковлевича на Остоженке. Это было довольно уютно и весело, благодаря его милому характеру и тому, что он как раз перед этим развелся с женой, – но не очень удобно.

Я несколько растерялся. Выпустил вожжи. Ни работы, ни денег, ни квартиры. Надюша ездила четыре раза за город (о городе мы и не думали). Всё напрасно. Там лачуги, чепуха, дорого, слякоть. В городе комната стоит червонцев 40. Мы хоть уезжать – но куда? – были готовы! Хотели снять с учета магазин, чтобы жить.

И вдруг приходит человек и говорит: немедленно поезжайте на Б. Якиманку. Через 20 минут мы за Москвой-рекой. Тихая улица. Доми<к – > «особняк с колонками». Квартира профессора, который живет круглый год на даче. Комната огромная: 8×8 аршин, 2 окна, светлая... Тихо... Рядом живет какой-то чудак, что-то вроде

[1] Приписано Н. Я. Мандельштам.

музыкального критика или стихотворного эстета... Бедность в доме, как в 20<-м> году.

Просят за комнату 15 червонцев и сдают ее до осени. Разумеется, мы взяли. Там видно будет. Очевидно, мы купим ее совсем. Сейчас мы уже месяц как переехали, прописались, перевезли мебель.

У нас тепло, невероятно тихо. До центра 20 м<инут> трамвая. Ни одна душа к нам не заходит. Своя кухня... дрова... тишина... Одним словом, рай... Акушером переезда был Евг<ений> Як<овлевич>. Он занял у кого-то для нас 5 червонцев в нужную минуту. На %?! Остальное я наскреб. Все вещи целы.

Что я делаю? Работаю для денег. Кризис тяжелый. Гораздо хуже, чем в прошлом году. Но я уже выровнялся. Опять пошли переводы, статьи и пр. «Литература» мне омерзительна. Мечтаю бросить эту гадость. Последнюю работу для себя я сделал летом. В прошлом году работал для себя еще много. В этом – ни-ни...

У нас, папочка, есть всё необходимое для зимы: обувь, калоши, пальто, шапки, перчатки. Надюшу я одел заново вообще (два платья). Я хожу в стареньком костюме, но он еще держится. К нам ходят только братья: Шура и Евг<ений> Як<овлевич>.

Шура живет у моего приятеля Парнока. Трое в одной комнате. Беспорядок. Грязь. Холод. Комната эта около «Союза» на Тверском б<ульваре>. Он очень устает. Почти каждый день у нас обедает (второй раз, после госиздатного обеда). Сегодня он был чистенький, в новом черном костюме. Я в счет долга купил ему ботинки-скороход. Он бритый. Новый галстук. Ему нужна кровать. Мечтаем устроить его хоть на ночлег, по соседству. Но ему будет далеко на службу. Он много работает, и, хотя он всегда ноет и бредит «сокращеньем», – он прошел благополучно через сокращенье и его, конечно, ценят как очень добросовестного работника.

Наде Крым очень помог. Температура иногда еще скачет – но она живой человек, хозяйничает, не валяется весь день, ходит по городу – чудеса!

Милый папочка! Скажи правду – ты приедешь к нам и когда? Мы тебя так примем, что лучше нельзя. Тебе должно понравиться. Что у тебя с раной? Не нужна ли тебе клиника в Москве? Я могу устроить. Береги себя. Берегись работы. Что такое ты затеял с трестом?

Можете приехать вместе с Женей. Если Женя хочет приехать, помоги ему только доехать ко мне. Если он уже будет здесь, я выцарапаю деньги, пошлю М<арии> Н<иколаевне>. Пусть он отдохнет, поищет работы в Москве или через Москву...

Милый Эмиль Веньяминыч! Получили ваше чудесное, остроумное письмо и страшно обрадовались, – давно уж ничего не получали. Мы очень хотим, чтобы вы приехали. У нас в комнате вам будет гораздо удобнее, чем в прошлом году, и наконец-то мы сможем вас принять по-домашнему и хорошо. Очень, очень прошу вас приехать. Ося сейчас меньше бегает, и вы не будете целый день со мной, на что вы очень жаловались, хотя, право, мы отлично с вами проводили время. Я и сейчас говорю Осе и Шуре, что, если б они были ко мне такими милыми и внимательными, как вы, было бы очень хорошо. Целую вас. Жду. Буду очень рада вас увидеть. Приезжайте.

Надя[1]

49. Э. В. и Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМАМ

Из Москвы в Петроград, около 21 декабря 1923 г.

Дорогой папочка!

У нас всё складывается благополучно. Работа, конечно, принята. Деньги я получаю в два приема, половину сейчас, половину через десять дней (кризис кассы издательства перед праздниками). Поэтому посылаю тебе сейчас 3 червонца – ½ червонца на подарок Татичке –

[1] Приписано Н. Я. Мандельштам.

и через 10 дней посылаю еще 4. (*Ручаюсь за Осю, как только заплатят – вышлю, чистая случайность, что перед Рождеством не было выплат. Надя.*[1]) Кроме того, письмо от Германа. Прости, что распечатал: думал, есть порученья, но не разобрал почерка. Был у Гольца. Он сказал, что ответ надеется получить в понедельник. Он в самом деле преданный тебе человек и с большой охотой делает то, что обещал: он хочет, чтоб ты работал.

Мы с Надей во вторник едем на неделю в Киев: нам стоят только билеты. Там нас будут кормить, возьмем оттуда посуду, разные нужные хозяйственные вещи. Это будет наш отдых – всего за 4 червонца. Кроме того, нас ждут по возвращении 6 червонцев в Кубу «акобеспечения», за 4 месяца. Выдают 10 января. Итого я получу 13 червонцев, числа 8–10-го. Будь спокоен, я не сделаю такой низости, как украсть, буквально, у тебя 4 черв<онца>!!! Теперь, папочка, довольно о деньгах. Мне обещали устроить службу в редсекторе Госиздата. Обещал заведующий Госиздатом. Вообще мы значительно успокоились. Не тревожимся за будущее. Мне стыдно, что я ничего не посылаю Жене. Но я сразу исправлю этот грех из аванса за новую работу, которую я получаю после праздников. На праздники Шура переезжает к нам.

Милый папочка, плохо мы тебя принимали! Тебе у нас было беспокойно. Мы не держали себя в руках. Ты попал на один из «кризисов». Но при такой каторжной работе, как наша, кризисов длительных быть не может: наступает и облегченье. Следующее письмо мы пишем тебе в понедельник. А в Киев едем во вторник. Пиши на наш адрес Шуре. Наш адрес в Киеве на неделю с 26-го декабря по 6 января: Новая ул., уг<ол> Мeринговской, д. 1/3, кв. Хазина.

Милый Женичка! Твой брат всё это время был совершенно беспомощен. Но все-таки я выбрался из ямы. После праздников жду тебя. Я уверен, что тебе можно устроить

---

[1] Приписано Н. Я. Мандельштам.

службу в Москве и перевод в Университет. Напиши нам в Киев, немедленно. Страшно хочу тебе помочь. Но всё в обрез. На руках 4 червонца, на две недели. После праздников будет гораздо лучше. Ты знаешь меня: лишь бы тебя увидеть – и я начну думать только о тебе (таково уж мое свойство). Приезжай через две недели. Я буду с тобой всюду. Это ужасно, что мы не живем вместе. Моя Надя 2 года ждала поездки к родителям. Я не могу лишить ее этого. А как она устала! Как работала! Это тебе скажет папа.

Папочка! Я посылаю еще ½ червонца совзнаками. Это на подарок Татичке от нас. Купи игрушек и вкусных вещей. Ты сумеешь!!!!

Целую. Надя[1]

Хорошей елки желаю Татичке! Целую милую детку. Папа купит ей мои подарки.

До свиданья, папочка, через месяц в Петербурге.

Ося

Береги здоровье! Следи за раной!!!

50. А. В. ШИРЯЕВЦУ

Москва, 21 января 1924 г.

Уважаемый Александр Васильевич,

весьма меня обяжете, ответив мне на следующие три вопроса: 1) известно ли Вам, что на основании Ваших показаний Правление Союза Писателей постановило отправить мне письмо, содержащее порицание и угрозу лишения комнаты; 2) согласны ли Вы с таковым использованием Ваших показаний; 3) что именно говорили Вы обо мне представителям Правления Союза Писателей?

Надеюсь, Вы не откажете мне в незамедлительном ответе, потому что отсутствие у меня определенных све-

---

[1] Вписано Н. Я. Мандельштам.

дений по всем трем вопросам делает чрезвычайно неопределенными наши личные отношения.

С сов<ершенным> уваж<ением>
О. Мандельштам
21/1/24
Москва, Б. Якиманка, 45, кв. 8

51. С. З. ФЕДОРЧЕНКО
Москва, 9 июля 1924 г.

9/VII/24

Уважаемая Софья Захаровна!

Вчера Вы были так добры, что в первое же мое посещенье занялись моей характеристикой и в кратком очерке прибегли к выраженью: «ничего, что он, т. е. я, – немного жулик...». Очевидно, говоря это, Вы полагали, что сообщаете мне нечто естественное, к чему я привык как к общественному положенью и своего рода «званию». Иначе я не могу объяснить той легкости, с которой чудовищный эпитет сорвался у Вас с языка... Вы очень ошиблись: я не привык к подобным характеристикам, даже шутливым и дружелюбным. Вчера я не хотел углублять этой «темы» ради моей жены, – теперь же настойчиво прошу Вас указать мне источник гнусных сплетен, которым Вы, очевидно, поверили и чего не скрыли от меня (считая, что это не повредит нашей приязни).

Жена моя и я просим Вас, если Вы дорожите нашим уважением, – определенно и точно сообщить, кто и что говорил Вам обо мне предосудительного. В случае же, если Ваши слова имеют своим источником Ваше личное от меня впечатление, – положение совершенно непоправимо.

С искренним уважением
О. Мандельштам
Адр<ес>: Б. Якиманка, 45 кв. 8.

52. А. К. ВОРОНСКОМУ

Из Ленинграда в Москву, 1924 г., не ранее августа

Уважаемый Александр Константинович!

Посылаю Вам выправленный текст моих «записок». Простите за чудовищную проволочку: она объясняется отнюдь не забывчивостью моей, а тем, что я хотел над вещью спокойно поработать. Буду Вам весьма признателен, если Вы сообщите мне, когда и где Вы собираетесь ее печатать, т. к. я предполагаю, выждав приличный срок после появления ее в «Красной нови» или «Круге», напечатать ее с некоторыми дополненьями книжкой, о чем я и вел переговоры с Ленинградом.

Разумеется, после моей медлительности я не решаюсь торопить Вас, а с дальнейшими моими планами на книгу буду ждать ровно столько, сколько Вам потребуется.

С искренним приветом
О. Мандельштам
Ленинград. Ул. Герцена, д. 49, кв. 4

P. S. Из мелькавших названий мне бы хотелось остановиться на «Шум времени», с подзаголовком: «записки». Очень прошу прислать корректуру, которую я не задержу.

53. Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ

Ленинград, 1924 г. (?)

Милый Женя!

Я выпросил у М<арии> Н<иколаевны> маминого Гоголя, которого мы выловили с Надей 2 года назад в папином скарбе и попросили его сохранить.

Если ты хочешь хранить эти книги у себя, я их тебе верну, но мне кажется, что я их, так сказать, «заслужил»: 1) как «писатель» и 2) так как я уже спас от гибели Пуш-

кина и другие мамины книги, и если бы я не вынул когда-то Гоголя, он лежал бы и сейчас у деда в корзине. Пока до свиданья!

Если дорожишь Гог<олем> – немедленно верну.

Твой О.

54. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 14 октября 1925 г.

Надичка родная моя! Душенька милая!

Ты сейчас из Москвы уедешь, а я на почтамте тебе пишу в 6 ч. в<ечера>. Вчера на обратном пути я заехал к Выгодскому. У него было заседанье домкома, и потом мы говорили о «Прибое», и я придумал Эдгара По (?). А у Лившица мне открыл рыжий мужчина, похожий на повара, и сказал: «Никого нет». Вечером я даже перевел 3 стр<аницы>. Аня была кроткая. А сегодня мы в 8 встали, до 12 работали, и я пошел всюду: в газету, в «Прибой», в Гиз. В газете мне обещали завтра выписать 60 р. Горлин дал какого-то «Билли»: 100 строк – 50 р., а «Прибой» захотел Эдгара По (?).

Родненькая моя, я тебе пишу всё это потому, что я этим уезжаю, еду к тебе и уже вот близко – птица моя родная, воробушек с перчаточками! Я целую твои перчаточки, ниточки и шапчонку.

Теперь ты послушай: я в самом деле могу выехать во вторник и завтра это выясню. Завтра я подам заявленье Фин'у и пошлю в Лугу.

А Саша всё плачет.

Надюшка! Я очень веселый и совсем здоров. Не мечусь, а спокойно всё делаю – и всё-всё-всё время думаю о тебе, о Наде о родной моей.

Надичка! Ау? Дитинька, береги себя. Жди меня. Я тебе телеграфирую день отъезда. Господь с тобой, Надинька. И колечки привезу.

Ося

Целую тебя, Доня, пиши каждый день хоть по открытке. О. Е. в хорошем настроении. Я нервничаю без тебя. Писем не получила, ничего не помогает. Как здоровье?

Аня[1]

Надька моя! Надюшок! Нануша! Я буду писать завтра 2 раза.

Дитя мое, мы вернулись домой – не хватило 20 к. Я глупо написал про Горлина: договор подписан сегодня, а кроме него еще 100 стр<ок> «Билли».

Детка, будь спокойна. У нас тепло и солнце сегодня было. Я хочу к тебе, я буду у тебя.

Так может быть только несколько дней. Люблю тебя, Надичка, целую лобиньку и губы.

55. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 15 октября 1925 г.

15/X/25 6 ч. в<ечера>

Нануша моя родная!

Вот в четыре часа я пришел домой, пообедал традиционные тефтели, и затопили камин и ванну. Аня получила письмо, но от своей Женички. А я, Надичка, завтра плачу страхованье и часть Саше. Я был сегодня на Московской в Страхкассе, и мне сказали, что всё можно сделать и оформить здесь. Сегодня утром мы внесли проценты за часы. «Красная» дает мне завтра 60 р., а Горлин в среду 21-го – экстренных за стихи 50. Значит, 110 из 200 уже есть. Вопрос с «Прибоем» почти решен: ищу Эдг<ара> По в пер<еводе> Бальмонта, чтоб показать им. Таким образом, Надичка, я смогу выехать на той неделе, не дожидая вторника. Ведь из Москвы есть поезда? «1002 ночи» осталось 20 страниц. Но завтра Гиз дает всего 100 р., а 20 числа 125 р.

---

[1] Приписано А. Я. Хазиной.

Вот, родненькая, дела! Книжечку я тебе привезу обязательно: уж что-нибудь выдумаю.

Наночка, почему ты не написала из Москвы? Разве так делают Няки? Надик, завтра будет телеграмма от тебя?

А Мариэтта вернулась, и я хочу к ней завтра зайти. Детонька моя, телеграфируй t°!!! И как ты ехала в поезде?

Надичка, у меня кружится голова – так я хочу тебя видеть.

А ты купила дыньку в Мелитополе? Дета моя, радуйся жизни, мы счастливы, радуйся, как я, нашей встрече. Господь с тобой, Надичка. Спи спокойно. Помни советы мои, детка: 1) к доктору, 2) лучший пансион, 3) мышьяк и компрессы.

Вчера встретил на улице Фогеля (он искал квартиру в наших краях). Он говорит, что для тебя особенно важна неподвижность. Не ходи! Не гуляй! На почту бери извозчика или посылай кого-нибудь.

Дета, целую волосики. До встречи, родная пташечка моя.

Ося

Целую глаза и губы и митенки.

Детуся моя дорогая, Надик милый, прошу тебя: не кури.

56. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 16 октября 1925 г.

16/X пятница

Надинька дорогая!

Сегодня утром я ходил с Сашей по делам. Дал ей 15 р. и уладил с страхованьем. Сегодня мне дважды звонили из «Прибоя» и просят сделать 4 листа Рабле. Завтра ответ на мои условия: 160 р. (половина вперед). Купил калоши. Сейчас для благодушия лежу в постели и диктую послед-

ние страницы «коврика». Чувствую себя совершенно здоровым. В начале будущей недели надеюсь окончательно ликвидировать всё. Открыточку твою получил.

Надичка, где телеграмма из Ялты? Детуся моя, будь веселая и не держи меня в неизвестности.

Целую родную мою.

Ося. Няня

Аня кланяется.

57. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 30 октября 1925 г.

Надик, милый мой новорожденный дружок!

Горячо целую. Невероятно как хочу тебя видеть.

Скоро, скоро будем вместе. Я никогда так по тебе не скучал и так к тебе не рвался. Слышишь? Надик?

До свиданья. Твой Няня

Я еще много, много буду тебя нянчить, как прежде, по-настоящему, беречь, радовать. Надик маленький, приди ко мне.

58. Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Ялты в Ленинград, около 9 ноября 1925 г.

Дорогой Женя!

Доехал я до Москвы, вышел на перрон – и опять... Тут и присел на доски. Привели люди к нач<альнику> станции. Туда уже приехал и забрал меня Шура. Это, я думаю, от духоты и дурного воздуха в вагоне. После Москвы стало уж вовсе нестерпимо и пришлось переходить в мягкий. Теперь мне с каждым днем лучше, и осталось одно головокруженье во время ходьбы (легкое). Курить

мы бросили совсем. Я даже подымаюсь по крутым уличкам и лестницам – и ничего.

Надя тебе про себя написала. Трудно с ее питаньем, когда, временами, кишечник ничего не переваривает.

Спасибо тебе, что повозился со мной. Улучи минуту – сходи к фининспектору. Ты сам знаешь, как это важно.

Работать я уже могу, но очень умеренно, в половинную нагрузку. Если Ленгиз (Выгодский) вышлет деньги, – то у нас есть декабрь, а не то – один ноябрь. (Недаром я не хотел сюда ехать, не оплатив ноября!) О прежней сумасшедшей работе не может быть больше и речи.

Милый Женя, к сожаленью, мы встречаемся лишь «во дни торжеств и бед народных»! Но, видно, так суждено. Я очень думаю о папе. Будь к нему внимателен. Он без калош, без фуфайки. Позаботься о нем, пока я не оправился. Я же устрою ему малость денег через Выгодского. Получил ли в «Звезде»?

Пиши, Женя! Не забывай своего старого заслуженного брата.

Целую Татиньку! Целую тебя! И особенно папу-деду!

О.

В Москве было очень худо, прямо страшно – а всё – невроз – так сказал профессор (еще один).

59. Д. И. ВЫГОДСКОМУ

Из Ялты в Ленинград, 15 ноября 1925 г.

Телеграмма

Прошу Давида Исааковича передать Горлину высылаю рукопись Карстена двадцатых числах первого могу начать новую работу деньги двадцатого прошу выслать телеграфом пансион Тарховой. Сердечный привет. Мандельштам

60. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Ялты в Ленинград, около 20 ноября 1925 г.

Дорогой папочка!

Очень огорчен, что ты беспокоишься. Мы с Надей очень уютно здесь живем. Последнее приключение в стиле петербургских со мной было в Москве. Теперь уж две недели не знаю ни докторов, ни лекарств, умеренно работаю и двигаюсь.

Живем мы в громадной комнате с тремя окнами и балконом. Улица уходит в гору, и нет ни одного ровного места: вверх или вниз! Сейчас я сижу в рубашке, засучив рукава, и на балкон выйти боюсь, потому что слишком жарко. Так бывает полдня. Но иногда и ночи почти душные, а иногда вдруг сразу холодеет и туман такой, что крепко закрываем дверь, и ничего не видно, ни моря, ни города. Надя очень и не шутя поправилась, прибавила 5 фунтов веса. Уже 10 дней у нее нормальная температура, но перед этим были нехорошие дни, и боли в кишечнике все-таки держатся, хотя и не острые.

Несколько раз мы спускались в город, гуляли по набережной и пешком подымались домой. Сейчас Надя разбила градусник (второй уже!), а градусники здесь стоят 4 рубля! Милый папочка, не беспокойся о моем здоровьи: я работоспособен и совсем еще не инвалид. Мне нужен был лишь отдых, а лучшего отдыха и не придумать. В Москве Шура был необычайно мил и внимателен. Если б нужно было, он меня проводил бы хоть <в> Крым! Народу сейчас в Ялте очень мало, одни больные, большей частью санаторные. Против нашего дома санатория, а рядом, за стенами, больные. Туберкулезные на вид очень здоровые и жизнерадостные люди, мы к ним привыкли и не боимся их ничуть.

Надичка помогает мне в работе, часа 2–3 в день. Диктовать здесь оказалось некому, а сам я, как знаешь, не пишу. Сегодня и вчера у Нади болезненные дни. Температура сейчас 37°, она лежит в постели, но весе-

лая. Я купил Наде домино-костяшки, шахматы и карты. В домино мы с ней много играем, кроме того, она шьет себе какую-то штуку, делает пасьянсы и вообще играет в разные игрушки, что ей очень к лицу. Даже учится английскому языку, очень усердно.

У нас уплачено в пансионе до 1 декабря, а там нужно вперед дать 250 р. От Госиздата я жду в этом месяце 320 р.: должно хватить. А сейчас мы сидим с 8 рублями, но нам и не надо денег: разве что на фрукты и газету.

Поцелуй, папа, Женю и Татиньку! А вдруг мы на масленице вернемся? Нет, об этом нехорошо для Нади думать! А я-то, конечно, приеду. Пиши, папочка, подробно о себе, пришли мне свои рукописи, давай как следует переписываться! Целую тебя крепко.

Твой Ося

Милый деда! Целую вас много раз. Ося поправляется и добреет.

Надя[1]

61. В ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»

Из Ялты в Ленинград, 9 декабря 1925 г.
Телеграмма

Высылаю перевод опозданием двадцатых числах Мандельштам

62. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Ялты в Ленинград, 16 декабря 1925 г.

Дорогой папочка!

Получил твое доброе и хорошее письмо; хоть по-немецки – но разобрал всё. В двух словах соль положения: мы сейчас переживаем полный денежный, а может, и жизненный крах. Госиздат на время или навсегда лоп-

---

[1] Приписано Н. Я. Мандельштам.

нул. Не только жить, но даже вернуться нечем. Уже вторую неделю туда и назад летают телеграммы... Зима в Ялте тяжелая. Дожди. Пансион плохой. Надя всё время хворает. Температурит. Сильные боли. Общее улучшенье, однако, несомненно. Я же – ничего. Работать могу.

Целую Женю и Татиньку.

Твой Ося

Женя, мог бы поинтересоваться!

Целую деду. Хочу скорей вернуться. Скучаю.

Надя[1]

Вернуться Наде – немыслимо.

63. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Ялты в Ленинград, 18 или 19 декабря 1925 г.

Дорогой папочка!

Третьего дня я послал тебе паническую открытку. И в самом деле было с чего бить тревогу... Целый месяц мы сидели забытые Госиздатом – без всяких получек, без твердой работы – и с предупреждением, что на будущее рассчитывать нельзя. Вчера получили телеграмму Горлина: ближайший месяц опять обеспечен. Спасибо Выгодскому, удивительно внимательный человек на страже моих интересов...

Получив деньги – немедленно тебе вышлю. А на будущее время бери прямо у Выгодского, когда он для меня будет получать (5-97-33).

В твоем письме зимняя Ялта изображена раем. Это жест<окая> ошибка: это скорее умеренный ад. Холод. Осень. Скука. Таких ливней я никогда не видел. Под домашним арестом, не видя лица человеческого, сидим неделями... Работаем по-городскому, но не устаем.

---

[1] Приписано Н. Я. Мандельштам.

У меня к тебе большая просьба: не пиши по-немецки – половину не разбираю, по десяти раз перечитывая письмо.

Я приеду, очевидно, в феврале, тогда поговорим о [.....]

Гораздо вероятнее, ты примешь (к большой нашей радости) предложение прожить с нами с апреля по октябрь – на дворцовой дачке в царскосельском парке? Передаю пока перо Наде:

Милый деда!

Нам очень хочется снять дачу, но не в Луге, а в Царском, в «Китайской деревне» (это несколько домов в самом парке) домик и прожить вместе лето. Напишите, милый деда, как вы к этому относитесь. Целую.

Надя[1]

Твое письмо, как ни трудно его прочесть, – всё же и прозрачно и понятно. Ты хорошо обо мне думаешь, я же – страшная свинья. Имей в виду – я крепок и здоров. У меня было <u>острое</u> заболеванье. Жду не только писем, но и <u>работ твоих</u>. А у меня своих трудов – нет. Пока – не хочется.

Целую крепко тебя, Татиньку и Женю.

Твой Ося

Стыдно, Женя! Ай-ай!

64. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Севастополя в Ялту, 29 января 1926 г.

Севастополь. Буфет

Радость моя ненаглядная!

Я не хочу писать тебе открытки, потому что я хочу сказать, что ты нежняночка – милая моя в худых туфельках – как стояла на набережной ангелом родным...

Целую, целую, целую и радуюсь, что ты со мной, что ты со мной! Я прекрасно доехал. Поездка бодрящая.

---

[1] Приписано Н. Я. Мандельштам.

Телеграммы отправлены. Билет в кармане. Был очень сонный и замерз. Сейчас отогрелся и отдохнул.

Надичка, покойной ночи... Спи, дружок мой ясный, и проснись умницей.

Няня с тобой.

Всё время буду писать с дороги.

Сейчас без 10 девять.

65. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Харькова в Ялту, 30 января 1926 г.

Родная Надинька!

Сейчас приехал в Харьков. Завтра в Москве поезд стоит целый день. Ехать было очень скучно, но я встал только в 12 часов. Погода довольно теплая – 5° (?). Завтра обменяюсь с Шурой шапками и погуляю. Я спокоен, весел и здоров. Целую тебя, моя радость, – завтра пишу подробно.

Твой Нянь

66. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 2 февраля 1926 г.

2 февр.

Родная моя нежняночка!

Здравствуй! Няня твоя с тобой говорит и целует в лобик! Мне хорошо, детка. А тебе как? Не скупись на письма.

В Москве меня встретил донкихотообразный и страшно милый Шура. Потом я поехал к Пастерн<акам> и видел их мальчишку. Он сказал: «Я еще маленький». Ему 2½ г. Он требует участвовать в общем разговоре. Твоему Жене Шура не успел передать. С Аней говорил по телефону. Она сказала: «У меня частная служба». Пояснить не пожелала. Подробности узнаю завтра. Дела так: (Да,

между прочим: в Москве меня заговорил Пастернак, и я опоздал на поезд. Вещи мои уехали в 9 ч. 30 м., а я, послав телеграмму в Клин, напутствуемый Шурой, выехал следующим, в 11 ч. (?). Приехал – и в ГПУ на вокзале мне выдали мой багаж. Вот приключенье!) Вот, Надик, дела: Ленгиз – разворошенный муравейник. Тенденция – не то сжать, не то уничтожить. Никто ничего не знает и не понимает. Горлин разводит руками с виноватой улыбкой. Около него – только ближайшие сотрудники. Публика и дамы уже перестали ходить. Рецензии еще есть, но книги посылаются на утвержденье в Москву. Первая партия уже послана. Как только вернется – будет новый договор. Лозунг такой: быть ко всему готовым и пользоваться последними неделями для обеспечения себя работой. Мне выписано в Гизе на завтра 125 р. в оконч<ательный> расчет за текущ<ие> кн<иги>. Сегодня получил 100 р. за «ничего» в «Звезде»: устроил это Белицкий. Ионов уезжает. Белицкий остается – пока. Получил 3 книги на реценз<ию>. На субботу «включен» по горлинской заявке. В «Прибое» абсолютно спокойно. Они переписывают, я правлю. Обещают не задержать. Нашел машинистку. Сегодня приступаю к диктовке.

Деду нашел бедного, сжавшегося в комочек за печкой, с головной болью. Развеселил его. А Женя мой безукоризнен.

Мар<ия> Ник<олаевна> вежлива, как пустое место. Вчера мне ванну стопили. Женя предлагает мне: 1) столовую 2) светлую людскую 3) или комнату поблизости. Категорически отказываюсь от комнат. Мы сделаем так: я компенсирую 10–15 р. Надежду, и она перейдет на месяц в темную людскую. (Женя подтверждает, что это самое лучшее, т. к. мне нужен «дом».)

Погода очень мягкая: 3–4°. Переход был очень легкий. Итак, роднуша, февраль уже оплачен сполна («Прибой» + 225 р. Гиза). Заключу еще договор-другой, и опять мы свободны и с марта можем быть вместе. Сегодня звоню Фогелю о кварце и сообщу тебе телеграфно.

Надинька! Если тебе скучно – помни: к 1-му марта я могу быть с тобой!

Нет, детка моя: я могу быть с тобой в любую минуту: только скажи!

Пташенька бедная! Что там с тобой? Телеграфируй подробно!

Господь с тобой, родная! Ангел мой, люблю тебя, ненаглядная моя.

Твой друг, брат, муж. Няня

67. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 3 февраля 1926 г.

Родная пташенька!

Вот мой сегодняшний день: с утра 3 часа гулял в Гизе. Касса была закрыта. Ждали артельщика из банка. Потом в 2 часа на телеграф. Потом обратно в Гиз. Завтрак у «Гурме». Сегодня Горлин сказал, что, как только Ангерт привезет из Москвы утвержденный план, мы заключим договор. Потом поехал в «Сеятель», показал им горлинские новые книжки: берут. Если попрошу – Горлин их отдаст.

Ну, деточка, – довольно о делах. Я знаю, как это тебя волнует, – потому пишу наперед. Не об этом, ласточка, с тобой говорить! Я тебя люблю, звереныш мой, – так, как никогда, – не могу без тебя – хочу к тебе... и буду у тебя...

Ненаглядная моя, ты за тысячи верст в большой пустой комнате с градусничком своим! Жизнь моя: пойми меня, что ты моя жизнь! Как турушка твоя? Весела ли ты? Смеешься ли? Да понимаешь ты или нет, что я только февраль согласен быть без тебя и больше ни денечка!

Аню, детка, я, свинья, еще не видел. Занят. И она тоже. Только перезваниваемся. У Выгодских и Бенов был. Давид с Эммой невозмутимые испанцы. Бены жалуются на дитиньку: его зовут Кирилл (?). У него злые профессорские желтые глазки. Он не улыбается и сердится

очень. **И**м теперь тесно. А в доме Выг<одских> может освободиться для нас квартирка.

Пока что, деточка, я сплю в столовой. На диван кладут мне волосяной наш тюфяк. Засыпаю в 1 ч., и до 10-ти глубокая тишина. Тепло и хорошо.

Сейчас был у Пуниных. Там живет старушка: лежала она на диване веселая, но простуженная. Встретила меня «сплетнями»: 1) Г. Иванов пишет в парижских газетах «страшные пашквили» про нее и про меня; во-2), «Шум времени» – вызвал «бурю» восторгов и энтузиазмов в зарубежной печати, с чем можно нас поздравить. Еще курьез: сегодня в Вечерней я прочел, что «вчера я ходил в Финотдел жаловаться на налоги». И не думал я ходить! Врет газетка – но это хорошо: я эту вырезку посылаю тебе и сохраню газетку для фининспектора!

Нежняночка! Я еще не имел от тебя писем. Знаешь, где я пишу? На Николаевском вокзале в десятом часу вечера, после Пуниных...

До завтра, детуся! Господь с тобой, родная! Целую нежно, долго, много... лапушки твои и волоски и глазы...

Становлюсь в очередь с письмом. Пиши ежедневно, родная.

Твой Нянь

Надя! Не скрывай от меня ничего. Слышишь, родная!

68. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, около 5 февраля 1926 г.

Родная моя!

Что ни день – от тебя письмо... Спасибо тебе, нежняночка! Ты жизнь моя, а еще спрашиваешь... Знаешь, детка, быстро-быстро пройдут эти недели. Нас оторвали друг от друга. Это какая-то варварская нелепость: мы не можем не быть вместе.

Уже два дня я не выхожу. Больше 20° мороза с сильным ветром. Сижу в кожаном кабинете. Окна замерзли.

Тепло. Тихо. Татька. Тихонечко работаю. Мне уже переписали всю книгу. Не кривя душой скажу: ты умница, хорошо перевела: совсем, совсем неплохо. Очень мне помогла. Дай расцеловать тебя. С завтрашнего дня Женя нашел мне машинистку – работать у меня.

Деда – ангел. Ходит для меня в «Прибой» и на почту. Рецензии есть, но денег за них не сразу выдают: они выписываются и накапливаются. Завтра приезжает Бройдо – Завгиза. Ждем полной ясности.

Аню всё еще не видел, но каждый день с ней говорю. Оказалось (пришлось тянуть ее за язык), что она служит гувернанткой при двух детях – мальчик 7 и девочка 9 л<ет> в «среднебуржуазной» семье. Это она называет «частной службой». Голос у нее веселый, и по телефону я слышал, как ее теребят дети: «Они зовут меня смотреть на их представленье».

Надюшок, как ты распорядилась деньгами? Не давай в восьмой номер больше 30. Оставь себе 50 р. на расходы. На днях вышлю тебе еще 100 р. Детка родная, близкая моя, хоть бы карточка твоя со мной была! Я твой чесучовый шарфик обмотал и ношу вроде жабо. Наш плед – это тоже ты...

Пиши мне правду, только правду о своем здоровьице. Каждую мелочь пиши. Жена Пунина не советует кварц, а лучше дождаться солнца. Сейчас говорил по телефону с Шкловским. Он здесь. Приедет ко мне завтра. «У меня, – говорит, – есть дело к вам!» Я думаю, Надинька, что, кончив «Прибой», поеду в Москву, а оттуда так близко к тебе, что я не устою... Что ты скажешь? Впрочем, я буду рассудительный, пока нужно, пока можно быть рассудительным.

Господь с тобой, ненаглядная моя, радость моя – жена моя без колечка еще. Люблю, как только можно любить, т. е. дурею и ни с кем ни о чем не могу говорить. Жизнь моя: целую без конца.

Нянь

Завтра подпишусь на вечерние для моей детушки газеты и вышлю «Трамвай».

Ты не поверишь, а мне у Жени очень славно. Татька ходит в детский сад. «Дама» с нее сошла. Она тощая и очень шальная девчонка. Читает всё, даже на днях прочла «аборт» – бабушка, что такое? – и «правительствующий сенат». Деда тебя целует!

Анна Андреевна шлет привет. Ек<атерина> Конст<антиновна> тоже.

Нануша: не кури (и я), кушай яйца, масло, пей какао. Не опускайся. Подтягивай старуху. Дразни ее червонушкой?!

69. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 7 февраля 1926 г.
Телеграмма

Телеграфируй здоровье температуру только правду всегда тобой Няня всё благополучно писал вчера сегодня.

70. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 7 и 8 февраля 1926 г.

6 ч. в<ечера> 7 февр.

Родная моя! Получил сегодня твое грустненькое письмо и к вечеру жду ответа на телеграмму. Детушка-зверушка, неужели тебе там плохо? Вели хорошо топить в комнате! Какие купила туфельки? Ходишь ли в город? Как твой вес? Я, родная моя, уже четвертый день не выхожу; у меня был легонький «грипп» – на 37,3° – уже прошел... Да и морозы, кстати, полегчали. Завтра уже выйду. Деда мне даже не пробует читать философию: всё равно видит, я не о том... Женя над ухом бубнит по телефону... Модпик цветет! Татька на коленях у меня тебе написала письмо: своей рукой... Сегодня, маленький мой, я дошел до листочков твоей работы, и мне весело их перебирать.

Пташенька, беляночка нежная, – каждый вечер, засыпая, я говорю: спаси, Господи, мою Надиньку! Любовь хранит нас, Надя. Нам ничто не страшно. Радость моя! Нам нет расстоянья. Но я безумно хочу быть с тобой.

Дней через 10 я кончу мои петербургские дела и через Москву поеду к тебе. Детуська! Зверик! Не смей обо мне тревожиться! Я стал человеком довоенной крепости. Мне всё легко сейчас дается.

Тут у Жени семейный мир и скука. М<ария> Н<иколаевна> страдает припадками. Она очень притихла. Папа-дедушка всё время обижается: все его обходят, обносят будто бы и т. д. Да, он прав, милая, но у них вообще голодновато...

Я, Нануша, мечтаю, как я завтра в город выйду, зайду к Горлину, увижу людей, похлопочу о новом договоре, пошлю тебе газетки и спешное письмо.

А сейчас, родненькая, папа отбирает у меня это письмо – опустить. Целую тебя, ненаглядная, днем и ночью с тобой, ни на минуту не отхожу от тебя.

Твой Нянь

Родная ненаглядная Надинька!

Вчера папа опоздал отправить спешное письмо, и я сегодня приписываю.

Вчера договорил со Шкловским. Он предлагает мне съездить в Москву. Его киноиздательство будто бы само догадалось, что меня нужно подкормить. Поеду я, только кончив «Прибой». Сейчас жду машинистку, которая звонила, что уже выехала с машинкой. Вчера поздно вечером говорил с Горлиным. Мы не расформированы. Работа будет продолжаться. Ангерт вернулся из Москвы. А еще, нежняночка моя, хочу тебе сказать: я без тебя не могу, мне просто дышать нечем. Я считаю дни, но здоров и, что называется, бодр. Пташенька, телеграфируй мне чаще. Не терпишь ли ты лишений? Не утесняют ли тебя? Целую рученьки.

Твой Нянь

71. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, около 9–10 февраля 1926 г.

Родная моя голубка, слышу твой жалобный голосок! Не плачь, ребеночек мой, не плачь, дочурка, вытри глазы. Слушай свою Няню. Приблизительно через месяц можно думать о Киеве. Я сделаю всё, чтоб вызволить тебя от старухи. На этой неделе я имею от Горлина 80 р. 19-го «Прибой» дает первые 100 р. Весь этот месяц и даже следующий прекрасно обеспечен. Я постараюсь занять и выслать тебе своевременно, чтоб ты могла переехать, сразу рублей 200–250. Дета, у тебя правда не болит твой пуз? Умоляю, не скрывай. А тура? А вес? Если я паче чаяния пришлю меньше денег – оставь их себе: на вкусности, на прикупочки: мандарины, икру, хорошее масло, печенье, ветчинку. Скрась свою грустненькую жизнь. Ходи в город. Найди «нежного». Слышишь, родная! Фогель очень доволен моим отчетом. Кварц одобряет: «Почему нет?» – говорит. Советует избежать здешней весны, особенно марта.

Родненькая, знай, что я могу достать для тебя денег. Здесь Рыбаковы: Пунин попробует занять мне под «Прибой». Я еще не просил. Не знал, что тебе там худо. Держусь пока независимо. Но после сегодняшнего письма сейчас же поговорю с Женей и Пуниным, и, конечно, они мне помогут. Кривые ноженьки и нежные плечики и ротик большой – целую, целую...

Вчера была Аня. Ее не узнать. Бойкая, поздоровевшая. Служит она гувернанткой у крупного трестовика. Ходит в твоем старье, в сером балахоне, лисе и тифлисской кацавее. Через пороги прямо прыгает... Мама ей связала розовый шарф.

А я, дета, весело шагаю в папиной еврейской шубе и Шуриной ушанке. Свою кепку в дороге потерял. Привык к зиме. В трамвае читаю горлинские французские книжки.

Надик, не смей не спать! Вели ежедневно топить как следует. Часов в 11 в<ечера> мне кладут наш «воло-

сяной» на диван в столовой. Я стелю постельку. Жени никогда нет. Тишина. Бродит деда. Только успею сказать – спаси, Господи, Надиньку – и засну.

Пташенька, вот мой совет еще раз: если сумею прислать сразу достаточно денег, переезжай осторожно. Если пришлю мало – умно прикупай в городке. Начни кварц. Первые (после 210 р.) – 100 р. тебе назначены на радости жизни и на «возю». Сейчас, родная, я здоров, как никогда, спасибо тебе, ангел мой, за жизнь, за радость, за словечки твои. Завтра шлю тебе подарочки читательные.

Горлин поручил мне писать рецензии на утвержденье для Москвы. Что пройдет – будет мое. Первая же утвержденная книга. Кончив Даудистеля (вчера я сдал всю нашу работу), еду в Москву, где Шкловский подготовил мне почву.

Няня с тобой! Нарисуй мне рисуночек – свое неуклюжее что-нибудь, дочка! Дочурочка, я люблю тебя – я этим счастливый даже здесь...

Твой муж, нежняночка. Твой Нянь

72. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 12 февраля 1926 г.

Родная моя, ненаглядная дочурка!

Что с тобой? Радость моя, не волнуйся, не тревожься! Сегодня жду твоей телеграммы о здоровьи. Вечером консультирую Фогеля (вторично). Пока он находит, что тебе лучше до Киева еще месяц подождать здесь. Сообщу ему о «рвотных движениях». От Тарховой я тебя, во всяком случае, возьму. Деньги есть. «Прибой» еще не тронут. Все пока (300 р.) дал Гиз. Это хорошо. «Прибой» мне авансирует. Москва даст тоже. Новый договор будет. Я могу – и это очень серьезно – или приехать к тебе, или выехать навстречу в Киев (если Фогель позволит). Пташенька, моментально перейди на диету – куры – яйца – каша –

кисель. (Это я, а не доктор!!) Сейчас у меня сидит стенографистка (кончаю «Прибой»). Писать буду много, много... и сегодня еще второе напишу. Здоров как бык. Погода смягчилась. Не унывай, моя родненькая! Господь тебя храни! Скоро, скоро твоя Няня будет с тобой.

Целую несчетно любимую.

Нянь

73. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 12 февраля 1926 г.

12 февр.

Родная доченька, я случайно зашел к Выгодским и пишу у них это письмо. Посмотрел на нашу горку и сижу в красном кресле-ушане. Говорил я с Фогелем, доложил ему все твои жалобки. Он считает, что тошнота у тебя желудочная, что громадное значенье имеют кухонное масло и жир и т. д. Во что бы то ни стало ты должна найти в Ялте хороший стол. Возьми в гиды Емельяна и отправляйся на поиски. Деньги на переезд ты будешь иметь к 15-му (я знаю: тебе нужно 190+100 – пока что, не считая 75, посланных сегодня). В Киев ехать он разрешает хоть сейчас, но рекомендует весну в Ялте – конечно, с хорошим столом – и запрещает весну на севере, у нас. Последнее слово, конечно, за местным врачом – скажем, Цановым. Он у тебя был, детка?

Я, детуся, живу спокойно и работаю вовсю: завел манеру стенографировать. В 2 часа делаю 20 страниц. Стенографистка ко мне приходит днем, а вечером я работаю еще часок с машинисткой на 5-й линии.

В Ленгизе мне очень идут навстречу. Между прочим, для контроля над редсектором здесь назначен из Москвы Вольфсон, старый «дядя-одессит», с которым у нас приязнь. Это важная шишка. Я затащил его к Горлину, и кое-что он мне устроил.

Сегодня я обедал у Пуниных. Там девочка Ирина – замечательно честная и добродушная. Читает «Трам-

вай», перекладывая его в прозу. Чудовищно рисует. Рыбаковы предлагают 200 рублей. Если «Прибой» задержит, я возьму, а может, и обойдусь. Каково! Пока я не задолжал ни копейки.

Родная сестричка, ты мне мало и невнятно про себя пишешь: как проходят твои дни? «Лежачая» ты или «ходячая»? Сходишь ли в город? Как твой вес? Поди к парфюмерам – свесься для своей Няни и телеграфируй мне: будет похоже на коммерческую телеграмму. Надик, что значит «боли обычные»? Я хочу знать, как часто, как долго, когда? Лежишь ли с бутылочкой? Кто около тебя, родная, когда тебе нехорошо? Кругом, Нануша, только и слышишь, что о мезентериальных железах – страшно модно. В Царском есть, говорят, хороший санаторий, где можно жить в отдельной комнате и куда меня пустят. Там лечат, между прочим, железы вливаньем кальция в жилы. Я узнал это случайно. Проверю. На лето.

А пока, нежняночка: тебе предоставляется полная свобода выбора: Ялта или Киев? Только хорошенько обдумай и посоветуйся с Цановым.

Если останешься в Ялте, я на март, очевидно, приеду, предварительно съездив в Москву, а в Киев приеду и подавно. К деде звонит вчера и сегодня какой-то чудак-«инженер» – зовет «работать» по кожам. Деда бедный сегодня сменил валенки на сапоги и пошел на «совещанье». А Аня и вправду стала нянькой. (Я привык Няня с большой буквы.) Надька! Знай, прелесть моя, большеротик мой, что я весь насквозь ты и о тебе! Как твой золотой волосок-борода? Дай поцелую его. Люблю тебя, как сумасшедший, до того, что не чувствую расстояния. А у меня твоей карточки нет! У тебя есть «кася» – снимись. Пташенька, самая трудная разлука прошла: мы уже идем друг к другу. Я считаю дни. Храни тебя Господь – мою нежняночку. Целую, люблю, люблю.

Нянь

74. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ
Из Ленинграда в Ялту, 14 февраля 1926 г.

Ненаглядная, родная, любимая!

Когда ты получишь это письмо, у тебя уже будет много денежек – «кася», – и тебя уже никто, мою славную, не будет обижать.

200 р. для меня взял у Рыбаковых Пунин. «Прибой» еще не тронут – и на днях ты его весь получишь. У Р<ыбакова> я мог взять и больше. Сроком не связан. Было очень легко. Осложненье, что ему должна «старушка»...

Родная, я схожу с ума: на расстоянии всё так страшно, хоть и знаю, что ты пишешь правду. Умоляю тебя, – возьми постоянного врача и слушайся его. Этого требует Фогель. Это просто необходимо. Пошли мне всю запись температуры и вес, когда сойдешь в город. Сколько дней ты лежишь? Как твоя тошнота? Что ты ешь? Общее или диету? Умоляю, напиши подробно, до глупости, до смешного подробно. Я иначе не могу. Когда болит? Сколько минуток? Родненькая, напиши!

Мой приезд, пташенька, не такая уж нелепость и невозможность. Большие шансы на договор в Гизе! Кажется, я смогу приехать на март с работой и остановкой в Москве. Мы опять с тобой процветем! А на апрель детку мою в Киев! А с мая с Няней в Царском Селе!

У Жени «злоба дня» – его отношения с Наташей, вернее, злоба М<арии> Н<иколаевны> и деды. Их объединяет суровый протест. М<ария> Н<иколаевна> умная и добрая женщина (Женька всё на нее валит!). Пусть, говорит, женится, как мне ни тяжело! Она по ночам отводит со мной душу, и мне приятно слушать ее меткую, очень образную речь. У Жени растерянный и виноватый вид, а у Наташи просто глупый.

Татька для меня слишком взрослая. Она сказала Наташе: «Что ты смотришь на моего папу, словно он твой ребенок?»

Деточка, я пишу опять на вокзале: это у меня вошло в привычку, словно я хожу в гости к тебе. А по утрам я сижу на кухне у Надежды и жду письма... Милая, будет ли от тебя сегодня телеграмма? Эти дни я усердно стенографирую и диктую. Осталось 17 страниц: бр! бр! Завтра конец. Потом всей энергией на Горлина и Вольфсона, чтоб поскорей меня пустили к тебе... Целую большой ротик и родные волосенки. Слышу ночью голосок.

Някушка! Пташенька! Я иду к тебе. Уж скоро. Храни тебя Господь! Будь веселенькая. Люблю. Не могу и не буду без тебя.

Люблю. Нянь

75. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 17 февраля 1926 г.

17/ II

Надик, где ты? Два дня от тебя ничего нет, и я два дня не писал. Третьего дня я был сам не свой. Ждал телеграммы. Звонил домой каждую минуту, и пришла хорошая телеграммушка. Я тогда встретил Шилейку на Литейном, и он проводил меня в «Сеятель», позвонить – нет ли телеграммы. Он был в наушниках и покупал книги XVI века. Когда мне прочла какая-то тетка по телефону твои словечки, я так развеселился, что принял Шилейкино приглашенье пить портер в пивной и полчаса с ним посидел: пил черный портер с ветчиной и слушал мудрые его речи... Я живучий, говорил я, а он сказал: да, на свою беду... А я сказал ему, что люблю только тебя – то есть я так не сказал, конечно, – и евреев. Он понимает, что я совершенно другой человек и что со мной нельзя болтать, как прочие светские хлыщи...

Надик, где ты? Я пришел опять к тебе в гости на вокзал. Меня еще душит перевод Даудистеля: я правлю последнюю часть. Работы на два дня. Надичка, я не могу

не слышать каждый день твоего голоса. Родная, что с тобой было? Установилось ли твое здоровье? Как проходит последняя треть месяца? Я на днях пришлю тебе денег на весь март. Хочешь знать, что у меня намечается: Горлин проводит для меня одну забракованную книгу с поддержкой Вольфсона. Маршак заключает договор на биографию Халтурина – плотника-народовольца: 1–1½ листа, 150–200 р. Это очень легко. Я напишу в 5 дней. Затем Федин включил книгу стихов в «план» – пошлют в Москву (только список названий и «аннотацию») – и... вычеркнут... Рецензии идут... Через неделю все эти узлы распутаются. В деловом отношении я совершенно спокоен. Лишь бы мне удалось поскорей к тебе. Так не хочется тебя трогать в эти проклятые снеготаялки-города...

Надик, ты ходишь к собакам гулять? По моей дорожке над армянскими кипарисами! У Татиньки сегодня жарок. Я всё жалуюсь ей, что хочу к тете Наде, а она говорит: ну так поезжай, я тебя отпускаю. Деда ездил в Лугу «по делу» и привез насморк. Приходила Саша: без работы, продавала бублики и всё мечтает о «союзе».

Надик! Нежненький мой! Я был у Бенов: они повели меня в кино. Они ходят по понедельникам, как в баню...

Прости мне, голубок, что два дня не писал... Пташенька, как твое личико сейчас? Ты не бледная, не грустная?

Детка, стучат штемпелями на почте... Без 10-ти одиннадцать. Сдаю письмо. До завтра, любимая моя, ненаглядная.

Целую тебя. Слышу каждую минуту. Твой Нянь.

Господь тебя храни! Люблю. Нянь. Надик! Это я.

76. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 18 февраля 1926 г.

Надик доченька, здравствуй, младшенький! Няня с тобой говорит. Ты мне в письмах не пишешь температуры и пр. Так нельзя, ласковый мой. Каждый день пиши.

У Татьки ветряная оспа. Она лежит в жару веселенькая: «Напиши тете Наде, что я немного простудилась. Больше ничего не придумаю». Над губой у нее уже маленькая пустула. Болезнь пустяковая. Сегодня, Надик, у меня в Гизе хороший поворот. Приехал Вольфсон. Сначала положил резолюцию на договор, минуя Москву. Потом с Горлиным решили все-таки оформить в Москве (это займет 10 дней), а пока я получаю маленькую легкую книгу французскую о судах и судьях – 6 листов по 35 р.

Я весь день спокойненько сижу дома. Завтра кончаю «Прибой». Вечером меня потянуло на вокзал – к тебе – с «Трамваем» и газетками. Для меня эти поездки отдых – прямое сообщенье «четвертым». Деда всё ходит по евреям-каплунам. М<ария> Н<иколаевна> – она очень неплохая, настоящая умница – велит вставить ему челюсть. Эта бабушка – прекрасно ухаживает за дедой и Татькой, всё понимает и меня приняла просто без всякой натяжки – хорошо. (Ужасная бумага: покупаю новый листок!)

Вот, Надик, – на новом листке: М<ария> Н<иколаевна> умница. Женя вешает на нее собак. В истории с комнатой (теперь это ясно) она совершенно была ни при чем. Женя сдал комнату какой-то пожилой актрисе – с дочкой. Его почти никогда нет дома. Он забросил Татьку. Татуська обижается и ревнует его. Иногда я ухожу работать в светлую людскую – потому что люблю кухню и прислуг. И потому еще, что «немножко» курю, – а в чистых комнатах из-за астмы нельзя. Но «немножко», Надик! Ты не поверишь: ни следа от невроза. На 6-й этаж подымаюсь не замечая – мурлыкая. 3 дня уже оттепель. Снег черный. Лужи. 2° тепла.

Сегодня Федин спросил: сколько я хочу за книгу стихов? Сказал: 600 р. Посмотрим. Это ерунда. «Прибой» начнет платить, очевидно, во вторник. Знаешь, Надик? Положенье наше в начале марта будет ничуть не худшим, чем в октябре.

Если тебе хорошо – не уезжай из Ялты. Мы еще с тобой погуляем, родная.

Надик родной, целую: пора сдавать письмо.

Няня

Всё время помню.

77. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 19 февраля 1926 г.

Пятница

Родная моя! Я сижу в маленькой людской – потому что здесь «уютненькей» – и кончаю буквально последние 5 страниц проклятого немца. Как меня душила и тебя, мой маленький, эта работа! Завтра я о ней забуду. Утром я еще ездил на Лиговку к машинистке. К трем часам заехал в Гиз. Зашел в комнатку к Федину и Груздеву. Они как раз заполняли бланки с предложеньями книг: я мельком прочел: «один из лучших совр<еменных> поэтов». Стараются! В числе других пробуют протащить «Рвача» Эренбурга. Надик! Надоело мне это проталкиванье и протаскиванье! Эти няньки и спасители-охранители! Мне грустно, деточка моя.

Горит красная лампочка, и Надежда поет «Кирпичики». Мне не мешает. Подошел деда и развил план насчет замши: нужно ему написать «доклад». Татуся вся в ветряных оспинках. Замучила свою бабушку, требует: играй. А у меня требует «Трамвая», зачем я у нее отнял – для тебя, Надик.

Сегодня от тебя не было письма. Что с тобой, Надик? Ответь своим голоском! Как турушка? Не болит или болит? Ведь у тебя уже «десять дней». Надик, я совсем не представляю себе, как ты живешь! Следит ли за тобой врач? Это необходимо.

Сегодня вечером, отправив это письмо, я зайду к Бену. Все ужасно боятся, чтоб я к тебе <не> сбежал: неблагоразумно. Ты, родненькая, не беспокойся: я это

сделаю лишь тогда, когда можно будет. Как взрослый! Первую неделю, Надик, я прохворал – очень легко, – простудой. От нее сейчас нет и следа. Вот я говорю с тобой и не знаю, как тебе?

Голубок-младшенький, кинечка родная – ты не хочешь в Ялте? Нет? А у тебя, скажи, весна? «Тёпа»? Ты просишься в сырость, в снег... Не надо, Надик... Киев хорош в апреле. Через неделю твоя Няня заключит свои договоры и скажет: может ли он приехать? Надик, у тебя никого там нет? Ласковый мой, ручной, о чем ты думаешь? Митя ли тебя мудрости учит? В карты тебя мучают? Родненькая, в Ялте, наверно, длинные светлые дни. Надик, я хочу увидеть нашу комнату-фонарь, пустить зайчика в большевиков, полежать на постели узенькой и твердой. Я, родная, сплю теперь просто: не думаю о сне. В час засну. В семь проснусь. А ты, Надик, хорошо? Звереныш худенький! Несдобровать тебе. Будут от меня телеграммы. Сколько тебе надо денег? У меня будет «порядочно». Прямо забросаю. Все твои письма, родная, я ношу всегда с собой. На ночь говорю: спаси, Господи, Надиньку! Еще: пришли мне последнее письмо твоей мамы. Я их всегда ведь читаю. Целую волосенки, и лапы, и лобик, и глазы. Мне грустно без тебя. Надик светленький, ответь мне.

Люблю Надю. К тебе. К тебе.

Нянь

78. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 22 февраля 1926 г.
Телеграмма

Целую мою Надиньку совершенно здоров пишу обеспечен работаю собираюсь приехать пока оставайся Ялте Киеве холодно

Няня

79. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 22 февраля 1926 г.

Надинька, радость моя, сейчас послал тебе телеграмму – очень бестолковую, но ты ведь всё понимаешь. Не уезжай, голубка, из Ялты. Может, я к тебе приеду. Ты не знаешь – забыла, – как холодно на свете и как сыро! У тебя здесь уголочек оранжерейный. По всей России и на Украине – то мороз, то грязь и оттепель. От такого перехода, Надик, никому не поздоровится... Даже я первое время прохворал. Давай дождемся – ну хоть апрельского тепла, чтоб каблучками по сухим тротуарам? Да, Надик? Слушай, ты, беленький, – ты правда герой? Где твоя тура? Дета моя, я хочу тебе жаловаться и начну с того, что у Жени дают по утрам ужасный кофий, такой мерзкий, что никаким сахаром его не заглушишь. А больше, пожалуй, не на что. Деда требует, чтоб я с ним «занимался», а Женя – его никогда нет дома. По целым дням я в «пустой» квартире с Татькой и М<арией> Н<иколаевной>. С ней очень легко себя чувствуешь: славная бабушка. Все мои выходы, родная, к машинисту – теперь у меня «дяденька» – и Горлину. «Прибою» очень понравился наш переводик. Они за мной немножко ухаживают, идиотушки. Просят работать.

Надик, мы, как птицы, кричим друг другу – не могу – не могу – без тебя! Вся моя жизнь без тебя остывает, я чужой и ненужный сам себе. Я твою телеграммку положил под щеку третьего дня и так вечером, уставши, засыпал... Таткина «оспа» проходит. У меня была лет 20 назад – не заражусь! Вместо тебя, родная, я жалуюсь Татьке. Она делает серьезное личико и говорит: «Дядя Ося, ну поезжай к тете Наде, я тебе тут никак не могу помочь!»

Хочешь, малыш, о делах? Я заключил договорок с Горл<иным> на 4–4½ листа: 210 р. Страшно легко. «Прибой» выписывает 200 – остальное в марте. Рецензии дают – 30 р. в неделю. Книга стихов зарезана. Детский договор отвергнут. Не люблю Маршака! Большая книга в

Гизе будет в начале марта. Как видишь, неплохо. Да, еще забыл: взял курьезную редактуру в «Прибое»: по 15 р. лист – 6 листов.

Надик, голубка моя, возьми меня к себе. Я здесь заблудился без тебя. Уже я не в папиной шубе хожу. Морозит. Сухо. Даже весело на улице. Дета моя, как погляжу на наши магазины-Елисеевы – так мне грустно-грустненько. На Невском ревут радии на всю улицу. Женя сегодня едет в Москву. Его выживают московские пройдохи. Он полночи вчера со мной советовался, бедный. Боится потерять положенье, страшно волнуется. Надик – кинечка мамина! Аня звонила. Здорова. Что ты думаешь, маленький, – приехать мне к тебе с большой работушкой? Ты на солнышке, Надик, лежишь на плетенке? Родной мой, помнишь, как ты меня провожал в зачиненных туфельках? Надик, встреть меня, пташенька бедная! Жди меня!

Жду не дождусь.

Спаси, Боже, Надиньку.

Господь с тобой.

Люблю. Нянь

80. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 24 февраля 1926 г.

Спасибо Надику за письмецо. Добрый мой, ласковый, никто так не напишет. Много листочков. За картинку спасибо: это ты. Я улыбался тебе, родной, я смеялся, когда читал. Сегодня событие: «Прибой» дал 200. Я сейчас же перевел тебе. По всем аптекам и складам искал антитироидин. Нигде нет. Партия разошлась на днях. Советуют звонить по телефону во все окраинные аптеки – там скорей осталось. Вечером этим займусь. 1-го марта получаю 200 р. за новую книгу в Гизе. Затем 170 еще в «Прибое». «Сеятель» сегодня дал ответ: очень хотят взять горлинскую книгу, но колеблются; просят вернуться, если Гиз

не возьмет (это большая книга). Я, родная моя, решил 3 дня отдохнуть. Посидеть с Татькой, хоть в кино пойти с Бенами или просто гулять по улицам. 10°. Хожу в дединой шубе, а его арестовал дома. Он обижается – но ему же лучше у печки, старенькому деду. Женя вчера уехал в Москву на 5 дней. Вчера звонила Аня. Я завтра к ней в гости; у нее совсем здоровый и уверенный, не тягучий, твердый голос.

Одного дитиньку ее увезли в Москву, т. е. воспитанника. Надька, ты чувствуешь, что я найду твой мудреный «тироидин»? Сегодня я пил кофеек с Горлиным у «Гурме». Правда, это был предел мечтаний в Ялте? Смотри, не сбеги с денежками в Киев: тогда я от тебя откажусь! Сиди смирно.

Надик, маленький! Мы с Беном решили написать сценарий по «делу Джорыгова». Прочти в вечерках. Это фантастика, но Ек<атерина> Конст<антиновна> просит. Я ей отдал твое письмецо.

Надюшок, 1 мая мы опять будем вместе в Киеве и пойдем на ту днепровскую гору тогдашнюю. Я так рад этому, так рад! В начале марта выяснится, могу ли я приехать (думаю – смогу). Не забывай еще Москву по пути. Это будет только весело. Что пишет мама? Дай мне ее письмецо.

Родненький, как конец твоего месяца? Расскажи своей Няне. Ты поздно встаешь, если письма тебя <не> будят? Где ты снималась – в саду или у настоящего? Для Цанова завтра вышлю тебе 2-й «Трамвай», а кстати, куплю «Шары» Иринке Пуниной: Анна Андр<еевна> с Пун<иным> сегодня на Невском искали эту книжонку. Рыбаковым отдам 100 р. 1 марта. Остальные условлено в конце месяца. Не тревожься, милый. Твой Нянь умный. Надик, говорят, что в Ялте Клычков! Хоть это и не бог весть кто, а отыщи его, тебе приятно будет. Не стало ли много хуже у Тарх<овой>? Тогда брось – но осторожно переезжай – очень, очень осторожно. Целую пташеньку утром и вечером, особенно золотой волосок-бороду.

Надик, купи себе игрушек разных в подарок от Няни, слышишь? Пиши, родной! Люблю, говорю: спаси, Господи, доченьку мою.

Твой Нянь. Твой, Надик. Твой

81. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 27 февраля 1926 г.

Родная моя, ненаглядная, – ты мне подснежничек нашла... Я, Надик, чудовище: три дня не писал. Не скрою: я эти дни слишком много работал – сделал из работы спорт. 2 книги параллельно для Гиза и «Прибоя»... Всё откладывал на вечер, на «спешное», а вечером уставал. Надик, ты прости меня: никогда это не повторится. Это просто не нужно. Мы прекрасно обеспечены. Этот курьезный «Прибой» стал для меня вторым Гизом, и сейчас у меня 2 Горлина (один – Грюнберг). Родненькая, ты от 26-го телеграфируешь, что здорова, а 22-го у тебя 37,6 (?). Что это значит? Только один день? Или держится? Родная, подробнее, подробнее, и не сердись на телеграммы: это моя натура! Детка моя, я здоров. Это правда. Очень работоспособен. Очень бодр. Физически бодр. Я очень наволновался с твоей телеграммой. Мы тут ломали голову, особенно изощрялся деда. Значит, опять Тархова? Это хорошо. Сохрани нашу комнатку до моего приезда. Я люблю наши кроватушки и «капоцан». Что он, капает? Надик, вот на чем основаны мои планы на приезд:

1) С 15 марта в Крыму до 15 мая чудесно. Это настоящие лечебные и целебные месяцы. Мы же устроены в Крыму, и жалко не использовать. Это, наконец, попросту будет весело.

2) Кроме 200, посланных тебе, я уже имею заработанных в Гизе и «Прибое» 400. (Остаток с Даудистеля (130 р.) не считается, он пойдет Рыбакову.)

3) К 15-му марта я заключу два новых договора – с Гизом (крупный) и с «Прибоем». Высылку денег наладим.

4) На 2–3 дня я остановлюсь в Москве и перехвачу там, кроме всего, некоторую толику.

Итак, у нас будет обеспеченный с «гаком» месяц, а на второй нам вышлют. Может, будет и еще лучше.

Ты бы меня сейчас не узнала бы в Ялте. Я дурак, что сидел сиднем, как маниак какой-то. Я бы сейчас лазил по горам, бегал в город, гулял ежедневно у моря. А ведь я «боялся» к переписчику сходить! Вот дурак-то был? Надичка, а Лев Платоныч еще есть? Его не зацапали? Справься: мне он очень нужен. Сегодня приехал из Москвы Женя. Ихнее общество как-то грандиозно оскандалилось. У них враги Кугель и Щеголев. Свирский устроил в подвале на Тверском, где наша старушка-сторожиха Хлебникова угощала, грандиозный ресторан. У Татьки всё прошло. Вчера ее купали в большой ванне. Я для отдыха читаю «Мертвые Души» с картинками. Твоего переводика я не выбросил, а поцеловал и поправил: он очень славный.

Ты, Надичка, стала душой общества и председателем клуба? Да? Мне простынки дала М<ария> Н<иколаевна>. На диване мне очень уютненько с тюфячком нашим. Сплю хорошо. Бываю я, Надичка, нигде. Раза 2–3 у Бена и Выгодского. Поэт Комаровский «тот самый». Он очень хороший. Достань стихи. Объясни Безобразовой. Надичка, что с тобой сейчас? Тебе не плохо? Я сейчас даю телеграмму. Дня не оставлю без письма. Все твои заботушки исполню. Лекарство почти достал на проспекте Юных Пролетариев (?).

Надик мой любимый! Храни тебя бог!

Целую головку твою и глаза твои и морщиночки!

Люблю. Твой Нянь. Я с тобой, родная. Люби меня, Надик.

Сейчас звонил Грюнбер<г>: прочел обо мне в каком-то английском Magasin'е. Уважает.

А<нна> Андр<еевна> прочла в «Mercure de France».

82. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ
Из Ленинграда в Ялту, 28 февраля 1926 г.

Родная чудная моя глупышка! Да что с тобой такое? Сегодня я утром в 10 ч. телеграфирую: абсолютно здоров и т. д. Ты в 6 ч. не получила еще тел<еграммы>. Чудеса! Нануша, что я наделал своей безалаберностью: ты мучаешься уже 3–4 дня, когда твоя Няня здоровехонька и процветает между Горлиным и Грюнбергом и т. д. Дета моя, успокой свою душеньку милую: да нечего, нечего тревожиться. Я даже не переутомлен. Чувствую себя несравненно лучше, чем в Ялте. Мне просто совестно писать о себе. Ну довольно об этом, Надик, дай поцелую твою головенку и слушай разные разности:

Во-первых: цикл моих работ закончится дней через 10. Я останусь тогда с новым большим договором от Горлина (завтра из Москвы придут книги и ответы) и, конечно, приеду к тебе. Скажи, родная, хорошо ли к весне в Ялте? Ты ведь будешь рада пожить там у собак и морюшка с Няней? Разве Киев поздно к 1 мая? Обязательно хочу туда к 1 мая! Вчера у деды была трагикомедия: он собрался в гости на Пурим к еврею-часовщику и попал в «засаду». Просидел с 9 вечера до 2½ дня с множеством разных случайных людей. Страшно волновался и, бедненький, ссылался на то, что он «отец писателя Мандельштама». С ним обошлись бережно и его не обидели. Но как жалко деду: подумай, пошел раз в год в гости. Он умудрился даже позвонить (не объясняя причины), что «остается ночевать». Вот наше событие.

В Ленгизе без перемен. Я называю это «стабилизацией». Белицкий и новый зав редсектора выписали мне все деньги по очередной работе (последние 200 р.). Очень внимательны, правда? Я теперь опять стенографирую дома: это очень удобно: 2 часа – 20 стр<аниц>, а потом правлю, а весь день хоть гуляй. Сегодня первый весенний день. Всё растаяло. Припекало даже, особенно в кабинете у Горлина было жарко-жарко... Мне портной за 2 р. 50 к. починил штаны, но срезал красоту: нижние завертушки...

Собираюсь покупать ботинки. А тебе, Надик, не надо ли чего? Напиши своей Няне: она тебе привезет. Это правда, Някушка, я привезу часы, колечки и подарочек, какой ты скажешь. Нануша, скажи, у тебя устроилось с Тарховой? Неужели нельзя к весне найти другого места (если так плохо)? Только осторожно, милый. Не рискуй. Только наверняка переезжай. Я, в сущности, консервативен, ты знаешь... Заказывай меню. Прикупай в городе хорошие вещи. Не жалей денег. Будут.

Дружочек мой нежный! Прошу тебя, пришли мне температурную кривую, восстановив ее по памяти, и в каждом письме сообщай свою турушку. Мне это необходимо. Хорошо, Някушка?

Родная, ангел мой, я слышу дыханье твое, как ты спишь и во сне говоришь. Я всегда с тобой. Я люблю тебя, Надинька, люблю тебя, жизнь моя. Господь с тобой, дружочек мой. Будь весела, женушка моя. Твой муж. Твой Нянь. Твой Окушка глупый. Ну, до свиданья, нежняночка. Люблю.

83. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 1 марта 1926 г.

Родненькая, как я, наверно, тебя растревожил! Я не писал по глупости, по бестолковости. Хотел исправить телеграммой, а вышло еще хуже. Деточка, поверь, мне хорошо, т. е. насколько может быть хорошо без тебя, т. е. ужасно. Я живу спокойно, уютно. Всё у меня ладится. Я здоров. Никто меня не раздражает, но я не могу больше этого выносить и вырвусь к тебе, как сумасшедший, при первой возможности. Маленькая Надинька, кривуша родная, я всё вижу твою фигурку на солнышке зажмуренную. Ты такая смешная, чудная, когда идешь одна... Дета моя, не надо огорчаться, надо еще потерпеть недельку-другую – и мы будем опять вместе. Как я мог, Надичка, без тебя целый месяц? Я сам не понимаю. А ты, дочурка? Вот что я сейчас делаю:

Я теперь даже к Горлину редко хожу. Два раза в день, в 10 и в 7, я медленно выползаю, в темпе прогулки – днем к многосемейному в мещанской квартирке машинисту на 1-й линии, а вечером – в громадной, с хорошим воздухом, зале – у машинистки на 5-й линии. Завтра поведу Бена знакомить в «Прибой», а вечером мы пойдем в кино. И ты поди, Надик, за свою Няню, когда захочешь? Да? Работки, что у меня на руках, я кончаю через 10 дней. Потом я свободен. Ничего спешного не возьму. Только к тебе. К тебе. Где твоя карточка?

Родная моя, родная! Слушай, мой кроткий, овечинька, заинька: ты мне, знаю, не веришь, а я тебе: я не болел, и переутомленья с последствиями тоже не было. Я живу ритмично, работаю охотно. Верь мне. Это так. Но что я с тобой сделаю?! Ты за подснежничком далеко ходила? Ты устала? А пуз не болит? А тура?

Дома нет никого. Женя ушел. Бабушка ушла к Радловым. Татька пришла ко мне на диван, и я ей читал «Шары» и прочее. Она же пела «Кухню». Говорила разные сентенции: «Взрослым от шалостей одни неприятности» и т. д. Деда ходит и ищет папирос, которых вообще нет. Сегодня к нему подошел посланец из Риги от «Германа», некий провизор – друг детства, тоже Мандельштам. Папу серьезно зовут в Ригу. Виза и проезд теперь необычайно доступны и дешевы. Мы решили обязательно его весной отправить... Весной! Ах, Надик мой, иностранец из-под развесистой ялтинской клюквы! 10° мороза ты принимаешь за 10° тепла. У нас здесь 1 марта зима вовсю: – 5–6°, –, а не +. Зима всюду, детик мой. До весны еще месяц. Дружочек, скажи мне, отчего ты не сообщаешь своей туры в каждом письме? Надик, почему ты так делаешь?

Надичка, когда я скажу твое имечко, мне весело. Ты моя. Я тебя люблю, как в первый – первее первого – день. Мне легко дышать, думая о тебе. Я знаю, что это ты научила меня дышать. Как я побегу к тебе в горку! (Я ведь теперь могу и в гору бегать.)

Во вторник я выясню вопрос с антитироидином. Я тебе завтра вышлю перевод «1002 ночи». Здорово сделано. Приятно перечесть. Это мы с Анькой делали. Подошел деда: тебе кланяется.

Надюшок, скажи, пожалуйста, снимать домик в Царском или нет? Бен говорит, что это нужно делать в марте. Я согласен на Царское с 15–20 мая. Не раньше. Ты получаешь мои газетки? Правда, я их смешно заклеиваю?

Надик, голубка моя, любовь моя, – до свиданья. Я на ночь целую тебя в лобик и говорю: храни, Господи, Надиньку.

Твой Нянь.

Надик! Люби меня. Надик! Я твой.

Нянь

84. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 5 марта 1926 г.

5 марта

Надичка, жизнь моя, спасибо тебе за карточку. Детка моя: какое милое личико, болезненно грустное, растерянное. Что ты, Надик, думал? Что с тобой, кроткая моя друженька? Я никому не покажу твоей карточки. Никто не знает, что она у меня. Когда я увидел твое грустное личико, я бросился к дверям – сейчас же к тебе... Я знаю, что ты улыбнулась бы мне, но карточка не может. Спасибо, Надик нежненький, целую лобик твой высокий. Какая ты прелестная, родная! Нет такого другого личика. «Встреча»? Ты – моя встреча, вся жизнь моя. Я жду встречи с тобой, я живу тобой. Пойми меня, ангел мой грустный. Смешно сказать, но меня отделяют от тебя 1½ листа перевода для «Прибоя». Затем я в Москве и у тебя. Я таскаюсь по городу, сжимая твои письмеца в портфеле. Не бойся: не выпущу из рук, не потеряю, не отойду от них.

Радость нежняночка, я люблю тебя. Чтоб так любить, стоит жить, Надик-Надик!

Ну вот, дружок мой, послушай меня: последние дни я не могу проследить твоего состояния: не знаю веса, t°, ничего. Одни общие места. Умоляю: подробно. Можно телеграммку.

Я, дурак, не понял твоей телегр<аммы>. Это о трех днях без писем. Заработался я тогда, но был здоров. Просто к вечеру разомлевал. Физически был крепок. Сердце прошло бесследно. Никаких припадков. Прекрасно хожу. Да ну его! О чем тут говорить!

Подробности дел: в Гизе ломают голову, как дать мне работу. Вольфсон (политредактор из Москвы) на будущей неделе предлагает съездить с ним в Москву, извиняясь, что едет в жестком вагоне: «Мы для вас что-нибудь придумаем». В «Прибое» и «Сеятеле» очень много шансов. Во всяком случае, до 20 апр. мы уже обеспечены, с моей дорогой, вдвоем.

Деда вполне здоров. Снялся. Взял «анкету». Собирается в Ригу. М<ария> Н<иколаевна> мне всё больше нравится. Она всё понимает. Просто бабушка! Надик мой! Сегодня от тебя не было письма? Ты сердишься? Нет? Родненькая, пиши мне. Скоро мы будем вместе – так пиши, моя нежная, пока я далеко, Няня твоя.

Munyша, вышла книжка Вагинова. Какая-то беспомощная. Я ее пришлю тебе. В печати хуже. Многое смешно. А<нна> Андр<еевна> с Пуниным уехали в Москву. Я воспользуюсь и зайду к Шилейке.

Надичка моя! Вот я побыл с тобой. Мне весело стало. Да, ангел мой: будем вместе, всегда вместе, и бог нас не оставит. Целую тебя, счастье мое. Твой лобик на меня смотрит. Ты волосенки откинула так – они у тебя не держатся. Целую.

Твой, родная, твой Нянь

Надичка, как сейчас у Тарховой? Когда станет дороже? Есть ли куда переехать? Твой вес? t°?

Надик, если морозы – сильно-сильно топи. Не жалей денег. Топи ежедневно. Турушку пиши за все дни. Самое главное телеграфируй.

85. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 7 марта 1926 г.

Родная моя, если б ты знала, в какой я тревоге! Уже сутки нет ответа на мою ответную телеграмму. Солнышко мое, я безумно за тебя боюсь, а главное, не знаю, что с тобой. В телегр<амме> переврали одно слово: «если» значит, очевидно, – «боли». «Опять боли»? Да, Надик? Как я могу тебе советовать, не зная всего? Потом, я писал спешные: 28-го, 1-го, 3, 5 и сегодня, 7-го. Неужели ты не получила? Буду писать каждый день, родная. Я всё боюсь, что простое пойдет долго, а к спешному опаздываю: вот ключ к перебоям писем...

Надинька, в городах сейчас эпидемия гриппа ужасная. Слякоть. Вред. Куда ты рвешься? Ты и всякая на твоем месте заболеет через 3 дня. Подожди хоть апреля, если не хочешь весны в Ялте. Не будь сумасшедшенькой. Я тебе писал не жалеть денег. Это не пустые слова: у меня их достаточно. Потрать в марте хоть 400 р. Апрель будет всё равно обеспечен. Не знаю как, но за деньги всё можно устроить. Тебе виднее, как. Не бросай только Ялту. Если ты останешься надолго (на апрель), я приеду. На днях я оборачиваю свое колесо. Беру новые заказы и еду в Москву. Оттуда к тебе. Умоляю, пиши мне подробно о здоровьи. Ты знаешь, голубка, как писать. За меня беспокоиться нелепо. Я очень поздоровел. Ничего тут не поделаешь! Если б ты знала, каким молодцом я работаю и делаю всё, что нужно. Вот Няня сама себя похвалила... Надик – я согласен на твой переезд в восьмой номер. Всё чепуха – лишь бы мою Някушку не кормили дрянью. Может, ты откажешься от пансиона и объединишься хозяйственно с Тюфлиными? Надик родненький, может, я советую глупости – тебе виднее, но не бросай Ялту в опасное время года.

Нежняночка моя, слушай свою Няню. Покупай в городе вкусные завтраки. Плюнь на тарховские штучки. Плати им хоть даром деньги. Здешний весенний холод

безвреден, а у нас или в Киеве – отрава... Слушайся, родная, Няню и Цанова. Милая моя, я весь день сегодня сумасшедший. Жду телеграммы.

Целую родненькую. Спаси, Господи, Надиньку мою.

Няня твоя. Твоя Няня

86. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, 9 марта 1926 г.

Родненькая, целую твои гранатики. Надик, что это было? Три дня я сходил с ума. С субботы на телеграмму до вторника – ничего... Что с тобой, жизнь моя? Значит, простуда прошла. А боли? А тошнота? Надик мой, всё мне мало, всё не подробно. Письма, письма жду. Какая ты умница, что осталась в Ялте! Ты дождешься теперь меня – Няни! Ты знаешь, я завтра кончаю работу. «Прибой» мне должен 300 р. Я сумею их сразу взять. Родная, уже март идет. Как нам легко теперь... Если б ты знала, как я томился эти дни. Вчера я не писал – сил не было от тревоги. Ты ведь понимаешь. Сегодня я тел<еграфировал> Мите, потом хотел срочно Тарховой и позвонил по телефону: мне прочли твою утреннюю телеграммку. А я тебя не разбудил своей? Все в доме смотрят на меня с нежным состраданием, как на сумасшедшего... Деда меня неудачно утешал, М<ария> Н<иколаевна> влияла и т. д. Пташенька моя, если б я знал, что с тобой! Теперь, правда, уж скоро я у тебя... Но твои письма обходят здоровье. Где кривая температуры? Как пищеваренье? Ведь ты же молчишь обо всем. Так нельзя. Одни обрывочки. Что говорит Цанов? Почему ты не купишь дров и не топишь вовсю? Кто тебе смеет это запретить? Сейчас же купи хороший шерстяной светер! Если не выходишь, поручи М<арье> Мих<айловне>. Хочешь знать, как с моим отъездом? Пока еще нет новой работы. Но Горлин как родной: он пришлет ее, а затем, возможно, – Москва мне даст или даже здесь Ангерт с Вольфсоном. «Прибой»

предлагает непрерывную работу, но с ними все-таки очень противно – хотя они ручные и почтительные, но какие-то сумбурные. Если я приеду с 400–500 р., я смогу с тобой прожить от 15–20 марта до 25 апреля и не спеша сделать работку. А если бы и не работать <в> Ялте? Чем худо? Но Няня приедет с работкой.

Вчера меня затащили на заседание в Зуб<овский> Институт. Читал Тихонов. Меня встретили, как Сологуба, молодежь уступала мне стулья, как Франс Энгру, и я был оракулом-младенцем – сумасшедший какой я был, думал о тебе, только о тебе. Надик нежняночка! Выпей за свою Няню рюмочку портвейна. Целую твои гранатики родные, мои, и твой новый плохой, но тоже Нянин светер. Нет такой силы, чтоб удержала меня теперь к тебе приехать. Самое большее я здесь промешкаю неделю (да вот Москва!). Ты моя милая, моя прелесть с лобиком высоким, мой друг, мой ангел. Жди меня.

Спаси, Господи, мою Надиньку! Няня твоя с тобой.

P.S. Я совершенно здоров и всё время был здоров.

87. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, около 10 марта 1926 г.

Родная наша Надинька, мы пишем тебе с Аней: я у нее в гостях (увы – в первый раз). У нее беленькая приличная комнатка рядом с спальней хозяев. Дети ее уже легли спать. Хозяин ее больше не любит. В доме есть радио.

Сегодня я получил твое сердитое письмецо: что у тебя, Надик? 37,6 от простуды или нет? А телеграммку с Митиной визой получил. Спасибо, ангел мой. Голосок твой даже в телеграммке. Вот ты послушалась меня, умница, но смотри, не жалей денег. Заставь себя кормить хорошо. Хоть за свой счет каждый день кур покупай. Главное, чтоб до моего приезда тебя не смели обижать. Я знаю, как много значат для тебя волнения: от них и тошнота и даже

боли. Будь же спокойна, солнышко мое нежное. И купи дрова и светер.

«Прибой» я терроризировал: они всё заплатят, потому что боятся, что я их опозорю. Так и сказали. Я думаю (очень серьезно) через неделю, т. е. 17-го, выехать в Москву и дальше к тебе, родная. Сегодня я писал деде анкету в Ригу. Днем у меня разболелась голова на 2–3 часа, а не на сутки, как раньше. М<ария> Н<иколаевна> – бабушка – меня вылечила порошком и вкусным обедиком.

Надик родной, спи спокойно. Няня тебе велит. Главное, засыпая, не думать о сне: тогда заснешь. Думай о горушке в Киеве и домике в парке в Царском. Ну, мой дитенок, до свиданья. Передаю перо Ане:

Надюша, я недовольна. О. Е. ходит без запонок, манжеты завернуты вокруг рук и весь в пуху. Целую доню.

Аня[1]

Надик мой нежняночка!

Я приписываю на вокзале (Анька живет около).

Это бумага ее детей.

Ты, мой родненький, спи крепко, сладко спи, не думай ни о чем грустненьком.

Деточка, воздух твой – я им дышу – он мой – он – наш!

Я люблю тебя, Надик.

88. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, около 11 марта 1926 г.

Любимая моя! Надик родной! Я пишу за 5 минут до закр<ытия> почты. Родная, спасибо за нежные словечки. Что с тобой там? Не давай себя в обиду. У меня всё хорошо. 15-го я поеду к тебе. Это почти наверно. Не могу без тебя, ласточка моя. Но будь спокойна – я живу правильно, я

[1] Приписано А. Я. Хазиной.

здоров. В делах у меня удача. Завтра я пишу подробно. Целую тебя, ненаглядная. Храни тебя бог, солнышко мое.

Твой Нянь

Целую ручки милые. Люблю. Какой я бестолковый! Не сердись!!

Деда тебя целует и Аня. Часы целы. Выкупаю.

89. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Ялту, около 12 марта 1926 г.

Надик, дружок мой ласковый!

Как мы быстренько переговорились телеграммушками! Я действительно во вторник выеду в Москву, но не знаю, сколько дней там останусь. Боюсь тебе советовать насчет Лоланова. Ну как ты там будешь совсем одна, даже без Мити и прочих? Если там копошатся хоть какие-нибудь люди, так обязательно переезжай. Брось эту трущобу. Как ведь славно и открыто у Лоланова! Но только не совсем одна. Мы с тобой обеспечены вдвоем, если я приеду 20-го, на весь апрель. Но я хочу обязательно приехать – лучше позже, но с работой, чтоб не было перебоя в мае. Это мне безусловно удастся. «Прибой» с конца апреля гарантирует постоянную работу, как раньше в Гизе. А Горлин советует мне съездить с Вольфсоном в Москву протолкнуть одну из книг. Это очень верное дело. Во всяком случае, если у меня будет наличными 500 р., а они почти уже есть, я к тебе еду немедленно из Москвы. И Горлин, и Грюнберг вышлют мне книги и подпишут договоры без меня. В мае я тебя на недельку оставлю одну – выеду вперед – подготовить твой переезд в Киев. Да, вот еще: детский отдел «Прибоя» просит книжку. С ними очень легко. Они немудреные. Если завтра сговорюсь, напишу в один день. Пойми, моя родненькая, что под самое лето мне уже стоит приехать к тебе на месяц. Но я бы уже давно приехал, если б не заботился о плав-

ности твоего возвращенья и хорошей жизни в Киеве и в Царском... Ну довольно, пташенька, о делах. Как видишь, я не рассчитываю на неожиданности, хотя они могут быть в Москве.

Посылаю тебе деду. Правда, какой он миленький? И книжку Вагинова. Знаешь, там есть строчка: «О море – нежный “братец” человечий». Я дам тебе телеграмму в день отъезда в Москву, а из Москвы о дальнейшем. Пиши пока, до первой телеграммы, на петербургский адрес, а после на адрес твоего Жени. Остановлюсь я, если на 2–3 дня, у Пастернака, если на неделю, то у Шуры. Надик, мне портной на Среднем великолепно починил брюки, и у меня «приличный» вид. Вот ботинки я куплю. Это надо. Надик, неужели ты смотрел в Ялте на набережной для своей Няни шерстку? Ах ты заботливый мой друженька, о чем ты думаешь? А светер у тебя есть? У нас опять зима. Сухо. Снежно. Вейки. Сегодня утром ели блины с одной сметанушкой только.

Няня твоя с сегодняшнего дня отдыхает: она кончила две книжки для Гиза и «Прибоя». Я часто сижу за кухней в тепленькой комнатке, хотя вся квартира пустая. Но там я как-то дома, и там мне ближе к тебе. Личико твое уже не кажется мне таким болезненным. Оно проясняется на карточке. Я смотрю на него две секундочки – утром и вечером. Понимаешь, почему? Чтоб не сбежать к тебе раньше времени. Завтра утром я иду к Горлину инструктироваться для Москвы и условиться с моим спутником.

Родной мой, нежненький, беленький, береги себя. Меньше ходи. Бери возю. Дай поцелую желтые волосики. Наверно, ты без меня воспользовалась и перекрасилась? Надик мой, я к тебе еду... У меня нерешительный тон, оттого что я очень осторожный. Только оттого.

Родная моя, не смей плакать. Спи хорошо. Я с тобой. Улыбнись мне и скажи: я твоя Някушка, иди ко мне, Няня, – и я приду. Твой Нянь.

90. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Москвы в Ялту, 16 марта 1926 г.

16/III
Москва

Родная моя Надинька! Пишу тебе в квартирке Шкловского. Утром приехал в Москву. Сразу в Гиз. Меня встретили очень хорошо, ничуть не хуже, чем у Горлина и Белицкого. Дело мое, т. е. утверждение книги, почти улажено. Остаются еще разные московские мелочи: Воронский и «Шум времени», у которого возрастает успех. На все эти делишки я ассигную несколько дней и выеду в Ялту. Может быть, придется съездить на 2 дня в Петербург, оформить с Ленгизом. Это будет, пожалуй, благоразумней.

Надичка, нежняночка, невестушка моя, – я сейчас еду к твоему Жене (я по ошибке дал тебе неверный №: не 8, а 6 по Страстному) – нет ли от тебя телеграммки.

Твоя Няня безукоризненно здорова. Ехала в жестком вагоне и рвется к тебе. Ночую (выбор большой) сегодня у Пастернака.

Не писал в предотъездных хлопотах. 300 р. «Прибой» в два приема вышлет тебе в Ялту.

Родненький мой, прости, что мало пишу. Я рвусь к тебе и хочу всё сразу сделать. Даже дня ждать не могу. Мне и весело и беспокойно. Я уже ближе к тебе! Надик мой, любовь моя! Спаси тебя, Господи, родную.

Няня твоя к тебе уже едет. Целую карточку твою бедненькую. Ау? Надик!

Я в Петербург не поеду. Договор заключит Лившиц. Скорей к моей любимой! К Надику моему! А сейчас к Жене. Завтра пишу подробно.

91. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ
Из Москвы в Ялту, 17 марта 1926 г.

17/III Москва

Родная Надик! Что ты мне не отвечаешь? Два дня я в Москве, и нет от тебя телеграммы? Вчера я опоздал к закрытию почты. Вот второе письмецо – от среды. Детка моя, мне всё очень легко удалось. Я уже получил санкцию Гиза на договор. В «Кино-печати» тоже дают фантастические деньги: 150–200 р. – ни за что. Остается поговорить завтра с Нарбутом и Воронским. Это уже мне не нужно. Мы обеспечены до самого лета. В субботу я поеду прощаться в Петербург. На все дела мне нужен там один понедельник. А во вторник думаю выехать прямо в Ялту. Вчера я ночевал у Пастернака в комнате с его братом на ужасном одре-диване, а сегодня у твоего буду Женички. Какой он славный! Они, правда, поссорились с стариками. Женю не вызывают к телефону и не открывают к нему. Лена была на днях в Киеве. А мы с тобой поедем в Киев в мае. Няня твоя здорова совсем и безумно волнуется отсутствием твоей телеграммы. Родненькая, я хожу по улицам московским и вспоминаю всю нашу милую трудную родную жизнь. Ангел мой, у Жени висит твой портрет – работы Сони. Когда я ехал к тебе в первый раз – как я ему обрадовался. Солнце мое, я люблю тебя. Со мной Шура на почте. Надик, жизнь моя, я иду к тебе.

Нянь

Целую Вас, потому что давно не видел.

С тов<арищеским> приветом корреспондент А. Мандельштам (это по служебной привычке).

17/III[1]

---

[1] Приписано А. Э. Мандельштамом.

92. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Ялты в Ленинград, вторая половина апреля 1926 г.

Дорогой папочка!

Всё это время я не писал ни тебе, ни кому, потому что впал в состояние такого глубокого отдыха, что сравнить его можно разве только со сном. Механически, правда, я работал, но за многие годы это был первый месяц, когда мы с Надей действительно отдохнули, позабыв всё – и то, что нужно было забыть, и то, чего нельзя. Надя далеко еще не выздоровела. У нее прекратились – вот уже недель шесть – боли в кишечнике и явления этого порядка, вес ее превосходный, самочувствие отличное, силы таковы, что она проходит (иногда) пешком целые версты, но температура держится упорно, обычно 37,3–4, поднимаясь часто до 37,5–6, а изредка и до 38°. Это показывает, что туберкулезный процесс активен (очевидно, в железах), но кишечник ему сопротивляется и легкие (хотя могут быть задеты и бронхиальные железы) здоровы. Надю приходится держать ближайшие годы в исключительно благоприятных и мягких условиях во избежание острых вспышек и резкого ухудшения.

Лето она может провести в Царском, но будущую зиму только на крайнем юге, лучше в Сухуме, чем в Ялте... Через две недели я думаю выехать в Петербург. В денежном отношении до сегодняшнего дня мы свели концы с концами, сейчас я жду денег на последние две-три недели и на отъезд. Уеду я, конечно, один и вышлю Наде из Москвы или из Петербурга на дорогу и на жизнь в Киеве, где она останется дней 10, т. к. по тамошней у родителей обстановке и вообще в центре большого пыльного южного города оставаться нет смысла. Царское куда лучше и мне удобнее. Факт тот, что денег у меня в обрез, т. е. сейчас их нет вовсе, и лишь по возвращении – 10 мая, в Петербурге, спокойный за Надю, не спеша, с перспективой дешевого лета, я смогу все свои усилия на первом плане посвятить тебе. Сейчас уезжать нет смысла: во-

первых, это сорвет работу, во-вторых, жалко чудесных дней, которые только что начались... Хоть краюшком их захватить после мрачной зимы. Всё цветет, небо и море синие, воздух чудо как пахнет и т. д.

Милый папочка, ты понимаешь и не сердишься. У меня сейчас короткая остановка: оазис, а дальше опять будет трудно. Вернувшись, я сделаю для тебя всё возможное. Спасибо Жене, что позволил нам продержаться до лета. С мая месяца о тебе забочусь я и Надя. Целую Женю, Татиньку милую, и горячий привет М<арии> Н<иколаевне>. Всё собирался ей написать, поблагодарить... Татьке Надя купила громадный пароход с человеческий рост. Куда его прислать?

Пиши мне, папа, пока я еще здесь. Таких друзей, как ты, у меня нет и не было, и твои письма мне большая, большая радость (немецкий почерк разбираю!). Целую крепко. До свиданья.

Твой Ося

Папочка, я не отвечаю тебе «по пунктам», но поверь: каждый оборот твоего письма, каждая фраза мне близка и понятна.

Насчет «воспоминаний» о тебе ты глубоко неправ: я их далеко не исчерпал, не вытряхнул. Мы с тобой связаны крепче, чем ты думаешь!

93. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Детского Села в Ленинград, лето 1926 г.

Милый деда!

Очень нехорошо, что вы не приехали сегодня к нам. Мы вас ждали и очень беспокоились. У нас всё налажено и хорошо. Я вас очень, очень прошу: переезжайте к нам завтра же. Привезите – кровать. Это нетрудно. Поезд с багажом идет 3 ч. 5 минут. И чашку вашу для умыванья.

Кроме того, очень прошу вас, захватите с собой лампу мою, которая стоит на верхней полке на кухне (резервуар от моей бронзовой лампы), и корзину для провизии – стоит тоже на кухне.

Деда! Если вы не приедете – мы больше не друзья, – я вас разлюблю и не приму от вас яблочка. Для вас отличная отдельная комната, и вы будете совершенно спокойны. Я даже обещаю о вас заботиться больше, чем об Осе.

Деда! Вы ведь меня не обидите и приедете? Правда, милый деда?

Я вас очень, очень целую. До свиданья, до свиданья.

Адрес еще раз: Китайская деревня.[1]

Если у тебя нет денег на переезд и носильщиков (в городе тебе должен всё упаковать и снести на извозчика дворник), – я во вторник за тобой приеду. Но умоляю, не жалей денег на переезд. Мне в город ехать незачем. Только и приеду за тобой.

Приезжай лучше завтра.

94. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Коктебель, 23 сентября 1926 г.

Родная, милая Надинька!

Вчера приехал в Детское к Ане. Теперь я уже не прогоняю нашего котика. Кика меня не узнал. Как ты доехала, голубка моя? Пиши мне всю правду. Только что договорился с Лавр<ентьевым>. Он сдал мне квартиру в полуциркуле. Составили список мебели. 50 р., но с обязательством в 3 месяца сделать ремонт на 70 р. Я страшно рад, родненькая моя. У тебя будет веселый ласковый дом. Был у Срезневского насчет Ани: с ней ничего худого: она невротик, к 50 годам всё пройдет! Аня здорова и ангельски кротка. О прочем, детка, пишу вечером, но всё ула-

---

[1] Написано Н. Я. Мандельштам.

живается. Кугель даст денег. Ничего не продаю. Даст 300. Гиз на октябрь утвердил Тартарена: 200 р.

Целую тебя, ненаглядный мой. Не жалей на кóрмушку свою.

95. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Коктебель, 25 сентября 1926 г.

Родная моя Надинька,

у меня всё хорошо. Сейчас еду в Детское. Детка моя, не жалей на себя ничего – у меня хватит на мою родную.

Ты знаешь, я снял квартирку Страховской. Мы ходили осматривать ее с Аней. 1 окт<ября> переедем. Вещей пока не продаю.

Надюшок мой Надик, как тебе там на пустом берегу?

Пиши мне подробно-подробно. Няня твоя всегда с тобой.

Няня

96. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Коктебель, 26 сентября 1926 г.

Родная моя Надинька,

как нам с нашим котиком грустно! Мы пошли с Аней на базар. У нас до сих пор была крымская погода, а сегодня – брбр! Два дня я был в городе. Маялся с газетой (бухг<алтерия> перепутала мой счет) – вырвал 50 р. И еще получу. Был на съемке Совкино, во дворе дома на Каменноостр<овском>. Родненькая моя, еще ни словечка от тебя не получил. Страховские выезжают в первых числах октября. Как только въеду в квартиру – сейчас же в Москву. Там поближе к тебе. Надик ты мой, сыночек крымский! Вот что: слушай меня: покупай масло, яйца и

много-много фруктов. Взвешивайся. Если будет холодно, телеграфируй: немедленно вышлю денег на Ялту.

Детка моя, до скорой встречи. Няня тебя целует, без тебя не может Няня.

97. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Коктебель, 1 октября 1926 г.

Пятница

Родной мой дитенок, Надик мой светленький! Зачем я тебя сослал к морю, как Овидия какого-нибудь? Ты ведь хочешь домой к Няне и к котику и к Ане? Я понимаю. Ну потерпи немножко: там видно будет... Получил телеграммку. Ты совсем здоров? Да? И циклон прошел? А ваннушки ты берешь? А к Юнгу гулять ходишь? – Далеко! Не ходи! Лучше гуляй по бережку в другую сторону, где раньше были турки-рыбаки. Главное, не жалей денег.

У меня же разные события. Во-первых, вчера я приехал вечером к Ане в Китайскую: она там 2 дня одна сторожила, и в боевом порядке, в темноте заставил сложить все вещи и перевез в полуциркуль. (Завхоз предложил мне въехать, не дожидаясь отъезда жильцов.) Дама-мегера обиделась: «У вас Якобсон, у меня – Луначарский», но я покорил ее обходительностью, и она нас пустила, т. е. вещи, а нас просила переехать в воскр<есенье>, т. е. завтра... (У них всё еще ремонт не готов.) Завтра мы с Аней водворимся. Там электр<ичество>, тепло и славненько. Мебель нам дадут после освобожд<ения> квартиры. Мы будем пока жить в 2-х комнатах. Еще новость: Леонов арестовал мою гизю. Тогда я пошел в «Прибой», получил там все деньги и смеюсь теперь, а в Гизе всего 30 р. Но я отработаю гизю в одну неделю. Аня вчера со мной приехала в город и ночует 2 ночи у дяди. В Китайской пусто – никого. Ключи сдал. Котик у сторожа. Дежурит часовой, стережет нашу посуду, которую завтра в корзиночках будем переносить. Третья новость: я вдруг, без всяких поводов, занялся налогами. Пошел – справился.

400+66+? (3<-я> получ<ка>). Мне это всё надоело. Посоветовали Федин и Войтоловск<ий> пойти в Смольный к предст<авителю> ЦК печати при губкоме. Я сейчас оттуда: любезнейший джентльмен. Обещает пригласить к себе человека из финотдела и устроить, пока что, рассрочку на год-два. Это, кажется, очень серьезно. А еще я ему обещал записку об авт<орском> праве. Сейчас всё это кипит и назревает, вообще «весна». Миша Слонимский зав. в «Прибое»! С 15 окт<ября>! Уже одного этого достаточно! Мы спасены! Давидка – редактор журн<ала> иностр<анной> лит<ературы> при «Кр<асной> Газ<ете>»! Портфель мой туго набит книгами от «Прибоя» на исключ<ительно> выг<одных> условиях. Я взялся им писать реценз<ии> для газ<еты> – по 30 р. с книги – 10–20 стр<очек>. В Детском появился мой бывший богатый дядя Абрам Копелянский – из-за границы, старый и облезлый, – рядом с панс<ионом> Белицкого они живут в чудесной квартирке. Дочка служит в «Кр<асной> Газ<ете>». Приятельница Евг<ения> Эм<ильевича>. Заходила на минутку на днях в Кит<айскую> Анна Андр<еевна>. Отдала твою розовенькую шаль и, испугавшись тет-а-тета, вскочила и убежала.

Надик, я не получил камушка: он выпал из конверта. А погода у нас райская: на солнце 18°. У меня же сильнейший насморк от холодной ночи в Царском.

Бенов я с переезда не видел. Они мне не нравятся, т. е. он, а разве она человек без него? Т. е. именно без него... Я, Надик, хотел бы сберечь наши вещички и думаю, что это удастся. Надик нежненький, ты ведь именинник! Дай же мне лобик свой и дешевое платьице-фланельку и лапушки. Целую тебя. Рожденье Надика мы будем вместе. Это я так решил. И ты? Да, Надик? Господь с тобой, родная! Будь веселенький, мой котик. Няня хочет к тебе. Это я, Няня твоя, – тебе не холодно, родной? Прислать жакетик-вязанку? Напиши! Не жалей «пелек»!

98. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Коктебель, 3 октября 1926 г.

Родная моя женушка, я больше не могу без тебя, светленький мой Надик. Зачем я тебя отпустил? Я знаю, что так нужно было, но мне так грустно, так грустно. Вчера я принес домой твои часики. Я пошел к секретарю ломбарда, и мне разрешили частичный выкуп. Часики теперь останутся с нами и никогда не уйдут, а скоро и цепочка вернется. В Царское я поеду только завтра, в понедельник. Аня эти дни у дяди. Вчера он купил ей ботинки. У меня большая перемена в работе: в «Прибое» назначен Слонимский, он предлагает мне fixe, как Горлин Бену. Завтра я с ним договорюсь. Но я хочу, мой родненький, сделать иначе: взять работу от «Прибоя» и от Маршака и приехать к тебе. Я не знаю, удастся ли это без продажи какой-нибудь меблишки? Но ведь стоит, милый. Зачем нам вещи, когда мы не вместе? Разве мы можем долго не быть вместе? Я думаю, что в ближайшие 10 дней распутаются все дела – и квартира будет закреплена договором (там уже стоят наши сундуки), и работа (большая) будет. Тогда я к тебе, мой маленький! Или ты хочешь домой? Милый, милый, как тебе? Неужели ты совсем одна? Кого ты видишь? С кем говоришь? Опиши мне хоть свой денек какой-нибудь. Я сейчас у Жени. Вчера был бал ночью у Варв<ары> Кир<илловны> с гитарой, и мне мешали спать. Погодка у нас всё время ясная, хорошо, должно быть, в Царском. Я куплю много дров, чтоб тебе было тепленько приехать, и много цветов поставлю для Надика. Ты видел Макса или нет? Я не верю, что ты без меня в Коктебеле, этот раз я вообще не верю, что ты уехала. Надик, Надик, нежняночка моя оборванная (рукавчики пальто бедные)! Тебе холодно? Скажи мне, что ты ждешь Няню. Господь с тобой, детка моя. Я муж твой. Люблю тебя.

Няня

У меня даже карточки нету твоей в городе.

99. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Коктебель, около 5–6 октября 1926 г.

Родненький Надик, больше всего меня мучит неизвестность – что с тобой? Всего, что ты пишешь, мне мало. Я ни разу не слышал голоску твоего. Надичка, подай мне голос. Откликнись и скажи, хорошо ли тебе? А мне, мой родной, неплохо – только неимоверно грустно, как никогда. Я живу, как машина, делаю всё, что нужно, и совершенно не чувствую себя. С минуты, как ты уехала, во мне всё остановилось и так и осталось. Знаешь, Надичка, я еще не был в Царском. Вчера по телефону говорил с Лаврентьевым. Завтра поеду заключать договор и платить. Сговорился. Ведь у меня одна забота, чтоб встретить тебя, чтоб приютить мою бедную нищенку светленькую. Я всё книжки читаю: много, много – для «Приб<оя>» и Горл<ина>. Уже почти отработал Леонову 90 р. Я живу в той комнатке, где мы с тобой ночевали. Там топят и не сыро. Аня же у дяди. Бен попал в зажим: его описал фининсп<ектор>, он бегал к Гефту, говорит, что получает 20 р. в неделю. Кика болел. Ты еще любишь его, Надик? Надик, пожалей меня с моими французскими книжками и твоими часиками без цепочки (она осталась отдельно – перезаложена). Надичка, я жду от тебя настоящей правды: ты здорова? Отвечай мне, детка моя, ничего не таи. Может, я дня через два поеду в Москву. Знаешь, Конор пошел в гору: он сейчас в Гизе, но уходит на Украину председ<ателем> Совнархоза. Надик светленький, кривоноженька бедная, улыбнись мне, поцелуй меня, скажи мне: я с тобой, Няня. Родненькая, Господь с тобой.

А мы скоро ведь, скоро, жизнь моя, встретимся. Да?

Няня твоя

Вес? t°? Вес? t°? Вес? t°?

100. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Коктебель, около 7 октября 1926 г.

Надик! Мы с дедом сейчас на Ник<олаевском> вокзале. Я проводил его в кафе, а теперь мы едем в Царское смотреть нашу квартирку, где хозяйничает Аня. Мне страшно жалко Аню, что она в твоей серой шинели дантовой ходит. Я научился с ней обращаться: просто, коротко и ласково – но решительно. Мы ссорились и помирились. Это было вчера.

Наденыш родной, я боюсь, что ты не выдержишь своей ссылки? Как тебе? Умоляю, правду пиши. У меня всё хорошо. Масса работы. На этой неделе вышлю тебе 100 р. Хватит тебе с возвращением 30-го? Детик мой, я напугал тебя дурацкой телеграммой: как сделать, чтоб ты поверила? Ни одной серьезной неприятности! Знаешь, как я умею вертеться волчком, мнительный, нетерпеливый, глупый. Эти три дня, что я не писал, целиком ушли на квартирные хлопоты и Госиздат! Как глупо, детка! Но я «кипел» эти дни. Будь абсолютно за меня спокойна: положение с твоего отъезда сильно улучшилось. Упрочился и оживился Горлин, расцвел Маршак, завоеван Ангерт, а «Прибой» стал земным раем. Нанушка, напиши мне, купить ли тебе к приезду шубку, что мы смотрели, за 150 р.? Я хочу с ней выехать на вокзал тебя встречать. Милый, милый котик далекий! Что твоя фланелька дешевая? Смялась она? А туфельки бедные?

У нас тепло и сыро. А у тебя не холодно? Надик, скоро Няня тебя возьмет. Ты как зверик бедный скребешься ко мне? Да?

Подожди, мой ласковый, женушка родная. Господь с тобой. Люби Няню.

Шлю сердечный привет. Холода не боюсь, и ветры мне <не> страшны. Целую крепко.

«Дед»[1]

---

[1] Приписано Э. В. Мандельштамом.

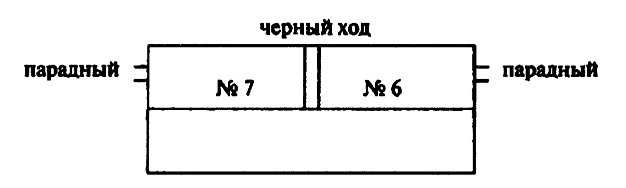
Дед написал про холод и ветер иносказательно. Надик солнышко, напиши фельетонушку. Ты так чудно рассказал про направо и налево!

101. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Коктебель, около 10 октября 1926 г.

Родненький мой, сейчас я приехал из Царского и нашел твое сердитое письмецо; другое носит с собой дед. Маленький, не сердись на меня, я три дня тебе не писал оттого, что мне было очень, очень трудно. Всё одно к одному подошло. В Гизе мне показалось, что редактор саботирует мою работу, т. е. попросту выживает меня. Эти идиоты-чиновники говорили со мной какими-то недомолвками: «Характер наших отношений должен вообще перемениться» и т. д., а на поверку оказалось, что они всего-навсего просят не торопить, «не нервировать» их с деньгами. Ты знаешь, как я до глупости мнителен. Я заразил даже Горлина, который советовал мне съездить в Москву. Маршак, заметив мое волнение, выяснил всю эту чепуху. Работа идет полным ходом. Но это еще не всё. Квартира в циркуле оказалась негодной – холодно! Всё вросло в землю. Служащие меня остерегли. И вот я каждый день разрывался между городом и Царским.

В управлении шла грандиозная ревизия. Никто не хотел разговаривать. Два дня я искал с Аней квартиру в городе, Царском – всё по твоим следам, Надик, – только у старушки уже сдана... Я уже отчаялся, но выручил тот же Максимыч: он под секретом показал мне квартиру № 7 (мы ее с тобой не смотрели) – второй этаж.

Вот план:

вход	большая комната без печки	спальня печка	столовая печка	ванная	кухня печка

Это та же шестая, только в обратном порядке комнаты и есть двери и лишняя печка. В полуциркуле мы с Аней замерзали, а в новой квартирке тепло и сухо, как у Евг<ения> Эмильев<ича>, хотя там ни разу не топили. В ванной есть еще отдельно печь и стоит кроватка для Ани. Чистенько, белые стены.

Когда я это узнал, я пошел к Лавр<ентьеву>, и совсем неожиданно он отдал нам квартирку, передал ключи и поручил Максимычу ее обставить. Кровати там лучше, чем в Китайской, а остальное он мне подберет, получив 3 рубля. Сегодня вечером он придет за списком мебели.

Мы с Аней моментально перетащили всё наше имущество, пригласили поденщицу, я принял ванну (купили дрова), и ты не поверишь, как я отдохнул за одну ночь рядом с твоей кроваткой. Детка моя, мы живем против Кикиной колокольни. Она звонит в 9 ч. утра, а в двунадесятые праздники (их немного) в 6 ч. Но это ничего. Мы будем с тобой рано ложиться. Да, Надик? Это нас дисциплинирует... И это бум-бум продолжается 15 минут.

Третьего дня я шел отправить тебе спешное письмо – и что же? Захожу в магазинчик купить носки – и хлоп! – ГПУ ищет там контрабанду. Меня продержали 3 часа и даже вывернули мои карманушки, где была по обыкновению всякая дрянь. Я, волнуясь, мешал агентам работать и требовал, чтоб меня отпустили, цитируя свое звание и показывая за неимением документа книги из Госиздата (?). Ну а потом уж я пошел домой, натерпевшись сильных ощущений, и письмецо так и не отправил. Видишь, Надинька, сколько приключений у твоей Няни. Я думаю, пташенька моя, что ты можешь, если t° не будет, на свой праздничек вернуться, т. е. 30-го? Да? Только не скрывай от меня турушку свою. Тебя ждет прием у своей Няни!

Надик мой, как ты мог на меня рассердиться! Твоя телеграмма заблудилась на 3-ю линию (?). Еще проволочка ответа... А наш котик заболел глазами. Завтра мы везем к доктору его.

Евг<ений> Эм<ильевич> тащил меня (тоже эти дни) в Москву: помогать на каком-то собрании Модпика (перевыборы). Я чуть не согласился, дед метал громы, чтоб я ехал в Москву. Полный идиотизм! Понимаешь, как это кстати? Повторение истории с Грановским...

Надик светлый, звереныш у моря, пусть камушки морские скажут тебе, что Няня твоя с тобой. Мне дико, странно, что ты одна в Коктебеле. Не сердись на меня, люби меня. Ты жена моя. Ты жизнь моя.

Господь с тобой, родная. Так я говорю, когда ложусь спать.

Няня твоя

На днях вышлю денежное подкрепление. Можно?

102. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Коктебель, около 11 октября 1926 г.

Надик, солнышко мое далекое!

Ты пальто не снимаешь? Тебе холодно, детка? Нежненький мой, я согрею тебя. Ты вернешься скоро. Как жить без тебя? Мне пусто и нехорошо. Я немного боюсь тебя раньше времени трогать! Пока что здесь чудесная осень. Дойдет ли до тебя мое письмецо? Родная, ты здорова? Решай, моя умница, правильно. Я поцелую твой лобик большой. Когда ты поедешь, я встречу тебя в Москве: хочешь?

Нанушка моя! Твоя Аня живет в Лицее, как муха. У нее есть дрова, а я у Татьки сегодня и вчера. Получил много работы. Здоров. Надик ненаглядный мой! Вчера видел Кику. У него чудная улыбочка, очень добрая. Надик милый! Я подумал сейчас ты знаешь, о чем... Я всё помню.

Надик, как мы обрадовались! Радость моя! Солнышко! Отвечай мне! Где ты?

Господь с тобой, Надик. Люблю тебя.

Няня

Часики живы. Квартирка тоже. Котик болен (глаза). Аня хорошая и кроткая.

103. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Коктебель, 12 октября 1926 г.
Телеграмма

Возвращайся непременном условии нормальной температуры противном случае выезжай Ялту телеграфируй вышлю деньги целую родненькую

104. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Коктебель, 13 октября 1926 г.
Телеграмма

Доброе утро Надик Няня советует Фогелем остерегаться ленинградской осени хорошенько обдумай Ялту телеграфируй сознательное решение температуру самочувствие случае надобности вышлю телеграфом 250 здоров всё порядке целую женушку

105. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Коктебель,
вторая половина октября 1926 г.

Здравствуй, Нануша! Няня тоскует. Не скучает, а тоскует по своей родной, по жизни своей. Милый, неужели тебе хватило твоих грошиков? Неужели ты не замерз? Ведь ты такой заброшенный, голенький, с корзиночкой, как у солдата-призывника. И воду ты покупаешь по гривеннику... Надичка, я сейчас вспомнил, что у тебя наше веселое московское одеяло. Оно вернется ко

мне. Как бы мне хотелось в Феодосию на зиму! Впрочем, нет! Лицей с Надиком лучше! Разве что очень хороший будет на юге ноябрь... Не исключена возможность моего приезда... Но это, Надинька, я только так говорю... Ведь ты настроилась на возвращение, и я не хочу тебя огорчать. Дитятко мое, прежде чем выехать, обязательно сообщи мне температуру и вес. Разве в Кокт<ебеле> нет лавочных больших весов? Как твоя тура к концу месяца? Не верю, чтоб весь месяц была нормальная... Если опять была температурная вспышка вроде последней, то приезжать на ноябрь довольно легкомысленно. Умоляю, Надик, не скрывай. Если бы тебе понадобилось остаться в Крыму до снега – я приеду к тебе. Это очень серьезно. Вообще мы теперь недурно обеспечены. Положение сильно улучшилось, хотя Бены, заброшенные Горлиным, жалуются и кряхтят. Их кормит прислуга Шура. Узнаёшь злорадную Няню? Фу! Нехорошо! Наши вещи целы (кроме кресел кр<асного> дерева). Я их сохраню для домика твоего. Завтра еду к Ане. Добывать у Лавр<ентьева> мебель. Я надавил через Главнауку, и кретин этот уступает. У нас будет очень уютно, но еще не поздно взять квартиру в 3-м этаже: комнаты меньше, две выходят на солнце, более изящная отделка, фанерные облицовочки, высокие потолки, хорошие печи и... вода зимой под вопросом, а у нас наверное. Я люблю зимнее солнце в комнатах, и ты, Нануша, любишь. Но я умный. Знаю, что ты не позволишь менять, и остаюсь там, где живем.

Всё это я делаю, Надик, для тебя и с тобой вместе. Ты бы сам так сделал. Помнишь, как ты в Ялте?

Ну, родненький, дай тебя поцелую на ночь и погляжу в твои глазки-плакуны веселые. Люблю тебя. Господь с тобой, женушка моя и жизнь.

Няня

Сегодня я спросил Татьку – любит ли она пьяных, но она оборвала разговор: «Лучше не будем о них говорить: они того не стоят!»

Инженеры деда испортили 1000 кож! Трагедия!

106. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Коктебель, конец октября 1926 г.

Надик, нежняночка далекая, неужели это последнее письмо? Ты уже на отлете. Так послушай, детка, Няниного совета: если конец месяца дал «бурную» температурную вспышку, не возвращайся, а сообщи мне, и я тебя переправлю на ноябрь в Ялту. Еще большее значение имеет вес. Боюсь, что ты жила впроголодь и похудела. Если же всё благополучно, т. е. <37,> 2–3° в течение 2–3 дней, – то с Богом выезжай. Погода у нас хорошая, хотя и холодно. Даже снег выпал непрактичный. Дни солнечные. На дорогу постарайся купить себе теплое некрасивое бельишко и чулки в Феодосии. Это Няня тебе обязательно велит. А я буду ждать тебя с материалом для шубки: мы ее в тот же день отдадим шить. Готовая мне не нравится. Не лукавь, мой маленький, не будь хитрой лисичкой. Я очень обижусь, если ты вернешься обманом. Мои дела хороши. Сегодня «Прибой» должен был утвердить мои новые договоры, но заседание не состоялось.

Господь с тобой, родная! Ни на минуту не отрываюсь от тебя! Твой муж. Твоя Няня.

В Царское сегодня не выбрался. Еду завтра вечером. Я решительно за второй этаж в Лицее. Там уже сделана уборка, и это будет наша квартирка. Жду тебя, родной, целую тебя, умненький дружок!

107. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Коктебель, начало ноября 1926 г.

Надик, я беспокоюсь, хватит ли у тебя денег. Думаю, что, пока ты получишь это письмо, вышлю тебе рублей 50. Во всяком случае, при малейшем стеснении телеграфируй. Я не продаю вещей, а получки начинаются на той неделе. Хорошо ли тебе, дружок, возвращаться в ноябре? У нас теперь очень хмуро и холодно. Подумай, родненькая! Может, махнешь через Джанкой (морем не надо) в Ялтушку? Детка, я тебя не уговариваю. Тебе виднее. А

если вернешься, мы прямо с вокзала поедем в «Ленинградодежду» и купим шубку за 150 р.!

Квартира наша в Лицее еще не устроена. Лаврентьев кочевряжится с мебелью. Это пустяки: я его – кретина – обломаю. Кровати очень хороши. Остального пока что нет. Была какая-то дрянь. Я ее выставил.

В комнатах довольно тепло и очень сухо. Если закрыть большую – прихожую, – то на две жилых приходятся полукамин и кафельная печь. В кухне кроме плиты хорошая круглая печка. Очень чисто, светло и уютно. Нануша, я думаю, что ты в Феодосии будешь жить у своей коктебельской хозяйки? Я угадал? Да? А что ты скажешь о моем плане встретиться в Москве? Мне безумно хочется! Дела мои такие:

1) книга в «Прибое», 3 листа

2) масса рецензий там же

3) Маршак предлагает пересказ «Тартарена» по 80 р. с листа (это чепуха: турусы на колесах)

4) Слонимский берет в «Прибое» простой перевод «Тартарена» (это лучше)

5) редактура у Маршака по 50 р.

6) 220 р. уже заработано в Гизе и «Прибое» (из них 80 – Леонову) (выплачивают на днях)

7) вторая книга (Вильдрак) в «Прибое» будет на днях (3 листа).

Теперь, родненький, ты знаешь, чем живет твоя Няня. У меня большой друг – деда. Он чудесный и добрый. Я всё время у него на зеленом диване. Мне там лучше. Пташенька, солнышко! Эта наша разлука ненастоящая, она самая дикая. Я не верю в нее. Ты со мной, дружок.

Господь с тобой, Надинька! Я люблю тебя. Я муж твой, Няня.

Нануша, с больнамушкой ехать нельзя! Пережди ее! Слышишь!

Ласточка моя, кривоножка! Будь осторожна с отъездом! Передумай еще раз!

108. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Коктебель, 5 ноября 1926 г.
Телеграмма

Родненькая не грусти если Коктебеле плохо переезжай месяц Ялту здоров жду ответа устраиваю квартиру Надиньке Няня

109. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Ленинграда в Коктебель, 5 ноября 1926 г.

Надик, спасибо за ласковое письмецо! Я пишу вечером на почте после телеграммы. Слышу, как ее выстукивают. Родненький, будь осторожен. Началась настоящая осень. Слякоть, мразь, и в Царском тоже... Сегодня я побывал там у Ани. К удивленью моему, она завела себе прислугу. Блестели вымытые полы. Что-то шипело на примусе. Знаешь, она потеряла котика!!! Мне это страшно больно. Ведь он был твой. К твоему приезду я приготовлю щеночка-песика, которого ты хотела. Чтоб ты не плакал, Надик. Не сердись на меня, друженька, что я тебя отговариваю ехать. Ведь я не знаю, как ты можешь устроиться в Феодосии! Но, кроме шуток, я в состоянии послать тебя в Ялту. Ведь это от Крымушки тебе лучше стало! Ведь ты хоть полдня на воздухе, даже в холод! Или нет? Ведь тебе это нужно, Надик. Урви еще кусочек, сократи нашу зиму: она длинная-длинная... Если в Феодосии не резкая, не пронзительная погода – задержись там на хорошем пансионе, пока не надоест!

А я люблю тебя и жду, но жду терпеливо. Ведь ты всё ближе и ближе. Твой голосок со мной.

Наночка! Умненькая! Ты хочешь, чтоб Няня за тебя решала. А Няня хочет, чтоб ты!

Скоро, родненький! Скоро! Пташенька светлая! Ты скоро вернешься.

Господь с тобой, женушка, друг, доченька, жена. Я твоя Няня.

110. А. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Москвы в Армавир, последние числа мая – первые числа июня 1927 г.

Милый Шура (*это диктует Ося*[1])!

Мы с Надей уже неделю в Москве и сегодня возвращаемся домой, справившись с издательскими делами. Кажется, намечается возможность через месяц махнуть на юг, и мы хотели бы взять курс через Армавир и осесть где-нибудь поблизости (лучше не у моря; напр<имер>, в Нальчике). Ты должен во что бы то ни стало вернуться осенью в Москву. Я понимаю, как тебе нужен Армавир, насколько в нем чище и лучше, но надолго это не годится. Не посылай папе никаких денег. Теперь это не нужно *(у Оси, очевидно, будут*[2]*)*. Вижу тебя, как ты сидишь в армянском кафе и мажешь на биллиарде. Мы нашли Армавир на карте и польщены его южным положением. Ты, как Печорин, поехал на Кавказ.

Мне решительно нечем похваляться – разве тем, что Надя совсем здорова (*и добродушна*[3]). Сейчас мы тряхнули московской стариной, будто никогда и не уезжали. Видели всех своих чудаковатых знакомых. Восхищались автобусами и такси. Ели икру с бумаги на извозчике, подражая «растратчикам». Умоляем тебя немедленно ответить. Если ты не ужился или нездоров, то бросай всё к черту и приезжай к нам в Детское. У нас там солидный дом с ванной, прислугой и телефоном. (*Шурик, целую вас.*[4]) Мы тоже ведем «сосновый разговор с еловым поколением». Бескин очень милый человек. Нарбут идет в гору. Гиз московский – дик и странен, как персидское посольство.

Лена требует, чтоб о ней тоже написали.

Крепко целую тебя. Жду писем. Приеду обязательно.

Ося

---

[1] Приписано Н. Я. Мандельштам.
[2] Приписано Н. Я. Мандельштам.
[3] Приписано Н. Я. Мандельштам.
[4] Приписано Н. Я. Мандельштам.

111. М. А. ЗЕНКЕВИЧУ

Москва, около 10 июля 1927 г.

Дорогой Миша!

Не дождался ты нас. Очень жалко, что не простились. Привет Ал<ександре> Ник<олаевне>!

Я увожу с собой «Уленшпиг<еля>». В среду высылаю его спешной почтой на твое имя в «Зиф» обратно.

Целую тебя.

Проездом через Москву увидимся без суеты, хворобы и Лены-конструктивистки.

До свиданья.

С «Ул<еншпигелем>» не подведу. Сам понимаю.

Твой Осип

Еще раз: не беспокойся об Уленшп<игеле>! Будет в четверг.

112. А. Б. ХАЛАТОВУ

Москва, 1 сентября 1927 г.
Копия

Уважаемый тов. Халатов!

Сообщаю Вам, как Вы мне предложили через В. И. Нарбута, краткие сведения о прохождении моей книги в Госиздате.

В середине февраля этого года художественный отдел Ленотгиза предложил мне издать однотомное собрание моих стихов – около 3000 строк, со включением новых вещей.

Вслед за тем был получен из Москвы – к началу марта – редакционный план, утверждающий эту книгу, и составлен на нее предположительный договор. Однако редсектор Ленотгиза пожелал получить вторичную визу из Москвы, и на этот раз, в апреле месяце, московский редплан отклонил книгу по возражениям торгового сек-

тора. Представитель русской литературы тов. Бескин в этом решении участия не принимал и сообщил мне, что с ним не солидаризируется. Далее, Ленотгиз настоял на перенесении вопроса в президиум редплана. Главный редактор Ленотгиза тов. Горохов дважды писал в Москву – кажется, т.т. Бескину и Янсону, приводя в пользу книги доводы принципиально-литературного характера. Рассмотрение вопроса, несмотря на все напоминания, состоялось только в июне месяце, причем президиум редплана вновь отклонил книгу по настоянию тех же торговых представителей.

Сообщив мне об этом постановлении, которое для Ленотгиза явилось неожиданностью, т. Горохов уполномочил меня Вам передать, что Ленотгиз не только настаивает на издании книги по литературным соображениям, но также не разделяет опасений торгового сектора.

Дополнительные сведения я мог бы Вам дать при личном свидании, если Вы найдете возможность меня принять.

О. Э. Мандельштам
1/IX/27

113. Д. И. ВЫГОДСКОМУ

Ленинград, сентябрь (?) 1927 г.

Дорогой Давид Исаакович!

Оставляю вам перевод Розы Коген, сделанный Над<еждой> Як<овлевной> и просмотренный мною.

Привет.
Ваш О. Мандельштам

114. Е. И. ЗАМЯТИНУ

Ленинград, 2 марта 1928 г.

Дорогой Евгений Иванович,

письмо Ваше получил сегодня утром. Согласие мое сообщил Людмиле Николаевне. Я прочту две-три пьесы из «Пламенного Круга». Было бы очень желательно, чтобы все приглашенные поэты не ограничились репертуаром неизданных стихов, а прибавили к нему хоть что-нибудь из старых. В этом чтеньи всем известных, старых стихов, в повторении давно всем знакомого – единственное оправданье участия поэтов в предполагаемом вечере. Кроме того, мне кажется, что совершенно необходимо пригласить В. А. Пяста – одного из самых близких по духу и поколенью к Ф<едору> К<узьмичу>, кровного поэта. Короткая память в отношении к Пясту наш общий грех.

Жму вашу руку.
О. Мандельштам
2/Ш/28

115. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Москвы в Ялту, 16 апреля 1928 г.
Телеграмма

Выезжаю среду дела хлопоты закончены целую тебя дружок Няня

116. А. КОРОБОВОЙ

Из Ялты в Ленинград, 25 июня 1928 г.

Ялта, 25.6.28

Многоуважаемая тов. Коробова!

Получил с оказией Ваше письмо и корректуру «Египетской» Марки». Как жаль, что Лидия Моисеевна завезла мой адрес! Два месяца назад я писал в Лит.-Худ.:

просил во что бы то ни стало выбросить из «Егип. Марки» конец: всё, кроме самой «Ег. М<арки>» и «Шума времени», который кончается словами «козьим молоком феодосийской луны», – от этих слов и до конца – умоляю всё выбросить. Никаких «Возвращений» и т. п. Включив эти мелочи в книжку, я допустил серьезнейшую оплошность. Оставив эти мелочи, мы убьем книжку. Она стоит того, чтобы жить: спасайте ее. Обратитесь к Груздеву, Слонимскому, уладьте технику этого дела: если оно связано с матерьяльным ущербом – я всё возмещу, верну деньги. (Прилагаю обязательство.) Немедленно меня известите о том, что всё в порядке. Я не сплю до тех пор спокойно и отрекусь от книжки, если она выйдет в ином виде. Ведь я просил об этом еще в апреле (письмом в Лит.-Худ. на имя Барковицкой). Теперь еще не поздно.

Я пробовал делать выброски из этих главок. Это не помогло. В присланной Вами корректуре я их просто перечеркиваю – и только в таком виде могу подписать книгу к печати. Нельзя печатать ничего из перечеркнутого, но если будут напечатаны «Встреча в редакции» и «Авессалом» – мне остается повеситься. Но я уверен, что напрасно волнуюсь. Всё разрешается тем, что я признаю свою вину, готов немедленно вернуть Гизу стоимость набора этого полулиста и гонорар за него (см. «обязательство»). Кроме того, обращаю Ваше внимание на то, что в книге пропало заглавие «Шума времени». После «Ег. Марки» перед главкой «Музыка в Павловске» нужно сделать прокладку – белую страницу – а на ней: «Шум времени» – внутренний титул.

В «Ег. М<арке>», состоящей из фрагментов, пропущен целый ряд «спусков». Они очень важны. Я их отмечаю. Обложку я просил бы поручить Митрохину.

Прошу Вас передать мой привет Груздеву, Слонимскому и Лидии Мойсеевне, если она вернулась, а также благодарность за отличное «оформление» «Стихотворений». Прилагаю письмо к Д. Н. Ангерту. Это – крайняя мера. Вряд ли представится надобность его передавать. Я

думаю, Вы и так всё уладите. В этом письме я повторяю о сокращении «Ег. Марки» и, кроме того, говорю о своих счетах. Покажите это письмо Груздеву или Слонимскому.

Прочтите его сами и передайте содержание моих финансовых вопросов т. Лихницкому. Покажите ему это письмо. Скажите, что я добиваюсь максимальной ясности в своих расчетах с Гизом. Хочу, понемногу, расплатиться, если что-либо должен. Прошу подвести баланс после выхода моих книг. Это скажите Лихницкому и Ангерту. Затем вот что: несколько недель назад юрисконсульт Гиза предложил мне вернуть деньги или неустойку по какому-то договору – между тем мы с Лихницким привели все расчеты в состояние равновесия и запротоколировали это. Бумага юрисконсульта до меня не дошла: затерялась в третьих руках, будучи послана не на мое имя, – так что я не знаю, в чем дело. Очень прошу Измаил Михайловича навести справку и подтвердить то, что я в письме к Ангерту называю «незыблемостью нашего соглашения». Если при соблюдении этого соглашения (пункты его, их всего четыре, перечислены мной в письме к Ангерту) я все-таки остаюсь должен Гизу, прошу сообщить, сколько и из какого расчета. «Звезде» просил бы передать, что для нее работаю, денег никаких от нее не жду; очень жалею, что опоздал. Вторая повесть в «Звезде» будет.

Жду с нетерпением Вашего ответа.

С тов<арищеским> приветом О. Мандельштам

Адр<ес>: Ялта. «Орлиное Гнездо».
О. Э. Мандельштаму.

117. Б. К. ЛИВШИЦУ

Из Ялты в Детское Село, 14 августа 1928 г.
Телеграмма, черновик

Хозяин получив обманом деньги немедленно отказал пансионат Остались буквально улице без гроша нужно

сто продержаться месяц своим хозяйством Продай ковры прибавь возможное сообщи брату отцу <1 нрзб> выслала Адрес Ялта до востребования Возвращ<аться> Лен<инград> стоит дороже В таком положении еще не были Единственный выход Надино здоровье остаться Ялте на зиму бюджета 200 рублей месяц.

118. А. А. АХМАТОВОЙ

Из Ялты в Ленинград, 25 августа 1928 г.
Копия

Дорогая Анна Андреевна,

пишем вам с П. Н. Лукницким из Ялты, где все трое ведем суровую трудовую жизнь.

Хочется домой; хочется видеть вас. Знаете, что я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Николай Степановичем и с вами. Беседа с Колей не прервалась и никогда не прервется.

В Петербург мы вернемся ненадолго в октябре. Зимовать там Наде не велено.

Мы уговорили П. Н. остаться в Ялте из эгоистических соображений. Напишите нам.

Ваш О. Мандельштам

25/VIII – 1928

Дорогая Анна Андреевна!

Сегодня меня приняли на службу десятником и сегодня же рабочком уволил меня со службы, п<отому> ч<то> здесь другие кандидаты, из «выдвиженцев». Но всё же работаю всё это время, на сдельной, очень утомительной и грязной работе – делаю обмеры и планы подвалов. Устаю.

Уеду из Ялты, как только заработаю денег на дорогу до Одессы, – через неделю-полторы.

Сейчас 8 ч. вечера, я пришел к О. Э. прямо с работы; приятно провести этот вечер не в одиночестве.

Сегодня получил письма из Одессы. Мама пишет о Вас, о том, что Вы нездоровы. Не надо, не надо; поправляйтесь скорее.

Приду домой, буду думать о «Костре» и вспоминать стихи.

О. Э. напрасно пишет о своем эгоизме, даю Вам слово.

Мне грустно сейчас на юге, но надо работать – всё это довольно унылая авантюра.

Целую руку. И мне, и мне напишите.

Ваш П. Лукницкий.

Мой адрес – Ялта, до востребования.

П. Л.[1]

Милая Анна Андреевна!

Нам грустно в Ялте и хочется домой.

Здесь стоит холодное, не крымское лето.

Сейчас такие гадкие вечера, что я сижу в теплом платке. Работаю дико много. Устаю. Все мы – и О. Э., и П. Н., и я ведем трудовую жизнь.

Скоро будем в Питере.

Очень хочу вас видеть.

Вспоминаете ли вы меня хоть когда-нибудь.

Целую вас.
Очень люблю. Над.[2]

---

[1] Написано П. Н. Лукницким.

[2] Написано Н. Я. Мандельштам.

119. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА»

Москва, начало декабря 1928 г.

Письмо в редакцию

«Когда, бродя по толчку, я узнаю, хотя бы в переделанном виде, мое пальто, вчера висевшее у меня в прихожей, я вправе сказать: “А ведь пальто-то краденое”».

А. Горнфельд

Мне приходится выступать в непривычной для меня роли – отчитываться по обвинению в использовании чужого литературного материала. Дело идет о письме критика Горнфельда в № 338 «Кр<асной> Веч<ерней> Газеты» по поводу моей обработки старых переводов «Уленшпигеля», заказанной мне издательством ЗИФ.

К столкновению с Горнфельдом меня привела дурная практика издательств, выпускающих в явочном порядке и анонимно десятки отредактированных и обработанных переводов, причем соглашение между издательством и переводчиком достигается неизменно задним числом.

Несмотря на это, считая себя морально ответственным перед товарищем по переводной работе, я, по выходе книги, первый известил ничего не подозревавшего Горнфельда и заявил, что отвечаю за его гонорар всем своим литературным заработком.

Горнфельд об этом почему-то умалчивает.

Ответом его явилось письмо в редакцию «Красной Вечерней Газеты».

Оставляя на совести Горнфельда тон и выпады его письма с попытками изобразить дело в уголовном разрезе и с упоминаниями о «толчках» и «шубах», отвечу почтенному критику-рецензенту по существу.

Позволю себе заговорить с Горнфельдом на несколько неожиданном для него производственном языке – мой переводческий стаж – свыше 30 томов за

10 лет – дает мне на это право. У нас нищенская смета на перевоплощение тех колоссальных культурных ценностей, которые мы должны протолкнуть в читательскую массу. Переводы иностранных классиков по плечу лишь крупным художникам слова. Издательства пока что не в состоянии их мобилизовать. Мы вынуждены работать на кустарном станке и все-таки выпускаем тексты лучше прежних. Педантическая сверка с подлинником отступает здесь на задний план перед несравненно более важной культурной задачей – чтобы каждая фраза звучала по-русски и в согласии с духом подлинника. Нам важно, чтобы молодежь не путала Тиля Уленшпигеля с Вильгельмом Теллем, а книжникам-фарисеям – «безгрешная книга» на полке и пустое место в умах и сердцах читателей. Поэтому я не смущаюсь, если при перечислении частей характерного костюма вместо чулок и юбок в текст проскользнут чепцы, ничуть не обидные для Костера и как следует надетые на голову фламандки.

«...А король Филипп пребывал в неизменной тоске и злобе. В бессильном честолюбии молил он господа...» (перевод Горнфельда). Неужели так говорит Костер? Не верю: канцелярское «пребывал в неизменной тоске», славянское «господь», двойное построение на одном предлоге с мертвящим параллелизмом прилагательных. Послушайте так: «...между тем, король Филипп тосковал и злобствовал. Честолюбивый недоумок молился богу...» Два разноустремленных глагола («тоскует» и «злобствует»), один ударный эпитет («честолюбивый») и брошенная вскользь характеристика Филиппа («недоумок»). Строением фразы определяется строй мысли (пример мой). Моя правка, вернее, ломка Карякина, из которой возникла подавляющая масса текста (18 листов), заключалась не в механическом лавировании между его текстом и текстом Горнфельда, а в сознательном оживлении почти каждой фразы.

Я много и долго боролся с условным переводческим языком. Он страшен, въедлив, уродлив и всегда заслоняет автора. Кашеобразный синтаксис, отсутствие ритма прозы, резиновый язык – всё это не считается у нас отсе-

бятиной. Лишь бы не обиделся словарь Макарова. «Мохнатые ноги с раздвоенными копытцами» (о черте) – это нельзя, а «раздвоенные ноги» – это можно, как поправляет меня даже Горнфельд, стоящий на целую голову выше большинства переводчиков, но давший в своем Уленшпигеле слишком грузный текст.

Но неважно, плохо или хорошо исправил я старые переводы или создал новый текст по их канве. Неужели Горнфельд ни во что не ставит покой и нравственные силы писателя, приехавшего к нему за 2000 верст для объяснений, чтобы загладить нелепую, досадную оплошность (свою и издательства). Неужели он хотел, чтобы мы стояли, на радость мещан, как вцепившиеся друг другу в волосы торгаши? Как можно отделять «черную» повседневную работу писателя от его жизненной задачи? Из случайной безалаберности делать черный «литературный скандал» в духе мелкотравчатых «понедельничных» газет доброго старого времени?

Неужели я мог понадобиться Горнфельду как пример литературного хищничества?

А теперь, когда извинения давно уже принесены, – отбросив всякое миндальничанье, я, русский поэт и литератор, подъявший за 20 лет гору самостоятельного труда, спрашиваю литературного критика Горнфельда, как мог он унизиться до своей фразы о «шубе»? Мой ложный шаг – следовало настоять на том, чтобы издательство своевременно договорилось с переводчиками, – и вина Горнфельда, извратившего в печати весь мой писательский облик, – несоизмеримы. Избранный им путь нецелесообразен и мелочен. В нем такое равнодушие к литератору и младшему современнику, такое пренебрежение к его труду, такое омертвение социальной и товарищеской связи, на которой держится литература, что становится страшно за писателя и человека.

Дурным порядкам и навыкам нужно свертывать шею, но это не значит, что писатели должны свертывать шею друг другу.

О. Мандельштам

120. М. А. ЗЕНКЕВИЧУ

Из Киева в Москву, начало января 1929 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Только что Лившиц мне переслал твое письмо, где говорится о приостановке печатанья Майн-Рида со всеми его последствиями. Кроме того, тот же Лившиц мне сообщает, что из десяти оставшихся помеченных в плане названий у него имеется только пять. Он не потрудился объяснить – английские они или французские, а также каков их листаж, а вещи Майн-Рида колеблются от 6 до 18, причем грамотный перевод нередко из 14 делает 7, а в плане всё это называется огульно томами и сопровождено взятыми из головы цифрами – 14 – 15 – 16 листов.

Итак, вместо половины всего издания, которое как-никак могло и может содержать по смете плана 160 листов, мы рискуем остаться вдвоем с Лившицем с 40–50 листами, если не будут найдены отсутствующие книги. Каждая английская книга означает для нас сокращение заработка на 2/3 или даже больше. Между тем хороший перевод с французского лучше, чем плохой – а где взять хорошие? – с английского.

Для того, чтобы дотянуть до осени, нам абсолютно необходимо восстановить настоящий объем работы.

Для этого я предлагаю следующие средства: 1) раздобыть всё что только можно Майн-Рида по-французски (берусь это сделать сам – частью в Киеве, частью через Эренбурга), 2) в сущности, это не во-вторых, а во-первых, и без этого ничего не выйдет: дополнить план рядом новых названий, основываясь на требованиях композиции, на утечке материала и т. д.

Для этого лично приеду в Москву. Другими словами, я предлагаю немедленно составить расширенный и измененный в смысле названий план издания, но с тем же количеством листов, какой указан в договоре. От этого зависит почти год нашей обеспеченности, а положение сам знаешь какое.

Всё это не имеет ни малейшего отношения к Владимиру Ивановичу. Мое решение делиться с ним работой стоит твердо, но именно делиться с ним, а не посторонними переводчиками. Я предлагаю следующее: перевести для Владимира Иван<овича> любой том, а если нужно, то и 2 и 3, – без редактуры и без примечаний – по 35 рублей с листа, как всякий переводчик, высылая ему листы через тебя по мере продвижения работы. Это избавляет меня от кропотливой возни с окончательным текстом и явится для меня настоящим отдыхом и облегчит работу Влад<имира> Иван<овича>, т. к. всё ж таки я лучше других переводчиков. Кроме нормальной стилистической редактуры, на Влад<имира> Иван<овича> лягут также примечания – и можно будет устроить так, чтоб избежать вторичной переписки, если впечатывать все поправки на машинке, что всегда возможно, если основная фраза не ломается.

При этом отпадает, конечно, английский том «Мексиканские стрелки», которого мы с Надей перевести не можем.

Через три дня я кончаю работу над очередным томом, и в две недели мы можем перевести с французского 15 листов, которые нам вышлет Лившиц.

Если «Мексиканские стрелки» уже переведены, то, разумеется, ничего не поделаешь. Если же нет, то задержи их. Т. к. все эти перетасовки Влад<имира> Ив<ановича> не касаются и на нем отразиться не могут и не должны, то лучше ему о них и вовсе не рассказывать – ведь ему в конце концов всё равно, кто делает для него черновой перевод.[1]

Дорогой Михаил Александрович!

Это письмо Нади под мою диктовку. Она приехала и сразу слегла. Похоже, что ее будут оперировать в Киеве. Лечит В. Гедройц – ставшая здесь хирургом-«профессором». Аппендицит. Какой неизвестно, и неиз-

---

[1] Записано Н. Я. Мандельштам под диктовку.

вестно, есть ли что еще, кроме аппенд<ицита>. Но резать нужно.

Прошу тебя, отчаянно, слезно: предупреди Лихова, что в январе подлежит оплате том «Охотн<ики> за растен<иями>» – «Гаспар Гаучо». Это один том, а не два – 14–15 листов.

Мы сидим без гроша. У стариков нет кредита. Раздобывают на жизнь по 3 рубля. Хуже всего, что нет на лечение. Хорошо еще, что Гедройц здесь.

Привет Ал<ександре> Ник<олаевне>.

Отвечай срочно.

Твой Осип

Киев. Новая ул., 1, кв. 18. Хазину для меня.

Привет всем. Н. М.[1]

121. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Киев, середина января 1929 г.

Доброе утро, родная!

Я здесь. Сегодня меня пустят немного позже – после 10 ч. У нас всё благополучно.

Не пиши: скажи t°.

Скоро увидимся, Надинька моя.

Твой Н<янь>

Говорил с Женей. В Зифе всё хорошо. Рукопись пришла. Предлагают сейчас В<альтер>-Скотта, а М<айн>-Рида в начале февраля. Нам следует 300 за В<альтер>-Скотта.

[1] Приписано Н. Я. Мандельштам.

122. И. И. ИОНОВУ

Из Киева в Москву, 16 февраля 1929 г.
Копия

Уважаемый т. Ионов!

Только что я получил извещение, что Вы, во-первых, объявили договор на Майн-Рида со мной и Лившицем расторгнутым, а во-вторых, заявили Лившицу, что работать с нами впредь вообще отказываетесь. Я не уполномочивал Лившица о чем бы то ни было Вас просить и отнюдь не считаю, что вопрос о том или ином договоре может быть разрешен расторжением его в явочном порядке издательской стороной. Независимо от того, насколько этим затрагиваются мои и Лившица личные интересы, Ваше выступление в той форме, как мне о нем передавал Лившиц, является грубейшим общественно-литературным промахом. Я пишу Вам именно в этом плане.

Напоминаю Вам, что переводчик тот же писатель и что, заявляя переводчику о нежелании с ним работать, закрывая перед ним двери крупнейшего, едва ли не монопольного советского художественного издательства, Вы берете на себя тяжелейшую ответственность, точно такую же, как если бы Вы принципиально закрыли Зиф или Госиздат тому или иному оригинальному автору. Для этого должны быть серьезнейшие основания. У Вас их нет и быть не может.

Постановку переводного дела в Зифе и других издательствах нельзя назвать иначе, как вопиющим хроническим безобразием. Перевод заранее и заведомо считается халтурой. Издательства делают всё от них зависящее, чтобы снизить качество продукции. Вместо того, чтобы озаботиться подбором кадра квалифицированных переводчиков, использовать их по специальности и создать для их труда минимально благоприятную атмосферу, издательства – и в первую очередь Зиф – набирают переводчиков с бору по сосенке, превращая огромную отрасль производства не то в «собес», не то в хаотическое кустарничество на потребу рынку.

Специфическое отличие в профессиональном положении переводчика от оригинального автора сводится к тому, что переводчик – лицо пассивное, то есть вынужден ждать, пока ему предложат ту или иную работу. Он не торгует Бальзаком или Майн-Ридом, а предлагает свой труд вообще. Всякого рода разговоры о том, что переводчик в условиях нашего производства выбирает себе работу, являются миндальничанием и лицемерием. Даже пять-шесть (да и стольких-то не наберется) заслуженных и квалифицированных переводчиков-писателей, случайно затесавшихся [.....]

Несмотря на безобразно низкую оплату труда и полное равнодушие издательства к качеству работы, несмотря на грозившую заново после каждой сделанной книги безработицу (в связи с нежеланием маклерствовать и самому доставать «новиночки» с Запада), моя переводческая деятельность сохраняла черты литературы на протяжении ряда лет исключительно благодаря высокой культурности А. Н. Горлина, крупнейшего специалиста по переводческому делу в нашей стране, сумевшего поднять переводческий отдел Ленинград-Гиза на должную высоту.

Уже в Ленинград-Гизе начинались халтурные тенденции издательств, параллельно с настоящей работой уже там по инициативе некоторых товарищей, своеобразно экономивших копейку, делались предложения «приспособить» за пять или десять рублей к печати абсолютно безграмотные переводы классиков, вроде Альфонса Доде, и находились люди, выполнявшие подобные заказы.

После Ленинград-Гиза с Госиздатом лучший в стране переводческий аппарат захирел и был фактически разгромлен. Для старых опытных работников наступила безработица. Центр тяжести переводного дела временно переместился в «Прибой».

Халтура «Прибоя» в иностранной литературе была беспримерна. Нельзя найти достаточно резких

слов, чтобы заклеймить отношение т. Шунявского и его сотрудников к литераторам-переводчикам и к самому производству. Объявлялись конкурсы на скаковой рекорд по переводу пятнадцатилистных книг в десять дней, гонорар цинично задерживался вплоть до того, что ряд переводчиков вынужден был продать всё свое имущество до последнего стула; с квалифицированными переводчиками велся рыночный торг, чтобы оттянуть у них копейку, – с тенденцией снизить оплату за перевод, «не требующий редактуры», до двадцати пяти рублей с листа; в издательство, наконец, хлынула целая масса псевдопереводчиков, никому не ведомых безграмотных дилетантов, готовых на все условия.

Несмотря на безобразную постановку дела в «Прибое», моя работа в нем удерживалась на той же высоте, что и <в> Ленотгизе. Упомяну хотя бы книгу Даудистеля «Жертва» или «Тартарена» Доде – работы, во многих отношениях показательные. Между закрывшимся «Прибоем», омертвевшим Ленотгизом и Зифом протянулась полоса абсолютной безработицы. Так осуществлялось право специалиста на труд.

В Зифе я впервые столкнулся с так называемой «массовой» работой, то есть с механизированным выпуском полных собраний сочинений иностранных авторов в до смешного маленькие «военные» сроки методом обработки или правки старых переводов, большей частью датированных самыми упадочными десятилетиями прошлого века. Это был модус производства. Нужно только удивляться, как это Зиф не заказал в месячный срок перевода и обработки Божественной Комедии Данта по сорок рублей с листа, с уплатой через месяц по представлении рукописи и с удержанием переписки. Впрочем, Рабле по сходной цене был кому-то заказан. К чести моей и Лившица, нужно сказать, что мы не соблазнились Рабле и Дантом, а занялись несравненно более скромным и в условиях Зифа единственно здоровым делом – обработкой для юношества устаревших по форме авторов, но

сохранивших крупное историческое значение, как Вальтер-Скотт, или научно-воспитательное, как Майн-Рид [.....]

Самые договора Зифа являлись хитроумными юридическими ловушками, во избежание ответственности издательства перед тружениками 90-х и 900-х годов из договорных формул тщательно вытравлялось самое имя переводчика, замененное казуистическим термином – «редактор-переводчик». Само издательство выродилось в бездушную, уродливую канцелярию, на что я неоднократно указывал т. Нарбуту. Редакционного сектора, по существу, не было. Пораньше получить рукопись и попозже за нее заплатить – к этому сводилось всё. Законом было полезное и удобное для издательства, а литературная продукция рассматривалась как собачье мясо, из которого всё равно выйдет колбаса. Качество работы катастрофически снижалось. С одной стороны – террор квартальных планов, с другой – сопротивление никуда не годного сырья. Даже заикнуться о коренной ломке договора, то есть о заказе издательством новых переводов, и о том, чтобы растянуть годичный срок издания до трехгодичного, – было немыслимо. Вообще с нами разговаривали только через прилавок: «Поскорее, мóлодцы, поторапливайтесь». За каждый лист обработанного Вальтер-Скотта уплачивалось наличными по 36 рублей; я утверждаю, что за эти деньги можно получить, заказав «охотникам» новые переводы, лишь дрянь и галиматью, хуже сойкинской или сытинской, не поддающуюся даже правке. Издательство это знало и не могло не знать, но сознательно закрывало глаза и, спекулируя на литературном умении и опытности Мандельштама и Лившица, всё же получало по меньшей мере удовлетворительные тексты, переделанные из старинки.

Вы расторгли – точнее, выразили желание расторгнуть с нами договор на Майн-Рида, потому что мы якобы нарушили его, переводя с французского. Не мешало б Вам, еще до экспертизы, которая решит, является ли наш

труд халтурным и не достойным Майн-Рида, заглянуть в самый договор, о котором идет речь, и сделать вывод, не ярчайшим ли образцом халтуры издательства является этот самый договор.

Издание Майн-Рида, автора с нулевым литературным значением, лишенного намека на самостоятельный стиль или форму, утопающего на каждом шагу в слащавости и банальной красивости, было задумано исключительно ради его жанровых, приключенческих достоинств, всё выявление которых падало на обработчиков. Оно оправдывалось лишь богатством естествоведческого и этнографического материала и волевым жизненным подъемом, которые нужны нашей молодежи, пока у нас нет своего Майн-Рида. За переделку Эдгара По можно казнить без суда, но относиться с пиететом к тексту Майн-Рида может только дореформенный учитель чистописания. Позволю себе заметить, что мои и вообще современные представления о прозе, даже для юношества, несколько расходятся с Майн-Ридом.

Неужели же блестящие по точности, авторизованные французские переводы в руках Мандельштама и Лившица могли дать худший результат, чем случайная стряпня с английского? Кто этому поверит? Для опыта мною были заказаны переводы с английского переводчикам, рекомендованным Зифом. То, что они мне представили, и то, что мне пришлось потом обламывать с громадной потерей времени и труда, было убогим лепетом, полуграмотной канителью, кишащей нелепостями, и в результате правки было несомненно бледнее и беднее моего перевода с французского. Но это и есть то не вызывающее сомнений «сырье», из которого у нас изготовляются переводные книги: сначала полуголодный, пришибленный переводчик (точнее, деклассированный безработный интеллигент, ни в коем случае не литератор) полуграмотно перевирает подлинник, а потом «редактор» корпит над его стряпней и приводит ее в мало-мальски человеческий вид, уж конечно, не загля-

дывая в подлинник, в лучшем случае сообразуясь с грамматикой и здравым смыслом. Я утверждаю, что так у нас выходят сотни книг, почти все; это называется «переводом с французского» или «переводом с английского» под редакцией «такого-то». Впрочем, имя редактора чаще всего опускается.

Возвращаюсь к нелепой структуре майн-ридовского договора. Издательство выплачивало пятьдесят пять рублей наличными с печатного листа. И этим обязательства его кончаются. Тираж издания неограниченный, астрономический. А вот список наших обязанностей: «редактора-обработчики», в понимании договора низведенные до подрядчиков, обязуются, во-первых, заказать и оплатить [.....]

123. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Киева в Ленинград, середина февраля 1929 г.

Дорогой папочка!

За это время случилось столько событий, что не знаешь, о чем писать. Во-первых, я страшно по тебе тоскую и при первой возможности вырвусь в Петербург. Впрочем, как увидишь дальше, возможно, что мы тебя пригласим пожить в Киеве... История Надиной операции тебе, наверное, известна от Лившица. Похоже, что здесь, в Киеве, положен конец застарелой медицинской ошибке. Как только мы приехали, даже еще в дороге, начались обычные боли и температура. Я обратился к женщине-хирургу проф<ессору> Гедройц. Это моя старая знакомая, случайно оказавшаяся в Киеве царскоселка. Член «Цеха поэтов» в давние времена. Придворный хирург. Когда-то оперировала Вырубову. Теперь ей простили прошлое и сделали здесь профессором. Около месяца она продержала Надю в постели, подготовляя к операции. Сразу сказала: аппендицит, но была уверена, что есть и туберкулез. До того была уверена, что перед самой опе-

рацией предупредила меня: если очень далеко зашло, то отростка удалять не будем, а вскроем и зашьем. Не стоит повторять, что тебе уже известно. Скажу только, что Надя проявила такую редкую силу воли, такое спокойствие и самообладание, что красота была смотреть. Все в клинике ее полюбили. Редкая больная. Они только таких уважают. Сначала всё шло хорошо. Потом, на 7-й день, вдруг сильный жар. Перепугались осложнений, но через три-четыре дня прошло. Видно, заразили гриппом. Девять дней назад Надя вернулась домой, проведя 17 дней в клинике. Всего, вместе с домашним лежанием, она пролежала 6 недель. Мне приходилось очень круто. Денег почти не было. Родители Нади люди совсем беспомощные и нищие. В квартире у них холод, запущенность. Связей никаких. Мать очень плохая хозяйка. Каждая чашка бульона, какую я таскал в больницу, давалась мне с бою. У меня был постоянный пропуск в клинику, и так как я получил отдельную палату, то проводил там целые дни и даже ночевал, заменяя сестру и санитара. Самое трудное было подготовить Надино возвращение домой, вытопить печи, согреть комнаты, раздобыть на хозяйство, на прислугу. В сильнейший мороз я перевез Надю. Она была такая слабенькая, еле ходила. Но теперь ее не узнать. Силы прибывают. Жизненный подъем. Здоровый аппетит. Только шов еще побаливает. Мы с ней гуляем немного, пешком, конечно. У нас довольно уютно. Обеспечены вперед недели на три, т. е. на весь период выздоровления. Температура нормальная. В Киеве до самой операции мы работали над М<айн>-Ридом, и за минуту до отъезда в клинику Надя сложила и упаковала сама рукопись. Лежа в постели, она помогала мне: составляла примечания, рылась в научных книгах, переводила. Вот это помощница! Настоящий человек!

Зиф, как тогда летом в Ялте, не хотел выслать денег. Но, мерзавцы, всё же выслали. Это оказался последний гонорар. Договор, ты знаешь, расторгнут. Вернее, Ионов объявил его расторгнутым. Попроси Лившица показать тебе копию письма, которое я отправил этому самодуру.

Ты поймешь, что я затеял серьезную борьбу. Дело не в М<айн>-Риде, которого мы, должно быть, бросим, но я – обвинитель. Я требую реорганизации всего дела и достойного применения своих знаний и способностей. Возможно, мы с Лившицем начнем судебный процесс. Или же дело решится в общественном и профессиональном порядке. Скажу только, что я глубоко спокоен, уверен в себе как никогда. Мне обеспечена поддержка лучшей части советской литературы и печати. Я это знаю. Я первый поднимаю вопрос о безобразиях в переводном деле – вопрос громадной общественной важности, – и поверь, я хорошо вооружен.

Но, милый папочка, всё это уже потеряло для меня насущную остроту. Выяснилось, что можно бросить эту каторгу и перейти на живой человеческий труд. Сам не верю – но это так. Я приехал в Киев – чужой город. Маленькая русская газетка, и больше ничего. Ради 5 червонцев пришлось устроить вечер. И представь: есть друзья, есть какие-то корни, зацепки, есть преданные люди. Проживающий здесь писатель Бабель свел меня с громадной украинской кинофабрикой Вуфку. Он умолял меня бросить переводы и не глушить больше мысли и живой работы. Пользуясь интересом, который вызвал мой приезд, и теплыми заметками в местных газетах, Бабель, очень влиятельный в Кино человек, вызвался определить меня туда редактором-консультантом. Сегодня от него пришла записка: директор фабрики дал принципиальное согласие. Он уехал на 2 дня в Харьков. Вернется и оформит. Это будет очень легкая и чистая работа: выезжать на 2–3 часа ежедневно на фабрику, на Шулявку, в загородном трамвае и что-то писать (кажется, отзывы о сценариях) – в своем кабинете. Жалованья рублей 300. Мы с Надей боимся верить такому счастью. Конечно, останемся в Киеве. Здесь чудесная весна и лето. В мае переедем на дачу, поближе к кинофабрике, может, в Святошино. Съездим в отпуск на лиманы, куда зовут на баснословную дешевку новые знакомые. Кроме того, по моей мысли киевские советско-литературные организа-

ции затеяли единственный на Украине русский журнал. Его должна разрешить центральная власть в Харькове. Не желая прослыть дельцом, я только издали направляю это дело; сегодня составил для них докладную записку, которую сам не подпишу. Киевский партийный центр поддерживает. На меня очень рассчитывают как на литерат<урного> редактора, намечают руб. 200 в месяц. Вот, папочка, какие дела. Как видишь, я не боюсь житейских невзгод. А в Москву все-таки по делу Зифа съезжу на несколько дней: подать в Суд, в РКИ и поднять газетную кампанию.

124. В ФЕДЕРАЦИЮ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Москва (?), февраль–март 1929 г.
Черновое

В Федерацию Писателей

(1)

Уважаемые товарищи!

То, что случилось у меня и Лившица с Ильей Ионовичем Ионовым, я не могу назвать иначе как катастрофой. Выпад Ионова переворачивает все наши представления об уважении к писательскому труду: грубый окрик, град тяжелых безответственных обвинений, абсолютное презрение к личности и заслугам двух работников, которые отдали годы труда советской книге. Это была крутая домашняя расправа – в четырех стенах, без свидетелей, но с таким результатом, как ломка жизни, конец профессии, уничтожение в одну минуту писательской репутации. Ионов выдал мне и Лившицу волчий билет. После его декларации мне и Лившицу остается стать в очередь на Биржу Труда. Впрочем, Ионов разрешил Лившицу подать на него в суд или куда угодно, не считаясь с его положением. Разрешение излишне. Напрасно Ионов думает, что мы нуждаемся в подобной санкции [.....]

(2)

В Федерацию Сов<етских> писателей

[.....] Не думайте, товарищи, что я ограничусь вопросом о повышении гонорарных ставок для переводчиков-редакторов. Как ни важен этот вопрос, но он далеко не всё. Но оплата задает тон всей работе. Оплата постыдно снижает качество. Оплата, самый ее способ, вызывает дикую спешку. Оплата отшибает от дела всё талантливое, живое и нужное. Выходит так, что громадная культурная функция, как правило, выполняется калеками, недотепами, бездарными и случайными искателями заработка.

Хотя так называемые переводчики и зарегистрированы в писательских союзах, образуют даже специальные секции, к этим случайным группам случайных людей нельзя апеллировать в таком важном деле. Соблюдая всю мягкость и осторожность, надо провести переквалификацию действующих работников, щадя их самолюбие, считаясь с возможностями личных трагедий на почве судьбы этих работников, соблазненных издательствами, которые не постеснялись вовлечь их в невыгодную сделку, выставив на позорище перед обществом и читателями, в поисках дешевого мозга и дешевого труда.

Чтобы больше не возвращаться к вопросу о гонорарах, изображу вам выпукло и наглядно, во что выливается оплата переводческого труда. Возьмем среднюю ставку 35 рублей. Предположим, что переводчик получает наличными 20. Он работает не по конвейеру – том за томом. Сплошные перебои, безработица, поиски книжки, хлопоты, мытарства. Недоплаченные 15 рублей для него манна небесная. Из бюджета они выпадают. В них переводчик не верит. Но у него есть еще тяжелые производственные траты, в которых издательства, начиная с Гиза до последнего частника, с циничным упрямством отказываются участвовать. Из нищенского гонорара, похожего скорей на подачку, переводчик вынужден по букве договора оплачивать переписку на машинке (минимально 3 рубля с печатного листа). Значит, у него остается, считая расход на бумагу, а также ленту, которую его застав-

ляют оплачивать машинистки, всего 16 наличных рублей. Но это еще не всё. Никакой переписки на самом деле не бывает: на самом деле бывает диктовка, а диктовка стоит гораздо дороже – уже не 3, а 5–6 рублей с печатного листа. Таким образом, «подачка» наличными [.....]

К самому переводу относятся как к пересыпанию зерна из мешка в мешок. Чтобы переводчик не утаил, не украл зерна при пересыпке текста, по методу лабазного контроля оплачивается с русского текста, а не с подлинника, и вот – годами по этой ничтожной причине книги пухнут, болеют водянкой. Белые негры нагоняют «листаж», чтобы как-нибудь свести концы с концами. Вся трудовая атмосфера в данной области насквозь больная. Деморализация отчаянная. Как позорно, как больно видеть взрослого человека, семьянина, иногда с сединой в волосах, униженно лебезящего в редакторской приемной, домогаясь «работки». Не один, так другой. Дублеров сколько угодно. Переводчик – это попросту безработный. Вдумайтесь только, что означает выражение «дама-переводчица». Ведь только на базаре у нас еще говорят «мадам». Но вокруг иностранной книги кормятся сотни никому не ведомых полуграмотных женщин, имеющих заручку, знакомство, связи в издательствах. Переводят «дамы», домашние хозяйки, имевшие в детстве гувернантку-француженку, спекулянтки-негродержательницы, наконец, жены, родственницы, протеже влиятельных работников.

Перевод – один из самых трудных и ответственных видов лит<ературной> работы. По существу, это создание самостоятельного речевого строя на основе чужого материала. Переключение этого материала на русский строй требует громадного напряженного внимания и воли, богатой изобретательности, умственной свежести, филологического чутья, большой словарной клавиатуры, умения вчувствоваться в прозаический ритм, схватить рисунок фразы, передать ее ритм, движение, походку – всё это при строжайшем самообуздании. Иначе – отсебятина. В самом акте перевода – изнурительная нервная

разрядка. Эта работа изнуряет и сушит мозг больше, чем всякая другая. Хороший переводчик, если его не беречь, быстро изнашивается. Перевод – это в точном смысле слова вредный цех. Профессионалы, вынужденные, благодаря нищенской оплате, печь, как блины, без отдыха и передышки, книгу за книгой из года в год, нервно заболевают... Им грозит афазия, размагничивание речевых центров, расстройство речи, острая неврастения. Здесь нужна трудовая профилактика. Здесь нужно изучать и предупреждать профзаболевания [.....]

125. В РЕДКОЛЛЕГИЮ ГОСИЗДАТА
Москва, 26 апреля 1929 г.

В Редколлегию ГИЗа

Сделанное мне через т. Усиевич предложение – дать пробу или подробный конспект содержания задуманной прозаической вещи (как условие для заключения договора) – считаю для себя неприемлемым.

Интересующихся тем, что я могу сделать, я отсылаю к тому, что я уже дал в области прозы («Шум времени», «Египетская марка», изд<ание> Ленотгиза).

Полагаю, что вопрос о доверии к совершенно определившемуся писателю не может быть поднимаем заново при каждом новом с ним контакте.

В связи с этим полученный мною ответ я вынужден рассматривать как ничем не мотивированный отказ от совместной работы.

О. Мандельштам
26 апр. 1929

Адр<ес>: Москва, Страстной 6, кв. 14, Хазину
для Мандельштама,
тел. 3-12-31

126. В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»
Москва, 10 мая 1929 г.

Уважаемый тов. редактор!

Не откажите поместить в ближайшем номере «Литературной газеты» следующее:

Присвоение авторства называется плагиатом.

Присвоение материальных благ именуется кражей.

Опубликование же всякого рода заведомо ложных, неполных, неточных или подтасованных сведений, а также порочащих человека немотивированных сопоставлений называется клеветой в печати.

Так называется поступок со мной гр. Заславского (см. его статью «Скромный плагиат и развязная халтура» в № 3 «Литературной газеты»).

С приветом О. Мандельштам
10 мая 1929 г.

127. В ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ БЮРО ФЕДЕРАЦИИ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
Москва, 14 мая 1929 г.
Копия

В Исполбюро Федерации писателей

В редакционном примечании к письмам в редакцию, помещенным в № 4 «Литературной газеты», говорится, что «по просьбе редакции разбором дела займется конфликтная комиссия ФОСП, решение которой будет опубликовано в одном из ближайших номеров нашей газеты».

Я оспариваю право редакции «Литературной газеты» давать дальнейшее направление тому «делу», которое поднял при ее содействии Заславский. С самого начала редакция «Литературной газеты» вела себя как заинтересованная сторона. Крайне резкий по тону и по выражениям фельетон Заславского был напечатан без всякой проверки и без каких бы то ни было редакционных при-

мечаний. Между тем мое письмо и письмо группы писателей редакция сочла нужным сопроводить оговоркой: «редакция оставляет на ответственности авторов писем допущенные в них резкости тона и выражений». Допуская подобное неравенство, газета фактически солидаризируется с Заславским и предрешает заключение конфликтной комиссии.

Кроме того, я заявляю, что случай с «Уленшпигелем» в издании ЗИФа не может служить предметом отдельного разбирательства в конфликтной комиссии. Этот случай составляет часть широкой практики издательств, выпускавших старые переводы без указания имен переводчиков в переработанном виде – с точно таким же титульным листом, с каким, учитывая поправку ЗИФа, вышел «Уленшпигель». В эту ненормальную практику был вовлечен ряд крупнейших редакторов и литературоведов. Вопрос о способе использования старых переводов должен быть обсужден Исполбюро Федерации с учетом всего богатого материала, имеющегося налицо. Лишь после того, как Исполбюро вынесет общее суждение по этому вопросу, дело, в котором конфликтующими сторонами являются – Заславский, поддерживаемый редакцией «Литературной газеты», с одной стороны, и авторы писем в редакцию – с другой, – может быть передано на рассмотрение компетентного органа Федерации.

О. Мандельштам
14 мая 1929

128. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Москвы в Ленинград, 27 мая 1929 г.
Телеграмма, копия

Передаю точно сегодняшние разговоры Зелинский двоеточие писатели не хотят разрыва Канатчиковым дальше постановления Исполбюро своих требованиях не пойдут Фадеев двоеточие Канатчиков оскорблен моим заявлением как председатель редактор газеты точка

Фадееву он обещал не настаивать комиссии напечатать постановление после секретариата когда неизвестно точка словам Фадеева новое выступление писателей обострит положение Федерации точка Вмешательство Комсомольской находит желательным точка Выписка находится редактора Комсомольской который пожелал запросить товарищей Федерации порядке воздействия точка Статья идет независимо всего очевидно среду точка выписку вернут телеграфирую завтра точка Подробно информируй писателей воздержись всяких советов таком деле важна абсолютно свободная инициатива телеграфируй Страстной 6 целую Ося

129. ЛЕНИНГРАДСКИМ ПИСАТЕЛЯМ

Из Москвы в Ленинград,
начало июня (не позднее 10-го) 1929 г.

Дорогие товарищи!

Если теперь сразу собрать Исполбюро, я прошу ленинградцев потребовать смены редакции «Литгазеты», которая казнила меня за 20 лет работы, за каторжный культурный труд переводчика, за статью в «Известиях», за попытку оздоровить преступно поставленное дело, – казнила пером клейменого клеветника, шулера, шантажиста, выбросила из жизни, из литературы, наказала варварским шемякиным судом.

Я требую – вырвать «Литгазету» из рук захватчиков, которые прикрываются

ВАШИМИ
ИМЕНАМИ.

Федерация с ее комиссиями превращена в бюрократический застенок, где издеваются над честью писателя, над его трудом и над советским – да, над советским, – делом, которое мне дорого.

Я призываю вас немедленно телеграфно объявить недоверие, резкое осуждение редакции «Литгазеты» и

исполнительным органам московской федерации. После того, что со мной сделали, жить нельзя. Снимите с меня эту собачью медаль. Я требую следствия. Меня затравили, как зверя. Слова здесь бессильны. Надо действовать. Нужен суд над зачинщиками травли, над теми, кто попустительствовал из трусости, из ложного самолюбия. К ответу их за палаческую работу, скрепленную ложью! Я жму руку вам всем.

Я жду.

О. Мандельштам

130. А. А. АХМАТОВОЙ

Из Москвы в Ленинград, 11 июня 1929 г.

Милая Анна Андреевна!

Несмотря на постановление Исполбюро, прекратившего дело, Канатчиков и Заславский самочинно созвали отмененную конфликтную комиссию для Суда над О. Э. О. Э. на комиссии не было. Писатели были вызваны. О. Э. позвонили по телефону в день комиссии и сообщили уборщице из Цекубу, что «сегодня в 2 часа дня состоится К<онфликтная> К<омиссия>». Из писателей, подписавших письмо 15<-ти>, присутствовали Олеша, Пастернак и Зелинский. Были также представители ЗИФа – член нового правления ЗИФа Яковлев и др. Они заявили, что издательство не знало, что заказана обработка старых переводов, и повторили обвинение в обмане с Майн-Ридом. История с М<айн>-Р<идом> – первая попытка снять с работы – известна Федину, Слонимскому, Казакову и др. Заявление 3 писателей, что у О. Э. имеются на руках договоры, показания всего старого редсектора ЗИФа (Шойхет, Зонин и Колесников) о том, что Уленшпигель заказывался как обработка старых переводов, принято во внимание не было. На этом основании 15<-ти> писателям, подписавшим письмо-протест, вынесено порицание. Никто

из 3 присутствующих на заседании писателей не догадался объявить недоверие конфликтной комиссии. Сообщите об этом безобразии Федину, Козакову и Зощенко. Укажите на то, что председатель Конфл<иктной> Ком<иссии> – заинтересованная сторона (редактор газеты). Кроме того, вынесено порицание: 1) издательствам; 2) О. Э.; 3) писателям (15<-ти>) и 4) Заславскому (резкость тона!!!). За что О. Э. – не знаю. Сегодня или завтра постановление будет сформулировано. В понедельник появится в «Литгазете». Нужны экстренные меры, хорошо, если бы кто-нибудь выехал в Москву, пусть Ленинград требует следственной комиссии.

Всё дело находится в бюро расследований «Комсомольской Правды» – как травля ЗИФом работника. Речь идет о привлечении некоторых членов правления ЗИФа к уголовной ответственности за травлю.

В портфеле «Комсомольской» лежит чудовищное письмо Заславского. Возможно, они вынуждены будут его напечатать с призывом от издательства о привлечении О. Э. к уголовной ответственности. Нужны экстренные меры. Нужно скрутить Федерацию.

Когда всё это кончится, не знаю. Сегодня был суд по делу Карякина к ЗИФу. О. Э. вызван был соответчиком.

Не доверяя юрисконсульту, пришел член нового правления Яковлев. Повторил все свои подлые выпады, заявил, что издательство ничего не знало и т. д. Но это суд настоящий – в нем были и наши свидетели (Шойхет). Зачитаны письменные показания других. Яковлев, уходя, заявил, что во всем согласен с Заславским. От О. Э. выступал представитель бюро расследований «Комсомольской». Решение в пятницу. По всему течению суда можно сказать (общее мнение), что ЗИФ проиграл. Еще. Писатели не объявили недоверия Конфликтной комиссии, но это сделали переводчики. У Нейшта<д>та (один из лучших переводчиков, случайно услыхавший о К<онфликтной> К<омиссии> и явившийся на нее) вышло столкновение с Заславским.

Тот назвал Нейшта<д>та – идеологом халтуры. Бюро переводчиков подало заявление о недоверии и о некомпетентности Комиссии в 14 пунктах. Я его не видела. Немедленно сообщите обо всем ленинградской Федерации, Слонимскому, Федину и др.

Ждем немедленного вмешательства.

Н. Мандельштам

P. S. 15 писателей обвиняют в том, что они не знали материалов. Это наглая ложь: письмо Горнфельда – единственный материал Заславского – было целиком прочитано на собрании у Всев. Иванова. Там же были оглашены и все существующие документы, но они до сих пор неизвестны мерзавцам из Федерации.[1]

Я подтверждаю каждое слово этого письма. Всё, что происходит, позорно и страшно. Это – последнее разложение. Трусость, ложь, подхалимство. Пусть мне перегрызают горло, но я призываю товарищей спасти честь свою, честь литературы – вырвать оружие у черной шайки, выступить властно, немедленно.

О. Мандельштам

131. Н. Е. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Москвы в Гнивань, 17 июля 1929 г.

Милая дочка!

Я опять в Москве, устраиваю свои дела для отпуска. Скоро увидимся. Надеюсь, что ты уже здорова и прыгаешь. Рядом со мною дядя Ося.

Целую крепко.

Папа[2]

---

[1] Написано Н. Я. Мандельштам.

[2] Написано Е. Э. Мандельштамом.

Милая Татинька,

хотел бы тебя повидать, поглядеть, какая ты теперь. Наверно, загорела? Скоро ли увидимся? Мы с Надей тоже едем на юг.

Целуем тебя. Дядя Ося. Целую бабушку.

17/VII Москва

132. В. М. САЯНОВУ

Из Москвы в Ленинград, 24 августа 1929 г.

24 августа 1929 г.

Дорогой товарищ Саянов!

Пишу вам в подкрепление телефонного звонка. «Московский комсомолец» широко развертывает литературный отдел. Нам необходимо тесное сотрудничество с ленинградской молодежью. Вы знаете ее лучше, чем кто-либо. К вам настоятельная просьба: подбирайте материал и шлите его на адрес редакции. Я всецело полагаюсь на ваш выбор, и всё, что вы возьмете у авторов, они могут считать принятым.

Если вас не затруднит, переговорите с Тихоновым. Ваши стихи и его нам необходимы, кроме того, необходима проза Тихонова. Ведя борьбу со всякого рода цеховщиной и варкой в собственном соку, мы сразу берем установку на культурный подъем. Комсомольский литературный молодняк нуждается в старших союзниках. Нельзя предоставлять его собственным силам. Я не представляю себе, чтобы вы не откликнулись немедленно на наш призыв.

Еще одна просьба: вы отказались по телефону взять неблагодарное дело распределения денег. Гонорар можно высылать и непосредственно из Москвы. Но если б вы указали в Ленинграде человека, способного взять на себя материальную часть, мы бы перевели в его распоряжение сумму в отделение издательства «Рабочая Москва».

Собираюсь написать вам частное письмо.

С приветом О. Мандельштам

133. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СОВЕТСКИМ ПИСАТЕЛЯМ

Москва, начало 1930 г.
Черновое

Открытое письмо советским писателям

Я заявляю в лицо Федерации советских писателей, что она запятнала себя гнуснейшим преследованием писателя, использовав для этой цели неслыханные средства, прибегла к обману и подтасовкам, замалчивала факты, фабриковала заведомо липовые документы, пользовалась услугами лжесвидетелей, с позорной трусостью покрывала и покрывает своих аппаратчиков, замалчивала и покрывала своим авторитетом издательские безобразия и на первую в СССР попытку писателя вмешаться в издательское дело ответила инсценировкой скандального уголовного процесса.

Писательская общественность, допуская превращение своих органов в застенок, где безнаказанно шельмуют работу и честь писателя, становится тем самым реальной угрозой для каждого писателя.

Я не принадлежу ни к одному из литературных объединений и не вхожу формально в ФОСП. Я никогда не прибегал к органам Федерации с просьбой рассудить меня с кем-либо и не давал никакого согласия на разбирательство моих гражданских дел в конфликтных комиссиях ФОСПа. Теперь я вижу, что доверять свою честь судебным и третейским органам ФОСПа было бы по меньшей мере опрометчиво. Сделавшись невольным клиентом этих судилищ, я убедился, что они отличаются такой малограмотностью, такой юридической и общественной бездарностью, такой подозрительной гибкостью и восприимчивостью ко всякого рода давлениям, что любой профессиональный суд, любую судебную инстанцию нашей несовершенной и строящейся страны следует предпочесть писательскому трибуналу.

Мне и в голову не приходит смотреть на писателя как на высшее существо и видеть в нем образец граж-

данских добродетелей, но никто не давал права писателю стоять ниже среднего уровня культуры и эпохи, никто не позволял ему оскорблять правосознание современника и глумиться над здравым смыслом.

Между тем со мной, например, поступили как с проституткой, долгие годы гулявшей по желтому билету и наконец-то пойманной за дебош. Проституция же заключалась в многолетнем труде, а дебош – в хорошей и по закону исполненной работе. Разбойное нападение среди бела дня на страницах «Литгазеты» – обвинительный акт, шулер-фельетонист – в роли прокурора, редактор запачканной газеты – председатель суда, лабазные молодцы из издательской лавки ЗИФа – услужливые свидетели, наемные стряпчие-крючкотворы из приказов того же ФОСПа – юридические закройщики незамысловатого суда.

Когда писатель требует, чтобы его судили сообразно с законами страны, с обычными нормами данной отрасли промышленности и теми условиями, в которых протекает труд его товарищей по профессии, когда писатель требует, чтобы ему ответили, почему именно он и вот эта, а не другая работа заносится на черную доску, – Федерация бормочет: «Данный инцидент является следствием не частного, а общего явления, характеризующего положение в СССР...».

Когда издательство, внезапно меняя точку зрения на свой договор, начинает легонько по сигналу «Литгазеты» подталкивать своего сотрудника к скамье подсудимых, Федерация деликатно ему помогает.

Далее Федерация прибегает к бесчестнейшему трюку, подменивая уголовные обвинения литературной критикой по Горнфельду. Дело принимает вид фонарика с разноцветными стеклами: когда нужно – плагиат, когда нужно – халтура.

Когда Федерацию спрашивают, почему за плохие повести, не сверенные с действительностью, и за плохие стихи, развращающие вкус, она не судит своих членов, а за плохую, пусть ужасную обработку Уленшпигеля нахо-

дит возможным судить «товарищеским» судом, Федерация лепечет что-то невнятное о «сверке с подлинником».

Мне известно, что на конфликтной комиссии от 21-го июня говорилось о позорном пятнышке на моих ризах и о том, что с меня за мое лирическое сладкогласие следует взыскать построже. Я слов не нахожу, чтобы заклеймить всю лицемерную гнусность этих ханжеских речей. Я, дорогие товарищи, не ангел в ризах, накрахмаленных Львовым-Рогачевским, но труженик, чернорабочий слова, переводчик. Я чернорабочий, и глыбы книг ворочал своими руками. Какие там к черту ризы! Я чернорабочий, я издательский негр, но не вам клеймить меня плоским именем халтурщика, которое вы с такой легкостью выговариваете и которое означает не просто плохой работник, не просто обманщик и лентяй, но означает – холоп, батрак, наймит, работающий сдельщину на ненавистного хозяина и случайно оступившийся, не сумевший потрафить, перепутавший свой каторжный урок. Мой труд никогда не был рабьим трудом, и я с пеной у рта отстаиваю свое право на плохую работу, право на неудачу, право на срыв.

Матерщина – это детский лепет в сравнении с тем, что вытерпели стены Дома Герцена и пасторские седины Канатчикова. Зифовские молодцы не были вытолкнуты в шею, когда с их грязного языка слетело имя жены писателя в сочетании с абортом. Уличенные во лжи молодцы изворачивались под руководством старца Канатчикова:

«...Халтура... скрывается от милиции... не прописывается...».

Стенографистки не было, в протокол не занесено, но свидетели были, были... Мне кажется, что целесообразнее доверить управление делами Федерации королю из свежей карточной колоды, нежели гражданину Канатчикову.

За несколько месяцев фельетон Заславского дал молодые побеги. Радуйтесь, советские писатели, Мандельштам не только литературный вор и плагиатор, но также маклер, жучок, посредник, ловкий проныра,

затащивший к себе в трущобу Горнфельда и Карякина. Отпустив с миром ловких скупщиков краденого в их издательскую хазу, именуемую ЗИФом, Федерация выдает мне справку, что я не халтурщик. Я сохраню эту справку. Я бережно ее пронесу. Я буду заглядывать в нее каждый раз, когда, очнувшись от тошнотного угара, в котором, как бред, мелькают совесть, труд, письма в редакцию, суды, чиновничьи маски столоначальников из страшного и последнего департамента литературы – Заславские, Канатчиковы, Рогачевские с мочалкой, я найду в себе силы приняться за прерванный жизненный труд. И тогда неизменно мне представится одна картина – Заславский, Горнфельд и Канатчиков, склоненные над красным комочком – над сердцем Уленшпигеля – и над моим, писатели, сердцем.

Судопроизводство в руках ФОСПа я вынужден признать социально-опасным орудием. Ваша организация, присваивая себе функции настоящего суда с уголовной амплитудой, пренебрегает всеми нормами и гарантиями нормального процесса.

1) Тягчайшие обвинения предъявляются человеку публично, в печати, без всякого предварительного расследования – в форме бранного шулерского фельетона.

2) На основе этого фельетона человек путем оглашения в печати предается публичному суду без формулировки обвинения, без обвинительного акта, уже после разоблачения клеветника.

3) Абсурдное обвинение Исполбюро отменяет «дело» ценой полного игнорирования фельетона и характера предъявленных мне обвинений.

4) Несмотря на отмену дела Исполбюро, под каким-то казуистическим предлогом созывается судебная комиссия под председательством заинтересованной стороны, в задачи которой входит в чем угодно обвинить Мандельштама, чтобы спасти престиж «Литгазеты».

5) Трибунал, именующий себя «конфликтной комиссией», строится по методу: «Все, кроме подсудимого, – полноценные прокуроры», фиксирует хулиганские по-

клепы специально вызванных работодателей, не замечает грубейших противоречий в их показаниях, отказывает в вызове свидетелей, не требует фактов, не формулирует обвинений и выносит юридически безграмотный, инсинуирующий приговор.

6) Высший орган ФОСПа – Исполбюро, – заслушав это решение, принимает его к сведенью, утверждает и запрещает печатать.

7) Из приговора не делают никаких общественных выводов относительно осужденного, не исключают его из организации и не сообщают о его деяниях прокурору.

(Для характеристики «общественной» установки Федерации: когда в «Правде» появился фельетон Заславского «Жучки и негры», комментирующий решение конфликтной комиссии ФОСПа от 21 июня, причем в фельетоне всеми словами утверждалось, что всё переводческое дело в СССР построено на эксплуатации полуграмотных негров, которых нанимают за себя писатели с крупными именами, Федерация обошла этот фельетон полным молчанием и не сделала из него никаких общественных выводов.)

8) В августе Федерация объявляет печатно о пересмотре дела ввиду наличия «формальных» к тому поводов, но в течение 5-ти месяцев от пересмотра уклоняется.

9) В декабре Федерация внезапно выделяет комиссию, именуемую уже не конфликтной, но «комиссией для разбора обвинений, предъявленных Мандельштаму “Литгазетой”». Эта комиссия, так же как и первая, отказывается от всякой следственной процедуры, от формулировки обвинений, от оглашения материалов и от вызова свидетелей. Упоминая вскользь о травле и о «тягчайших обвинениях, лишенных всякого основания» (формулировка комиссии), комиссия признает помещение фельетона в «Литгазете» ошибкой, но на Мандельштама возлагает моральную ответственность за производственную практику советских издательств, о которой ни одним словом не упоминалось в фельетоне.

Все ваши постановления шиты гнилыми нитками, не сводят концов с концами, сами себе противоречат. В них нет настоящего товарищеского голоса, нет настоящего, честного, прямого осуждения, ни рукопожатия, ни удара, ни оправдания – ничего этого в них нет. Ваши постановления – это настоящий блуд, приправленный кисленькой размазней прописной морали. Мне стыдно за вас. Мне стыдно уличать старых людей в безграмотности и недобросовестности, мне стыдно за молодежь, которая не имеет мужества в нужный момент возвысить голос и сказать свое слово.

Какой извращенный иезуитизм, какую даже не чиновничью, а поповскую жестокость надо было иметь, чтобы после года дикой травли, пахнущей кровью, вырезав у человека год жизни с мясом и нервами, объявить его «морально ответственным» и даже словом не обмолвиться по существу дела!

Вы произносите в своем постановлении страшное слово «травля» – так, между прочим, как какой-то пустячок. Где травили, кто травил, когда, какими способами?.. Укажите виновников или молчите, или вы не смеете говорить о травле...

Мне стыдно, что я, как нищий, месяцами умолял вас о расследовании. Если это общественность, я бегу от нее, как от чумы. Вы умеете не слышать, вы умеете не отвечать на прямые вопросы, вы умеете отводить заявления. Если собрать всё, что я вам писал за эти месяцы, то получится настоящая книга – убийственная, позорная для нас всех. В историю советской литературы вы вписали главу, которая пахнет трупным разложением.

Я ухожу из Федерации советских писателей, я запрещаю себе отныне быть писателем, потому что я морально ответственен за то, что делаете вы.

Спасибо, товарищи, за обезьяний процесс. А ну-ка поставим в дискуссионном порядке, кто из нас вор... Выходи, кто следующий!.. Но меня на этом вороньем празднике не будет.

Дорогие товарищи, в этом деле нет никакой розовой водички, никакой литературности, никаких тонких самолюбий, никаких изощренных цветочков писательской этики. Это тяжелое и трудное, громоздкое и страшное общесоветское дело, то, о чем мы ежедневно читаем в газетах, – это злостный удар по работнику, это сворачиванье ему шеи – не на жизнь, а на смерть, где все средства хороши, где все пути дозволены: клевета, лжесвидетельство, крючкотворство, фельетонная передержка, где всё для безнаказанности сдобрено разговорчиками о «писательской этике», – это одно из бесчисленных дел, когда неугодного работника снимают с поля деятельности бесчестными способами...

Для полноты картины я должен вас информировать о том, что «товарищеское» разбирательство в Федерации было лишь мостиком к уголовному преследованию писателя, о чем было отлично известно ФОСПу. Издательство ЗИФ по сигналу «Литгазеты» привлекло меня соответчиком по гражданскому делу, причем само спровоцировало этот иск. В гражданских камерах Губсуда и Верховного Суда издательство всеми способами добивалось моего привлечения по 177 ст. Уг<оловного> Код<екса>, ссылаясь как на главный аргумент на статью «Литгазеты» и на решение ФОСПа от 21-го июня. На судах дело сорвалось, и поведение «Литгазеты» было заклеймено особым пунктом в решении Верх<овного> Суда.

Итак, товарищи, дело, которое вы называете «претензией ЗИФа и Горнфельда к Мандельштаму» и которое вы сводите к фельетону Заславского, явилось травлей довольно крупного масштаба и от начала до конца делом рук самого ФОСПа.

В данную минуту Федерация готова признать, что травля писателя Мандельштама нанесла объективный ущерб издательской реформе, которой добивался Мандельштам. Но Федерация стыдливо умалчивает о том, что травила Мандельштама она сама, а не кто-нибудь другой, и что преследования были прямым ответом на общественное выступление Мандельштама. Такого рода

«увязка» травли с тем, что у нас называется самокритикой, является тягчайшим с советской точки зрения преступлением, но для Федерации советских писателей советский закон, очевидно, не писан, и никакой ответственности за свои позорные деяния она не чувствует и, надо думать, не понесет.

Злоупотребление так называемой юрисдикцией, то есть правом организации судить своих членов, – граничит в данном случае с моральным убийством и с общественным вредительством. Предание меня суду Федерацией писателей в тысячу раз серьезнее, чем самый фельетон. Именно это предание суду я считаю преступлением Федерации по отношению ко мне. Поведение всех моих товарищей – советских писателей, которые, скрестив руки, готовились к интересному зрелищу – как Мандельштам будет изворачиваться перед Федерацией по обвинению в краже и мошенничестве, и пальцем не шевельнули, чтобы предотвратить эту гнусную комедию, я считаю полным основанием для разрыва со всеми вами.

Для Мандельштама Федерация советских писателей оказалась полицейским участком, куда его потянули, как [.....] никаких объяснений, настойчиво повторяя [.....] Мандельштама публично обыскивали в Доме Герцена, и руки всех советских писателей, в том числе и ваши, раз вы входите в Федерацию, шарили по его карманам.

Двадцать лет работы не застраховали меня от нападения организованного писательства. Я допускаю, что [.....] для меня лично начинается с 40 лет работы. Но советское писательство остается по-прежнему организованным, а я, будучи только Мандельштамом, не располагаю аппаратом для самозащиты на второе двадцатилетие – до наступления предполагаемого [.....]тета, считаю благоразумным выключить себя [.....] из организованной писательской общественности [.....]

134. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ АДРЕСАТУ

Начало 1930 г. (?)

Черновое

Устойчивого материального быта я не имел и <не> имею. Работать привык на тыке в самых диких условиях... К моей необеспеченности и полубездомности давно привыкли в литературе, и я сам этому не удивляюсь.

Я никогда, и это признано критикой всех направлений, не снижал уровня своей работы, даже тогда, когда вынужден был заниматься таким изнурительным для поэта делом, как переводы. Жил трудно, мучительно, нуждаясь в [.....]

135. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Москвы в Киев, середина февраля 1930 г.

[.....] всё как было. И легче стало. Дай мне, деточка, горе твое понести. Моя бесстрашная, светленькая моя.

Твой новый голос, Надинька, слышу, узнаю тебя снова. Не плачь, горькая моя Надинька, не плачь, ласточка, не плачь, желтенький мой птенчик.

Береги маму, побудь дома сколько надо и привези маму к нам. Мы ее никуда не отпустим. Скажи ей, что никуда не отпустим.

Пиши сразу: когда приедете, сколько денег надо. Я всё достану. Христос с тобою, жизнь моя. Нет смерти, радость моя. Любимого никто не отнимет. Твой. Твой.

Сейчас приду домой, родная, – напишу всё подробно.

136. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Москвы в Киев, 24 февраля 1930 г.

24/II/30

Родной мой птенец, Надик маленький! Тяжко мне без тебя, но стыдно жаловаться. Ничего, родненькая. Вот главные новости. У моего Жени – процесса пока

нет. Никаких злоупотреблений. Но травля и шельмование грандиозные. Пока – домашняя склока. Приехала из Москвы вторая комиссия – для углубленной ревизии. Вот, к примеру, обвинения: вводил в заблуждение правление о действительном положении вещей (ложь), маневрировал с отчетностью (ложь), подписался на заем в ½ размера оклада (правда) – и, наконец, «подтасовка кассы»: Григорьева и он взяли зарплату на 2 дня раньше срока. Пришла ревизия, и Григорьева по-мальчишески пыталась это скрыть, но он об этом заявил и взял на себя ответственность. Далее: подменял собой Бюро, зажимал сотрудников, ссорил Москву и Ленинград, недостаточно ревизовал агентуру (злоупотреблений нет – но, говорят, – могли быть) – и это всё. В заключении первой ревизии: «исключ<ительная> бесхозяйств<енность>», которая «неизбежно должна была повлечь финанс<овую> катастрофу». Исхода углубленной ревизии не знаю. На днях по телефону Наташа сказала – ничего нового, ничего агрессивного. Он исключен из Модпика. Без всяких средств. Хочет по врачебной линии, когда всё выяснится. Пошел было в Совкино (его пригласили после начала травли – дружески – демонстративно), – но под чьим-то давлением сняли.

Таня уехала на работу по специальности в Ростов. Наташа работает (?!?) в Модпике (?!). Это – характерно для склочной природы дела... Вся шайка писателей Женю предала, разбежалась... Слабо поддерживают лапповцы. Ячейка – дрожит за себя, пассивна...

Дед здоров. Я пока ничем ему не помог. Буквально нечем. Комната пожирает всю зарплату. Как быть, Надик? Как быть?..

Ближайшая получка: 15 подотчетных – вычет (остаток старого) – 30 (долг и буфет) – Литфонд (?). Что я сделаю с 90 рублями минус 60 за комнату (не считая недоплаты в 25 р., образовался «хвост»). Научи, Надик, посоветуй, как быть.

В газете положение улучшилось. Прилив «уважения». Начинают понимать, что дали мне манилов-

ское задание невыполнимое. Хотят теперь, чтоб я учил и поднимал аппарат. Веду рабкор<овский> кружок в «Веч<ерней> Москве». Дружу с рабочей молодежью. Как раз вчера после телегр<аммы> отв<етственный> секрет<арь> наговорил мне комплиментов – они от меня ждут, чтоб я вклинивался в работу отделов и помогал им органически. Но товарищей в газете – нет. Бюрократизм и бездарность отчаянные. Сделал громадный монтаж о Кр<асной> Армии (23 февр<аля>). Это укрепило, и очень сильно, позицию. Показал, что могу.

Юрасов уезжает 1-го. Твердо зовет с собой, т. е. – вызвать с подъемными через месяц. Это абсолютно серьезно. Там большие возможности. «Комс<омолец> Востока» в центре всей краевой полит<ической> работы. Хлопок, Турксиб и т. д. Очень увлекательно. Но можем ли мы на это решиться? Тебе работа там тоже обеспечена. Помещение тоже. Но ведь мы не можем бросить стареньких! Ведь не можем, Надик? Научи же, как быть...

Теперь дело «Дрейфуса». Сразу по приезде – вызов на пленум комиссии. Четырехчасовый допрос, вернее, моя непрерывная речь. Был ужасно собой недоволен. Наутро: «Вы нам дали много ценных указаний, не волнуйтесь, не требуйте с себя невозможного. Мы это дело затягивать не собираемся». Дальше: дело разбито на сектора. Каждый следователь работает со мной отдельно. Был вызов по линии Фоспа. Допрос – 3 часа. След<ователь> – женщина, старая партийка, редакт<ор> «Мол<одой> Гвардии». Тянула с меня формальные пункты обв<инения>. Вытянула, как зубной врач, – 17 штук. Осталась недовольна. Велела сорганизовать себя дома и дослать почтой. Сделано. (У Березнера на комиссии прорвалось: «Имейте в виду, что фельетон был заказан».) Третьего дня четырехчасовый допрос по Зифу. Метод: письменные ответы на месте – в строгих рамках вопроса. Терпенье – колоссальное. До чего я не умел до сих пор сказать главное! Любопытно: я не взял бумаг, послали меня домой, дождались (слетал на такси). Дважды списал твою копию протокола К<онфликтной> К<омиссии>. Важнейший

документ. Третьего следователя отослали обратно: «очередь» – «вы нарасхват», – говорит Березнер.

Ну вот, моя родненькая, наиболее существенное. Нигде не бываю (зашел к Шифриным). Он говорил в Озете. Там готовы подумать. Но о чем? Хорошо бы в Сев<ерный> Крым? Да, мой Надик? Зайду опять к Ниссону. Здесь Моргулис.

Да, забыл: писателям не подаю руки: Асеев, Адуев, Лидин и т. д. Асеев не обиделся. Смутился. Долго расспрашивал: «Ну, пока не подаем руки друг другу». Адуйка был неподражаем. Встретил Лившица у Жени – и повернулся спиной.

В Ленинграде ни с кем не встречался. Письмо сейчас рассылать нельзя.

Сейчас придет Шашкова (я пишу в редакции), и я тебе выправлю мандат на очерковые изыскания.

Если хочешь поговорить со мной по телефону, телеграфируй (узнав переговорные часы), когда будешь на квартире у Иваницкого (у жены Длигача). Это всего удобнее.

Не зайти ли мне в «Пионер» – поговорить о твоих делах?

Надик мой! Поскорее бы вместе быть... Подумай, как быть. Твой брат очень долго не сумеет вернуться в Киев. Ты это пойми. Надо принять решение. Иначе начнется развал: или мне отказаться от комнаты, а тебе надолго остаться в Киеве – или взять под Москвой 2 комнаты и тебе с мамой сюда приехать. Это надо сделать к 15 марту – не позже. Пиши мне, мой родненький. Целую твою маму. Господь вас храни.

Ося

137. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Москвы в Киев, 13 марта 1930 г.

Родная Надинька! Я совсем потерялся. Мне очень тяжело. Надик, я должен был быть всё время с тобой.

Ты моя сильная, моя бедненькая, моя пташечка. Целую тебя в лобик твой, старенькая моя, молоденькая, ненаглядная. Ты работаешь, ты что-то делаешь, ты чудесная. Надик маленький! Я хочу в Киев к тебе. Я не прощу себе, что покинул тебя одну в феврале. Не догнал тебя, на твой голос по телефону сразу не приехал – и не писал, не писал ничего почти всё время. Как ты бродишь, родной, по комнате нашей, всё родное и вечное с тобой. Держаться, держаться за это милое, за бессмертное до последнего дыханья. Не отдавать никому ни за что. Родная, мне тяжело, мне всегда тяжело, а сейчас не найду слов рассказать. Запутали меня, как в тюрьме держат, свету нет. Всё хочу ложь смахнуть – и не могу, всё хочу грязь отмыть – и нельзя.

Стоит ли тебе говорить, какой бред, какой дикий тусклый сон всё всё всё.

Мучили с делом, 5 раз вызывали. Трое разных. Подолгу: 3–4 часа. Не верю я им, хоть ласковые. Только Рузер по Фоспу верю вполне: откровенна, серьезна, и большая теплота человеческая. Зачем я им? Опять я игрушка. Опять ни при чем. Последний вызов к какому-то доценту: рассказать всю свою биографию. Вопрос: не работал ли в белых газетах? Что делал в Феодосии? Не было ли связи с Освагом??? Ведь это бред. Указал на феод<осийских> коммунистов. Прочел я ему стихи про Керенского и др., указал ему сам всё неладное в стихах. «Шум Вр<емени>» он изучил. На машинке цитаты принес – мне показывает, просит объяснений. Тон дружеский. Говорит, мы знаем всё про Ионова и др. Должны и про вас всё знать. Не позже чем через 10 дней будет созвано заседание для оглашения выводов комиссии. Пригласят всех – Зиф, Фосп и т. д. Дадут высказаться: «Пусть узнают свое место на общем фоне и сделают свои замечания; у нас не Федер<ация>; полемики между ними не допустим». А решение вынесет другой состав – высший – и напечатают. Потребовал прислать ему все мои книги и хронолог<ический> листок биографии. В заключение – «мы достаточно авторитетны, вашим прошлым

(писательским?) (или вроде того) никто вас не попрекнет. Плюньте на княгиню М<арью> Алексеевну». О самом деле – ни слова. Вызывали Зенкев<ича>: о деле ни слова («всё и так ясно»). Только общ<ую> характ<еристику> и особенно период у белых (прямо анекдот). Похоже, что хотят со мной начисто договориться: кто я, чего хочу и т. д. Если бы так – то это хорошо. Но знаю одно: я не работник. Я – дичаю с каждым днем. Боюсь своей газеты. Здесь не люди, а рыбы страшные. Мне здесь невыносимо, скандально, не ко двору. Надо уходить, давно опоздал. Хочу отдохнуть. Иду завтра в амбулаторию. Попробую отпуск? Но это – не то. Надо уйти. И сейчас же. Но куда уйти? Кругом – пустота. Жалко книги остановившейся. Жалко. Со мной один Апель ходит. За комнату 1-го ничего не мог уплатить. Как быть 15-го? Буфет – 20 р. Останется 100 р. М<ария?> Ром<ановна> возьмет 10 р. = 90 р.

Надик родной! Надо решать. Минута такая!

(Сегодня в Фоспе запрос Асеева. Сутырин «пишет» резолюцию. Канатчиков снят (почему?))

Я один. Ich bin arm. Всё непоправимо. Разрыв – богатство. Надо его сохранить. Не расплескать. Твой Женя задержится. Наверное – так я думаю.

Но, друг мой милый, – ты не спеши приездом, он ничего не изменит. Маму свою береги. Напиши мне только, как быть, помоги взять твердую линию, помоги уйти от всякой лжи и нечисти. Мне люди нужны, товарищи, как в «Моск<овском> Комс<омольце>». Мы еще найдем друзей, найдем опору. Совсем не обязательно Ташкент. Попробуем в Москве. Возьмем маму. Решай – подходит ли мне газетн<ая> работа. Не иссушит ли мой старый мозг вконец? Но работа нужна. И – простая. Не хочу «фигурять Мандельштамом». Не смею! Не должен!

Родная, Господь с тобой! Не покинет тебя любовь, родная! Родненькая! Узнаешь меня? Слышишь?

Твой Ося

Привет от Апеля!

138. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Москвы в Киев, 14 марта 1930 г.
Телеграмма

Поводу устройства санаторию был направлен амбулатории невропатологу психиатру считают острое психастеническое состояние требующее перемены обстановки самочувствие удовлетворительное выезжай не ожидая брата деньги телеграфом Ося *Присоединяюсь Женя Мандельштам*

139. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Москвы в Киев, 14 или 15 марта 1930 г.

Надик, я пошел в амбулаторию. Врач по внутренним нашел некоторое ослабление сердечной мышцы, – в сущности, сказал он, – «миокардит».

Некомпенсированных дефектов не нашел. Предписал санаторий – по соглаш<ению> с невропатологом. Тут же направил к нервному врачу. Этот отнесся очень серьезно. Знает, кто я (?). «Шесть недель minimum спец. санатория», и направил к профессору-невропатологу для совещания с ним (после моего осмотра) о способах лечения. Завтра пойду к проф<ессору>. «Потом, – сказал врач, – мы раскачаем всю громоздкую машину для получения срочного санатория». Рассказал секр<етарю> газеты. Он – «ничего – мы всё сделаем». Я ни на что не жалуюсь. Ничего не болит. Здоров. Честное слово, Надик, – я здоров, как всегда.

Может, родная, надо и вправду отдохнуть?

Родная моя! Оставайся в Киеве! Там тебе лучше!

Целую.
Твой Няня

140. И. Д. ХАНЦИН

Из Старого Петергофа в Ленинград,
конец декабря 1930 г. – начало января 1931 г.

Дорогая Иза Давыдовна,

эту музыкальную фразу, весьма коряво здесь начертанную, и еще очень многое хотелось бы услышать от вас и Ал<ександра> Осиповича.

И я бы тоже очень хотел и слышать и видеть Вас. И еще многое другое. И Александра Осиповича![1]

Иза, обязательно приезжайте и тащите с собой Терезу.

А старику привет.

А вообще кланяюсь и целую.[2]

Адрес: Старый Петергоф. Заячий Ремиз. Садовая 14. Санаторий Цекубу.

Ночлег и все удобства (и пропитание) обеспечены. Поезда с Балтийского каждый час.[3]

О. Мандельштам
Н. Х.
Виктор[4]

---

[1] Приписано В. А. Мануйловым.

[2] Приписано Н. Я. Мандельштам.

[3] Приписано В. А. Мануйловым.

[4] Собственноручные подписи Мандельштама, Н. Мандельштам (Хазиной), В. Мануйлова.

141. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Ленинград, январь 1931 г. (после 7-го)

Милый папочка!

Я уезжаю до послезавтра. Ты уж прости мне мою грубую и глупую выходку. Не должен был я так тебе говорить... Ты-то здесь при чем? А с Женей у меня плохо. Очень, очень плохо. Он сильно виноват. Ему – стыд.

Твой Ося

142. Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ

Ленинград, январь 1931 г. (?)

Убедительно прошу не волновать Над<ежду> Як<овлевну>, у которой сейчас и все дни жар и которую я вынужден был положить в спокойной и сухой комнате. В маленькой – зверская сырость, в столовой ты разбудишь и не дашь заснуть больной.

Уезжая завтра, остаемся последнюю ночь на старом месте, чтоб не переносить кровати.

Ося

143. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Москвы в Ленинград, 20 марта 1931 г.

Дорогой папочка,

посылаю тебе этот более чем скромный тючок: в нем лишь малая доля того, в чем ты нуждаешься... Обо всем прочем и главном – в письме...

Твой Ося

144. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Москвы в Ленинград, 10 апреля 1931 г.

Дорогой папочка,

До сих пор я не ответил на твое письмо (Шуре), а часто его перечитываю. Будет ответ мой. За прекрасное же письмо, хоть и не мне оно, – спасибо. Хлопочем о квартире. Шансы есть. Никуда не едем.

Целую. Ося

145. Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Москвы в Ленинград, 11 мая 1931 г.

Милый Женя!

Если хочешь оказать мне серьезную услугу, то немедленно исполни следующую мою просьбу: возьми в вашем ленингр<адском> Гизе справку о состоянии моего личного авторского счета (с балансом) – и, получив ее сразу на руки, – вышли спешным письмом на адрес Шуры в Москву. Без этой справки мне не могут здесь выплатить 40% за собр<ание> соч<инений> – т. е. тысячи полторы... Деньги на исходе. Бюджета – никакого... Гладкое ровное место. Литература моя – весьма убыточное и дорогое занятие...

40% (без упомянутой справки их не выдают, а на запрос Москвы о сост<оянии> моего счета – Ленингр<ад>, конечно, не ответил) – это всё, что у нас остается – на устройство, переезд, жизнь...

Конечно, на этом я не успокоюсь (да и удастся ли еще комбинация?), – но пробить себе дорогу так неслыханно трудно, что мы проживем и эти деньги, пока наладится бюджетный заработок (лит<ературный>). А служить грешно, потому что работается мне сейчас здорово. Так ты немедленно помоги. Гони сюда справку: это «валюта». Особенно-то не разбалтывай, что мне хотят сделать

такую поблажку. В иных, впрочем, мне деликатно отказывают пока...

Ни о чем больше не пишу. Отчет о жизни моей в письме к папе.

Целую всех вас.

Твой Ося

146. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Москвы в Ленинград, середина мая 1931 г.

Дорогой папочка! Отвечаю тебе сразу на все твои письма – и мне, и Шуре – с таким чувством, будто они пришли только сегодня утром. Я только что все их снова внимательно перечел, и теперь, чтобы поговорить с тобой, я отодвигаю всю гору суеты, ложного беспокойства, все грубые хлопоты, на которые мы обречены. Ты говоришь об отвратительном себялюбии и эгоизме своих сыновей. Это правда, но мы не лучше всего нашего поколения. Ты моложе нас: пишешь стихи о пятилетке, а я не умею. Для меня большая отрада, что хоть для отца моего такие слова, как коллективизм, революция и пр., не пустые звуки. Ты умеешь вычитать человеческий смысл в своей Вечерней Газете, а я и мои сверстники едва улавливаем его в лучших книгах мировой литературы.

Мог ли я думать, что услышу от тебя большевистскую проповедь? Да в твоих устах она для меня сильней, чем от кого-либо. Ты заговорил о самом главном: кто не в ладах со своей современностью, кто прячется от нее, тот и людям ничего не даст, и не найдет мира с самим собой. Старого больше нет, и ты это понял так поздно и так хорошо. Вчерашнего дня больше нет, а есть только очень древнее и будущее.

А семейный чайный стол мы, пожалуй, все-таки соорудим, как он ни устарел. 99% шанса на квартиру превращаются мало-помалу в периодическую дробь (99,999(9)). История с квартирой такова: наши знакомые

выезжают в новый дом, и в деревянном флигельке, недалеко от центра, освобождается квартирка в 3 комнаты с кухней. Первый этаж. Окна в палисадник (одно дерево). Еще год назад некоторые руководящие работники надумали обеспечить меня квартирой. Но где ее взять, они сами не знали. И вот мы сами же указали им на эту крошечную квартирку, больше похожую на уездную идиллию, чем на Москву. Три месяца мы ждали, пока старые жильцы откажутся от квартиры и вернут свою площадь в Руни. Руни было сделано соответствующее внушение, нам условно всё обещали, любезно морочили и не далее как третьего дня, когда мы вооружились справочками, бумажками и привели в Руни старую хозяйку, возвращавшую площадь... с площадью, так сказать, на руках, скромный, но упрямый зав. Руни неожиданно отказал в выдаче ордера, ссылаясь на 2 тысячи красноармейцев, ожидающих очереди на площадь. Не вступая ни в какие пререканья с жилищными работниками, мы сообщили о таком повороте авторитетным товарищам, которые полагают, что я по-своему тоже мобилизован и тоже в какой-то очереди состою. Там от благого почина не отступились. В настояниях своих идут дальше, нажимают, звонят по телефону. Со сдачей площади наши знакомые, к счастью, могут повременить, т. к. не готовы еще к переезду. В ближайшие 2–3 дня недоразумение разъяснится, а здесь, безусловно, недоразумение.

С Надинькой мы всё время жили врозь: я у Шуры, она у брата – Евг<ения> Як<овлевича>. Как ни странно, Шуру с Лелей я почти не видал. В девять они исчезали на службу, а приходил я всегда к ночи, когда они уже спали. Старался поменьше их стеснять. Леля нервна, переутомлена. Постоянный гость для них – сущая мука... Недавно я перебрался на Страстной б<ульвар> к Евг<ению> Як<овлевичу> (жена его, Лена, уехала на две недели). Шура же с Лелей собираются в месячный отпуск. Только что они пришли домой (пишу я у Шуры). Уже взяты билеты на Ростов (потом на море куда-нибудь или в

деревню на Сев<ерный> Кавказ). Билеты у Шуры на 23 число.

С нашим приездом на 1 мая разладилось из-за квартиры, развязка с которой пришлась на май, а также из-за глубокого безденежья. На этом фронте, скажу прямо, скверно. Денег – только на завтрашний обед. Есть ли планы? виды? Конечно, есть... Я познакомлю тебя с моими литературными мытарствами. Большой цикл лирики, законченный на днях, после Армении, не принес мне ни копейки. Напечатать нельзя ничего. Хвалят много и горячо. Сел я еще за прозу, занятие долгое и кропотливое, – но договоров со мной по той же причине – не заключают и авансов не дают. Всё это выяснилось с полуслова. Я вполне примиряюсь с таким положением, ничего никуда не предлагаю, ни о чем нигде не прошу... Главное, папочка, это создать литературные вещи, а куда их поставить – безразлично... Пера я не сложу из-за бытовых пустяков, работать весело и хорошо...

Друзья мои, люди более смелые и с более широкими взглядами, чем издательские завы, сумеют определить меня на службу. Лишь бы квартира удалась. Не исключена также возможность и получения издательских договоров, месячных выдач от Гиза и т. д. Спасибо за справку Гиза (она не та, между прочим: я просил состояние общего счета, а не на данный текущий договор, но сейчас уже не к спеху). С 40% лопается. Отказывают... Надя до последних дней была здорова. Нынче опять начались схватки в кишечнике, тошноты, слабость, похудание... Мама ее, В<ера> Як<овлевна>, одна-одинешенька в Киеве, голодает, беспомощна... Когда получим квартирку, возьмем ее к себе. Да всю мебель и утварь оттуда же перевезем. Лишнее продадим. Там еще сохранились остатки хазинской обстановки: кровати, столы, буфет, кастрюли, занавеси, стулья... На перевозку и чтоб Надю послать за мамой, нужно рублей 500... Где взять? Уповаю на друзей и благожелателей. Мы здесь не так одиноки, как в Ленинграде. С людьми водимся, к себе пускаем тех, кто нам мил или интересен, и в гости выходим...

Итак, в квартирке нашей (а я в нее верю) – три комнаты: твоя, Веры Як<овлевны> и наша с Надей. Там и летом хорошо. Рядом большой парк Армии и Флота... Впрочем, рано я, дурак, размечтался... Как бы не подвела проклятая периодическая дробь...

Лично я, получив ордер и первые же деньги, моментально перекидываюсь в Ленинград – побыть с тобой и Женей. Танюше привет. Татиньку целую. Славный ты ей подарил стих... О пятилетке же просто и глубоко и сильно при всей старомодности, которую я люблю... На племянничка хочу поглядеть... Напиши, как Юрик растет... Милый папочка, чтоб нам скорее зажить вместе, сделай вот что: упроси Женю выхлопотать мне у Старчакова 40%... В них спит всё наше с тобой скромное богатство... Пиши мне, дорогой папочка, не скучай...

С молчаньем кончаю.

Твой Ося

147. В. П. ПОЛОНСКОМУ

Москва, 3 июля 1931 г.

3 июля 31 г.

Уважаемый Вячеслав Павлович!

Позавчера я передал М. А. Зенкевичу 10 (десять) стихотворений для оглашения их в редколлегии «Н<ового> Мира». Однако зачитаны из них были только 2 (два), а принято – одно. Это стихотворение даст читателю, с которым я и без того достаточно разобщен, крайне неполное понятие о последних этапах моей лирики, а потому печатать его обособленно я не могу.

Ваш О. Мандельштам

148. В. П. КАТАЕВУ

Москва, 1931 г. (?)

Валентин Петрович!

Мы будем без 10 четыре в Н. Мире.

Не забывайте!!!

Ваш О. М.

149. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Москва, около 17–18 ноября 1931 г.

Надинька, у меня небольшой грипп. Ничего не болит. Чувствую себя хорошо, t°=37,7. Решил денек полежать, чтобы скорей к тебе выбраться. Не вздумай, пожалуйста, обо мне беспокоиться.

Вчера заходил в бухгалт<ерию> ЗКП. Деньги тебе приготовлены: в любой момент по бюллетеню можно получить. Д-р Рабинович больна, и придется без нее восстанавливать. О квартире тебе расскажет Евг<ений> Як<овлевич> (Колесникова не поймала еще Ляшкевича).

Вчера, простившись с тобой, говорил с Делигенским. Он дал самый блестящий отзыв о твоем состоянии.

Напиши, родная моя, чем закончились сегодня исследования. Как температурка? Всё-всё напиши. Не болит ли что? Не скучаешь ли?

Если верить вчерашней беседе, то через 3–4 дня тебя отсюда выпроваживают с аттестатом на утонченный организм. То, что я посылаю: сливки, компот – тебе позволено вчера Делиг<енским>. Впрочем – переспроси сегодня.

До скорой встречи, дружок мой.

Няня тебя целует.

150. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ
Москва, 19 ноября 1931 г.

Родная Надинька, солнышко мое, отпускаю к тебе маму.

Я уже здоров, t° нормальная. Только что звонил Шура: Леля рожает. Он ночью отвез ее на Арбат. Всё идет хорошо.

Друг мой, отпиши мне с мамой подробнейшим образом о результате каждого исследования в частности, о том, какие исслед<ования> уже проделаны, какие повторяются, какие и когда предстоят.

Пиши абсолютно всё, ничего не утаивая, о t°, о самочувствии. Каков вес? На руках ли у тебя история болезни? Читаешь ли ее, моя умница? Всё, всё мне расскажи. Сегодня в 3 ч. к тебе собирается Шенгели.

Родная моя! Каждое слово от тебя для меня драгоценно.

Пиши правду, жду, целую.

151. В. Б. ШКЛОВСКОМУ
Москва, июль (после 17-го) 1932 г.
Черновое

(1)

[.....] маленькая книжка, которая страстно рвется к содержанию, к мировоззрению, воюет и полемизирует, вы начали говорить только о вещах, т. е. о несуществующем в искусстве. Право смотреть на солнце и на картину – одного порядка, художник, как и всякий, оплачивает его рожденьем и смертью. То, что вы называете вещью, – ужасная терминология, – давно пора ее в архив, – применимо лишь к серийному производству ублюдков.

(2)

Книжка моя говорит о том, что глаз есть орудие мышления, о том, что свет есть сила и что орнамент есть

мысль. В ней речь идет о дружбе, о науке, об интеллектуальной страсти, а не о «вещах».

Надо всегда путешествовать, а не только в Армению и в Таджикистан. Величайшая награда для художника – подвигнуть к деятельности мыслящих и чувствующих иначе, чем он сам.

С вами на этот раз не удалось.

Надеюсь – поправимо.

152. Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Москвы в Ленинград, июль или август 1932 г.

Милый Женя!

Картина моей жизни, нарисованная папой, довольно фантастична.

Я вынужден был взять на себя тяжелое и несвойственное мне обязательство (3 очерка за 1500 р.). Больше половины денег растрачено. Выехать нечем.

От «Нов<ого> Мира» после квартирных 2500 я имел 70 р. заработка. Реально: я напечатаю еще в больших журналах 5–6 вещей, может быть, мою прозу (цена ей по договору 750 р.: половина погашает кварт<ирный> аванс в «Н<овом> Мире»). Получу еще 800–1500 р., и затем глубокая пауза – может, на год или больше, т. к. я, конечно, не стал ходовым автором, пишу очень мало и медленно, и 90% не печатается даже в самых благоприятных условиях. Основной работник по-прежнему Надя. Она выбивается из сил. Берет дополнительную работу в «Известиях». Не знаю, выдержит ли?

Папа и В<ера> Як<овлевна> живут не «в одной комнате», а в целой квартире, и прекрасной, – до 1 окт<ября>. Никто их не тревожит.

Пиши мне, дорогой, о своей жизни, о детях.

Целую. Твой Ося

Квартиру получим, очевидно, в ноябре–декабре. Надеемся на 2 комнаты. До сентября или октября мы

обеспечены для мамы и дедушки временной комнатой. Привет Тане и Тате. Маленького Юрика целую. Прошу прислать его карточку. Хочу его видеть хоть на карточке.

Надя[1]

153. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Переделкина в Ленинград,
вторая половина декабря 1932 г.

Дорогой папа!

Прежде всего спасибо за твое замечательное письмо или послание, которое мне дал Шура. Не так давно жил я в Узком с поэтом Сельвинским и говорю ему: получил от отца замечательное письмо, в котором он призывает меня к социалистической перестройке, – и в нем есть места большой силы. А Сельвинский отвечает: если когда-нибудь это будет напечатано, то обратится в слишком сильное оружие против вас самих. Я всё более убеждаюсь, что между нами очень много общего именно в интеллектуальном отношении, чего я не понимал, когда был мальчишкой. Это доходит до смешного: я, например, копаюсь сейчас в естественных науках – в биологии, в теории жизни, т. е. повторяю в известном смысле этапы развития своего отца. Кто бы мог это подумать!

Это письмо я пишу на подмосковной станции Переделкино, из дома отдыха Огиза, где осенью жил Шура. До этого мы месяц провели в Узком и лишь неделю между тем и другим домом на Тверском бульваре. Нам бы не хотелось возвращаться в Дом Герцена. Сейчас мы книжки свои сложили в сундук и пустили жить у себя Клычкова. Кирпичную полку Надиной постройки разобрали, о чем я очень жалею.

Постройка нового дома неожиданно остановилась. Снаружи всё готово: кирпичные стены, окна, а внутри

[1] Приписано Н. Я. Мандельштам.

провал: ни потолков, ни перегородок – ничего. Теперь говорят, что въедем в апреле, в мае. Нам отвели квартиру не в надстройке, а в совершенно новом лучшем здании, но на пятом этаже. Общая площадь – 48 метров: 2 комнаты (33 метра), кухня, ванна и т. д. При этом из нас выжали еще одну дополнительную тысячу, которую пришлось внести из гонораров Гихла.

9 января кончается наш срок в Переделкине. Сильно пошатнувшееся было в Москве Надино здоровье: резкая худоба, температура, слабость – сейчас восстановилось. Она прибавила 15 ф<унтов> веса, тяготеет к лыжам и конькам. Всё это далось нам нелегко – с неизбежной помощью сверху, – иначе не получили бы ничего – ни Узкого, ни Переделкина. Каждый шаг мой по-прежнему затруднен, и искусственная изоляция продолжается. В декабре я имел два публичных выступления, которые организация вынуждена была мне дать, чтоб прекратить нежелательные толки. Эти выступления тщательно оберегались от наплыва широкой публики, но прошли с блеском и силой, которых не предвидели устроители. Результат – обо всем этом ни слова в печати. Все отчеты сняты, стенограммы спрятаны, и лишь несколько вещей напечатаны в «Литгазете» без всяких комментариев. Вот уже полгода, как я продал мои книги в Гихл, получаю за них деньги, но к печатному станку не подвигаются. Да, еще: непосредственно после моей читки ко мне обратился некий импресарио, монопольно устраивающий литературные вечера, с предложением моего вечера в Политехническом музее и повторением в Ленинграде. Этот субъект должен был зайти на следующий день, но смылся, и больше о нем ни слуху ни духу. Тем не менее я твердо решил приехать в Ленинград в январе с Надей, чтобы всех вас повидать и вообще, т<ак> ск<азать>, на побывку на родину, без всяких деловых видов. Должен тебе сказать, что всё это время мы довольно серьезно помогали Шуре. О более широких планах, если мне позволено их иметь, я расскажу тебе лично, когда приеду. Вот что еще – нельзя ли нам снять на месяц комнату в Ленинграде, по возмож-

ности в центре? Очень прошу узнать и поискать, если можно. Деньги вышлю телеграфом, как только комната найдется (получаю в начале января). Из этой же получки вышлю тебе.

Целую дорогого папу и всех родных.

Ося

Как Татя и Юрик? Напишите.

Милый деда! Я толстею и внезапно обнаружила, что могу читать по-немецки. Когда приеду в Ленинград, буду вашей чтицей. Очень скучаю. Хочу вас видеть.

Целую. Надя. Привет Тане, детям и всем![1]

154. М. С. ШАГИНЯН

Москва, 5 апреля 1933 г.

Дорогая Мариетта Сергеевна!

Эта вещь, которую я вам посылаю и хочу, чтобы вы прочли, еще не напечатана (будет в «Звезде» и в Ленингр. изд<ательстве>); но случилось так, что эта вещь – эта рукопись – уже работает и дышит, как живой человек, отвечает, как живая за живых, и вместе с ними борется. Помните, в Эривани я брал у вас томик Гете, и читали статейку в ЗКП, где я поклонился и от вас, и от себя «живой» природе? Тематика наших беглых встреч с вами и даже через Якова Самсоновича, который умеет и любит слушать для вас – всегда была защитой действительности от мертвых ее определителей. Вы всегда бранили меня за то, что я не слышу музыки материализма, или диалектики, или всё равно как называется.

Эти же разговоры продолжаются в моем «Путешествии». Материальный мир – действительность – не есть нечто данное, но рождается вместе с нами. Для того, чтобы данность стала действительностью, нужно ее в букваль-

---

[1] Приписано Н. Я. Мандельштам.

ном смысле слова воскресить. Это-то и есть наука, это-то и есть искусство.

Дружба с героем моей полуповести – она-то и помогла мне эту воскрешающую работу проделать. Самое личное из наших качеств помогло мне сделать такой прыжок в объективность, который мне даже не снился. Кто я? Мнимый враг действительности, мнимый отщепенец. Можно дуть на молоко, но дуть на бытие немножко смешновато. Но для того, чтобы действовать, нужно бытие густое и тяжелое, как хорошие сливки, – бытие Аристотеля и Ламарка, бытие Гегеля, бытие Ленина.

Каково же бывает, когда человек, враждующий с постылым меловым молоком полуреальности, объявляется врагом действительности как таковой? Так случилось с моим другом – Борисом Сергеевичем Кузиным, – московским зоологом и ревнителем биологии. Личностью его пропитана и моя новенькая проза, и весь последний период моей работы. Ему, и только ему, я обязан тем, что внес в литературу период т<ак> н<азываемого> «зрелого Мандельштама».

Из прилагаемой рукописи – лучше, чем из разговоров со мной, – вы поймете, почему этот человек неизбежно должен был лишиться внешней свободы, как и то, почему эта свобода неизбежно должна быть ему возвращена. Замечу в скобках, как скучное и само собой разумеющееся, что каждый шаг жизни Бориса Сергеевича мне известен, что круг его деятельности и интересов только по домашним признакам и научной специфике разнятся от моего. У меня всегда было о нем дурное предчувствие, но там, где другой сказал бы о нем «плохо кончил», я хочу сказать – как бы внешне ни обернулось для него, – он сейчас начинает, и начинает хорошо. У меня отняли моего собеседника, мое второе «я», человека, которого я мог и имел время убеждать, что в революции есть и энтелехия, и виталистическое буйство, и роскошь живой природы.

Я переставил шахматы с литературного поля на биологическое, чтобы игра шла честнее. Он меня по-настоящему будоражил, революционизировал, я с ним учился

понимать, какую уйму живой природы, воскресшей материи поглотили все великие воинствующие системы науки, поэзии, музыки. Мы раздирали идеалистические системы на тончайшие материальные волоконца и вместе смеялись над наивными, грубо-идеалистическими пузырями вульгарного материализма. Большинство наших писателей думают, что идеология – это дрожжи, которые завернуты в пакетик и без которых никак нельзя. Им бы хоть сотую долю Энгельсовой бурности и познавательной страсти молодого марксизма. У нас между наукой и поэзией пошлейшее разделение труда. (Хороша была смычка у Леонова в «Скутаревском».) Полное отсутствие взаимного интереса и любострастия, какие-то спецы, ведущие переписку из этажа в этаж.

Мариетта Сергеевна! Я хочу, чтобы вы верили, что я не враждебен к рукам, которые держат Бориса Сергеевича, потому что эти руки делают и жестокое, и живое дело.

Но Борис-то Сергеевич не спец, и поэтому-то сама внешняя свобода, если наша власть сочтет возможным ему ее вернуть, – окажется лишь крошечным придатком к той огромной внутренней свободе, которую уже дала ему наша эпоха и наша страна.

Ваш О. Мандельштам

Простите, что писано не моей рукой: не умею; диктовал жене.

5 апр. 33 г.

155. Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ и Т. Г. ГРИГОРЬЕВОЙ

Из Москвы в Ленинград, начало апреля 1933 г.

Милые Женя и Таня!

Устроить в дом отдыха за несколько дней – даже в самый плохой – немыслимо. Женя как врач должен же это понимать. К тому же непосредственно мне доступные писательские дома поставлены так небрежно и плохо, что

о них в данном случае не может быть и речи. Мы с Надей дожидались Узкого ровно три месяца и попали в него благодаря исключительному стечению обстоятельств, причем Оргкомитет фактически отказался помочь. Скорее поможет Ленинградский Оргкомитет в Петергофе. Поговори от моего имени со Свириным и телеграфируй, если это подходит. Я приму все меры для устройства папы в более подходящий дом, в чем мне обещает помочь здешний Горком. Для этого им нужно медицинское удостоверение (хотя бы частное) и точное указание, чего мы хотим. Сильно сомневаюсь в успехе этих хлопот, потому что всё сведется к одному из массовых домов Наркомздрава, которые по всему своему укладу для папы не подходят.

Какой же мой реальный план? Если не удастся Гизовский дом Переделкино, который очень хорош и подходящ, – то все-таки Голицыно, и вот почему. Дом на 20 человек, 1½ часа от Москвы. Близко от станции. Там крошечные комнатки и нет никаких общих помещений, где можно сидеть. Керосиновые лампы, холодная уборная, отвратительный и скудный беспорядочный стол. Почему же все-таки Голицыно? Во-первых, потому что оно маленькое и в нем домашняя обстановка, тихо сравнительно. Во-вторых – летом недостатки компенсируются солнцем, воздухом. Но в Голицыне одному отцу жить нельзя, придется с ним поехать или жить с ним по очереди. А всё питание наладить там на свои средства: молоко, яйца, масло, крупы, варить каши и т. д. (там это можно). Всё это имеет смысл только с начала июня, в глубокое тепло. Кроме того, с 1-го июня по самую позднюю осень я беру отца к себе на квартиру. Прошу вас, дорогие мои, поухаживать за отцом еще 6 недель. Как вам ни тяжело, но вы сумеете это сделать, т. к. деньги я даю и буду и впредь давать. Поберегите его как ребенка. Главное, чтобы все деньги, какие я могу дать, шли только на него, несмотря на разруху и т. д. Давайте думать сейчас только о нем. Мне кажется, что 10 р. в день обеспечат его молочной диетой, сахаром и т. д. Только чтобы он сам не

ходил на базар и не хозяйничал. Умоляю сохранить его покой и продлить его жизнь. Не заставляйте его бродяжить, волноваться. (Ведь опасно же!)

Сейчас же отвечайте. Пишите, что нужно сделать, прислать и т. д. У нас всё благополучно.

Ваш Ося

Детей целую.
Наташе привет!

156. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Старого Крыма в Ленинград, около 10 апреля 1933 г.

Дорогой папочка!

Груздев пишет, что ты слишком рано встал и простудился. Прошу тебя и умоляю: береги себя, не выходи в переходную весеннюю погоду. Уж как-нибудь проскучай две недели в комнате, а потом выходи только на прогулку и не придумывай себе никаких дел. Следующий платеж по моим векселям на твое имя состоится в начале мая. 350 р., переданные тебе Груздевым, опоздали на целых 13 дней. Нужно учесть, что и следующие деньги могут на несколько дней опоздать. А потому не вкладывай свои средства ни в какие предприятия, кроме своего личного питания и своих других нужд. Хотя ты окружен домашними врачами и мне смешно давать тебе медицинские советы, но, насколько я слышал, тебе полезна молочная диета и вредно мясо. Ты должен иметь каждый день 1–2 кружки молока (литр), молочную кашу, немножко творогу или сметаны и каждую шестидневку покупать для себя 1 ф<унт> масла. Утром хорошо было бы регулярно 2 яйца. Коммерческого сахару по 15 р. сейчас сколько угодно в магазинах. На это должно уходить в день 10–12 р., и они должны уходить именно на это. Хоть раз в жизни научись тратить на себя так же твердо, как это делается для детей. Эти 12 р. в день я тебе гаранти-

рую до самого переезда к нам в Москву в квартиру – но не могу же я специально поселиться у вас для того, чтобы присматривать за твоим режимом. Я уверен, что Таня и Женя сумеют это сделать лучше, чем я. Мы с Шурой решительно возражаем против весеннего дома отдыха для тебя. На эту тему я подробно писал Жене. Летом ты поживешь на писательской даче в Голицыне, и не один, но при тебе всё время будет кто-нибудь из нас в течение месяца. Наша квартира почти готова. Дом выстроен. Заканчивается внутренняя отделка. Въезд назначается примерно 1 июня. Это прелестная миниатюрная солнечная квартирка из двух комнат на 5 этаже с газовой плитой и с ванной. Мы дадим тебе максимальные удобства. Надя уступит тебе свою комнату. Избавившись от надоедливых посетителей, которые лезут ко мне на Тверской бульвар, – я смогу уделять тебе гораздо больше времени, чем прошлым летом. Лишь бы ты восстановил свои силы к тому времени. Ты слишком избалован своим здоровьем. У тебя замечательно сильный организм, редчайшее в наше время здоровье – здоровье Льва Толстого, но в твоем возрасте нельзя злоупотреблять такими дарами природы. Ты должен научиться бояться за свое здоровье и сознательно себя беречь.

Теперь о нас самих. Сегодня мы уезжаем на несколько недель – до переезда в квартиру – в городок Старый Крым около Феодосии – в гости к нашим друзьям, у которых там дом, но, разумеется, на свое хозяйство (всё, даже хлеб, везем с собой из Москвы). Для нас это последняя возможность отдыха. Через 6 недель по ряду причин это будет уже невозможно, и очень надолго. Для меня эта поездка имеет также рабочий смысл: запасы кончились и бездельничать надоело. Мне предстоит большой рабочий год. Пожинать лавры скучно и не всегда выгодно.

Дорогой мой папочка, покажи это письмо Жене и Тане, скажи им, что я думаю о них, жалею и хочу быть с ними. Из Крыма я думаю проехать прямо в Ленинград за тобой. Адр<ес>: Феодосия, Старый Крым, ул. Либ-

кнехта, 40, Нине Николаевне Грин, для Мандельштамов. Обещаю писать хоть по несколько слов, но через день. Прошу отвечать тем же.

157. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Коктебеля в Ленинград, около 20 мая 1933 г.

Дорогой папочка! Получил телеграмму от Шуры, что ты хочешь приехать в Москву. Очень встревожен этим. Квартира, как сейчас говорят, будет готова в июле. Мы возвращаемся 17 июня в Москву на Тверской бульвар. В деньгах летом мы будем очень и очень стеснены. Дом отдыха тебе я устрою по приезде – лично и в кредит. Но мне кажется, что первое время ты сам предпочтешь пожить с нами на квартире. Следующий месяц я смогу тебе предоставить не больше 150 р. Поэтому прошу тебя тратить только на еду для себя и больше ни на что. Все необходимые для тебя вещи, кроме этих 150 р., я возьму для тебя в Москве в нашем распределителе. Ни в коем случае не покупай ничего из одежды. Если ты приедешь, скажем, к концу мая в Москву, а мы вернемся 17 июня, – то мы очутимся с тобой втроем в одной комнате, а это значит, что я не смогу работать, а от этого зависит наше общее благополучие. Требуй от Шуры точных сведений, когда будет готова квартира. Ведь ему ближе узнать, чем мне. Если ты раздумаешь сейчас ехать в Москву, попроси Варковицкую (ее телефон в телефонной книжке; она живет против Казанского собора, и зовут ее Лидия Моисеевна), чтобы она пошла с тобой вместе к Лаганскому в Ленгорком Писателей с прилагаемыми бумагами. Такие же точно бумаги я на всякий случай посылаю в Москву, чтобы ты получил обеды. Во всяком случае – ни в коем случае не приезжай в Москву, пока Шура тебя не вызовет телеграммой и не сообщит, что обеды устроены.

158. В ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

Из Москвы в Ленинград, 3 сентября 1933 г.

В Ленинградское издательство писателей

Прошу вернуть Л. М. Варковицкой рукопись «Разговора о Данте», отклоненную издательством.

О. Мандельштам
3/IX/33

159. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Москвы в Ленинград, середина ноября 1933 г.

Дорогой папочка!

В начале декабря мы переезжаем на свою квартиру в две комнаты. Приглашаем тебя надолго в гости, а если понравится, то и навсегда. Худо, что Надя опять хворает. Женя тебе расскажет. Приехала из Киева Вера Яковлевна, будет жить с нами, ухаживать за дочкой. Живем последние дни ничего... Спасает паек. Наде предписан покой, режим, работать ей нельзя, а работала она не щадя сил и надорвалась. Сейчас у меня одна мысль: помочь ей – всем, чем сумею.

Собирался я в Ленинград – да теперь из-за Нади уже не поеду. А тебя ждем крепко. Прости за молчание. Кошки скребут на сердце, как подумаю, что ты ждешь от меня хоть слова, болеешь и ничего не получаешь. Вот заставлю себя хоть по открытке через день тебе писать, переломаю свою натуру... Сам я здоров, тряхнул стариной, начал снова писать... Дал себе большую передышку от суеты и возни (спасибо Наде). Сейчас – долг мой снова взяться за житейский труд – для тебя и для Нади.

Твой Ося

Милый деда! Жду с нетерпением нашей встречи. Квартира – я думаю, уже реальность, – и мы возобновим старую детскосельскую жизнь. Целую вас, милый деда.

Ваша Надя[1]

160. В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧУ

Москва, 21 марта 1934 г.

Уважаемый Владимир Димитриевич!

Поскольку наш телефонный разговор вышел из обычных деловых границ, я считаю необходимым заявить, что в этом были повинны исключительно вы.

Назначать за мои рукописи любую цену – ваше право. Мое дело – согласиться или отказаться. Между тем вы почему-то сочли нужным сообщить мне развернутую мотивировку вашего неуважения к моим трудам.

Таким образом покупку писательского архива вы превратили в карикатуру на посмертную оценку. Безо всякого повода с моей стороны вы заговорили со мной так, как если бы я принес на утильпункт никому не нужное барахло, скупаемое с неизвестной целью. Всё это прозвучало тем более дико, что Литературный музей обнаружил в данном случае самую простую и наивную неосведомленность.

Мне, как писателю, конечно, неприятно, что ошибки, подобные этой, могут подорвать авторитет Литературного музея Наркомпроса, но ваш способ заставлять выслушивать вами же приглашенное лицо совершенно ненужные ему домыслы и откровенности – вызывает во мне справедливое негодование.

О. Мандельштам
21/III/34

[1] Приписано Н. Я. Мандельштам.

1934–1938

161. Е. Я. ХАЗИНУ

С пути из Чердыни в Казань – в Москву, 16 июня 1934 г.
Телеграмма

Едем Казань пароходом местожительство Воронеж состояние хорошее

162. В. Я. ХАЗИНОЙ и А. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Воронежа в Москву, 16 июля 1934 г.
Телеграмма

Деньги получены здоровы Нади мое самочувствие хорошее Ося

163. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Воронежа в Ленинград, конец ноября – первые числа декабря 1934 г.

Дорогой папочка.

Скучаю по тебе. Хочу как можно скорей тебя видеть. Ты не смотри, что я не пишу: думаю о тебе каждый день.

Хочешь верь – хочешь нет... Да что толку от такого беспутного сына? Лучше не думай об отце да пиши ему...

Приезжай в середине января. Надя тогда в Москву собирается. Комната у меня большая, хорошая. Вообще тебе понравится мой воронежский образ жизни.

Всё очень ладно – и быт, и содержание жизни.

Я занимаюсь литературной консультацией. Веду работу с здешней молодежью. Участвую в разных совещаниях, вижу много людей и стараюсь им помочь.

На днях вместе с группой делегатов и редактором областной газеты я ездил за 12 часов в совхоз на открытие деревенского театра.

Предстоит еще поездка в большой колхоз и знакомство с одним из воронежских заводов.

Никаких лишений нет и в помине. Мы ходим обедать в отличную столовую газеты «Коммуна». Надя делает перевод для Москвы, а я готовлюсь писать прозу на новом материале.

Впервые за много лет я не чувствую себя отщепенцем, живу социально, и мне по-настоящему хорошо.

Надя сейчас не хворает, но очень худа. Ей нужен глубокий отдых, а она много работает. Необходимо ее разгрузить – у меня же заработок, пока, всего 300 р.

Временем располагаю свободно. Пользуюсь им пока нерационально. Еще не организовался. Хочу массу вещей видеть и теоретически работать, учиться... Совсем как и ты... Мы с тобой молодые. Нам бы в Вуз поступить...

Пиши. Целую детей, Таню, Наташу, Мар<ию> Ник<олаевну>.

Твой Ося

Скоро начну посылать тебе деньги. Как только расширю работу.

Милый деда! Приезжайте к Осе в январе. Мы с вами увидимся, когда вы будете проезжать через Москву. Я буду радоваться, что вы с Осей. Целую вас, милый деда. Ждем вас.

Надя

По дороге поживите в Москве – повидаетесь со мной и с младшими сыновьями. Что у вас? Как Таня, Юрка? Привет всем. Поцелуйте от меня Марью Николаевну. И детей. И Таню с Наташей.[1]

164. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Воронежа в Москву, около 7 апреля 1935 г.

Родная Надинька.

Вот доверенность. Скучаю. Жду. Скорей-скорей-скорей приезжай. Ну я работаю Мопассана очень сильно. Как ты, мой дружок. Когда я работаю, ты как будто здесь.

Приезжайте же скорее.

Вот радость большая!

Здоров.

Целую.

165. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Воронежа в Москву, 26 мая 1935 г.

Надик мой родненький!

Только что говорил с тобой. 8½ вечера. Вот тебе 4 чистовика вещей, сделанных без тебя. Как это грустно. «Стрижка детей» вчера. Нынче купался. Клопы завелись. И третьего дня в ванну ходил. Вот. Всё у меня складно. Вчера по телефону взывал к Стоичеву. Всё не знаю, брать ли службу. Неудобно бросать. И занят сочинением. И мало дадут. Ай радио запущено! Помоги. Дай материалы: к Шервинскому (молодость Гете).

Сейчас иду в кино.

Но совершенно жеребенок.

---

[1] Приписано Н. Я. Мандельштам.

Надик, поиздевайся над Ахматовой по телефону. Так еще не ехал никто. Или: митрополит – он же и еврей, боящийся субботы.

Целую тебя, родная.

Твой Ося

Надик! Я уже очень, очень скучаю. Так хочу, чтоб приехала – не сказать.

Ося[1]

166. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Воронежа в Москву, около 3 июня 1935 г.

Надинька, дитя мое,

посылаю исправленные стихи в начало цикла (2, 3, 4).

«Каменноугольный – добровольный» – сохранить.

Готовую рукопись (без добавочного) кончил «Черноземом», сдал Плоткину. Это было естественно и нужно.

Скучаю по тебе, мой друг, но живу спокойно. Еще на несколько дней терпенья моего хватит.

Целую тебя, мой милый хороший дружок Надик.

А под дружком написано почему-то «верный», верно?

О. М.

Хорошо ли: «желéзясь»?

167. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Воронежа в Москву, начало июня (не ранее 3-го) 1935 г.

Надюшок! Прости за тревогу. Телефонистка – буйная дрянь – сказала «по инструкции», что ошибок не

[1] Приписано на листе со ст-нием «Мир должно в черном теле брать...» (*см. примеч.*).

бывает. Я, дурак, поверил. Вот фефела! Ей досталось от товарок. Ночью не ложился. Черт знает что. Ты прости, Надинька.

В «Подъем» сдал то, что на машинке. Тут есть тенденция благожелательно снижать мою работу. Сказал: ни буквы больше не изменю. Всё или ничего. Денег пока не беру. Поступать ли на службу в библиотеку?

К «подборке» прибавь «Стансы» плюс «Железо». Выясни печатание. Для Москвы условие: всё или ничего. Широкий показ цикла. Хорошо бы в «Литгазете». Все варианты окончательные. Только в начале «Стансов» могут быть изменения, но давай так.

Мне сейчас необходима прямая литературная связь с Москвой. Передай стихи, между прочим, Левину. Скажи ему: нельзя честно писать прозу в моем теперешнем воронежском положении. Абсурдно!

Вот что: предлагаю принять командировку от Союза или Издательства на Урал по старому маршруту. Напишу замечательную книгу (по старому договору). Это чудесная мысль.

Детка моя, будь совершенно спокойна. Я живу хорошо. Правду о твоем здоровьи.

Целую тебя, родная моя.

Ося

Подумай о структуре цикла. Скажи по телефону.

168. С. Б. РУДАКОВУ

Воронеж, 6 июня 1935 г.

Я у врача. Разыгрался гейморит. Ждите.

169. С. Б. РУДАКОВУ

Воронеж, 7июня 1935 г.

Я в клинике рядом с Первомайским садом или в поликлинике ул. Энгельса (по Комиссаржевской и направо). У горловиков. Зайдите туда. Надо срочно показать снимки.

170. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Воронежа в Москву, около 6–10 июня 1935 г.

Родная Надинька,

сегодня я здоров. Только слабость осталась. Я был у Стоичева и сказал ему всё, что я думаю о своем положении. Он вызвался написать Марченко как председ<атель> союза и впервые проявил подлинное участие и интерес.

Посылаю справку д-ра Глаубермана (крупнейший здесь ларинголог). Он сказал: «Если у вас не пройдет через 3–4 дня – вы ляжете у меня, если ничего не имеете против, и я вас поскоблю». Только тогда я попросил справку.

Никто не может сказать, когда понадобится операция. И насколько срочно. Во всяком случае, последний припадок был самый сильный.

Целую тебя, мой дружок. Приезжай скорей. Всё будет хорошо.

Ося

171. С. Б. РУДАКОВУ

Воронеж, около 27–28 ноября 1935 г.

Дорогой Сергей Борисович.

Без вас ничего делать не хочется, вся жизнь переменилась. Пришел к нам Троша.

Привет от всех нас.

Вы самый большой молодец на свете.

О. Мандельштам

Милый Сергей Борисович!

Всё идет хорошо, а потому я думаю написать, а дня через 2–3 позвонить Лине Самойловне. Вы ей тоже дня через два сможете написать. Передайте через вра-

чей – как вы себя чувствуете, чего вам можно прислать из еды (икру? вино? масло? печенье?), чего вам хочется.

Сестрам тоже напишу дня через два. Будьте молодцом и поправляйтесь.

Н. Манд.[1]

172. С. Б. РУДАКОВУ

Воронеж, 1 декабря 1935 г.

Дорогой Сергей Борисович.

Разговор с Линой Самойловной вчера не состоялся из-за порчи линии. Перенесли на сегодня. Вчера предупреждение не было дано. Сегодня добьемся обязательно хоть срочным – лишь бы линия работала. Колли принес замечательные фотографии. Вы здорово вышли в двух видах.

Скучаю! Сердечно приветствую

Ваш О. М.

Что нужно? Чего хочется?
Сообщайте желания!

Сегодня попробуем дозвониться, если исправят линию. Письма – подробные – успокоительные – я написала и Лине Самойловне, и Алле Борисовне. Завтра опять напишу, чтобы они не волновались. Колли принес фотографии – чудные. Что вам прислать из еды? Скажите Стефе и Богомолову. Я с ними по утрам разговариваю. Есть ли еще одеколон или вышел.

Н. М.[2]

---

[1] Приписано Н. Я. Мандельштам.
[2] Приписано Н. Я. Мандельштам.

173. С. Б. РУДАКОВУ

Воронеж, 10-е числа декабря 1935 г.

Дорогой Сергей Борисович,

как-то вы расскажете о своем больничном житии? Вы там с ребятами? Да? А я в театр хожу на репетиции. Горького ставим. Дома книжки читаем да чай кипятим. Ой, скучно. Передайте, чем бы вас утешить.

Привет сердечный

Ваш О. М.

174. С. Б. РУДАКОВУ

Воронеж, 17 декабря 1935 г.

17.XII.35

Дорогой Сергей Борисович!

Что сказать о себе? Устал очень. Настроение твердое, хорошее. Сдружился с Театром. Кое-что там делаю (не канцелярия).

Затеял ехать на месяц в санаторий (областной). Денежно театр всё оборудовал, будто я старый работник. Поеду, кажется, 20-го. В нервный в Тамбове не хочу. Выбрал Липецк общий. Лишь бы отдельную комнату дали. С Союзом писателей и через Союз (начиная с Воронежа) начал большой разговор. Сказал свое слово. Они отвечают. Это очень важно и весело, хорошо. Завтра получаю 3-годичный паспорт. Получил письмецо от Эйхенбаума, который остановился в Москве у нас.

Надя везет в Москву все воронежские стихи.

Концерт был хороший, виолончель – Цомык. Играл на Страдивариусе. Скажите врачам, чтобы наушники радио у вас устроили. Это для выздоравливающих полезно. А я похлопочу в Рад<ио>-К<омите>те.

Если у вас другого отдыха не предвидится – не хотите ли «ко мне», в санаторий. Это вам можно. Окрепнуть надо. Там вместе 2 недели – поработаем.

Идея!

Привет сердечный

Ваш О. М.

Пишите Л<ине> Сам<ойловне>

175. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Тамбова в Москву, 26 декабря 1935 г.

Родная Надинька! Прости за грубый отвратительный разговор по телефону. Я чего-то требовал от тебя. Петушился. Вот причина: одно мне важно – когда тебя увижу? Ты сразу говори: надеюсь приехать тогда-то. Если этого не слышу, то сам не свой становлюсь.

Надюша: никого ни о чем не проси. Никого. Но постарайся узнать, как отвечает Союз, т. е. ЦК партии, на мои стихи, на письмо. Для этого достаточно разговора с Щербаковым. Больше ничего не надо. Я не хочу, чтобы ты сделалась искательницей работы. Не морочит ли тебя Детгиз? Куда девалось предложение Эфроса? В крайнем случае встретимся в Воронеже к 20-му января. За Воронеж мы ведь спокойны. А жаль! Здесь вдвоем – зимний рай, красота неописанная. Слушай, как я сюда ехал: ты на вокзал, я – в театр. Сказал дельную «режиссерскую речь». Актеры ко мне начали тяготеть. Режиссеры всерьез у меня спрашивали. 2–3 дня держался на посту. Потом расклеился. Произошел обычный старинный «столбняк» на улице. Меня подхватил заслуженный комик и доставил в театр. Вольф при мне звонит Генкину: «У нас работает такой-то; его здоровье внушает мне лично серьезные опасения... мы должны» и т. д. Это Вольф-то... Дальше я бродил тенью, но вполне благополучно. Дал консультацию в Радиоком<итете>. Получил 100 р. у Горячева, а 50 – прибавил Вольф. За

полчаса до поезда ко мне приехала машина с заместителем директора и управляющим. Машину они взяли в НКВД, и шофер был военный. Усадили в вагон. Несли чемодан. Трогательная забота. В вагоне было скверно, т. е. гадко. Без плацкарт. Проводник взял в свое купе. В Мичуринске телеграмма тебе и сразу пересадка. Тамбов в 2 часа ночи. Трескучий мороз. Сказочно спокойный, с виду губернский город. Меня везут куда-то бесконечно на дровнях (это здесь извозчики) – и привозят в палаццо, напоминающее особняк Ксешинской, увеличенный в 10 раз и охраняемый стариком с ружьем и в тулупе. По мраморным лестницам ведут в подвал и сажают в теплую (холодноватую) ванну. Тут же нянюшка забирает белье в стирку, поят чаем и укладывают в огромном кабинете. Здесь живут бригадиры и трактористы, испортившие сердце, 2–3 летчика, учителя. В общем – неплохо. Ежедневно сосновая ванна и 2 вида электризации через день: «франклин» и электр<изация> позвоночника. Директор позволяет мне привередничать (с помещением). Пока – вдвоем в пустой палате на 10 чел<овек>. Это счастье временное. Комплекты – ужасны. 5 чел<овек> – это привилегия (без вентиляции, но с зеркальными окнами). В моей палате окно растворяется. Наутро я снял в двух шагах, полминуты ходу, чудесную комнату – с коровой, диваном, чехлами, граммофонной трубой и кактусами. Живем на высоком берегу реки Цны. Она широка или кажется широкой, как Волга. Переходит в чернильные синие леса. Мягкость и гармония русской зимы доставляют глубокое наслажденье. Очень настоящие места. До центра – 10 м<инут> автобусиком. Каланчи, одичавшие монастыри, толстые женщины с усами.

У меня было письмо от Горячева к директору музтехникума Реентовичу. Сегодня после завтрака поехал в город. Два старика (скрипка и рояль) сыграли мне ужасную сонату местного композитора, назначенную к исполнению в Воронеже. Они плакали. Жаловались. Реентович – заслуж<енный> артист. Явился и Смета-

нин – живой композитор области. Знает меня. Сговорились на вечер. Сейчас еду к ним. Письмо пишу из своей комнаты, куда еще не переехал.

Надик, скучаю по тебе безумно. Сделай какую-нибудь глупость и приезжай ко мне.

Надик, я так тебя люблю, что нельзя сказать. У меня нет твоей карточки. Где ты, родная? Скорей ко мне. Ау, детка?

Надик, люблю тебя. Отвечай.

Няня твоя

Скажи, можно ли тебе звонить утром в 8.30?

Адр<ес>: Тамбов, Набережная, 9, Нервный санаторий. Тел<ефон>: 1-55.

176. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Тамбова в Москву, 27 декабря 1935 г.

Родная Надинька!

Вчера я чуть было не решил возвращаться в Воронеж. Кормят хуже, чем в маленькой дешевой столовой. Скучно. – И все-таки за 4 дня я прибавил кило и хорошо отдохнул. Надо терпеть. Главное – это остановка невероятного движения, в котором я находился. Переход к «статике». Консультация состоялась. Директор (не врач) и два доктора. Тема: «как вам сделать лучше» и «как бы вам не сделать хуже», – приняв во внимание, что «мы очень мало можем, но все-таки» и т. д. Сделают рентген сердца и легких. Хотят вызвать консультанта из города. А насчет «справки» жмутся. (Понаблюдаем... дней через десять... сразу неудобно...)[1] Старая история! Думаю, что надо уехать отсюда к 5-му январю, когда начинается официальный срок моей путевки, сговорившись о получении обратно денег с вычетом прожитого. Если у тебя к

[1] Фраза вынесена в сноску на нижнем поле.

5-му что-нибудь выяснится, хорошо бы бросить это неуклюжее место.

Получил второе письмецо. Спасибо! Пиши каждый день. Если будут новости – телеграфируй. Имей в виду – тамб<овский> санаторий лишь полумера. Лучше Воронежа (без тебя) – и только.

Температура у меня по-прежнему немного подпрыгивает. Мерил вчера вечером: 37,2. Возбудимость сердца велика. Пульс иногда ускоряется. При этом я вполне бодр, хочется гулять. Но встречи с людьми волнуют. Разговоры утомляют. Чтение – тоже. Надо ставить вопрос серьезно, – вплоть до особого заявления в НКВД о необходимости лечения в полноценной обстановке. Воронеж больше не может возиться со мной. Они сделали всё – от силы...

Я думаю, после свидания с Щербаковым не затягивай пребывания в Москве. Положение слишком простое. «Да» и «нет» обнажены. Если будет «нет», продержимся в домашней обстановке. Я вернусь в театр (очень дружеский, берегущий, неутомляющий) и на мое родное радио (чуть-чуть), а ты возьмешь работку. Главное – быть нам вместе. Твое возвращение для меня огромное, ничем не измеримое счастье.

А пока, моя деточка, – до свидания!

Я отпросился с мертвого часа в красный уголок. Написал письмецо и снесу его на почту.

До свидания, дружок. Целую Шуру и Шурика и В<еру> Я<ковлевну>!

Няня

P. S. Невзирая на всё нытье – я здесь лучше, чем в Воронеже.

Наш тел<ефон>: Тамбов, 1-55.

177. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ
Из Тамбова в Москву, 28 декабря 1935 г.

№ 3

Родная Надинька!

Получил твое письмо № 3. Скажи, тебе не холодно в шубке? У вас тоже мороз? Выходи в маминой: обе одинаково уродливы, т. е. мамина шуба и твоя (маме не показывай).

Если Щербаков тебя не примет? Может это быть? А?

Дни идут хорошо. Привыкаю. Сегодня был голубой мороз. Я достал Пушкина. Это у меня редкость. За него, знаешь, никогда почти не хватаюсь.

Рентген вчера состоялся. Сердце – возрастная норма. Никаких, говорят, аномалий. В легких – уплотнение желез. Спрашивали: не перенес ли недавнего гриппа или воспаления?

Внимательны очень. Самое серьезное наблюдение. Слушают, стукают каждый день. Диету дали особую. Ванны ежедневно. Электричество тоже. Скучно мне, дружок, без тебя – слов не найду. Ты обо мне брось тревожиться. Я капризник. И всё. А ты-то как живешь? Ты себя, радость моя, береги. И пиши мне каждый, каждый день. И позвони разок.

Надик, до свиданья.

Твой Няня

Можно ли мне написать Лупполу 20 строк «о Мопассане и франц<узской> метафоре и дураке-редакторе»? Теоретически? А?

Вишневскому привет.

178. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Тамбова в Москву, 29 декабря 1935 г.

№ 4

Родная моя.

Сегодня от тебя письма не было. 40 р. телеграфом получил. Всего у меня 50 р. Между прочим: договорился с директором, если захочу уехать до 5 янв<аря> – он «покупает» у меня путевку (месячную), удерживает за прожитые дни и выплачивает разницу. Эта воображаемая сделка сразу меня освободила. Ох и нудно же здесь! Спать не дают. Деликатные молодые люди, на цыпочках, в русских сапогах с 3 часов ночи ходят через палату.

А вчера слегка отморозил уши и синим светом, кварцевой лампой был исцелен. Вот и все новости. В нанятую комнату не решаюсь переехать: холод там. Дал десятку задатку и отбираю молоком. Хожу туда, когда невтерпеж. Все-таки что-то свое – на час-другой.

Надик, не кажется ли тебе, что я должен обратиться к Щербакову или Горькому с письмом или телеграммой, т. е. просьбой ответить на мое далеко не шуточное обращение? Это не исключит твоего прихода, мой друг. Но дело, как бы его ни обернули, слишком серьезно, чтобы разговаривать по-домашнему. Если это мое предложение не запоздало, немедленно телеграфируй, как ты смотришь на него. Я имею в виду только вопрос.

Хочется тебе сказать еще раз, какое для нас счастье быть вместе. Неужели после пятого мы встретимся? Похоже, что да.

Надик бесконечно мой родной, слышишь меня?

Няня

179. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Тамбова в Москву, 1 января 1936 г.

1 янв. 36 г.
№ 5

Деточка моя родная,

с Новым годом, ангел мой! За наше несчастное счастье, за что-то новое, что будет, за вечно старое, что моложе нас! Да здравствует моя Надинька, жена моя, мой вечный друг! С Новым годом, дитя!

А я, дурной, два дня тебе не писал: третьего дня на радостях от телефона, а вчера от бестолочи.

У нас вчера ночью гремел военный оркестр и были разные игры: Чехов в больничном халате, удочки с кольцами.

Я тут брожу с одним пареньком. Он тракторист. Способный, открытый, но думает, что во Франции Советы и что Францию переименовали в Париж. Я его крою, а он ко мне привязался, большевиком меня зовет [.....]

Здесь так плохо, что очень многие уезжают до срока. Неизбалованные работники районов. Все за счет организаций. Чай без сахара. Шум. Врачи – вроде почтовых чиновников.

Главный мне вчера сказал: вам нужно заведение закрытого типа, где лечат средние формы легких психопатий (там-де комнаты на одного и двух). Честное слово, он так сказал! – послушав меня две минуты. За 10 первых дней я прибавил 600 гр<аммов> веса (для младенца недурно). За месяц здесь многие теряют в весе. Похоже на школу-пансион из Диккенса. Другой врач говорит: «Вес для невротиков неважен». Да, еще: гл<авный> врач меня спросил: в каких клиниках я был до Тамбова. Завтра я должен оформить с директором продажу путевки. Выезжаю 5-го или даже раньше. С блаженством! Эти дни вроде дурного сна. Какой-то штрафной батальон... Денег мне в В<оронеже> до 20-го хватит. 15-го жалованье в театре. 15-го же вернусь на работу.

Физически я здоров (думаю, что не только физически). Надо лишь окрепнуть. Я лишь могу заболеть, если придавленность не будет устранена [.....]

Стоичев мне сказал, что письмо переслано 20-го дек<абря>. Подобедов утверждал, что – с какой-то припиской об отношении Обл<астного> отд<еления> Союза к моей деятельности («уж плохого мы не напишем»).

Где письмо? Кем получено? Выясни точнейшим образом. Если оно затерто – передай копию: 1) Марченко, 2) в Секцию Поэтов и 3) в ЦК партии. Вообще это хорошо сделать. О стихах: что такое «принципиально»? Надо конкретно об этих стихах. Почему давала без отбора? Я против «Наушников». Марченко прав. Вспомни и скажи ему. Я требую ответа на стихи действенные. Они – целое. Качество же иным снится, иными – делается. <В> Тамбов – пиши и телеграфируй. Обо всем кратко. Поговорим из Воронежа. Друг, до свидания.

Твой Няня

180. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Тамбова в Москву, 2 января 1936 г.

Родная Надинька,

все письма твои получил. Посылаю спешным два заявления, справку. Врачи меня отказываются здесь держать. Говорят: вас по ошибке к нам, формально, загнали. Со мной ничего худого нет, но мне не лучше. Буду объективен. То же самое, а обстановка здесь просто вредна (мнение врачей).

Если будет билет, уезжаю завтра (3-го). Деньги возвращают. Попутчики есть до Воронежа. Я очень доволен. Радуюсь Воронежу, как родному.

Так или иначе – ты скоро приедешь. Это – всё.

Будь весела. Спешу с почтой. Пишу завтра.

Твой Няня

181. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ
Из Тамбова в Москву, 3 января 1936 г.

3 янв.
№ 7

Родная Надюша!

Спасибо за звоночек. Д<а меня> проще простого успоко<ить>. Что со мной? Что бо<лит>? Ничего не болит. Кишечник здоров, как никогда. Катар горла прошел. Как настроенье? Неровное. Санаторий вызвал депрессию. Ожиданье обострено. Обстановка не переваривается. Ассоциации протекают болезненно (как и обычно без тебя). Физическое самочувствие? От ходьбы сердцебиение (не сразу; иногда приступ ускорения пульса, с которым справляюсь, сознательно борюсь и побеждаю). Вчера съездил на вокзал с письмом – освежился, купил «Кр<асную> Новь» с дрянными стихами доброго Зенкевича и Талмудом Зощенки. Температуру мерил 2 раза наугад: 37,2 как вылитые. Очевидно – это норма. Сон – хороший, когда не мешают. Ночью самовольно перебрался в пустую комнату на пятерых. Закрепил ее за собой. Гораздо лучше. Днем подремываю. Могу уехать в любой день и после 5-го с возвратом денег (заверение главврача, сегодня).

Я всё же думаю выехать пятого. В Воронеже как-то ближе к тебе. И перемена будет полезна. Дальше. Вес – 66 кило, и ни с места. Слабостью я называю «комнатную легкость в теле» – и только. Внешний вид – довольно дрянной. Вот, Надик мой, вся, вся правда.

Надик, надо всё время помнить, что письмо мое в воронежский Союз бесконечно обязывает, что это не литература. После этого письма разрыва с партией большевиков у меня быть не может при любом ответе, при молчании даже, даже при ухудшении ситуации. Никакой обиды. Никакого брюзжания. Партия не нянька и не доктор. Для автора такого письма всякое ее решение обя-

зательно Мне кажется, ты еще не сделала достаточных выводов из данного моего шага и не научилась продолжать его в будущее. Сейчас, что бы ни было, я уже свободен. Воронежа мне очень жалко, но я боюсь, что мое дальнейшее там пребывание окажется вредным не только для меня.

Пятого утром я тебе позвоню. Еще о Старом Крыме: чтоб не было уходом, бегством, «цинцинатством». Я не Плиний Младший и не Волошин. Объясни это кому нужно. Еще вопрос, на первый взгляд мелкий: свобода передвижений по тому району в целом. Без нее – будет ужасно. Выясни обязательно.

Ну вот, Надик, целую тебя несчетно и радуюсь и горжусь своей женой. Надик мой, до свиданья.

Твой Няня

182. Е. Я. ХАЗИНУ

Из Воронежа в Москву, около 10 апреля 1936 г.

Простите, Евгений Яковлевич, что вас тревожу: положение таково, что я должен вас известить.

Во-первых, Надя уже 2 недели болеет печенью. Она не выходит. Боли не унимаются.

Во-вторых, наше денежное положение очень плохое, а в основе этого вообще и реально очень плохое положение. В театре я <не> получаю почти ничего. У меня удерживают 100 р. и еще касса взаимопомощи хочет 50 в месяц, а вся зарплата 225 р. в месяц. Потом, я болен, всё время волнуюсь, делаю очень много лишних шагов. Но в буквальном смысле я ходить без провожатого не могу. Так напряжены мы оба, что больше не можем.

Мы совсем одни. Союз Писателей говорит, что дал мне работу в театре, а я там не работаю. Всё время страх и тревога и страшная мертвая точка. На днях с трибуны облпленума писателей было здесь произнесено, что я

«пустое место и пишу будуарные (бу-ду-ар-ны-е) стишки и что возиться со мной довольно». Наде дали в газете письма писать, но перестали платить, пока не отработает 200 р. за мою болезнь. Надя написала две статьи и один очерк (ходила в школу) – всё не подошло. Она написала уже 150 писем, и у нее кружится голова. Это такой ад, что нельзя больше выдержать и не с кем сказать слова. Помогите, потому что нам будет очень худо. Дайте независимый домашний заработо<к>. Просите. Мы больше не можем.

О. М.

Отвечайте что угодно, телеграммой дайте любой ответ.

Адр<ес>: ул. Энгельса, д. 13б, кв. 5.

У Нади нет обуви. У меня тоже.

183. Б. Л. ПАСТЕРНАКУ

Из Воронежа в Москву, 28 апреля 1936 г.

Дорогой Борис Леонидович.

Спасибо, что обо мне вспомнили и подали голос. Это для меня ценнее всякой реальной помощи, то есть реальнее. Я действительно очень болен, и вряд ли что-либо может мне помочь: примерно с декабря неуклонно слабею, и сейчас уже трудно выходить из комнаты.

Тем, что моя «вторая жизнь» еще длится, я всецело обязан моему единственному и неоценимому другу – моей жене.

Как бы ни развивалась дальше моя физическая болезнь – я хотел бы сохранить сознание. Должен вам сказать, что временами оно тускнеет, и меня это пугает. Вынужденное пребывание в Воронеже, в силу болезни превратившемся для меня в мертвую точку, может оказаться в этом смысле роковым. Одной из наиболее для меня тягостных мыслей является то, что я не увижу вас никогда. Не приходит ли вам в голову, что вы могли бы ко

мне приехать? Мне кажется, это самое большое и единственно важное, что вы могли бы для меня сделать.

Привет Зинаиде Николаевне.

Ваш О. Мандельштам
28/IV/36
Воронеж

184. С. Б. РУДАКОВУ

Из Воронежа в Ленинград, конец августа 1936 г.

Дорогой Сергей Борисович.

Спасибо за весточку. Я сейчас не болен, но очень тяжелое самочувствие. Не знаешь, что делать с собой. С Над<еждой> Як<овлевной> гораздо хуже: она очень слаба, резко изменилась. В городе нам жить не придется: во-первых, нечего делать, а во-вторых, нам недоступны городские комнаты. Может, в Сосновку переедем. Пишите о себе как можно чаще. Присылайте нам книги. Хочу читать испанских поэтов. Достаньте, если можно: 1) словарь, 2) хрестоматию, 3) лучших авторов – лириков или эпиков, и грамматику. Нас допекают мелкие заботы: обувь для нас обоих, зимн<ее> пальто для Нади. Вряд ли справимся с этой проблемой. Она же затрудняет передвижение.

Пишите теперь до востребования: где будем жить и как, мы не знаем. Только пишите.

Ваш О. М.

185. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Воронежа в Ленинград, 12 декабря 1936 г.

12 дек. 1936 г.

Дорогой папочка!

Давно я так не радовался, как получив твою записочку, радовался твоему почерку, твоим словам. Кому

другому – а тебе я не хочу жаловаться: мы с тобой старики и понимаем оба, как мало человеку нужно и в чем вообще суть. Больше всего на свете хочу тебя видеть. Зову к себе. Но зимой дорога трудная. Боюсь, ты простудишься. Весной – другое дело. Благодари Таню за ее посылку. Все вещи подошли. Я знаю, что они были подобраны с хорошим чувством, – как привет. Как твои глаза? Бережешь ли их? Нам с тобой без глаз худо. Я всегда люблю тебе хвастать (старая привычка). И сейчас не могу себя сдержать: во-первых, я пишу стихи. Очень упорно. Сильно и здорово. Знаю им цену, никого не спрашивая; во-вторых, научился читать по-испански (книги взял здесь в университете). Но довольно хвастовства.

Положение наше – просто дрянь. Здоровье такое, что в 45 лет я узнал прелести 85-летнего возраста. Я очень бодрый старик. Недалеко от дома с палочкой и женой могу еще ходить. Так хочу очутиться в твоей комнате с зеленым диваном и нашим шкапчиком.

Но скорее ты приедешь ко мне, чем я к тебе. Целую тебя, мой дорогой отец. Обещаю часто писать. Жду твоего письма.

Милой Тане, Наташе, племяннице моей – очень гордой и хорошей девушке, труженику Юрке и М<арии> Н<иколаевне> сердечный привет.

Твой Ося

Милый дедушка! Целую вас, родной. Скучаю. Хочу видеть. Поблагодарите за меня Таню. Это очень мило с ее стороны.

Надя

Ул. 27 февраля, № 50, кв. 1[1]

[1] Приписано Н. Я. Мандельштам.

186. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА»

Из Воронежа в Ленинград, 19 декабря 1936 г.

В редакцию «Звезды».

Разрешите сообщить вам две поправки к присланным мною на этих днях стихам, а именно:

1) в стих<отворении> «Сосновой рощицы» стих седьмой должен читаться:

...«И бросил, о корнях жалея»...

2) в стих<отворении> «Детский рот жует» стих шестой должен читаться:

...«Ниже клюва красным шит»...

Не откажите мне в любезности нанести эти поправки на рукопись, находящуюся в вашем распоряжении.

О. Мандельштам
В<оронеж>, 19/XII/36

187. Н. С. ТИХОНОВУ

Из Воронежа в Ленинград, 31 декабря 1936 г.

31/XII-36 г.

С Новым годом!

Уважаемый Николай Семенович!

Посылаю Вам еще две новых пьесы. Одна из них «Кащеев кот». В этой вещи я очень скромными средствами, при помощи буквы «ща» и еще кое-чего, сделал материально кусок золота. Язык русский на чудеса способен: лишь бы стих ему повиновался, учился у него и смело с ним боролся. Как любой язык чтит борьбу с ним поэта, и каким холодом платит он за равнодушие и ничтожное ему подчинение! Стишок мой в числе других когда-нибудь напечатают, и он будет принадлежать народу советской страны, перед которым я в бесконечном долгу.

Вам, делегату VIII-го съезда (я слышал по радио ваше прекрасное мужественное приветствие съезду), я сообщаю: я тяжело болен, заброшен всеми и нищ. На днях я еще раз сообщу об этом в наше НКВД и сообщу, если понадобится, правительству. Здесь, в Воронеже, я живу как в лесу. Что люди, что деревья – толк один. Я буквально физически погибаю. Чего я жду от вас? Добейтесь до разрешения общего вопроса, что может затянуться, – немедленной конкретной помощи – не частной – ну ее к черту, – но скромной организованной советской поддержки. Имейте в виду, что служить я не могу, потому что стал не в шутку инвалидом. Не могу также переводить, потому что очень ослабел, и даже работа над своим стихом, которую я не могу отложить, стоит мне многих припадков.

Избавьте меня от бродяжничества (я еле держусь на ногах), избавьте от неприкрытого нищенства. Телеграфируйте мне о получении этого письма, примите самые решительные меры, потому что нет имени тому, что происходит со мной в Воронеже. Дальше так продолжаться не может.

Ваш О. Мандельштам

Адрес: Воронеж, ул. 27 февраля, д. 50, кв. 1.

188. В ВОРОНЕЖСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Воронеж, конец 1936 – начало 1937 г.
Черновое

В Областное воронежское отделение
Союза Советских Писателей

Я сообщаю вам мои стихи – потому, что они принадлежат вам, а не мне: они принадлежат русской литературе, советской поэзии. Ваше мертвенное отношение ко мне, к моей работе поэта несовместимо с духом жизни, которым гордится наша земля. В свое время я дал вам понять, что безоговорочно осуждаю свой контрреволю-

ционный выпад, приведший меня в Воронеж в качестве адм-высланного. Я пришел к вам без всякой маски, но с искренним желанием сотрудничества [.....]

189. Б. Л. ПАСТЕРНАКУ

Из Воронежа в Москву, 2 января 1937 г.

С Новым годом!
2.I.37

Дорогой Борис Леонидович.

Когда вспоминаешь весь великий объем вашей жизненной работы, весь ее несравненный жизненный охват – для благодарности не найдешь слов.

Я хочу, чтобы ваша поэзия, которой мы все избалованы и незаслуженно задарены, – рвалась дальше, к миру, к народу, к детям...

Хоть раз в жизни позвольте сказать вам: спасибо за всё и за то, что это «всё» – еще «не всё». Простите, что я пишу вам, как будто юбилей. Я сам знаю, что совсем не юбилей: просто вы нянчите жизнь и в ней меня, недостойного вас, бесконечно вас любящего.

О. Мандельштам

190. Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Воронежа в Ленинград, 4 января 1937 г.

Здравствуй, брат!
Впрочем, – кажется, уже не брат.
Это – уже не брат.
Это – что-то другое.

Ося
Воронеж.
4/I/37.

191. Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Воронежа в Ленинград, 8 января 1937 г.

8 янв. 36

Евгений Эмильевич!

Ты мою жизнь давно оценил, и для тебя она предмет далеко не первой необходимости.

Но у тебя есть дети. Когда-нибудь они поймут, что ты делаешь. Им придется краснеть за отца.

Узнай следующее: в конечном счете, мне предложено жить на средства родных (?) или убраться в любую больницу, откуда меня вышвырнут в дом инвалидов (к бродягам и паралитикам).

Чтобы остаться на свободе, я последнее время просил милостыню.

Ты понимаешь, что ты делаешь?

Ося

Денег я у тебя не прошу, но запрещаю тебе где бы то ни было называть себя моим братом.

192. Е. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Воронежа в Ленинград, январь 1937 г.

Слушай, Женя: дело не в том, пришлешь ты эти деньги или нет. Такой вид помощи, такое безбрежное равнодушие становится чудовищным.

Ты скажи: тебе просто плевать на меня? Так, что ли? Далеко он, не видно брата... «Наглядности» нет. Поставишь свечечку за 60 р. на три месяца и еще умиляешься своему благородству.

На меня – нет у тебя. Значит, я для тебя лишний. Давай скажем просто: моя жизнь для тебя не стоит того, чтобы систематически урезывать свой бюджет, бюджет всей своей семьи на 10%, а то и меньше. Против фактов не

пойдешь. Разные бывают братья. Но очень редко, очень редко любовь к своей семье (понимая под ней только жену и детей и себя самого) выражается в форме такой малодушной и постыдной судороги, такого зажмуриванья глаз. Пока я скажу тебе: ты ведешь себя как скверный мальчишка, надеющийся избежать ответственности. Вряд ли я заставлю тебя спасти меня от голода и болезней* (ты ведь сам болен и тяжело работаешь: жалею тебя), но знай, что ты перешел границу простой небрежности.

Я рад, что ты не испытал и не испытываешь и сотой доли того, что суждено мне. (А как бы я тебе помогал! Здорово! Сам знаешь. Я бы бредил такой помощью.) Но ты человек трезвый. И найдешь себе оправдание. Тяжко иметь брата-врача.

Прощай, доктор.

Ося

P. S. Не посоветуешь ли ты мне разумное нищенство? Этот месяц мы «живем» на 100 р. на двоих.

* По мнению врачей, я могу еще немного «протянуть» при условии «полного покоя». Мы дошли до черной нищеты.

193. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА»

Из Воронежа в Ленинград, 13 января 1937 г.

В редакцию «Звезды»

Сообщаю вам продолжение моей работы над новой книгой стихов, которую я пишу в Воронеже.

Прилагаю «контрольный списочек» стихотворений за декабрь–январь. Предшествующая работа (воронежская), хотя и войдет в книгу, – в данную минуту меня не интересует. Начатки ее имеются в «Кр<асной> нови». Остальное – у меня.

Стих<отворение> «Рождение улыбки» – только сейчас доработано. Старый текст прошу считать вариантом.

О. Мандельштам
13 янв. 37. В<оронеж>

1) Из-за домов, из-за лесов; 2) Рождение улыбки; 3) Мой щегол, я голову закину; 4) Нынче день какой-то желторотый; 5) Не у меня, не у тебя – у них; 6) Внутри горы бездействует кумир; 7) Я в сердце века; 8) Сосновой рощицы закон; 9) Пластинкой тоненькой жиллета; 10) Ночь, дорога; 11) Вехи дальнего обоза; 12) Где я? Что со мной дурного?; 13) Шло цепочкой в темноводье; 14) Как подарок запоздалый; 15) Оттого все неудачи; 16) Улыбнись, ягненок гневный; 17) Твой зрачок в небесной корке; 18) Когда в ветвях понурых; 19) Дрожжи мира дорогие.[1]

194. Ю. Н. ТЫНЯНОВУ

Из Воронежа в Ленинград, 21 января 1937 г.

Дорогой Юрий Николаевич!

Хочу Вас видеть. Что делать? Желание законное.

Пожалуйста, не считайте меня тенью. Я еще отбрасываю тень. Но последнее время я становлюсь понятен решительно всем. Это грозно. Вот уже четверть века, как я, мешая важное с пустяками, наплываю на русскую поэзию; но вскоре стихи мои с ней сольются и растворятся в ней, кое-что изменив в ее строении и составе.

Не ответить мне – легко.

Обосновать воздержание от письма или записки – невозможно.

Вы посту́пите как захотите.

21/1-37 г.
г. Воронеж

[1] Список – рукой Н. Я. Мандельштам.

195. В НЕУСТАНОВЛЕННЫЙ АДРЕС

Воронеж, начало 1937 г.
Черновик

(1)

Я тяжко и неизлечимо болен и лишен всякой возможности лечиться. Мне нечего есть. Я живу в нищете. Все общественные организации в том числе держат меня под абсолютным бойкотом.

Вся эта картина сложилась за последние несколько месяцев, причем вся моя воронежская деятельность не дает к этому ни малейшего повода. Всё, что мне открыто, – это возможность после многомесячной волокиты получить рублей двадцать ежемесячной собезной пенсии как бродяге без всякого трудового стажа. С<оюз> Пис<ателей> заявляет (в лице проф<ессора> литерат<уры> Стоичева): «Пусть Манд<ельштам> осуществляет свои труд<овые> права где угодно и как угодно помимо Союза Писателей». Обл<астной> же НКВД советует обращаться в Союз Писателей.

(2)

[.....] заявил моей жене:

«Пусть М<андельштам> осуществляет свои трудовые права и право на лечение где ему угодно и как ему угодно. Ставский нам запретил вмешиваться в дела не членов Союза и, в частности, начинающих...». Как ссыльный, я, конечно, членом Союза Сов<етских> Пис<ателей> быть не могу. [Правление Союза Пис<ателей> (Москва) ни на какие письма и заявления не отвечает.] НКВД в течение целого года не отвечает ни на одно мое заявление.

Всё мною описанное представляется мне какой-то чепухой или дурным сном, до такой степени это не похоже на закон Советского Союза и лишено здравого смысла. Я не понимаю, почем<у моя> адмвысылка в конце третьего, и последнего, <года> перерастает в осуждение на голод и <бездом>ность. Не понимаю, почему моя [новая] <работа> не создает мне искупительного стажа, но только бьет по мне.

Но система невмешательства в мое положение превратила уже меня в полунищего и в полубродягу, и мне стыдно ходить по улицам с провожатой (один я ходить не могу), т. к. меня узнают прохожие. И я прошу вас прекратить этот позор.

(3)

[.....] литературный стаж, мне было отказано Обл<астным> ССП по соглашению с Правлением ССП в какой бы то ни было материальной поддержке и было предложено лечиться в общем порядке, что явилось невыполнимым, поскольку общий порядок осуществляется через посредство того или иного частного модуса, а такового никто не мог и не может мне указать.

Я продолжал работать и в первую половину 36 г., падая от слабости на улице и подбираемый прохожими. Сотрудники различных культурных учреждений гор. Воронежа были свидетелями целого ряда со мной припадков, полуобморочных состояний, остановок сердечной деятельности и т. д. Ни одна организация ничем мне не помогла. Медицинская помощь выразилась лишь во впрыскиваньи камфары в самые острые минуты. Городская амбулатория в обычном порядке направила меня как признанного инвалида на освидетельствованье, а по месту моей службы – Вор<онежский> гор<одской> театр снял меня 1 августа с работы ввиду того, что я практически уже несколько месяцев не мог работать.

С осени 36 г. мое положение в Воронеже резко изменилось в худшую сторону. Вот точная характеристика этого положения: независимо от того, здоров я или болен, никакой, абсолютно никакой работы в Воронеже получить я не могу. В равной мере никакой, абсолютно никакой работы в Воронеже не может получить и моя жена, проживающая вместе со мной.

(4)

[.....] Нормальным состоянием для меня является тяжелая одышка, мучительно затрудненное дыхание и

неустойчивость пульса при всяком напряжении или усилии, начиная от просто ходьбы.

В благоустроенном советском городе – в Воронеже, на глазах у множества пассивных свидетелей я выпадаю из всяких социальных рамок и фактически являюсь уже не адм<инистративно> высланным гражданином, хотя бы потерявшим работоспособность, но человеком-призраком, гибель которого санкционирована всеобщей пассивностью.

Я должен вас предупредить, что в случае моего пассивного отношения к этой ситуации она разрешится опять-таки механической перевозкой меня в больницу, но уже в состоянии, близком к агонии. Нужно называть вещи своими именами.

196. К. И. ЧУКОВСКОМУ

Из Воронежа в Ленинград, около 9 февраля 1937 г.

Дорогой Корней Иванович!

Я обращаюсь к вам с весьма серьезной для меня просьбой: не могли бы прислать мне сколько-нибудь денег.

Я больше ничего не могу сделать, кроме как обратиться за помощью к людям, которые не хотят, чтобы я физически погиб.

Вы знаете, что я совсем болен, что жена напрасно искала работы. Не только не могу лечиться, но жить не могу: не на что. Я прошу вас, хотя мы с вами совсем не близки. Что же делать? Брат Ев<гений> Эм<ильевич> не дает ни гроша. Здесь на месте нельзя предпринять абсолютно ничего. Это – только место, чтоб жить, и ничего больше.

Вы понимаете, что со мной делается?

Только одно еще: если не можете помочь – телеграфируйте отказ. Ждать и надеяться слишком мучительно.

О. Мандельштам
Воронеж областной,
ул. 27 февр<аля>, д. 50, кв. 1

197. Н. С. ТИХОНОВУ

Из Воронежа в Ленинград, 6 марта 1937 г.

6 марта 37 г.

Николай Семенович!

Скрывать от вас мое подлинное положение было бы нехорошо и неестественно. Все попытки мои и моей жены наладить способ жизни без частной поддержки ни к чему не привели. Никакой работы ни я, ни моя жена получить не можем. Кроме того, я по-прежнему болен и к работе – службе не способен. Когда я писал вам о крайней нежелательности частной поддержки, я надеялся на постановку вопроса в другой плоскости. Не перестаю надеяться и до сих пор.

Жить не на что. Даже простых знакомых в Воронеже у меня почти нет. Абсолютная нужда толкает на обращение к незнакомым, что совершенно недопустимо и бесполезно. Все местные учреждения для меня закрыты, кроме больницы, – но лишь с того момента, когда я окончательно свалюсь. Этот момент еще не наступил: я держусь на ногах, временами пишу стихи и живу на случайную помощь людей, которая каждый раз является неожиданностью и добывается путем судорожного усилия. Сейчас я оглядываюсь кругом: помощи ждать неоткуда. Это – за два месяца до истечения моего трехлетнего срока, когда в буквальном, не переносном смысле решится вопрос о моей жизни.

На этот раз я прошу лично вас помочь мне деньгами. С огромной радостью я верну вам этот долг, если когда-нибудь будет принята к печати моя новая книга стихов.

Пока что мое «физическое» я оказывается ненужным и неудобным приложением к моей работе. Между тем без него обойтись нельзя.

На днях я послал Ставскому несколько стихотворений с просьбой об отклике и оценке их Союзом Советских Писателей.

В эту посылку вошли совершенно новые, неизвестные вам стихи.

В напряженном ожидании вашего ответа – жму вашу руку.

О. Мандельштам
Воронеж, ул. 27 февраля, д. 50, кв. 1

198. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ЗНАМЯ»

Из Воронежа в Москву, 11 марта 1937 г.

В редакцию «Знамя»

Посылаю стихотворение «Неизвестный солдат» в доработанном и развернутом виде.

Прилагаемым текстом отменяется ранее мною присланный.

Прошу редакцию учесть эти изменения при обсуждении моих стихов.

О. Мандельштам
11 марта 37

199. К. И. ЧУКОВСКОМУ

Из Воронежа в Ленинград, 20 марта 1937 г.

Сердечный привет Корнею Ивановичу!

О. Мандельштам
20/III/37 В<оронеж>

200. В. Я. ХАЗИНОЙ

Из Воронежа в Москву, начало апреля 1937 г.

Дорогая Вера Яковлевна!

Обращаюсь к вам с большой просьбой: приезжайте, поживите со мной. Дайте возможность Наденьке спокойно съездить по неотложным делам. Ехать ей придется на этот раз надолго. Почему я вас об этом прошу? Сейчас объясню.

Как только уезжает Надя, у меня начинается мучительное нервно-физическое заболевание. Оно сводится к следующему: за последние годы у меня развилось астматическое состояние. Дыхание всегда затруднено. Но при Наде это протекает мирно. Стоит ей уехать – я начинаю буквально задыхаться. Субъективно это невыносимо: ощущение конца. Каждая минута тянется вечностью. Один не могу сделать шага. Привыкнуть нельзя. В прошлый отъезд (7 дней) со дня на день делалось хуже. Остаться со мной некому. Успокаивают меня только свои люди. А у нас и чужих знакомых почти нет. В прошлый раз я перенес это как острую болезнь. Дошел накануне Надиного приезда до того, что хотел явиться в любую больницу. Цеплялся за людей. Сидел часами в чужих местах (в учреждении, среди рабочего дня) – лишь бы быть около кого-нибудь.

Я тогда закаялся, что больше этого не перенесу. Потом остается глубокий след.

Это заболевание имеет много глубоких причин. Что делать? Вся надежда на ваш приезд. В остальном – я совершенно нормальный человек. Поверьте, что я не буду вам в тягость и вы даже не догадаетесь, не поверите мне, какую услугу вы оказываете мне и Наде.

Побыть со мной придется минимум две недели. Бытовые условия будут хорошие. Уютнейшая комната. Славная хозяйка. Лестницы нет. Всё близко. Телефон рядом. Центр. Весна в Воронеже чудесная. Мы даже за город с вами поедем.

А без вас – болезнь и невыносимое по остроте и физическое, и психическое состояние.

Я прошу вас не замалчивать моего письма. Прошу ответить на него немедленно телеграммой. Письмо покажите Евг<ению> Як<овлевичу> и Шуре. Они вам помогут выехать.

Крепко верю в ваше желание нам помочь.

Ваш Ося

201. Е. Я. ХАЗИНУ

Из Воронежа в Москву, 10 апреля 1937 г.

10/IV/37

Дорогой Евгений Яковлевич,

еще раз вам сообщаю, что Надя больна. Ежедневная температура 37, 6–9, очень резкое исхудание. Кроме того, ежедневно по нескольку часов резкие боли в области печени, принуждающие лежать.

Как это ни странно, врачу Надя не показывалась. Чуть ей лучше – забывает. А большей частью нет 20 рублей на профессора, а в амбулаторию ходить не стоит: мы знаем, как там внимательны.

До последнего дня Надя температуру от меня скрывала или неправильно объясняла.

Денег у нас на 2–3 дня еще есть. Т. е. попросту 25 рублей. Какое же тут лечение? 10 р. в день на двоих – это минимум, исключающий всякую диету, режим, платного врача и т. д. Что же делать?

Завтра я думаю свести Надю к профессору. Что же касается до Москвы – страшно ее отпускать. Боюсь, как бы не расхворалась, не слегла и мы бы не очутились отрезаны друг от друга. Прежде всего я выясню, что с Надей и что ей объективно требуется, и срочно вам сообщу – без всяких «скидок» на наше положение. А пока что сообщаю одно: больничная клиническая помощь в Воронеже неприемлема (кроме хирургической). Больницы (терапевтические) переполнены. Как мне говорил пр<офессор> Герке – иногда дают в день до 12 отказов острейшим больным (восп<аление> легких и т. д.) и ни одного приема. Лежат в коридорах. Индивид<уальный> уход – минимальный. Значит – или дома, в воронежск<ой> комнате, – или отправить куда-нибудь на серьезное настоящее лечение. Я прошу вас немедленно поговорить с кем-нибудь из Надиных подруг, нельзя ли ради нее, забыв обо мне, серьезно ей помочь. Сделайте это, не дожидаясь диагноза. Состояние так или иначе очень плохое. Образ жизни исключает всякие шансы на поправку.

Виды на будущее – скорее отрицательные. Не лишнее вам сообщить, что на днях получил письмо от «Знамени», письмо вполне товарищеское, но с отклонением стихов. Это весьма отрадно. Потому что явилось просветом в беспредельной покинутости. Может, это хоть немного подымет ваше настроение и поможет вам что-нибудь предпринять для Нади. Поговорить только о ней.

В Воронеже мы начисто изолированы. С 13 числа средства на жизнь, т. е. чай, хлеб, кашу, яичницу, – иссякают. Занять не у кого. Надо думать только о Наде. Я готов, как вам уже говорил по телефону, расстаться с ней на какой угодно срок ради подлинного ее лечения, но не ради деловой поездки, которая ей не под силу и может кончиться нашим с ней разобщением. Т. к. Надя похожа сейчас на свою тень. И я не преувеличиваю. Прошу вас поговорить с кем-нибудь из авторитетных людей. И дать мне телеграмму, получив это письмо. Я знаю, вы и в Москве беспомощны. Но все-таки это Москва. И этим всё сказано.

На Надю же сейчас нельзя возлагать никакого бремени. Ее активность сама собою прекращается.

Жду вашего ответа: предварительной ориентировочной телеграммы.

Ваш О. Мандельштам

P. S. Еще сегодня я просил Шуру ускорить Надин отъезд и выезд В<еры> Як<овлевны>. Но после этого узнал о постоянном повышении температуры – и в связи с общей слабостью Нади понял, что ехать ей нельзя.

Эта непоследовательность не должна снижать в ваших глазах серьезности моих сообщений. Здоровье Нади, вернее, ее болезнь весьма и весьма запущена, потому что всё кажется: ничего нельзя сделать (она же всё и делает?!). Но сейчас надо сделать для нее буквально невозможное.

202. К. И. ЧУКОВСКОМУ

Из Воронежа в Ленинград, около 17 апреля 1937 г.

Дорогой Корней Иванович!

То, что со мной делается, – дольше продолжаться не может. Ни у меня, ни у жены моей нет больше сил длить этот ужас. Больше того: созрело твердое решение всё это любыми средствами прекратить. Это не является «временным проживанием в Воронеже», «адм-высылкой» и т. д.

Это вот что: человек, прошедший через тягчайший психоз (точнее, изнурительное и острое сумасшествие), – сразу же после этой болезни, после покушений на самоубийство, физически искалеченный, – стал на работу. Я сказал – правы меня осудившие. Нашел во всем исторический смысл. Хорошо. Я работал очертя голову. Меня за это били. Отталкивали. Создали нравственную пытку. Я все-таки работал. Отказался от самолюбия. Считал чудом, что меня допускают работать. Считал чудом всю нашу жизнь. Через 1½ года я стал инвалидом. К тому времени у меня безо всякой новой вины отняли всё: право на жизнь, на труд, на лечение. Я поставлен в положение собаки, пса... Я – тень. Меня нет. У меня есть одно только право – умереть. Меня и жену толкают на самоубийство. В Союз писателей – не обращайтесь, бесполезно. Они умоют руки. Есть один только человек в мире, к которому по этому делу можно и должно обратиться. Ему пишут только тогда, когда считают своим долгом это сделать. Я – за себя не поручитель, себе не оценщик. Не о моем письме речь. Если вы хотите спасти меня от неотвратимой гибели – спасти двух человек – пишите. Уговорите других написать. Смешно думать, что это может «ударить» по тем, кто это сделает. Другого выхода нет. Это единственный исторический выход. Но поймите: мы отказываемся растягивать свою агонию. Каждый раз, отпуская жену, я «нервно» заболеваю. И страшно глядеть на нее – смотреть, как она больна. Подумайте: зачем она ездит. На чем держится жизнь. Нового приговора к ссылке я не выполню. Не могу.

О. Мандельштам

Болезнь. Я не могу минуты остаться «один». Сейчас ко мне приехала мать жены – старушка. Если меня бросят одного – то поместят в сумасшедший дом.

203. Н. С. ТИХОНОВУ

Из Воронежа в Ленинград, около 17 апреля 1937 г.

Дорогой Николай Семенович!

Повторяю: никто из вас не знает, что делается со мной.

Сейчас дело пахнет катастрофой.

Вмешайтесь, пока не поздно.

Верьте каждому слову моей жены.

Спешите. Иначе всё кончится непоправимо.

О. Мандельштам

204. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Воронежа в Москву, 19 апреля 1937 г.

19/IV

Надюшенька!

Утром получили твое вокзальное письмо. Почтальон невероятно громко постучал в окно. Потом кошка прогнала Тому. Утром мама говорила о врожденности характеров детей. Вчера историю семьи Корнгольдов. Вчера мы оба, понадеявшись друг на друга, вышли в лавку без денег: дошли и вернулись. Бабушка погасила свет выключателем. Я нечаянно исправил.

Вчера мы с мамой пошли в Дом Красной Армии. Я омолодился там в роскошной парикмахерской за 2 р. 50 к. Концерт оказался бесплатным, по особым пропускам. Я взял два: себе и маме. Но пришла Наташа – и ей не дали пропуска. И мама ушла домой (уступив свой Наташе) очень неохотно: так ей понравился Дом Красной Армии. Себастьян плясал как сириец, нубиец и фригиец плюс еврей. А играли очень хорошо.

Сейчас заказал с утра срочный телефон Жени на 12 ночи с предупр<еждением>. И то не наверное.

Надик, ты живи у нас дома, а то устанешь по гостям. Я буду стараться звонить по утрам от 8½ до 9. Если это невозможно – телеграфируй. Дедушке скажи, что я хочу его видеть. Пусть он мне напишет. Болезнь быть без тебя протекает довольно мирно (благодаря маме), но все-таки болезнь. Считаю дни и минуты до возвращения твоего. Если обстоятельства на это укажут, зайди в «Знамя». А то и нет? Буду писать каждое утро. А ты телеграфируй, если звонок не удастся. Зайди к врачу. Обязательно. Целую тебя, моя родная.

Ося. Няня. Твой

Родной мой, люблю тебя и так хочу быть с тобой. Ау? Надинька! Дай лобик, солнышко мое!

205. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Воронежа в Москву, 22 апреля 1937 г.

22/IV/37

Родная Надинька!

Это второе мое письмо. Я, конечно, дурак – не так ли? – но я не понимаю, чего ты ждешь в Москве. Ну и пусть не понимаю. А если ты сидишь в Москве, значит, нужно. Этот раз твой отъезд переношу трудно, но спокойнее. Мама твоя очень помогает – всем своим существом, вплоть до раздражающих моментов. Всё это отрезвляет и прикрепляет к жизни. Мы не ссоримся. Я очень молчалив и ничего не могу поделать, хотя знаю, что ей это неприятно. Много времени на воздухе. Хожу один возле дома. Стихи мои, наверное, гораздо хуже прежних. Ты не скрывай. Беда невелика. Перескочим через них. Будем жить – так и стихи будут. Здоровье мое хорошо, если бы не одышка. Но это настолько серьезно, что я могу только с тобой и при тебе. Вторая поездка меня очень смущает. А при тебе и одышка гораздо легче. Впрочем, от воздуха облегчение несомненное. Читать почти не могу. Всякая

книга неприятна. И читать могу только при тебе. Вопрос ясен: можем ли мы быть вместе? Остальное, по-моему, неважно. Никто не заходит. И Наташа была всего 2 раза.

Снова я равнодушен ко всему, кроме твоего приезда. Выясни свою болезнь. Как можно тщательнее. Неделя кажется мне огромным сроком. Писем твоих нет. Голос твой звучит так, будто из недели выйдут две и т. д.

Не считай моего письма упадочным. Просто ты уехала, и я притих. Всё, что мы с тобой говорили, правильно. Мы совсем не слабые люди. И в очень трудную минуту сумеем поступить так, как нужно. Не рассчитывай на телефон. Москвы почти не дают. Каждый звонок – случайность. В случае заминки – телеграфируй несколько слов. Шуре скажи: «то, что он не ответил на мое письмо, – непоправимо – может больше не тревожиться». Обязательно точно передай.

Ну до свиданья, мой родной друг. Жду тебя и только тебя.

Твой Ося. Няня

206. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Воронежа в Москву, 26 апреля 1937 г.

26 апр.

Надик, здравствуй!

Мои новости: утром купаться ходил. От петуха раму вставили. Мама уступила мне заварку чая и обещала не трогать электр<ическую> машинку, которая в великой опасности: трещит и пахнет разноцветным жареным. Подметку мне армянин гвоздиками подбил. Держится. Не верь, когда хвалят гладкие стишки. Хвалитель у них мелкий. Сады у нас зеленеют. Очень хорош – через задворки – соседний. Я там много брожу. Вообще стал сильный ходок. Небольшие маршруты гуляю один. Внешность – послекурортная. С деньгами: осталось 40 р. Долгов нет. Пел<агее> Гер<асимовне> дал вперед 30 р. Девочка Рая пришла с жалобной запиской. Ей – 5 р. Из

4 телефонов – 3 – срочные. Утром – всегда срочно. Вот почему мало денег. Да еще прачке 5 р. Да сапожнику 4 р. Да, признаюсь, у Эмминой мамы взял вначале 15 р. – так и не отдал. Вот это плохо.

Надик, ты, кроме дел, в Москве живи. Смотри картины. Всё, что я хочу видеть, – ты смотри. Даже в театр для курьеза пойди. Не скучай. Так или иначе чтоб приехала освеженная. Ты что написала: «здесь» и зачеркнула? Кто, что – здесь, т. е. в Москве?

Вчера снова водил маму в концерт. Она сидела в ложе бенуара и была горда. Удивлялась, что дали легко контрамарку. Последние дни она совсем спокойна и уютна.

Извел бутылку одеколону (с мамой вместе). Ячмень в сухом виде остался. Глаза здоровые (если без очков). Теперь нет пыли. А то висели над степью космические тучи. Мама сегодня чинила брюки. Интересно и безобразно. Прошу тебя ничем не обольщаться. За подарки спасибо. Целую моюродненькую. И жду ее.

Ося. Няня

Мама кричит: «Вы мне надоели» и рвется одна опускать письмо. Я стремлюсь за ней.

Шурика целую. Ему подарок чтоб – от меня. Спроси его наедине. Он скажет – что.

207. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Воронежа в Москву, 28 апреля 1937 г.

28 апр.

Надик, дитенок мой!

Что письмо это тебе скажет? Его утром принесут или вечером найдешь? Так доброго утра, ангел мой, и покойной ночи, и целую тебя сонную, уставшую или вымытую, свеженькую, деловитую, вдохновенно убегающую по таким хитрым, умным, хорошим делам. Я завидую всем, кто тебя видит. Ты моя Москва и Рим и маленький Давид. Я тебя наизусть знаю, и ты всегда новая, и всегда слышу тебя, радость. Ау? Надинька!

А у нас тишь да гладь. И только я тихо киплю. Мне весело. Я жду тебя. Я ничего не хочу, кроме тебя.

Я тебе петуха-красавца покажу, который восклицает 300 раз от 4 – до 6 утра. И котенок Пушок всюду бегает. И вербочки зеленые.

Подметка чуть отстает уже на гвоздиках. Но дня 3 прохожу. Долгов у нас нет. Мы не растратчики. Только телефон много съел. Продержимся до 2-го мая. Вчера я гулял с Наташей в парке. Очень далеко забрались, дальше того павильона. Оттого подметка отвалилась.

Я видел на улице «дядю Леню», который воскрес и, задыхаясь, бегает. Я ему давал медиц<инские> советы как товарищ по болезни.

На самом же деле я сейчас на редкость здоров и готов к жизни. Мы ее начнем, куда бы и где бы ни бросила судьба. Сейчас я буду сильнее стихов. Довольно им помыкать нами. Давай-ка взбунтуемся! Тогда-то стихи запляшут по нашей дудке, и пусть их никто не смеет хвалить. Целую твои умные ясные глаза, твой старенький молоденький лобик. Мама временами остроумна. Ей начинает нравиться наша жизнь. Какой ужас! Надик, приезжай к нам и не отпустим маму. Целую детку мою и жду.

Няня

Ты не обидишься, что лобик стареньким назвал?

208. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Воронежа в Москву, 30 апреля 1937 г.

Родная моя Надинька!

Посылаю выписку и заявление для передачи Ставскому.

Я здоров и спокоен. Ты приедешь, как только сделаешь всё необходимое. Думаю, что дольше 5-го оставаться не надо. В крайнем случае приедешь без денег. Не всё ли равно? Лишь бы маму отправить.

Заявление свое в Союз Сов<етских> Пис<ателей> я считаю крайне важным.

Но если Ставский найдет, что не стоит подымать вопроса по вздорному поводу, – я соглашусь. Я – не склочник. Во всяком случае – покажи ему.

Важно то, что после этого в Воронеже оставаться физически невозможно.

Это – объясни.

Целую тебя, мой родненький. Спешу отправить.

Твой Ося

209. В СЕКРЕТАРИАТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ,

Из Воронежа в Москву, 30 апреля 1937 г.
Копия

В Секретариат Союза Советских Писателей

Уважаемый тов. Ставский!

Прошу Союз Советских Писателей расследовать и проверить позорящие меня высказывания Воронежского областного отделения Союза.

Вопреки утверждениям Обл<астного> отд<еления> Союза, моя воронежская деятельность никогда не была разоблачена Обл<астным> отд<елением>, но лишь голословно опорочена задним числом. При первом же контакте с Союзом я со всей беспощадностью охарактеризовал свое политическое преступление, а не «ошибку», приведшее меня к адмвысылке.

За весь короткий период моего контакта с Союзом (с октября 34 г. – по август 35 г.) и до последних дней я настойчиво добивался в Союзе и через Союз советского партийного руководства своей работой, но получал его лишь урывками, при постоянной уклончивости руководителей Обл<астного> отделения.

Последние 1½ года Союз вообще отказывается рассматривать мою работу и входить со мной в переговоры.

Если как художник (поэт) я могу оказать «влияние» на окружающих – то в этом нет моей вины, а между тем это единственное, что мне ставится Обл<астным>

отд<елением> в вину и кладется в основу убийственных политических обвинений, выводимых из моей воронежской деятельности поэта и литработника.

Располагая моим заявлением к минскому пленуму, содержащим ряд серьезных политических высказываний, – Союз, который это заявление принял и переслал в Москву, до сих пор не объявил его двурушническим, что является признаком непоследовательности.

Принципиальное устранение меня от общения с Союзом никогда не имело места. Летом 35 года мне было заявлено: «Мы вас не считаем врагом, ни в чем не упрекаем, но не знаем, как относится к вам писательский центр, а потому воздерживаемся от дальнейшего сотрудничества». После этого Союз рекомендовал меня (протоколом правления) на работу в городской театр.

Считаю нужным прибавить, что моя работа по другим линиям (театр, радиокомитет) не вызвала никаких общественных осуждений и была неоднократно и серьезно использована после соот<ветствующей> политической проверки. Пресеклась она моей болезнью.

Называя три фамилии (Стефан, Айч, Мандельштам), автор статьи от имени Союза предоставляет читателю и заинтересованным организациям самим разбираться: кто из трех троцкист. Три человека не дифференцированы, но названы: «троцкисты и другие классово-враждебные элементы».

Я считаю такой метод разоблачения недопустимым.

В результате меня позорят не за мою прошлую вину, а за то положительное, что я пытался сделать после, чтобы искупить ее и возродить себя к новой работе.

Фактически мне инкриминируется то, что я хотел себя поставить под контроль советской писательской организации.

О. Мандельштам

Выписка из статьи О. Кретовой в газете «Коммуна» от 23 апреля 37 года (отчет о пленуме Областного отделе-

ния Союза Советских Писателей и статья о задачах литературы):

«...За последние годы в организацию (воронежское обл<астное> отд<еление> союза сов<етских> писателей) пытались проникнуть и оказать свое влияние троцкисты и другие классово-враждебные люди (Стефан, Айч, О. Мандельштам), но были разоблачены...»

«Совсем другим было отношение Союза к людям, имевшим ошибки в прошлом, но исправляющим эти ошибки честной работой (воронежские писатели Завадовский и Песков)...».*

О. Мандельштам
Воронеж. 30 апр. 37 г.

* Второй абзац привожу суммарно, первый – буквально.

210. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Воронежа в Москву, 30 апреля 1937 г.

Родная доченька Надик,

сейчас пришли твои 100 р. А у нас еще было всё на 1 мая и уже куплено. Новость: курица клюнула маму в щеку и поцарапала. Чуть-чуть. Сегодня я сам стоял в бакалейной очереди, а маму усадил на улице на скамейку.

Утром отправил тебе выписку из статьи О. Кретовой в «Коммуне» от 23 апреля и заявление мое Ставскому в Союз Пис<ателей> по поводу воронежцев.

На всякий случай посылаю в адрес Евг<ения> Як<овлевича> вторую выписку и сокращенное заявление в Союз Сов<етских> Пис<ателей>.

Не знаю, как быть с обувью? Спрошу тебя. Будущее меня не смущает.

Приезжай не позже 6-го. Можно и без денег. Совершенно всё равно. Бесконечно тебя жду.

Твой Ося

211. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Воронежа в Москву, 2 мая 1937 г.

2 мая

Родная Надинька!

Прости, что пишу на обороте твоих списков. Сохрани листки и привези. Для общезначимости пришлось приписать Наташе старшего брата и сестру, а также постулировать характер будущего мужа. Но то, что я ее уговариваю выйти замуж, – это вполне реально.

Как видишь, я занимаюсь вздором и далек от мрачных мыслей. Впрочем, день на день не похож. Сегодня утром мы с мамой пошли искать туфли на улицу Сити (Syty Streat? Так?). Я купил страшные синие – 25 р. К ним я хотел купить зеленые носки (при коричневых брюках), но мама не позволила. При этом старик-приказчик поговорил со мной о музыке (концертный знакомец).

Неужели нашлись любители на «Солдата»? Я хочу поблагодарить лично этих добряков. У нас испортился штепсель от машинки, и Адр<иан> Фед<орович> приделал к ней сложную висюльку, которая тоже портится. Но свет вообще отсыхает, и я пишу при лампе и свече.

Родненькая, прости, что я болтаю, когда ты накануне напряженья и т. д. Мне кажется, что мы должны перестать ждать. Эта способность у нас иссякла. Всё что угодно, кроме ожиданья. Нам с тобой ничего не страшно. (Свет зажегся.) Мы вместе бесконечно, и это до такой степени растет, так грозно растет и так явно, что не боится ничего. Целую тебя, мой вечный и ясный друг. Услышу тебя скоро, увижу и обниму.

Твой муж. Няня

212. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Воронежа в Москву, 4 мая 1937 г.

4 мая

Надик родной!

Приезжай поскорей. Дышать без тебя трудно. Весна не в радость. Приезжай скорей. Сегодня пришли два твоих

письма от 29-го и 30-го. У тебя сразу трое гостей. Почти как дома. Казалось, что я тоже? Да? И что я ругаю Эмму? Ты меня дураком не ругай: я всё понимаю – только очень глупый. Детка моя, ты минуты лишней не останешься, в крайнем случае еще поедешь (?). Нет, не поедешь! Неопределенно ты сидеть не будешь. Если переговоры примут бесформенный характер. Мне кажется, то, что можно и хотят, – сделают сразу.

Вчера ночью я сбежал от мамы, как испанка от старой дуэньи. В 12 ч. в окно постучали Наташа и ее Борис. Мама спала. Я тайно выкрался, и пошли в «Бристоль». Борис поставил на троих одну свиную котлету, три апельсина и бутылку Бордо. Я принес маме апельсин и положил под подушку. Она проснулась и сказала: я не маленькая. Она не заметила, что я уходил. Только что пришло письмо от Рудакова. Разобрал его с колоссальным трудом. Он пишет (кажется?), что стихи неровные и что передать это можно только в разговоре. Большое новое идет от стихов о русской поэзии? Да?

Сейчас был в книжном магазине – большом. Там изумительные «Металлы Сассанидов» Эрмитажа. 50 р. Добрая продавщица мне отложила. Как видишь, я сумасшедший дурак. А эти блюдечки персов мы все-таки купим. Такие уж мы уроды. Деточка, приезжай скорей – Няня без тебя задохнется. Он больше не может мотаться и ждать. Ау? Надик? Ау? Скорей.

Няня

Надик, не смей отнимать у себя денег. Нам нужны гроши. Сейчас я перешел на другую сторону улицы и увидел мамину фигурку – она трогательная. Она – вся твоя. Она крошечный Дант-старушка.

Привези Эммочке книжечку, она еще безграмотная, она заботится о нас.[1]

[1] Приписано В. Я. Хазиной.

213. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Воронежа в Москву, 4 мая 1937 г.

4 мая / второе письмо

Надик солнышко!

Только пришел домой и сочинил безделицу. Ее прилагаю. Горько и пусто мне сочинять без тебя. Мама – равнодушна к «Квакушам», «Наташу» хвалит, «Черемуху» промолчала.

Дней 10 назад я поссорился с нашей хозяйкой из-за петуха (я кричал о петухе в пространство: она приняла пафос на свой счет. Очень деликатно, но всё же она говорила кислые слова). Всё это забыто. Деликатность удивительная. Денег не брала. Терпенье сверх меры.

По поводу же нападенья курицы на маму. Никакой царапины серьезной нет. Шрам заживает. Черт знает какой вздор пишу. Гоголь такого не выдумает.

Солнышко мое, если тебя неудача постигнет, умоляю тебя, приезжай веселая. Помни, что нам с тобой отчаиваться стыдно. Кто его знает, что будет? Что-нибудь... Переживем... Вот как, дитя мое.

И еще умоляю, если задержишься: не отказывай себе. Не балуй нас. Целую тебя, мой родной.

Няня твоя

214. Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Воронежа в Москву, 7 мая 1937 г.

7 мая

Надик, дитя мое родненькое!

Вчера пришло твое письмо от 4-го, сегодня от 2-го. Детка, да тебе там делать нечего. У тебя Москва пустая? Куда ты тычешься? Как время тянешь?

А я совсем скис. И стихи побросал. И места себе не нахожу. Телефон взяли сегодня вечером под радио, а то бы услышал голос твой. Не хочу новостей. Хочу Надин голос. Последние дни я почти свободно выхожу один,

изумляя воронежцев своей одинокой фигурой. Вчера раскачался даже к Наташе. Только в трамвае № 3 чуть-чуть испугался. На сватовские стихи Наташа говорит, что они «что-то знакомое – вроде Лермонтова», т. е. вторичны, литература. «Маленький парк» ценит. А «Железо» – это и есть железо. Она работает сейчас по 10 часов и почти не заходит. Мы с мамой абсолютно одни. Мы да кошка с сыном. Мама разучилась со мной ссориться. Царапина от куриной лапы почти исчезла. Мама постирала мне синюю рубашку и твое бельишко. На персов я только облизываюсь. Ничему хорошему не верю. Так лучше. А твоя звездочка – чу-чу – очень как хороша. Всё больше. Надик, привези мою прозу. Если будем жить – выучи меня англичанам. 75 р. пришли сегодня. Прошлый раз телеграфист пил у нас чай. Надик, от письма легче: начинаю болтать и улыбаться.

Я жду тебя, моя жена, моя дочка, мой друг. Скорей, скорей.

Твоя Няня

Сейчас пойду сам опущу письмо около «Коммуны».

215. Е. Я. ХАЗИНУ

Из Воронежа в Москву, 15 мая 1937 г.
Телеграмма

Возвращаемся домой Надя Ося мама дошлите денег

216. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Москвы в Ленинград, 10 июня 1937 г.

Дорогой папочка!

Я в Москве всё время болел. Сердце ослабело. Сейчас лучше. Меня собираются лечить. Союз Сов<етских> Писателей предложил мне помощь. Назначена в Союзе читка моих новых стихов. Настроение хорошее. Очень хочется работать. Для этого у меня хватит сил. Скоро

выедем за город. Страшно хочу тебя видеть. При первой возможности выпишу тебя к нам. Горячо целую тебя и детей. Тане и Жене – привет.

Ося

Целую крепко.

15/VI вышлю деньги. Жду письма.

Твой Шура[1]

217. Е. Е. ПОПОВОЙ

Из Савелова в Москву, 26 июня 1937 г.
Телеграмма

Дорога легкая короткая слушал Щелкунчика смотрел Волгу Москву большой привет Яхонтову Мандельштам

218. Б. С. КУЗИНУ

Из Калинина в Шортанды, 6 ноября 1937 г.

6 ноября 37
Калинин
гостиница «Селигер»

Дорогой Борис Сергеевич!

С большой радостью отвечаю на ваше письмо. Мы давно, всё время, ждали услышать ваш голос, хоть что-нибудь узнать о вас. Это первое достоверное сведение.

В мае я вернулся из Воронежа в Москву, а затем мы поселились на Верхней Волге, в Савелове. Письмо ваше получили в Москве, проездом в Калинин, где, может быть, останемся. Если нет, то – в Тарусу, на Оке. Вот несложная топография. Жизнь гораздо сложнее.

Много было трудностей, болезней, работы. Хорошего было больше, чем плохого. Воронеж мы полюбили. Там глубоко дышалось. Написана новая книга стихов.

[1] Приписано А. Э. Мандельштамом.

Сейчас мною занялся Союз Писателей: вопрос об этой книге и обо мне поставлен, обсуждается, решается. Кажется, назревает в какой-то степени положительное решение.

Надя за эти годы очень устала, но духом крепка. Когда выпадает период покоя, передышки – она совсем молодец. Сейчас наш старый воронежский быт уже не существует, а новый еще не сложился. Всё зависит от решения Союза Писателей, подошедшего к этому делу очень серьезно. В семье у нас ничего нового. В квартире – Вера Яковлевна с жильцами.

На днях мы слышали два концерта Сигетти. Он достиг высшей простоты. Его принимали холодно. Мы забегаем в музеи, жадно смотрим живопись, ведем очень подвижный и несколько утомительный образ жизни. Немедленно напишите о себе как можно подробнее. Сообщите, не нужно ли вам чего, нет ли в чем нужды или потребности. Считайте наш ответ началом регулярной переписки. Хочу вас видеть, и если не вы, то я – когда-нибудь да приеду. Мы легки на подъем.

Крепко жму вашу руку.
О. Мандельштам

219. Б. С. КУЗИНУ

Из Калинина в Шортанды,
конец 10-х чисел декабря 1937 г.

Дорогой Борис Сергеевич!

Поздравляю с полушубком. Вдохновленный вашим примером, я, кажется, куплю такой у хозяев. Вы хорошо, даже соблазнительно описываете свое житье. Зависть берет. Да.

А у нас? На стенах эрмитажные фото: Рюисдаль, Рубенс, Рембрандт, Тенирс, Брейгель, Madonna Litta, Madonna Benua, а также рядком, как лубки: в красках извозчик Монэ, девушка в кафе Ренуара и мужчина Сезанна. Всё это приколото иголками и патефонными булавками.

Сегодня мы переезжаем на теплую половину дома, под защиту бревенчатой стены. Ход через хозяев. Между нами и стариками также неполная перегородка. Это выйдет много спокойнее. Тверской говор радует слух. И в Воронеже я много слушал живую речь. Особенно женщины прекрасно говорят по-русски. Но здесь, в Калинине – настоящая академия живого языка – гибкого, оборотистого, в меру жесткого. Испанским я занимался. В Воронеже отличные книжные фонды в Университете. Читал Сида (великолепно). Romanceros в изд<ании> бр<атьев> Гримм и многотомную коллекцию кастильских классиков.

Однако не узнал кастильских форм на винной этикетке (Castel de Romey – белое сухое вино) и был посрамлен Львом Никулиным.

Несмотря на болезнь, я пью легко и охотно. Вот увидите, когда встретимся. Книга моя будет для вас большой неожиданностью. Более характерное на днях пришлю. Сейчас мои стихи читает Ставский. Жду оценки. Сейчас не работаю. Стариной заниматься не хочу. Хочу двигать язык, учиться и вообще быть с людьми: учиться у них.

Пожалуйста, не скрывайте своей болезни. Tbc так легко не проходит. Вы живете в очень вредном для вас климате. Не поговорить ли с кем-нибудь о новой работе, где-нибудь в средней полосе? Сейчас же на это ответьте. До свиданья.

Жму руку. Ваш О. М.

220. Б. С. КУЗИНУ

Из Калинина в Шортанды, 21 января 1938 г.

21/I

Милый Борис Сергеевич!

Долго не отвечала на ваше письмо: целую неделю. Во-первых, письма пришли одно за другим, – а я, как известно, писем писать не умею. Во-вторых – прихва-

рывала, кашляла, лежала. Глупая врачиха отправила меня на рентген. Сейчас пишу рано утром перед этим удовольствием. У меня ничего нет – просто дохлая курица, как всегда.

Меня как-то огорчило ваше письмо. С чего вы взяли, что нам худо? Объективно нам совсем не плохо. Но Ося тоскует. Он в тяжелом состоянии. Я думаю, что это реакция на длительный рабочий период. – Весь прошлый год он сочинял стихи. Материально нам тоже лучше, чем многим, хотя с заработками уже давно слабо. Вообще то, что нам трудно, объясняется тем, что мы живем в Калинине. Ничего специально нашего – нашей личной разрухи в этом нет.

Мне хотелось бы вас повидать до того, как вы снusметесь с места. Боюсь, что вам будет тоже нелегко найти работу, несмотря на вашу специальность, на которую большой спрос.

Впрочем, об этом еще рано говорить… Может, вы поедете на готовое предложение… В общем, хочу вас видеть. Очень скучаю. Я всё жду, чтоб Ося написал вам, но он как-то так съежился, что даже письма написать не может.

Мне его жалко – глупого. Но что делать?

Сейчас собираемся – пора идти.

До свиданья.

Пишите.

Надя[1]

Дорогой Борис Сергеевич,

Сейчас мы пойдем с Надей на рентген. У нее кашель вроде астмы. Хорошо бы на юг. Кажется, в легких ничего нет.

На днях буду в Союзе писателей. Новости сообщу. Спасибо, что пишете.

Не забывайте нас.

Ваш О. М.

---

[1] Письмо Н. Я. Мандельштам.

221. Б. С. КУЗИНУ

Из Калинина в Шортанды, 26 февраля 1938 г.

26. II

Милый Борис Сергеевич!

Я давно не писала – каждый день ждала новостей (относительно нас с Осей), которые хотела вам сообщить. Но пишу не дождавшись. В общих чертах: положение наше изменилось к лучшему, и мы накануне получения работы и санаторного отдыха. Возможно, в Болшеве, где мы когда-то жили и куда вы к нам не хотели приехать. Мы предпочли бы получить стоимость путевок на руки и тихо жить, но – увы! – Литфонд хочет истратить баснословные деньги (по 1200 в месяц на человека) именно на санаторий... Но самый факт отправки в санаторий очень знаменателен.

Теперь о вас: я до сих пор не понимаю вашего положения. Связаны ли вы с вашей областью? Можете ли вы приехать летом сюда или в Старый Крым, о котором мы все мечтаем? Только ли в работе дело? Как обстоит сейчас с Алма-атинским заповедник<ом>? Пожалуйста, пишите, не откладывая, в Калинин. Мы еще получим письмо.

Надя

Я очень беспокоилась, не получая в прошлый раз письма, и теперь невольно вам отомстила.[1]

Дорогой Борис Сергеевич!

Хочу написать вам настоящее письмо – и не могу. Всё на ходу. Устал. Всё жду чего-то. Не гневайтесь. Пишите сами и простите мою немоту.

Очень устал. Это пройдет.

Скучаю по вас.

О. М.

[1] Письмо Н. Я. Мандельштам.

222. В. П. СТАВСКОМУ

Из Калинина в Москву, начало марта 1938 г.

Уважаемый тов. Ставский!

Сейчас т. Луппол объявил мне, что никакой работы в Гослитиздате для меня в течение года нет и не предвидится.

Предложение, сделанное мне редактором, т<аким> о<бразом>, снято, хотя Луппол подтвердил: «мы давно хотим издать эту книгу».

Провал работы для меня очень тяжелый удар, т. к. снимает всякий смысл лечения. Впереди опять разруха. Жду Вашего содействия – ответа.

О. Мандельштам

223. Б. С. КУЗИНУ

Из Саматихи в Шортанды, 10 марта 1938 г.

10.3.38

Дорогой Борис Сергеевич!

Вчера я схватил бубен из реквизита Дома отдыха и, потрясая им и бия в него, плясал у себя в комнате: так на меня повлияла новая обстановка.

«Имею право бить в бубен с бубенцами».

В старой русской бане сосновая ванна.

Глушь такая, что хочется определить широту и долготу.

Сборы были огромные. Очень трогательное расставанье с калининскими хозяевами.

С собой груда книг. М<ежду> п<рочим,> весь Хлебников. Еще не знаю, что с собой делать. Как будто еще очень молод. Здесь должно произойти превращение энергии в другое качество. «Общественный ремонт здоровья» – значит, от меня чего-то доброго ждут, верят в меня. Этим я смущен и обрадован. Ставскому я говорил,

что буду бороться в поэзии за музыку зиждущую. Во мне небывалое доверие ко всем подлинным участникам нашей жизни, и волна встречного доверия идет ко мне.

Впереди еще очень много корявости и нелепости, – но ничего, ничего не страшно! Чуть-чуть не сделался переводчиком. Давали дневник Гонкуров. Потом раздумали. Ничего пока не дали.

Любопытно: как только вы написали о Дворжаке, купил в Калинине пласт<инку>. «Слав<янские> танцы» № 1 и № 8 действительно прелесть. Бетхов<енская> обработка народных тем, богатство ключей, умное веселье и щедрость.

Шостакович – Леонид Андреев. Здесь гремит его 5-я симф<ония>. Нудное запугиванье. Полька «Жизни Челов<ека>». Не приемлю. Не мысль. Не математика. Не добро. Пусть искусство: не приемлю! Здравствуйте же и до свиданья.

Еще поговорим.

О. М.

224. Э. В. МАНДЕЛЬШТАМУ

Из Саматихи в Ленинград, 16 апреля 1938 г.

Дорогой папочка!

Мы с Надей уже второй месяц в доме отдыха. На два месяца. Уедем отсюда в начале мая. Отправил сюда Союз Писателей (Литфонд). Перед отъездом я пытался получить работу, и ничего пока не вышло. Куда мы отсюда поедем – неизвестно. Но надо думать, что после такого внимания, после такой заботы о нас придет и работа. Здесь очень простое, скромное и глухое место. 4½ часа по Казанской дороге. Потом 24 километра на лошадях. Мы приехали, еще снег лежал. Нас поместили в отдельный домик, где никто, кроме нас, не живет. А в главном доме такой шум, такой рев, пенье, топот и пляска, что мы бы

не могли там выдержать: чуть-чуть не бросили и не вернулись в Москву. Так или иначе – мы получили глубокий отдых, покой на 2 месяца. Этого отдыха осталось еще 3 недели. Мое здоровье лучше. Только одышка да глаза ослабели. И очень тяжело без подходящего общества. Читаю мало: утомляюсь быстро от книги, и очки неудачные.

Надино здоровье неважно. У нее болезнь печени или желудка. И что-то вроде сердечной астмы. Последнее – новость. Часто задыхается, и всё боли в животе. Много лежит. Придется ее исследовать в Москве.

У нас сейчас нет нигде никакого дома, и всё дальнейшее зависит от Союза Писателей. Уже целый год Союз не может решить принципиально: что делать с моими новыми стихами и на какие средства нам жить. Если я получу работу, мы поселимся на даче и будем жить семьей. Сейчас же приедешь ты, и еще возьмем Надину сестру Аню. Она очень больна. Квартиру в Москве мы теряем. Но главное: работа и быть вместе.

Крепко целую тебя. Горячо хочу видеть.

Твой Ося

Жду немедленного ответа о твоем здоровьи, самочувствии.

Сейчас же пиши о себе.

Остро тревожусь за тебя. Если не ответишь сразу – буду телеграфировать.

Лучше всего дай телеграмму: как здоровье.

Адрес мой: Ст. Кривандино Ленинской Ж. Д., пансионат Саматиха. Отвечай, сообщи о себе в тот же день.

Целую вас... Пишите... Надя[1]

---

[1] Приписано Н. Я. Мандельштам.

225. А. Э. МАНДЕЛЬШТАМУ и Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Из Владивостока в Москву, 30 ноября 1938 г.

Дорогой Шура!

Я нахожусь – Владивосток, СВИТЛ, 11-й барак. Получил 5 лет за к. р. д. по решению ОСО. Из Москвы, из Бутырок этап выехал 9 сентября, приехали 12 октября. Здоровье очень слабое. Истощен до крайности. Исхудал, неузнаваем почти. Но посылать вещи, продукты и деньги не знаю, есть ли смысл. Попробуйте все-таки. Очень мерзну без вещей.

Родная Надинька, не знаю, жива ли ты, голубка моя. Ты, Шура, напиши о Наде мне сейчас же. Здесь транзитный пункт. В Колыму меня не взяли. Возможна зимовка.

Родные мои, целую вас.

Ося

Шурочка, пишу еще. Последние дни я ходил на работу, и это подняло настроение.

Из лагеря нашего как транзитного отправляют в постоянные. Я, очевидно, попал в «отсев», и надо готовиться к зимовке.

И я прошу: пошлите мне радиограмму и деньги телеграфом.

Заявления. Деловое

1. РЕКТОРУ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

С.-Петербург, 13 августа 1907 г.[1]

Господину ректору
СПб Университета

Прошение

Прилагая при сем необходимые документы и денежный взнос, прошу зачислить меня вольнослушателем естественного отделения Физико-Математического факультета.

Окончивший курс Тенишевского Уч<илища>
в Петербурге
Осип Мандельштам
13 Авг. 1907 г.
Адрес: Коломенская 37 кв. 30

Документы следующие:

1. Аттестат Тенишевского училища за № 24.
2. Свидетельство о рождении, выданное 31 января 1904 года в гор. Варшаве.
3. Свидетельство о приписке к призывному участку за № 474.

[1] Даты документов 1–7 даются по старому стилю.

4. Купеческое свидетельство, выданное Купеческой Управой в С. Петербурге за № 9430.

К документам приложены копии.

2. В КАНЦЕЛЯРИЮ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

С.-Петербург, 8 октября 1907 г.

Заявление

сына петербургского 2 гильдии купца
Осипа Эмильевича Мандельштама
в канцелярию Петербургского Университета.

Прошу возвратить мне мои документы:

1). Метрическое свидетельство.

2). Аттестат об окончании курса Тенишевского Училища в 1907 г.

3). Свидетельство о приписке к воинскому призывному участку, приложенное мною к прошению о зачислении меня вольнослушателем естественного отделения Физико-Математического факультета.

Осип Мандельштам

3. РЕКТОРУ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

С.-Петербург, 7 августа 1911 г.

Его Превосходительству Господину Ректору
СПб Императорского Университета

Прошение

Честь имею покорнейше просить зачислить меня студентом Историко-филологического факультета, отдела Романских языков.

СПб.
Жительство имею:[1]

Иосиф Мандельштам

[1] Сведения о месте жительства не указаны.

Поступая на филологический факультет СПБ Императорского Университета, сим обязуюсь, в течение настоящего учебного года, выдержать дополнительные испытания по греческому языку, за полный курс классической гимназии.

Иосиф Эмильевич Мандельштам[1]

4. СЕКРЕТАРЮ ПО СТУДЕНЧЕСКИМ ДЕЛАМ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

С.-Петербург, 1 ноября 1912 г.

Г-ну Секретарю по студенческим делам
Студента Филологического факультета
СПБ Университета
Иосифа Эмильевича Мандельштама

Прошение

Будучи по недоразумению призываем к отбыванию воинской повинности Ковенским Уездным Присутствием 6 ноября сего года, покорнейше прошу, ввиду серьезных последствий, угрожающих мне по закону за мнимое уклонение от воинской службы, безотлагательно переслать в означенное присутствие мое призывное свидетельство.

Иосиф Мандельштам
Адрес: Измайловский 16, кв. 29
1 ноября 1912 г.

5. В КАНЦЕЛЯРИЮ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

С.-Петербург, 5 ноября 1912 г.

В Канцелярию Императорского
С.-Петербургского Университета
Студента Историко-
фил<ологического> *факультета*

---

[1] Данное обязательство приложено к прошению на отдельном листе.

ром<анского> разряда
Мандельштам Осип Эмильевич
Измайловский 16, кв. 29

ПРОШЕНИЕ

Имею честь покорнейше просить о выдаче мне удостоверения в том, что я состою в числе студентов С.-Петербургского Университета для представления в СПБ Воинское присутствие.

Осип Мандельштам
1912 *года* Ноября 5 *дня*[1]

С обязательством к 6 ноября сего года выяснить вопрос о плате за текущее полугодие

Мандельштам

6. РЕКТОРУ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
С.-Петербург, 17 августа 1913 г.

Его Превосходительству
Господину ректору СПБ Университета
Студента филологического факультета
Иосифа Эмильевича Мандельштама

Прошение

Покорнейше прошу разрешить мне внести лекционную плату за истекший учебный год, чего я не мог сделать ранее, ввиду отсутствия соответствующего разрешения из министерства.

Иосиф Мандельштам
17 Авг. 1913 г.
Адрес мой:
Выборг Патеула
Дача Корнер

[1] Курсивом выделен текст бланка документа.

7. ДЕКАНУ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПЕТРОГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Петроград, 13 мая 1917 года

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,
Господину декану Историко-филологического *факультета Императорского Петроградского Университета*
Состоявшего в числе студентов Петрогр. Университета
Фамилия Мандельштам
Имя, отчество Осип Эмильевич
Адрес: Каменноостровский 24А, кв. 15

ПРОШЕНИЕ

Представляя при этом матрикул, справку библиотеки и справку об отсутствии за мной недоимок, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о выдаче выпускного свидетельства о прослушании мною полного курса наук в Петроградском Университете.

1917 г. мая 13 *дня. Подпись:* О. Мандельштам[1]

8. В ПЕТРОГРАДСКУЮ КОМИССИЮ ПО УЛУЧШЕНИЮ БЫТА УЧЕНЫХ

Петроград, вторая половина октября (не позднее 26-го) 1920 г.

В Комиссию по улучшению быта ученых
Осипа Эмильевича Мандельштама

Заявление

Прошу предоставить мне академический паек. С 1909 года я работаю как лирический поэт.

[1] Курсивом выделен текст бланка.

Книги мои:

1) «Камень». Изд. «Акмэ». 1913 г.;

2) «Камень». Изд. «Гиперборей». 1916 г.

Статьи и стихотворения в различных русских изданиях.

Осип Эмильевич Мандельштам
Адр<ес>: Дом искусств

9. В ПРЕЗИДИУМ ПЕТРОГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПОЭТОВ

Петроград, февраль 1921 г.
Коллективное

В президиум Петр. Отд.
Всеросс. Союза Поэтов

Заявление

Просим Президиум П. О. В. С. П. собрать общее собрание членов союза, для информирования его о деятельности Президиума и Хоз<яйственной> Комиссии со времени последних перевыборов.

Вс. Рождественский
В. Ходасевич
Ник. Оцуп
Ирина Одоевцева
М. Лозинский
Георгий Иванов
Н. Гумилев
О. Мандельштам

10. В РЕДАКЦИОННЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА

Москва, 26 ноября 1922 г.

В редакционный сектор Госиздата
Тов. Калашникову
Осипа Эмильевича Мандельштама

Заявление

Настоящим предлагаю заказать мне перевод трагедии Геббеля «Ирод и Мариамна» («Herodes und Mariamne»).

Осип Эмильевич Мандельштам
26/XI/22

11. В ПРАВЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

Москва, 13 декабря 1922 г.

В Правление Всероссийского Союза Писателей
Осипа Эмильевича Мандельштама

Заявление

Приехавший ко мне родной брат, Александр Мандельштам, находится на полном моем иждивении и не имеет ни крова, ни средств, независимых от меня.

Он временно спит в проходной комнатке, где кроме него на столе спит только В. Я. Парнах, которому он абсолютно не мешает, устраиваясь <u>на ящике, взятом из моей комнаты</u>. Не мешает он и несложной работе помощн<ика> коменданта, вставая в 9 ч. утра и устраиваясь на ночлег в 12 ч. ночи.

Поскольку брат <u>фактически</u> никому не мешает и я, в одной комнате с женой и обремененный работой, не могу его взять к себе, прошу временно разрешить ему ночевать на прежнем месте, т<ем> более, что лично я с женой занимаем очень небольшую площадь, в то время как все семейные члены Союза получили возможность жить со своими близкими. Мне непонятно, по каким причинам брата хотят загнать в мою комнату, где он серьезно помешает моей литературной работе, диктовке вслух, сочинению стихов и проч. работе, требующей отсутствия всякого постороннего лица и полной сосредоточенности, в то

время как никто из живущих в двух смежных комнатках «гостиницы» не протестует против его временного ночлега.

Осип Эмильевич Мандельштам
13/XII/22

Сим подтверждаю, что Александр Эмилиевич Мандельштам нисколько не стесняет ни меня, ни других членов Союза.

Валентин Яковлевич Парнах[1]

Проживающие в общежительской комнате подтверждаем.

Д. Шепеленко, Пимен Карпов, проф. Зубакин[2]

12. В КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «PETROPOLIS»
Москва, 18 мая 1923 г.

В К<нигоиздательст>во «Petropolis»

В последний раз предлагаю доплатить мне обещанный Я. Н. Блохом номинал за «Tristia», купленные у меня за гроши в 1920 году и изданные в 3000 т. экз. в 1922 г.

Вы нарушили не только слово, не только этику, но и чудовищно отступили от нормального договора. Законы РСФСР на моей стороне. Отказ в немедленной уплате я буду рассматривать как вызов. С кабальными сделками на книги мы будем бороться всеми законными средствами. Я требую 5000 рублей (д<ен>зн<аками> 23 г.), каковые доверяю получить моему брату Евгению Эмильевичу Мандельштаму.

О. Э. Мандельштам
18 мая 23 г.

---

[1] Приписка В. Я. Парнаха.

[2] Записано рукой Д. И. Шепеленко, подписи – автографы.

13. В ХОЗЯЙСТВЕННУЮ КОМИССИЮ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

Москва, 5 августа 1923 г.

В хозяйственную комиссию
Всероссийского Союза Писателей

Уезжая по причине болезни жены и крайнего моего переутомления на 6 недель в санаторий Кубу в Гаспру вместе с женой, прошу на время моего отсутствия считать комнату за мной, а также разрешить проживание в ней моему брату, Александру, живущему при мне.

Осип Эмильевич Мандельштам
5/VIII/23

14. В ПРАВЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

Гаспра, 23 августа 1923 г.

В Правление Всероссийского Союза Писателей
Осипа Эмильевича Мандельштама

Заявление

Настоящим прошу считать меня выбывшим из числа членов Всероссийского Союза Писателей.

Мотивированное заявление при сем прилагается.

О. Э. Мандельштам
23/VIII/23

Адр<ес:> Крым, Кореиз, Гаспра. Санаторий Цекубу.

15. В ПРАВЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

Гаспра, 23 августа 1923 г.

Во Всероссийский Союз Писателей, в Правленье
Осипа Эмильевича Мандельштама

Заявление

Настоящим мотивирую свой выход из числа членов Всероссийского Союза Писателей. Я ухожу из Союза по причине крайне небрежного отношения Правления Союза к общежитию, каковая небрежность лишь частное проявленье слабого культурного напряженья общей деятельности Союза.

Превосходное помещенье левого флигеля общежития на Тв<ерском> б<ульваре>, с хорошими комнатами и коридорной системой, благодаря небрежности Правленья, почти пропадает как рабочий дом писателя. Хозяйственная комиссия, не имея, очевидно, представленья о дисциплине культурного общежитья, соблюдаемой в любой приличной частной квартире, снисходительно предлагает людям два года подряд «ютиться» там, где они могли бы жить и работать.

Во-первых: огромная часть площади общежитья, лучшая и наиболее удобная для серьезной работы, отведена гр. Свирскому, совершенно не приспособленному для сожительства с работниками пера, отдающему весь свой день шумному и назойливому личному домашнему хозяйству.

Во-вторых: благодаря оплошности Правленья, гр. Свирский несет официальное званье «коменданта» (?) Союза, что позволяет ему держать себя в квартире исключительно развязно и по-хозяйски.

С утра до позднего вечера на кухне громкий шум от хозяйственных передряг Свирских и громогласных пререканий с прислугой (кстати, уборщицу общежития Свирский обратил в свою личную прислугу, не внушив ей

ни малейшего уваженья к спокойствию и к требованьям обитателей квартиры).

В теченье всей зимы по всему дому расхаживало с песнями и музыкой, свистом и гоготаньем до десяти, приблизительно, не имеющих ни малейшего отношенья к литературе молодых людей, считающих себя в гостях у сына Свирского и относящихся к общежитию как к своему клубу.

Далее, благодаря небрежности Свирского, который не сумел найти дворника, согласного смотреть за домом, двор Дома имени Герцена по вечерам и ночам является филиальным отделеньем Тверского бульвара.

Зимой в доме было учинено доверенным лицом Союза гр. Свирским и его помощником неслыханное безобразие – избиенье в помещеньи Союза живущей во дворе женщины с нанесением ей тяжелых увечий.

Еще недавно, в теченье нескольких недель под самой моей дверью на кухне с разрешенья Свирского и ведома Хозяйственной Комиссии, отравляя воздух зловонным тряпьем, жила сумасшедшая гр<ажданка> Диксон, находившаяся в бреду, с припадками и плачем.

Из коридора постоянно раздаются в непристойной форме восклицанья Свирских и прислуги по поводу загрязненья уборной.

Гр. Свирский во время ремонта использовал все рабочие силы и средства для ремонта своей квартиры: разделил свою комнату пополам, сделал у себя стенной шкаф, отгородил себя отдельной дверью в коридоре с деревянной прокладкой до потолка, отказавшись, по слухам, в пользу этих улучшений от установки имевшейся в наличности ванны. В остальных комнатах стены плохо выбелены и пачкают, пол поломан и в щелях.

Свирский до сих пор не позаботился держать наружные двери нашей квартиры, как это водится всюду, круглые сутки закрытыми на улицу, для чего требовалось бы провести в комнаты электрические звонки; он провел звонок только в свою «квартиру» из коридора. В дом постоянно забредают субъекты с улицы, и происходят систематические кражи.

Всякое напоминанье о порядке и просьбу о тишине гр. Свирский и его семья почитают личным оскорбленьем и на первое же слово отвечают грубостью.

Зимой и весной у постели тяжело больного Шепеленко, в «комендатуре», происходили непрерывные шумные сборища гостей Свирских (я говорю не о «юбилее»).

Гр. Свирский, и это не может не быть известно Правленью, не пригоден не только как доверенное лицо Союза, но не годится по своей бестактности и малокультурности даже как простой ответственный съемщик квартиры.

К величайшему прискорбью моему, я явился единственным человеком в общежитии, пожелавшим во всей полноте, соответствующей назначенью дома, осуществленья тишины и порядка (гр. Потапенко счастливо изолирован и по преклонному возрасту безучастен, гр. Клычков систематически отсутствует, гр. Ширяевец и Шепеленко горько жалуются, но не решаются протестовать, гр. Благой предпочитает, чтобы тишину водворял я, поскольку не шумит его жена).

Означенные порядки в доме русских писателей, который должен и может быть не проходным двором, а рабочим домом, где каждая комната – писательский кабинет, не согласованы ни с именем Герцена, ни с обязательствами Союза перед обществом. При распределеньи драгоценной в Москве квартирной площади Правленье Союза должно было больше считаться с желаньем писателей работать для русской культуры, а также и реальной ценностью и производительностью их труда.

Только исключительно из деликатности и отчасти из брезгливости я не выдвинул до сих пор моих обвинений Правленью во всей полноте. Теперь я считаю положенье безнадежным, ухожу из Союза, который обнаружил полную беспомощность в распоряжении доверенным ему огромным жилищным богатством, и возвращаю Союзу комнату, которую при существующем положении можно будет использовать только для скромного и бессловесного «жильца».

В заключенье возвращаю Правленью «порицанье», вынесенное мне, по дошедшим до меня слухам, и ставлю ему на вид, что совершенно незаконно и бессмысленно выносить общественное порицанье, не предъявив предварительно заинтересованному лицу всех обвинений и не выслушав его объяснений, и к тому же в его отсутствие. Непозволительно было расспрашивать живущих в доме не по существу моего конфликта с Свирским, а о моем «характере» и об отношеньях с прочими соседями.

Что же касается до угроз гр. Свирского «убить» меня, «искалечить», «разделаться», стереть в порошок, о которых вряд ли упоминалось при разборе дела, – то я им не придаю никакого значенья. Одновременно с этим заявленьем посылаю в хозяйственную комиссию заявленье об освобожденьи мною комнаты ввиду ухода из Союза.

Осип Эмильевич Мандельштам
23/VIII/23
Адр<ес>: Крым, Кореиз, Гаспра, санаторий Цекубу

16. ВО ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
Москва, 27 октября 1923 г.

В Всероссийский Союз Писателей

Узнав со стороны и случайно, что в Правлении Союза разбиралось дело обо мне (о чем мне не было сообщено и не было известно) и было вынесено постановление по этому неизвестному мне делу, прошу не отказать мне прислать выписку из соответствующего протокола.

Осип Эмильевич Мандельштам
27/X/23
Адр<ес:> Остоженка, Савеловский пер., д. 9.
Евг. Як. Хазину для О. Э. Мандельштама

17. В МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ДРАМАТИЧЕСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И КОМПОЗИТОРОВ

Москва, 28 мая 1924 г.

28 мая 24

Вступая в члены Московского О-ва

Драматических Писателей и Композиторов, обязуюсь подчиняться уставу О-ва и всем постановлениям общих собраний Общества.

«28» Мая 1924 года.

Имя, отчество и фамилия; псевдоним: Осип Эмильевич Мандельштам.

Адрес: Москва. Б. Якиманка 45, кв. 8.

Название пиесы, число актов, сочинение или переделка, как подписана пиеса – фамилией или псевдонимом: «Старый Кромдейр» Жюль Ромэна, пятиактная драма в стихах, перевод подписан фамилией: О. Мандельштам.

Членский взнос прошу вычесть из гонорара.

О. Мандельштам[1]

18. В ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВРЕМЯ»

Детское Село, 3 апреля 1925 г.

В Издательство «Время»

Настоящим доверяю брату моему Евгению Эмильевичу Мандельштаму произвести окончательный расчет по книге моей «Шум Времени».

О. Э. Мандельштам
Детское Село
3 апр. 1925

[1] Курсивом выделен текст бланка.

19. В ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПОЭТОВ

Ленинград, 24 января 1927 г.

В Правление Ленинградского Отделения
Всероссийского Союза Поэтов

Прошу принять меня в число членов Союза.

О. Э. Мандельштам
24 янв. 1927 г.

20. А. Г. ВЕНЕДИКТОВУ

Из Ялты в Москву, 29 июня 1928 г.
Копия

Уважаемый тов. Венедиктов!

21-го текущего месяца в ЗИФе было получено адресованное тов. Шойхету мое письмо, содержавшее просьбу приурочить к определенным срокам, в пределах, допускаемых договорами, платежи по одному из томов Вальтер-Скотта, «Антикварий», и по первому тому Майн-Рида «На дне трюма».

В отношении «Антиквария» ЗИФ, очевидно, не счел возможным уважить мою просьбу, ибо, согласно сведениям, полученным от лица, наводившего справки, гонорар за него будет выплачен только 5-го июля, то есть в предельный по договору срок (через три недели после фактического получения рукописи).

Остается вопрос о Майн-Риде. Я поднимаю его заранее, поскольку он имеет насущнейшее значение для меня. Рукопись, о которой идет речь, будет получена Издательством в первых числах июля. По договору Издательство вправе ее оплатить немедленно после получения т<ак> н<азываемого> «одобрения».

Я убедительно прошу на этот раз пойти мне навстречу и, не затягивая процедуры, выплатить деньги примерно к 15-му июля. Выполняя для ЗИФа крупные работы, я

отнюдь не ограничиваюсь формальными требованиями договоров и, нередко в ущерб себе, значительно усложняю литературное задание. Все мои опоздания и формальные неточности, неизбежные при массовой работе, объясняются этим отношением к качеству работы. Я имею полное основание ожидать, что в данном случае вы удовлетворите мою просьбу, ни в коем случае не нарушающую договора. Поверьте, что я не оспариваю права бухгалтерии маневрировать в пределах льготного срока. Утруждать вас специальными пожеланиями по поводу каждого сдаваемого тома я вовсе не собираюсь. Повторные и предварительные просьбы относительно первого тома Майн-Рида прошу считать исключением, хотя полагаю, что не в интересах издательства тормозить нашу и без того нелегкую работу, систематически отодвигая платежи на последний срок.

Хотел бы еще коснуться вопроса о переписке: мне было передано, что оплата ее задерживается до сдачи в набор. Этим самым соответствующий пункт договора аннулируется и снижается гонорар. Больше того, этим устанавливается своеобразный «штраф» на качество работы редактора: чем тщательнее проредактирована переписанная на машинке рукопись, тем больше оснований ожидать, что переписку забракуют. На протяжении почти годичной работы над Вальтер-Скоттом у нас не было таких прецедентов: мы имеем дело с новшеством, и вряд ли удачным. Кроме того, по основному договору на Вальтер-Скотта и специально запротоколированному соглашению, подписанному тов. Нарбутом, переписка должна оплачиваться одновременно с редактурой. Крайне меня обяжете, сделав соответственное распоряжение.

Поскольку устные передачи через третье лицо, которое поддерживает мою связь с ЗИФом, неточны и недостаточны, я бы очень просил вас ответить мне по прилагаемому адресу.

Уважающий вас...
29 июня 1928 г.
Ялта, улица Коммунаров, пансион Лоланова.

21. В ФЕДЕРАЦИЮ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Москва, апрель – середина мая 1929 г.
Черновое

Прошу Фед<ерацию> вызвать и допросить:

1) переводчиков: Екатерину Георгиевну Рожицыну (Москва, Смоленский б<ульвар>, д. 55) и Александра Ильича Ромма (Москва, Пятницкая ул., д. 10);

2) редактора ЗИФа Михаила Александровича Зенкевича (Москва, Остоженка, д. 41);

3) б<ывшего> редактора ЗИФа Александра Ильича Зонина (Москва, Тверская ул., д. 34).

Осип Эмильевич Мандельштам
Москва, Общежитие Цекубу

22. В МОСКОВСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ СУД

Москва, 8 июня 1929 г.
Копия

В Московский Губернский суд
(по гражданско-судебному отделению)
Соответчика Мандельштама Осипа Эмильевича

Заявление

Совершенно исключительное значение для дела в связи с заявлением юрисконсульта ЗИФа имеют свидетельские показания тов. Шойхета Абрама Моисеевича, проживающего Б. Грузинская ул., № 19, кв. 14, и Колесникова Леонида Иосифовича, находящегося в редакции «Вечерняя Москва», бывших – первого – пом. зава редиздата ЗИФа, второго – штатного редактора ЗИФа. Эти свидетели могут подтвердить, что ЗИФу было известно, что я при своей редакторской работе при обработке «Уленшпигеля» пользовался переводом Карякина, тогда как ЗИФ теперь это отрицает. Поэтому прошу вызвать указанных свидетелей в суд, выдав мне повестки на руки.

8 июня 1929 г.
О. Э. Мандельштам

23. В ЦЕНТРАЛЬНУЮ КОНТРОЛЬНУЮ КОМИССИЮ ВКП(б) (?)

Москва, 20-е числа февраля 1930 г.
Черновое

Федерацию обвиняю в том, что

1) злоупотребляя правом общ<ественного> суда над писателем – инсценировала сканд<альный> уголовн<ый> процесс, который вели под видом К<онфликтной> К<омиссии> орг<ан> ФОСПа [с нарушением самых элементарных гарантий, как то:

[1) предв<арительная> пров<ерка> и точн<ая> форм<улировка> обвин<ений>

2) вызов свид<етелей>, очная ставка, допрос

3) сбор и оглашение материалов

4) соответствие пунктов решения пунктам обвинения и т. д.]

[2) подменяла в течение самого процесса одно обв<инение> – другим – от плагиата к халтуре, от халтуры к негровладельчеству, от негровладельчества – к «моральной ответственности» за практику изд<ательств> и т. д.]

3) в минуту острой перегруппировки писательских сил выбила, подняв клеветн<ическую> камп<анию>, меня из литстроя, заранее обесценила подготовлявшие<ся> мною полит<ические> выступления и заставила временно от них воздержаться. (Прошу допросить Л. Авербаха о моих с ним переговорах в апреле 1929 г.)

Зажим самокритики «Литгазетой» вижу в следующем:

I. В ответ на выступление М<андельштама> в «Известиях», безусловно всколыхнувшее советскую общ<ественность>, Канатчиков на первой полосе «Л<итератерной> г<азеты>» печатает статью, где говорится:

1) «В сущности, в статье в “Изв<естиях>” М<андельштамом> не сказано ничего нового» (З<аславский>);

2) извращается самая мысль статьи и снижается вся ее установка;

3) автор обливается грязью.

II. В закрытии страниц «Литгазеты» для письма 22-х ленингр<адских> писателей и письма Ромма и Бенедиктова, напечатанного в «Комс<омольской> правде».

III. В замалчивании «Л<итературной> г<азетой>» выступления писателя А<к>сенова на последнем общем собрании Вс<ероссийского> Союза Писателей. Весьма резкая речь Аксенова «о деле, порочащем ФОСП», не была передана по существу в отчете «Л<итературной> г<азеты>» о данном собрании, хотя все остальные речи переданы по существу.

Травлю со стороны Исполбюро и К<онфликтной> К<омиссии> усматриваю в том, что, констатируя [.....]

24. В ПРАВЛЕНИЕ ГИХЛа

Москва, 8 июня 1931 г.

В правление ГИХЛа тов. Шендеровичу
Осипа Эмильевича Мандельштама

Заявление

Ввиду крайней необходимости прошу вашего распоряжения о выплате мне 500 (пятисот) рублей в счет 40% по договору № 79/Х с ГИХЛом в Ленинграде. Ссылаюсь при этом на наши предыдущие переговоры, – на основе которых вопрос согласован с Ленинградским правлением.

Прилагаю: 1) бухгалтерскую справку,

2) копию договора,

3) письмо т. Старчакова (у вас на руках).

О. Мандельштам

8/VI/31

25. А. Б. ХАЛАТОВУ

Москва, 19 сентября 1931 г.

Уважаемый Артемий Багратович.

Прошу вас меня принять хотя бы на 2–3 минуты. Вы сделали для меня очень много. Но деньги (приходится это сказать) по-прежнему для меня недоступны. На дворе осень. Меня скрутило. Если принципиальный вопрос затягивается, – я хочу вам предложить одну [.....]

26. И. М. ГРОНСКОМУ

Москва, весна 1932 г.

Черновое

Тов. Гронскому

В течение последних лет литературные организации оказывают упорное сопротивление моему жилищному устройству.

1) С января 31-го года по январь 32-го, то есть в течение года, бездомного человека, не имеющего нигде никакой площади, держали на улице. За это время роздали сотни квартир и комнат, улучшая жилищные условия других писателей.

2) Несмотря на тяжелую болезнь жены, принимавшую в то время угрожающий для жизни оборот, в январе 31-го года отменили решение жилищной комиссии горкома писателей о предоставлении мне даже одной комнаты.

3) Когда это решение под давлением извне было восстановлено, упорно саботировали въезд в дом, так что физическое вселение удалось осуществить лишь благодаря энергичному вмешательству председателя горкома – т. Ляшкевича.

4) Помещение мне отвели в сыром, негодном для жилья флигеле без кухни, питьевой кран в гниющей

уборной, на стенах плесень, дощатые перегородки, ледяной пол и т. д.

5) Назначенной мне в этом флигеле комнаты я сразу не получил, а был временно вселен в каморку в 10 метров, где и провел всю зиму. Когда назначенная мне комната освободилась, она была по чьей-то инициативе опечатана, к ней приставили караул из дворника и мне объявили, что я эту комнату не получу. Лишь благодаря вмешательству авторитетных организаций мне удалось переменить первоначальную каморку на соседнюю с ней, несколько более сухую и просторную комнату.

6) В ответ на мои многократные заявления, что жизнь кучей в одной комнате исключает всякую возможность работать, я был наконец на этих днях приглашен на заседание жилищно-хозяйственной тройки в составе Россовского, Павленко и Уткина, причем эта комиссия в моем присутствии вынесла постановление предоставить мне вторую соседнюю комнатку в 10 метров. Однако это постановление было сейчас же вслед за этим взято обратно со ссылкой на «объективные причины» [.....]

27. В ГОРКОМ ПИСАТЕЛЕЙ

Москва, сентябрь (после 13-го) 1932 г.
Черновое

В Горком Писателей

Выслушав позорящий советскую общественность приговор товарищеского суда от 13/IX/32 над Саргиджаном и приняв во внимание, что этот суд организован Горкомом, считаю своим долгом немедленно выйти из Горкома как из организации, допустившей столь беспримерное безобразие. При сем прилагаю [.....]

28. В. П. СТАВСКОМУ

Москва, июнь 1937 г.

Копия

Уважаемый тов. Ставский!

Вынужден вам сообщить, что на запрос о моем здоровьи вы получили от аппарата Литфонда неверные сведения.

Характеристика: «средне-тяжелый хронический больной» не передает состояния. По существу это значит «не безнадежный» – и только.

Эти сведения резко противоречат письменным справкам пяти врачей от Литфонда и районной городской амбулатории.

Прилагаю подлинные документы и ставлю вопрос: хочу жить и работать; стоит ли сделать минимум реального для моего восстановления?

Если не теперь – то когда?

О. Мандельштам.

P. S. Фактически по медицинской линии Литфонда произошло следующее: меня обследовали (в течение трех недель), причем врачи нашли тяжело больным и – постановили воздержаться от лечебной помощи.

Даже ряд исследований, предписанных проф<ессором> Роменковой (терапевт), не был произведен. Окончательный диагноз не поставлен. Меры к лечению не указаны. В лечебной помощи отказано.

Коллективные письма

1. В ОТДЕЛ ПЕЧАТИ ЦК РКП (б)

Москва, вторая половина апреля 1924 г.

Мы, писатели, узнав, что Отдел печати ЦК РКП организует Совещание по вопросам литературной политики, считаем нужным довести до сведения Совещания нижеследующее:

Мы считаем, что пути современной русской литературы, – а стало быть, и наши, – связаны с путями Советской пооктябрьской России. Мы считаем, что литература должна быть отразителем той новой жизни, которая окружает нас, – в которой мы живем и работаем, – а с другой стороны, созданием индивидуального писательского лица, по-своему воспринимающего мир и по-своему его отражающего. Мы полагаем, что талант писателя и его соответствие эпохе – две основные ценности писателя: в таком понимании писательства с нами идет рука об руку целый ряд коммунистов-писателей и критиков. Мы приветствуем новых писателей, рабочих и крестьян, входящих сейчас в литературу. Мы ни в коей мере не противопоставляем себя им и не считаем их враждебными или чуждыми нам. Их труд и наш труд – единый

труд современной русской литературы, идущей одним путем и к одной цели.

Новые пути новой, советской литературы – трудные пути, на которых неизбежны ошибки. И наши ошибки тяжелее всего нам самим. Но мы протестуем против огульных нападок на нас. Тон таких журналов, как «На посту», и их критика, выдаваемые притом ими за мнение РКП в целом, подходят к нашей литературной работе заведомо предвзято и неверно. Мы считаем нужным заявить, что такое отношение к литературе не достойно ни литературы, ни революции и деморализует писательские и читательские массы. Писатели Советской России, мы убеждены, что наш писательский труд и нужен, и полезен для нее.

П. Сакулин, Н. Никандров, Валентин Катаев, Александр Яковлев, Михаил Козырев, Бор. Пильняк, Сергей Клычков, Андрей Соболь, Сергей Есенин, Мих. Герасимов, В. Кириллов, Абрам Эфрос, Юрий Соболев, Вл. Лидин, О. Мандельштам, В. Львов-Рогачевский, С. Поляков, И. Бабель, Ал. Толстой, Ефим Зозуля, Михаил Пришвин, Максимилиан Волошин, С. Федорченко, Петр Орешин, Вера Инбер, Н. Тихонов, М. Зощенко, Е. Полонская, М. Слонимский, В. Каверин, Вс. Иванов, Н. Никитин, Вяч. Шишков, А. Чапыгин, М. Шагинян, О. Форш

Москва, 9 мая 1924 года

2. В МОСКОВСКИЙ ГОРКОМ ПИСАТЕЛЕЙ

Москва, 25 сентября 1933 г.

Копия

В Мосгорком писателей

Просим принять в члены Горкома поэтессу В. А. Меркурьеву.

Тов. Меркурьева родилась в 1876 г., и у нее имеется 30-летний стаж лирической работы. Несомненное даро-

вание т. Меркурьевой было в свое время оценено рядом крупных поэтов прошлого. Поэзия М<еркурьев>ой всецело принадлежит переходному до-Блоковскому периоду русской лирики, кот<орый> подготовил символизм. Она является одним из тех немногих, оставшихся в тени, поэтов, кот<орые> по мере сил способствовали подъему русской лирики после глухого реакционного периода 90-х годов.

Будучи связана условно-символической литературной манерой, т. М<еркурье>ва всё же сумела дать ряд выдающихся по мастерству лирических пьес, в которых найден своеобразный и здоровый язык для передачи сильных и зрелых переживаний.

Отрыв т. М<еркурьев>ой от текущей литературы объясняется рядом биографических обстоятельств: до 1917-го г. проживала в гор. Владикавказе, занимаясь педагогической деятельностью в качестве учительницы. С 20-го года снова вернулась во Владикавказ, где и находилась по 33-й г<од>.

Мы полагаем, что принятие т. М<еркурьев>ой в члены Горкома явится бесспорно положительным культурным актом по отношению к профессионально работающему даровитому поэту и поможет т. М<еркурье>вой, поскольку она, несмотря на исключительно тяжелые материальные условия, не прекращает работу, развить наиболее ценные стороны своего дарования.

Матвей Розанов, В. Вересаев, Георгий Чулков,
О. Мандельштам, Б. Пастернак, Бор. Пильняк

25.IX.33 г.

Приложение (2)

Письма Н. Я. Хазиной к О. Э. Мандельштаму[1]

1. О. Э. Мандельштаму, 17 (30) сентября 1919 г.

17 сентября 19 г.

Милый братик! От вас ни единого слова уже три недели. [.....] Здесь есть журнал, редактор Мизинов, он просит Ваши стихи и разрешение напечатать Ваше имя в списках сотрудников. Если вы согласны дать, можете телеграфировать мне заглавия стихов, я их дам, а деньги привезу или перешлю Вам. [.....] Я ужасно волнуюсь, что что-нибудь случилось, бегаю целые дни за пропуском и ищу вагон, но не знаю, выезжать или нет. На-днях пропустила отличную оказию. В смысле денег я улажу дома – сегодня мои имянины и я получу пару колец, которые продам, будет на дорогу и на месяц – 2 жизни. Пожалуйста, дайте, наконец, знать ясно – ведь неприятно.

Надя X.

---

[1] Ниже даты писем указываются по старому стилю.

Подробности Вам расскажет Паня. О Гришеньке тоже.

Жду телеграмму.

2. О. Э. Мандельштаму, конец сентября – начало октября 1919 г.

[.....] Только что звонил Илья Григ<орьевич> и сказал, что мы сможем ехать в четверг. Если удастся, я выеду в Харьков и в Харькове буду ждать инструкц<ии>, ехать ли в Крым или ждать вас в Харькове. Вы дадите телеграмму на Прокопенко или Смирнова, или, самое лучшее, выезжайте в Харьков. Я в Крым не хочу – я хочу вас видеть, а если в Харькове нельзя будет жить, то мы поедем вместе в Киев, – тогда вы сможете прямо к нам заехать – скажете, будто я побоялась ехать одна, и вы мой провожатый.

Милый, милый, как соскучилась.

НХ.

3. О. Э. Мандельштаму, начало октября (?) 1919 г.

Вы пишете, что собираетесь в Киев, – зачем? Отчего можете уехать из Крыма? В Киеве скверно [.....] и дорого, и ходят рассказы о крымских рад<остях>. Я все время собиралась уехать к Вам, но вначале была возня с пропуском <и> вагоном [.....] никак не могу без Вас. Приезжайте в Киев. Не знаю только, сможете ли вы здесь устроиться. Здесь выходят 5 или 6 газет, несколько журналов. Т<ак> ч<то> в денежном отношении будет сносно, но комната, и главное, всякие осложнения. Маккавейский уезжает на фронт. Жекулин в Киеве, они на вас чего-то сердятся в «Летописи». А халдейка из «Софиевская 3» доню пригнетала, что <если> она вас увидит, то выцарапает в<ам глаза>. Нельзя ли устроиться в Х<арькове>. [.....]

4. О. Э. Мандельштаму, середина октября 1919 г.

Милый дружок! Получила 13 октября телеграмму, отправленную 18 сентября. Здесь холодно и очень беспокойно. Страшно волнуюсь, как вы проедете. Здесь ходят всякие страшные слухи о дороге, я очень трушу и волнуюсь. Посылаю вам письмо с Исааком. Вы его встретите в Харькове, он вам всё расскажет [.....] как мы живем в Киеве. Очень прошу, перед отъездом дайте мне телеграмму, постарайтесь передать письмо. Сейчас дорог каждый день, если решили приехать, приезжайте скорее. Очень скучаю, здесь страшно скверное настроение и вообще мрак. Привет А. Э., почему вы о нем ничего не пишете.

Надя

Комментарии

Настоящий том состоит из двух разделов: «Проза» и «Письма». В раздел «Проза» включены очерки, рецензии, предисловия и статьи О. Э. Мандельштама на разные темы. Общий обзор его прозы см. в преамбуле к второму тому настоящего издания. Во второй раздел включены все известные письма и заявления делового характера. Ряд их публикуется впервые.

Заглавия большинства рецензий и предисловий в публикациях и рукописях – не характерные авторские. Вместо них автором выборочно и, как правило, произвольно приводились сведения библиографического характера, предисловия к книгам печатались под повторяющимся заголовком «Предисловие к русскому изданию». В настоящем издании в тексте и примечаниях дается унифицированная форма описания таких и подобных материалов, включающая в качестве обязательных элементов: фамилию, инициалы автора произведения, указания: рецензия или предисловие. Более полные сведения содержатся в примечаниях. При этом для иноязычных изданий автор и заглавие указываются на языке оригинала.

Большинство произведений Мандельштама, включенных в настоящий том, не датировано; некоторые авторские даты неточны. Поэтому сведения о датировке произведений указываются только в комментарии. Очерки, рецензии, предисловия и ряд статей писались незадолго до публикации, однако определить время создания каждого текста более точно (в пределах нескольких месяцев) возможности не представляется. В таких случаях нами принята формулировка: «писалось незадолго до публикации» или сходная. Для внутренних рецензий, когда дата ясна из служебных помет в источнике, она специально не оговаривается.

В том не включено произведение под названием «“Коминтерн” ЗИФовской периодики: этнография, колониальный быт», авторство которого, согласно сопроводительной записке неизвестного лица в архиве (РГАЛИ), приписывается Мандельштаму и Нарбуту. Оно представляет собой выписки из статей и прозы, помещенных в журналах, издававшихся ЗИФом в 1929–1930 гг., с редкими комментариями.

Структура комментария. Комментарий начинается текстологической справкой, авторство которой, так же, как и примечаний текстологического характера (указание вариантов, конъектур и т. п.), принадлежит исследователю, готовившему текст (см. ниже). Текстологическая справка начинается с указания первой и следующих прижизненных публикаций. Если источник текста в текстологической справке указан один, то текст печатается по нему, и это обстоятельство специально не оговаривается.

Переводы с языка оригинала, требующие пояснения, приводятся в комментарии.

Термины. Среди рукописей различаются: *черновые автографы*; *черновики* (рукой поэта и рукой Н. Мандельштам вперемежку); *записи* рукой Н. Мандельштам под диктовку поэта (как правило, с его последующей правкой); *копии (списки)* Н. Мандельштам с черновых автографов, иногда с правкой поэта – предварительная стадия перед перепечаткой текста на пишущей машинке; *машинописи* с правкой (рукой поэта, рукой Н. Мандельштам или вперемежку).

Пунктуация и орфография в основном приведены к современным нормам (за исключением текстов в разделе «Другие редакции. Черновики. Записные книжки», см. ниже, а также в разделе «Письма»). Авторские особенности пунктуации (использование двоеточия вместо тире) в ряде случаев сохраняются. В некоторых случаях без оговорок в примечаниях исправляются: цифры года в датах (например, «1848 г.» вм. «48 г.») и раскрываются привычные сокращения (т. к., т. е. и другие). Подстрочные примечания, принадлежащие редакции, не оговариваются. Остальные особенности оговариваются применительно к конкретным текстам в соответствующих разделах комментария.

В разделе **«Другие редакции. Черновики. Записные книжки»** орфография источника, как правило, сохраняется. Используются общепринятые элементы оформления. В квад-

ратных скобках вводится текст, зачеркнутый автором. Не завершенный автором или утраченный текст оформляется пятиточием в квадратных скобках. В этом разделе заглавия, сопровождающиеся словами «фрагменты» или «записи», – не авторские.

Ссылки на государственные архивные фонды, если названа фамилия фондообразователя, приводятся, как правило, в сокращенном виде. Ссылки на литературные источники организованы с помощью «Списка цитированных источников». Цитаты из произведений Мандельштама приводятся по первому и второму томам настоящего издания.

Сокращены имена: М. – О. Э. Мандельштам; Н. М. – Н. Я. Мандельштам.

Авторы раздела «Проза». Следующие тексты подготовили: рецензии на книги К. Штробля и Л. Сент-Огана – *К. М. Азадовский, А. Г. Мец;* рецензию на сборник стихов А. Коваленкова – *П. М. Нерлер*. Остальные тексты подготовил *А. Г. Мец.*

Следующие комментарии подготовили: к рецензиям на книги К. Штробля, Л. Сент-Огана, Г. Мейринка, Р. Занцара, К. Манна – *К. М. Азадовский*; к текстам «Холодное лето», «Сухаревка», «Первая международная крестьянская конференция. Набросок», «Международная крестьянская конференция», «Нюэн Ай-Как. В гостях у коминтерщика», «Пивные», «Яхонтов» – *Л. М. Видгоф*; к «Заметке о Барбье» – *А. А. Добрицын, А. Г. Мец*; к заметке «Кулисы французской печати» – *А. Зумпф (A. Sumpf), А. Г. Мец*; к текстам «Художественный театр и слово», «Кое-что о грузинском искусстве», «Березіль», «“Березиль”. (Из киевских впечатлений)», «“Березиль”. (Из киевских впечатлений). Из черновиков», «Московский государственный еврейский театр», «Московский государственный еврейский театр. Из черновиков», «Татарские ковбои», «Шпигун», «Долой “Куклу с миллионами”», «Перекличка с читателями» – *Т. В. Котова*; к рецензиям на книги Ж. Р. Блока и Ж. Дюамеля – *Ф. Лоэст (F. Lhoest)*; к «Вееру герцогини» и к рецензиям на сборник стихов А. Коваленкова, книги А. Адалис, Рюрика Ивнева, М. Тарловского, Г. Санникова и «Дагестанскую антологию» – *П. М. Нерлер*; к сценарию «Молодость Гете» и «Записи к “Молодости Гете”» – *Т. В. Котова, А. Г. Мец* при участии *К. М. Азадовского*.

Не перечисленные выше комментарии, а также текстологические справки и примечания текстологического характера ко всем текстам подготовил *А. Г. Мец.*

Авторы раздела «Письма». Письма 1–4, 7, 10, 29, 31, 32, 34, 38–44, 46–51, 53–60, 62–66, 68–81, 83–85, 87–105, 108–112, 114, 119–126, 133–139, 141–146, 148–150, 153–162, 164, 170, 175–187, 190–198, 200–201, 203–225, заявления 10–18, 20, 22, 24–28, коллективные письма 1–2 подготовили *С. В. Василенко* и *П. М. Нерлер.* Комментарий к перечисленным письмам подготовлен ими в соавторстве с *А. Г. Мецем* и *Т. В. Котовой.* Время написания недатированных писем уточнены А. Г. Мецем.

Письма 5–6, 9, 11–28, 30, 33, 35–37, 45, 61, 67, 82, 86, 106, 107, 113, 115–116, 127, 140, 147, 151–152, 163, 165–169, 171–174, 188–189, 199, 202, заявления 1–9, 21, 23, приложение (2) подготовил *А. Г. Мец.*

Письма 8, 131 подготовили *П. М. Нерлер* и *А. Г. Мец.*

Письма 117–118, 128–130, 132, 184 и заявление 19 подготовили *Т. М. Двинятина* и *А. Г. Мец.* Комментарий к ним написан в соавторстве с *М. А. Котовой.*

Письмо 52 подготовила *Е. В. Иванова* (комментарий – *А. Г. Мец*).

ПРОЗА

Очерки

Батум (с. 5–9)

Советский юг. Ростов н/Д, 1922. 17 янв.; Правда. 1922. 3 февр.; Моряк. Одесса, 1922. 25 февр. Печ. по первой публикации. Датируется началом января 1922 г.

В Батуме М. находился в декабре 1921 – начале января 1922 г., на возвратном пути из поездки в Закавказье (с лета 1920 г.), отсюда выехал пароходом в Новороссийск (упоминается в конце очерка) и затем в Ростов-на-Дону. После большевистского переворота и провозглашения в феврале 1921 г. советской власти в Грузии Батум еще некоторое время сохранял статус «вольного города», см. определение *русская спекулятивная Калифорния* в начале очерка.

«Франц Фердинанд» – пароход австрийской компании, совершавший регулярные рейсы в Батум.

«Ванда Варенина» – итальянский фильм по мотивам романов Льва Толстого.

...новый рейс «Пестеля». «Пестель» – пароход на линии Одесса – Феодосия – Батум.

Баклава (пахлава) и *бузинаки* (козинаки) – восточные сладости.

«Жизнь за царя» – одно из названий оперы «Иван Сусанин».

Сазандарь – грузинский певец, аккомпанирующий себе на сазе (тип лютни).

Тара (тар, тари) – струнный щипковый музыкальный инструмент.

Современный Батум (с. 10–13)

Коммунист. Харьков, 1922. 9 февр. (с примечанием: от собственного корреспондента); Моряк. Одесса. 1922. 9 марта. Печ. по первой публикации. Датируется началом февраля 1922 г.

...чаквинских чайных плантаций. Чаква – местность вблизи Батума, где находятся плантации чая (заложены в 1865 г.).

Кади – в мусульманских странах судья, единолично осуществляющий судопроизводство на основе шариата.

...к берегам своей Аркадии. Аркадия – горная область в Пелопоннесе. У эллинистических поэтов и Вергилия картины природы Аркадии – фон идиллических сцен из пастушеской жизни. В переносном смысле («счастливая Аркадия») образ получил распространение в эпоху Возрождения и в Новое время.

Кое-что о грузинском искусстве (с. 14–18)

Советский юг. Ростов н/Д, 1922. 19 янв. Машинопись (АМ, текст неполный). Печ. по тексту газеты с поправками по машинописи. Очерк писался незадолго до публикации.

В Грузии М. находился в сентябре–декабре 1921 г., см.: *30*, с. 60–63. Здесь он переводил стихотворения грузинских

поэтов, в частности стихи упоминаемых в статье Т. Табидзе и П. Яшвили, а также Важа Пшавелы (см. ниже).

На холмы Грузии легла ночная мгла... – зачин ст-ния Пушкина (с неточностью в тексте).

Пену сладких вин... льет грузин – из ст-ния Лермонтова «Спор».

Не пой, красавица, при мне Ты песен Грузии печальной... – зачин ст-ния Пушкина.

...с мифом о Тамаре в центре. Подразумевается ст-ние Лермонтова «Тамара» (1841) и поэма «Демон».

...администраторы начала прошлого века с Воронцовым-Дашковым во главе. Речь идет о Михаиле Семеновиче Воронцове (1782–1856) – наместнике Кавказа и главнокомандующем русскими войсками на Кавказе в 1844–1854 гг., культурно-просветительская деятельность которого в Грузии была отмечена актом благодарной памяти: в Тифлисе на средства, собранные общественностью, ему был установлен памятник (разрушен в советское время). Названный по ошибке его однофамилец Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916) был наместником Кавказа в 1905–1915 гг.

Национальный музей грузинской живописи в Тифлисе – ныне Государственный музей искусств Грузии им. Ш. Амиранашвили (основан в 1920 г.; до 1934 г.– Национальная художественная галерея Грузии, затем – Государственный музей искусств ГрузССР).

...осколки скрипки, некогда разбитой Пикассо. Речь идет о картинах Пикассо периода кубизма, например, «Скрипка и виноград» (ныне – Музей современного искусства, Нью-Йорк), в которых изображения деки, грифа и струн повторяются многократно.

Пиросманошвили (Пиросманишвили, Пиросмани) Николай (Нико) Асланович (1862–1918) – груз. художник-самоучка, представитель примитивного стиля. Под впечатлением от его живописи М. намеревался написать исследование о вывесках Москвы: «Поэт О. Мандельштам предложил Редакции написать исследование на неожиданную и оригинальную тему – “Вывески Москвы”. Из статьи этой, которая появится в одном из ближайших номеров журнала, будет, между прочим, ясно, что отголоски творчества Пиросманашвили достигли и Москвы. На многих вывесках шашлычных и т. п. заведений имеются

как ясные подражания этому художнику, так и работы других молодых продолжателей клеенок и жести Пиросмани» (Искусство и промышленность. 1924. № 2. С. 56); в номере помещена также статья К. Паустовского «Грузинский художник», посвященная творчеству Пиросманишвили.

«Шамиль со свево караулом». Точный текст надписи: «Шамир са свего караулом».

Важа Пшавела (Л. К. Разикашвили, 1861–1915) – грузинский поэт, автор поэм по мотивам народных сказаний.

Твои встречи... деревья выкорчевывает. М. цитирует допечатную редакцию своего перевода поэмы Важа Пшавелы «Гоготур и Апшина». Фрагменты поэмы в переводе М. были напечатаны в тифлисской газете «Фигаро» (1922. № 4) и журнале «Пламя» (1923. № 1).

...группой «Голубых Рогов», имеющей резиденцию в Тифлисе, с Паоло Яшвили и Тицианом Табидзе во главе... дешевой риторической настойкой на бодлерианстве, дерзаниях Артура Рембо и упрощенном демонизме; всё это сдобрено поверхностной экзотикой быта. Яшвили Паоло (1895–1937, покончил жизнь самоубийством в обстановке террора) – грузинский поэт. В 1913–1915 гг. жил в Париже. Под влиянием французских символистов по возвращении в Грузию основал группу «Голубые роги» и одноименный журнал. Табидзе Тициан Юстинович (1895–1937, погиб в заключении) – грузинский поэт, один из основателей группы «Голубые роги»; уничтожительная характеристика М. (в связи, как можно полагать, с комментируемым очерком) содержится в его статье, помещенной в газ. «Рубикони» 17 июня 1923 г. (перевод с груз. см.: *25*, с. 241–242).

...Андрей Белый... мистическая русская Вербицкая... Близкая, отчасти поясняющая характеристика – в рецензии М. на «Записки чудака»: «Белый неожиданно оказался дамой, просияв нестерпимым блеском мирового шарлатанства – теософией». Вербицкая Анастасия Алексеевна (1861–1928) – писательница, автор романов, посвященных проблеме эмансипации женщин. Огромной популярностью пользовался ее роман «Ключи счастья» (экранизирован в 1913 г.), где проводилась идея необходимости полной свободы творческой личности, в том числе в сексуальной сфере.

«Гротеск» (с. 19–21)

Обозрение городов Ростова и Нахичевани н/Д. Ростов н/Д, 1922. № 6 (29 янв. – 5 февр.). Печ. по этому источнику. Очерк писался незадолго до публикации.

В Ростов-на-Дону М. приехал из Новороссийска, на возвратном пути из поездки в Закавказье (с лета 1920 г.). «Гротеск» открылся в Ростове-на-Дону осенью 1919 г., до этого гастролировал в Киеве под названием «Би-ба-бо», затем «Кривой Джимми». Руководитель театра – А. Г. Алексеев. Около 1923 г. театр перебрался в Москву, где стал называться «Кривой Джимми», затем последний преобразован в Московский театр сатиры. В ростовский период в театре работали Ф. Н. Курихин, М. Н. Гаркави, В. А. Владиславский и др.

...знаменитый страсбургский пирог... – Реминисценция из «Евгения Онегина» (гл. 1, строфа XVI): «И Стразбурга пирог нетленный...».

...из кухни петербургской «Бродячей Собаки» и «Дома Интермедии». «Бродячая собака» – петербургское артистическое кабаре (1912–1915); «Дом интермедий Доктора Дапертутто» (1910–1911) – петербургское кабаре В. Э. Мейерхольда.

Здесь незримо присутствует гений Потемкина... Потемкин Петр Петрович (1886–1926) – поэт-сатирик, сотрудник петербургских журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», автор скетчей и буффонад для театров миниатюр. Слово «гений» в тексте газеты дано в кавычках, что было, вероятно, данью цензурным условиям (о цензурных условиях 1922 г. см. примеч. «О природе слова»).

«Black and White» («Блэк энд Уайт») – пародийная буффонада Потемкина и К. Э. Гибшмана. Впервые сыграна в дебютном спектакле театра «Лукоморье» 5 декабря 1908 г. Вошла в репертуар театров миниатюр.

«Вампука» («Вампука, невеста африканская») – пародия, поставленная «Кривым зеркалом» в январе 1909 г. (текст М. Н. Волконского, либретто А. Р. Кугеля). Пользовалась большим успехом у публики и надолго вошла в репертуар театров миниатюр.

Камина красного... литературной шутки. – Из ст-ния А. Ахматовой «Да, я любила их, те сборища ночные...», первые два стиха цитируются ниже.

Из... гробик-подвала... прямо в морозную ночь, на тихую Михайловскую площадь. Речь идет о «Бродячей собаке», артистическом кабаре в Петербурге.

...«бесы невидимкой при луне» – вольная цитата (текст перефразирован) из ст-ния Пушкина «Бесы».

...«как льдинка в пенистом вине» – из ст-ния А. Ахматовой «Приду туда, и отлетит томленье...».

«Кривое зеркало» – кабаре З. В. Холмской и А. Р. Кугеля, основано в декабре 1908 г.

«Би-ба-бо» – петроградское кабаре, открыто в январе 1917 г. К. А. Марджановым, Н. Я. Агнивцевым, Ф. Н. Курихиным. В 1918 г. труппа выехала на юг России, где гастролировала как театр-буфф «Кривой Джимми». М. мог бывать на спектаклях театра в Баку и Тифлисе летом–осенью 1921 г.

...«предчувствием томим» – цитата из «Цыган» Пушкина.

...сходили с ума от факира, который, показывая бритву перед каким-то фокусом, пояснял, что она бреет растительность, «и даже на лице». Факир – «истинно-русский индус» из поставленной «Кривым зеркалом» и пользовавшейся «оглушительным» успехом пародии Б. Ф. Гейера «Замечательное представление» (*54*, с. 222). Роль исполнял С. И. Антимонов – актер, которому было посвящено шуточное ст-ние «Актеру, игравшему испанца».

...«Сатирикону» с штучками Мисс и стилизацией Агнивцева. Мисс – псевдоним художницы журнала «Сатирикон» и «Новый Сатирикон» А. В. Ремизовой. Агнивцев Николай Яковлевич (1888–1932) – поэт-сатирик, сотрудник тех же журналов, автор скетчей и миниатюр для петроградских кабаре. В «Гротеске» шли его пьесы «Санкт-Петербург», «Дама в карете» и др. В 1921 г. эмигрировал в Германию, в 1922 г. вернулся в Россию.

...цепочками.... В тексте газеты опечатка: щеночками. Исправление вносим вслед за цитатой в статье: *15*, с. 99, 105.

Кузмин Михаил Алексеевич – поэт; заведовал литературной частью «Дома Интермедий» и писал сценарии для этого театра.

Курихин Федор Николаевич (1881–1951) – актер петербургских театров-кабаре.

Джиммисты – актеры театра «Кривой Джимми».

Шуба (с. 22–25)

Советский юг. Ростов н/Д, 1922. 1 февр., с надзаголовком: Из дневника «Сменовеховца». Печ. по этому источнику. Очерк писался незадолго до публикации. В Ростове-на-Дону М. жил в течение месяца в январе – начале февраля 1922 г., к этому периоду и относится время действия очерка. Воспоминания поэтессы Нины Грацианской (Н. И. Александровой) о появлении М. в Ростове и покупке шубы см.: Сохрани мою речь. М., 2008. Вып. 4, ч. 1. С. 143–148.

...брошенный банк... а Шкловский, бывало, пойдет в этот лес и вернется с несметной добычей... начнет клеить свою удивительную теорию о том, что Розанов писал роман и основал новую литературную форму. Об этом вспоминал и В. Б. Шкловский в книге «Сентиментальное путешествие» (1924), см.: *58*, с. 171–173.

...по Камчатке бывших меблированных комнат, куда сплавили нас за неимением места в хоромах Дома искусств... «Хоромы» – бывшая квартира домовладельца Елисеева; «Камчаткой» М. называет помещения бывших меблированных комнат, ход в которые был со двора на Большой Морской ул. Об этом периоде своей жизни В. Ф. Ходасевич написал очерк «Дом искусств» (1927).

Холодное лето (с. 26–29)

Огонек. 1923. № 16 (15 июля). Печ. по тексту журнала с поправками по машинописи (АМ). Очерк писался незадолго до публикации.

Четверка коней Большого театра – квадрига, которой правит Аполлон, на портике здания, создана скульптором П. К. Клодтом. Здание Большого театра возведено в 1825 г. (архитекторы А. А. Михайлов и О. И. Бове). В 1853 г. театр горел; после пожара подвергся существенной реконструкции (архитектор А. К. Кавос).

...площадь Большой Оперы, – ты пуповина городов Европы... М. проводит аналогию между площадью Оперы в Париже и Театральной площадью в Москве. Последняя запечатлена в его ст-нии «Когда в теплой ночи замирает...» (1918).

...из пыльного урочища «Метрополя»... Гостиница «Метрополь» построена в 1905 г. архитектором В. Ф. Валькоттом.

После переезда большевистского правительства из Петрограда в Москву в марте 1918 г. в «Метрополе» поселились советские работники разных рангов, и здание получило название «Второй Дом Советов», в нем проходила работа Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. М., будучи работником Наркомпроса, жил в «Метрополе» в июне 1918 г. Здание стало снова использоваться под гостиницу в конце 1920-х гг.

Мюр-Мерилиз – торговый дом, основанный британцами Эндрю Мюром и Арчибальдом Мерилизом в конце 1870-х гг. Находился на Театральной пл., рядом с Большим театром. Относительно небольшое здание со временем перестало соответствовать потребностям растущей компании, и в 1908 г. было закончено строительство нового здания на Петровке (д. 2), оно и упоминается в очерке. После Октября предприятие было национализировано, в 1922 г. получило новое название – ЦУМ (Центральный универсальный магазин).

...«Когда тяжелый зной прожег большие камни»... «эта грубая девка, бастильская касатка». М. цитирует (с неточностями) свой перевод «Собачьей склоки» Огюста Барбье.

Вхутемас – Высшие художественно-технические мастерские (ул. Мясницкая, д. 21) были образованы в 1920 г. на базе бывшего Московского училища живописи, ваяния и зодчества, с которым было объединено Строгановское художественно-промышленное училище. В 1926 г. переименован во Вхутеин – Высший художественно-технический институт. Позади здания Вхутемаса находятся высокие краснокирпичные корпуса, нависающие над узким двором, – вероятно, этим объясняется характеристика «каторжный» в очерке. При Вхутемасе жили в 1923 г. знакомые М. – художники Л. А. Бруни и А. А. Осмеркин.

...пролетка взбирается на горб Камергерского... Камергерский пер. находится в центре Москвы, между Тверской и Большой Дмитровкой. В начале XX в. архитектор Ф. О. Шехтель построил в переулке здание Художественного театра. В 1923–1992 гг. переулок именовался Проездом Художественного театра, в настоящее время снова называется Камергерским.

...на... Тверском бульваре – от Пушкина до тимирязевского пустыря. Памятник Пушкину работы скульптора А. М. Опекушина был открыт в начале Тверского бульвара в 1880 г. Под «тимирязевским пустырем» подразумевается, должно быть, пространство вокруг памятника К. А. Тимирязеву

(скульптор С. Д. Меркуров, установлен на Тверском бульваре в 1923 г. на месте дома, сгоревшего в 1917 г. во время октябрьских боев); пространство вокруг него было относительно безлюдным по сравнению с другим концом бульвара у памятника Пушкину, где на скамейках сидели люди, пели уличные певцы и т. п.

Но до чего много неожиданностей... В тексте журнала пропущено наречие перед словом «неожиданностей», в машинописи – пробел. «Много» введено в качестве конъектуры.

«Талисман» – вероятно, популярный романс на стихи Пушкина (музыка Н. С. Титова) «Там, где море вечно плещет...». Менее вероятно исполнение на бульваре романса А. А. Алябьева на стихи Е. П. Ростопчиной «Есть талисман священный у меня...».

...в трамвае «А»... Трамвайная линия «А» вступила в действие в 1911 г. До 1995 г. маршрут пролегал от ул. Зацепа до Мясницких ворот. В 1920-е гг. трамвай «А» в обиходе звался «Аннушка» и был основным средством передвижения на Бульварном кольце.

...у Спасителя... Храм Христа Спасителя был построен по проекту архитектора К. А. Тона в 1839–1883 гг. В работе участвовали скульпторы А. В. Логановский, П. К. Клодт, Ф. П. Толстой, художники Ф. А. Бруни, Г. И. Семирадский, В. И. Суриков и др. Храм был уничтожен в 1931 г., восстановлен в 1995–1999 гг.

...ступенчатыми меловыми террасами... Собственно меловых или похожих почв в Москве нет; в этом месте у поэта могли отразиться впечатления от террас и широких лестниц вокруг храма Христа Спасителя, выкрашенного в белый цвет.

...белые скворешники Кремля... Имеются в виду кремлевские соборы, ср. метафору «заворкует» в приложении к Благовещенскому собору в ст-нии «О, этот воздух, смутой пьяный...» (1916).

Воспитательный дом был построен в 1764–1770 гг. на Москворецкой набережной архитектором К. И. Бланком (при участии М. Ф. Казакова). В нем получали воспитание сироты и подкидыши. После Октября был передан профсоюзам и получил название Дворца труда. В 1938 г. в здании разместилась Военная академия им. Ф. Дзержинского (ныне – им. Петра Великого).

...к «Трехгорному» подают... «Трехгорное» – популярный сорт пива.

Меня радует... В журнале опечатка: «менее радует». Исправлено по смыслу фразы.

Сухаревка (с. 30–33)

Огонек. 1923. № 18 (29 июля). Киевский пролетарий. 1926. 16 мая. В АМ отразились две редакции очерка: ранняя – в автографе (текст неполный, соответствует второй публикации), вторая – в авторизованной машинописи с авторской правкой, соответствующая тексту первой публикации. На машинописи резолюция редактора: «Для “Известий ВЦИК” не подходит. Нет социального подхода к теме. Для Вечерки подойдет». Печ. по тексту первой публикации с устранением опечаток и поправками по источникам текста. Очерк писался незадолго до первой публикации. Во второй публикации автор, по-видимому, использовал оказавшийся под рукой источник текста ранней редакции, см. аналогичный пример в примеч. «О природе слова».

Рынок на Сухаревке возник в конце XVIII в., тогда на нем продавали съестное, а также сено, бревна и др. товары. После пожара 1812 г. и изгнания Наполеона, когда в Москву стали возвращаться жители города, на Большой Сухаревской площади разрешили воскресную торговлю любым имуществом. В XIX – начале XX в. на Сухаревке торговали мебелью, антиквариатом, галантереей, обувью, книгами, кожаными изделиями, продовольственными товарами и многим другим. В первые десятилетия XX в. рынок заполнил и Малую Сухаревскую площадь. В годы военного коммунизма и Гражданской войны рынок превратился в барахолку, и в 1920 г. городские власти закрыли его. Однако рынок быстро возродился во время нэпа. В 1922 г. о нем написала очерк Н. Павлович (Рупор. 1922. № 1). В середине 1920-х гг. К. С. Мельников спроектировал Ново-Сухаревский рынок, он находился за кинотеатром «Форум». В 1930 г. рынок был закрыт.

...сидят на кочках... Так во всех источниках текста; смысл не вполне ясен, возникающее предположение о том, что в подлиннике могло быть «на корточках», не представляется убедительным. Ср. о цирюльниках Сухаревки в стихах неизвестного автора (1924 г.) из книги Г. В. Андреевского «Москва: 1920–1930-е годы» (М., 1998. С. 10):

А вблизи, на шаткой табуретке,
Оборванец бреет торгаша.

Когда строили башню... Построил ее Петр с перепугу, вывел на огородной земле... где обучали морскому делу. Во второй публ.: Построил ее Петр с перепугу, и на радостях, что всё обошлось благополучно, вывел на огородной земле...

Сухарева башня была выстроена примерно на том месте, где находились некогда деревянные Сретенские ворота Земляного вала, через которые проходила дорога, ведущая из центра Москвы на север, в сторону Троице-Сергиева монастыря. Сначала были выстроены именно каменные ворота с палатами (1692–1695, архитектор М. И. Чоглоков). Рядом находилась стрелецкая слобода; во главе местного стрелецкого полка стоял Л. Сухарев. Полковник Сухарев со своими стрельцами остались верны Петру I во время стрелецкого бунта. Уже после стрелецкого бунта 1698 г. ворота были надстроены еще одним этажом и увенчаны четырехъярусной башней (1698–1701). Петр приказал разместить в помещениях над воротами школу, в которой обучали математике и навигации. Сподвижник Петра Я. В. Брюс устроил в верхнем ярусе башни астрономическую обсерваторию. С 1830 г. до конца XIX в. в башне находились резервуары водопровода, по которому ключевая вода из подмосковного села Мытищи приходила в Москву. Из башенных резервуаров вода поступала в водоразборные фонтаны на центральных площадях города. В 1925–1934 гг. помещения башни занимал Московский коммунальный музей, чьи экспонаты рассказывали об истории Москвы. В 1934 г. Сухарева башня была снесена.

...«своих базаров бабьей шириной». М. цитирует свое ст-ние «Всё чуждо нам в столице непотребной...» (1918), где о Сухаревском рынке сказано: «буйный торг на Сухаревке хлебной», а о Москве в целом – «и полвселенной давит Ее базаров бабья ширина».

...пустой шереметевский двор... Подразумевается здание Странноприимного дома (больницы и богадельни для бедных и бесприютных), построенного графом Н. П. Шереметевым. Строительство велось в 1794–1810 гг. Первоначальный проект архитекторов Е. С. Назарова, П. И. Аргунова, А. Ф. Миронова и Г. Е. Дикушина был впоследствии существенно переработан Д. Кваренги.

...«убогая славянщина» – цитата из ст-ния З. Гиппиус «Петроград».

...«Глаза карие, хорошие», «Талмуд и еврей»... Это были: песенник «Глаза (вы) карие, большие...», издававшийся в Москве в 1913–1918 гг., и сочинение И. И. Лютостанского (1835–1915) «Талмуд и евреи». Романс, давший название сборнику, воспроизведен в изд.: Ах романс, Эх романс, Ох романс: Русский романс на рубеже веков / Сост. В. Мордерер и М. Петровский. СПб., 2005. «Талмуд и евреи» – злонамеренно антисемитская комментированная компиляция из Талмуда, одной из целей которой было доказательство употребления евреями христианской крови. Неоднократно переиздавалась в 1870–1911 гг.

...только на сухой срединной земле... кроющий матом эту самую землю. В автографе и второй публикации: только на сухой срединной земле, к которой привыкли, которую топчут, как мат, которую не с чем сравнить, возможен этот свирепый, расплывающийся торг, кроющий матом эту самую землю. О тексте второй публикации Н. М. писала: «В “Сухаревке” по моральным соображениям вычеркнули два слова: “только на сухой срединной земле, к которой привыкли, которую топчут, как мать, которую ни с чем не сравнить, возможен этот свирепый, расплывающийся торг, кроющий матом эту самую землю”. “Советский человек, – сказали ему, свою мать уважает. Вспомните «Мать» Горького...” Мандельштам вообще не матюгался, но тут сказал нечто неповторимое. Объяснение это происходило после того, как очерк был напечатан...» (*30*, с. 159–160). Однако указанного ею чтения («мать» вм. «мат») в архивных источниках не имеется.

Возвращение (с. 34–38)

СС 2. Т. 3. Печ. по копии Н. М. (АМ). Восстановлена фамилия Агнивцева, в рукописи зачеркнутая (оставлен инициал). Лакуны в рукописи означены строками отточий. Утраченная часть текста, по свидетельству Н. М., содержала начало эпизода, повествующего о конвойном Чигуа, см. в очерке «Меньшевики в Грузии». События, о которых рассказывается в очерке, отразились в газетной хронике: «Прибыл из Феодосии поэт Ос. Мандельштам. Вследствие недоразумений с визой О. Мандельштам некоторое время находился под арес-

том» (Слово. Тифлис, 1920. 12 сент. С. 5). См. также: *48*. Очерк писался, предположительно, в 1924 г., см. примеч. «Феодосия».

...сеять радость и благоволение между людьми. Используется евангельская формула благословления: Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение (Лк 2: 14).

Агнивцев – см. примеч. «Гротеск».

...Сергея Городецкого... мы его недавно выслали из Грузии. Известно о пребывании Городецкого в Батуме в 1919 г.; он был выслан из Грузии в конце 1919 г. и переехал в Баку (De visu. 1993. № 9. С. 60).

...кажется, Рюрика Ивнева... О пребывании Р. Ивнева в Закавказье свидетельствует заметка: «Рюрик Ивнев задержался во Владикавказе проездом из Тифлиса в Москву. За ним проследовали Н. Н. Евреинов, Осип Мандельштам и Эренбург» (Слезкин Ю. Письмо из Владикавказа // Вестник литературы. 1921. № 1. С. 14).

...романтические тюрьмы Сильвио Пеллико, любезные хрестоматиям... Подразумевается книга С. Пеллико (1789–1854) «Мои темницы» (1832, рус. перевод – 1901).

...Франсуа Виллона... Далее после запятой следовало зачеркнутое: моего друга и любимца... искупившего... весь позор своего шестнадцатого века.

...он пробовал нас выгнать, хотя это было совершенно невозможно. Далее следовало зачеркнутое: Этот турок впал в животно-бессмысленное состояние.

Редактор, увидев меня, всплеснул руками и позвонил по телефону какому-то «Веньямину Соломоновичу». История освобождения М. изложена с не объясненными до настоящего времени противоречиями в обстоятельствах этого эпизода Н. Мицишвили (*34*, с. 205–209), имя и фамилия губернатора, названные Мицишвили, – Бения Чхиквишвили.

Мазуркевич Николай И(ванович?) – в 1920 г. издатель тифлисского «Кавказского журнала» (*49*, с. 132). Ранее издавал журнал с тем же названием в Пятигорске; автор стихотворных сборников. Его панегирики высмеял Саша Черный в газ. «Грузия» (1920. 28 сент., см.: Соч. Т. 2, с. 449).

Жордания Ной Николаевич (1869–1953) в 1918–1920 годах – председатель парламента Грузинской Демократической Республики. После установления в марте 1921 г. советской власти в Грузии эмигрировал во Францию.

Меньшевики в Грузии (с. 39–43)

Огонек. 1923. № 20 (12 авг.). Печ. по этому источнику. Очерк писался незадолго до публикации. В Батум М. прибыл в конце августа – начале сентября 1920 г. из Феодосии (где жил с осени 1919 г.). События, о которых повествуется во II и III частях очерка, лежат также в основе очерка «Возвращение».

На рейде покачивается гигант Ллойд Триестино... Речь идет о пароходе «Франц Фердинанд» компании «Ллойд Триестино». На нем утром 14 сентября 1920 г. в Грузию прибыла социалистическая делегация, которую образовали главным образом деятели 2-го Интернационала. Незадолго до этого, 7 мая, состоялось подписание мирного договора Грузии и РСФСР, принесшего региону политическую стабилизацию и экономический прогресс. Грузинская Демократическая Республика продержалась до февраля 1921 г., когда после подготовленного Москвой восстания и вторжения частей Красной армии была провозглашена Грузинская советская социалистическая республика.

...посмотреть на самого Каутского. Каутский Карл (1854–1938) – один из лидеров и теоретиков германских социал-демократов и 2-го Интернационала.

...Каутский очень жалеет, шлет привет – приехать не может. Каутский, заболевший гриппом, приехал 28 сентября. В день 14 сентября прибыл его секретарь Ольбергитт (Слово. Тифлис, 1920. 15 сент.; 30 сент.).

Вандервельде Эмиль (1866–1938) – бельгийский политический деятель, правый социалист, один из лидеров 2-го Интернационала. По образованию юрист. Руководитель Бельгийской социалистической партии. С 1894 г. член палаты депутатов. С 1900 г. председатель Международного социалистического бюро 2-го Интернационала. Во время Первой мировой войны социал-шовинист; в 1914 г. вошел в буржуазное правительство и до 1937 г. неоднократно занимал посты министра иностранных дел, юстиции и др. После Февральской революции приезжал в Россию для агитации за продолжение войны. В 1922 г. присутствовал на процессе правых эсеров в Москве в качестве защитника. Будучи в 1925 г. министром иностранных дел, подписал Локарнские соглашения. Речь Вандервельде в Батуме была опубликована в газ. «Грузия» (1920. 17 окт.).

Родина Ифигении... Подразумевается Таврида (др.-греч. название Крыма). Ифигения – дочь Агамемнона, сестра Ореста. По легенде, спасенная богиней Артемидой от смерти, была перенесена ею в Тавриду. Героиня трагедий Еврипида «Ифигения в Авлиде» и «Ифигения в Тавриде».

И мне пришлось глядеть на любимые, сухие, полынные холмы Феодосии, на киммерийское холмогорье из тюремного окна. М. говорит о пребывании под арестом в Феодосии в первой половине августа (нового стиля) 1920 г. Киммерия – Таврида.

Ганджа (Гянджа), позднее Кировобад, – город в Азербайджане.

Жордания – см. примеч. «Возвращение».

...пахнет «Русским Словом»... «Русское слово» (1895–1917) – московская газета либерального направления.

Первая Международная крестьянская конференция. Набросок. (с. 44–46)

Огонек. 1923. № 31 (28 окт.). Печ. по этому источнику. Очерк писался незадолго до публикации.

Первая международная крестьянская конференция проходила в Москве 10–15 октября 1923 г. Местом работы конференции был Андреевский зал Большого Кремлевского дворца; 15 октября состоялось завершающее заседание конференции в Большом театре.

Андреевский зал – в Большом Кремлевском дворце. Дворец был построен по повелению Николая I группой архитекторов под руководством К. А. Тона в 1838–1849 гг. Парадные залы дворца получили названия в честь российских орденов. Андреевский зал был тронным, наименован в честь ордена Андрея Первозванного. В 1933–1934 гг. Александровский и Андреевский залы были объединены и после переоформления стали залом заседаний Верховного Совета СССР. В 1994–1998 гг. оба зала были восстановлены.

...Александр III принимает волостных старшин... – сюжет картины И. Е. Репина (1884–1886), находилась в Аванзале (в настоящее время в Третьяковской галерее). Сюжет картины – прием Александром III волостных старшин во внутреннем дворе московского Петровского дворца в 1883 г.

...непомерно-высокий зал, с бальным светом... Андреевский зал – двусветный (имеет два ряда окон).

Гляжу на китайских делегатов. Ясно мне представляется огромный жизненный путь этих маленьких людей... Одним из делегатов, представлявших на конференции народы Восточной и Юго-Восточной Азии, был активный работник Коминтерна вьетнамец Нгуен Ай Куок, будущий лидер Северного Вьетнама, вошедший в мировую историю и политику под именем Хо Ши Мин. См. примеч. «Нюэн Ай-Как. В гостях у коминтернщика».

Клара Цеткин (1857–1933) – деятель немецкого и международного рабочего движения. Член Социал-демократической партии Германии, участвовала в создании Коммунистической партии Германии. С 1919 г. член ЦК КПГ. Один из лидеров международного женского движения. См.: «...конференция, по инициативе российской делегации, приветствует тов. Цеткин, которая всё время присутствует на конференции и внимательно следит за ее работой» (Известия. 1923. 14 окт. С. 3). 15 октября К. Цеткин выступила на конференции с приветственной речью.

Международная крестьянская конференция (с. 47–49)

Товарищ Терентий. Екатеринбург, 1923. № 2/3 (8 дек.). Печ. по этому источнику. Очерк писался незадолго до публикации.

Здание Коминтерна на Воздвиженке располагалось по адресу: ул. Воздвиженка, д. 1; дом находится в непосредственной близости от Кутафьей башни и Троицких ворот Кремля.

Огибаем Кавалерский корпус... Кавалерские корпуса были выстроены в Кремле архитектором В. П. Стасовым в 1817 г. Располагались направо от Троицких ворот и вместе с Потешным дворцом образовывали Дворцовую ул. Таким образом, автор очерка идет от здания Коминтерна к ближайшему входу в Кремль – Троицким воротам, а затем по Дворцовой ул. направляется к Большому Кремлевскому дворцу. К настоящему времени сохранились частично: при строительстве Дворца съездов (1959–1961) были снесены Офицерский, Гренадерский и Кухонный корпуса, старое здание Оружейной палаты, здание Синодального управления и один из Кавалерских корпусов.

Андреевский зал... картина: Александр III... См. примеч. «Первая Международная крестьянская конференция. Набросок».

...добро-советским... Вероятна опечатка, с предположительно правильным: добросовестным.

...председатель Вуазей, из французской делегации – один из ведущих деятелей крестьянского форума, в газетных отчетах именовался также «Вуазье» и «Вазей». В день открытия конференции, 10 октября, «Правда» опубликовала статью Мариуса Вуазье «Крестьяне организуются»; 11 октября «Известия» поместили на первой странице рисунок, где изображены «тов. Вуазье – представитель Франции, тов. Домбаль – представитель Польши и тов. Гальван – президент штата Веракруз и президент Лиги крестьян Мексики. 11 октября «т. Вазей» выступил на конференции с докладом «Обеспечение мира и борьба против войны» (Правда. 12 окт).

...«большеголовый». Эпитет связан с характеристиками деятелей Великой французской революции, в частности в книге Т. Карлейля «Французская революция. История» (СПб., 1907), где «большеголовым» назван Мирабо (с. 89); далее в книге голова Мирабо сравнивается с львиной (с. 109). Ср. в ст-нии «Язык булыжника мне голубя понятней...» (1923): «большая голова... Большеголовые».

Варга Евгений Самуилович (1879–1964) – венгерский социал-демократ, позднее коммунист. С 1920 г. – член РКП (б). Экономист. Народный комиссар финансов Венгерской народной республики (1919), после ее падения эмигрировал в Советскую Россию. Активный деятель Коминтерна. 11 октября 1923 г. Варга выступил на конференции с докладом «Положение крестьян в капиталистических странах», 12 октября состоялись прения по его докладу.

Гасконец Жаро... Вероятно, имеется в виду темпераментный французский делегат Э. Жиро. Он приветствовал делегатов от имени французских крестьян в день открытия конференции, 10 октября; выступал в прениях – в частности, по докладу Варги, 12 октября.

Наркомзем Теодорович Иван Адольфович (1875–1937, расстрелян), в 1920–1928 гг. зам. наркома земледелия. В 1928–1930 гг. – генеральный секретарь Международного крестьянского совета (Крестинтерн). Теоретик коллективизации, автор большого числа работ по аграрному вопросу. На конференции

выступил 12 октября с докладом «Результаты аграрной революции в России». Именно этот доклад излагается в очерке, ср.: «В обстоятельном красочном докладе оратор развертывает картину крестьянских движений в России, начиная с пугачевского, и, иллюстрируя свои положения целым рядом данных, разъясняет механизм эксплоатации крестьянства самодержавием» (Правда. 1923. 13 окт.).

Севастополь (с. 50–52)

Известия. 1923. 2 нояб. Печ. по этому источнику. Очерк писался незадолго до публикации. О пребывании М. в Севастополе в 1923 г. известно только по этой и следующей заметке.

«Институт физического лечения» – Институт физических методов лечения. Построен на средства царской семьи, почему назывался Романовским. Открыт в 1914 г. Позднее переведен в другое здание, ныне в старом здании расположен Дворец детства и юношества.

Крымские впечатления (с. 53–55)

Известия. 1923. 15 нояб. Печ. по этому источнику. Очерк писался незадолго до публикации.

Пивные (с. 56–57)

Трудовая копейка. 1923. 19 нояб. Печ. по этому источнику. Очерк писался незадолго до публикации.

...трубных и сухаревских сделок. Вместе с Сухаревским имеется в виду Трубный рынок, упраздненный в середине 1920-х гг. Последний описан Чеховым в очерке «В Москве на Трубной площади».

...машина «орган». Имеется в виду популярное в XIX – начале XX в. механическое самоиграющее музыкальное устройство. Называлось также «оркестрион», «оркестрофон» или «оркестрина». Встречалась, как правило, в богатых, солидных трактирах и была предметом гордости владельцев и половых. «Наше заведение – трактир чистый, хлебосольский, без девок и безобразия... Орган в нем музыку играет» (высказывание

полового из московского трактира, см.: Иванов Е. П. Меткое московское слово. М., 1985. С. 279).

Пара чая. «Парой чая» называли два фарфоровых чайника, в одном из которых приносили заварку, а в другом кипяток.

«Не даром поэты...». Источник цитаты не установлен.

Армия поэтов (с. 58–65)

I. И их сотни тысяч... Огонек. 1923. № 33 (11 нояб.). Печ. по тексту журнала. Очерк писался незадолго до публикации. Рецензию Т. В. Чурилина см.: Книгоноша. 1923. № 27 (1 дек.). С. 8 (указано во вступит. статье Н. Яковлевой к публ. воспоминаний Чурилина: Лица: Биогр. альманах. СПб., 2004. Т. 10. С. 440).

Прототипом одного из описанных М. стихослагателей считал себя В. А. Каверин, об этом он писал в своих воспоминаниях, впервые: Неизвестный друг: как я не стал поэтом // Октябрь. 1959. № 10. С. 131.

...в эпоху снобизма «бродячих собак»... Речь идет о кабаре «Бродячая собака» (1911–1915), см.: *15* и примеч. «Гротеск».

...«Домино», «Кофейни Поэтов» и разных «Стойл»... Это были московские кафе-кабаре периода военного коммунизма. «Кофейня поэтов» – правильно: «Кафе поэтов». «Стойло Пегаса» – кафе имажинистов.

Просодия. Здесь: хоровая песнь в честь Аполлона и Артемиды.

II. Кто же они такие. Огонек. 1923. № 34 (18 нояб.). Печ. по тексту журнала с поправками по прижизненной машинописи (АМ).

Да читайте же Новалиса, Тика, Брентано. Новалис (наст. имя Фридрих фон Харденберг, 1772–1801), Тик Людвиг (1773–1853), Брентано Клеменс (1778–1842) – поэты и писатели, видные представители поколения немецких романтиков.

Нюэн Ай-Как. В гостях у коминтернщика (с. 66–69)

Огонек. 1923. № 39. 23 дек. Печ. по этому источнику. Очерк писался незадолго до публикации.

Нюэн Ай-Как (Нгуен Ай Куок, настоящее имя Нгуен Тат Тхань, 1890–1969) – в будущем президент Вьетнамской народной республики (с 1945 г.) Хо Ши Мин. В ходе антиколониальной деятельности 100 раз менял имя, 12 раз – профессию, 30 раз был заключен в тюрьму. Проживал в эмиграции в США и Франции, в 1919 г. предъявил Версальской конференции «Тетрадь пожеланий вьетнамского народа». Работал переводчиком в аппарате Бородина, политического советника Сунь Ятсена, учился в Москве в 1934–1938 гг.; написал пособие «Опыт русских и китайских партизан», перевел на вьетнамский «Трактат о военном искусстве» Сунь Цзы, написал историю Вьетнама в стихах, никогда не женился, полностью отдав себя революционной антиколониальной деятельности. В 1920 г. он присутствовал на съезде Французской социалистической партии в Туре, на котором откололось ее левое крыло, в результате чего возникла Французская коммунистическая партия (ФКП). В 1923 г. как делегат ФКП выехал на конгресс Крестьянского Интернационала в Москву, где остался для изучения вопросов партийного строительства. В том же году принимал участие во Всемирной крестьянской конференции, 12 октября выступил на ней с докладом.

Кохинхина – Вьетнам.

Анамиты – вьетнамцы.

Маран Рене (1887–1960) – африканский писатель, мартиниканец по рождению. Писал на французском языке. Роман «Батуала» (1921) отмечен Гонкуровской премией.

Зюнтан. Подразумевается Зюй Тан I (1900–1945), император (1907–1916).

Прибой у гроба (с. 70–71)

На вахте. 1924. 26 янв. Печ. по этому источнику. Очерк писался незадолго до публикации.

Продолжением сюжета служит рассказ Ахматовой: «В двадцать четвертом году, вернувшись с известных похорон, Осип сказал: “Я придумал пол-анекдота. Один еврей стоит на месте, а другой всё время вокруг него бегает...”» (5, с. 20), см. также примеч. к «Четвертой прозе».

...остудивший.... В тексте газеты опечатка: осудивший.

Киев
I (с. 72–74)

Красная газета. Веч. вып. 1926. 27 мая. Рукопись (АМ, автограф и рукой Н. М.). Печ. по тексту газеты с поправками по рукописи. Очерк написан по впечатлениям от поездки в Киев в мае 1926 г.

Молодые дамы... В рукописи: Молодые еврейские дамы.

Уличный сапожник... ритмично. В рукописи: Уличный сапожник, рукастый и здоровый, словно актер-подмастерье из Театра Габимы.

Они еще помнят последнего киевского сноба... В рукописи предшествовало зачеркнутое: Они помнят последнего сумасшедшего дэнди – Маккавейского. Здесь и ниже М. основывается на собственных воспоминаниях о пребывании в Киеве в апреле–августе 1919 г.

Мазчик – тот, кто делает ставку на одного из игроков или входит в долю к ставке игрока (мажет, примазывается).

Кафе Рейтера находилось на углу Невского пр. и Садовой ул.

Хедер – частная еврейская религиозная начальная школа.

Талес – см. примеч. «Шум времени».

Мазар. В тексте газеты: Драч. Исправлено по рукописи, где фамилия дана инициалом – М., раскрыт: *28*, с. 171 (здесь же комментарий Н. М. к приведенному в очерке примеру из практики Мазара).

...и тот платит. Далее в рукописи следовало: [В Киеве своеобразно понятие об уличной тишине и ночном отдыхе] Клуб откомхоза и пищевкуса. На афише «Мандат». [На балконе военный оркестр] Потом бал. Ночью улица наполняется неистовым карнавальным ревом. С непривычки страшно.

«Готель Континенталь» – когда-то цитадель ответственных работников... Готель (укр.) – отель, гостиница. В «Континентале» М. жил после своего приезда в Киев в 1919 г.

...настоящий джазбанд, Еврейский Камерный из Москвы, Мейерхольд и Дуров... «Настоящий джазбанд» – группа «Jazz Kings» Бенни Пэйтона. О гастролях «Еврейского Камерного» см. примеч. «Московский государственный еврейский театр» в наст. томе; «Мейерехольд» – Театр им. Вс. Мейерхольда, Дуров Владимир Леонидович (1863–1934) – знаменитый клоун-дрессировщик, основатель Театра зверей.

Дом-улица «Пассаж», обкуренный серой военного коммунизма... В рукописи следовало зачеркнутое продолжение: бывший дом Наркомвоена [.....]

Киев коллегии Галагана, губернатора Фундуклея... Коллегия Павла Галагана – частное учебное заведение для юношей (1871–1918), находилась на Фундуклеевской ул. Фундуклей Иван Иванович (1804–1880) – киевский гражданский губернатор (1839–1852), миллионер, меценат (основал женскую Фундуклеевскую гимназию), слыл чудаком.

...Киев лесковских анекдотов и чаепития в липовом саду... Подразумеваются сюжеты рассказов Н. С. Лескова «Печерские антики».

II (с. 74–76)

Красная газета. Веч. вып. 1926. 3 июня; Руль. Берлин, 1926. 9 июня; Рус. голос. Нью-Йорк, 1926. 13 июня. Печ. по первой публикации.

Подол – низменная часть Киева, между Старокиевской горой и Днепром.

Слободка – Предмостная слободка, местность на левом берегу Днепра (ныне – Гидропарк).

«*Змичка*» (укр.) – «Смычка».

Площадь Контрактов – Контрактовая площадь (ныне Красная пл.), одна из старейших в Киеве. На площади устраивались контрактовые ярмарки (отсюда название площади) – место заключения и регистрации (в Контрактовом доме) сделок на куплю-продажу недвижимости и пр., проведения губернских дворянских выборов. В XIX в. потеряла значение.

...как загрунтованный пол. Вероятна опечатка, при правильном: загрунтованный фон.

...чтут память знаменитого подрядчика Гинзбурга, баснословного домовладельца... Речь идет о «короле подрядчиков» Льве Борисовиче Гинзбурге, построившем в Киеве ряд известных до настоящего времени зданий.

Кисловодск весной (с. 77–79)

Экран «Рабочей газеты». 1927. № 12 (20 марта). Подписано инициалами: О. М. Атрибуция С. Василенко. Печ. по этому источнику. Сведений о времени пребывания М. на отдыхе в

Кисловодске и Ессентуках не имеется, предположительно – февраль – начало марта 1927 г. Как и следующий очерк, датируется по времени публикации.

Ессентуки (с. 80–82)

Экран «Рабочей газеты». 1927. № 21 (22 мая). Подписано инициалами: О. М. Атрибуция С. Василенко. Печ. по этому источнику. См. предшествующее примеч.

РЕЦЕНЗИИ, ПРЕДИСЛОВИЯ

Эренбург И. Одуванчики. Рецензия (с. 85)

Г. 1912. № 3. Подписано: М. Черновой автограф завершенного текста (АМ). Печ. по тексту журнала. Рецензия на книгу: Эренбург И. Одуванчики. Париж, 1912. Датируется временем публикации.

И. Г. Эренбург с 1908 г. жил в эмиграции в Париже, где в 1910–1913 гг. издал несколько поэтических сборников. В том же номере журнала, что и рецензия М., были напечатаны два его ст-ния. Книга «Одуванчики», возможно, была послана им в редакцию журнала для рецензии, что являлось обычным в практике тех лет. В № 1 издаваемого им в Париже журнала «Вечера» (1914) Эренбург писал: «Потребность издания журнала стихов давно назрела. Лишь прекрасное начинание петербургского Цеха Поэтов “Гиперборей” отчасти заполнило этот пробел» (цитируется по: Фрезинский Б. Я. Эренбург и Мандельштам // Вопросы лит. 2005. № 2. С. 277).

...скромная, серьезная быль г. Эренбурга гораздо лучше и пленительнее его «сказок». Книге «Одуванчики» М. противопоставляет первую книгу Эренбурга «Стихи» (Там же. С. 277).

Он пользуется своеобразным «тютчевским» приемом... в ритмически-суровый ямб. Характеристика восходит к размышлениям М. о функции ритма. В письме Вяч. Иванову от 17 (30) декабря 1909 г. он характеризовал ямб как «узду “настроения”» и отметил его «антиинтимную природу», а в ст-нии того же года «В непринужденности творящего обмена...» говорил о «суровости Тютчева» (в связи с ямбом, см. коммент.). Влияние Тютчева (стиль, интонации) ощутимо в ст-ниях книги: «Я знаю: ты глядишь часами...», «О, эта тусклая весна...».

Лондон Д. Собрание сочинений. Рецензия (с. 86–88).

А. 1913. № 3. Печ. по тексту журнала. Рецензия на книгу: Лондон Д. Собрание сочинений: В 18 т. / Предисл. Л. Андреева; Ред. перевода А. Н. Кудрявцева. СПб.: Прометей. 1912–1915. Тома 1–10 вышли из печати в 1912 г. Датируется временем публикации.

...«головкой героини на плече героя». Неточная цитата из романа «Морской волк» (Лондон Д. Указ. соч. Т. 1. С. 321).

...«огромная, страшная и чужая вещь, которая называется культурой». Источник цитаты не обнаружен; возможно, это – контаминированная цитата из дискуссий героев романа «Мартин Иден» (Лондон Д. Указ. соч. Т. 10).

Гюисманс Ж. К. Парижские арабески. Рецензия (с. 89)

А. 1913. № 3. Печ. по тексту журнала. Рецензия на книгу: Гюисманс Ж. К. Парижские арабески / Перевод Ю. Спасского. М.: Изд. К. Ф. Некрасова. 1912. (Собр. соч. Т. 3). Датируется временем публикации.

Гюисманс Ж. К. (1848–1907) – французский писатель. Влияние его романа «Собор» исследователи находили в ст-нии «Notre Dame» (1912), см. примеч. к нему. Реминисценции из рассказа «Парикмахер», вошедшего в «Парижские арабески», имеются в «Стансах» (1935), см.: *51*, с. 70.

Фолантен – герой рассказа «По течению».

...достаточно отнять у Дез Эссента капитал и сокровища эрудиции, чтобы он превратился в своеобразного декадентского Акакия Акакиевича. Дез Эссент – герой романа Гюисманса «Наоборот» (рус. перевод 1906, отдельное издание). Акакий Акакиевич – герой гоголевской «Шинели». В целом в этой фразе речь идет о Фолантене.

...«другой берег», là-bas... Подразумевается сюжет одноименного романа Гюисманса (рус. перевод 1907, под загл. «Там, внизу»).

Симеон Столпник (356–459) – христианский аскет, прибегший к новому виду подвижничества – столпничеству.

Северянин И. Громокипящий кубок. Рецензия (с. 90)

Г. 1913. № 6. С. 28. Подписано: О. М. Черновой автограф (АЛ). Печ. по тексту журнала. Датируется временем публикации. Рецензия на книгу: Северянин И. Громокипящий кубок: Поэзы / Предисл. Ф. Сологуба. М.: Гриф, 1913. Эту книгу Северянина рецензировал также Н. Гумилев (А. 1914. № 1/2).

...он предпочитает словам живым слова, отпавшие от языка или не вошедшие в него. В черновом автографе вместо этого было: он предпочитает «сухие листья» речи, не связанные с ее зеленым стволом.

...в образе «галантерейности». Здесь «галантерейность» – не цитата из стихов Игоря Северянина, а характеристика его стиля: «галантерейный» (во втором словарном значении) – слово из обихода полуобразованного городского люда, в значении «галантный»; часто употребляется (как и в настоящей рецензии) с ироническим оттенком.

Анненский И. Фамира-кифаред. Рецензия (с. 90–91)

День: Прил. «Лит. Искусство. Наука». 1913. 8 окт. № 1. Печ. по этому источнику. Рецензия на книгу: Анненский И. Фамира-кифаред: Вакхическая драма. М.: Изд. Португалова, 1913. Датируется временем публикации.

...поэтом, питавшим глубокое отвращение к театральной феерии... Об отношении М. к театру см. примеч. «Художественный театр и слово».

Городецкий С. Старые гнезда. Рецензия (с. 91–92)

День: Прил. «Лит. Искусство. Наука». 1913. 21 окт. № 3. Печ. по этому источнику. Рецензия на книгу: Городецкий С. Старые гнезда: Повести и рассказы. СПб.: Изд-во А. С. Суворина. 1914 (фактически 1913). Датируется временем публикации.

Умирание дворянских усадеб... гниение в зажиточной крестьянской семье... Характеристика соответствует содержанию повести «Сутуловское гнездовье».

...«милое родимое зверье, босоногое наше будущее» – цитата из повести «Глухая тропа».

Кокорин П. Музыка рифм. Рецензия (с. 92–93)

День: Прил. «Лит. Искусство. Наука». 1913. 21 окт. № 3. Печ. по этому источнику. Рецензия на книгу: Кокорин П. Музыка рифм: Поэзопьесы. Сб. 4. СПб., 1913. Печ. с исправлением опечаток и строфики в цитате (из ст-ния Кокорина «Безответный тост» в указ. соч., с. 7). Датируется временем публикации.

Кокорин Павел Михайлович (1884 – не ранее 1938) – поэт. Был близок к И. Северянину и К. Олимпову (И. Северянин снабдил «напутствием» вышедший в 1910 г. сб. Кокорина «Песни и думы»), участвовал в альманахе эгофутуристов «Орлы над пропастью» (1913). Подробнее см. статью Т. Л. Никольской в изд.: Рус. писатели. 1800–1917: Биогр. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 16–17.

Революционер в театре (с. 93–96)

Театр и музыка. 1923. № 1/2 (5 янв.). Печ. по тексту журнала. Датируется второй половиной 1922 г. Статья посвящена драме Э. Толлера «Человек-масса. Пьеса о социальной революции XX века» (Masse-Mensch; ein Stück aus der sozialen Revolution des 20. Jahrhunderts, von Ernst Toller. Potsdam: G. Kiepenheuer, 1921), которую М. перевел в 1922 г. (издана в 1923 г. без указания имени переводчика, библиогр. описание и атрибуцию см.: *10,* с. 7). Перевод был принят к постановке Театром революционной сатиры.

Толлер Эрнст (1893–1939) – немецкий поэт, драматург, публицист. Участник Первой мировой войны и революции 1918–1919 гг. в Германии. За участие в последней в 1919 г. осужден и до 1924 г. находился в тюрьме, где создавал стихи и драмы. В очерке «“Березиль” (Из киевских впечатлений)» Толлер назван «суконной вершиной революционной драматургии».

...в роде «Жизни человека» Леонида Андреева... Оценку пьесы см. в «Шуме времени» (глава «Семья Синани»).

...революционер-спартаковец... «Группа Спартака» (с 1916 г.), «Союз Спартака» (с 1918 г.) – организации германских левых социал-демократов, предшественники Коммунистической партии Германии.

Именно митинг не есть действие... Введена конъектура частицы «не», в тексте журнала: Именно митинг есть действие. Исправлено по смыслу фразы.

В уста героини... он вложил самые сильные, самые огненные слова, какие мог произнести старый мир в защиту гуманизма. Речь идет о финале пьесы, когда Безымянный проникает к Женщине в тюрьму накануне ее казни. Всё готово к побегу, но Женщина отказывается принять освобождение из его рук со словами:

Ты не пришел освободить,
Ты избавленья не приносишь.
Но я хочу тебя назвать
«Удавлен мной». Да, ты давить охотник,
Ты не безродный. Твой отец – война,
Ее приплод, прижитый вне закона.
Ты бедный маршал от намыленной веревки.
Словарь твой скудный: «Смерть» и «Истребить».
Сбрось легкий плащ речей высокопарных,
Он саваном бумажным шелестит.

(Московский понедельник. 1922. 26 июня, перевод О. Мандельштама). Последний приведенный стих цитируется в «Четвертой прозе».

Заметка о Барбье (с. 96–100)

Прожектор. 1923. № 13 (15 авг.), под редакционным (предположительно) загл.: Огюст Барбье (поэт Парижской революции 1830 г.); заметка предваряла публикацию ст-ния «La Curée» в переводе М., под загл. «Собачья склока». Фрагмент текста (машинопись), не вошедший в журнальную публикацию (АМ). Печ. по прижизненной машинописи (СХ, ГМ Амстердама), с поправками по тексту журнала. Датируется первой половиной 1923 г. В тексте название ст-ния варьирует: «Собачья свора» и «Собачья склока».

...у нотариуса Делавиня (брата знаменитого романтического писателя). Барбье служил клерком в кабинете поверенного Фортюнэ Делавиня, младшего брата писателя К. Делавиня. Делавинь Казимир (1793–1843) – французский поэт и драматург. Его вряд ли можно безоговорочно отнести к «романтическим писателям»; сам он считал себя классиком; некоторые романтики обвиняли его (видимо, безосновательно) в том, что на выборах в Академию он, как противник романтизма, голосовал против Гюго.

В этой нотариальной конторе скопилась целая группка молодых писателей романтического толка... В числе клерков Фортюнэ Делавиня, впоследствии посвятивших себя литературе, Барбье в книге «Личные воспоминания и современные силуэты» называет Луи Вейо, впоследствии французского католического публициста, драматурга Жюля де Вайи, Оливье Фюльжанса – «литератора и сочинителя романсов», испаниста Жана Жозефа Дама Инара, Натализа де Вайи, библиографа. Далее он говорит: «Это было прекрасное время романтизма» (Auguste Barbier. Souvenirs personnels et silhouettes contemporaines. Paris, 1883. P. 352–353).

Интересно, что в июльские дни Барбье отсутствовал в Париже... Барбье не был очевидцем «трех дней». Об этом Барбье писал в упомянутых выше воспоминаниях (Auguste Barbier. Souvenirs... P. 1–4).

За несколько дней до появления в «Парижском обозрении» знаменитой «Собачьей своры» Барбье журналист Жирардэн писал... «Собачья склока» была напечатана впервые в «Парижском обозрении» («Revue de Paris»), т. XVIII (1830, [19 сент.]), с.138–143, под загл. «La Curée, Iambes». Публикация предварялась редакционным примечанием, где отмечалась энергия стихотворения, но осуждались «выбор образов и грубая откровенность выражений, граничащих с цинизмом» («un choix d'images et une crudité d'expressions qui touchent quelquefois au cynisme»), ср. у М. ниже: *грубое, хлесткое и циничное слово.* За месяц до этого, 16 августа 1830 г., на первой странице «Журналь де Деба» («Journal des Débats politiques et littéraires») появилась неподписанная статья, принадлежавшая перу уже известного тогда журналиста Сен-Марка Жирардена. М. дает весьма точный перевод начала этой статьи (с одним незначительным сокращением во втором предложении). Сен-Марк Жирарден (Saint-Marc Girardin, 1801–1873) – журналист, в 1827–1872 гг. постоянно сотрудничавший в «Журналь де Деба», политик, крупный специалист по истории французской литературы, член Французской Академии (с 1844 г.).

О связи стихотворения Барбье со статьей Жирардена впервые, по-видимому, сообщил Жюльен Травер со слов одного из знакомых Барбье в брошюре «Литературная находка. Истоки "Собачьей склоки" Барбье»: «Барбье создал сначала на тот же сюжет произведение, которым сам был весьма недово-

лен. Он отверг его, прочитав статью Сен-Марка Жирардена в “Дебатах” (т. е. в “Журналь де Деба”. – *А. Д.*) за 16 августа 1830 г. Эта статья, говорил он, вызвала в нем восторг, он воспламенился и по вдохновению написал мощную сатиру, которую публика приняла с благосклонностью, которой не снискал бы первый опыт» (Une révélation littéraire. Les origines de la *Curée* de Barbier, par M. Julien Travers. Caen, 1882. P. 5–6 [Extrait des Mémoires de l’Académie nationale des Sciences, Arts et Belles-Lettres de Caen]).

...«Собачья свора» была напечатана в газете «Журналь де Деба»... Это описка автора: в «Журналь де Деба» была напечатана статья Жирардена; место публикации «Собачьей склоки» указано выше.

...Барбье оказался мастером больших поэтических сравнений... К вопросу о влиянии поэзии Барбье, которого ниже касается М., ограничиваясь Россией, следует добавить, что фигура «Свободы на баррикадах» Э. Делакруа традиционно связывается с описанием Свободы в «Собачьей склоке» Барбье, например, у Т. Готье в книге «Искусство в Европе» (Th. Gautier: Les beaux-arts en Europe. Paris, 1855. Vol. I. P. 179).

...«Лев» («Я был свидетелем трехдневного смятенья: три дня метался лев народного терпенья по звучным мостовым прабабки городов»)... Было ли это ст-ние Барбье переведено Мандельштамом полностью, неизвестно. Стих «По звучным мостовым прабабки городов» М. использовал в ст-нии «Язык булыжника мне голубя понятней...» (1923).

...в духе справедливости и человечности. В машинописи фрагмента (АМ) следовало зачеркнутое незавершенное продолжение: Но такова была сила орлиного выводка его первых героических стихов, что Лермонтов зачитывался ими на гауптвахте, что в кружке [.....]

В Россию, несмотря на запрещение николаевской цензуры, Барбье проник очень рано. Цензурой «Ямбы» были запрещены сразу же после выхода в свет. Запрет действовал до 1864 г.

Лермонтов зачитывался им на гауптвахте и испытал сильное его влияние. Из воспоминаний А. П. Шан-Гирея (опубл. 1890) следует, что Лермонтов читал «Ямбы» Барбье, находясь на гауптвахте в марте 1840 г.; за исключением одной строфы из стихотворения «Известность» («La popularité»), они ему не нравились.

В кружке петрашевцев Барбье знали и переводили. Первые переводы из Барбье (напечатаны в 1844 г.) принадлежали петрашевцу С. Дурову, сосланному вместе с Достоевским.

...подлинным выражением Барбье «святая сволочь». В оригинале: la sainte canaille.

Некрасов переложил стихотворение Барбье «Пророк» – «Не говори, забыл он осторожность...». Это свое ст-ние, называвшееся «Чернышевский», Некрасов, желая избежать цензурных преследований, выдал за перевод из Барбье.

...у Тютчева (когда он говорит о Наполеоне) – в ст-нии Тютчева «Наполеон».

Белый А. Записки чудака. Рецензия (с. 100–102)

Красная новь. 1923. № 5. Печ. по тексту журнала. Рецензия на книгу: Белый А. Записки чудака: В 2 т. М.; Берлин: Геликон, 1922.

О прозе Андрея Белого М. писал в той же тональности в статьях «О природе слова», «Литературная Москва. Рождение фабулы».

В послесловии к «Запискам чудака» Белый оговаривается, что он написал заведомо плохую книгу – признание в устах автора почти всегда неискреннее; и, действительно, тут же следует – «но зато книга моя необыкновенно правдива». У А. Белого: «Почему же я “Чудака” своего ненавижу? Да потому, что люблю я его так же, как люблю себя; здесь свидетельствую: в “Записках” нет строчки, которую я бы не пережил сам так именно, как переживания свои изобразил. В том смысле “Записки” – единственно правдивая моя книга; она повествует о страшной болезни...» (т. 2, с. 235).

...«событие неописуемой важности заключалось в том, каким образом я убедился, что этот младенец есть я».... У А. Белого: «Событие неописуемой важности заключается в том, каким образом я убедился, что этот “младенец” есть “я”, мое, – “точка” моя, до которой коснуться не мог я; во мне, человеке, родился теперь человек» (т. 1, с. 75).

...к «Симфониям». Симфония – особый жанр прозы Андрея Белого; в 1902–1908 гг. изданы четыре его симфонии – «Симфония (2-я, драматическая)», «Северная», «Возврат» и «Кубок метелей».

Гауптман Г. Еретик из Соаны. Рецензия (с. 103–104)

Печать и революция. 1923. №. 5 (авг.–сент.). Печ. по тексту журнала. Рецензия на книгу: Гауптман Г. Еретик из Соаны. Пг.: Атеней, 1923. Датируется временем публикации.

Гауптман Герхард (1862–1946) – немецкий писатель и драматург.

...никакое уважение к автору «Ткачей»... За драму «Ткачи» Гауптман был удостоен Нобелевской премии (1912).

Свентицкий Ан. Сказания о короле Артуре и о рыцарях Круглого стола. Рецензия (с. 104–105)

Печать и революция. 1923. № 6 (окт.–нояб.). Печ. по тексту журнала. Рецензия на книгу: Свентицкий Ан. Сказания о короле Артуре и о рыцарях Круглого стола. Кн. 1: Мерлин. М.: Мир, 1923 (Библиографичекое описание дается по титульному листу, в заголовке первой публикации – по обложке: Книга сказаний о короле Артуре и о рыцарях Круглого стола). Датируется временем публикации.

Об авторе, Андрее (Эдуардовиче?) Свентицком, точных сведений получить не удалось. В коммент. СС 3. Т. 2 отождествлен с А. Э. Свенцицким, автором стихотворных сборников.

Crestien de Troyes, Кретьен де Труа (ок. 1130 – ок. 1191) – французский поэт, автор пяти «рыцарских» романов, в которых использованы сказания о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

Первоисточником мерлиновского сюжета считается латинская Historia regum Britanniae монаха Gaufrei de Montmouth. Гальфрид Монмутский (Geoffrey of Monmouth, ок. 1100 – ок. 1155) – английский церковный деятель, историк. «Historia regum Britanniae», «История королей Британии» (1130–1138) – его основной труд; около половины «Истории...» занято рассказом о короле Артуре и его подвигах.

...стихи Щепкиной-Куперник... Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874–1952) была автором поэтических сборников «Из женских писем» (1898) и «Облака» (1912).

...романистики... Конъектура, в журнале – *романтики,* исправлено по предложению Г. А. Левинтона (*20,* с. 204)

...«Тристан и Изольда» Бедье. Бедье Ж. Ш. М. (1864–1938) – выдающийся французский филолог-медиевист. На

основе изучения стихотворных и прозаических источников сюжета (чему в 1896 г. посвятил специальную работу) создал стилизацию – роман «Тристан и Изольда» (1900). Рус. переводы появились в 1903 (под ред. А. Н. Веселовского) и в 1913 гг.

Пьер Гамп (с. 106–107)

Товарищ Терентий. Екатеринбург, 1923. № 4/5 (23 дек.), без подписи; атрибутировано П. Нерлером (Урал. 1991. № 7. С. 174). Печ. по тексту журнала. Рассказ П. Гампа «Муха» в переводе Мандельштама был помещен в том же номере журнала «Товарищ Терентий», что послужило основанием для атрибуции. Датируется 1923 годом.

Гамп (Амп, Хамп) Пьер (1876–1962) – французский писатель.

«Песнь песней» (1922), рус. перевод вышел в 1925 г.

«Рельсы» (1912) переведены в 1925 г.

ЦБ – Центральное Бюро.

Суварин Борис (1895–1984) – один из создателей Французской коммунистической партии; в 1924 г. исключен из нее за выступления в поддержку Троцкого; см. также примеч. «Кулисы французской печати».

По красноармейским рукописям (с. 107–111)

Красная армия. Киев, 1924. 13 янв. Печ. по тексту газеты. Датируется временем публикации. Написано во время пребывания М. в Киеве. Публикации содействовал его знакомый Л. М. Длигач (см. примеч. «Стансы» 1935 г.). О факте публикации сообщал поэт Н. Ушаков (Ветер Украины. Киев, 1929. Кн. 1. С. 123).

Saint-Ogan L. Toudiche. Рецензия (с. 111–113)

Слово и судьба: Осип Мандельштам: Исслед. и материалы. М., 1991 (публ. К. Азадовского, А. Меца). Печ. по автографу (ИРЛИ. Ф. 542). Рецензия на книгу: Saint-Ogan L. Toudiche. Paris: Flammarion, 1924. Выполнена для изд-ва «Время». Датируется октябрем–ноябрем 1924 г. по дате второй рецензии (см. ниже). Вторым рецензентом романа был Н. Н. Шульговский (1880–1934?), автор нескольких стихотворных сборников, а

также популярных книг по теории и практике поэтического творчества (в 1926 г. «Время» выпустило его «Занимательное стихосложение»). Он писал: «Впечатление такое же, как от сонаты Моцарта. И наряду с этим чисто эстетическим впечатлением чувствуется и колорит эпохи, проходящей в ряде ярких картин... Первая часть романа интереснее второй. Приблизительно с сотых страниц идет эпизод с путешествием одного авантюриста, невольно напоминающий “Мертвые души” в миниатюре. Это – худшая часть романа. Далее интерес снова восстанавливается. Все выведенные лица интересны и запоминаются. Неинтересен для нас после “Мертвых душ” лишь мошенник Лоран. Ввиду хорошего знания Гоголя во Франции можно подозревать известное заимствование» (рецензия датирована 28-м октября 1924 г.)

Сент-Оган Лефевр (Alain Marie Joseph Paul Louis Fernand Lefebvre Saint-Ogan, 1895–1974) – французский писатель.

...заменяет Тудиш. Далее следовало зачеркнутое: обманутая невеста не идет к столу, плачет; отец [.....]

«Кафе на ходу» – кафе быстрого обслуживания.

M-lle Mars (Мадемуазель Марс, наст. фамилия Буте, 1779–1847) – известная актриса, писательница; автор многочисленных пьес.

Если б на обложке не стояло прославленное нескромным издателем имя А. Франса... Надпись гласила: «Сочинение издано при поддержке месье Анатоля Франса, члена Французской Академии».

Сент-Оган Л. Тудиш. Предисловие (с. 113–119)

Сент-Оган Л. Тудиш / Пер. под ред. О. Мандельштама и Г. П. Федотова; [Предисл. О. Мандельштама]. Л.: Время, 1925. Подписано: О. Колобов. Печ. по этому источнику. О принадлежности псевдонима см.: *10*, с. 10. Книга вышла в апреле (?) 1925 г. Написано на основе рецензии на ту же книгу (см. выше).

Бернард Шоу направил свой удар на личность самого Наполеона. Вероятно, имеется в виду пьеса Б. Шоу «Избранник судьбы» – вымышленный эпизод из жизни молодого Наполеона.

Франклиновские очки – очки с биполярными (для близи и для дали) стеклами, названы по имени изобретателя Бенджамена Франклина (1706–1790).

...ликвидаторов революции! «Ликвидаторы революции» – метафора, применявшаяся Лениным в полемике 1908–1912 гг. по отношению к меньшевикам, позднее Троцким в полемике со сторонниками Сталина.

Strobl K. H. Gespenster im Sumpf. Рецензия (1) (с. 119–120)

Слово и судьба: Осип Мандельштам: Исслед. и материалы. М., 1991 (публ. К. Азадовского, А. Меца). Печ. по автографу (ИРЛИ. Ф. 542). Рецензия на книгу: Strobl K. H. Gespenster im Sumpf. Leipzig: L. Stackmann, 1920. Выполнена для изд-ва «Время». Датируется октябрем–ноябрем 1924 г. по дате второй рецензии, Н. Н. Шульговского. Он писал: «Дело не в гибнущей Вене как реальном городе, а в том развале духа, к которому приводит крушение всех основ жизни при еще не обретенных новых принципах миросозерцания... Роман интересен, но, несмотря на прекрасный язык, читается с напряжением и сильно действует на нервы. Обыкновенному читателю будет трудно разобраться в нем, сама уже литературная основа не настолько “приключительна”, чтобы привлечь его. Это – произведение для вполне образованного человека. В цензурном смысле встретится ряд затруднений. Будет обвинение и в мистических, и в религиозных воззрениях, да и в одной аллегории, если цензура догадается о ней. Роман безусловно заслуживает внимания, но про запас» (датирована 27-м октября 1924 г.)

Штробль Карл Ганс (1877–1946) – австрийский писатель.

«Gespenster im Sumpf» (*нем.*) – «Призраки на болоте».

...унаследованного от Жан Поля и Гофмана... Жан Поль (наст. фамилия Рихтер, 1763–1825) – немецкий писатель; искусный стилист; двупланная композиция его произведений оказала влияние на Э. Т. А. Гофмана. Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776–1822) – писатель и композитор, выдающийся представитель немецкой романтической школы. Произведения Штробля зрелого периода выдержаны в гротескно-фантастической манере, отмеченной влиянием Э. Т. А. Гофмана.

...Иоканаана-столпника... Данная метафора – «сборная», характеризует персонаж книги Штробля. Иоканаан в пьесе О. Уайльда «Саломея» и поставленной по ней опере Р. Штрауса (1905) – пророк Иоанн Креститель.

...ссылками на исследования Ник. Морозова. Морозов Николай Александрович (1854–1946) – революционер-народоволец. Приговорен к пожизненному заключению в 1881 г., отбывал наказание в Шлиссельбургской крепости до Революции 1905 г. В заключении написал 26 рукописных томов трактатов по естественным наукам, истории культуры, истории религии. Также писал стихи и прозу.

Strobl K. H. Gespenster im Sumpf. Рецензия (2) (с. 121)

Слово и судьба: Осип Мандельштам: Исслед. и материалы. М., 1991. (публ. К. Азадовского, А. Меца). Печ. по автографу (ИРЛИ. Ф. 542). Написано на бланке-таблице политического отзыва редсектора Госиздата, под типографски набранным заголовком раздела: «Точное указание мест политически недопустимых или сомнительных». В другом разделе таблицы («Автор и название произведения») рукой М. проставлено: «Karl Hans Strobl. Gespenster im Sumpf. Leipzig: L. Stackmann. 1920». В раздел «Краткое заключение рецензии о целесообразности издания с точки зрения политической» М. внес: «Очень большое сокращение по всей книге – поможет вылущить интересное и здоровое ядро». Выполнена для изд-ва «Время». Датируется октябрем–ноябрем 1924 г. Обстоятельства возникновения этой рецензии и происхождение бланка, на котором она написана, не выяснены. Принимая во внимание наличие предшествующей рецензии, можно с уверенностью судить лишь о том, что настоящая выступает действительно в функции «политического» отзыва.

Morbus viennensis, «венская болезнь» (*лат.*) – название легочного туберкулеза в XVIII веке.

По Рингу и Пратеру... Ринг – кольцо бульваров в Вене. Пратер – королевский (позднее национальный) парк в Вене.

Гофман, Жан Поль Рихтер. См. предшествующее примеч.

Новые произведения Жюля Ромена (с. 122–124)

Красная газ. Веч. вып. 1925. 17 янв. Печ. по тексту газеты. Писалось накануне публикации.

Ромен Жюль (Romain, Jules; псевдоним, наст. имя – Луи Фаригуль; 1885–1972), французский писатель. Член

Французской Академии (1946). Один из наиболее видных писателей, входивших в объединение «Аббатство» (1906), основоположник унанимизма – литературного направления, принципы которого сформулировал в поэме «Единодушная жизнь» («La Vie unanime», 1908).

...пьеса «Старый Кромдейр» и повесть «Обормоты». Обе названные книги Ж. Ромена вышли в 1925 г. в переводе М., см. предисловия к ним в наст. томе.

«Армия в городе» (1911) – пацифистская драма в стихах. Листы с переводом М. сохранились в АМ. О ней М. пишет также в предисловии к книге «Кромдейр-старый» Ромена.

«Доонго-Тонка» («Доногоо-Тонка») – «кинороман» Ж. Ромена. В русском переводе вышел в 1922 г.

«В театре нет места обособленной личности... борьбу, их взаимное проникновение». Перевод этого текста принадлежит, по-видимому, М.

...художника Курбе, когда впервые появились в живописи толстые деревянные башмаки и крестьянские блузы. Курбе Гюстав (1819–1877) – французский художник. Участник Революции 1848 г. и Парижской коммуны. М. подразумевает его картины, изображающие людей труда – «Дробильщики камня» и др.

Ромен Ж. Кромдейр-старый. Предисловие (с. 125–129)

Ромен Ж. Кромдейр-старый / Пер. [и предисл. к рус. изд.] О. Э. Мандельштама. Л.; М.: ГИЗ, 1925. Печ. по этому источнику. Подписано инициалами: О. М. Перевод пьесы был выполнен в 1923 г. для МХТ, принят театром, но постановка осуществлена не была, см.: *10*, с. 9. Датируется началом 1925 г. по времени выхода книги из печати.

...литературной школы, именующейся унанимизмом... Жюль Ромен, Ренэ Аркос, Дюамель, Вильдрак... Кроме поименованных, в группу входили Ж. Шенневьер, Л. Дюртен и П. Ж. Жув.

«Ода нескольким людям» Дюамеля Мандельштамом была переведена, см. в т. 1 наст. изд.

«Армия в городе». См. примеч. «Новые произведения Жюля Ромена».

...«наслоенный шум от тысячи дыханий» – цитата из «Оды нескольким людям» Дюамеля в переводе М.

Ромен Ж. Обормоты. Предисловие (с. 129–131)

Ромен Ж. Обормоты / Пер. под ред. О. Мандельштама и Г. П. Федотова; [Предисл. к рус. изд. О. Мандельштама]. Л.: ГИЗ, 1925. Без подписи, атрибуцию см.: *10,* с. 9. Печ. по этому источнику. Датируется началом 1925 г. по времени выхода книги из печати.

Бартель М. Завоюем мир! Предисловие (с. 131–133)

Бартель М. Завоюем мир! Избранные стихи / Пер. [и предисл.] О. Э. Мандельштама. Л.; М.: ГИЗ, 1925. Без подписи, атрибуцию см.: *10,* с. 9. Печ. по этому источнику. Датируется началом 1925 г. по времени выхода книги из печати.

Бартель Макс (1893–1975) – немецкий поэт. С четырнадцати лет работал, вступил в социалистический союз рабочей молодежи; бродяжничал по странам Европы. Четыре года сражался на фронте солдатом. Со стихами выступил в 1916 г. В 1918 г. вступил в Коммунистическую партию Германии и участвовал в ноябрьской революции в Штутгарте; после подавления революции был заключен в тюрьму. В 1920 г. совершил длительную поездку по России.

...создает классового поэта из чуждого материала, перерабатывая в горниле классовой борьбы идеалистическую психологию... Бартель родился в разорившейся мещанской семье; в первых его стихотворениях, напечатанных в социал-демократической печати, большое место занимают описания природы, скитальчества, мечты, любовь и призывы к братству и свободе.

Фрейлиграт, Гервег. Фрейлиграт Фердинанд (1810–1876) – немецкий поэт. В ранних произведениях испытал влияние романтизма, в дальнейшем перешел на революционные позиции, был сотрудником К. Маркса. Гервег Георг (1817–1875) – немецкий поэт-революционер, соратник К. Маркса.

Решетка – излюбленный Бартелем символ: см. его «Страну за решеткой» (авторское примечание). «Страна за решеткой» («Das vergitterte Land») – сборник рассказов Бартеля (1922).

И брызнет сок... ветвей – из ст-ния Бартеля «Призыв» в переводе М., см. в томе 1 наст. изд.

...поэта германского «Марта», поэта 19-го года. Подразумевается второе берлинское восстание 5 марта 1919 г. и его подавление, см. ст-ние Бартеля «Видение Носке» в указанном выше сборнике.

...собранными в «Утопии»... Здесь «Утопия» («Utopia») – сборник стихотворений Бартеля (1920).

Кулисы французской печати (с. 133–138)

Ленинград. 1925. № 26 (18 июля). Подписано псевдонимом: Колобов (см. *10*, с. 2). Печ. по этому источнику.

Анонсированная книга вышла в марте 1926 г. под загл. «За кулисами французской печати» в переводе М. и с предисловием К. Радека. По названию книга имела предшественницу: Лажьен-Вилар Андре. Кулисы французской печати: Нравы и шантаж прессы (1895).

«Тан» («Le Temps»), *«Матэн»* («Le Matin»), *«Журналь де Деба»* («Le Journal des Débats») – французские газеты.

Во Франции эта книга не выйдет. Автор книги – человек бывалый и знающий больше, чем ему полагается знать... Имя автора в издании названо не было; в делопроизводстве издательства рукопись проходила под фамилией «Гартман» (*10*, с. 10). Вошедшая в книгу переписка Рафаловича и Извольского (см. ниже) была впервые напечатана Борисом Сувариным (в то время входил в руководство Французской компартии) в газете «Юманите» (5 дек. 1923 – 30 марта 1924). Эта публикация повлекла за собой судебный процесс, который Суварин проиграл (см. ниже). Но в 1924 г. Суварин был исключен из компартии за поддержку Троцкого. Три этих обстоятельства, хотя и разнородных по характеру, указывают на то, что Суварин мог быть причастен к писанию книги, изданной анонимно; дальнейший анализ потребует детального исследования.

Тунское озеро – в Швейцарии.

Эпоха русских займов – 1887–1914 гг. Кампания была связана с переориентацией рынка российских государственных займов во Францию из Германии, с которой у России в 1887 году резко обострились политические и экономические отношения. Ситуация была неблагоприятной для этой масштабной финансовой операции. С одной стороны, французские инвесторы еще не работали с российскими ценными бумагами, с другой – даже официальные лица Франции сомневались в целесообразности

помощи царскому правительству. Правительство России понимало значение рекламы при проведении публичных финансовых операций. Методы, которые использовались в те годы, лишь немногим отличались от современных. Необходимо было использовать французскую прессу, и на рекламу первого русского займа во Франции было выделено не менее 1 млн золотых франков. В эту сумму вошли затраты на размещение заказных статей во французской прессе, выпуск и распространение специальных плакатов и афиш и пр. В 1887 г. ответственные лица российского Минфина провели встречи с французскими банкирами. В результате успех финансовой операции был обеспечен. Когда в конце 1888 г. на Парижской бирже выпустили облигации первого русского 4% займа на сумму 500 млн золотых франков, их приобрели более 100 тыс. вкладчиков. И в дальнейшем Россия размещала во Франции новые государственные займы, при этом расходы на публикации и рекламу предусматривались особо. В 1905–1907 гг. российское правительство выделяло около 100 тыс. золотых франков в месяц для французской прессы. Для крупнейшего займа 1906 г. было потрачено на рекламу 1,5 млн франков. К 1900 г. во Франции мелкими держателями облигаций русских займов являлись более 10 млн человек. Люди продавали дома, землю, драгоценности, чтобы купить «царские бумаги». В 1910 г. из трех иностранных облигаций, проданных на Парижской бирже, одна была русской. (Использованы материалы статьи Ю. Голицына: Карьера. 2005. № 4).

Сенатор Бертула – собственник «Либертэ»... Жорж Бертула (Georges Berthoulat, 1859–1930) был депутатом в 1903–1906 гг.; противник Дрейфуса и член «группы колониалистов» в Народном собрании. В 1920–1930 гг. – сенатор. Журналист, главный редактор газеты «Либертэ» в 1898–1920 гг.

...депутат Тардьё, позже министр, один из авторов Версальского договора, – акционер множества больших газет, собственник «Эко Насьональ»... Андре Тардьё (André Tardieu, 1876–1945) – дипломат, государственный деятель. По окончании Высшей нормальной школы занимался журналистикой, в 1903–1914 гг. – внешнеполитический обозреватель газеты «Тан». В 1914–1924, 1926–1936 гг. – депутат парламента. В 1919–1920 гг. в качестве делегата Франции активно участвовал в подготовке Версальского мирного договора и в работе Парижской мирной конференции. В 1919–1920 гг. – министр

освобождённых районов. Позднее, в 1929–1930 и 1932 гг. – премьер-министр. Один из лидеров правых кругов французской буржуазии. В 1930-е гг. выступал с требованием усиления исполнительной власти и ограничения прав парламента. Автор работ по истории дипломатии, в том числе книги «Мир» (1921, рус. перевод 1943). Газета «Эко Насьональ» («L'Echo national»), созданная и возглавлявшаяся Тардьё, существовала в 1922–1924 гг.; успеха не имела и на общественное мнение не влияла.

...депутат Леон Додэ – директор «Аксион Франсэз»... Леон Доде (Léon Daudet, 1867–1942) – писатель, политический деятель. Старший сын писателя А. Доде. В 1908 г., получив 300 000 франков в наследство от отца, вложил их в создание журнала «Аксьон Франсэз» («L'Action française»). Во время Первой мировой войны журнал был защитником доктрины тотальной войны и специализировался на охоте за «предателями», т. е. вел кампанию против пацифистов, в связи с чем пользовался популярностью в народной среде. Был близок к милитаристским кругам и получил доступ к эксклюзивной информации. В 1920 г. журнал выступал против взяточничества журналистов, например, обвинял Шарля Риве (см. ниже) в получении 520 000 франков от советской стороны. К 1925 г. Л. Доде – автор нескольких скандальных романов, где обличались радикальные политические деятели, еврейские банкиры и т. п. В 1913 г. в России вышла его книга «Перед войной. Исследования и документы о немецко-еврейском шпионстве во Франции со времен дела Дрейфуса».

...Клемансо – собственник «Л'Ом Либр»... Жорж Клемансо (Georges Clemenceau, 1841–1929) – известный политический деятель и журналист. Был замешан в скандале вокруг Панамского канала (см. ниже). Избран сенатором в 1902 г.; премьер-министр в 1906 г., повторно назначен в 1917 г. и выступал сторонником «тотальной мобилизации прессы до окончательной победы». Газету «Л'Ом Либр» («Свободный человек») создал в 1913 г.

...сенатор Беранже – собственник «Журналь». Анри Беранже (Henry Bérenger, 1867–1952) – публицист и журналист. Сенатором был избран от бывшей колонии, острова Гваделупа, в 1912 г. (сохранял пост до 1945 г.). В заметке ошибка – сенатор Беранже не был собственником газеты «Журналь». Стоял на либеральных позициях, хотя в 1914 г. поддержал закон о контроле государства над прессой. В 1938 г.

был одним из организаторов межгосударственного комитета помощи еврейским беженцам; в 1940 г. имел мужество голосовать против полномочий маршала Петена. «Журналь» после 1920 г. был антикоммунистической газетой, но выступал и против крайне правых.

Артур Германович *Рафалович* (1853–1921) – экономист. Как ученый был известен своими ежегодными обзорами мирового финансового рынка, был избран членом Французской Академии наук. Русский подданный, действительный статский советник и кавалер орденов Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 2-й степени и Св. Станислава 2-й степени, потомственный почетный гражданин. Был назначен коммерческим агентом Министерства финансов в Париже в 1894 г. В упоминаемой переписке обсуждались вопросы выделения сумм органам печати Франции на ведение кампании по размещению русского займа во Франции.

Извольский Александр Петрович (1856–1919) – дипломат, в 1906–1910 гг. – министр иностранных дел Российской империи, с 1910 г. – посол России во Франции. Уволен Временным правительством в 1917 г., остался жить в Париже.

Коковцев (Коковцов) Владимир Николаевич (1853–1943) – в 1904–1905 и 1906–1914 гг. – министр финансов Российской империи, в 1911–1914 гг. – председатель Совета Министров. Эмигрировал во Францию в ноябре 1918 г., автор мемуаров. В марте 1924 г. участвовал в процессе между «Юманите» и «Матэн» (см. ниже), удостоверяя документы, опубликованные Суавриным.

«Эко де Пари» («L'Echo de Paris») издавалась с 1883 г., была органом правых католических, националистических кругов.

«Фигаро» («Le Figaro») – ежедневная газета с 1886 г. Выступала в поддержку Дрейфуса. После войны газету приобрел парфюмер Луи Коти и заставил редакцию прославлять итальянский фашизм.

Пуанкаре вызывал к себе Извольского и давал ему инструкции о распределении денег на предмет пропаганды займов и поддержки русской политики незадолго до войны. Раймон Пуанкаре (Raymond Poincaré, 1860–1934) в 1912 г. был министром иностранных дел, в 1913 г. избран президентом Франции. Впервые упомянутый факт был оглашен в указанной публикации Б. Суварина, в номере «Юманите» от 7 января

1924 г. На заседании Народного собрания 12 января с соответствующим вопросом к Пуанкаре обратился депутат-коммунист М. Кашен, но Пуанкаре уклонился от ответа. Позднее, в третьем томе своей книги «На службе Франции. Девять лет воспоминаний», Пуанкаре писал о публикации Суварина и отметил, что тот слепо доверился словам Извольского и Рафаловича (Panné Jean-Louis. Boris Souvarine. Paris, 1993. P. 132). Французский историк Рене Жиро в своем труде о «русских займах» (Girault René. Emprunts russes et investissements français en Russie, 1887–1914. Paris, 1999) не отмечает участия Пуанкаре.

Шарль Риве – журналист газеты «Тан» (до 1931 г.), специальный корреспондент в России, действительно подписал с царским правительством 15/28 января 1916 г. контракт на издание двух иллюстрированных приложений газеты о военной мобилизации России; после Февраля действительно вел переговоры с Временным правительством, что подтверждают также его письма министру финансов Временного правительства И. Скворцову-Степанову («...L'abominable vénalité de la presse...»: D'après les documents des archives russes (1897–1917). Paris, 1931. P. 411–414, 434–435).

Бюно-Барилла скупил все акции «Матэн». Он – самодержец. Во время войны он раздавал ордена имени «Матэн»... В героическую пору своей карьеры Бюно-Барилла был заинтересован возобновлением работ на Панамском канале. Под одной фамилией М. объединил двух братьев Бюно-Варилла – Мориса (1856–1944), собственника «Матэн» с 1884 г. до своей смерти, и Филиппа (1859–1940) – «героя» строительства Панамского канала. Морис был чрезвычайно амбициозным. Руководил газетой 45 лет под лозунгом: «“Матэн” всё видит, всё знает, всё говорит» – и был выведен Жаном Жироду под именем сенатора Болни в книге «Симон патетический» (1926). Оба брата нажили большие деньги во время строительства Панамского канала посредством огромной растраты. Филипп Бюно-Варилла начал свою карьеру инженером на строительстве Панамского канала, концессия на которое принадлежала в то время Франции. После краха французской компании в 1899 г. подключился к американским лоббистам, добивавшимся в конгрессе выделения средств на сооружение канала. В 1902 г. конгресс США ассигновал 40 млн долл. на покупку акций стройки при условии, что президент Рузвельт добьется от Колумбии

юрисдикции США над зоной прохождения канала. Рузвельт предложил Колумбии за эти земли 100 млн. долл. и арендную плату в 100 тыс. долл. в год. Правительство Колумбии согласилось, но сенат решительно отверг эту сделку. Ф. Бюно-Варилла агитировал американцев за отделение Панамы от Колумбии, в состав которой она тогда входила, получил поддержку президента Рузвельта (их встреча произошла 9 октября 1903 г.) и 2 ноября под защитой американской военной эскадры организовал «революцию», провозгласив независимость от Колумбии. Первым актом нового правительства было согласие на концессию. 18 ноября 1903 г. Бюно-Варилла от имени Панамы подписал Американо-Панамский договор, по которому США получили эту территорию в бессрочное пользование. Сведений об упомянутой М. казни в литературе мы не нашли, однако сохранились фотографии (в частности, во Французской национальной библиотеке), где снят момент, совпадающий с ее описанием.

Дом печати (правильно – Дом прессы, La Maison de la Presse) был создан премьер-министром А. Брианом (1862–1932) в порядке частной инициативы. Возглавлялся Ф. Бертело, поддерживался Клемансо. Задачами ставились – прокламировать французское военное дело за границей путем приема иностранных журналистов во Франции и лекций в нейтральных странах. О фактах, отмеченных М., сведений в литературе нами не было найдено.

Эдмон Ростан (1868–1918) – французский поэт и драматург. С 1903 г. – член Французской Академии.

...последним процессом «Матэн»... После публикации Б. Суварина (см. выше) «Матэн» подала на него в суд с иском в 1, 5 млн франков. В ответ «Юманите» подала встречный иск, обвинив «Матэн» в диффамации. Процесс начался 16 января 1924 г., в результате М. Бюно-Варилла получил 10 000 франков (Panné J.-L. Указ. соч. P. 132).

Эрман А. Скипетр. Предисловие (с. 138–141)

Осип Мандельштам. Поэтика и текстология. М., 1991 (атрибуция и публ. С. Василенко). Датируется второй половиной 1924 г.

Печ. по изданию: Эрман А. Скипетр: Пьеса-роман в 18 гл. / Пер. с франц. и примеч. Т. А. Богданович; [Предисл. к рус. изд. О. Мандельштама]. Л.: Гос. изд-во, 1925. В АМ – копия

Н. М. (с автографа, неполная), текст печатался: Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исслед. и материалы. М., 1991 (публ. С. Василенко, Ю. Фрейдина). Издание на французском языке: Hermant A. Sceptre. Paris: P. Ollendorff, 1896 (переиздана в 1910). Эрман Абель (1862–1950) – французский писатель.

...дело Дрейфуса... – см. примеч. «Шум времени».

...развязка Панамы... – речь идет о скандальной афере и банкротстве «Всеобщей компании межокеанского канала» (1889); об истории Панамского канала см. примеч. «Кулисы французской печати».

Леопольдъ, «король бельгийцев» – король Леопольд II (1835–1909).

Епископ, в миру буржуа Левек означен в «Действующих лицах»: «Серафим, епископ Вавилонский, путешествующий под именем Серафима Любека».

Князь Ничего означен там же как «граф Ничего, бывший король Кандии».

Лекаш Б. Радан Великолепный. Предисловие (с. 141–146)

Лекаш Б. Радан Великолепный / Пер. [и предисл. к рус. изд.] О. Мандельштама. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927 [фактически 1926]. Без подписи, атрибуция Д. Сегала. Печ. по этому источнику. Датируется первой половиной 1926 г. Перевод М. переиздан в 2004 г.

Издание на французском языке: Lecache B. Jacob. Paris: Gallimard, 1925. Перевод названия: «Иаков».

Лекаш Бернар (1895–1968) – французский писатель, общественный деятель, журналист; герой французского Сопротивления (его именем названы улицы в городах Франции). Основатель Международной лиги против антисемитизма и журнала «Право на жизнь». На рус. язык в 1920-е гг. переведены также его книги «Когда Израиль умирает» и «Польша без маски» (обе – 1928).

«Action Française» – журнал, см. примеч. «Кулисы французской печати».

«Антология французского пораженчества», составленная Жаном Максом – Anthologie des défaitistes. Paris: Bossard, 1925. Составитель – Jean Maxe (псевдоним, наст. имя не установлено), был также автором «De Zimmerwald au bolche-

visme» (Paris, 1920) и издателем многотомных «Cahiers de l'anti-France» (1922–1924).

Объектом его ненависти являются Ромен Роллан... – против Роллана была направлена книга А. Массиса (Henri Massis) «Ромен Роллан против Франции» (Romain Rolland contre la France, 1915, переизд. 1927).

«Clarté», «Кларте» – первое международное объединение писателей и деятелей культуры, выступившее против империалистической войны 1914–1918 гг., за переустройство общества на социалистических началах. Создано А. Барбюсом в 1919 г. Издавались газета (с 1919) и журнал «Кларте» (1922–1928).

«La Revue Juive» – газета, издавалась в Париже с 1925 г.

Блох (общепринятый перевод: Блок) Жан Ришар, см. примеч. к рецензии на книгу: Bloch J.-R. Destin du Siècle. См. примеч. к ст-нию «Не надо римского мне купола...» в т. 1 наст. изд.

Андре Спир (1868–1966) – французский поэт. С 1905 г. в его стихах преобладает тема судьбы еврея и евреев. Выступал как публицист во время процессов Дрейфуса, позднее со статьями против антисемитизма. Один из основателей, вместе с Э. Флегом, «еврейского течения» во французской литературе.

Эдмон Флэг (Флег, 1874–1973) – французский поэт, драматург, эссеист. Творчество Флега связано в основном с «еврейской темой». Состоял членом французской секции Всемирного еврейского конгресса.

Макс Жакоб (1876–1944) – французский писатель и художник. Будучи евреем, перешел в католичество (1915). Умер в концлагере.

Бласко Ибаньес В. Земля для всех. Рецензия (с. 146)

Звезда. 1991. № 1 (публ. Н. Князевой, А. Меца). Печ. по неавторизованной машинописи (собр. М. С. Лесмана). Датируется 1926 г. по времени издания русского перевода.

Бласко Ибаньес Висенте (1867–1928) – испанский писатель. Рецензируемое издание: Бласко Ибаньес В. Земля для всех. / Пер. с исп. Д. Выгодского. Л.: Прибой, [1926]. («Книжные новинки»).

Писателя-эмигранта. Бласко Ибаньес стал эмигрантом в 1923 г. после установления военной диктатуры в Испании. Жил во Франции.

Cohen R. Out of the Shadow. Рецензия (с. 146–148)

Звезда. 1991. № 1 (публ. Н. Князевой, А. Меца). Печ. по авторизованной машинописи (собр. М. С. Лесмана). На верхнем поле виза редактора: «Согласен. 18. XI <1926> Мовшенсон». Датируется по визе.

В машинописи название книги: Роза Коген. Американская ночь. Поскольку действие в книге ведется от первого лица, М., отождествляя героиню с автором, берет ее имя в кавычки.

Рецензируемое издание: Cohen R. Out of the Shadow. New York: George H. Doran company, [1918]. Рус. перевод: Когэн Р. Сквозь ночь. / Пер. Н. Я. Хазиной. Под ред. О. Э. Мандельштама. [Л.: Прибой, 1927]. Книга переведена Н. Я. Мандельштам, см. письмо 113.

Коген (наст. фамилия – Gallup) *Роза* (1880–1925) – американская писательница. Перевод названия: «Из тени».

La Mazière P. J'aurai un bel enterrement! Рецензия (с. 148–149)

Книга: Исслед. и материалы. 1988. Вып. 56 (публ. А. Меца, В. Сажина). Печ. по копии Н. М. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 550). На бланке для внутренних рецензий Ленгиза с вопросами: 1. Общий характер произведения: язык, стиль, научные или художественные достоинства, оценка популяризации. Ответ: «Форма автобиографическая. Сгущенный реализм. Живость рассказа. Меткие характеристики на глубоком социальном фоне». 2. Для какого круга читателей предназначается. Ответ: «Для самого широкого круга читателей». 3. Краткое заключение рецензента. Ответ: «Легко усваивается. Дает ценный материал по современной Франции. Безусловно заслуживает перевода». Виза редактора: «Согласен. 16.XII <1926> Мовшенсон».

Рецензируемое издание: La Mazière P. J'aurai un bel enterrement! Paris: Baudinière, 1924. Русские переводы: Ла Мазьер П. Меня пышно похоронят / Пер. с франц. З. Львовского. Л.: Время, 1927. Ла Мазьер П. Катафалк сенатора / Пер. с франц. А. Ходасевич. Л.: Прибой, 1927. Ла Мазьер Пьер (1879–?) – французский писатель.

«Лионский кредит» – известный французский банк.

«Патэ» – ведущая французская кинокомпания.

Machard A. Printemps sexuels. Рецензия (с. 149)

Книга: Исслед. и материалы. 1988. Вып. 56 (публ. А. Меца, В. Сажина). Печ. по автографу (ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 550). Виза редактора Д. И. Выгодского: «Отклонить. 8. I. <19>27».

Рецензируемое издание: Machard A. Printemps sexuels. Paris: J. Ferenczy et fils, [1926]. *Машар* Альфред (1887–1962) – французский писатель. В тексте рецензии перевод названия: «Пробуждение пола»; буквально: «Весна сексуальности».

Thiess F. Das Tor zur Welt. Рецензия (с. 150)

Книга: Исслед. и материалы. 1988. Вып. 56 (публ. А. Меца, В. Сажина). Печ. по автографу (ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 550). Виза редактора Д. И. Выгодского: «Отклонить. 11. I. <19> 27». Датируется по визе. В угловых скобках восстановлена утраченная часть текста.

Рецензируемое издание: Thiess F. Das Tor zur Welt: Roman. Stuttgart: J. Engelhorns Nachfolger, [1926]. Тисс Франк (1890–1977) – немецкий писатель. Перевод названия: «Врата в мир».

Шпильгаген Фридрих (1824–1911) – немецкий писатель. Замечание М. подразумевает второсортность его произведений, популярных в России в начале XX в.

...немецким юношеством и его трагедией. Речь идет о жертвах Первой мировой войны и поражении революции 1919 г. в Германии, последовавшей за ней реакции и экономической разрухе. Замечания о войне и общности ее значения для исторических судеб Германии и России см. в предисловии к книге М. Бартеля «Завоюем мир».

Lunel A. Niccolo-Peccavi, ou l'Affaire Dreyfus à Carpentras. Рецензия (с. 150–152)

Книга: Исслед. и материалы. 1988. Вып. 56 (публ. А. Меца, В. Сажина). Печ. по копии Н. М. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 548). На листе виза редактора Д. И. Выгодского: «Отклонить. 7. I. <19>27». Датируется по визе.

Рецензируемое издание: Lunel A. Niccolo-Peccavi, ou l'Affaire Dreyfus à Carpentras. Paris: Gallimard, [1926]. Люнель

Арман (1892–1977) – французский писатель. Перевод названия: «Николо-Пеккави, или Дело Дрейфуса в Карпантра».

Карпантре (Карпантра) – город во Франции, в 23 км от Авиньона.

Purimspiel – празднество (нередко с элементами маскарада и карнавала) дня Пурим (день избавления евреев от уничтожения по проискам царедворца Амана при Артаксерксе, соответственно «Книге Есфирь»).

«Книжные новинки» – книжная серия изд-ва «Прибой».

Неустановленное издание. Рецензия (с. 152–153)

Звезда. 1991. № 1 (публ. Н. Князевой, А. Меца). Печ. по неавторизованной машинописи (собр. М. С. Лесмана). Датируется 1926–1927 гг.

Meyrink G. Goldmachergeschichten. Рецензия (с. 153)

Звезда. 1991. № 1 (публ. Н. Князевой, А. Меца). Печ. по автографу (собр. М. С. Лесмана). В угловых скобках восполнены утраты текста. На бланке для внутренних рецензий Ленгиза. Ответы М. на вопросы анкеты: Автор: «Gustav Meyrink». Название: «Goldmachergeschichten». Общий характер произведения: язык, стиль, научные и художественные достоинства, оценка популяризации: «Исторические повести (полуфантастика) об алхимиках – с медленным, запутанным, старомоднотягучим развертываньем сюжета». Краткое заключение рецензента: «Недостаточно интересно». Датируется приблизительно: 1926–1927 гг.

Рецензируемое издание: Meyrink G. Goldmachergeschichten. Berlin: August Scherl, 1925. *Мейринк* (наст. фамилия – Мейер) Густав (1868–1932) – австрийский прозаик и драматург, автор романов «Der Golem» («Голем», 1915), «Der Engel vom westlichen Fenster» («Ангел западного окна», 1927) и др. Перевод названия: «Истории про алхимиков». Книга состоит из трех новелл: «Der Mönch Laskaris» («Монах Ласкарис»), «Der seltsame Gast» («Странный гость») и «Die Abenteuer des Polen Sendivogius» («Приключения поляка Сендифогия»).

Фридрих III Бранденбургский (1657–1713), курфюрст Бранденбургский (с 1688 г.); с 1701 г. – прусский король Фридрих I.

Мария Терезия (1717–1780), с 1740 г. – королева Венгрии и Богемии, эрцгерцогиня Австрийская; участвовала в первом разделе Польши (1772).

Giraudoux J. Elpénor. Рецензия (с. 153–154)

Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989. Печ. по автографу в собр. М. С. Лесмана. Датируется 1926–1927 гг.

Жироду Жан (1882–1944) – французский писатель. Рецензируемое издание: Giraudoux J. Elpénor. Paris: Éditions Émile-Paul frères, 1926.

Эльпенор (Ельпенор) – товарищ Одиссея. Спросонок упал с крыши дворца Цирцеи, повредил позвоночник и умер; с его тенью Одиссей говорит в Аиде (Одиссея X, 552–561; XI, 51–80).

Пруст Марсель (1871–1922), *Радиге* Реймон (1903–1923) – французские писатели.

Дебюсси Клод Ашиль (1862–1918) – французский композитор.

Vildrac Ch. Découvertes. Рецензия (с. 154–155)

Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989. Печ. по авторизованной машинописи в собр. М. С. Лесмана. Датируется 1926–1927 гг.

Рецензируемое издание: Vildrac Ch. Découvertes. Paris, 1923. Рус. перевод: Вильдрак Ш. Открытия / Пер. с франц. Т. Тургеневой. Л.: Прибой, 1927. *Вильдрак* Шарль (1882–1971) – французский поэт, драматург, прозаик.

Poulaille H. L'enfantement de la Paix. Рецензия (с. 156–158)

Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989. Печ. по авторизованной машинописи в собр. М. С. Лесмана. Согласно помете, написана для изд-ва «Прибой». Датируется 1926–1927 гг.

Форма № 3.

Отдел .... № 34

Серия ....

№ ....

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

РЕДАКЦИЯ

Проспект 25 Октября, № 28. ДОМ КНИГИ

РЕЦЕНЗИЯ

АВТОР.	Название.	Кол. л.	Фамилия рецензента.
Gustav Meyrink	Goldmacher-geschichten		О. Мандельштам

Общий характер произведения: язык, стиль, научные или художественные достоинства, оценка популяризации.	Для каких читателей предназначается.	Краткое заключение рецензента.
Исторические повести (полуфантастика) об алхимиках — с медленным, ~~запутанным~~ старомодно-тягучим развертыванием сюжета	?	Недостаточно интересно.

ПОДРОБНЫЙ ОТЗЫВ:

Три повести Густава Мейринка об алхимиках, захватывающие эпоху курфюрста Фридриха I Бранденбургского, Марии-Терезии и Польши начала XVII в. — окрашены в ярко неисследовательским романтизмом. Стилизуя [illegible] исторические обстановки, автор упрощает их до анекдотических натяжек. Лишен-

Илл. 1. **Рецензия на книгу Г. Мейринка «Истории про алхимиков».** Автограф, собр. М. С. Лесмана

Рецензируемое издание: Poulaille H. L'enfantement de la Paix. Paris: B. Grasset, 1926. Рус. перевод: Пулайль А. Мир заключен / Пер. с франц. К. И. Варшавской. Л.: Прибой, 1927.

Пулай Анри (1896–1980) – французский писатель, литературный критик. Перевод названия: «Первые шаги мира».

Он настоящий ученик Барбюса и Доржелеса. Барбюс Анри (1873–1935), автор романа «Огонь» (1916), и Доржелес Ролан (1886–1973), автор романов «Машина, которая прикончит войну» (1917) и «Деревянные кресты» (1919), – французские писатели-пацифисты.

Daudistel A. Wegen Trauer geschlossen. Рецензия (с. 158)

Книга: Исслед. и материалы. 1988. Вып. 56 (публ. А. Меца, В. Сажина). Печ. по автографу, на бланке для внутренних рецензий изд-ва «Прибой» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 548). Датируется 1926–1927 гг. по времени работы М. в «Прибое».

Рецензируемое издание: Daudistel A. Wegen Trauer geschlossen: Roman. Berlin: Dietz, 1926. Рус. перевод: Даудистель А. Закрыто по случаю траура / Пер. М. Венус; Под ред. В. Зоргенфрея. Л.: Время, 1927. *Даудистель* Альберт (1890–1955) – немецкий писатель. В переводе Мандельштама вышел роман Даудистеля «Жертва» (1926).

Perutz L., Frank P. Das Mangobaumwunder. Рецензия (с. 159)

Книга: Исслед. и материалы. 1988. Вып. 56 (публ. А. Меца, В. Сажина). Печ. по автографу (ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 550). Датируется 1926–1927 гг. по окружению в архиве.

Рецензируемое издание: Perutz L., Frank P. Das Mangobaumwunder. Eine unglaubwürdige Geschichte. München: A. Langen, [1916]. *Перуц* Лео (1884–1957) и *Франк* Пауль (1885–1976) – австрийские прозаики, драматурги. Перевод названия: «Чудо мангового дерева. Невероятная история».

Rouquette L.-F. La Bête errante. Рецензия (с. 159)

Книга: Исслед. и материалы. 1988. Вып. 56 (публ. А. Меца, В. Сажина). Печ. по автографу, на бланке изд-ва «Прибой»

(ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 550). Датируется 1926–1927 гг. по времени работы М. в «Прибое». Имя автора в рецензии не указано, установлено в наст. изд.

Рецензируемое издание: Rouquette L.-F. La Bête errante, roman vécu du grand Nord canadien. Paris: J. Ferenczi, 1923. Рукетт Луи-Фредерик (1884–1926) – французский писатель. Перевод названия: «Бродячее животное, подлинная история, случившаяся на дальнем севере Канады».

Sanzara R. Das verlorene Kind. Рецензия (с. 160)

Книга: Исслед. и материалы. 1988. Вып. 56 (публ. А. Меца, В. Сажина). Печ. по источнику (рукой Н. М. и автора) в ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 550. Датируется 1926–1927 гг. по окружению в архиве.

Рецензируемое издание: Sanzara R. Das verlorene Kind: Roman. Berlin: Ullstein, 1926. Занцара Рахель (наст. имя и фамилия – Иоганна Блешке; 1894–1936) – немецкая актриса; писательница. С 1918 г. выступала под псевдонимом Занцара (возможно, от санскрит. «сансара» или «самсара», означающего бесконечный круговорот между смертью и возрождением). «Das verlorene Kind» (в переводе с немецкого – «Потерянное дитя») – ее первое и наиболее известное произведение, высоко оцененное в свое время Г. Бенном, К. Цукмайером и др. немецкими писателями. В 1933 г. из-за «еврейского» псевдонима Занцара лишилась возможности публиковаться в Германии. Умерла в Швейцарии. Книга переиздавалась в Германии, последний раз – в 1983 г.; переведена на многие иностранные языки. Сюжетное ядро романа – убийство на сексуальной почве. Действие романа происходит во второй половине XIX века.

Toudouze G. G. L'Homme qui volait le Gulf Stream. Рецензия (с. 160–161)

Книга: Исслед. и материалы. 1988. Вып. 56 (публ. А. Меца, В. Сажина). Печ. по авторизованной машинописи (ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 550). Датируется 1926–1927 гг. по окружению в архиве.

Рецензируемое издание: Toudouze G. G. L'Homme qui volait le Gulf Stream. Paris: Gallimard, 1925. Рус. переводы:

Тудуз Ж. Г. Человек, укравший Гольфстрем / Пер. Е. Руссат и Л. Аронсон. Л.: Вокруг света, 1927; Тудуз Ж. Человек, который украл Гольфштрем / Пер. с франц. Н. Аграфиотти; Под ред. А. Адалис. М.: Молодая гвардия, 1927; Тудуз Ж. Европа во льдах. М.: ЗИФ, 1927. Тудуз Жорж (1877–1972) – французский писатель.

Mann K. Kindernovelle. Рецензия (с. 161–162)

Книга: Исслед. и материалы. 1988. Вып. 56 (публ. А. Меца, В. Сажина). Печ. по копии Н. М. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 550). Датируется 1926–1927 гг. по окружению в архиве.

Рецензируемое издание: Mann K. Kindernovelle. Hamburg: Gebrüder Enoch Verlag, 1926. Книга посвящена «молодому французскому поэту» Рене Клавелю (Clavel; 1900–1935); неоднократно переиздавалась. Манн Клаус (1906–1949) – немецкий прозаик, драматург, эссеист; старший сын Томаса Манна. Автор известного романа «Мефисто» (1936). В 1933 г. эмигрировал из Германии, жил в Париже, затем в Амстердаме, где занимался активной антифашистской деятельностью; в 1938 г. переехал в США. Кончил жизнь самоубийством. Перевод названия: «Детская повесть».

Chérau G. Le vent du destin. Рецензия (с. 162)

Книга: Исслед. и материалы. 1988. Вып. 56 (публ. А. Меца, В. Сажина). Печ. по автографу (ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 550). Датируется 1927 г. по окружению в архиве.

Рецензируемое издание: Chérau G. Le vent du destin. Paris: Plon-Nourrit, 1926. Рус. перевод: Шеро Г. Капризы судьбы / Пер. П. Ариян и В. Ниэнберн. Л.; М.: Книга, 1927. Шеро Гастон (1872–1937) – французский писатель. Перевод названия: «Ветер судьбы».

Имя Гонкура кощунственно на обложке этой книги. Автор был членом Академии Гонкуров (с 1926 г.), что указано на обложке рецензируемого издания. Членами Академии Гонкуров являются десять наиболее известных писателей Франции, они ежегодно присуждают премию за лучшее литературное произведение.

Anet C. La Fin d'un Monde. Рецензия (с. 162–163)

Книга: Исслед. и материалы. 1988. Вып. 56 (публ. А. Меца, В. Сажина). Печ. по автографу, на бланке изд-ва «Прибой» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 550). Датируется 1926–1927 гг. по окружению в архиве.

Рецензируемое издание: Anet C. La Fin d'un Monde. Paris: Grasset, 1925. Рус. перевод: Ане К. Двенадцать тысяч лет назад: Конец старого мира / Сокр. пер. С. Сапожниковой. М.; Л: Молодая гвардия, 1929. Ане Клод (1868–1931) – французский писатель. Перевод названия: «Конец одного мира».

Фр. Коппе – см. примеч. «Буря и натиск».

Récits de la vie américaine. Рецензия (с. 163)

Звезда. 1991. № 1 (публ. Н. Князевой, А. Меца). Печ. по автографу (собр. М. С. Лесмана). Датируется 1926–1927 гг. по времени выхода переводов отмеченных ниже рассказов.

Рецензируемое издание: Récits de la vie américaine / Par J. S. Alvarez, H. Quiroga, A. Maya, J. de Viana, R. J. Payro, A. Arino et al.; Publiés par Ventura Garcia Calderon. Paris: Payot, 1925. Перевод названия: «Рассказы из американской жизни». В рецензии упомянуты следующие рассказы: 1) Альварес Х. Охота на кондора; 2) Пайро Р. Летний плащ; 3) Легисамон М. Последний удар; 4) Сармьенто Д. Поездка на остров Робинзона; 5) Рейлес К. Примитиво.

Русский перевод отмеченных в рецензии рассказов см.: Латинская Америка. [Сборник рассказов] / Пер. Ек. Б. и В. Рахманова; Под ред. и с предисл. Д. Выгодского. [Л.: Прибой, 1927].

Альварес (*Alvarez*) Хосе Сиксто (1858–1903); Пайро (*Payro*) Роберто (1867–1928); Легисамон (*Leguizamon*) Мартиниано; Сармьенто (Sarmiento) Доминго Фаустино (1811–1888) – аргентинские писатели; Рейлес (Reiles) Карлос (1868–1938) – уругвайский писатель.

Les Œuvres Libres. Recueil littéraire ne publiant que l'inédit. T. LXIII. Рецензия (с. 164)

Звезда. 1991. № 1 (публ. Н. Князевой, А. Меца). Печ. по автографу (собр. М. С. Лесмана). Датируется 1926 г. по вре-

мени выхода сборника. В автографе загл.: «Les Œuvres libres, recueil littéraire mensuel, LXIII». Рецензируемое издание: Les Œuvres libres. Recueil littéraire ne publiant que l'inédit. T. LXIII. Paris, [1926]. Перевод названия: «Свободное творчество. Литературный сборник неопубликованных произведений». Состав сборника:

1. Edmond Jaloux. Le dernier jour de la création (Жалу Эдмон. Последний день Творения). Жалу Эдмон (1878–1949) – французский писатель и литературный критик. На русский яз. переведены его произведения «Одинокие», «Лорд Карнваллис» (1912).

2. Caragiale. Le Péché (Караджале. Грех). Караджале Ион Лука (1852–1912) – румынский писатель и драматург. На русский яз. переведены ряд произведений в 1950–1980 гг.

3. André Birabeau, René Wachthausen. Plaire, comédie en quatre actes (Бирабо Андре, Вахтхаузен Ренэ. Нравиться: комедия в четырех актах). Бирабо Андре (1890–1974) – французский писатель и драматург. На русский яз. переведена его комедия «Сын из Конго» (1940). Биографических сведений о Р. Вахтхаузене не получено. Название произведения следует понимать как «соблазнять» или «шармировать».

4. L. Léon-Martin. Passe... pair... et gagne... (Леон-Мартэн Л. Пасс... пэр... гань...). Биографических сведений об авторе не получено. Название – комбинация терминов при игре в рулетку.

5. Robert Destez. Monsieur Papanoix (Дестез Робер. Господин Папануа). Из биографических сведений об авторе известен год рождения – 1892.

Жакт – жилищно-арендное кооперативное товарищество.

Гюго В. Девяносто третий год. Предисловие (с. 164–166)

Гюго В. Девяносто третий год. 2-е изд. / Пер. с франц. М. Шишмаревой; Предисл. к рус. изданию О. Мандельштама. М.; Л.,1927. Печ. по этому источнику. Датируется началом 1927 г. по времени выхода книги из печати.

М. цитирует Гюго в собственном переводе (отчасти вольном). В указанном издании переводы соответствующих мест романа – на с. 282–283, 159–160, 151–152.

...образцы парламентского красноречия Гюго. Занимаясь политикой, В. Гюго дважды избирался в Национальное собрание – в 1848 и 1871 г.

Художник Давид – Давид Жак Луи, см. примеч. «Слово и культура».

Перго Л. Рассказы о животных. Предисловие (с. 166–167)

Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исслед. и материалы. М., 1991 (публ. и атрибуция С. Василенко, Ю. Фрейдина). Печ. по изданию.: Перго Л. Рассказы о животных / Пер. с франц. Е. Филипповой; Под ред. Д. Горфинкеля; [Предисл. к рус. изд. О. Мандельштама]. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927 [фактически 1926]. Без подписи. Датируется 1926 г. Черновой автограф предисловия (АМ), см. в разделе «Другие редакции. Черновики. Записные книжки».

Перго Луи (1882–1915) – французский писатель. Книга переведена с издания: Pergaud L. La Vie des bêtes. Paris, 1926.

Эрман А. Марионетка. Предисловие (с. 167–169)

Осип Мандельштам. Поэтика и текстология. М., 1991 (атрибуция и публ. С. Василенко). Печ. по изданию: Эрман А. Марионетка: Роман из быта киноактеров / Пер. с франц. Ю. Султанова; [Предисл. к рус. изд. О. Мандельштама]. Л.: [Гос. изд-во, 1927]. Без подписи. Датируется 1926 – началом 1927 г.

Абель Эрман (Hermant A., 1862–1950) – французский писатель. Книга переведена с издания: Hermant A. La marionette. Paris: Flammarion, 1926.

Джеки Куган (1914–1984) – киноактер. Будучи привлечен Чарли Чаплином, дебютировал в фильме «Дни удовольствий» (1919), пик славы – после фильма «Малыш» (1921). Был профессиональным детским киноактером. С 1927 г. его карьера стремительно пошла на убыль.

Bloch J.-R. Destin du Siècle. Рецензия (с. 169–171)

СС 2. Т. 3. Печ. по машинописи (АМ, на бланке изд-ва «Земля и фабрика») с поправками по авторизованной копии (АМ). Датируется 1931–1932 гг. Неизвестно, для какого изд-ва

рецензия была выполнена: изд-во ЗИФ прекратило существование в 1930 г. Для рецензии использован сохранившийся бланк ЗИФа.

Рецензируемое издание: Bloch J.-R. Destin du Siècle: Seconds essais pour mieux comprendre mon temps. Paris, 1931. Блох (общепринятый перевод: Блок) Жан Ришар (1884–1947) – французский писатель, общественный деятель, член Французской компартии. Перевод названия: «Судьба века: Новые эссе, написанные для того, чтобы лучше понять свое время».

...и над классами. Далее в рукописи следовало зачеркнутое: он чтит многих богов – от Маркса до Вильсона, и никому не поклоняется.

Радикальный интеллигент, он рекомендует себя «человеком своего поколения», солдатом разбитых [.....]

Радикальный интеллигент, глубоко потрясенный войной и не удовлетворенный победой, он ищет мировоззрение, а пока что пробавляется парадоксами.

...за коммивояжером политики господином Вивиани. Вивиани Рене (1863–1925) – французский политический и государственный деятель, адвокат. В 1893 г. был избран в парламент. Будучи противником осуждения мильеранизма, не вошел в Объединенную социалистическую партию (1905) и вместе с А. Э. Мильераном образовал группу «независимых социалистов» (с 1911 – Республиканская социалистическая партия). Министр труда в кабинетах Ж. Клемансо (1906–1909) и А. Бриана (1909–1910), министр просвещения (1913–1914), премьер-министр (июнь 1914 – октябрь 1915). В июле 1914 г. вместе с президентом Франции Р. Пуанкаре находился с официальным визитом в Петербурге. В октябре 1916 – начале 1917 г. – министр юстиции в кабинете Бриана. Участвовал в Вашингтонской конференции 1921–1922 гг.

...будет спасена. В рукописи следовало зачеркнутое: Как образец медитации Жан-Ришара Блоха приведу эпизод на скамье Шартрского собора. Для кого органная музыка, бушующие краски витражей? Для кучки лавочниц-парижанок с деревянными лицами? – Значит, народ не воспринимает более великого искусства. Ergo – поучимся у средневековья большому стилю, перефразируем его на новый, пока еще неизвестный, лад.

О Троцком – нежная страничка... О Троцком автор пишет на с. 162–163 своей книги.

...революция как таковая, по Жан-Ришару Блоху, умерла. Ее предал СССР, занявшись хозяйственным строительством. О том, что «слово “революция” умерло в 1918 году» и о причинах этого Ж. Р. Блок пишет на с. 171–173 своей книги.

Морис Баррес (1862–1923) – французский писатель и политический деятель, идеолог «Action Française», одной из крупнейших националистических организаций.

Фюстель де Куланж Н. Д. (1830–1889) – французский историк, археолог. Основной труд, исследование о древнем городе, опубликован во Франции в 1864 г. (в рус. переводе: Гражданская община древнего мира. СПб., 1906).

Ферреро Гульельмо (1871–1942) – видный итальянский историк, журналист, писатель. Автор исторических трудов о Наполеоне Бонапарте, Талейране и др. Его труд «Величие и падение Рима» переведен на большинство европейских языков, на русский – в 1915–1923 и в 1997–1998 гг. Ж. Р. Блок пишет о Ферреро в гл. 4 и называет ряд его трудов.

Унамуно Мигель (1864–1936) – испанский писатель и философ.

Гладков. Цитату из романа Ф. В. Гладкова «Цемент» Ж. Р. Блок взял эпиграфом к гл. 4.

...даже разговор Горького с Блоком в Летнем саду. Речь идет о разговоре Горького с Александром Блоком. Этот разговор приводится в сноске на с. 284 книги. Монолог Блока: «Дело в том, что мы слишком умны, чтобы верить в Бога, и недостаточно умны, чтобы верить в себя самих. Как опоры веры есть только Бог и Я». Продолжая монолог, Блок прибавляет: «Мозги! Мозги – это малонадежный орган, чудовищно большой, чудовищно развитый, как зоб» (перевод Ф. Лоэст).

...от настроений Ромен Роллана. Далее в машинописи следовало зачеркнутое: и радикального крыла. Это не что иное, как разоружение пацифизма.

Duhamel G. Géographie cordiale de l’Europe. Рецензия (с. 171–173)

СС 2. Т. 3. Печ. по машинописи с правкой (АМ, на бланке изд-ва «Земля и фабрика»). Датируется 1931–1932 гг. См. примеч. к предшествующей рецензии.

Рецензируемое издание: Duhamel G. Géographie cordiale de l'Europe. Paris, 1931.

Дюамель Жорж (1884–1966) – французский писатель. Входил в группу унанимистов. Перевод названия: «Сердечная география Европы».

В рецензии М. допускает ряд неточностей, например, жена бургомистра бегает на коньках не со служанкой, а с шофером и мн. другое.

Историйка с Саваофом и его архангелами – вымышленная Дюамелем притча о том, как Господь послал ангелов Уриила и Зофиила в Голландию (с. 87–92).

...подкованным каблуком туриста. Далее в машинописи зачеркнутый текст: Эту малоценную и внутренне ничтожную книгу ни в коем случае не следует издавать.

Сквозь розовые очки (с. 173–174)

Московский комсомолец. 1929. 22 сент. Печ. по тексту газеты. Рецензия на издание: Огнев Н. Собрание сочинений. М.: Федерация, 1929. Т. 3: Третья группа. Разбойничий форпост: Дневник Кости Рябцева. Кн 2.

Огнев Н. (псевдоним, настоящее имя и фамилия – М. Г. Розанов, 1888–1938) – писатель.

...от гимназиста Карташова, от героя и вечного именинника старых гимназических книг. Гимназист Карташов – герой тетралогии Н. Г. Гарина-Михайловского «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры» (1892–1907).

...школьник второй ступени... Обучение в школе в то время разделялось на три ступени, приблизительно соответствующие современной начальной, средней и старшей школе.

Никпетож – Николай Петрович Ожогов, учитель Кости.

Письмо тов. Кочину (с. 174–178)

Московский комсомолец. 1929. 3 окт., с редакционным примечанием: «Вместо рецензии на роман Н. Кочина “Девки”, вышедший отдельной книгой в изд-ве “Федерация”, мы помещаем письмо тов. Мандельштама Н. Кочину». Речь идет об издании: Кочин Н. Девки: Роман. М.: Федерация, 1929.

Кочин Николай Иванович (1902–1983) – писатель, его воспоминания о встрече с М. см.: *38*, с. 129–130.

Панферов Федор Иванович (1896–1960) – советский писатель. Основная тема его очерков (в период 1920–1928 гг. составлявших основную часть его творчества) – жизнь крестьян, коллективизация.

Серафимович А. Город в степи. Рецензия (с. 178–181)

«Сохрани мою речь...»: Мандельштамовский сб. М., 1991 (публ. С. Василенко, Ю. Фрейдина). Печ. по автографу (АМ), в угловых скобках восполнено пропущенное автором слово. Копия Н. М. (АМ). Представляет собой внутреннюю рецензию, писавшуюся для изд-ва «Федерация». Рецензируемая книга вышла в 1932 г. (см. ниже). Текст рецензии содержит внутреннюю датировку: 1931 г.

Серафимович Александр Серафимович (1863–1949) за участие в революционном движении (вместе с Александром Ульяновым) и в связи с покушением на Александра III был арестован и выслан в Архангельскую губернию. Собрания сочинений Серафимовича выходили в 1928–1930 гг. и с 1931 г. (не закончено).

Грюндерство – лихорадочно-спешное учредительство предприятий, акционерных обществ и т. п., характерное для периодов оживления капиталистического производства.

Эпоха Витте – период 1888–1903 гг., когда Сергей Юльевич Витте (1849–1915) занимал последовательно должности директора департамента железнодорожных дел и министра финансов.

Неуклюжим посредником между ними и русским модернизмом был Л. Андреев. О творчестве Леонида Андреева см. в главе «Семья Синани» «Шума времени» и примеч. в томе 2 наст. изд.

...прошел в столовую и поцеловал руку жены... Полынов вышел... Эта цитата – на с. 78 издания 1932 г. (см. ниже). Полынов – инженер, один из центральных персонажей «Города в степи».

...несравненно выразительнее этих строк. Далее вычеркнуто продолжение фразы: в которых я нахожу не что иное, как сплошной плеоназм, означающий: я знаю лишь то, что я ничего не знаю – ни о людях, ни о красках, ни о тоске – и умею сказать лишь то, что я ничего не умею.

Какое величье! Далее вычеркнуто: Как подступиться к державному бытописателю, который неизвестно кем и для чего заведен и неизвестно когда выдохнется? Священная мельница! Буддийский верблюд!

...и священного отупения. Далее вычеркнуто: Кричат, что с лица, дескать, нам не воду пить. Тонкими штучками-де ему некогда было заниматься. Он пострадавший от буржуазной критики. Сейчас пришел его денек! А потому жарь и валяй. Разухабистая канонизация!

Тем более странно, что книга Серафимовича издается в 31-ом году издательством «Федерация» с неслыханной хвалебной и рекламирующей аппаратурой. Тут и большой исторический очерк Нерадова... Рецензируемая книга вышла в следующем году: Серафимович А. С. Город в степи / Ред., предисл., примеч. Г. Нерадова. М.: Федерация, 1932. (Массовая б-ка). Нерадов (наст. фамилия Шатуновский) Георгий Борисович (1882 – после 1961) – литературовед.

Фатов Николай Николаевич (1887–1961) – литературовед. Автор монографии о Серафимовиче (1927).

Лежнев Исай Григорьевич (наст. фамилия Альтшуллер, 1891–1955) – публицист, литературный критик. В 1930 г. вернулся в СССР после высылки за границу. Ранее – издатель журнала «Новая Россия».

Ивнев Рюрик. [Рукопись мемуарной книги]. Рецензия (с. 181–183)

Сохрани мою речь. М., 2008. Вып. 4, ч. 1 (публ. Н. П. Леонтьева по авторизованной копии из архива Р. Ивнева, предисл. П. Н. Нерлера). Печ. по указанной копии. Ивнев Рюрик (псевдоним, наст. имя Михаил Александрович Ковалев, 1891–1981) – поэт; во второй половине 1910-х годов – приятель М.

Causerie (франц.) – непринужденная беседа, «болтовня».

Борис Викторович *Савинков* (1879–1925) – террорист, руководитель Боевой организации партии эсеров; в 1917 г. – товарищ (заместитель) военного министра при Временном правительстве, писатель. В начале 1920-х гг. в эмиграции, активный деятель антисоветского движения. Кончил жизнь самоубийством в московской тюрьме (официальная версия).

Царские лакеи любовно склоняют имя Рюрик... По-видимому, обыгрывалось тождество имени Ивнева и норманнского князя, родоначальника русской царской династии.

Ольга Давыдовна Каменева (урожд. Бронштейн; 1883–1941) после Октября заведовала Театральным отделом Наркомпроса.

Коллонтай Александра Михайловна (урожд. Домонтович; 1872–1952) после Октября – народный комиссар общественного призрения.

Коваленков А. А. [Зеленый берег]. Рецензия (с. 183–186)

Вопросы литературы. 1981. № 3 (публ. С. А. Коваленкова). Печ. по прижизненной машинописной копии (неавторизованной) из архива А. А. Коваленкова. Как видно из текста, представляет собой внутреннюю рецензию для Московского товарищества писателей (МТП). Текст содержит внутреннюю датировку: 1933 г. В рецензии авторское название книги, если оно было, не указано. Книга стихов Коваленкова вышла в 1935 г. под названием «Зеленый берег». Как по составу изданной книги, так и по редакциям текстов видно, что и автор, и издательство учли замечания рецензента. Ст-ния и цитаты из них, не раскрытые в следующих ниже примечаниях, в издании 1935 г. отсутствуют. Названия ст-ний в примечаниях указаны по изданию 1935 г.

Коваленков Александр Александрович (1911–1971) – поэт; преподаватель Литературного института им. А. М. Горького. Автор 35 книг, в том числе 24 сборников стихов. В 1957 г. выступил в журнале «Знамя» со статьей «Письмо старому другу», содержащей, наряду с выдержками из настоящей рецензии, фрагменты воспоминаний и инвективы в адрес своего бывшего рецензента: «Мне довелось неоднократно встречаться с Мандельштамом... Запомнились не только его желчные вздохи о невозможности реставрировать на буржуазный лад принципы античного искусства... но и попытки найти контакт с современностью, эстетизировать то, что для нас было самой жизнью, а для него – объектом для самонаблюдения... Думается, что “капиталистические пережитки в сознании” нашли после революции наиболее прочную поддержку у поэтов-акмеистов. Мандельштам был одним из крупнейших представителей этого направления. Предметность, отточенность его стихов была соблазнительным противодействием абстрактному пафосу, которым грешили многие поэты тех лет. Но за каждой строкой этого оказавшего настолько заметное влияние

на литературные течения начала тридцатых годов поэта, что даже появился термин “мандельштамп”, стоял призрак буржуазной цивилизации Запада. Сергей Есенин однажды даже пытался бить Мандельштама. И было за что» (Знамя. 1957. № 7. С. 168–169). В письме в Союз писателей Н. М. констатировала: «Коваленков в № 7 журнала “Знамя” позволил себе непристойный выпад против покойного О. Мандельштама. Коваленков пишет: “Есенин пытался даже бить Мандельштама – и было за что”... За всю мою жизнь с Мандельштамом... никаких столкновений между Мандельштамом и Есениным не было, тем более что Мандельштам не посещал кабаков, где литературные споры могут принимать формы, рекомендуемые журналом “Знамя”. Накануне или за два дня до смерти Есенина я была свидетельницей его дружеской встречи с Мандельштамом» (Мандельштам Н. Я. Книга третья. Париж, 1987. С. 299–300).

...«Огонек», «Красная Нива», «Прожектор» – массовые журналы.

«Тихо сняла винтовку... рядом»; Вникай, озорной смышленыш... слышишъ... – из ст-ния «Совершеннолетние».

И холодок волнения... встает... – из ст-ния «Мотоциклист».

Всё будет так, как нужно... так, как нужно – из ст-ния «Мотоциклист».

...каждую материю... Предполагаем здесь опечатку, при предположительно правильном: *косную материю* (примеч. А. Меца).

От духоты у нас в конце концов... шли из темноты... – из ст-ния «Ночной дозор» (в изд. 1935 г. в другой редакции).

Дагестанская антология: аварцы, даргинцы, кумыки, лаки, лезгины, тюрки, таты, ногайцы. Рецензия (с. 186–192)

Подъем. 1935. № 1. Подписано инициалом: М. Печ. по тексту журнала. Рецензия на книгу: Дагестанская антология: аварцы, даргинцы, кумыки, лаки, лезгины, тюрки, таты, ногайцы / Сост. и коммент. Э. Капиева. М.: ГИХЛ, 1934. Датируется концом 1934 г.

Капиев Эффенди Мансурович (1909–1944) – писатель. В 1935 г. – секретарь Дагестанской писательской организации.

Саидов (Сайдов) Гарун Рашидович (1891–1919) – писатель. Зам. председателя Дагестанского облвоенревкома (1918), член партизанского отряда. Расстрелян карателями.

Черинов (Чаринов) Муэтдин Магомедович (1893–1936) – лакский поэт.

Аварец Махмуд – М. Магомедов (ок. 1873–1919) – поэт. Участвовал в Первой мировой войне. Сблизился с большевиками. Пал от вражеской пули.

Даргинец Батырай – Батырай Омарлы (1826–1910), основоположник даргинской поэзии.

Дзахо Гатуев (1892–1938) – осетинский писатель, писал на рус. языке. Автор исторической повести «Зелимхан» (1926).

Етим Эмин (1838–1884) – лезгинский поэт. Его песни – произведения социального протеста. Записывал стихи, пользуясь арабским алфавитом. Первые публикации осуществлены в советское время.

Глоба Андрей Павлович (1888–1964) – писатель, переводчик (главным образом фольклора народов СССР и иностранного).

Если б цепь порвать... Подо мной опять! – Из ст-ния «Тюрьма царская, проклятая» (с. 22).

Гей, почему все черешни в цвету... Барабаны бьют? – из ст-ния «Салтинский мост» (с. 23).

Шпирт Александр Исаакович (1903–1983) – переводчик, автор поэтических сборников «Мобилизованные строки» (1931), «Взволнованный берег» (1963) и др.

Шамсудин Пирогланов – лезгинский поэт.

«Светлая свобода... как в русле река» – из ст-ния «О свободе, о партии, об армии Красной» (с. 36).

Гаджи Ахтынский (1860–1918) – лезгинский поэт. Писал стихи о жизни рабочих.

Мы слова, нужного двоим... Дагестан. – Из ст-ния «Пробуждение» (с. 223).

«Эй... Голова моя в огне... в Багдад...» – из пьесы «Калайчитал» (с. 173).

Фата́хов Алибек (1910–1935) – лезгинский писатель. Перевел на лезгинский язык «Интернационал».

«В голубой, небесной чаше звезд сияющая россыпь», «план четвертого квартала выполнен наполовину» – цитаты со с. 233–234.

«По густо-синему небу с коротким клекотом... между горами пропасть» – из рассказа «Ночь в Анцухском ущелье» (с. 57).

Стихи о метро. Сб. литкружковцев Метростроя. Рецензия (с. 192–197)

Подъем. 1935. № 5. Подписано: О. М. Печ. по тексту журнала. Рецензия на книгу: Стихи о метро: Сб. литкружковцев Метростроя. [М.:] Гослитиздат, 1935.

Работа над рецензией шла в июне 1935 г. и отразилась в письме Рудакова от 23 июня 1935 г. (Письма Рудакова, с. 68–69). Стихи авторов сборника публиковались в то же время в двух выпусках альманаха «Литературное творчество рабочих авторов Союза железнодорожного транспорта и метрополитена» (М., 1935. Январь; май). Об авторах сборника, за исключением производственных характеристик во вступительной статье, сведениями располагаем только о годе рождения Г. Кострова – 1914. Не прокомментированные цитаты взяты М. из неустановленных источников.

...«не счесть алмазов в каменных пещерах» – цитата из арии индийского гостя оперы «Садко».

...«непонятной, тяжелой землей» – из ст-ния Н. Бахтюкова «Слава» (с. 84).

...«тихий, но строгий бетон» – из ст-ния Н. Бахтюкова «Моя тайна» (с. 63).

Звонил, находясь на Урале... Окончив дела в ЦК. – Из ст-ния Г. Кострова «Песня о главном прорабе» (с. 20). *Каганович* Лазарь Моисеевич (1893–1991) – советский государственный деятель, один из приближенных И. В. Сталина. В 1931–1934 гг. – первый секретарь Московского горкома ВКП(б). В этом качестве курировал строительство Московского метрополитена, с 1935 по 1957 г. носившего его имя.

Не сказал я, что, когда с тобою... ящик легковесней. – Из ст-ния Н. Бахтюкова «Моя тайна» (с. 64).

Да здравствуют... На сотни лет. – Из ст-ния Г. Кострова «За здоровье моих товарищей» (с. 27–28).

...«да здравствуют музы, да здравствует разум» – из «Вакхической песни» Пушкина.

Потери такой... работником средним. – Из ст-ния Г. Кострова «Ответ» (с. 47).

«трамвайский язык» – из поэмы В. Маяковского «Люблю».

«Ползет вода – змеистая, кривая, сверкучая от желтого луча» (Смирнов); у него же: «осеннее чувинькание синиц» – цитаты из ст-ния С. Смирнова «Гордость» (с. 61, 62).

Как широко распахнуты просторы... тишины! – Из ст-ния Н. Бахтюкова «За городом» (с. 80).

Переливчато звенит... седая. – Из ст-ния В. Лихтерман «Песня дробильщицы» (с. 35).

Санников Г. Восток. Рецензия (с. 197–203)

Подъем. 1935. №. 5. Подписано: М. Печ. по тексту журнала. Рецензия на книгу: Санников Г. Восток: Стихи и поэмы, 1925–1934. М.: ГИХЛ, 1935. Рецензия писалась в июне 1935 г., см. письма С. Рудакова жене от 15, 16 и 20 июня (Письма Рудакова, с. 64–67).

Санников Григорий Александрович (1899–1969) – советский поэт. Участник Октябрьской революции и Гражданской войны. Член ВКП(б) с 1917 г., выпускник литературной студии Московского Пролеткульта; одним из преподавателей его в студии был Андрей Белый. Один из организаторов группы «Кузница», редактор журнала «Октябрь» (с 1926 г.). На Восток Санников ездил в составе писательской бригады.

Санников, бывший участник поэтической группы «Кузница»... Группы «Кузница» к моменту написания рецензии уже не существовало. В 1931 г. она влилась в РАПП, который, в свою очередь, был распущен в 1932 г.

...с романтическими выпадами Н. Тихонова и Багрицкого. Под «романтическими выпадами» подразумеваются циклы «Орда» и «Брага» Н. Тихонова, поэмы «Птицелов», «Тиль Уленшпигель», «Веселые нищие» Э. Багрицкого.

«Египтяне». Точное название – «В гостях у египтян».

Я вместе с Байроном угрюм... тропический настой. – Неточная цитата из поэмы «В гостях у египтян».

Я тебе расскажу, красавица... не годна жизнь. – Из ст-ния «Слушай, Персия».

Подымется ветер... Не будешь и ты. – Из ст-ния «В пустыне».

Мы в твой народный славы гул... почетный караул – из ст-ния «1000-летие Фирдоуси».

«Каучук». Точное название – «Сказание о каучуке».

Должны быть созданы... не безразличен. – Из поэмы «В гостях у египтян».

«Комиссия... в акте, на месте происшествия написанном, установила объективно...» – из поэмы «В гостях у египтян».

Ничто не нарушает сна... луна. – Из поэмы «Сказание о каучуке».

...эпохи Марлинского... Бестужев-Марлинский А. А. (1797–1837) – писатель; декабрист. Под его «эпохой» подразумеваются 1830-е гг., отмеченные влиянием его произведений романтического направления, написанных во время службы на Кавказе.

При шапке крупного размера... выглядел довольно дико... – Из поэмы «Сказание о каучуке».

Рик – районный исполком.

...«в невеселом городе Тавризе, где сады, сады, полюбил я лирику Гафиза и простую мудрость Саади» – из поэмы «В гостях у египтян».

...«казачка, похожая на Офелию» – из поэмы «Сказание о каучуке».

Алаш-Арда – политическая партия в Казахстане в 1917–1920 гг. Добивалась автономии Казахстана. Имеются в виду вооруженные отряды этой организации.

Кызыл-аскеры – отряды Красной армии.

Адат (араб.) – обычное право у мусульман, отличное от религиозного права – шариата.

...связать диалектическую часть. Вероятна опечатка, при предположительно правильном: ...дидактическую часть (примеч. А. Меца).

Шумная тачанка... Город полукругом... – Из поэмы «Сказание о каучуке».

...«углерод четырехвалентен... Диметилдивинил, или $CH_2 = C(CH_3) - C(CH_3) = CH_2$. – Из поэмы «Сказание о каучуке».

...Для промышленного применения... пятилеткой. – Из поэмы «Сказание о каучуке»

...«по Геродоту, солдаты Ксеркса были в хлопковых одеждах, Искандер, прободая Персию, видел муслины нежные»... – Из поэмы «В гостях у египтян».

А дело в том, что добровольно... многопольный. – Из поэмы «Сказание о каучуке».

Адалис А. Власть. Рецензия (с. 204–207)

Подъем. 1935. № 6. Подписано: О. М. Печ. по тексту журнала. Рецензия на книгу: Адалис А. Власть: Стихи. М.: Совет. писатель, 1934. Датируется июлем 1935 г. (Письма Рудакова, с. 81).

Адалис (Ефрон) Аделина Ефимовна (1900–1969) – поэтесса. С 1920 г. жила в Москве, к этому году относится ее знакомство с М., который в статье «Литературная Москва» выделил ее поэзию как «достигающую мужской силы» (см. т. 2 наст. изд.). До воронежской ссылки нередко навещала М.

...где «рабочая ночь»... – Из ст-ния «Ода гордости».

Так дико я близок... продолженье. – Из ст-ния «Элегия».

Море приобретает глубокий цвет синей кальки чертежника. Речь идет о ст-нии «Ода гордости».

Граница... отмечена и характеризована мирными новостройками. Речь идет о ст-нии «Полуночный разговор».

Сады, гитары и моря Италии... возникает чуть южнее завода. Речь идет о ст-нии «Мы город выстроим в степи...».

...«безбрежным влажным пением» – неточная цитата из ст-ния «Мы город выстроим в степи...».

Дитя не вернется в утробу... пролезть! – Из ст-ния «Песня о грядке».

Трое товарищей, которых кто-то приволок к себе в комнату... чей вкус запомнился вместе с мимозой и Шанхаем... Излагается содержание ст-ния «Полуночный разговор».

Дорога в Балаклаву на автобусе... радость волейбола, радость футбола и радость яблока... – Мотивы ст-ния «Мы город выстроим в степи...».

Нам голос умершего друга... свежести пел... – Из ст-ния «Ода гордости».

Тарловский М. Рождение родины. Рецензия (с. 207–210)

Подъем. 1935. № 6. Датируется июлем 1935 г. (Письма Рудакова, с. 81). Печ. по тексту журнала. Рецензия на книгу: Тарловский М. Рождение родины: Стихи. М.: Гослитиздат, 1935.

Тарловский Марк Ариевич (1902–1952) – поэт, переводчик. Первая книга стихов его «Иронический сад» (1928) отмечена влиянием акмеизма.

«Конечно, мы были бы рады, разрезав Москву пополам... алмазы, червонцы, лампады» – из ст-ния «В разрезе Москвы».

...метро само по себе объявляется кладом и зароком... – Подразумевается ст-ние «В разрезе Москвы».

...«старина ни в чем не допустима – Русь? Татары? <...> запрещено» – из ст-ния «Коломна».

...«где, катом подъятый с размаху, деленый... мигнул Пугачев» – из ст-ния «В разрезе Москвы».

«Петр женил стрельцов на тугой пеньковой девке, они влезли в эту даму головами и дергались в ней до утра»... «рослый советский детина». – Изложение и цитата из того же ст-ния.

Тарловский на речном трамвае плывет по Москве-реке... Маша, грамотная только первый год, читает по складам вывеску: «Машин, но строительный завод». Речь идет о ст-нии «Коломна».

...способен зарифмовать «парикмахер» и «пахарь» (точнее, «парикмахере» и «пахари») – в ст-нии «Алазанский хлопок» (перевод с груз.).

О ТЕАТРЕ. О КИНО. ДРУГИЕ РАБОТЫ

I

Художественный театр и слово (с. 213–215)

Театр и музыка. 1923. № 36 (6 нояб.), номер посвящен 25-летию МХТ. Печ. по тексту журнала. Статья писалась в Москве незадолго до публикации.

Театр русской интеллигенции! Это уже внутреннее противоречие! Об этом «противоречии» было сказано позднее в гл. «Комиссаржевская» «Шума времени»: «Интеллигенция никогда не любила театра и старалась справить театральный культ как можно скромнее и пристойнее».

...в один большой русский провинциальный город... Судя по помете Н. М., речь идет о Киеве (*28*, с. 174). Гастроли МХТ в Киеве проходили 17–31 мая 1912 г. и 17 мая – 1 июня 1914 г., оба раза «Вишневый сад» входил в репертуар.

Что такое знаменитые «паузы» «Чайки»... Интонационно-акустические паузы в чеховской «Чайке» (режиссеры К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко; 1898, возоб-

новлен в 1904) актеры МХТ держали до двух минут. С постановкой чеховских драм в МХТ в театральный обиход вошли такие термины, как «пауза», «настроение», «второй план», «актерский ансамбль».

«Федор Иоаннович» – первый спектакль МХТ (14 октября 1898 г.), по пьесе А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» (режиссеры Станиславский и А. А. Санин).

«Лизистрата» – комедия Аристофана. Поставлена Музыкальной студией Художественного театра в 1923 г. под руководством Немировича-Данченко.

...елизаветинский Шекспир на античный лад. Речь идет о постановке трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» (режиссеры Немирович-Данченко и Г. С. Бурджалов, 1903) Позднее Немирович-Данченко писал: «Всю постановку мы трактовали как если бы трагедия называлась “Рим в эпоху Юлия Цезаря”» (Немирович-Данченко В. Рождение театра. М., 1989. С. 203).

Но я помню «На дне». Ведь все-таки это был ситцевый и трущобный маскарад. Пьеса Горького «На дне» шла в МХТ с 1902 г. (режиссеры Станиславский и Немирович-Данченко). Когда М. смотрел спектакль – сведений не имеется.

Он был расплатой целого поколенья за словесную его немоту, за врожденное косноязычие, за недоверие к слову. Сходные мысли развиты автором несколько позднее в главе «Комиссаржевская» «Шума времени».

...теория сквозного действия... Сквозное действие – одно из основных понятий в системе Станиславского. Раскрыв самостоятельно или при помощи режиссера основной мотив («зерно») произведения, актер ставит перед собой идейно-творческую цель, названную Станиславским сверхзадачей. Действенное стремление к достижению сверхзадачи он определяет как сквозное действие актера и роли. Эти понятия раскрыты Станиславским в книге «Работа актера над собой» (1938).

Уж не проще ли было заменить текст «Горя от ума» собственными «психологическими» ремарками и домыслами? Речь идет о постановке комедии Грибоедова в МХТ (1906 г., режиссеры Немирович-Данченко и Станиславский).

Они ошибались, запинались и путались даже в пушкинских стихах... В МХТ были поставлены трагедия Пушкина «Борис Годунов» (режиссеры Немирович-Данченко и В. В. Лужский, 1907) и «Пушкинский спектакль» по «маленьким

трагедиям» (режиссеры Немирович-Данченко, Станиславский и А. Бенуа, 1915).

Несколько раз переделывали актерскую «азбуку чувств»... Речь идет о системе, над которой Станиславский работал в течение тридцати лет, пытаясь создать своеобразную профессиональную азбуку актера, которую изложил в своей книге «Работа актера над собой». Основными слагаемыми системы стали «элементы творческого аппарата артиста».

«Месяц в деревне» – спектакль МХТ по пьесе Тургенева (режиссеры Станиславский и И. М. Москвин, 1909), одна из первых постановок, где Станиславский на практике применил свою «систему». Когда М. смотрел спектакль, неизвестно.

...плохи, будто сошли с картины Семирадского... Имя Г. И. Семирадского (1843–1902) у М. – синоним банального и в то же время претенциозного художественного вкуса. Семирадский был представителем академического направления, действительным членом Академии художеств (с 1878 г.); обращался преимущественно к сюжетам, почерпнутым из античной и раннехристианской эпох («Светочи христианства», «Танец среди мечей», «Фрина на празднике Посейдона в Элевсине» и др.). Участвовал в оформлении храма Христа Спасителя в Москве.

«Березiль» (с. 216–218)

Киевский пролетарий. 1926. 7 мая. Перепечатано (с сокращениями, текст исправлен): Театральная Одесса. 1926. № 10. Печ. по первой публикации с поправками по журналу. Написано во время поездки в Киев в мае 1926 г.

«Березiль» (укр., устаревшая форма) – «Март». В названии зафиксирована дата рождения театра, 30 марта. Театр был создан режиссером Лесем Курбасом в Киеве в 1922 г. В 1926 г. был переведен в Харьков (в то время – столица УССР).

«Жакерия» – драматическая хроника Проспера Мериме, поставлена в театре в 1925 г. (режиссер Б. Тягно).

«Коммуна в степях» – пьеса М. Кулиша, поставлена режиссером П. Кудрицким в 1925 г.

«Гайдамаки» – инсценировка одноименной поэмы Т. Г. Шевченко. Поставлена Л. Курбасом в Первом Государственном театре УССР им. Т. Шевченко в 1920 г., возобновлена в 1924 г. в «Березиле». В инсценировке сказалось влияние при-

емов античной трагедии, использовались световые эффекты, музыка, пластические композиции.

«Шпана» – см. примеч. «“Березиль” (Из киевских впечатлений)».

Он родился в эпоху летучих, перегорающих, как порох, постановок в прифронтовой полосе... когда режиссерствовал паек... Со дня основания «Березиля» над ним взяла шефство 45-я Краснознаменная Волынская стрелковая дивизия. Артисты играли перед красноармейцами, получали продовольственный паек. Первый спектакль театра – «Октябрь» – был показан бойцам дивизии 7 ноября 1922 г.

К малым театральным формам революции «Березіль» отнесся без высокомерия... Так, например, 7 ноября 1923 г. актеры театра играли на автомашинах сцены агитационного характера («Фашизм и германская революция»), которые в этот день показывали в нескольких местах Киева.

«Джимми Гигинз» – спектакль по роману Э. Синклера, поставлен в «Березиле» в 1924 г. Автором инсценировки и режиссером спектакля был Л. Курбас.

...борются театры Мейерхольда и Камерный... После гастролей в Киеве Театра Мейерхольда (июнь 1923 г.) критики писали о «заимствованиях» и «влияниях» московского театра на театр Курбаса. Однако Курбас в статье «“Березиль” и вопросы фактуры» (1924) их отрицал: «С левым русским театром труппа познакомилась только после “Газа”... “Джимми Хиггинс” генетически более связан с “догазовским” “Руром”, чем с театром Мейерхольда (некоторое внешнее подобие совсем било нашу критику и обывателя)...» (Лесь Курбас: Статьи и воспоминания о Л. Курбасе. Литературное наследие. М., 1987. С. 378). Вероятно, именно статья Мандельштама вызвала возражения С. Геца: «Какие-то товарищи, пишущие о “Березиле”, усматривают в некоторых его постановках заимствования у таких московских театров, как Мейерхольд или Камерный. Действительно, “Джимми Хиггинс” построен как будто по таким же конструктивным принципам, как и мейерхольдовские спектакли. Ритмические движения в “Газе” напоминают как будто движение актеров Камерного театра и т. д. Однако всю нелепость такого утверждения опровергает не только хронологическая справка об этих постановках, показанных *раньше*, чем соответствующие спектакли московских театров, но и ближайшее изучение стиля самих спектаклей» (Гец С.

Украинский театр «Березиль» // Жизнь искусства. 1929. № 37. С. 8).

«Фуэнте Овехуна» («Овечий источник») – спектакль по пьесе Лопе де Вега (рус. перевод С. А. Юрьева, постановка К. А. Марджанишвили, художник И. М. Рабинович). Роль Лауренсии исполнила В. Л. Юренева. Премьера – 1 мая 1919 г. в Киеве в Театре им. Ленина (бывшем Театре Соловцова). Зрелище заканчивалось стихийным пением «Интернационала» в зрительном зале. Спектакль играли сорок два дня подряд. О постановке см.: *30*, с. 18; запись дневника А. Дейча (Сохрани мою речь. Вып. 3, ч. 2. М., 2000. С. 146). По-видимому, М., находившийся в то время в Киеве, был на одном из представлений.

«Старинный театр» барона Дризена – драматический театр, работавший в Петербурге в сезоны 1907/1908 и 1911/1912 гг. Организаторы, Н. Н. Евреинов и барон Н. В. Остен-Дризен, в поисках чистой театральности реконструировали спектакли различных эпох. Так, в первый сезон на сцене театра шли французские пьесы разных жанров XI–XVI вв. в оформлении художников «Мира искусства» под музыку оркестра старинных инструментов; во втором сезоне – пьесы испанского театра XVI–XVII вв.

«Макбет», трагедия Шекспира, была поставлена Л. Курбасом в «Березиле» в 1924 г. Режиссер добивался гротескного снижения истории возвышения и падения Макбета и рассматривал ее как притчу. Чтобы вызвать у зрителя ироническое «остраненное» отношение, Курбас впервые в украинском театре применил прием «выхода» из образа: для А. Бучмы, исполнявшего роль привратника, были написаны злободневные реплики на политические и внутритеатральные темы. В финале он же, в гриме шута, на котурнах, но в одеянии епископа, короновал новых претендентов, жаждущих власти.

«Березиль» (Из киевских впечатлений) (с. 218–221)

Красная газета. Веч. вып. 1926. 17 июня. Печ. по тексту газеты. Написано вскоре после поездки в Киев в мае 1926 г.

Проводы «Березиля» устраивались в связи с принятым в марте 1926 г. на Всеукраинском театральном совещании решением о реорганизации театра «Березиль» в Центральный театр республики с постоянным местопребыванием в Харькове, см. ниже.

...мозаичный праздничный спектакль, составленный из отрывков – прощальный вечер «Березиля» в Киеве 4 мая перед отъездом в Харьков. Были поставлены сцены из спектаклей «Гайдамаки», «Жакерия», «Коммуна в степях», «Джимми Хиггинс» и др.

«Жакерия» по Мериме. См. примеч. «Березіль».

«Царь Максимилиан» – народная драма XVIII в. Сюжет: жестокий царь-язычник Максимилиан пытается вернуть сына-христианина в языческую веру. Бесстрашный Адольф идет на казнь во имя своих идеалов. Особой популярностью «Царь Максимилиан» пользовался в солдатской среде, в драме использованы военные и походные песни.

В этих толлеровских и кайзеровских клетках... Подразумеваются спектакли по пьесам немецких драматургов-экспрессионистов Эрнста Толлера «Машиноборцы» и «Человек-масса», Георга Кайзера «Газ» (все – 1924).

...и в Синклере, отделанном под Толлера... Инсценировка Л. Курбаса по мотивам романа Э. Синклера «Джимми Хиггинс» (см. примеч. «Березіль») создавалась в экспрессионистском стиле (ср. ниже о характерном для театра экспрессионизма приеме: *злостный по своей рассудочности трюк: актер Бучма (Джимми) переправлялся на канате из американского застенка в толпу, изображающую коллектив*), текст был написан свободным стихом. В спектакле режиссер применил принцип «киномонтажа».

...дуровскую дрессировку... Сравнение могло быть связано с тем, что в мае 1926 г., когда М. был в Киеве, там проходили гастроли цирка Дурова (см. в очерке «Киев» в наст. томе).

Саксаганский Панас (Афанасий) Карпович (наст. фам. Тобилевич, 1859–1940) – украинский актер, режиссер, театральный деятель. В 1918 г. создал в Киеве Народный театр, на базе которого в 1922 г. был организован Украинский драматический театр им. М. Заньковецкой (ныне во Львове).

Бучма Амвросий Максимилианович (1891–1957) – украинский актер, режиссер, педагог. В 1922–1926, 1930–1936 гг. – актер театра «Березиль».

Крушельницкий Марьян Михайлович (1897–1963) – украинский актер, режиссер, театральный деятель. В 1915 г. дебютировал в созданной Курбасом труппе «Тернопольские театральные вечера». Принимал участие в создании Нового львовского театра (1918). С 1924 г. работал в «Березиле», в 1933 г. возглавил театр и руководил им до 1952 г.

...подобно Варламову, попадет на папиросные коробки. Варламов Константин Александрович (1848–1915) – русский актер, с 1885 г. – в труппе Александринского театра. Признание получил как актер водевиля. Популярность Варламова была так велика, что были выпущены папиросы с его портретом, называвшиеся «Дядя Костя».

...Бессарабка... Подол – районы Киева.

...хотим «Шпану». «Шпана» – комедия В. М. Ярошенко, поставлена режиссером Я. Бортником в 1926 г.

Наша советская комедия – «Мандаты» и «Воздушные пироги»... «Мандат», пьеса Н. Р. Эрдмана, была поставлена в театре Вс. Мейерхольда в 1925 г. «Воздушный пирог», пьеса Б. С. Ромашова, в том же году была поставлена в Театре Революции режиссером А. Л. Грипичем.

Московский государственный еврейский театр (с. 221–223)

Красная газета. Веч. вып. 1926. 10 авг., с редакционным примеч., гласящим о том, что очерк приурочен к начинающимся в Ленинграде 19 августа гастролям театра. Печ. по тексту газеты. Писался незадолго до публикации. В предшествующих изданиях очерк печатался под загл. «Михоэльс».

Московский государственный еврейский театр (ГОСЕТ) основан в 1919 г. в Петрограде на базе Государственной еврейской театральной студии при театральном отделе Наркомпроса, в 1920 г. переведен в Москву. До 1925 г. назывался Государственный еврейский Камерный театр (ГОСЕКТ). Организатором, художественным руководителем и режиссером всех основных постановок театра до 1929 г. был Алексей Михайлович Грановский (наст. имя и фамилия Абрахам Азарх; 1880–1937); он в 1928 г. остался в Германии, не вернувшись с гастролей ГОСЕТа по Западной Европе. Репертуар театра до 1929 г. в основном составляли пьесы на сюжеты из еврейского местечкового быта. ГОСЕТ был ликвидирован в 1949 г.

Я смотрел в окно вагона... К этому месту относится помета Н. М. «Дорога из Киева» (*28*, с. 174; в коммент. этого издания помета отнесена ко всему очерку).

...незадолго перед этим на киевской улице я готов был подойти к такому же почтенному бородачу и спросить его: «Не Альтман ли делал вам костюм?» В 1926 г. М. приехал в

Киев в начале мая и пробыл в городе около 10 дней, вернувшись после этого в Ленинград. Альтман Натан Исаевич (1889–1970) – художник, график, скульптор. Оформил в ГОСЕТе ряд спектаклей, среди них: «Уриэль Акоста», «Десятая заповедь», «137 детских домов» и др. С ним М. был знаком лично, о нем сочинил шуточное ст-ние «Это есть художник Альтман...».

...свата-шатхена... Шатхен (идиш) – сват на еврейской свадьбе.

...обжигает и закаляет в чудесный бисквит раскрашенную статуэтку зеленого шатхена-кузнечика, коричневых музыкантов еврейской свадьбы Рабичева, банкиров с бритыми накладными затылками, танцующих, как целомудренные девушки, взявшись за руки, в кружок. Бисквит – сорт фарфора. Рабичев (в тексте газеты с опечаткой – Радичев) Исаак Беньевич (1896–1957) – художник-оформитель спектакля ГОСЕТа «200 000».

Скрипки подыгрывают свадебному танцу. Михоэльс подходит к рампе и, крадучись с осторожными движениями фавна, прислушивается к минорной музыке. Михоэльс (Михоэлс) Соломон Михайлович (наст. фамилия Вовси; 1890–1948) – актер, режиссер. Учился в Киевском коммерческом институте и на юридическом факультете Петербургского университета. В 1919 г. поступил в Еврейскую театральную студию в Петрограде, на основе которой был создан Московский государственный еврейский камерный театр (позднее ГОСЕТ). Вскоре стал ведущим актером театра, а с 1929 г., после эмиграции Грановского, – его художественным руководителем. В годы Великой Отечественной войны был председателем Еврейского антифашистского комитета. Убит в Минске в результате покушения, организованного Министерством госбезопасности СССР. У М. речь идет об исполнении Михоэлсом роли Сорокера в спектакле «200 000».

Здесь пляшущий еврей подобен водителю античного хора. См.: «Московский государственный еврейский театр. Из черновиков», (2).

...всё это уходит в дрожание рук, в вибрацию мыслящих пальцев, одухотворенных, как членораздельная речь. Ср. в ст. Михоэлса «Пути к образу»: «...я не сажусь за стол и не выдумываю жеста. Мысль привыкла идти через мои пальцы, она сама находит эту образность» (Михоэлс С. Статьи, беседы, речи. Статьи и воспоминания о Михоэлсе. М., 1981. С. 65).

Портной Сорокер – персонаж музыкальной комедии «200 000» по пьесе Шолом-Алейхема «Крупный выигрыш» (обработка И. Добрушина, постановка А. Грановского, художники И. Рабичев и А. Степанов, композитор Л. Пульвер).

А вчера на этой же сцене – энглизированные жокейские лапсердаки на стройных девушках-танцовщицах, патриархи, пьющие чай в облаках, как старики на балконе в Гомеле. Вероятно, речь идет о спектакле «Три еврейские изюминки» И. Добрушина и Н. Ойслендера (постановка А. Грановского, 1923), состоявшем из трех частей: «Принц фон-Фляско-Дриго» – пародия на старый русско-еврейский театр, «Сарра хочет негра» – на американско-еврейский театр и «Ночь у хасидского рабби» – на «Габиму».

Яхонтов (с. 223–226)

Экран «Рабочей газеты». 1927. № 31 (31 июля). Печ. по тексту газеты. По времени гастролей Яхонтова датируется временем весны 1927 г.

Яхонтов Владимир Николаевич (1899–1945) – артист и чтец, автор литературно-драматических композиций. Мандельштамы познакомились с Яхонтовым и его женой Лилей (Еликонидой) Поповой, приехавшими на гастроли, в 1927 г. в Детском Селе, где они жили в соседних комнатах пансионата, занимавшего здание Александровского лицея (*30*, с. 261). Судя по тексту, М. присутствовал и на репетициях. К этим первым гастролям Яхонтова со своим «Петербургом» и отнесена статья М. См. также: Крымова Н. А. Владимир Яхонтов. М., 1978. Дружба с Яхонтовым продолжалась до конца жизни поэта.

Он учился у Мейерхольда, Станиславского и Вахтангова и нигде не привился. Яхонтов учился во 2-й студии МХТ, студии Вахтангова; работал в Театре им. Вс. Мейерхольда в 1924–1926 гг.

...это театр одного актера, человек-театр. Театр одного актера «Современник» был создан В. Яхонтовым, С. Владимирским, Е. Поповой и Л. Арбат в 1927 г. Работа театра продолжалась до 1935 г. См.: Яхонтов В. Театр одного актера / Вступ. ст. И. Андроникова. М., 1958.

...и для еврейского факельщика. Факельщик появлялся в композиции Яхонтова, вероятно, в сценке смерти Акакия Акакиевича. Имеются сведения о том, что у евреев Востока

факельщики участвовали в похоронах в средние века и в Новое время.

Чудак Евгений, из «Медного всадника» Пушкина, был выведен раньше в ст-нии «Петербургские строфы» (1913).

...портной Петрович – персонаж «Шинели» Гоголя.

...Машенька из «Белых ночей». У Достоевского героиню зовут Настенькой.

...без мелькания кино... М. было присуще негативное отношение к киноискусству, в «Разговоре о Данте» он объяснил свое отношение к кино тем, что «кадры движутся в нем без борьбы и только сменяют друг друга».

Владимирский Сергей Иванович (1902–1961). Как и Яхонтов, учился в студии Вахтангова. Школу студии (3-я студия МХТ) окончил в 1924 г. Несколько лет работал ассистентом режиссера на Госкинофабрике. В 1927–1935 гг. – режиссер спектаклей Яхонтова. В 1930–1938 гг. работал также режиссером киностудии «Мостехфильм». Автор сценариев документальных фильмов: «Рукописи Пушкина» (1937), «Как работал Маяковский» (1947, в соавторстве с В. Катаняном), «Загадка Н. Ф. И.» (1959, в соавторстве с И. Андрониковым) и других.

...монтаж эпохи («Ленин»)... Композиция «Ленин» была создана Яхонтовым в 1925 г. «Театрально оформленный доклад-монтаж» (определение автора композиции) представлял собой в основном комбинацию текстов из «Коммунистического манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса, поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и работы Ленина «Что делать?», см.: Яхонтов В. Ленин: Художественный доклад. М.; Л., 1926.

Таков «Петербург» – лучшая работа Яхонтова, сплетенная из обрывков «Шинели» Гоголя, «Белых ночей» Достоевского и «Медного всадника». В книге отзывов на спектакль (1927) имеется созвучная статье запись К. Вагинова: «“Петербург” ценен как метаморфозирующая цепь типов, прикрепленных к одной точке, как переход одного героя в другого, по великолепной сцене сумасшествия (и др.), и потому, что метаморфозе подчинены не только актеры, но и предметы, причем актер не сводится ни на один момент на положение раба – он является организатором мира вокруг себя» (РГАЛИ. Ф. 2440. Оп. 1. Ед. хр. 262).

«Я черным соболем одел ее блистающие плечи» – цитата из ранней редакции «Евгения Онегина» («Альбом Онегина», строфа IX).

...еще рукоплещет раек, но Яхонтов уже показывает гайдуков с шубами или мерзнущих кучеров... М. в этом пассаже использует образы своего ст-ния «Летают валькирии, поют смычки...» (1914).

В работе Яхонтова и Владимирского есть нечто обязательное для всего русского театра. Это возвращение к слову, воскрешение его самобытной силы и гибкости. М. противопоставляет их работу современному и дореволюционному театру, см. статью «Художественный театр и слово».

II

«Генеральская» (с. 227–229)

Рабочая газета. 1923. 14 июля. Печ. по тексту газеты. Датируется временем публикации.

Мабузу. Подразумевается фантастический фильм Ф. Ланга «Доктор Мабузе, игрок» (1922).

Домбаль Тадеуш Францевич был незадолго до этого освобожден из польской тюрьмы в обмен на группу польских аристократов и священников и стал в это время в Советском Союзе героем дня и кинохроники. Родился в 1891 г. Во время Первой мировой войны служил в австро-венгерской армии офицером-легионером. В 1918 г. руководил крестьянским революционным движением в Галиции. С 1921 г. – член коммунистической партии Польши, депутат сейма. За выступление в сейме в защиту СССР во время советской интервенции в Польшу приговорен к тюремному заключению. В 1923 г. по обмену заключенными приехал в СССР, вошел в руководство МОПР, участвовал в Международной крестьянской конференции (см. примеч. к очерку о ней). Затем, с 1930 г., стал заместителем Генерального секретаря Крестинтерна и секретарем Аграрной комиссии ИККИ. Редактировал газету на польском языке «Советская трибуна». Получил высшее образование, степень доктора наук, звание академика. Заведовал кафедрой Московского института механизации и электрификации им. В. М. Молотова. В конце 1936 г. был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Польши, под пытками давал показания на маршала Тухачевского. Расстрелян 21 августа 1937 г.

Татарские ковбои (с. 229–231)

Советский экран. 1926. № 14 (6 апр.). Печ. по тексту журнала. С редакционным примеч.: В этой статье дается чрезвычайно резкая отрицательная оценка одной из наших «экспедиционных» картин. Не будучи, в общем, высокого мнения об этой постановке, редакция, однако, в силу своего нескрываемого пристрастия к советскому кинопроизводству, была бы очень рада, если бы знатоки Крыма могли смягчить жестокость вынесенного тов. Мандельштамом приговора. Поэтому мы не считаем этой оценки решающей и окончательной. В ближайших номерах «Советского экрана» мы продолжим обсуждение этой фильмы.

Датируется мартом–апрелем 1926 г. по времени появления в печати указанных ниже статей.

Фильм «Песнь на камне» снят в 1926 г. («Госкино»), режиссер Лео Мур, автор сценария Х. Н. Херсонский. В главной роли снялся известный татарский танцор Хайри Эмир-заде. Мур Лео (наст. фамилия и имя – Мурашко Леонтий (по др. данным – Леопольд) Игнатьевич, 1889–1938) с 1912 г. работал в Америке, в ателье Гриффита и других кинофирмах актером, помощником режиссера и администратором. В 1923 г. вернулся на родину.

АРК – Ассоциация революционной кинематографии (1924–1935), в 1929 г. переименована в АРРК (Ассоциация работников революционной кинематографии). Основана в Москве по инициативе С. М. Эйзенштейна, Л. В. Кулешова, В. И. Пудовкина и др. В 1924–1927 гг. располагалась в доме Нирнзее (Большой Гнездниковский пер., д. 10), до начала 1930-х гг. на крыше здания работал кинотеатр.

По заявлению режиссера, экспедиция в Крыму... пользовалась исключительно услугами местного населения, заставляя его изображать интересные номера. Эту информацию М. мог почерпнуть из выступления режиссера на диспуте в АРК (приводится в рецензии: Валерин С. «Песнь на камне» // Правда. 1926. 30 марта) или из статьи: Мур Л. «Песнь на камне» // Советский экран. 1926. № 11 (16 марта). С. 5. В частности, в статье Мура говорилось: «На все роли набираю исполнителей из местных жителей. Веду с ними упорную работу. Каждую роль приходится сначала играть самому, а потом “переводить” ее на исполнителя».

...кино-вампуки... Обыгрывается название пародии «Вампука», см. примеч. «Гротеск».

Я пишу сценарий (с. 231–233)

Советский экран. 1927, № 25 (21 июня). Печ. по тексту журнала.

Шкловский посоветовал мне написать сценарий... В письме от 7 и 8 февраля 1926 г. М. писал жене: «Вчера договорил со Шкловским... Его кино-издательство будто бы само догадалось, что меня нужно подкормить». В. Б. Шкловский работал на московских студиях «Совкино» и «Госкино», в 1926 году по его сценариям вышли в прокат фильмы «Крылья холопа», «По закону», «Предатель». Н. М. писала: «Шкловский... уговаривал что-нибудь написать для кино. На то, что сценарий пройдет и будет напечатан, надеяться нельзя, объяснял Шкловский, но фабрика платит за всё, начиная с заявки и либретто на нескольких страничках. Всем, к кому Шкловский хорошо относился, он давал именно этот совет и предлагал вместе написать сценарий. Такое предложение было у него чем-то вроде объяснения в любви и дружбе» (*30*, с. 280). В АМ имеются материалы к киносценарию о Детском Селе, датируемые нами 1927 годом (не опубликованы).

...во вкусе Эйзенштейна... Эйзенштейн С. М. (1898–1948) – кинорежиссер. Его режиссерская работа – фильм «Броненосец Потемкин» – получила всемирное признание. Внес существенный вклад в язык кино, в частности, использование съемки «крупным планом».

Памятник Первопечатнику (Ивану Федорову) – у Третьяковского проезда в Москве. Открыт в 1909 г., авторы – С. Волнухин, И. Машков.

Долой «Куклу с миллионами»! (с. 233–237)

СС 2. Т. 3. Печ. по авторизованной машинописи (АМ). В переводе на украинский язык опубл.: Кіно. Киев, 1929. № 6. По украинскому переводу восполнены три лакуны текста: фамилии С. Комарова, К. Кузнецова, Е. Алексеева и слова «гудит». Датируется временем выхода фильма на экран.

Фильм «Кукла с миллионами» («Межрабпомфильм») вышел в прокат в 1928 г. Авторы сценария: Ф. Оцеп, О. Леонидов,

режиссер С. Комаров, в ролях: И. Ильинский, В. Фогель, А. Войцик, Г. Кравченко, С. Комаров, В. Чувелев. Канва сюжета: в Париже умерла вдова-миллионерша мадам Колли, оставив всё свое состояние – акции «Трипполи-канала» – проживающей в Москве племяннице, Марусе Ивановой, у которой, как указывало завещание, на плече было родимое пятно. Два обиженных претендента на богатое наследство вдовы – Пьер и Поль – отправляются в Москву на поиски Маруси.

...Кольцова и Зозули. Кольцов Михаил Ефимович (1898–1942) – журналист, основатель и главный редактор журнала «Огонек» в 1923–1939 гг. Зозуля Ефим Давыдович (1891–1941) – писатель, заместитель Кольцова в редакции журнала.

...Дэль-Тэйлъ. Жанна д'Арк без мистики, с трюфелями. М. имел в виду французского писателя Жозефа Дельтея (Delteil, 1894–1978) и его роман «Жанна д'Арк» (в рус. переводе издан в 1928 г. ЗИФом). Дельтей испытал сильное влияние сюрреализма, в романах (в том числе в «Жанне д'Арк») создал тип литературного лубка, в котором использовал бытовой и исторический материал, включая в текст анахронизмы и жаргонные выражения, прибегая к утрированной вульгаризации быта и переплетая фантастические образы с историческими событиями.

«Из страны блаженной, незнакомой, дальней слышно пенье петуха» – из ст-ния Блока «Шаги командора».

Петуха фирмы Пате и К°... «Пате братья» («Пате фрер») – французская кинофирма, основанная в 1897 г. Эмблема фирмы – «Кок», задиристый галльский петух. Занималась производством фонографов и кинофильмов. До революции в России действовало агентство фирмы, открытое в 1909 г.

Заборная книжка (от «забирать») – блок талонов на получение продуктов или товаров из распределителя.

...из номера отеля «Савой»... Один из героев фильма останавливается в гостинице «Савой», в советское время специализировавшейся на приеме иностранцев.

Комаров Сергей Петрович (наст. фамилия Лаврентьев; 1891–1957) – актер театра и кино, режиссер игрового и документального кино, сценарист. Был одним из ведущих актеров экспериментальной мастерской Л. Кулешова.

Леонидов Олег Леонидович (наст. фамилия Шиманский; 1893–1951) – прозаик, драматург, сценарист. Работал в кино с

1926 г. Регулярно выступал как переводчик, литературовед и критик.

Кузнецов Константин Андреевич (1899–1982) – оператор, фотограф. Снимал на фронтах Гражданской войны, первые коммунистические субботники в Казани, Баку, Ереване. Как фоторепортер снимал В. И. Ленина.

Алексеев Евгений Федорович (1898 – после 1945) – оператор игрового и документального кино. Снял такие фильмы, как «Поцелуй Мэри Пикфорд» (1927), «Дом на Трубной» (1928) и др.

Межрабпом (Международная рабочая помощь) – международная организация пролетарской солидарности (1921–1935). В 1924 г. стала пайщиком киноорганизации «Русь», которая получила название «Межрабпом-Русь» (с 1928 г. – «Межрабпомфильм»; существовала до середины 1936 г.).

«Бобок» – рассказ Достоевского, из «Дневника писателя» за 1873 г.

...на реках профсоюзных сидели и плакали. Обыгрывается начало 136-го псалма: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе...».

...Гастев учит, как гвозди молотком загонять по Тейлору... Гастев Алексей Капитонович (1882–1939, расстрелян) – рабочий-металлист, профессиональный революционер и пролетарский поэт, основатель и директор Центрального института труда (ЦИТ) до ареста в 1938 г. Тейлор (Taylor) Фредерик Уинслоу (1856–1915) – американский инженер, изобретатель, основатель науки об организации труда.

Линдер Макс (Linder; настоящие имя и фамилия Габриэль Максимилиан Лёвьель, Leuvielle; 1883–1925) – французский киноактер. С 1905 г. снимался в фильмах фирмы «Пате», с 1912 г. сам начал ставить фильмы. Его короткометражные комедии, главным образом 1910–1913 гг. («Макс-тореадор», «Чемпион по боксу», «Макс женится» и др.), пользовались громадной популярностью. Линдер создал образ элегантного невозмутимого повесы, часто попадающего в смешные положения.

Чаплин Чарлз Спенсер (1889–1977) – амер. актер, режиссер и сценарист. Назван в ст-нии «Чарли Чаплин вышел из кино...» (1937).

Глупышкин (или Дурашкин; во Франции – Буаро и Грибуй) – под этим именем в России был известен франко-ита-

льянский киноактер-комик Андре Дид (наст. фамилия Шапюи; 1884–1931).

Родченко, сбежавший из Лефа... Художник фильма Александр Михайлович Родченко (1891–1956) был одним из самых активных членов «Левого фронта искусств» (ЛЕФ), в словах «сбежавший из ЛЕФа» подразумевается его участие в фильме.

Гамен (франц. gamin) – уличный мальчишка.

...за здоровье Семашки и Подвойского... Семашко Николай Александрович (1874–1949) – советский партийный и государственный деятель, в 1918–1930 гг. нарком здравоохранения РСФСР. Подвойский Николай Ильич (1880–1948) – советский партийный и военный деятель, в 1920–1923 гг. был начальником Всевобуча и председателем Высшего совета физической культуры, с 1921 г. председатель КСИ (Красного спортивного интернационала). Упоминается в главе «Сухум» «Путешествия в Армению» (см. примеч.).

«Французик из Бордо» – образ в «Горе от ума» Грибоедова (монолог Чацкого: д. 3, явл. 22).

...пшюты, апаши. Пшют – фат, хлыщ. Апаш (франц. apache) – деклассированный элемент во Франции, хулиган, вор.

«Вместо юбки – третий том Бухарина». В известной нам редакции фильма эпизодов, которые могли бы быть увязаны с приведенной цитатой, не обнаружено.

...Мопр... Авиохим... Автодор... МОПР – международное общество помощи борцам революции (1922–1939). Авиохим – массовая общественная организация в СССР, существовавшая в 1925–1927 гг. Возникла как объединение Общества друзей воздушного флота и Доброхима (Общество друзей химической обороны и промышленности). Занималась пропагандой достижений авиации, организацией пропагандистских и рекордных перелетов. Проводила сбор взносов с целью постройки самолетов, создания клубов и др. В 1927 г. Авиохим объединился с Обществом содействия обороне в Осоавиохим. Автодор (1927–1935) – добровольное общество содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог в Российской Федерации.

...вузовская стипендия имени господина Свидригайлова... Свидригайлов – персонаж романа Достоевского «Преступление и наказание». Реплика М. связана с концовкой фильма, где появляется кадр с текстом: «Тов. Иванова может утешиться...

Ей улыбнулись мифические миллионы, но зато ей назначена реальная вузовская стипендия».

...и пирожным, на котором сделан «надкус»... – Аллюзия на рассказ М. Зощенко «Аристократка».

Шпигун (с. 237–241)

Russian literature. 1977. Vol. 5, iss. 2 (публ. Ю. Фрейдина). Печ. по машинописи (АМ). Датируется временем пребывания М. в Киеве в 1929 г. (см. ниже).

Рецензия на фильм «Знакомое лицо» (другие названия: «Шкурник», «Цыбала», «История одного обывателя», «Приключения Шпигунова»), снятый на киевской киностудии ВУФКУ в 1929 г. Авторы сценария В. И. Охрименко (его рассказ «Цыбала» лег в основу сценария), Н. Г. Шпиковский, Б. Розенцвейг. Режиссер Н. Г. Шпиковский, оператор А. Панкратьев, художник С. Зарицкий. В ролях: И. Садовский, Л. Ляшенко, Д. Феллер-Шпиковская, Д. Капка. Фильм был запрещен к показу на основании протокола ГРК РСФСР № 2974, в котором, в частности, говорилось: «гражданская война рассматривается в фильме только с точки зрения ее темных отвратительных сторон. Грабеж, грязь, тупоумие Красной Армии, местной Советской власти и т. д. Получился скверный пасквиль на действительность того времени» (цит. по: Марголит Е., Шмыров В. (из'ятое кино): Каталог советских игровых картин, не выпущенных во всесоюзный прокат по завершении в производстве или изъятых из действующего фильмофонда в год выпуска на экран (1924–1953). М., 1995. С. 10). Киевская премьера фильма состоялась 1 мая 1929 г. (до решения ГРК). Судя по рецензии, Мандельштаму были известны цензурные перипетии еще до премьеры фильма в мае. Согласно письму М. к отцу от середины февраля 1929 г. (см. в наст. томе), в этот приезд в Киев (январь–февраль 1929 г.) он с помощью И. Бабеля должен был получить место редактора-консультанта на кинофабрике ВУФКУ и, таким образом, должен был там бывать. См. также: «В фильме Шпиковского “Шпигун”, на которую Мандельштам написал рецензию, заставили переснять огромные куски, потому что красноармейцы в гражданскую войну были сначала показаны такими, как были, то есть оборванцами. По требованию идеологов пришлось приодеть и привести в почти элегантный вид» (*30*, с. 350).

Шпигун – шпион (укр.).

Шпиковский Николай Григорьевич (1897–1977) – режиссер, сценарист.

...как прием остранения. В тексте источника: отстранения. Исправлено по смыслу термина.

Тартарен – герой трилогии А. Доде («Необычайные приключения Тартарена из Тараскона», «Тартарен в Альпах» и «Порт Тараскон»).

...голос чтеца. Это образное сравнение, т. к. фильм «немой».

...на море. Далее следовал абзац, забитый на машинке: Лучшие куски «Шкурника»: тощая артиллерия, проезжающая по узким уличкам пригородка среди палисадников, колосья, подмятые бойцами, ржаное поле, разговаривающее [.....]

Режиссер как бы задался целью, отказавшись от выигрышных ударных мест, поднять средний уровень фильма.

...маневры... на Шулявке. Шулявка – окраинный район Киева, там располагались казармы Кадетского корпуса; в 1929 г. там же находилась кинофабрика ВУФКУ.

Степка-растрепка – ставшее нарицательным имя героя популярного в XIX в. сборника стихов для детей, написанного немецким врачом Г. Гофманом-Доннером и в оригинале называвшемся «Struwwelpeter» («Растрепа-Петр»), в рус. переводе получивший название «Степка-растрепка».

...какой-то недобрый гений... Восстановлен текст, забитый на машинке. Значилось: какой-то совершенно правильный инстинкт.

ВУФКУ – Всеукраинское фотокиноуправление. В 1928 г. при ВУФКУ была основана киностудия, в 1930 г. получившая название «Украинфильм»; с 1939 г. – Киевская киностудия, с 1957 г. носит имя А. П. Довженко.

Пудовкин Всеволод Илларионович (1893–1953) – классик советского кино, автор теоретических работ.

...корчма из «Годунова» в Госопере. Подразумевается сцена «Корчма на литовской границе» из «Бориса Годунова» Пушкина в оперной постановке.

Осваг – см. примеч. «Феодосия».

III

Веер герцогини (с. 242–247)

Вечерний Киев. 1929. 25 янв., с редакционным примеч.: «Редакция, помещая интересную статью т. Мандельштама, не вполне соглашается с некоторыми ее положениями». Машинопись (АМ, часть листов утрачена). Печ. по тексту газеты. Датируется концом 1928 г. по времени публикации.

Марсель Пруст рассказывает... Далее пересказывается эпизод из 2-й части романа М. Пруста «В сторону Свана» («В поисках за утраченным временем»), выпущенного в 1927 г. в переводе А. А. Франковского.

...в ряду других книг. Далее в машинописи следовал забитый текст: Что бы сказали вы, если б аптекарь произвольно наклеивал сигнатурки рецептов. Между тем я утверждаю, что типовую рецензию можно бесстрашно [.....]

Липецкий Алексей Владимирович (1887–1942) – писатель; его роман «Наперекор» вышел в 1928 г. Имя рецензента: А. М. Гельштейн.

...нового литературного героя». Далее в машинописи следовало: Вот тут-то сейчас и начнется, – думает наивный читатель. Я узнаю кое-что о Липецком и о Маше. Ничего, что фабула простенькая. Флобер, Анри-де-Ренье и Бунин вышивали и на более примитивной канве.

...подвела «формочка». Далее в машинописи следовало: Надо было сказать, что Липецкий написал очень плохую, никуда не годную книгу (я говорю, конечно, по догадке, на основании робких намеков рецензента, подобно Кювье, конструирую ихтиозавра с помощью косточки). Затем, показав на примерах, почему книга Липецкого плоха, надо было указать, что она типическое явление, вызванное ложным спросом на такие книги, сопоставить ее с сестрами по несчастью – и тогда уже сделать общий вывод – ибо о плохих книгах ни с того, ни с сего не пишут.

«Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» – повесть В. А. Каверина, опубликована в журнале «Звезда» (1928, № 2–7; отдельное изд. – 1929). Рецензент – Наум Яковлевич Берковский (1901–1972), критик и литературовед, автор напечатанной вскоре статьи о прозе Мандельштама (Звезда. 1929. № 5).

...серьезного мастера... В машинописи: серьезно работающего прозаика, с большой культурой слова...

...«литературным пометом эпохи». Далее в машинописи следовало: Тон почему-то взят высокомерный, пренебрежительный, рецензент сразу же поджимает губы и, сам того не замечая, делает брезгливое лицо, и хотя по существу этот второй рецензент (Н. Берковский) говорит о Каверине очень лестные вещи, главным образом настаивая на том, что книга интересна, но полупрезрительный тон выдержан до конца. Вместо внимательного и уважительного разбора книги, которая, несомненно, принадлежит к литературе как по занимательности жанра, так и по мастерству, – мы имеем похлопывание по плечу, беспричинное иронизирование. У читателя создается впечатление, что Каверин попал в какую-то скверную историю.

«В построении интриги Каверин обнаружил недальновидность: интересному герою Некрылову он назначил обыденные приключения, а невзрачному профессору Ложкину – интересные». Берковский писал: «В интриге есть промахи: самый неинтересный из героев профессор Ложкин приключения испытывает самые интересные, а приключения явно эффектного Некрылова невзрачны». Прототипом Некрылова послужил В. Шкловский, Ложкина – профессор-славяновед П. А. Лавров и, отчасти, Б. М. Эйхенбаум (см.: Чудакова М., Тоддес Е. Прототипы одного романа // Альманах библиофила. М., 1981. Вып. X. С. 181–182).

О книге Перегудова в рецензии, помещенной на днях в «Известиях»... Рецензия не обнаружена. Перегудов Александр Владимирович (1894–1989) – прозаик.

Так, критик Тальников и еще кто-то советуют Полуярову расплеваться с Сельвинским... Полуяров – герой романа И. Л. Сельвинского «Пушторг» (1928, отд. изд. 1929). Тальников – вероятно, Д. Л. Тальников (1882–1961) – литератор.

...откликом на «Толстяков» была рецензия: «Как не следует писать книги для детей». М. подразумевает рецензию: Бойчевский В. Какою не должна быть книга для детей: («Три толстяка» Ю. Олеши) // Читатель и писатель. 1928. № 49 (9 дек.).

...несколько слов, сказанных Бухариным на съезде профсоюзов. Н. И. Бухарин говорил об этом в докладе «Текущий

момент и задачи текущей печати» на 4-м совещании рабсельkоров (а не на VIII съезде профсоюзов, прошедшем вскоре, 12–23 декабря): «Необходимо, чтобы... поменьше было бессмысленного попугайства и побольше разумного понимания вопросов текущей жизни. Недавно я читал новый роман "12 стульев". Здесь довольно едко изображена фигура халтурящего, якобы пролетарского поэта, который ходит по редакциям всяких профорганов и получает всюду гонорар, но составляет свои "производственные" стишки своеобразным способом... Этот самый "Гаврила" всюду и везде приносит обильную пищу карману находчивого автора. В том же самом романе есть довольно удачная пародия на некоторые стороны нашей общественной жизни. В романе дана картина одного губсоцстраховского учреждения, где сидят беззубые старухи. Тут же красуется лозунг: "Пережевывая пищу, ты помогаешь Обществу" (смех). Или на станции общества спасения утопающих развешан плакат с страшно "революционным" кличем: "Дело спасения утопающих есть дело самих утопающих" (громкий смех в зале). У нас очень часто бывает, что во многие отрасли нашей общественной жизни, хозяйственной, профсоюзной, партийной, пролезают авторы вот этаких Гаврилиад» (Известия. 1928. 2 дек. С. 3).

IV

«Жак родился и умер» (с. 248–252)

Красная газ. Веч. вып. 1926. 3 июля, с примеч. ред.: В дискуссионном порядке. Журналист. 1927. № 6. Печ. по первой публ. Писалось незадолго до публикации.

Бенуа Пьер (1886–1962) – автор авантюрных романов на экзотическом материале.

...Экклезиаст, суета сует. Речь идет о библейской Книге Экклезиаста, цитируется второй стих гл. 1 из нее.

Годунов, когда в Москве был мор, велел строить Сухареву башню. К строительству Сухаревой башни Борис Годунов отношения не имел. При нем на месте, где позднее была возведена Сухарева башня, построена одна из башен деревянной крепости – Скородома (1591–1592). М. имеет в виду события 1601–1603 гг.: когда на Руси свирепствовал голод, Годунов распорядился раздавать народу деньги и хлеб из государственных

запасов, а стекавшиеся в Москву люди нанимались на предпринятые в благотворительных целях строительные работы.

...на веленевой бумаге, с именинной грандиозной роскошью отпечатаны были одни имена авторов мирового Пантеона, подлежавших переводу. Речь идет об издании: Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению / Вступ. ст. М. Горького. Пб.: Всемирная литература, 1919. Вступит. статья напечатана на четырех языках – русском, французском, английском, немецком.

Введенский Иринарх Иванович (1813–1855) – педагог, литературовед; переводчик с английского языка.

...Стасюлевичи, боявшиеся печатать в своих «Вестниках» Лескова... Подразумевается отказ М. М. Стасюлевича напечатать «Заячий ремиз» Лескова в журнале «Вестник Европы» в 1895 г. по цензурным соображениям.

...русских «Эмалей и камей» Теофиля Готье? – Подразумевается перевод Н. Гумилева (издан книгой в 1914 г.).

Потоки халтуры (с. 252–259)

Известия. 1929. 7 апр. Печ. по тексту газеты. По свидетельству Н. М., название статьи дано редакцией газеты. В АМ сохранился лист первоначальной редакции статьи (машинопись). Приводим места, не вошедшие в текст газеты:

(1)

К ответу ГИЗ, ЗИФ, «Молодую Гвардию», «Прибой». Пусть немедленно выскажется в печати тов. Халатов. Пусть Федерация писателей сигнализирует тревогу. Пусть профсоюзы с их мощной библиотечной сетью поддержат кампанию, которую мы сейчас начинаем, не в виде голословного ханжества, не в виде мелких щипков, от которых повизгивают злополучные переводчицы и даже не почесываются работники ГИЗа, а в виде крупной реформы, ревизии, революции в этом деле, которое должно пройти все стадии чистки, ревизии и ломки.

(2)

Так называемый переводный язык – это могучее варварское наречие, дикий воляпюк, имеющий свои законы и традиции. Он развивается параллельно с живым литературным языком и в свою очередь оказывает на него сильнейшее влияние. В моей редакторской практике я сталкивался с переводчиками,

которые и не подозревали о существовании отглагольных прилагательных. Без единого деепричастия они списывали целые томы. Тот отвратительный вид, в котором сейчас выходят иностранные авторы, – это настоящее чудо в сравнении с тем сырьем, которое издательства подсовывают редакторам.

* * *

О статье см. примеч. к письмам 123, 124, 129.

Сейчас ГИЗ затеял полное издание Гете в 18 томах. Юбилейное 13-томное издание Гете со вступительной статьей А. В. Луначарского увидело свет в ГИХЛе в 1932–1937 и 1947–1949 гг.

ГАХН – Государственная академия художественных наук.

О переводах (с. 259–267)

На литературном посту. 1929. № 13 (июль), с редакционным примечанием: Печатая интервью с т. Мандельштамом, редакция приглашает тт. переводчиков, издателей, критиков и читателей высказаться по вопросу о переводческом деле. Печ. по тексту журнала.

Сойкин Петр Петрович (1862–1938), *Сытин* Иван Дмитриевич (1851–1934), *Саблин* Владимир Михайлович (1872–1916) – известные русские издатели и книгопродавцы.

ЦЕКУБУ – Центральная комиссия по улучшению быта ученых.

На веленевой бумаге был отпечатан каталог всех мировых авторов... См. примеч. «Жак родился и умер».

...к «Академии»... «Academia» – издательство (1922–1938). Отличалось высоким уровнем подготовки и качеством полиграфического оформления. Выпустило собрания сочинений Анри де Ренье, Андре Жида, произведения Боккаччо, Свифта, Сервантеса и др. авторов.

Обрабатывая старые переводы Вальтер-Скотта, я заметил, что они сделаны полицейским языком паспортистов, и это хамское клеймо нельзя смыть никакими усилиями. М. обрабатывал старые переводы для издания: Скотт В. Собрание романов. М.; Л., 1928–1929. Под редакцией М. вышли переводы восьми романов из этого Собрания.

...немецкие уроки «Комсомольской правды». Подразумевается практикум по немецкому языку, помещавшийся на страницах газеты.

...включенный в гизовскую пятилетку восемнадцатитомный Гете,– это небывалое фантастическое существо. О Собрании сочинений Гете см. примеч. «Потоки халтуры».

...брюсовский перевод «Фауста»... Первая часть «Фауста» в переводе В. Я. Брюсова была издана ГИЗом в 1928 г.

Кто не помнит, например, «Овидия» в издании Манштейна? М. говорит о школьной серии «Иллюстрированное собрание греческих и римских классиков с объяснительными примечаниями» под ред. Л. А. Георгиевского и С. А. Манштейна, выходившей в конце XIX – начале XX века. Статьи и примечания в этой серии составлялись лучшими филологами.

ГИЗ и ЗИФ откликнулись на мою статью в «Известиях» кое-какой реформаторской работой... После выступления М. в «Известиях» за 7 апреля со статьей «Потоки халтуры» ГИЗ 16 апреля собрал совещание переводчиков совместно с представителями издательств. «Совещание избрало бюро, которому поручило разработать конкретные мероприятия в области регулирования переводной литературы» (Лит. газета. 1929. 20 апр.).

...очень дельных выступлений Асеева... См., например: Асеев Н. Заметки читателя: (Об иностранцах) // Ленингр. правда. 1927. 9 янв.; То же // Веч. известия. М., 1927. 30 янв.

Моссельпром – Московское губернское объединение предприятий по переработке продуктов сельскохозяйственной промышленности.

Клебер Курт (1897–1959) – немецкий писатель-революционер. В переводах на рус. язык издавался в 1926–1931 гг.

V

К проблеме научного стиля Дарвина (с. 268–273)

За коммунистическое просвещение. 1932. 21 апр. Печ. по тексту газеты. Материал для очерка был собран в процессе работы над главой «Вокруг натуралистов» «Путешествия в Армению» во второй половине 1931 – начале 1932 г. Увлечение биологией возникло у М. после знакомства с Б. С. Кузиным и

сближения с кругом его друзей, см. письмо к М. С. Шагинян (№ 154 в наст. томе).

Дарвин Чарлз Роберт (1809–1882) – английский естествоиспытатель, основоположник эволюционного учения о происхождении видов животных и растений путем естественного отбора. По окончании университета совершил как натуралист кругосветное путешествие на корабле «Бигл» (1831–1836), его «Дневник изысканий...» (в русском переводе – «Путешествие вокруг света на корабле “Бигль”») вышел в свет в 1845 г. Во время путешествия накопил огромное количество наблюдений по зоологии, ботанике, геологии, палеонтологии, антропологии и этнографии. Основной труд – «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» (1859).

«...Вспомнил, что это искусство щелкуна нигде не было описано как следует». Цитировано по книге: Дарвин Ч. Полное собр. соч. Т. 1: Путешествие вокруг света на корабле Бигль. М.; Л., 1925. С. 67.

«Щелкун, брошенный на спину и приготовляющийся к прыжку, загибает... краем головы и надкрыльев». См. в книге: Дарвин Ч. Указ. соч. С. 67.

Паллас Петр Симон (1741–1811) – немецкий путешественник и натуралист. Был приглашен Екатериной II в Петербург в качестве адъюнкта Академии наук и по ее указам предпринимал поездки в разные области Российской империи. В 1810 г. вернулся в Берлин.

«Азиатская козявка. Величиной с сольтициального жука... Поймана при Индерском озере». Цитировано (с неточностями) по изданию: Паллас П. С. Физическое путешествие по разным провинциям Российской Империи, бывшее в 1768 и 1769 году. СПб., 1773. Ч. 1. С. 23 (2-я паг.).

«Сие изящное строение сердца... к кровообращению», – говорит Линней. Цитировано с неточностями, ср.: «Сие изящное строение сердца, с приходящими к нему жилами, служит единственно к побуждению кровеобращения, которое происходит следующим образом...» (Линней К. Система природы. Т. 1: Царство животных. СПб., 1804. С. 61).

Почти столетие отделяет Линнея от зрелого Дарвина. Между ними – Кювье, Бюффон и Ламарк. Линней Карл (1707–1778) – шведский естествоиспытатель. Разделил природный мир на три царства: минеральное, растительное и животное;

ввел в них разделение на классы, отряды, роды и виды, стал тем самым основателем современной номенклатуры. Основной труд – «Система природы», выходил отдельными выпусками, начиная с 1750 г. Кювье Жорж (1769–1832) – французский зоолог. Сыграл значительную роль в создании палеонтологии и сравнительной анатомии. Описал большое число ископаемых форм и предложил определять по ним возраст геологических слоев, в которых они обнаружены. Реконструировал целые организмы по немногим частям, найденным при раскопках. Чтобы объяснить смену флоры и фауны в различные периоды эволюции Земли, выдвинул теорию катастроф (1817–1824). Был последователем Линнея и отвергал эволюционные воззрения Ламарка. Занимал ряд государственных постов при Наполеоне I и в период Реставрации. Бюффон Жорж Луи Леклерк (1707–1788) – французский естествоиспытатель, популяризатор науки. Основной труд – «Всеобщая и частная естественная история» – выходил отдельными выпусками с 1749 г. Высказал идеи об изменяемости видов (в противовес Линнею), о единстве животного и растительного мира, чем стал предшественником Дарвина. По оценке Э. Бранда в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, «с научной точки зрения сочинения Бюффона имеют в настоящее время мало значения, между тем как они всё еще представляют собой образец ораторского, иногда высокопарного стиля», ср. у М. ниже: *Тот же Бюффон в своих научных трудах выступает в роли революционного оратора. Он восхвалял «естественное состояние» лошадей, ставил людям в пример табуны диких коней, воздавал почести гражданской доблести коня.* Ламарк Жан Батист (1744–1829) – французский естествоиспытатель, создатель первой целостной эволюционной теории. Основной труд – «Философия зоологии» (1809). Считается основным предшественником Дарвина. Разграничил животный мир на две основные группы – позвоночных и беспозвоночных; ему принадлежит термин «беспозвоночные». В пределах беспозвоночных он выделил 10 классов, распределив их в порядке введенного им принципа совершенствования – градации – между четырьмя последовательно усложняющимися ступенями организации. Градации вначале понимал как прямолинейный ряд живых существ от простейших до самых совершенных – «лестницу существ» (ср. в ст-нии «Ламарк» (1932): «На подвижной лестнице Ламарка Я займу последнюю ступень»), затем он пришел к схеме родос-

ловного древа. В трактовке жизненных явлений был деистом. Считал «верховного творца» источником «первого толчка», пустившего в ход «мировую машину». Горячо приветствовал Великую французскую революцию; по его предложению в 1793 г. Королевский ботанический сад был реорганизован в Музей естественной истории, ср. у М. ниже: *А Ламарк, пишущий свои лучшие труды как бы на гребне волны Конвента, постоянно впадает в тон законодателя и не столько доказывает, сколько декретирует законы природы.* См. также примеч. «Путешествие в Армению» в т. 2 наст. изд.

«Если бы меня спросили... смутился. Но это не важно». Цитированное место, с отличиями, см.: Дарвин Ч. Полное собр. соч. Т. 1. Кн. 2: Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение избранных пород в борьбе за жизнь. М.; Л., 1926. С. 194.

«Я назову только три случая... пчелиных сотов». Цитированное место, с отличиями, см.: Дарвин Ч. Полное собр. соч. Т. 1. Кн. 2: Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение избранных пород в борьбе за жизнь. М.; Л., 1926. С. 261.

VI

От редакции (1) (с. 274–275)

Моск. комсомолец. 1929. 5 сен. Без подписи (атрибуция П. Нерлера, см.: *38*). Печ. по тексту газеты. Представляет собой обращение, открывающее первый выпуск Литературной страницы, которую М. вел в газете. В сентябре–октябре 1929 г. вышло 7 выпусков Литературной страницы (в дальнейшем не выходила из-за сокращения формата и объема газеты).

От редакции (2) (с. 275)

Моск. комсомолец. 1929. 19 сент. Без подписи (атрибуция П. Нерлера, см.: *38*). Печ. по тексту газеты.

...«ленивы и нелюбопытны» – цитата из главы 2 «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина: «Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...».

Перекличка с читателями (с. 275–278)

Моск. комсомолец. 1929. 26 сент. Без подписи (атрибуция П. Нерлера, см.: *38*). Печ. по тексту газеты.

Письмо тов. Колосова... В номере за 12 сентября была помещена статья Марка Колосова «Какой должна быть литстраница: (в порядке обсуждения)». Колосов Марк Борисович (1904–1989) – писатель и драматург.

...немецкому языку в “Комсомольской правде”. См. примеч. «О переводах».

VII

Молодость Гете (с. 279–310)

СС 2. Т. 3. В другой редакции: Театр. 1989. № 12 (подготовка текста С. В. Василенко и Ю. Л. Фрейдина, перепечатано: СС 3. Т. 3). Печатается по источникам в АМ.

Текст готовился для передачи по радио в 1935 году. Для воронежского Радиокомитета М. в том же году подготовил еще три сценария: по сюжету оперы Глюка «Орфей и Эвридика», «Гулливер у великанов» Свифта и по книге Н. Островского «Как закалялась сталь». Материалы этих сценариев до наших дней не дошли.

Отрывочные сведения о работе над «Молодостью Гете» имеются в двух архивных источниках. С. Б. Рудаков в письме к жене от 12 мая 1935 г. сообщал: «Сам готовит для радио “молодого Гете” (монтажный перевод из биографической прозы, “Путешествий” etc.)» (Письма Рудакова, с. 48; Рудаков имеет в виду произведения Гете «Поэзия и правда» и «Путешествие в Италию»). В письме к жене в Москву от 26 мая 1935 г. (№ 165 наст. тома) М. просил ее взять материалы для «Молодости Гете» у С. В. Шервинского (принимавшего участие в издании Юбилейного Собрания сочинений Гете, описание см. ниже).

В АМ сохранились: 36 листов машинописи и один фрагмент листа с текстом «Молодости Гете»; 5 листов блокнота с подготовительными записями М.; 3 листа с записями рукой Н. М. По тексту, манере печати («почерку» машинистки), цвету шрифта (фиолетовый на первом экземпляре, черный – на под-

копирочных экземплярах) среди листов машинописи различаются две редакции.

Первая редакция отражена в трех группах листов: 1) листы с нумерацией <1> (первый лист с началом), 2, 3, 6–8, 10, 12 (номера нанесены на верхнем поле посередине листа, цвет шрифта – фиолетовый); 2) пять листов с номерами 2–7 на верхнем поле справа; 3) два листа связного текста с пометой на первом из них: к стр. 25. Вторая и третья группа машинописных листов изготовлялась, по-видимому, как дополнение к первой группе.

Вторая редакция отражена на листах с нумерацией 5, 9–22, 26–28, 30–32; номера нанесены посередине листа, цвет шрифта черный. (Данные о двух редакциях текста приводятся с учетом текстологических изысканий Е. В. Алексеевой (Принстон), любезно нас с ними ознакомившей).

Первая редакция была возвращена поэту для переработки, см. в письме Рудакова от 9 июля 1935 г.: «М. погружен в радио (“Гете”), которого просят еще подправить...» Переработка заключалась в основном в сокращении, необходимом, по-видимому, из-за несоответствия запланированному для трансляции времени. Возможно, в отдельных случаях были и цензурные мотивы.

Текст разбит на «эпизоды». Каждый эпизод состоит из одной или нескольких сюжетных групп, которые ниже мы будем условно называть «сценами». Эти последние отделены друг от друга пробелами. Построение как общего действия, так и сцен внутри эпизодов – в хронологическом порядке, соответствующем биографии Гете. Первая редакция состояла из десяти эпизодов, вторая, после сокращения, – из девяти эпизодов. Сохранившийся в архиве текст первой редакции содержит начало передачи – эпизоды первый, бóльшую часть второго, третий, а также три большие сцены (исключенные во второй редакции), входившие в эпизоды с седьмого по девятый. Вторая редакция содержит эпизоды с третьего по девятый с двумя лакунами, объемом в одну машинописную страницу каждая. Таким образом, в настоящее время «Молодость Гете» может быть представлена читателю только как сводный текст, совмещающий сохранившиеся части первой и второй редакций, прецеденты чего в текстологии существуют. В предшествующих изданиях эта задача решалась по-разному. В первой

публикации (Г. П. Струве и Б. А. Филиппова) монтаж осуществлен радикально, но не всюду критически: снято деление на эпизоды; использованы все группы сохранившихся листов, но не все сцены из них, некритически в текст введены отрывки из черновых записей. Во второй, тщательно выполненной, публикации (С. В. Василенко и Ю. Л. Фрейдина) преимущество отдавалось второй редакции: все сцены седьмого – девятого эпизодов первой редакции (среди которых такие художественно выразительные сцены, несущие печать манеры автора, как «дочери учителя танцев» и «ожидание кареты») в текст не были включены, а только приведены в комментарии. Наш сводный текст основан на предпочтении первой редакции (как показано выше, сокращения в нем нельзя отнести к разряду творческих причин). Представлены все сцены обеих редакций, при этом сцены седьмого – девятого эпизодов первой редакции размещены в пробелах между сценами второй редакции так, чтобы сохранить хронологическую последовательность соответственно биографии Гете, как было предусмотрено автором. Текст первой редакции отмечен в подстрочных сносках. Учтена имеющаяся на листах правка автора и Н. Мандельштам, за исключением вычеркиваний, ведущих к сокращению текста. Разбиение на эпизоды по первой редакции восстановить не удается, они даны по второй редакции. Многочисленные опечатки и мелкие утраты текста исправляются (восполняются) без оговорок в бесспорных случаях, предположительные – в угловых скобках. В подстрочных сносках указываются предложившие восполнения авторы (С. Василенко и Ю. Фрейдин – по данным публикации в журнале «Театр», см. выше; Е. Алексеевой – по указанной выше текстологической работе). Другие примечания текстологического характера также даются в подстрочных сносках.

При подготовке сценария М. использовал переводы стихотворений и поэм Гете, включенные в вышедшие к тому времени тома 1 и 3–4 Юбилейного Собрания сочинений[1] (далее сокращенно: ЮСС, с указанием тома). Во время работы М. имел возможность обращаться к томам 9 и 11 того же Собрания

---

[1] Гете И. В. Собрание сочинений: В 13 т. Юбилейное изд. / Под общ. ред. Л. Б. Каменева, А. В. Луначарского, М. Н. Розанова. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1932–1949. Т. 1. Лирика / Под ред. А. Г. Габричевского и С. В. Шервинского; Ст. и примеч. А. Г. Габричевского. 1932; Т. 3. Драмы в прозе / Вступ. ст., ред. и примеч. М. Н. Розанова. 1932; Т. 4. Драмы в стихах / Вступ. ст., ред. и примеч. М. Н. Розанова. 1932.

сочинений, содержащим переводы книг «Поэзия и правда» и «Итальянское путешествие», выполненные Н. А. Холодковским (и примечания В. М. Жирмунского к ним), вышедшим из печати не позднее июля 1935 г.[1], однако преимущественно он пользовался переводами А. Л. Соколовского («Поэзия и правда») и З. А. Шидловской («Итальянское путешествие») и комментариями к ним, вошедшими во 2-е издание «Собрания сочинений Гете в переводах русских писателей» Н. В. Гербеля[2] (эти переводы он использовал в некоторых случаях текстуально, см. примечания). Использовал он также и роман Гете «Ученические годы Вильгельма Мейстера» (в переводе П. Н. Полевого из того же Собрания сочинений, см. примечания). Остается открытым вопрос, обращался ли М. (хорошо знавший немецкий язык и в 1920-е годы переводивший с немецкого для издательств) к подлинникам названных произведений.

Эпизод первый

В этом доме родился Гете. Иоганн Вольфганг Гете родился 28 августа 1749 года во Франкфурте-на-Майне.

...мимо средневековой Нюренбергской гостиницы... Речь идет о Нюрнбергском подворье – подворье нюрнбергских купцов во Франкфурте. «Гостиницей» названо в переводе А. Л. Соколовского (Собр. соч. СПб., 1895. Т. 8. С. 12).

Дедушка Гете (по материнской лини) – Иоганн Вольфганг Текстор (1693–1771). С 1748 г. – «имперский и городской шультгейс» (глава судебной палаты и председатель городского совета).

Бабушка – Анна Маргарита Текстор (урожд. Линдхеймер).

Братья Оксенштейны (Ochsenstein) – сыновья соседей Гете по дому Eксторов.

<Эпизод второй>

Дважды в год, разлившись, Нил Весь Египет затопил... Ганг – река большого ранга. Авторство этих строк, по-видимому, принадлежит М. Они иллюстрируют рифмованные вирши из учебника географии, Гете приводит пример:

Ober-Yssel viel Morast
Macht das ganze Land verhasst.

[1] Том 9 подписан к печати 14 марта 1935 г., зарегистрирован в «Книжной летописи» № 25 (май 1935 г.), т. 11 подписан к печати 24 апр. 1935 г., зарегистрирован в «Книжной летописи» № 33 (июль 1935 г.).

[2] Собрание сочинений Гете в переводах русских писателей: [В 8 т.] / Под ред. П. Вейнберга. 2-е изд. СПб., 1892–1895.

В переводе Н. Ман (Собр. соч. М., 1976. Т. 3. С. 30):

> В Обер-Исселе – трясина,
> Неприглядная картина.

Детям скучно читать Корнелия Непота... Корнелий Непот (ок. 100 до н. э. – после 32 до н. э.) – др.-римский историк и поэт, автор сочинения «О знаменитых мужах», представляющего собой жизнеописания выдающихся римлян и чужеземцев. Написанные им биографии использовались при обучении латинскому языку.

Это настоящие сокровища – здесь и «Прекрасная Мелузина», и «Прекрасная Магелона», и «Дети Аймона», и «Фортунат». Перечисляются прозаические переложения средневековых героических поэм и рыцарских романов, главным образом французского происхождения, получившие большое распространение в качестве «народных книг» и пользовавшиеся огромной популярностью в XV и XVI вв.: «Прекрасная Мелузина» (1456) – повесть о принцессе, принимавшей облик наяды; «Прекрасная Магелона» (1535) – книга о любви провансальского рыцаря Петра Серебряные Ключи и неаполитанской принцессы Магелоны. Немецкий перевод французского эпоса «Сыновья Аймона» появился в 1535 г. «Фортунат» – немецкая народная повесть-сказка о счастливом обладателе неиссякаемого кошелька и чудесной шапочки, в одно мгновение переносившей ее владельца в любое место.

А в Лиссабоне землетрясение. Это землетрясение произошло в 1755 г., когда Гете было 6 лет.

В соседней комнате сестра учится музыке. Учитель отбивает такт: – Мизинчиком, мизинчиком – скорей, хоп-хом... – Мимишку – мизинчиком, а фа – крючком. – Серединчиком соль – как в солонке соль. – По чернавке ударь. Легче, легче, быстрей. Каждая клавиша имела свое имя, каждый палец – свою кличку. В переводе А. Л. Соколовского: «...и вдруг в эту минуту открылись все трубы юмористического фонтана. Мизинчик, серединчик, крючечник, царапальщик – имена, которыми он окрестил пальцы...» (Собр. соч. СПб., 1895. Т. 8. С. 69).

При отце состоял в качестве камердинера и секретаря, слуги́ – мастера на все руки, – юноша Пфейль. Пфейль (Pfeil) Леопольд Генрих (1724 или 1725 – 1792) – камердинер и секретарь в доме Гете, впоследствии – владелец пансионата во

Франкфурте. О нем Гете пишет в книге четвертой «Поэзии и правды».

...дед судья. Забыл, что второй дед – трактирщик и дамский портной. «Дед судья» – дед по линии матери (см. выше); «второй дед», по линии отца, – Фридрих Георг Гете (1657–1730), дамский портной, позднее виноторговец и владелец гостиницы.

Эпизод третий

Гете на всю жизнь запомнил прыжки и жесты всех этих мавров и мавританок, пастухов и пастушек, карликов и карлиц... Ср. в романе «Ученические годы Вильгельма Мейстера» в переводе П. Н. Полевого: «На всю жизнь сохранилось у меня темное воспоминание об этих дивных прыжках мавров и мавританок, пастухов и пастушек, карликов и карлиц» (Собр. соч. СПб., 1894. Т. 4. С. 11).

Комедия о Давиде – народная «Комедия о Давиде и Голиафе». Эпизод с кукольной комедией заимствован из романа «Ученические годы Вильгельма Мейстера» (кн. 1, гл. 3–6).

Танкред – король Сицилии из рода Готвилей, герой поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим». Гете знал ее как по итальянскому оригиналу, так и по немецкому переводу Ф. Коппа (см. «Ученические годы Вильгельма Мейстера», кн. 1, гл. 7).

Эпизод четвертый

Гретхен, Маргарита. О личности Гретхен (Маргариты), в которую был влюблен Гете во Франкфурте, ничего не известно. Ее имя Гете дал героине «Фауста».

Гретхен за прялкой (Шуберт). Ремарка подразумевает исполнение фрагмента известной песни Франца Петера Шуберта (1797–1828) на слова Гете (из «Фауста»).

...веймарским тайным советником со звездой на груди. Особым указом от 11 июня 1776 года веймарский герцог Карл-Август назначил Гете тайным советником с содержанием в 1200 талеров в год.

Советник Шнейдер – Шнейдер (Schneider) Иоганн Каспар (1712–1786), баварский купец, советник (городского совета); близкий друг семейства Гете во Франкфурте.

Фон Рейнеке – фон Рейнек (Reineck) Фридрих Людвиг (1707–1775), виноторговец и военный советник, сосед Гете во Франкфурте. *Фон Маляпорт* – майор фон Малапарт (Malapart,

1700–1773), владелец солеварен близ Франкфурта, сосед Гете. Эпизод с гвоздиками см. в книге четвертой «Поэзии и правды».

Шуберт «Мельник». Рожок почтальона. Ремарка подразумевает исполнение фрагмента из вокального цикла Шуберта «Прекрасная мельничиха». Эти мотивы появились и в написанных в то же время (3 июня 1935 г.) ст-ниях «Возможна ли женщине мертвой хвала?..» и «На мертвых ресницах Исаакий замерз...», см. примеч. к ним. Рожок почтальона звучит в заключительном эпизоде «Поэзии и правды», см. примеч. к «Эпизоду восьмому».

Эпизод пятый

Живу как птица – гость прекрасных рощ... Порхаю в чащах, исчезаю в кущах... Автора этих стихов установить не удалось.

Он Цицерона на перине... Молились Богу в старину. – М. цитирует собственное ст-ние «Аббат» (1915).

Гауф. У Гете речь идет о студенте-богослове и его родственнике, дрезденском сапожнике. Его фамилия – Гауке (Haucke) – установлена впоследствии комментаторами, см.: ЮСС. Т. 9. С. 485.

Эпизод шестой

...писатель Готшед женился. Ей девятнадцать лет, ему шестьдесят пять. Готшед Иоганн Христоф (1700–1766) – немецкий писатель и лит. критик, представитель немецкого Просвещения. Сторонник классицизма (в борьбе против крайностей барокко). Основная работа – «Опыт критической поэтики для немцев» (1730). В 1765 г. сочетался вторым браком с Эрнестиной Сузанной Нойнес (1746–1811). О встрече с Готшедом см. в книге седьмой «Поэзии и правды».

Бериш (Behrisch) Эрнст Вольфганг (1738–1809) – гувернер графа фон Линденау. Был уволен в 1767 г. из графского дома (в Лейпциге) за дружбу со студентом Гете. Гете обратил к нему «Три оды к моему другу Беришу» (ЮСС. Т. 1. С. 47–51).

...доброго булочника Генделя... Гендель (Händel) – лейпцигский пирожник, к которому обращено шуточное ст-ние Гете «О, Гендель, целый свет прославил ты собой!..», написанное карандашом на стене его кондитерской (Собр. соч. СПб., 1895. Т. 8. С. 187).

Старика Клопштока называют божественным поэтом. Согласен... Но поэма его – знаменитая «Мессиада», пере-

сказывающая Евангелие, так длинна, что понадобилось бы нанять носильщика, чтобы таскать ее с собой на прогулку. Клопшток (Klopstock) Фридрих Готлиб (1724–1803) – поэт, автор эпической поэмы «Мессиада» (Т. 1–4, 1751–1773), написанной в подражание «Потерянному раю» Мильтона и оказавшей огромное влияние на современников, в том числе на Гете.

С высоких колосников студенты смотрели на сцену, и она казалась им слишком маленькой для шекспировского действия. Всем хотелось, чтобы «Гец фон Берлихинген» – юношеская трагедия Гете – была достойна Шекспира. Драма «Гец фон Берлихинген, рыцарь с железной рукой» (1773) была написана Гете с ориентацией на драматургию Шекспира. В пьесе он, как и Шекспир, игнорируя классицистическое триединство, вводит множество сцен и персонажей, чередует стихи и прозу, пользуется народным языком. Ниже М. заимствует цитату из этой пьесы.

Эпизод седьмой

...в феодальном немецком городке... В город приехал модный архитектор... Вероятно, речь идет о Страсбурге. О приезде французского архитектора в Страсбург см. в книге девятой «Поэзии и правды».

Это первый блестящий образец готической архитектуры, который увидел Гете... Из главной точки каждого свода расходились мощные ребра. Равновесие и полет были законом этой архитектуры. О страсбургском соборе Гете пишет в книге девятой «Поэзии и правды»; этому собору была посвящена его юношеская статья «О немецком зодчестве». М. также пережил увлечение готической архитектурой, отразившееся в ст-нии «Notre Dame» и в статье «Утро акмеизма».

Кто тобой, гений, пестуем... Ты – в выси! – Из ст-ния Гете «Песнь странника в бурю» в переводе Н. Н. Вильям-Вильмонта, см.: ЮСС. Т. 1. С. 74.

Люцинда и Эмилия – дочери учителя танцев в Страсбурге. О них Гете пишет в книге девятой «Поэзии и правды».

– Роза, я сломлю тебя... Роза в чистом поле. – Из ст-ния Гете (написанного в подражание народной песне) «Дикая роза» в переводе Д. С. Усова (ЮСС. Т. 1. С. 73).

Здесь, на горе, в рудничном районе живет «угольный философ» химик Штауф. Штауф – химик и техник, которого Гете посетил в июне 1770 г., путешествуя по Саарской области.

Впоследствии комментаторы уточнили его фамилию и имя: И.-К. Штаут (Staudt). О встрече с Штаутом Гете пишет в книге десятой «Поэзии и правды».

И Моцарт на воде... Считали пульс толпы и верили толпе. М. цитирует первую строфу собственного ст-ния из цикла «Восьмистишия».

Эпизод восьмой

Гердер (Herder) Иоганн Готфрид (1744–1803) – философ, историк культуры, писатель. Оказал сильное влияние на молодого Гете, с которым сблизился в Страсбурге в 1770–1771 гг.

Фридерика Брион в крестьянском платьице с короткими рукавами, с длинными косами. Брион (Brion) Фридерике (1752–1813) – дочь пастора из местечка Зезенгейм (40 км северо-восточнее Страсбурга), с которой Гете познакомился в октябре 1770 г. Чувство к Фридерике вызвало к жизни лирический цикл «Зезенгеймские песни».

Лотта, чужая невеста – Шарлотта Буфф, невеста секретаря ганноверского посольства Иоганна Кристиана Кестнера, с которым Гете состоял в тесной дружбе. Любовь к ней по времени относится к пребыванию Гете в Вецларе (вблизи Франкфурта) в мае–сентябре 1772 г.

Лили Шёнеман – Шёнеман (Schönemann) Анна Элизабета (1758–1817), дочь богатого франкфуртского банкира, с которой Гете был помолвлен в 1775 г. (помолвка вскоре расстроилась). Ряд произведений этого периода носит печать его привязанности к Лили, например, ст-ния «Белинде», «Стелла», «Парк Лили», оперетта «Эрвин и Эльмира» и многие др. Историю своих отношений с ней Гете подробно описал в книге семнадцатой «Поэзии и правды».

Кто хочет миру чуждым быть... С ней не расстанусь я. – Вторая песня арфиста из романа «Ученические годы Вильгельма Мейстера» Гете в переводе Ф. И. Тютчева.

Во франкфуртском доме стесняются произносить слово «карета». Речь идет об ожидании запаздывавшей кареты из Веймара, см. примечания ниже.

Молот возьму... Огонь у богов. – Песня кузнецов из драмы Гете «Пандора». М. использовал перевод С. В. Шервинского (переработав его), см. следующее примечание.

Вечно земля крепка... В поте лица рабу. Цитата из песни кузнецов в драме Гете «Пандора» в переводе С. В. Шервинского, см.: ЮСС. Т. 4. С. 402.

Страсбургские каретные мастера, не торопясь, изготовляют тюрьму на колесах, лакированный гроб на рессорах, в котором величайшего поэта Германии должны доставить в карликовое государство – Герцогство Веймарское, – где он будет министром у помещика, чудом-юдом для показа гостям. В октябре 1775 г. во Франкфурт приехал герцог Веймарский и пригласил Гете к своему двору в Веймар. Гете принял предложение, и было условлено, что камер-юнкер Кальб приедет к Гете в известный день и отвезет в Веймар в экипаже. В назначенный день Кальб не явился. Прошло около двух недель, отец стал уговаривать сына бросить всё и ехать в Италию. Вольфганг послушался и отправился в путь через Гейдельберг. Но ночью разбудил его рожок почтальона: это была эстафета из Франкфурта. Запоздавший Кальб приехал и ждал его. Гете тотчас же возвратился во Франкфурт и вместе с Кальбом отправился в Веймар.

Новому не рад я. С преизбытком... Только дню текущему он служит... Автора этих стихов установить не удалось.

– Корни мои подрублены, – воскликнул, умирая, Гец фон Берлихинген. – Цитата из драмы «Гец фон Берлихинген, рыцарь с железной рукой» в переводе Е. Ф. Книпович, см.: ЮСС. Т. 3. С. 155.

Эпизод девятый

Девочка лет одиннадцати отчаянно машет краешком красного плаща. Рядом с ней стоит чернобородый мужчина. За плечами у него большой треугольный футляр. Маленькая дикарка с арфой – Миньона. Этот эпизод описан Гете в «Итальянском путешествии» под ремаркой «Миттенвальд, 7 сентября <1786 г.>, вечером». Эта девочка явилась прототипом Миньоны в романе Гете «Ученические годы Вильгельма Мейстера» (1795–1796).

Я обошел цирк по ярусу верхних скамеек, и он произвел на меня странное впечатление: на амфитеатр надо смотреть не тогда, когда он пуст, а когда он наполнен людьми. Увидев себя собранным, народ должен изумиться самому себе – многогл<авый>, многошумный, волнующийся – он вдруг видит себя соединенным в одно благородное целое, слитым в одну массу, как бы в одно тело. Каждая голова зрителя служит мерилом для громадности целого здания. Из «Путешествия в Италию», под ремаркой: «Верона, 16 сентября

<1786 г.>». М. использовал перевод З. А. Шидловской, ср.: «Итак, амфитеатр – первый значительный памятник древности, который я вижу, и притом так хорошо сохранившийся! Когда я вошел в него, и еще более, когда обошел вокруг по верхнему краю, он произвел на меня странное впечатление: это что-то великое, хотя собственно ничем не приковывающее внимание. На него надо смотреть не тогда, когда он пуст, а когда он наполнен людьми... Увидев, таким образом, собранным в одно, народ должен был изумиться самому себе. Привыкнув видеть себя прежде снующим взад и вперед, теснящимся без всякого порядка или дисциплины, этот многоглавый, многоумный (так! – *Т. К.*), волнующийся туда и сюда, блуждающий зверь вдруг видит себя соединенным в одно благородное целое, слитым воедино, сплоченным в одну массу, как бы в одно тело, в котором живет один дух. Простота овала самым приятным образом высказывается каждому глазу, и каждая голова служит мерилом для громадности целого здания» (Собр. соч. СПб., 1893. Т. 6. С. 24).

Ветер, веющий с могил древних, проносясь над холмами, покрытыми розами, проникается их благоуханием. Памятники выразительны, трогательны и всегда воспроизводят жизнь. Так в<идишь> мужа, который из ниши, как из окна, глядит на свою жену, там стоят отец и мать, а между ними сын, и смотрят друг на друга с невыразимой естественностью. Из «Путешествия в Италию», под ремаркой: «Верона, 16 сентября <1786 г.>» (вторая запись за это число). М. цитирует перевод З. А. Шидловской, ср.: «Ветер, веющий с могил древних, проникается благоуханием, проносясь над холмом, покрытым розами. Надгробные памятники выразительны, трогательны и всегда воспроизводят жизнь. Там видишь мужа, который из ниши, как из окна, глядит на свою жену; там стоят отец и мать, с сыном посреди и смотрят друг на друга с невыразимою естественностью» (Собр. соч. СПб., 1893. Т. 6. С. 25).

А через несколько недель в маленьком венецианском театре шла довольно нелепая пьеса... венецианская публика, вызывая актеров, вопила: «Bravo, i morti!» – браво, мертвецы! О посещении театра Гете пишет в «Итальянском путешествии» под ремаркой «5 октября <1786 г.>, поздним вечером». «Bravo, i morti!» – правильно: «Bravi i morti!» – браво, мертвецы! (*ит.*).

Перекликающиеся лодочники поют стихи старинного поэта Торкватто Тассо. Об этом Гете пишет под датой «6 октября <1786 г.>» «Итальянского путешествия».

Безумный Тасс, семь лет просидевший на цепи в темнице герцога в Ферраре, тот самый Тасс, которого хотели увенчать лаврами в Римском Капитолии. Но не успели – он умер, не дожив. Торквато Тассо (Tasso, 1544–1595), итальянский поэт, служивший в Ферраре у кардинала Луиджи д'Эсте, затем при дворе Альфонса II. В 1579 г. за слова, направленные против герцога, Тассо заковали в цепи и посадили в подвал госпиталя св. Анны. В 1594 г. папа римский Клемент VIII дал поэту пожизненную пенсию и обещал провозгласить его королем поэтов, чтобы возобновить в Риме знаменитую церемонию коронации лучшего из поэтов лавровым венком на Капитолии.

Певец средиземных просторов – он рассказывал, как рубили дерево в заколдованных рощах и строили башню на колесах для осады мусульманских городов. Речь идет о поэме Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1575).

ПРИЛОЖЕНИЕ (1)

[Поэт о себе] (с. 311)

Читатель и писатель. 1928. 18 нояб. № 46. С. 3 (в качестве ответа на анкету: «Советский писатель и Октябрь»). Перепечатано: Книга и революция. 1929. № 15/16. С. 22. Печ. по первой публикации. Автограф датирован 24-м октября 1928 г. (РГАЛИ. Ф. 1893). Здесь после 1-го абзаца следовала зачеркнутая незавершенная фраза: Я всегда ощущал «старый мир» как нечто законченное и обреченное; поэтому октябрьская рев. не могла [.....]

Заявка на повесть «Фагот» (с. 312)

СС 2. Т. 2. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 611. Оп. 2. Ед. хр. 243. Л. 118). Подана в Государственное издательство в марте или апреле 1929 г. На листе помета: «Отклонена». См. письмо 125.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ. ЧЕРНОВИКИ. ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Детские писательницы (с. 315–316)

Детская литература. 1967. № 6. Печ. по авторизованной копии Н. М. (АМ). Датируется серединой 1920-х гг. (по датировке Н. Мандельштам – 1925 г.).

ГУС – Государственный ученый совет, руководящий научно-методический центр Наркомпроса РСФСР (1919–1932).

...аккуратная. Следовало зачеркнутое: зубы держала в стакане, носила платья креп.

...черт знает что. Далее следовало зачеркнутое: но так как время было организационное, старушонку не то чтобы прогнали, а с ней все-таки поговорили, т. е. секретарь вышел к ней в коридор и вежливо объяснился.

...сон. Следовало зачеркнутое: Жизнерадостные чисто умытые зайцы [.....]

...только поздно вечером. Следовало зачеркнутое: Утром старушка прояснилась: ей стало так легко и весело, словно сам заяц-барабанщик подошел к ее изголовью. Дробь заячьего барабана звучала в замшенных ушах. Перо заскрипело в замшенном кулачке:

Встали сегодня рано,
С солнышком все на ногах,
Пробуем бой барабана [.....]

«Березиль» (Из киевских впечатлений). Из черновиков (с. 316–317)

Соч. Т. 2, с. 374–375. Печ. по копии Н. М. (АМ).

На днях в Киеве встретились два замечательных театра: украинский «Березиль» и Еврейский камерный из Москвы. В Киеве, во Втором драматическом театре УССР (в здании бывшего театра Соловцова), с октября 1925 г. по май 1926 г. давал спектакли «Березиль», в мае–июне 1926 г. здесь же гастролировал Государственный еврейский театр.

Московский государственный еврейский театр. Из черновиков (с. 317–319)

Соч. Т. 2, с. 373–374. Печ. по АМ, где представлено четырьмя нумерованными листами (автографы и копии Н. М.) неполного текста. Последовательность фрагментов дается соответственно нумерации листов. В угловых скобках раскрыты сокращения автора.

(1). *...просроченных [мандатишка] командировка...* Так в тексте, после правки согласование между словами «просроченных» и «командировка» автор не установил, читать следует: просроченная командировка. *Шиндель* – персонаж комедии А. Вевюрко «137 детских домов» (постановка А. Грановского, художник Н. Альтман, 1926). *«Колдунья»* – «еврейская игра» по А. Гольдфадену (постановка А. Грановского, художник И. Рабинович, 1922), где Михоэлс исполнял роль Гоцмаха. *«Ночь на старом рынке»* (1925) – «трагический карнавал» по мотивам произведений И. Л. Переца, где Михоэлс исполнял роль Первого бадхена (бадхен – ведущий на свадьбе, который развлекает гостей песнями, анекдотами, притчами; свадебный шут). Спектакль состоял из двух частей – «умирающего, вымирающего города» и «ожившего кладбища». Роль Второго бадхена исполнял Б. Зускин.

(2). *Когда изящнейший фарфоровый актер...* Этот текст был использован в «Египетской марке», см. примеч. к ней.

(4). *Вахтангов* Евгений Багратионович (1883–1922) – режиссер, актер, театральный деятель, педагог. Один из активных последователей и проводников в жизнь системы Станиславского. В 1921 г. возглавил 3-ю студию Московского Художественного театра и превратил ее в самостоятельный театр, который в 1926 г. получил его имя. *«“Свадьбу” и “Пир во время чумы”... одно и то же».* Источник цитаты не установлен, соответствующая дневниковая запись (26 марта 1921 г.) Вахтангова опубликована в его книге «Записки. Книги. Статьи» (М.; Л., 1939. С. 232), однако идея Вахтангова, высказанная в 1919 г., была хорошо известна в театральных кругах. Вахтангов хотел объединить названные постановки в одном спектакле (в один вечер). Идея была характерна для формулы «фантастический реализм», которой Вахтангов выразил свое творческое кредо. «Свадьба» – пьеса Чехова.

Перго Л. Рассказы о животных. Предисловие. Первоначальная редакция (с. 319–321)

СС 2. Т. 3. Печ. по черновому автографу (АМ), где текст помечен Н. М. как «рецензия», и в первой и следующих публикациях означался соответственно помете. Художественное оформ-ление зачина текста, а также то обстоятельство, что текст не имеет обязательной структурной части рецензии – заключения рецензента о желательности или нежелательности перевода книги, свидетельствуют о том, что он является черновиком предисловия (см. основной текст).

Записная книжка (Заметки о натуралистах) (с. 321–327)

Пути в незнаемое. Сб. 15. М., 1980, под загл.: Заметки о натуралистах (Записная книжка), послесловие Б. М. Кедрова. Печ. по прижизненной машинописи (АМ). Заглавие – авторское. Представляет собой первоначальный набросок статьи о Дарвине. В машинописи сведены и отредактированы отдельные записи (автографы, копии Н. М. в АМ и в фонде Ю. Оксмана, РГАЛИ). Некоторые пункты машинописи в автографах и копиях не сохранились.

6. *«Я раздобыл... сэру Эллиоту».* Цитированное место, с отличиями, см.: Дарвин Ч. Полное собр. соч. Т. 1. Кн. 2: Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение избранных пород в борьбе за жизнь. М.; Л., 1926. С. 79.

9. В автографе далее следовала зачеркнутая фраза: Он искусно перемежает показания живых свидетелей, показания очевидцев с выписками из ученых трудов.

10. *«Происхождение видов» ошеломило современников. Книгу читали взасос. Ее успех у читателей был равен успеху гетевского «Вертера».* Автор статьи словаря Брокгауза и Ефрона отмечал: «Задевая за живое ходячие представления о человеке, его происхождении и проч., она естественно возбудила толки в общей литературе, в ежедневной прессе, в среде теологов и проч. Термины “дарвинист”, “дарвинизм”, “борьба за существование” сделались ходячими; имя Дарвина приобрело такую популярность, какой не доставалось ни одному ученому; вообще его теория произвела беспримерное в истории науки впечатление».

11. Конъектура в угловых скобках – по автографу в АМ.

13. В автографе фраза начиналась: Но самое замечательное и поучительное для всех писателей – это забота Дарвина о том, чтобы читатель в фактах, в «натуралиях» не задохнулся [чтобы прослойками воздуха и света] [.....]

14. *«Когда я проникся этими истинами... показать целое».* В издании 1911 г.: «Проникшись этими истинами, я понял, что сделаю их ясными для моих учеников только в том случае, если, не углубляясь на первых порах в подробности частных вопросов, представлю им животный мир сначала в общих чертах; покажу предмет в целом...» (Ламарк Ж. Б. Философия зоологии. М., 1911. С. 22).

18. *«Я назову только три случая инстинкта... и строительство пчелиных сот».* Цитированное место, с отличиями, см.: Дарвин Ч. Указ. соч. С. 261.

21. *У бездарных кропателей они вырождались в накопление полицейских примет...* В одном из автографов (АМ) текст имел следующую редакцию: Дарвин избегает выписывать весь длинный «полицейский» паспорт животного или растения. Он вступает с природой в отношения военного корреспондента, интервьюера, отчаянного репортера, которому удается подсмотреть событие у самого его истока. Он никогда ничего не описывает,– он только характеризует, и в этом смысле [.....] *Описанная Палласом азиатская козявка...* Этой фразе в рукописи предшествовала цитата: «Асиятская козявка (Chrisomela asiatica) величиной с сольтициального жука, а видом кругловатая с шароватою грудью. Стан и ноги с прозеленью золотыя, грудь темнее, голова медного цвета. Твердо-крылия гладкия, лоснющиеся, с примесью виолетового цвета черныя. Усы ровныя, передния ноги несколько побольше. Поймана при Индерском озере». Цитировано по изданию: Паллас П. С. Физическое путешествие по разным провинциям Российской Империи, бывшее в 1768 и 1769 году. СПб., 1773. Ч. 1. С. 23 (2-я паг.).

22. Первая и последняя фраза вошли в «Путешествие в Армению».

23–25. Выпущенные пункты: «Я читал Палласа... где водятся выдры», «Книга Палласа светлая... геологическому дворянству...», «Палласу ведома... с проседью за ухом» – см.: «Путешествие в Армению. Записные книжки» в т. 2 наст. изд.

28. *«Творец природы снабдил человека орудиями, известными под именем чувственных и преизящно устроенных».* Цитировано (с неточностями) по книге: Линней К. Система природы. Т. 1: Царство животных. СПб., 1804. С. 51.

29. *«Сие изящное строение сердца... кровообращения»... «Всеконечно нельзя не удивляться... и прочие внутренности»... «Кожа, облекающая наше тело... а потом сжимается».* Цитировано (с неточностями) по книге: Линней К. Указ. соч. С. 47, 46, 61.

Вокруг натуралистов (с. 327–333)

Печ. впервые по авторизованной машинописи с пометой: «З<а> К<оммунистическое> П<росвещение> – к юбилею Дарвина» (АМ). Заглавие – авторское. Представляет собой первую редакцию статьи «К проблеме научного стиля Дарвина», см. примеч. к ней.

Знаменитый «Пиквикский клуб» Чарльза Диккенса не что иное, как едкая сатира на это любительство. «Посмертные записки Пиквикского клуба» вышли в свет в 1837 г.

...каким-нибудь сэром Элиотом, который прислал ему в подарок голубей. См.: Дарвин Ч. Полное собр. соч. Т. 1. Кн. 2: Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение избранных пород в борьбе за жизнь. М.; Л., 1926. С. 79.

Не обращать внимания на форму научных произведений так же неверно, как игнорировать содержание художественных: элементы искусства неутомимо работают и там и здесь. В списке ранней редакции статьи следовало: Дарвин строго следит за профилем своего доказательства. В поисках разнокачественных опорных точек он создает настоящие гетерогенные ряды, т. е. группирует несхожее, контрастирующее, различно окрашенное.

Запись о постановке пьес Чехова «Дядя Ваня» и «Вишневый сад» (с. 334–336)

ВРСХД. 1976. № 118 (фрагмент); Rus. literature. 1977. Vol. V, iss. 2 (публ. Ю. Л. Фрейдина). Печ. по авторизованной копии Н. М. (АМ). Датируется десятыми числами февраля 1935 г. по упоминанию рецензии (А. Ярцева) на премьеру «Вишневого

сада» в газете «Коммуна», см. ниже. 28 января 1935 г. воронежская газета «Коммуна» поместила статью режиссера Большого советского театра в Воронеже Г. Шебуева о юбилейных спектаклях в ознаменование 75-летия со дня рождения А. П. Чехова и о премьере «Вишневого сада».

Возьмите список действующих лиц хотя бы у Гольдони... personaggi: Фабрицио... Фульгенций... Роберт... Речь идет о комедии К. Гольдони «Влюбленные» (указано Ю. Л. Фрейдиным со ссылкой на справку Л. С. Осповата: «Сохрани мою речь...». М., 1991. С. 28). Комедия Гольдони намечалась к постановке в Воронежском театре.

Эак, когда весь народ его вымер от заразы, от порчи воздуха, – из муравьев людей понаделал. Превратил муравьев в людей, по просьбе Эака, его отец Зевс.

...укачивал серебролунного думного боярина из пьесы Алексея Толстого, из той самой, которую написал полицейский пристав в сотрудничестве с Аполлоном Бельведерским,– на этот раз мой Мстиславский... Речь идет об актере, игравшем роль князя Мстиславского в пьесе А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович».

...изругала областная газета за то, что «Вишневый сад» был сыгран без настроения и обращен в удалую комедию. Имеется в виду рецензия А. Ярцева на премьеру, в которой отмечалось, что «к сценическим неудачам прибавилась новая» (Коммуна. 1935. 10 февр.).

Запись о постановке «Отелло» (с. 336–337)

Театр. 1989. № 12, в примеч. С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдина к «Молодости Гете». Печ. по источнику (запись Н. М.) в АМ. Сокращения источника раскрыты без оговорок. На листе помета Н. М.: «В шутку записала Осину болтовню».

«Отелло» Шекспира был поставлен Большим советским театром в Воронеже в феврале 1936 г. (Письма Рудакова, с. 151). М. работал в театре литературным консультантом, для этого спектакля готовил текст, обрабатывая переводы «Отелло» (там же, с. 98). Датируется концом 1935 – началом 1936 г.

Недаром его последние слова – про турка. Подразумевается финал пьесы (перевод Б. Пастернака):

Когда турчин в чалме посмел ударить
Венецианца и хулить сенат,

Я этого обрезанного пса,
Схватив за горло, заколол – вот так.
(*Закалывает себя.*)

Брат тов. Назарова (с. 337–338)

Сохрани мою речь. М., 2008. Вып. 4, ч. 1 (публ. С. В. Василенко и П. М. Нерлера). Печ. по автографу: ИРЛИ. РI. Оп. 17. Ед. хр. 314. Подписано: О. Мандельштам. Текст представляет собой набросок очерка, писавшегося для воронежской газеты «Коммуна». Датируется апрелем или маем 1935 г. по записям на обороте листов (перечень стихов «Первой воронежской тетради» за апрель – май).

В течение первого года ссылки М. дважды командировался «Коммуной» в совхозы Воронежской области и писал для газеты очерки по материалу поездок, которые, однако, в газете не были помещены (см. примеч. к следующему тексту). Тем не менее не напечатанные газетой материалы оплачивались, и эта работа была для него подспорьем в материальном отношении. К разряду такого рода работ относится и публикуемый набросок. Место действия очерка – телефонный междугородный пункт в Воронеже на ул. 27 февраля (ныне – ул. М. Е. Пятницкого), много раз упоминающийся в письмах Рудакова к жене и в воспоминаниях Н. Е. Штемпель. Чаще всего М. приходил сюда для разговоров с женой во время ее поездок в Москву. Как раз на март–апрель и май–июнь приходятся продолжительные отъезды Н. М. из Воронежа. Тема «смерти», нитью проходящая по стихам «Первой воронежской тетради», явилась стержнем и настоящего очерка.

Записи и проспекты к «книге о деревне» (с. 338–348)

Лит. обозрение. 1991. № 1 (публ. С. В. Василенко и Ю. Л. Фрейдина, под загл. «Я предлагаю дать документальную книгу о деревне...»). Источники – автографы, записи Н. М., разрозненные листы машинописи (АМ). Печ. по этим источникам. Помимо записей о поездке, в АМ сохранились проспекты заявок на «книгу о деревне» и планы к ней. В наст. изд. не включены отрывочные путевые записи.

В командировку в колхозы и совхоз Воробьевского района М. был направлен воронежской газетой «Коммуна», для кото-

рой он должен был написать очерк о поездке. Поездка продолжалась 22–30 июля 1935 г., и сразу по возвращении М. принялся за писание очерка (Письма Рудакова, с. 77–82). Очерк в газете не появился – вероятнее всего, не был принят редакцией. 27 сентября Рудаков отметил в письме, что М. «пишет проспект к фольклорной книге (для аванса)» (там же, с. 87) – по-видимому, к этой работе относятся первые четыре фрагмента нашей публикации. Как видно из указанных писем, работа М. над очерком (так же как и над рецензиями воронежского периода) была вынужденной, для заработка, и не могла отразить его действительной оценки происходящего. Поездка отразилась в воспоминаниях Н. М. (см. ниже).

Летуны. Об этих людях и интересе к ним М. вспоминала Н. М.: «Были они прыгунами и сочиняли духовные стихи про свои неудачные полеты на небо», см.: *29*, с. 133–134.

...предколхоза «Пламя революции» товарищ Дорохов... О колоритной фигуре Дорохова Н. М. писала в воспоминаниях (*30*, с. 237–239).

Амплификация – нагнетание в тексте нескольких сходных определений, усиливающих характеристику явления (стилистическая фигура).

Бир-галь (нем. Bierhalle) – пивная.

Органчик, т. е. «машина “орган”» – см. примеч. «Пивные».

Зернхоз – зерновое хозяйство.

...начало разрушения землянки с не выведенными из нее детьми, с корректностью разговора и юридическими советами тут же на месте. Отсутствие испуга у выселяемых. Этот эпизод был описан Н. М. в другой тональности («Женщинам нечего было терять, и они крыли директора густым матом...»), см.: *30*, с. 240–242.

...с областным отделением ВССП.... ВССП – Всероссийский Союз советских писателей, речь идет о его Воронежском отделении.

Записи к «Молодости Гете» (с. 348–350)

СС 2. Т. 3. Записи рукой Н. Я. Мандельштам (1–4) и автографы (5–6) в АМ.

Об использованных М. источниках и принятых сокращениях см. примеч. «Молодость Гете».

Базедов задумал образцовую школу. Деньги нужно выманить у богачей. Базедов начинает с просьбы, и неожиданно для себя самого оскорбляет человека, к которому обращается. Базедов (Basedow) Иоганн Бернгард (1723–1790) – педагог-реформатор, создатель воспитательного учреждения (пансиона) для малолетних в Дессау («Филантропинум»). Ср. в переводе А. Л. Соколовского: «Он поставил себе задачей во время своего путешествия склонить публику в пользу своего филантропического предприятия влиянием своей личности, и притом действия не на умы, а на кошельки. О своих предложениях говорил он чрезвычайно красно и убедительно, и каждый охотно соглашался с ним. Но по совершенно непостижимым соображениям оскорблял он чувства и убеждения тех, к кому обращался за субсидиями, оскорблял даже без всякой нужды...» (Собр. соч. СПб., 1895. Т. 8. С. 385).

Ядовитый Мерк – прообраз Мефистофеля. Гете сравнивает его с улиткой, которая нет-нет, да и покажет людям рога. Мерк (Merck) Иоганн Генрих (1741–1791) – писатель, критик и журналист; зоолог, палеонтолог, естествоиспытатель. Близкий друг Гете в 1772–1775 гг. Цинический ум и «великий отрицатель», многие черты которого Гете присвоил Мефистофелю. Ср. в переводе А. Л. Соколовского: «Обыкновенно рассудительный и спокойный, он иной раз, подобно улитке, внезапно выставляющей рога, вдруг делал такую выходку, что от нее приходилось терпеть и даже страдать друзьям. <...> Мерк, тотчас же приехавший из Дармштадта, начал разыгрывать Мефистофеля...» (Собр. соч. СПб., 1895. Т. 8. С. 317, 383).

Лафатер (Lavater) Иоганн Каспар (1741–1801) – пастор в Цюрихе, теолог и религиозный проповедник, мистик и физиогномист. Молодой Гете увлекался его физиогномикой (учение о возможности определить характер человека по его внешнему виду). Знакомство Гете с Лафатером состоялось во Франкфурте в 1774 г.

«Этим путешествием я хочу раз навсегда насытить свою душу... только полезность и строгая необходимость управляет нашей современностью». В этой цитате М. использовал запись от 5 октября 1786 г. из «Дневника путешествия», писавшегося Гете во время поездки по Италии для Шарлотты фон Штейн (или его перевод в не установленном нами издании). Приведена в комментариях к «Путешествию в Италию»: Собр. соч. СПб., 1893. Т. 6. С. 345. Этот комментарий относится к

дню посещения театра 5 октября, см. примечания к «Эпизоду девятому» «Молодости Гете».

Шток (Stock) Иоганн Михаэль (1739–1773) – нюрнбергский гравер, с которым Гете познакомился в Лейпциге в 1768 г. и учился у него гравировать пейзажи (по рисункам других художников).

Клингер (Klinger) Фридрих Максимилиан фон (1752–1831) – поэт и драматург, автор пьесы «Буря и натиск» (1776), которая дала название целому литературному движению. В 1780 г. переехал в Россию, где поступил на службу к наследнику (впоследствии – императору) Павлу и со временем дослужился до генеральского чина.

Госпожа Ла Рош – София фон Ларош (La Roche, урожд. Гутерман; 1730–1807), немецкая писательница, автор известного в свое время романа в письмах «История фрейлейн фон Штернгейм» (1771). В ее семье (в Кобленце) Гете гостил вместе с Мерком в 1772 г. и увлекся ее дочерью Максимилианой.

Ленц (Lenz) Якоб Михаэль Рейнхольд (1751–1792) – поэт, драматург, один из теоретиков движения «Буря и натиск». Познакомился с Гете в Страсбурге в 1771 г. Вел скитальческий образ жизни. Уехал в Россию, жил в Петербурге, затем в Москве, в доме в Кривоколенном переулке, принадлежавшем масонам, где и умер. О нем см. в книге одиннадцатой «Поэзии и правды».

Художник Книпп. Книп Христиан (1748–1825) –художник и рисовальщик. Упоминается в «Итальянском путешествии» Гете начиная с 23 марта 1787 г. Его рисунки и акварели, сделанные во время путешествия, хранятся в Веймарском доме Гете. Упоминается в «Записных книжках» к «Путешествию в Армению».

Палермо: в гостях у крестьян род<ственники> Каллиостро? О посещении родственников Калиостро Гете пишет в «Итальянском путешествии» под датой «13 и 14 апреля 1787 г.».

Карнавал в Риме (Шуман). Подразумевается выбор музыкальной заставки к предполагавшемуся эпизоду карнавала в Риме, который Гете созерцал в феврале 1787 г. и отметил записями в «Итальянском путешествии». Р. Шуман – автор произведений «Карнавал» и «Венский карнавал».

ПИСЬМА

1903–1920

1. Ф. О. и Э. В. Мандельштамам

К-1990. Почтовая карточка (АЕМ), печ. по этому источнику. На лицевой стороне – фототипия с изображением памятника 1000-летия России в Новгороде. Адрес: С.-Петербург. Литейный пр., д. 15, кв. 21. Штемпели: Старая Русса 5.V.03; С.-Петербург 6.V.03. Написано во время экскурсии (классом Тенишевского училища) на Валдай.

Мама – Флора Осиповна Мандельштам (урожд. Вербловская, 1866?–1916).

Папа – Эмилий (Хацкель) Вениаминович Мандельштам (1851?–1938), мастер-кожевенник, в 1900-е гг. купец 1-й, затем 2-й гильдии. Об отце и матери см.: *27*, также: «Шум времени» (т. 2 наст. изд.).

...предыдущее мое письмо... Это письмо не сохранилось.

Бабушка (со стороны матери) – Софья Григорьевна Вербловская (?–1918?), жила в семье дочери, Ф. О. Мандельштам.

Женя – Евгений Мандельштам (1898–1979), младший брат поэта. О нем см.: *27*; также: Переписка семьи, с. 51–53.

2. Ф. О. и Э. В. Мандельштамам

К-1990. Почтовая карточка (АЕМ), печ. по этому источнику. Адрес: Петербург, Сергиевская 60, кв. 10. На лицевой стороне – вид Большой улицы в Вильно. Почтовый штемпель: Вильна вокзал 16.10.07.

Ю. М. – Юлий Матвеевич Розенталь (?–1917?), друг семьи Мандельштамов. О нем см. главу «Юлий Матвеич» «Шума времени». Детали текста этой главы дают основания к предположению о том, что Розенталь сопровождал Мандельштама в Париж (см. примеч. «Шум времени»); письмо уточняет время этой поездки. См. также: *27*, с. 123–124.

3. Е. Э. Мандельштаму.

Три письма. Почтовая карточка (АЕМ) с видом бульвара Монмартр в Париже, печ. по этому источнику. Адрес:

Е. Мандельштаму. Russie, Petersburg. Петербург, Сергиевская 7, кв. 10. Конверт, штемпель: С.-Петербург 19.11.07. Парижский штемпель сохранился частично: 30 <XI.07>. О времяпровождении М. в Париже см. письмо 5.

4. Ф. О. Мандельштам

К-1990. Почтовая карточка (АЕМ), печ. по этому источнику. Адрес: Russie, Petersbourg, Итальянская 27/2, кв. 30. Почтовые штемпели: Rue Danton Paris 5.II.08; С. Петербург 27.01.08. В дате письма ошибка, правильно: 5/II.

Содержание письма уясняется из фототипии на лицевой стороне почтовой карточки: это снимок похоронной процессии кардинала Ришара, шествующей к собору Нотр-Дам 1 февраля 1908 г. Надпись: Funérailles de S. Em. Mgr. le Cardinal Richard Archevêque de Paris (1-er février 1908). Arrivée du Cortège au Parvis Notre-Dame. Перевод: Похороны Его Высокопреосвященства кардинала Ришара, архиепископа Парижского (1-го февраля 1908). Прибытие траурной процессии к паперти Нотр-Дам.

Как явствует из текста, М. отождествляет себя с человеком, повернувшимся лицом к объективу на первом плане; их сходство, однако, весьма проблематично – см. иллюстрацию 2 на с. 731.

5. Ф. О. Мандельштам

ВРСХД. 1974. № 111. Печ. по автографу (АМ).

Получил, получил твое письмо. Письма матери к М. не сохранились, они были утрачены его братом Александром на пути в Крым в 1919 г. (*29*, с. 287).

В. В. – Вл. В. Гиппиус (см. примеч. 6).

Люксембург – Люксембургский сад, вблизи Сорбонны.

Не слишком ли преждевременно будет теперь думать об университетских хлопотах? Речь идет о поступлении в Петербургский университет.

...«тоску по родине». Существовали одноименные романсы на слова И. И. Козлова («Любовью вечною святой...») и О. А. Лепко («С какой невыразимой и тягостной тоской...»), а также опера на либретто М. Н. Загоскина.

...о Финляндии... В детстве и юности М. ездил в Финляндию почти ежегодно, несколько раз был и на Сайменском озере: *27*,

Funérailles de S. Em. Mgr. le Cardinal Richard Archevêque de Paris (1er février 1908)

Илл. 2. **Похороны кардинала Ришара в Париже**
Фототипия на почтовой карточке и фрагмент (с увеличением)
Семейный архив Е. Э. Мандельштама

с. 127). См. также главу «Финляндия» в «Шуме времени» (т. 2 наст. изд.).

Калевала – карело-финский эпос, свод рун, записанный от рунопевцев в XIX в.

6. Вл. В. Гиппиусу

ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по автографу (ИРЛИ). Конверт. Адрес: Petersburg. Тенишевское училище. Моховая 33. Для В. В. Гиппиуса. Конверт, штемпели: Paris 28.4.08; С. Петербург 18.04.08.

Владимир Васильевич Гиппиус (1876–1941) – учитель русской литературы в Тенишевском училище и поэт, под воздействием которого начинало формироваться поэтическое дарование М. Ему посвящена глава «В не по чину барственной шубе» в «Шуме времени». Позднее Вл. Гиппиус, признавая дарование Мандельштама, относился к его поэзии сдержанно, в 1913 г. он писал о ней как о «стилизации в манере Брюсова» (На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А. В. Лаврова. М., 2009. С. 430, примеч. 26).

...«друго-врагом»... Осознание в дружбе антагонистического начала, вражды, – факт эстетики русского символизма, отразился в текстах Мережковского, Вяч. Иванова, А. Блока.

Первые мои религиозные переживания относятся к периоду моего детского увлечения марксистской догмой и неотделимы от этого увлечения. В «Шуме времени» Мандельштам упоминает о чтении брошюры К. Каутского «Эрфуртская программа» и о своей попытке прочесть «Капитал» Маркса (см. также: *32*, с. 26–43). О психологической закономерности связи между религией и марксизмом писал Н. А. Бердяев в трудах «Типы религиозной мысли в России» и «Самопознание»: «Русский духовный ренессанс имел несколько истоков. Как это ни странно на первый взгляд, но одним из его истоков был русский марксизм... Марксизм по своему характеру располагал к построению широких и целостных историософских концепций, в нем были сильны мессианские элементы... Я убежден в том, что для некоторых, например для о. С. Булгакова, марксизм был своеобразной теологией и они вкладывали в него свои религиозные инстинкты», и позднее: «Я сейчас склонен думать, что одни и те же мотивы привели меня к революции и к религии» (см.: *55б*, с. 36–37).

Но связь религии с общественностью для меня порвалась уже в детстве. Проблематика этой связи затрагивалась, по-видимому, под воздействием Вл. Гиппиуса, ср. в его автобиографии: «Уроки литературы, которые стал давать кающийся декадент (Вл. Гиппиус. – *А. М.*), становились “уроками жизни”, уроками религиозной общественности, возмущения и любви» (ИРЛИ. Ф. 377. Ед. хр. 184. Л. 16).

«Мэонизм» – философская теория Н. М. Минского, от «мэон» (древнегреч. «несуществующее», термин Платона).

В Париже я прочел Розанова и очень полюбил его. Какие произведения В. В. Розанова, изданные к этому времени, читал М., установить не удается. Свое отношение к Розанову М. выразил позднее в статье «О природе слова».

...и Брюсовым из русских. Содержательная характеристика поэзии Брюсова была дана М. в статье «Буря и натиск» (1922): «В лучших (неурбанических) стихотворениях Брюсова никогда не устареет черта, делающая его самым последовательным и умелым из всех русских символистов. Это мужественный подход к теме, полная власть над ней – умение извлечь из нее всё, что она может и должна дать, исчерпать ее до конца, найти для нее правильный и емкий строфический сосуд. Лучшие его стихи – образец абсолютного овладения темой: “Орфей и Эвридика”, “Тезей и Ариадна”, “Демон самоубийства”».

Кроме Верлэна, я написал о *Роденбахе и Сологубе и собираюсь писать о Гамсуне.* Упоминаемая здесь проза до нашего времени не сохранилась.

Если вы мне ответите, то, может быть, расскажете мне кое-что, что могло бы меня заинтересовать? Намек М. относится, вероятно, к посланным через мать стихотворениям; в письме № 5 он писал: «Была ты, значит, у В. В. Это хорошо. <...> Любопытно мне, что он скажет. Надеюсь об этом скоро узнать».

7. А. Э. Мандельштаму

К-1990. Почтовая карточка (АЕМ), печ. по этому источнику. На лицевой стороне – фототипия с видом горы Сион в Швейцарии. Адрес: Финляндия. Райвола. Дача Пец. Почтовые штемпели: Ambulant 6.VIII.08; Raivola 9.VIII.08.

Шуринька (Шура) – Александр Мандельштам (1892–1942), брат поэта. В 1908 г. был учеником 1-й гимназии. Биографическую справку о нем см.: Переписка семьи, с. 51.

«Они» – домашние Мандельштама, вместе с которыми он находился в поездке по Швейцарии.

8. Э. В. Мандельштаму

Три письма. Почтовая карточка (АЕМ), печ. по этому источнику. Адрес: Deutchland. Homburg Höhe. Hôtel Adler. Herrn Mandelstamm. Штемпель: St. Maurice (Valais) 6. VIII. 08. См. иллюстрацию 3 на с. 735.

Сент-Мориц – горный курорт в Швейцарии, невдалеке от границы с Италией. Хомбург фор дер Хёэ (в Пруссии, недалеко от Франкфурта-на-Майне) – курорт с минеральными водами, излюбленный курорт российской аристократии. Городские казино известны биографам Ф. М. Достоевского по истории романа «Игрок».

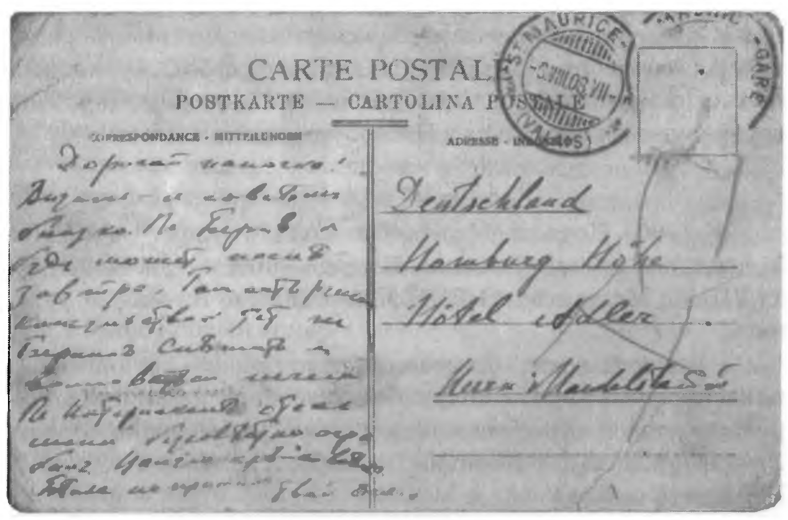
Интерлакен – горный курорт в центре Швейцарии, между озерами Тун и Бриенц.

Белье не приняли. Последнее слово полустерто (см. иллюстрацию), чтение предположительное. Возможно, речь идет о постельном белье в номере отеля.

9. В. И. Иванову

СС 2. Т. 2; Письма Вяч. Иванову. Печ. по автографу (РГБ). Почтовая карточка, штемпели Павловска и Петербурга с одной датой: 20.06.09. Адрес: С.-Петербург, Таврическая 25. По этому адресу отправлены и следующие письма М.

Ваши семена глубоко запали в мою душу... Незадолго, в апреле–мае 1909 г., М. посещал проводившиеся Вяч. Ивановым у себя в квартире занятия по стихосложению, послужившие прологом к основанию Общества ревнителей художественного слова («Академии стиха»). Первое появление М. на этих занятиях датируется 23-м апреля по письму Е. И. Дмитриевой к М. А. Волошину (*19*, с. 187), его описал В. Пяст: «Много начинавших поэтов приходили на эти собрания. И вот, помню, однажды пришел – увы, уже кончавший свою короткую жизнь! – Виктор Гофман в сопровождении совсем молодого стройного юноши в штатском костюме, задиравшего голову даже не вверх, а прямо назад: столько чувства собственного достоинства бурлило и просилось наружу из этого молодого тела. Это был Осип

Илл. 3. **Почтовая карточка с видом Сент-Морица**
Семейный архив Е. Э. Мандельштама

Мандельштам. По окончании лекции и ответов на вопросы аудитории ему предложили прочесть стихи. Не знаю, как другим (Вяч. Иванов, конечно, очень хвалил, – но ведь это было его всегдашним обыкновением!), но мне чрезвычайно понравились его стихотворения» (Встречи, с. 101). См. также: Гаспаров М. Л. Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г. // Новое лит. обозрение. 1994. № 10. С. 92–97.

Рассказ М. о своем первом появлении на «Башне» передает И. Одоевцева: «Он (Вяч. Иванов. – *А. М.*) очень хвалил мои стихи: “Прекрасно, прекрасно. Изумительная у вас оркестровка ямбов, читайте еще. Мне хочется послушать ваши анапесты или амфибрахии”. А я смотрю на него, выпучив глаза, и не знаю, что за звери такие анапесты и амфибрахии. Ведь я писал по слуху и не задумывался над тем, ямбы это или что другое» (*39*, с. 369–370). См. примеч. к ст-нию «Необходимость или разум...».

О степени заинтересованного участия Вяч. Иванова в делах М. свидетельствует факт, отраженный в дневнике первого: в начале сентября 1909 г. Вяч. Иванов по просьбе С. Ауслендера подыскивает комнату для М. (жившего в Монтрё и, вероятно, собиравшегося вернуться в Петербург), см. примеч. 20.

10. А. Э. Мандельштаму

К-1990. Почтовая карточка (АЕМ). Адрес: Finnland, Мустамяки, д<ом> Чебакова. Почтовые штемпели: Kellomäki. 11.VIII.09; Mustamäki 11.VIII.09. Берлинские штемпели утрачены.

...вещественное доказательство своих губительных наклонностей. Фраза получает объяснение из лицевой стороны почтовой карточки с видом террасы ресторана «Золото Рейна» (Weinhaus «Rheingold») на Потсдамской площади в Берлине. См.: *38а*, с. 43.

11. В. И. Иванову

СС 2. Т. 2; Письма Вяч. Иванову. Печ. по автографу (РГБ). К письму приложены стихотворения: «Истончается тонкий тлен...», «Ты улыбаешься кому...», «В просторах сумеречной залы...». На почтовой бумаге санатория l'Albri. Конверт, штемпели: Territet 26.VIII.09; С. Петербург 17.08.09. См. примеч. 9.

Как следует из письма М. к Волошину от второй половины сентября 1909 г. (№ 13), настоящее письмо написано по просьбе

Вяч. Иванова – вероятно, он просил Мандельштама во время встречи летом сообщить о своих впечатлениях от книги «По звездам».

...о вашей книге. Имеется в виду книга Вяч. Иванова «По звездам» (СПб., 1909).

«Заратустра» – книга Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», один из источников теоретических построений Вяч. Иванова в книге «По звездам».

Beatenberg (Беатенберг) – курорт в Швейцарии, на Тунском озере.

Montreux (Монтрё) – курорт в Швейцарии, на озере *Леман.*

Это – образ удивительной проникновенности, – где несогласный на хоровод покидает круг, закрыв лицо руками. М. говорит о статье Вяч. Иванова «Кризис индивидуализма»: «Умчался век эпоса: пусть же зачнется хоровой дифирамб. Горек наш запев: плач самоотрекающегося и еще не отрешенного духа. Кто не хочет петь хоровую песнь, пусть удалится из круга, закрыв лицо руками. Он может умереть, но жить отъединенным не сможет» (*12*, с. 99–100).

Что делает «Аполлон»? «Остров»? Основание журнала «Аполлон» находилось в это время в организационной стадии, Вяч. Иванов был привлечен С. К. Маковским в состав редакции наряду с И. Ф. Анненским (к которому М. обратился со следующим письмом). «Остров» – журнал, основанный Н. Гумилевым, А. Толстым, П. Потемкиным и М. Кузминым; к этому времени, в мае, вышел первый номер.

«Кормчие Звезды» – первая книга стихов Вяч. Иванова (СПб., 1903).

Посылаю стихи. Делайте с ними что хотите – что я хочу – что можно. По-видимому, М. намекает на инициативу Вяч. Иванова в публикации стихов М. в «Аполлоне», осуществившейся через год (см. примеч. 20), в эту публикацию вошло и первое из посланных с настоящим письмом стихотворений.

12. И. Ф. Анненскому

К-1990. Почтовая карточка (РГАЛИ), печ. по этому источнику. Адрес: Russie. Petersburg. Царское Село, Захаржевская, д<ом> Пампушко. Почтовые штемпели: Ambulant 30.VIII.09; Ц. Село 21.08.09. Штамп переадресовки: Мариинская 3, кв. 61.

М. обращается к Анненскому как к члену редакции «Аполлона», первое организационное собрание в связи с основанием журнала состоялось незадолго до письма – 9 мая 1909 г., см.: Анненский И. Ф. Письма к С. К. Маковскому / Публ. А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 224, см. также с. 222–230. М. познакомился с Анненским этим же летом. С его слов известно, что он по-мальчишески приехал к Анненскому на велосипеде, что тот отнесся к нему «дружественно и внимательно» и дал совет заняться переводами (*30*, с. 72–73; *5*, с. 186). В разговоре с С. П. Каблуковым летом 1910 г. М. назвал Анненского и С. Малларме «великими поэтами» (К-1990, с. 241). Впоследствии откликнулся рецензией на выход драмы «Фамира-кифарэд» (1913), итоговую оценку творчеству Анненского дал в статье «О природе слова» (1922).

13. М. А. Волошину

Мандельштам в Киммерии. Печ. по автографу (ИРЛИ). К письму приложены стихотворения: «На влажный камень возведенный...», «В холодных переливах лир...», «Твоя веселая нежность...», «Не говорите мне о вечности...», «В безветрии моих садов...». Конверт не сохранился, датируется нами по упоминанию о недавнем пребывании Д. С. Мережковского в Гейдельберге – между 9 и 16 (22 и 29) сентября 1909 г., проездом из Франкфурта-на-Майне в Берлин; в начале 20-х чисел сентября он был уже в Петербурге. На это письмо Волошин не ответил (Мандельштам в Киммерии, с. 187). В Гейдельберге М. учился в университете (см. также: *38а*, с. 21–38).

По воспоминаниям Волошина, они познакомились у родственницы М. по материнской линии Изабеллы Афанасьевны Венгеровой, знакомство датируется В. П. Купченко временем между октябрем 1906 и мартом 1907 г. (*19*, с. 186–187).

...Мережковский... не пожелал выслушать ни строчки моих стихов. Вероятно, об этом эпизоде пишет Н. М.: «Однажды Мандельштам без всякого предупреждения пришел к Мережковским. К нему вышла Зинаида Гиппиус и сказала, что если он будет писать хорошие стихи, ей об этом сообщат; тогда она с ним поговорит, а пока что – не стоит, потому что ни из кого не выходит толку. Мандельштам молча выслушал и ушел. Вскоре Гиппиус прочла его стихи и много раз через разных людей звала его прийти, но он заупрямился и

так и не пришел. (Точно передаю рассказ Мандельштама)» (*30*, с. 34). Впоследствие (25 окт. 1910 г.) З. Гиппиус, по просьбе С. П. Каблукова, послала стихи М. Брюсову для «Русской мысли», см.: К-1990, с. 359.

...Вячеслав Иванович... не ответил мне на письмо, о котором просил однажды. По-видимому, речь идет о письме Вяч. Иванову от 13 (26) авг. 1909 г. (№ 11).

С Вами я только встретился. Упомянутая встреча с Волошиным состоялась, по-видимому, ранней весной 1909 г. В. П. Купченко датировал ее временем осени 1909 г. (*19*, с. 187), не учитывая, однако, что М. уехал за границу не позднее июля и до конца года в Россию не возвращался; Волошин уехал из Петербурга в середине апреля и вернулся в сентябре 1909 г. (Волошин М. А. Лики творчества. Л., 1988. С. 786).

Если Вы пожелаете обрадовать меня своим отзывом и советом... Речь идет об отзыве на приложенные к письму стихотворения.

Heidelberg, Anlage 30. Stud. phil. Mandelstam. По этому адресу располагался пансионат «Континенталь» (*38а*, с. 26). Сюда навестить М. приезжали мать и брат Евгений (*27*, с. 135).

14. М. А. Волошину

Мандельштам в Киммерии. Печ. по автографу (ИРЛИ). В письме речь идет о ст-нии, приложенном к предшествующему письму (см. примеч. 13). Поправка, о которой идет речь в письме, учтена при определении основного текста ст-ния (см. т. 1 наст. изд.).

15. В. И. Иванову

СС 2. Т. 2; Письма Вяч. Иванову. Печ. по автографу (РГБ). Конверт, штемпели: Heidelberg 26.10. 09; С.-Петербург 16.10.09.

16. В. И. Иванову

Tartu Riiklik Ulikool (Тартуский государственный университет). 1968. 12 янв., в анонимной публ. (принадлежащей Г. Г. Суперфину) «Архивные находки о Мандельштаме». Печ. по автографу (РГБ). К письму приложены стихотворения: «В холодных переливах лир...», «Бесшумное веретено...», «Твоя веселая нежность...», «Не говорите мне о вечности...», «Озарены луной ночевья...», «На влажный камень возведенный...». Конверт, штемпели: Heidelberg 4.11. 09; С.-Петербург 25.10.09.

Не могу не сообщить вам свои лирические искания и достижения. Подразумеваются приложенные к письму стихотворения.

17. *В. И. Иванову*

СС 2. Т. 2; Письма Вяч. Иванову. Печ. по автографу (РГБ). К письму приложены стихотворения: «Если утро зимнее темно...», «Пустует место. Вечер длится...», «В смиренномудрых высотах...», «Дыханье вещее в стихах моих...» (под последним подпись и дата: Гейдельберг 1909 12/25 XI). Конверт, штемпели: Frankfurt-Karlsruhe-Basel Bahnpost Zug 43 24.XI.09; С.-Петербург 15.11.09. Первый почтовый штемпель – железнодорожной почтовой службы на линии Франкфурт–Карлсруэ–Базель.

По-видимому, М. выезжал из Гейдельберга на недолгий срок; о цели этой поездки сведений не имеется.

18. *В. И. Иванову*

СС 2. Т. 2; Письма Вяч. Иванову. Печ. по автографу (РГБ). К письму приложены стихотворения: «Нету иного пути...», «Что музыка нежных...». Конверт, штемпели: Heidelberg 26.12.09; С.-Петербург 16.12.09.

19. *В. И. Иванову*

СС 2. Т. 2; Письма Вяч. Иванову. Печ. по автографу (РГБ). Штемпели: Heidelberg. 30.12.09; С.-Петербург. 20.12.09.

...«romance sans paroles» (Dans l'interminable ennui...). «Paroles»... В переводе: «песней без слов» (В нескончаемой тоске...). «Слова». «Romance sans paroles» – аллюзия на название поэтического сборника П. Верлена «Romances sans paroles». «Dans l'interminable ennui...» – начало ст-ния VIII из этого сборника, приводим его первую строфу полностью:

Dans l'interminable
Ennui de la plaine,
La neige incertaine
Luit comme du sable.

Невольно вспоминаю Ваше замечание об антилирической природе ямба. Может быть, антиинтимная природа? Ямб – это узда «настроения». Ср. в рецензии на «Одуванчики» И. Эренбурга высказывание о приеме «облекать наиболее

жалобные сетования в ритмически-суровый ямб». «Антилирическая природа ямба» в книге Вяч. Иванова отнесена к «мнению древних», что пояснялось: «ибо слишком речистый и созданный для прекословий» (*12*, с. 353).

20. С. К. Маковскому

К-1990. Печ. по автографу (АЛ). К письму приложены стихотворения «Над алтарем дымящихся зыбей...», «Необходимость или разум...». Конверт, адрес: Петербург, «Аполлон», Мойка, 24. Почтовые штемпели: Гельсингфорс 10.VII.10 (два); С. Петербург 28.06.10 (два). На листе помета секретаря: отв<ечено>.

Сергей Константинович Маковский (1877–1962) – художественный критик, редактор-издатель журнала «Аполлон». Оставил пространные воспоминания о М. (Маковский С. К. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 377–398, глава «Осип Мандельштам»). В них он относит время своего знакомства с М. к «концу 1909 года». М., по Маковскому, явился в редакцию с матерью, дал ему на суд свои стихи. При этом из общего разговора выяснилось, что этим решается судьба молодого поэта; поэтому Маковский, хоть стихи ему не показались сколько-нибудь выдающимися над средним уровнем, ответил, что принимает стихи к печатанию. Тон этого начального эпизода – гротескно-сниженный; по свидетельству Н. М., этот эпизод «дошел до нас при жизни Мандельштама и глубоко его возмутил» (*30*, с. 34). Дальше Маковский пишет о М. тепло и с любовью, считая, например, что «Мандельштам лучше, чем кто-либо, понял урок великих французских новаторов и связал русский стих с “сюрреалистическими” прозрениями века» (Маковский, с. 385). Начальный эпизод его воспоминаний требует существенных корректив. В своем дневнике Вяч. Иванов записал: «Секретарь Маковского пишет <...>, что больной (Маковский. – *А. М.*) просит заехать к нему. Собираюсь завтра, чтобы передать стихи Бородаевского и устроить комнату для Мандельштама, о чем просил сегодня Ауслендер» (запись 5 сентября 1909 г.); «Был у больного Маковского <...> Устроено тотчас дело Мандельштама (он велел секретарю послать 25 р.)» (запись 6 сентября), см.: Иванов В. И. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 801–803. Поскольку невозможно представить, чтобы Иванов мог обратиться с просьбой подобного рода о незнако-

мом Маковскому человеке, да еще и придя к больному, следует отнести знакомство Маковского с М. ко времени мая–июня 1909 г. Из приведенных записей дневника вытекает предположение о том, что Вяч. Иванову принадлежала инициатива в публикации стихов Мандельштама в «Аполлоне»; указанная в записи сумма денег – вероятно, гонорар за стихи.

Об оценке Маковским стихов М. в 1911 г. сообщается в поздней мемуарной записи Ахматовой: «С. К. Маковский напечатал нас почти одновременно в “Аполлоне”. Мне Маковский по этому поводу сказал: Он смелее вас. И при чем-то было еще слово “дерзает”» (*5*, с. 185).

...находите ли возможным напечатать (в сентябре?) вместе с другими эти два стихотворения. В письме речь идет о намечавшейся публикации стихов М., состоявшейся в № 9 (июль–авг.) «Аполлона»; приложенные к письму стихотворения в первую публикацию не были включены. Через месяц после обращения к Маковскому, 5 (18) авг. 1910 г., М. послал заказным письмом из Берлина (Целендорфа) 10 стихотворений Вяч. Иванову: «Под грозовыми облаками...», «Единственной отрадой...», «Над алтарем дымящихся зыбей...», «Как тень внезапных облаков...», «Когда укор колоколов...», «Мне стало страшно жизнь отжить...», «Я вижу каменное небо...», «Вечер нежный, сумрак важный...», «Убиты медью вечерней...», «Как облаком сердце одето...». Одно из этих стихотворений – «Как тень внезапных облаков...» – вошло в первую публикацию.

Talbacka (Тальбака) – санаторий в Хельсинки-Гельсингфорсе, см.: *59а*, с. 279.

21. В. И. Иванову

СС 2. Т. 2; Письма Вяч. Иванову. Печ. по автографу (РГБ). Почтовая карточка. На лицевой стороне – вид санатория в Хювинкя. Почтовый штемпель: Hyvinkaa 15.III.11. Хювинкя (Hyvinkää) – небольшой городок в 60 км от Хельсинки-Гельсингфорса (*59а*, с. 278).

...если станете меня читать в «Академии». «Академия» – Общество ревнителей художественного слова. Других сведений об этом намерении Вяч. Иванова у нас не имеется.

22. В. И. Иванову

СС 2. Т. 2; Письма Вяч. Иванову. Печ. по автографу (РГБ). Фирменный конверт санатория «Viipuri» в Конккала. Почтовые

штемпели: Wibora 3.IX.11; С. Петербург 22.08.11; Силламяги 24.08.11.

Конккала (Konkkala) – поселок в 7 км от Выборга (*59а*, с. 281). По-видимому, о встрече именно с М. в санатории повествует писатель В. Ф. Боцяновский (1869–1943) в заметке, обнаруженной Р. Д. Тименчиком: «На днях я был в одном глухом тихом уголке Финляндии, где встретил молодого поэта, “начинающего”, но не имеющего еще своего “сборника”, что, конечно, редкость, ибо в настоящее время вошли в обычай сборники даже в десять стихотворений. Так вот этот юный жрец Аполлона с восторгом говорил о Вячеславе Иванове.

– Иванов в своем уборе из старых слов точно пышный ассирийский царь. Он весь красота. Мне кажется, что если бы Иванова не было, – в русской литературе оказалось бы большое пустое место».

Однако в ответ на просьбу прочитать стихи Иванова – «поэт затруднился.

– К сожалению, я сейчас не вспомню.

– Ни одного?

– Ни одного.

Это, по-моему, очень характерно! Быть в восторге от поэта, любить его и не помнить ни одного из его стихотворений. Это я и высказал здесь же. Через некоторое время, впрочем, поэт вспомнил одно и процитировал:

Бурно ринулась Менада,
Словно лань,
Словно лань,
С сердцем, вспугнутым из персей,
Словно лань,
Словно лань,
С сердцем, бьющимся, как сокол,
Во плену,
Во плену...

Больше вспомнить поклонник Вяч. Иванова ничего не мог». На вопрос, что ему нравится в этом стихотворении, М. ответил: «А передача бега... Вы чувствуете этот бег. “Словно лань, словно лань...”» (Боцяновский Вл. Афины на Неве // Утро России. 1911. 10 сент. С. 2, см.: Памятные книжные даты. 1988. М., 1988. С. 387).

...в его архиве имеется ряд писем Тютчева к Плетневой. Письма Ф. И. Тютчева Александре Васильевне Плетневой (1826–1901) позднее были подарены Кони Академии наук, однако уже в 1920-е гг. их местонахождение не было известно: об этом Кони писал Е. П. Казанович в 1926 г. (Кони А. Ф. Собр. соч. М., 1969. Т. 8. С. 337). С. А. Рейсер любезно сообщил нам о том, что эти письма могут находиться в фонде президента Императорской Академии наук великого князя Константина Романова (архив АН СССР).

...идти в зной по тернистой дороге... Мотив «полуденного зноя» есть и в ст-нии Тютчева «Чему бы жизнь нас ни учила...», посвященном А. В. Плетневой и к тому времени уже опубликованном.

...бумаги будут в моем распоряжении. За этими письмами Мандельштам, по записи С. П. Каблукова в дневнике от 16 сентября 1911 г., должен был зайти к Кони в Петербурге (К-1990, с. 245).

23. Г. В. Иванову

СС 3. Т. 4 (без указания адресата). Записка на листе с черновым автографом ст-ния «Футбол» (СИ). Печ. по автографу.

Георгий Владимирович Иванов (1894–1958) – поэт, приятель М. этих лет.

«Записки» – журнал «Северные записки» (редактор – Я. Л. Сакер; журнал велся при близком участии его жены С. И. Чацкиной), редакция которого была местом встреч поэтов. В № 9 журнала за этот год были помещены стихотворения М. «Слух чуткий парус напрягает...» и «Качает ветер тоненькие прутья...».

547-02 – телефон Г. В. Иванова.

24. П. Е. Щеголеву

Молодой коммунар. Воронеж, 1988. 20 окт. С. 3. Печ. по автографу (ИМЛИ). На бланке конторы журнала «Современник».

Датируется по времени публикаций в журнале других «произведений акмеистов» (1913, № 7 – стихи С. Городецкого, № 12 – стихи Н. Гумилева). Стихотворения М. не были помещены в журнале. *Павел Елисеевич* Щеголев (1877–1931) – историк, литературовед; в 1912–1914 гг. сотрудник редакции журнала «Современник». Упомянутое в тексте ст-ние в фонде Щеголева в ИМЛИ отсутствует; в его фонде в ИРЛИ нахо-

дятся три стихотворения второй половины 1914 г.: «Polacy!», «К энциклике папы Бенедикта XV», «В белом раю лежит богатырь...» – предоставленные, вероятно, для публикации в газете «День» (стихи М. также не помещавшей).

25. М. В. Аверьянову

К-1990, с. 280. Печ. по автографу (ИРЛИ). Входящий штемпель: 29 мая 1914 г. У книгоиздателя *Михаила Васильевича* Аверьянова (1867–1941) М. в это время готовил второе издание «Камня», в его фонде сохранился также корпус стихотворений «Камня» и письмо М. Л. Лозинского от 15 апреля 1914 г.: «Разрешаю поставить на втором издании книги стихов О. Мандельштама “Камень”, печатаемом на счет М. В. Аверьянова, марку издательства “Гиперборей”».

26. С. П. Каблукову

К-1990. Почтовая карточка (РНБ), печ. по этому источнику. Адрес: Ст<анция> «Курорт» Приозерской жел. дор. 2-й Пансионат Сестрорецкого курорта. Почтовые штемпели: Выборг 24.VII.14; Сестрорецк 12.7.14.

Сергей (Сергий) *Платонович* Каблуков (1881–1918) – старший друг М., о нем см. К-1990, с. 356–358.

Котаниеми (Kotaniemi) – маленькая деревушка на побережье, вблизи от Выборга.

Римский-Корсаков Андрей Николаевич (1878–1940) – педагог старших классов петербургских гимназий; музыкальный критик. Сын композитора Н. А. Римского-Корсакова; друг С. П. Каблукова.

27. Ф. К. Сологубу

Волков А. Поэзия русского империализма. М., 1935. С. 119–120. Печ. по автографу (ИРЛИ). Конверт. Адрес: Здесь. Разъезжая ул., д. 31. Федору Кузьмичу Тетерникову. Почтовые штемпели: 27. 4. 15 (два).

...прочел я Ваше письмо. Текст письма неизвестен; это письмо Сологуба, как явствует из нижеследующего, было ответом на просьбу М. участвовать в благотворительном вечере. Письмо Сологуба М. должен был получить незадолго до 18 апреля, когда состоялся вечер (см. ниже); М., по-видимому, обсуждал его с Ахматовой, которая, в свою очередь, известила Гумилева: в ответном письме к Ахматовой от 6 июля 1915 г.

Гумилев заметил, что «желанье... “держаться подальше от акмеистов” до сих пор им (Сологубом. – *А. М.*) не искуплено» (Гумилев Н. С. Собр. соч. М., 1991. Т. 3. С. 241).

...в вечере, устроенном Тенишевским Училищем в пользу одного из лазаретов... Речь идет о Вечере петроградских поэтов, состоявшемся 18 апреля 1915 г. в пользу лазарета Вольно-экономического общества, в котором Тенишевское училище содержало на свои средства 20 коек (*27*, с. 137). Поэты для выступления на нем приглашались через посредство М. – вероятно, с этой целью он посетил А. Блока 14 апреля, что отражено в записной книжке последнего.

...некоторые из акмеистов, и я в том числе... посещали Ваш дом. Об одном из собраний поэтов у Сологуба, на котором читали стихи Ахматова и Мандельштам (прочитал «Реймс и Кёльн»), см.: Беренштам Вл. Война и поэты // Рус. ведомости. 1915. 1 янв. С. 2.

28. С. К. Маковскому

СС 2. Т. 2 (1-е изд.). Печ. по автографу (ГРМ). На поле помета: отв<ечено>.

Об С. К. Маковском см. примеч. 20. В письме к Маковскому от 7 августа 1915 г. М. Л. Лозинский сообщал о том, что статья сверстана (ГРМ); помещена в номере 6/7 за тот же год. См. примеч. к статье «Петр Чаадаев».

29. Ф. О. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Почтовая карточка с видом горной вершины и надписью: «Крым. Кок-Тебель. Сююрю-Кая в облаках» на лицевой стороне (АМ), печ. по этому источнику. Адрес: Петроград. Большая Монетная, 15. Почтовые штемпели: Коктебель 20.7.15 (два). В это время М. жил в Коктебеле в пансионате Е. О. Волошиной.

Шура – брат М. Александр, см. примеч. 7.

Женя – младший брат М. Евгений (см. примеч. 1).

Бабушка (со стороны матери) – С. Г. Вербловская (см. примеч. 1).

30. В. И. Иванову

Печатается впервые по автографу (РГБ. Ф. 109. Оп. 29. Ед. хр. 47. Л. 3). На листке блока бумаги для записей с краевой перфорацией. Датируется по времени подготовки К. Ю. Ляндау

«Альманаха муз». В письме к А. Д. Скалдину от 23 декабря 1916 г. Н. В. Недоброво заметил: «Вы знаете, с чьей рекомендацией Л<яндау> пришел к В. И. <Иванову>? Мандельштамма» (Шестые тыняновские чтения. Рига; М., 1992. С. 151). Дату уточняет запись дневника С. П. Каблукова от 7 февр. 1916 г.: «Сегалов уехал сегодня в 8 ч. вечера в Москву... Перед этим он обедал у меня, вместе с Мандельштамом, вернувшимся из Москвы после свидания с Вяч. Ивановым, признавшим его “Камень”» (К-1990, с. 252).

Константин Юлианович Ляндау (1890–1969) в недавнем прошлом был соучеником М. по Тенишевскому училищу, в 1916 г. выпустил первую книгу стихов. Его квартира в полуподвале на Фонтанке, 23 была местом встреч поэтов. В начале 1916 г. Ляндау (вместе с Е. Г. Лисенковым) составлял «Альманах муз» и обращался к поэтам с просьбой об участии в альманахе, см., например, его письмо к В. Я. Брюсову: Лит. наследство. М., 1982. Т. 92, кн. 3. С. 460. Об альманахе и участии Вяч. Иванова в нем см. примеч. «О современной поэзии» в т. 2 наст. изд. За помощь в подготовке текстов из фонда Вяч. Иванова в РГБ приносим благодарность Н. В. Котрелеву.

31. Ф. О. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Почтовая карточка (АМ), печ. по этому источнику. Адрес: Петроград. Каменноостровский, 24а, кв. 35. Штемпель: Коктебель Тавр<ической> г<убернии>. 20.7.1916.

По записи в домовой книге Е. О. Волошиной, М. приехал в Коктебель 7 июня, уехал 25 июля (данные В. П. Купченко). Отъезд был связан с внезапной болезнью матери, она скончалась 26 июля.

Третьего дня нас возили в Феодосию с большой помпой... я читал... на сцене летнего театра. Концерт состоялся 18 июля. Впечатления этого дня легли в основу письма Ю. Оболенской к М. Нахман, см.: *19*, с. 191; Швейцер В. Летним вечером в Феодосии... // Новый журн. Нью-Йорк, 1995. Кн. 196. С. 181–201.

Обязательно осенью сдаю свои экзамены; узнай, пожалуйста, сроки и пришли древнюю философию Виндельбанда или Введенского. М. готовился к экзаменам в университете; древнюю философию сдал, в частности, 7 сентября 1916 г.

В письме подразумевается классический труд В. Виндельбанда «История древней философии» (1888, 3-е изд. – 1912) или же его русский перевод, выполненный А. И. Введенским (1893). Вильгельм Виндельбанд (1848–1915) – немецкий философ, глава баденской школы неокантианства, профессор философии в Лейпциге, Цюрихе, Фрайбурге, Страсбурге и Гейдельберге. Во время учебы М. в Гейдельберге (1909–1910) был проректором университета и читал курсы «Введение в философию» и «История и система теории познания», а также вел семинар «Кантовская критика силы суждения» (подробнее см.: *38а*, с. 37). Александр Иванович Введенский (1856–1925) – русский философ-неокантианец; в 1897–1917 гг. председатель С.-Петербургского философского общества.

Поздравляю с политехником! Молодец, Женя! Евгений, младший брат М., после окончания Тенишевского училища в 1916 г. поступил в Политехнический институт в Петрограде.

32. С. Г. Вербловской

СС 3. Т. 4. Печ. по автографу (АЕМ). Адресовано Софье Григорьевне Верблoвской – бабушке М. со стороны матери, см. примеч. 1.

Юлий Матвеевич – Розенталь, см. примеч. 2.

...я занят нашим Тенишевским лазаретом... В своих воспоминаниях Е. Э. Мандельштам писал: «В 1916 году я поступил в лазарет на службу. В это время ушел заведующий, и меня, к великой моей гордости, назначили на его место. Тут, конечно, сыграла роль вся моя предшествующая общественная работа в лазарете, в котором я прошел все ступени обучения, начиная с санитара. Шла война, чувствовалась уже предгрозовая атмосфера близкой революции, но у молодости свои законы, свои радости, свои печали. Весь медицинский персонал жил тут же, в Ботаническом саду, в двухэтажной старинной деревянной даче. Люди были в основном молодые. Мы сдружились» (*27*, с. 138).

Семен Григорьевич Верблoвский – дядя Ф. О. Мандельштам.

Елизавета Феодоровна – его жена.

Дядя Генрих – вероятно, дядя М. с материнской стороны.

Тетя и Миша – его жена и их сын.

33. А. Л. Волынскому

СС 3. Т. 4. Печ. по автографу (РГАЛИ).

Аким Львович Волынский (1861–1926) – литературный критик и искусствовед. В 1916 г. заведовал литературным отделом газеты «Биржевые ведомости», к сотрудничеству в которой привлек, в частности, Г. В. Адамовича (см. его письмо к Волынскому: РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 296).

Адамович Георгий Викторович (1892–1972) – поэт, один из руководителей (вместе с Георгием Ивановым) второго Цеха поэтов, о заседании которого говорится в письме. О деятельности второго Цеха поэтов см.: *53*, с. 24.

34. А. Д. Скалдину

СС 3. Т. 4. Почтовая карточка (РГАЛИ), печ. по этому источнику. Адрес: Здесь. Карповка, 30, кв. 9. Штемпель: Петроград. 9.1.17.

Алексей Димитриевич (Дмитриевич) Скалдин (1889–1943) – поэт, прозаик; в 1914–1917 гг. служил управляющим округа страхового общества. О биографических пересечениях М. с ним других сведений не имеется, вероятно, они должны были быть знакомы по Обществу ревнителей художественного слова и Обществу поэтов.

Елизавета Константиновна – жена А. Д. Скалдина.

35. Н. Я. Хазиной

Письма к Н. Я. Мандельштам. Печ. по автографу (АМ).

Письмо адресовано Надежде Яковлевне Хазиной (1899–1980), в 1922 г. ставшей женой М.

Колачевский – неустановленное лицо.

...«кинечка» – «кошечка» (от укр. киця).

...«бессмертной нежностью своей». «Кого люблю с бессмертной нежностью» – из ст-ния Д. С. Мережковского «Темный ангел».

Я письма получил четыре сразу, в один день, только нынче... Четыре письма Н. Хазиной см. в Приложении (2).

Выезжаю на днях. О попытке М. вернуться в Киев через Одессу других сведений не имеется.

Адрес: Одесский Листок, Мочульскому. Константин Васильевич Мочульский (1892–1948) был в это время доцентом Новороссийского университета и сотрудником газеты

«Одесский листок», в которой напечатал статью о «Белой стае» А. Ахматовой. Из Одессы в 1920 г. эмигрировал в Болгарию. С М. был близко знаком в университетские годы и вел с ним занятия греческим языком в 1912–1913 гг., см. примеч. «И глагольных окончаний колокол...» в т. 1 наст. изд.

Шура всё время со мной. Шура – брат М. (см. примеч. 7).

Паня – Павел Георгиевич Пастухов (1889–1960), «художник из студии Экстер» (*28*, с. 175). Выехал из Киева вскоре после 17 сентября и передал М. письмо Н. М. – см. Приложение (2), письмо 1 и примеч.

Катюша Гинзбург – неустановленное лицо.

...один экземпляр «Крокодила»!! – Возможно, речь идет о «поэме для детей» К. Чуковского, вышедшей в Петрограде в 1919 г.

Мордкин Михаил Михайлович (1880–1944) – танцовщик балета, балетмейстер. В 1909 г. участвовал в первом Русском сезоне дягилевской антрепризы. Триумфальный успех – в Лондоне в 1910 г., во время выступлений с А. Павловой. С 1914 г. организует балетную студию, а затем Московский передвижной театр балета (Балет Мордкина). В 1918–1919 гг. Балет Мордкина гастролировал в Киеве, куда был приглашен режиссером К. Марджановым для работы над массовыми сценами в его знаменитом спектакле «Фуэнте Овехуна» (на котором бывали и М., и Н. М.). Позднее гастролировал на Юге России. В 1924 г. переехал в США.

Фроман Маргарита Петровна (1890–1970) – балерина; в 1921 г. эмигрировала в Югославию.

...«Фонтан». Спекулянты. См. примеч. к очерку «Начальник порта» в т. 2. наст. изд.

36. М. А. Волошину

Лит. учеба. 1988. № 5 (в примеч. В. Купченко и З. Давыдова к публ. «Воспоминаний» М. Волошина). Печ. по автографу (ИРЛИ. Ф. 562).

...в письмах к общим знакомым... Негодование М. вызвало письмо Волошина начальнику феодосийского порта А. А. Новинскому (см. очерк «Начальник порта» в т. 2 наст. изд.): «Дорогой Александр Александрович, у меня к тебе две просьбы: первая – доставь, как ты сам мне предложил, лекарства. <...> А другая просьба вот: Александр Мандельштам, по поручению своего брата, украл у Майи экземпляр “Камня”,

причем нагло сказал об этом самой Майе: “Если хотите, расскажите: брат не хочет, чтобы его стихи находились у М. А., т. к. он с ним поссорился”. <...> Я узнал об этом, к сожалению, слишком поздно – он уехал к Осипу, и они едут в Батум. Окажи мне дружескую услугу: без твоего содействия они в Батум уехать не могут, поэтому поставим ультиматум: верните книгу, а потом уезжайте, не иначе. Мою библиотеку Мандельштам уже давно обкрадывал, в чем сознался: так как в свое время он украл у меня итальянского и французского Данта. Я это выяснил только в этом году. <...> P. S. Только что выяснилось, что Мандельштам украденную книгу подарил Люб. Мих. Эренбург, которая мне ее возвращает, так что моя вторая просьба, естественно, падает. А о первой очень прошу тебя» (*19а*, с. 178–179). В своих мемуарах М. А. Волошин вспоминает существенные детали этой истории: «Случилось так, что Новинский получил это письмо за завтраком, и М-м, завтракавший вместе с ним, прочел его. Искренне возмутился и был по-своему прав: похитил со стола у Майи книжку не он, а Эренбург» (*9*, с. 302).

37. О. Н. Арбениной

Тыняновский сб.: Шестые–седьмые–восьмые тыняновские чтения. М., 1998. Вып. 10. С. 558, в комментарии к публикации воспоминаний О. Н. Арбениной (перепечатаны в книге: Арбенина-Гильдебрандт О. Н. Девочка, катящая серсо... М., 2007). С исправленными чтениями: Сохрани мою речь. М., 2000. Вып. 3, ч. 1. С. 17 (публикация и комментарий А. А. Морозова). Печ. по автографу – РГАЛИ. Ф. 1348 (Коллекция писем неустановленных лиц). Оп. 1. Ед. хр. 533 (автор установлен Г. Г. Суперфином). На обороте: Ольге Николаевне Арбениной.

Ольга Николаевна Арбенина (сценический псевдоним, наст. фамилия Гильдебрандт, 1897/1898–1980) в это время – актриса Александринского театра, позднее – художница. М. осенью 1920 г. был влюблен в нее и обратил к ней ряд стихотворений этого времени.

«Петрушка» – возобновленная «дягилевская» постановка балета И. Стравинского в костюмах А. Н. Бенуа в Мариинском театре. Премьера должна была состояться 14 ноября, но была перенесена на 20-е. «На “Петрушке” – кажется, были» (запись Р. Д. Тименчика 1972 г.), см.: Тыняновский сб. С. 285. А. А. Морозов в своей публ. (см. выше) предполагает, что М. и Арбенина были на одном из декабрьских спектаклей.

Дроботова Лидия Харлампиевна (в замужестве Пумпянская, 1891–1952) – петроградская актриса (работала, например, в Театре экспериментальных постановок С. Э. Радлова). Изображена на портрете работы С. А. Сорина, см.: Нива. 1917. № 8. С. 116. В своей квартире собирала кружок людей искусства. Поддерживала знакомство с поэтами Б. А. Садовским и М. А. Кузминым, последний, называя ее в своем дневнике по отчеству, в записи за 29 октября 1921 г. пишет, что О. Н. Арбенина «уговорила идти к Харлампьевне» (Минувшее: Исторический альм. М.; СПб, 1993. Т. 13. С. 497). После 1922 и в 1930-е гг. жила в Таллинне, где муж ее, Л. М. Пумпянский, высланный из РСФСР, работал в банке (справка Р. Д. Тименчика).

Лина Ивановна Тамм (1875? – 1941) – дальняя родственница и воспитательница Арбениной.

1921–1934

38. Н. Я. Хазиной

Письма к Н. Я. Мандельштам. Печ. по автографу (АМ). Конверт без марок и штемпелей, адрес: Киев. Институтская, 2, кв. 4. Надежде Яковлевне Хазиной. (Тел. 33-61). Письмо было передано в Киев с оказией.

Н. М. вспоминала: «Наша разлука с Мандельштамом длилась полтора года, за которые почти никаких известий друг от друга мы не имели. Всякая связь между городами оборвалась. Разъехавшиеся забывали друг друга, потому что встреча казалась непредставимой. У нас случайно вышло не так. Мандельштам вернулся в Москву с Эренбургами. Он поехал в Петербург и, прощаясь, попросил Любу <Эренбург>, чтобы она узнала, где я. В январе Люба написала ему, что я на месте, в Киеве, и дала мой новый адрес – нас успели выселить. В марте он приехал за мной – Люба и сейчас называет себя моей свахой. Мандельштам вошел в пустую квартиру, из которой накануне еще раз выселили моих родителей, – это было второе по счету выселение. В ту минуту, когда он вошел, в квартиру ворвалась толпа арестанток, которых под конвоем пригнали мыть полы, потому что квартиру отводили какому-то начальству» (*30*, с. 25). См. также: Фрезинский Б. Я. Эренбург и Мандельштам // Вопросы литературы. 2005. № 2. С. 283.

39. В. Я. Хазиной

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). На обороте последнего листа: Вере Яковлевне Хазиной. Новая 1 кв. 18. Письмо, по-видимому, было передано с оказией.

О поездке Н. М. вспоминала: «В двадцать первом году мы ехали с Мандельштамом в Тифлис в вагоне Центроэвака. Кроме вагона, предоставленного "начальству", к Тифлису полз целый теплушечный поезд, забитый работниками, которым предстояло расселить и трудоустроить армянских беженцев из Турции. В теплушках ехали обыкновенные работяги. Им, надеюсь, удалось что-то сделать для трагических армянских толп, а наш вагон внушал сомнения. В нем ехали начальник, художник Лопатинский из "Мира искусства", которому неизвестно почему поручили такую невероятно сложную работу, и кучка его друзей, получивших мандаты Центроэвака на командные должности. Лопатинский когда-то служил под началом Мандельштама в Комиссариате просвещения. Оба ничего не делали и боялись сердитой секретарши-большевички, возмущавшейся, что двое бездельников спасают почему-то церковный хор и совершенно не думают о классовом подходе. Хорошо, что они хоть не разоряли школу.

Из Киева мы выехали в надежде попасть в такой же поезд, но возглавляемый Раскольниковым и направляющийся в Афганистан. В Москве выяснилось, что на эту авантюру мы опоздали, и мать Ларисы Рейснер сказала, что Раскольников уперся и, несмотря на все настояния жены, ни за что не соглашался взять "поэтишку". Вместо Мандельштама он захватил Никулина. Сейчас я понимаю, что всё к лучшему, но тогда огорчилась, а Мандельштам – нисколько, хотя поездка была бы отдыхом от бедствий невероятных голодных лет. Он сказал, что судьба его хранит, чтобы он не путался в афганистанские интриги Раскольниковых, и принялся искать оказию на Кавказ. Случайно на улице он встретил Лопатинского, узнал про центроэваковскую экспедицию и привел его к нам. Мы жили у моего брата и кормились оладьями из муки, привезенной из Киева. Накормили и Лопатинского, славного человека, и тут же решили ехать с ним. До Ростова мы плелись в теплушечном поезде, а там Лопатинский взял нас в начальственный вагон, на котором висела надпись: "Для душевнобольных". Эта надпись спасала от напора толпы на всех промежуточных станциях. В теплушке мы кормились пайковым хлебом, за корку кото-

рого голодные крестьяне готовы были отдать что угодно – кусок мяса, курицу, сметану... Насельники вагона “для душевнобольных”, включая нас, проедали авансы, получаемые из рук Лопатинского. <...>

Поездка оказалась в своем роде увеселительной: неделю мы почему-то простояли в Кисловодске, хотя никаких армянских беженцев там никто в глаза не видел. Мы радовались жизни и отдыхали от холода и голода серьезных городов. Всё шло хорошо, если не считать, что главный помощник Лопатинского и, конечно, его собутыльник обижался, что авансы перепадают и нам. Это ведь был прямой убыток для прочих. Но Лопатинский не сдавался, и мы получали хоть и меньше других, но нам всё же перепадало на лаваш и рис.

Мирная жизнь внезапно прервалась в Баку: несколько человек в вагоне заболели холерой, в том числе и Лопатинский. Нас отвели на запасный путь, и мы жили в неподвижном вагоне как железнодорожная бригада, пока больные отлеживались в городе. В Баку мы сходили в баню, где нам поставили отметку на паспорте (вместо паспортов были какие-то бумажки), чтобы нам не пришло в голову вторично помыться, побывали у Вячеслава Иванова, и Мандельштам как-то без меня зашел к Городецкому. Там-то я и увидела его в первый раз... Это был третий по счету акмеист на моем пути, потому что в Киеве мне довелось встречаться с Нарбутом» (*30*, с. 33–34).

Вера Яковлевна Хазина (?–1943) – мать Н. М.

...художник Лопатинский, когда-то он работал со мной в Наркомпросе. Лопатинский Борис Львович (1881 – после 1946) – художник. Упоминается в протоколе заседания секции эстетического воспитания отдела реформы школы от 3 декабря 1918 г. (*37*, с. 278).

Женя – Евгений Яковлевич Хазин (1893–1974), брат Н. М., литератор.

Центроэвак – Центральное управление по эвакуации населения при Наркомате внутренних дел РСФСР (1918–1923).

Перед отъездом подаем заявление в литовскую миссию. Руководителем миссии Литвы в это время был поэт Ю. К. Балтрушайтис, М. был знаком с ним с 1910-х гг. Н. М. вспоминала: «Балтрушайтис уже давно предчувствовал, какой конец ждет О. М. Еще в самом начале двадцатых годов (в 1921-м, до гибели Гумилева) он уговаривал О. М. принять литовское подданство. Это было возможно, потому что отец О. М. жил

когда-то в Литве, а сам О. М. родился в Варшаве. О. М. даже собрал какие-то бумаги и снес показать их Балтрушайтису, но потом раздумал: ведь уйти от своей участи всё равно нельзя и не надо даже пытаться...» (*29*, с. 13)

Яков Аркадьевич Хазин (?–1930) – отец Н. М., адвокат. О нем см. главу «Отец» в ее «Книге третьей» (Paris, 1987).

Анна Яковлевна Хазина (1888?–1938) – сестра Н. М., см. примеч. 99.

40. А. С. Балагину

СС 3. Т. 4. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 1. Ед. хр. 5).

Александр Самойлович Балагин (наст. фам. Гершенович, 1894–1937, репрессирован) – поэт, автор сборников «Огни сердца» (Ташкент, 1912; 1913) и ряда других; с 1915 г. – сценарист, актер и режиссер, автор статей и книг по вопросам кино.

О биографических пересечениях Мандельштама и А. С. Балагина других сведений не имеется.

41. С. А. Полякову

СС 3. Т. 4. Печ. по автографу (ИМЛИ). На обороте адрес: Сергею Александровичу Полякову. Страстн<ой> б<ульвар>, д. 8, кв. 3.

Сергей Александрович Поляков (1874–1943) – литератор, переводчик; в 1900–1910-е гг. владелец изд-ва «Скорпион», редактор-издатель журнала «Весы»; в начале 1920-х гг. – председатель правления Всероссийского союза писателей (ВСП).

Анастасия Ивановна Цветаева (1894–1993) – писательница, сестра М. И. Цветаевой. Познакомилась с М. в 1915 г. в Коктебеле, поддерживала знакомство с поэтом все последующие годы. Пособия от ВСП получала 31 июля и 8 августа 1922 г., 25 августа 1923 г. (ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 219). Вероятно, письмо М. связано с получением первого по времени пособия. 28 октября 1922 г. М. также получил пособие от ВСП (Там же. Л. 38).

42. Е. Э. Мандельштаму

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ). На конверте: Евгению Эмильевичу Мандельштаму (письмо, по-видимому, было передано с оказией).

Мандельштам Евгений Эмильевич (см. примеч. 1) в двадцатые годы – сотрудник Ленинградского отделения Московского общества драматических писателей и композиторов (МОДПИК), позднее врач-гигиенист и эпидемиолог; в послевоенные годы – сценарист научно-популярного кино, лауреат Государственной и Ломоносовской премий, автор воспоминаний о М. (*27*).

Шура живет у нас... С апреля 1922 г. М. с женой занимал комнату в писательском общежитии по адресу: Тверской бульвар, 25 (Дом Герцена). Шура – брат М., см. примеч. 7.

...у самого «коменданта», населившего дом свояками и родичами. Речь идет об А. И. Свирском, см. заявление 15.

По приезде купили хороший пружинный матрац... Вот как описывает обстановку этой комнаты в левом флигеле Дома Герцена Л. В. Горнунг: «Меня впустили в большую комнату. Посредине находился полосатый пружинный матрас, один конец которого был положен на табуретку. Вероятно, в комнате тогда шла уборка... Осип Эмильевич лежал на голом матрасе, закинув руки за голову. Каким-то чудом он не сползал с него вниз...» (Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Публикации. Комментарии. Исследования. Воронеж, 1990. С. 29), ср.: *27*, с. 155.

...для переписки «Антологии»... Эта работа поздно, но все-таки вышла. Имеется в виду «Антология старофранцузского эпоса», составлявшаяся М. для изд-ва «Всемирная литература». Гонорар за переводы М. получил в декабре 1922 г. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 2968. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 169). Два списка этой так и не вышедшей книги хранятся в ИМЛИ (Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 1).

...я взял во «Всемирной» перевести драму... и еще заключу договор с Госиздатом. Речь идет о пьесе Ж. Ромена «Кромдейр-старый», аванс за перевод которой М. получил в Госиздате в декабре 1922 г. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 2968. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 35). Перевод вышел в 1925 г. в Ленинградском отделении Госиздата. «Всемирная» – петроградское изд-во «Всемирная литература» (1918–1924).

Татичка – племянница Мандельштама Наташа (1920–1942), дочь Е. Э. Мандельштама и Надежды Дмитриевны Мандельштам (урожд. Дармолатовой), скончавшейся в ноябре 1922 г. после вторых родов. См. о ней: *27*, с. 176; Лица: Биогр. альманах. М.; СПб., 1994. Т. 5. С. 487.

Мария Николаевна Дармолатова (?–1942) – бабушка Наташи Мандельштам со стороны матери; жила в семье Е. Э. Мандельштама, см.: «Надюша (жена Е. Э. Мандельштама. – *А. М.*), чувствуя это, позвала нас с бабушкой и взяла слово, что в случае ее смерти воспитывать Татусю мы с Марией Николаевной будем вместе и бабушка остается жить с нами» (*27*, с. 156).

Анна Дмитриевна Радлова (урожд. Дармолатова; 1891–1949) – поэтесса, свояченица Е. Э. Мандельштама.

43. Э. В. Мандельштаму

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ).

44. Э. В. Мандельштаму

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). Конец письма утрачен. Датировано Н. Я. Мандельштам в послевоенные годы.

Шура – брат М. (см. примеч. 7).

...я должен ждать ответа Бухарина. Я у него был вчера. Николай Иванович Бухарин (1888–1938, расстрелян) в 1923 г. был членом ЦК ВКП (б), редактором газеты «Правда», членом исполкома Коминтерна. Н. М. вспоминала: «В 22 году О. М. хлопотал за своего арестованного брата Евгения. Тогда-то он в первый раз обратился к Бухарину. Мы пришли к нему в “Метрополь”. Николай Иванович немедленно позвонил к Дзержинскому и попросил принять О. М. Свидание состоялось на следующее утро. О. М. вторично вошел в учреждение, которому Блюмкин предсказал такую великую будущность, и мог сравнить период революционного террора и эпоху зарождавшейся государственности нового типа. Дзержинский еще не отступился от старого стиля. Он принял О. М. запросто и предложил взять брата на поруки. Это предложение, правда, было подсказано Бухариным. Сняв телефонную трубку, Дзержинский тут же дал соответствующее распоряжение следователю. На следующее утро О. М. отправился к следователю и вышел оттуда полный впечатлений. Следователь был в форме, при оружии, с телохранителями. “Распоряжение получено, – сообщил он, – но брата вам на поруки мы не отдадим”. Причина отказа: “Нам неудобно будет вас арестовать, если ваш брат совершит новое преступление”... Из этого явствовало, что какое-то преступление уже было совершено. “Новое преступление, – сказал, вернувшись домой, О. М., – из чего

они его сделали?” Доверчивости у нас не было никакой, и мы испугались, что Евгению Эмильевичу собирались что-то “пришить”. Нам пришло в голову, что свое телефонное распоряжение Дзержинский отдал таким тоном, который не обязывал следователя ровно ни к чему.

Форма отказа еще звучала вполне любезно – вас, мол, не арестуем, – но общий тон, вся эта помпа с вооруженной охраной, таинственность и запугиванье – “совершит новое преступление” – всё это звучало уже по-новому. Силы, вызванные к жизни старшим поколением, выходили из предначертанных им границ. Так созревало наше будущее, отнюдь не похожее на террор первых дней революции. Даже фразеология вырабатывалась новая – государственная. Как ни страшен террор первых дней, его нельзя сравнить с планомерным массовым уничтожением, которому мощное государство «нового типа» подвергает своих подданных согласно законам, инструкциям, распоряжениям и разъяснениям, исходящим от коллегий, секретариатов, особых совещаний и просто “сверху”.

Узнав от О. М. о приеме у следователя, Бухарин взбесился. Реакция была настолько бурной, что мы поразились. А через два дня он приехал к нам сообщить, что никакого преступления – ни старого, ни нового – нет и Евгений Эмильевич будет выпущен через два дня. Эти добавочные дни понадобились для завершения и оформления дела о несовершенном преступлении» (*29*, с. 58).

Е. Э. Мандельштам вспоминал, что «Сталин, после процесса ЦК с.-р., решил такой же процесс провести с ЦК и активом меньшевиков. Было дано указание по имеющимся спискам арестовать по всей стране тех, кто числился в меньшевиках, отобрать из их числа наиболее активных и отправить в Москву, где велась подготовка к процессу. Вот почему определенная группа была подготовлена в Петрограде и я попал в нее. Напомню, что мой второй арест тоже был связан с тем, что ЧК считала меня меньшевиком, и тогда удалось благодаря Джанелидзе вытащить меня из тюрьмы и убедить ЧК, что я не меньшевик и никогда им не был. <...> Узнав, что я свободен, Бухарин попросил Осипа прислать меня к нему, чтобы познакомиться, услышать от меня объяснения причин моего ареста и составить себе личное впечатление. Жил тогда Бухарин в гостинице “Метрополь” на Театральной площади. Он занимал во втором этаже обычный, правда, большой номер, никакой

охраны, никаких пропусков, полная доступность. Я постучал в дверь, вошел. Меня встретил простой и доброжелательный, невысокий, спокойный человек, с хорошей доброй улыбкой. Он расспросил меня о семье, о работе в институте, захотел узнать о причинах прежних арестов. Я чувствовал себя легко с этим человеком, и за получасовой разговор, располагавший к откровенности, он узнал то, что ему хотелось, а я ушел от него с чувством благодарности за доверие и поддержку, которую он мне оказал» (27, с. 156–158).

Зиновьев Григорий Евсеевич (1883–1936, расстрелян), в 1923 г. – председатель Петроградского Совета, член Политбюро ЦК.

45. Б. В. Горнунгу

СС 3. Т. 4. Печ. по автографу (семейный архив Б. В. Горнунга). Датируется на основании воспоминаний Л. В. Горнунга и данных архивов, см. ниже.

Борис Владимирович Горнунг (1900–1976) – литературовед, сотрудник Государственной академии художественных наук и участник Московского лингвистического кружка, членом которого состоял и М. О личном знакомстве с ним см. архивные материалы, опубликованные М. Б. Горнунгом: Сохрани мою речь. М., 2000. Вып. 3, ч. 2. С. 151–163.

Л. К. – (Московский) лингвистический кружок (МЛК). 4 мая 1923 г. «на заседании президиума МЛК обсуждался вопрос о предложении поэтов О. Э. Мандельштама и Б. Л. Пастернака войти в контакт с МЛК для совместной работы в области поэтики <...> Постановлено: Принять предложение и выделить <...> комиссию в составе Б. В. Горнунга, В. И. Нейштадта и А. И. Ромма» (Якобсон Р. О. Московский лингвистический кружок / Подгот. текста, вступ. заметка, примеч. М. И. Шапира // Philologica. 1996. № 5/7. С. 371, примеч. 16). Р. Якобсон в своей статье отметил: «В 1923 г. заседание М. л. к., открытое Пастернаком и Мандельштамом, было посвящено дискуссии о наиболее плодотворных методах анализа поэтической речи» (Там же. С. 367). По воспоминаниям Б. В. Горнунга, М. летом 1923 г. организовал в помещении кружка несколько бесед о поэзии и новейших методах ее изучения, проявив при этом «исключительную настойчивость» (Там же. С. 362). Заседания проходили у Р. Якобсона дома – Лубянский проезд, д. 3, кв. 10. Ср.: «Критики как произвольного истолкования

поэзии не должно существовать, она должна уступить объективному научному исследованию – науке о поэзии» (из статьи «Выпад», см. т. 2 наст. изд.).

46. Л. В. Горнунгу

Лит. обозрение. 1986. № 9. С. 110 (публ. П. Нерлера). Печ. по автографу (архив Л. В. Горнунга), воспроизведен: Соч. Т. 2, вклейка. Датировано адресатом по времени получения – «25. XII.23».

Лев Владимирович Горнунг (1902–1993) – поэт, литературовед, фотограф; в 1920-е гг. работал в Государственной академии художественных наук. В своих воспоминаниях пишет, как, взяв тетрадку своих стихов, принес ее в Дом Герцена Мандельштаму, которого просил дать на них отзыв. «Он сразу же согласился их посмотреть и оставил у себя. Я сообщил ему, что <...> в правом флигеле живет мой хороший знакомый Николай Федорович Бернер. Поэт обещал прочесть и занести мою тетрадку Бернеру. <...> Только зимой, 25 декабря 1923 г., Николай Федорович передал мне тетрадь моих стихов и записку Мандельштама <...> которая, как он сказал, давно лежит у него» (Горнунг Л. В. Немного воспоминаний об Осипе Мандельштаме: По дневниковым записям // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 28–30).

47. Э. В. Мандельштаму

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ). Датируется по сведениям из текста письма.

Шура – брат М., см. примеч. 7.

...я отказался от комнаты (письмом в Союз). См. заявление 15.

...д-р Белоконский.... Сведений о нем найти не удалось.

...Мария Николаевна... Татичка... См. примеч. 42.

48. Э. В. Мандельштаму

СС 2. Т. 3 (начало письма) и СС 2. Т. 4 (окончание письма). Печ. по автографу (АМ).

Приехав в Москву, мы три недели жили у Евгения Яковлевича на Остоженке. М. возвратился в Москву из Гаспры около 10–15 октября. Е. Я. Хазин (см. примеч. 39) жил в то время по адресу: Савеловский пер., д. 9.

...он как раз перед этим развелся с женой... Первой женой Е. Я. Хазина была Софья Касьяновна Вишневецкая (во втором браке Вишневская, 1899–1962).

Хотели снять с учета магазин, чтобы жить. По устному сообщению Н. М., Мандельштамы собирались снять для жилья пустующее помещение магазина, для этого необходимо было «снять» магазин с учета в финансовых органах.

...мы уже месяц как переехали... В комнате по адресу: ул. Б. Якиманка, д. 45, кв. 8 Мандельштамы поселились в конце октября 1923 г.

Последнюю работу для себя я сделал летом. М. имеет в виду «Шум времени».

Шура живет у моего приятеля Парнока. В. Я. Парнок вернулся из Франции в Москву в сентябре 1922 г. В 1923 г. жил по адресу: Богословский пер., д. 16, кв. 13. См также примеч. «Египетская марка» в т. 2 наст. изд.

Женя – брат М., см. примеч. 42 и 44.

Пусть он отдохнет, поищет работы... Осенью 1923 г. Е. Э. Мандельштам был освобожден после третьего ареста.

Что такое ты затеял с трестом? Отец М. принял участие в основании кожевенного предприятия, ср. в письме 105: «Инженеры деда испортили 1000 кож».

Мария Николаевна – см. примеч. 42.

49. Э. В. и Е. Э. Мандельштамам

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ). Датируется по упоминанию о сроках пребывания в Киеве.

Работа, конечно, принята. О работах для издательств см. в письме 42.

Герман – по-видимому, дядя Мандельштама по отцу, живший в Варшаве.

Гольц – знакомый Э. В. Мандельштама.

...во вторник едем на неделю в Киев... Вторник – 25 декабря.

...6 червонцев в Кубу «акобеспечения». В 1923 г. КУБУ (Комиссия по улучшению быта ученых) выдавала «академическое обеспечение» в денежной форме, см. также заявление 8.

Обещал заведующий Госиздатом. В 1923 г. Госиздатом РСФСР заведовал О. Ю. Шмидт (1891–1956).

50. А. В. Ширяевцу

The Slavonic and East European Review. 1985. Vol. 63, № 2. P. 278 (публ. Г. Маквея). Машинопись, подпись – автограф (ИМЛИ). Печ. по этому источнику.

Об этом конфликте Н. М. писала: «Под конец срока в Гаспре – мы прожили там два месяца – приехал Абрам Эфрос и деловито сообщил: “Мы вам вынесли выговор” (Эфрос был активным членом Союза писателей). Мандельштам спросил, какой выговор и как могли вынести какой бы то ни было выговор, не вызвав его и не запросив объяснений: “Вы ведь всё же общественная организация...” Эфрос заявил, что выговор не имеет никакого значения, а вынесен он по жалобе Свирского, потому что Мандельштам “набросился на его жену”, требуя, чтобы она не шумела на кухне. Свирский, как потом выяснилось, никакой жалобы не подавал. Всё это было выдумкой Эфроса, знаменитого интригана союзписательского типа. (Впоследствии он был организатором фельетона Заславского, который был принесен в ночную редакцию во время дежурства Эфроса)» (*30*, с. 166–167).

Александр Васильевич Ширяевец (1887–1924) – поэт. Его роль в упоминаемом в письме деле не выяснена.

51. С. З. Федорченко

СС 2. Т. 4. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 2. Ед. хр. 2. На обороте л. 2: Софье Захаровне Федорченко.

Софья Захаровна Федорченко (1880–1959) – писательница, автор книги «Народ на войне». По поводу письма Н. М. вспоминала: «До нас постоянно доходили непристойные рассказы из Коктебеля, распространяемые поклонницами Волошина, и Мандельштам очень резко на них реагировал. Сохранилось его письмо к Федорченко, побывавшей в Коктебеле и послушавшей тамошних рассказов» (*30*, с. 77). Один из поводов для сплетен – случай, повлекший письмо 36. См. запись 12 мая 1926 г. о реакции Федорченко на письмо: Записи Лукницкого, с. 119. По поводу распространявшихся сплетен М. еще в мае подал во Всероссийский Союз писателей заявление с просьбой рассмотреть вопрос «о распространении клеветы о нем»; в рассмотрении заявления ему было отказано в связи с тем, что дело «не имеет отношения к литературе» (ИМЛИ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 4. Л. 19 об.). Протокол (16 мая 1924 г.) подписан председателем ВСП В. Л. Львовым-Рогачевским.

52. А. К. Воронскому

Лит. наследство. М., 1983. Т. 93. С. 600–601. Печ. по автографу (Архив Горького, ИМЛИ, П-ка КН 1-31-1).

По указанному в письме адресу М. поселился в начале августа 1924 г., по возвращении из дома отдыха в Апрелевке.

Александр Константинович Воронский (1884–1937, расстрелян) – партийный работник, писатель и литературный критик; основатель и ответственный редактор журнала «Красная новь» (1921–1927), организатор и председатель правления изд-ва «Круг» (1922–1927), где выпустил «Вторую книгу» Мандельштама; стихи, переводы и статьи М. печатались в 1922–1924 гг. в редактировавшихся Воронским журналах «Красная новь», «Прожектор» и альманахе «Наши дни».

...переговоры с Ленинградом. В журнале «Ленинград» были помещены извлечения из ряда глав «Шума времени»: Буржуазный «Петербург». Девяностые и девятисотые годы // Ленинград. 1924. № 5. 12 марта.

53. Е. Э. Мандельштаму

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ).

Мария Николаевна – см. примеч. 42.

...маминого Гоголя, которого мы выловили с Надей 2 года назад в папином скарбе... Н. М. писала: «В 22 году заболел отец О. М. Он лежал в больнице, а мы с Евгением Эмильевичем, младшим братом О. М., перевезли его вещи на Васильевский – на квартиру к Евг. Эм. Складывая сундуки старика, я нашла там среди всякого мусора кучку стихов О. М., в большинстве ранних, и забрала их с собой в Москву» (*30а*, с. 99). «Книжный шкап раннего детства» М. описал в «Шуме времени» (см. главу «Книжный шкап» в т. 2 наст. изд.). Об изданиях Гоголя в библиотеке М. см: 53в, с. 236–237.

54. Н. Я. Мандельштам

Письма к Н. Я. Мандельштам. Печ. по автографу (АМ). Датируется по содержанию следующего письма.

...заехал к Выгодскому. Выгодский Давид Исаакович (1893–1943) – переводчик (с испанского), литературный критик и поэт. Вместе с женой, Эммой Иосифовной Выгодской (1900–1949), жил по адресу: ул. Моховая, д. 9, кв. 1. Работал в ино-

странном отделе Ленгиза и в издательстве «Прибой». Близкий знакомый четы Мандельштамов, см. примеч. «На Моховой семейство из Полесья...». О нем см. статью Р. Фатхуллиной «Материалы к биографии Давида Выгодского» (Лица: Биогр. альм. М.; СПб., 1992. Вып. 1).

Лившиц Бенедикт Константинович (1887–1938, расстрелян) – поэт, переводчик. В 1920-х гг. близкий знакомый М.

Аня – сестра Н. М. (см. примеч. 39 и 99).

В газете мне обещали завтра выписать 60 р. Подразумевается «Красная газета», см. следующее письмо.

Горлин дал какого-то «Билли»... а «Прибой» захотел Эдгара По (?). Горлин Александр Николаевич (1878–1938) – переводчик; в это время – заведующий иностранным отделом Ленгиза. Речь идет о предложении перевести стихи из повести Дж. Тулли «Автобиография бродяги» (вышла в 1926 г.), гонорар за эти переводы (103 строки по ставке 50 коп. за строку) М. получил 22 и 24 октября 1925 г. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 125, 128). Н. М. заметила, что это перевод из книги Синклера (*28*, с. 176). В этой, вышедшей на год раньше книге Э. Синклера «Тюремные соловушки» (1925 г., в переводе В. А. Азова и А. Н. Горлина), действительно есть стихи, в которых фигурирует «Билли». Вероятно, они были ранее переведены Мандельштамом, и в данном письме он перенес на нового героя имя старого. О работе М. над переводом Э. По для изд-ва «Прибой» документальных сведений нами не получено.

...могу выехать во вторник... По-видимому, М. имеет в виду не очередной вторник, 20 октября (21 октября он ожидал выплаты от издательства, см. следующее письмо), а вторник 27 октября.

...подам заявленье фину и пошлю в Лугу. Фин – фининспектор; летом 1925 г., когда Н. М. жила в пансионате в Луге (где, вероятно, М. также был прописан), фининспектор наложил секвестр на заработки М. (*57*, с. 349).

Саша – домработница.

Доня (укр.) – доченька.

...договор подписан сегодня... Возможно, имеется в виду договор с Ленгизом на перевод книги Г. Рихтера «Инженер Карстен», датированный 24-м октября (ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 38–39 об.), см. примеч. 59.

55. Н. Я. Мандельштам

Письма к Н. Я. Мандельштам. Печ. по автографу (АМ). Адрес: Крым, Ялта. До востребования. Заказное. Штемпели: Ленинград 15.10.25 (два).

Аня получила письмо, но от своей Женички. Аня – сестра Н. М. (см. примеч. 39 и 99). Женичка – неустановленное лицо.

Саша – см. примеч. 54.

...утром мы внесли проценты за часы. Часы были заложены в ломбард. Н. М. вспоминала: «Мать подарила мне эмалевые часики. Они считались хронометром, и в ломбарде за них давали порядочную сумму» (*30*, с. 417). Часы (а также кольца и цепочка Н. М.) побывали в ломбарде в эти годы несколько раз, см. письма 82, 88, 98.

«Красная» дает мне завтра 60 р. – гонорар за стихи «Вы, с квадратными окошками...» и басни «Тетушка и Мирабо», «Извозчик и Дант», напечатанные в вечерних выпусках «Красной газеты» 16, 19 и 26 октября 1925 г.

...Горлин в среду 21-го – экстренных за стихи 50. Речь идет о стихах для книги Тулли «Автобиография бродяги», см. предшествующее примеч.

Вопрос с «Прибоем» почти решен: ищу Эдг<ара> По в пер<еводе> Бальмонта, чтоб <u>показать им</u>. Замысел о переводе Э. По в «Прибое» не был реализован.

...я смогу выехать на той неделе, не дожидая вторника. См. предшествующее примеч.

«1002 ночь» – роман шведского писателя Ф. Геллера «Тысяча вторая ночь», над переводом которого М. тогда работал (вышел из печати в 1926 г.). В день письма истекал срок представления рукописи в изд-во.

Мариэтта – М. С. Шагинян (см. примеч. 154).

Фогель – врач, лечивший Н. М. в Ленинграде.

56. Н. Я. Мандельштам

ВРСХД. 1977. № 120. Почтовая карточка (АМ), печ. по этому источнику. Адрес: Крым, Ялта. До востребования. Штемпели: Ленинград 17.X.25 (три); Ялта 20.X.25.

Саша – см. примеч. 54.

...просят сделать 4 листа Рабле. Перевод Рабле Мандельштамом выполнен не был.

...диктую последние страницы «коврика». Речь идет о несохранившейся прозе Мандельштама. Н. М. писала: «От вто-

рой попытки писать прозу тоже не осталось никаких следов. Эта попытка связана с милым и очень мирным приключением. Однажды, шатаясь по Смоленскому рынку – мы всегда любили базары, центр живой и подлинной городской жизни, – мы разговорились с восточными людьми, торговавшими коврами <...> мы увидели в облупленной и грязной горнице нечто чудесное и невообразимое: огромный фигурный ковер с изображением охоты. Центральная фигура – мальчик с луком, а вокруг всадники, крошечные, и всякое зверье – собаки, лисицы, птицы... Это было сокровище невообразимой ценности, но ввиду переоценки всех ценностей такие вещи стоили тогда сравнительные гроши. <...> Мы ушли, дав свой адрес, и восточные люди повадились ходить к нам на Тверской бульвар... Они принесли однажды ковер, и он наполнил нашу жалкую комнату восхитительным сиянием. <...> Ковер прожил у нас несколько дней. Мандельштам убеждал меня, что в нашем быту нет места для огромного музейного ковра, и я, поплакав, согласилась, чтобы чернявые унесли его в свою трущобу. Ковер исчез из нашей жизни, а Мандельштам, тоскуя, начал что-то царапать на бумаге. Это был рассказ о ковре в московской трущобе» (*30*, с. 158–159).

57. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

...новорожденный дружок! Н. Я. Мандельштам родилась 18 (30) октября 1899 г.

58. Е. Э. Мандельштаму

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ). Датируется по сведениям о дне приезда М. в Ялту в цитированном ниже письме Н. М. – в «пятницу», т. е., вероятно, 6 ноября.

Шура – брат М., см. примеч. 7.

Надя тебе про себя написала. В недатированном письме (ноябрь 1925 г.) Н. М. писала: «В пятницу сюда приехал Ося. Он поразил меня худобой. Таким он не был с 19-го года. Последний припадок у него был в Москве. Шура водил его к доктору. Диагноз тот же – невроз. Во всяком случае, это очень неприятно. Здесь Ося очень успокоился, и ему стало легче. Он не курит, мало ходит и, я надеюсь, поправится.

Что касается до меня, то ведь быстро ничего не делается, тем более, что до Осиного приезда я нервничала и беспокоилась за него. Сейчас же спокойно, хорошо себя чувствую и даже

начала прибавлять в весе. Температуры сейчас нет, последнее повышенье было на прошлой неделе. Вообще прошлая неделя прошла неважно (до 37, 7) , а главное, сильные боли и истории с желудком. Сейчас мне лучше.

Евгений Эмильевич! Я вас очень прошу подать декларацию и заявление фининспектору, а главное, уладить там все дела. Я думаю, что не мешает медицинское удостоверенье, что Ося болен и находится на полном отдыхе. Не забывайте, Евгений Эмильевич, что главным образом от ваших хлопот у фин<инспектора> зависит Осин покой, а ведь вы помните, в каком состояньи он уезжал, и понимаете, как много для него значит спокойная жизнь на юге. Если ему придется ехать в Питер или его будут волновать неулаженные дела, когда он еле оправился, – я просто за него не ручаюсь. Думаю, что без меня его вообще никуда отпускать нельзя. Я очень, очень надеюсь на вас. Целую Татиньку» (Переписка семьи, с. 63).

Улучи минуту – сходи к фининспектору. Ты сам знаешь, как это важно. Речь идет о необходимости подать налоговую декларацию, срок представления которой истек 1 ноября, см.: Новое положение о взимании налогов // Красная газ. Веч. вып. 1925. 20 окт. С. 2. Налоговая декларация М. за апрель–сентябрь (копия?) сохранилась в АЕМ.

Если Ленгиз (Выгодский) вышлет деньги, – то у нас есть декабрь. Д. И. Выгодский по доверенности М. получал и высылал в Ялту гонорары за переводы, см. примеч. 59.

...«во дни торжеств и бед народных» – из ст-ния Лермонтова «Поэт».

Получил ли в «Звезде»? Речь идет, возможно, о гонораре за перевод главы из книги анонимного автора «Правительство и печать во Франции» (Звезда. 1925. № 6 (нояб.–дек.)), позднее вошедшей в книгу: За кулисами французской печати. М.; Л., 1926.

59. Д. И. Выгодскому

СС 3. Т. 4. Телеграмма из Ялты (собр. М. С. Лесмана), печ. по этому источнику. Адрес: Ленинград. Моховая 9. Речь идет о переводе книги Г. Рихтера «Инженер Карстен», которая по договору должна была быть представлена в изд-во 15 ноября 1925 г. Договор был заключен 24 октября 1925 г., к нему приложена доверенность на получение причитающихся по этому договору сумм на имя Д. И. Выгодского (ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 38–39 об., идентичная копия – в собр.

М. С. Лесмана, на этом экземпляре – пометы о сроках выплаты причитающихся сумм: 9 ноября – 25%, 20 ноября – 55%).

Давид Исаакович – Выгодский, см. примеч. 54.

Горлин – см. примеч. 54.

60. Э. В. Мандельштаму

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ).

Через несколько дней после приезда мужа Н. М. писала: «Милый, славный деда! Ко мне приехал Ося. Здесь он успокоился, ему стало лучше. В дороге было еще неважно: в Москве был припадок. Выглядит он неплохо. Мы друг за другом следим и оба поправляемся. Я страшно рада, что мы, наконец, вместе с Осей. Так неспокойно было уезжать без него.

Спасибо, деда, милый, что Вы помогли Осе. Я всегда знала, что деда-Кися – пай. Зато я Вам привезу обратно в Питер здорового сына» (Переписка семьи, с. 64–65).

...пришли мне свои рукописи... Н. М. вспоминала об отце М. как о «фантастическом человеке с “маленькой философией”... Дед исписывал груды листочков мелким немецким почерком и обижался на сыновей, потому что никто из них так и не дослушал ни одного листочка до конца. Шкловский, узнав про сочинительство деда, уговаривал Мандельштама вставить что-нибудь из его мемуаров или “философии” в свою прозу, иначе грозился сделать это сам. Но до этого не дошло, потому что никто не понимал витиеватых оборотов деда и не разбирал готического почерка... Он цитировал Спинозу, Руссо и Шиллера, но в таких невероятных сочетаниях, что все только ахали... Дед был не фантазером, а фантастом, вернее, фантасмагорией. Про него нельзя сказать, был он добрым или злым, щедрым или скупым, потому что основное его свойство – полная отвлеченность, невероятная абстрактность. Он проповедовал деизм собственного изготовления и жаловался на покойную жену, что она отняла у него сыновей» (*30*, с. 412–413).

61. В издательство «Прибой»

Переписка семьи, с. 64 (в примеч.). Печ. по источнику: ЦГАЛИ СПб. Ф. 33. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 84. Адрес: Ленинград. Проспект 25 октября. «Прибой».

В телеграмме речь идет, предположительно, о переводе книги А. Даудистеля «Жертва», договор на который был заключен 27 октября 1925 г.

Аннѣ Ахматовой — вспышки сознанія 2
въ безпамятствѣ дней, почтительно
Авторъ.
12 Апр. 1913.

О. МАНДЕЛЬШТАМЪ.

КАМЕНЬ

СТИХИ.

АКМЭ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1913.

«Камень», первое издание

Титульный лист с дарственной надписью А. Ахматовой. *РГАЛИ*

Вячеслав Иванов
1900-е (?). *ИРЛИ*

Иннокентий Анненский
1890-е (?). *ИРЛИ*

Николай Гумилев
1908 (?). *ЦГИА СПб*

Анна Ахматова
Рисунок С. Сорина. 1914. *ИРЛИ*

Осип Мандельштам. Акварель А. М. Зельмановой
Фотокопия. 1914. *Архив Е. Э. Мандельштама*

Георгий Иванов
Фото М. С. Наппельбаума. 1922. *ИРЛИ*

37

~~[illegible]~~

1.

Заснула чернь. Зияет площадь аркой.
Луной облита бронзовая дверь.
Здесь арлекин вздыхал о славе яркой
И Александра здесь замучил Зверь.

2.

Курантов бой и тени государей...
Россия, ты, на камне и крови,
Участвовать в своей железной каре
Хоть тяжестью меня благослови!

О.М.

Автограф стихотворения «Дворцовая площадь»
1913. *ИРЛИ*

Невыразимая печаль
Открыла два огромныхъ глаза, —
Цвѣточная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой — сладкое лекарство!
Такое маленькое царство
Такъ много поглотило сна.

Немного краснаго вина,
Немного солнечнаго мая —
И потянулась, оживая,
Тончайшихъ пальцевъ бѣлизна...

1909.

Лучъ солнца вкрадчиво проникъ,
Наклонно комнату исполосилъ —
Какъ-будто развернулся складень
Проснулось всё, и день возникъ...

3

Страница авторского экземпляра первого издания «Камня»
с вписанным от руки вариантом последней строфы стихотворения
Частное собрание

Михаил Зенкевич
1913. *ИРЛИ*

Владимир Нарбут
1913. *ИРЛИ*

Михаил Лозинский
1915. *ИРЛИ*

Владимир Шилейко
1927. *Архив семьи Шилейко*

В квартире семьи Поповых. Слева направо в первом ряду:
О. Э. Мандельштам, А. А. Попов, С. В. Лурье
РГБ

Владимир Пяст
Почтовая карточка. 1900-е. *Частное собрание*

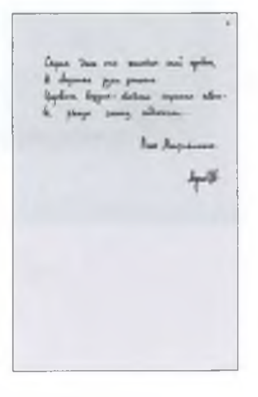

С. П. Каблуков (слева) **за игрой в шахматы с С. В. Лурье**
1914. *РНБ*

«Tristia»
Обложка. 1922

«Никто ничего не отнял...»
Автограф Марины Цветаевой. *РГАЛИ*

«На розвальнях, осыпанных соломой...»
Автограф. 1916. *РГАЛИ*

Марина Цветаева
1924. *Коллекция М. А. Балцвиника*

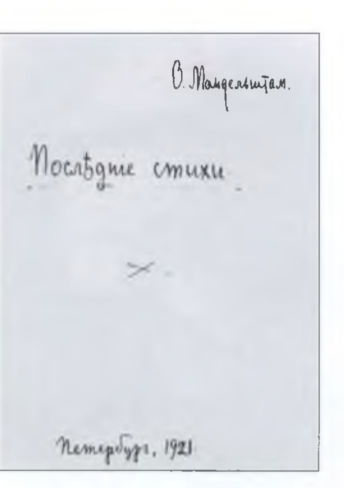
Александр Блок
1907. *Коллекция М. А. Балцвиника*

О. Мандельштам, К. Чуковский, Б. Лившиц, Ю. Анненков
1914. *ЦГАКФФД СПб*

Саломея Андронникова
1920-е. *Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме*

О. Мандельштам.

Последние стихи

Петербург, 1921

Венецийская жизнь

Венецийской жизни, мрачной
и бесплодной
Для меня значение светло.
Вот она глядит с улыбкою
холодной
В голубое дряхлое стекло.

Тонкий воздух кожи, синие прожилки,
Белый снег, зеленая парча.
Всех кладут на кипарисные носилки,
Сонных, теплых вынимают из плаща.

Рукописный сборник «Последние стихи»

Обложка, оборот обложки и первая страница. 1921. *Частное собрание*

Ольга Арбенина
1920-е. *Частное собрание*

Ольга Арбенина
Рисунок Юрия Юркуна. 1920-е. *Частное собрание*

Черновик стихотворения «Я слово позабыл, что я хотел сказать…»

РГАЛИ

Ольга Ваксель
Конец 1920-х. *Архив А. А. Смольевского*

Справа налево: **О. Э. Мандельштам, В. Я. Эфрон, С. Я. Эфрон, М. А. Волошин, М. С. Фельдштейн, Р. И. Котович-Борисяк, Е. О. Волошина**
Коктебель, 1916. *Собрание В. П. Купченко*

М. А. Волошин и А. М. Петрова
Фрагмент групповой фотографии. Феодосия. 1907
Собрание В. П. Купченко

Могила С. П. Каблукова на Никольском кладбище
Александро-Невской лавры
Фото 1970-х

«Шум времени»
Обложка. 1925

Парад на Марсовом поле
Открытка 1900-х

Летний сад
Открытка 1900-х

Часовой из роты дворцовых гренадеров у памятника Николаю I
Открытка 1900-х

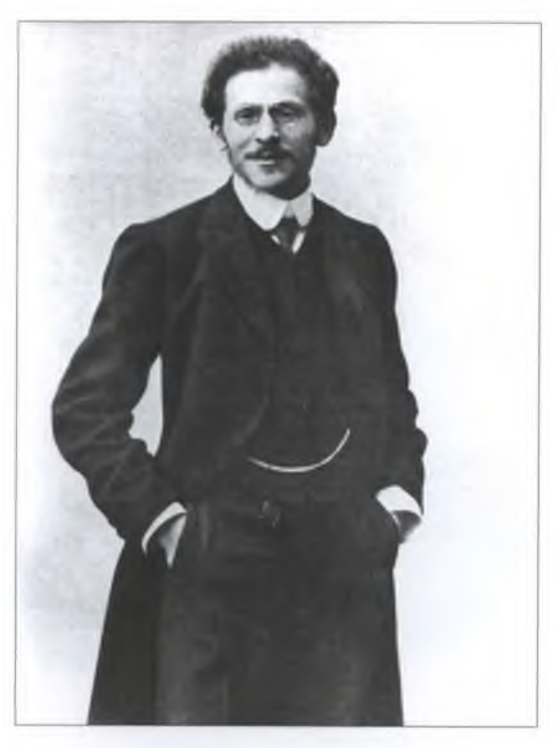
Вид на Офицерскую улицу
и купол хоральной синагоги в Петербурге
Открытка 1900-х

Литовский замок
Открытка 1900-х

Тенишевское училище
Открытка 1900-х

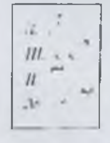
Директор Тенишевского училища А. Я. Острогорский
Начало 1900-х. *Архив Т. Е. Острогорской*

Борис Синани
Конец 1900-х. *Архив семьи Синани*

Товарищеское Книгоиздательство

Пробужденная Мысль.

Выпускъ I.

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

Журнал Тенишевского училища «Пробужденная мысль»
Обложка. 1907

Владимир Гиппиус в классе
Вторая половина 1900-х. *Архив И. М. Тагеевой*

Флора Осиповна Мандельштам (слева)
1890-е. *Коллекция М. А. Балцвиника*

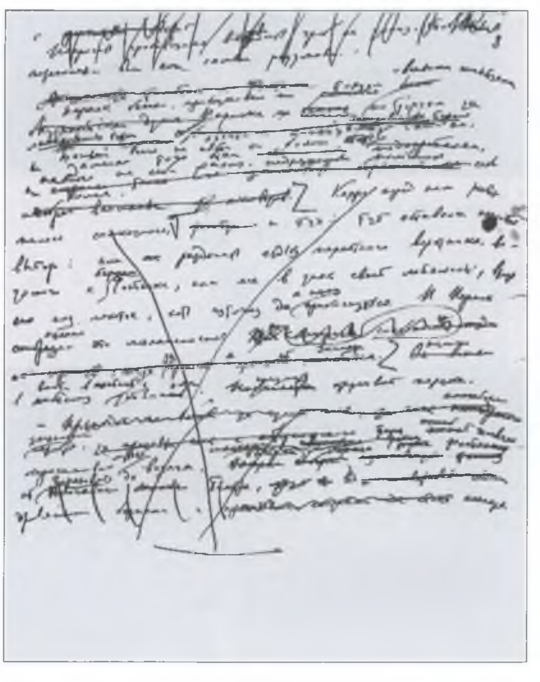

Эмилий Вениаминович Мандельштам
1890-е (?). *Коллекция М. А. Балцвиника*

Слева направо: **Александр Мандельштам, Адольф Мильман, Рюрик Ивнев, Осип Мандельштам**
Харьков, 1919. *Коллекция М. А. Балцвиника*

А. О. Моргулис и И. Д. Ханцин
1920-е. *Частное собрание*

Черновик «Египетской марки»
1927. *РГАЛИ*

Анджолина Бозио
Фото с сайта www.museumforum.ru

Воронеж. Вид с Семинарской горы на дома Правой Суконовки
Фотография 1985 года

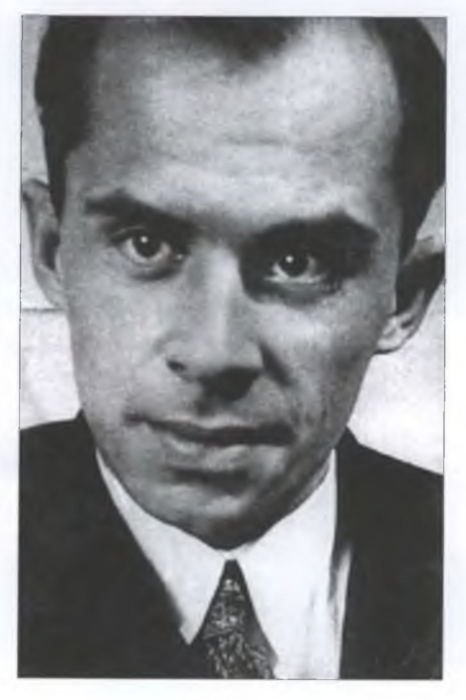
Воронеж. Вид с Семинарской горы на реку Воронеж
Фотография 1985 года

Воронеж. Вид со Второй Линейной улицы на железную дорогу
Фотография 1985 года

Воронеж. Вид на Вторую Линейную улицу от железной дороги
Фотография 1985 года

С. Б. Рудаков
1930-е. *Коллекция М. А. Балцвиника*

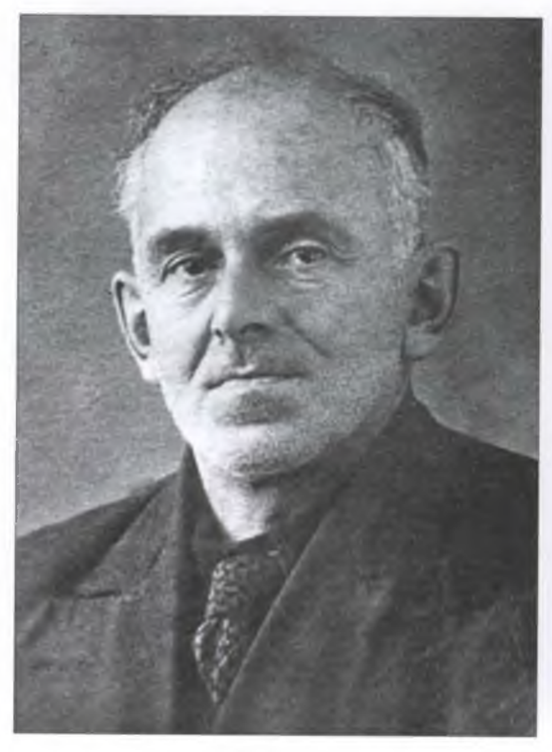
О. Э. Мандельштам и С. Б. Рудаков (последний справа)
в группе с воронежскими писателями
1935. *Коллекция М. А. Балцвиника*

О. Мандельштам – литконсультант среди актеров Воронежского театра (сидит, четвертый слева)
Собрание В. Л. Гордина

О. Мандельштам, М. Ярцева (нижний ряд),
Н. Мандельштам, Н. Штемпель (верхний ряд)
Воронеж, май 1937. *Коллекция М. А. Балцвиника*

О. Мандельштам
Последняя фотография на воле. 1936 (?). *РГАЛИ*

«Чтоб, приятель и ветра и капель...»
Автограф. 1937. *РГАЛИ*

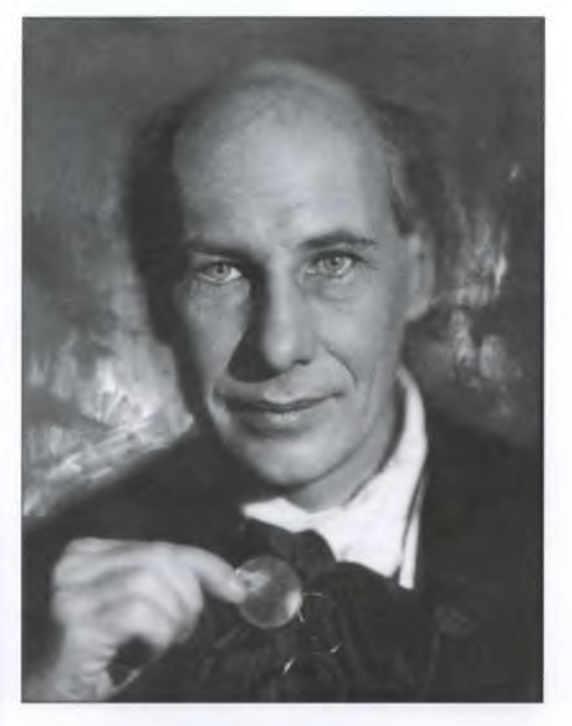
Надежда Мандельштам
Фотография М. С. Наппельбаума. 1920-е
Коллекция М. А. Балцвиника

Владимир Яхонтов
Фото с сайта www.fenixclub.com

М. С. Петровых
1940-е. *Коллекция М. А. Балцвиника*

Андрей Белый
Фото М. С. Наппельбаума. 1929. *Коллекция М. А. Балцвиника*

Надежда Мандельштам
Фото Л. Я. Гинзбург. 1960-е

62. Э. В. Мандельштаму

Переписка семьи. Почтовая карточка (АЕМ), печ. по этому источнику. Штемпели: Ялта 16.12.25; Ленинград 22.12.25.

63. Э. В. Мандельштаму

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ). Датируется по упоминанию о «панической открытке» – предшествующем письме.

Вчера получили телеграмму Горлина: ближайший месяц опять обеспечен. Спасибо Выгодскому, удивительно внимательный человек на страже моих интересов. Подразумевается следующее обстоятельство: 16 декабря Д. И. Выгодский от имени М. (по доверенности) заключил договор на перевод книги Э. Перошон «Тени» (книга не была издана). Горлин – см. примеч. 54.

Нам очень хочется снять дачу, но не в Луге, а в Царском, в «Китайской деревне». В Луге Мандельштамы жили летом 1925 г., лето 1926 г. – в пансионате в Китайской деревне.

Жду не только писем, но и работ твоих. Речь идет о рукописях отца, см. примеч. 60.

64. Н. Я. Мандельштам

Письма к Н. Я. Мандельштам. Печ. по автографу (АМ). Датируется на основании даты следующего письма. Написано на обратном пути из Ялты в Ленинград.

65. Н. Я. Мандельштам

ВРСХД. 1977. № 120. Почтовая карточка (АМ), печ. по этому источнику. Адрес: Ялта. Горный, 3. Пансион Тарховой. Н. Я. Мандельштам. Штемпели: Харьков вокзал 30.1.26; Ялта 1.2.26.

66. Н. Я. Мандельштам

Письма к Н. Я. Мандельштам. Печ. по автографу (АМ).

...поехал к Пастерн<акам> и видел их мальчишку. «Мальчишка» – Женя, сын Б. Л. Пастернака.

Твоему Жене Шура не успел передать. Подразумевается, вероятно, сообщение о приезде Мандельштама в Москву. «Твой Женя» – Е. Я. Хазин, брат Н. М., см. примеч. 39. Шура – см. примеч. 7.

Ленгиз – разворошенный муравейник. Тенденция – не то сжать, не то уничтожить... Ионов уезжает. Белицкий остается – пока. В ноябре – начале декабря 1925 г. Ленгиз (самостоятельное издательство) был слит с московским ГИЗом и получил наименование Ленотгиз (Ленинградское отделение Государственного издательства). Ионов (Бернштейн) Илья Ионович (1887–1942, умер в Севлаге) – поэт; партийный деятель. В 1925–1926 гг. возглавлял Ленгиз (Ленотгиз). Был отстранен от должности в результате конфликта с зав. ГИЗом Г. И. Бройдо в начале марта 1926 г. и переведен в Москву, см. примеч. 122. Заведующим Ленотгизом был назначен И. С. Гефт (см. примеч. 99). Белицкий Ефим Яковлевич (1895–1940, расстрелян) в 1926 г. – заместитель Ионова.

Горлин – см. примеч. 54.

Сегодня получил 100 р. за «ничего» в «Звезде»: устроил это Белицкий. Журнал «Звезда» находился в это время на балансе Ленгиза.

На субботу «включен» по горлинской заявке. В субботу в Ленотгизе производилась выплата гонораров.

Надежда – домработница в семье Е. Э. Мандельштама (см.: *28*, с. 177).

Фогель – см. примеч. 55.

Женя мой – Е. Э. Мандельштам.

67. Н. Я. Мандельштам

Письма к Н. Я. Мандельштам. Печ. по автографу (АМ).

Завтрак у «Гурме». «Гурме» – кафе на Невском проспекте, д. 48.

Ангерт Давид Николаевич (1893–1977) в 1925–1926 гг. – зав. редакционным сектором Ленгиза.

«Сеятель» – ленинградское изд–во (1922–1930); в этом изд–ве в переводе М. вышли две книги А. Барбюса: «Злючка-луна» (1925) и «Подвиги Лантюрло» (1926).

Турушка – температура.

Выгодские – см. примеч. 54.

Бены – Бенедикт Константинович Лившиц (см. примеч. 54) и его жена Екатерина Константиновна Лившиц (урожд. Скачкова-Гуриновская; 1902–1987), автор воспоминаний о М. (Лит. обозрение. 1991. № 1).

Давид с Эммой невозмутимые испанцы. Подразумеваются профессиональные занятия Д. И. Выгодского испанской литературой. Эмма – жена Выгодского, см. примеч. 54.

Сейчас был у Пуниных. Там живет старушка... «Старушка» – А. Ахматова. Николай Николаевич Пунин (1888–1954), искусствовед; муж Ахматовой в 1920-е гг. В той же квартире в дворовом флигеле Шереметевского дворца (наб. р. Фонтанки, 34) жили также первая его жена Анна Евгеньевна Пунина (урожд. Аренс; 1892–1943), врач-терапевт, и их дочь Ирина (род. 1921). П. Н. Лукницкий записал в этот день в дневнике: «У А. А. в Мраморном Дворце был и обедал Мандельштам. Рассказывал о Крыме. Говорил о Надежде Яковлевне» (Записи Лукницкого, с. 118).

Г. Иванов пишет в парижских газетах «страшные пашквили» про нее и про меня. Из появившейся в печати к этому времени серии очерков Г. Иванова «Китайские тени» Ахматова могла назвать «пашквилем» очерк «Дом искусств» (Звено. 1925. 14 дек.), в котором о ней сказано: «дама в пестром платке и с бельевой корзинкой в руках».

«Шум времени» – вызвал «бурю» восторгов и энтузиазмов в зарубежной печати. Ахматовой могли быть известны рецензии К. В. Мочульского (Звено. Париж, 1925. 19 окт.), В. В. Вейдле (Дни. Париж, 1925. 21 окт.), Д. П. Святополк-Мирского (Соврем. записки. Брюссель, 1925. Вып. XXV).

Еще курьез: сегодня в Вечерней я прочел, что «вчера я ходил в Финотдел жаловаться на налоги». И не думал я ходить! В заметке «Обложение литераторов» (Красная газета. Веч. вып. 1926. 3 февр.) сообщалось: «“Большой день” был вчера в губернской комиссии по подоходному налогу. Обычная в комиссии публика – кустари, ремесленники и нэпманы – уступили вчера место ленинградским литераторам. Корней Чуковский, П. Щеголев, К. Федин, И. Садофьев, М. Шагинян, А. Д’Актиль, В. Князев, О. Мандельштам и др. работники пера пришли вчера жаловаться на неправильное обложение подоходным налогом» (вырезку из номера, ошибочно датированного 11-м ноября 1925 г., см.: Чукоккала, с. 168–169).

68. Н. Я Мандельштам

Письма к Н. Я. Мандельштам. Печ. по автографу (АМ). Датируется по сообщению в письме 70: «четвертый день не выхожу», ср. в настоящем письме: «*два дня я не выхожу*».

...ты умница, хорошо перевела... Речь идет о книге Даудистеля (см. ниже), над переводом которой Мандельштамы работали в Ялте.

Бройдо Григорий Исаакович (1885–1956), в то время заведующий Госиздатом РСФСР.

Жена Пунина – А. Е. Аренс, врач (см. примеч. 67).

Сейчас говорил по телефону с Шкловским. Шкловский – Виктор Борисович (1893–1984), приятель М. с 1910-х гг. О переговорах с ним см. примеч. 70.

...кончив «Прибой»... Возможно, речь идет о переводе книги А. Даудистеля «Жертва», ср. письмо 75.

...подпишусь на вечерние для моей детушки газеты и вышлю «Трамвай». Речь идет о вечерних выпусках «Красной газеты», номера которых М., как видно из этого и других писем, отсылал Н. М. в Ялту бандеролями (см. письмо 83). «Трамвай» («2 трамвая») – книга стихов М. для детей, изданная в 1925 г.

Анна Андреевна – Ахматова.

Екатерина Константиновна – Лившиц (см. примеч. 67).

Старуха – Тархова, хозяйка пансионата в Ялте, в котором жила Н. М.

69. Н. Я. Мандельштам

СС 3. Т. 4. Телеграмма (АМ), печ. по этому источнику. Адрес: Ялта, Горный, 3, пансион Тарховой.

70. Н. Я. Мандельштам

Письма к Н. Я. Мандельштам. Печ. по автографу (АМ).

...жду ответа на телеграмму. См. № 69.

Модпик цветет! См. примеч. 42, ср. примеч. 136. Членом МОДПИКа был и Мандельштам, см. заявление 17.

...я дошел до листочков твоей работы... Н. М. помогала М. в работе над переводами.

Мария Николаевна страдает припадками. М. Н. Дармолатова болела астмой.

Вчера договорил со Шкловским. Он предлагает мне съездить в Москву. Его кино-издательство будто бы само догадалось, что меня нужно подкормить. В. Б. Шкловский в это время работал на московских студиях «Совкино» и «Госкино», см. примеч. «Я пишу сценарий».

Поеду я, только кончив «Прибой». Вероятно, речь идет о переводе книги А. Даудистеля «Жертва», ср. письмо и примеч. 75.

Ангерт – см. примеч. 67.

71. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (AM).

...я имею от Горлина 80 р. Речь идет о выплатах в Ленотгизе.

Фогель – см. примеч. 55.

Рыбаковы – Иосиф Израилевич Рыбаков (1890–1938, умер в следственном изоляторе), юрист, видный коллекционер произведений искусства, и его жена Лидия Яковлевна Рыбакова (1885–1953); с ней была дружна А. Ахматова.

«Возя» – извозчик.

Пунин – см. примеч. 67.

...еду в Москву, где Шкловский подготовил мне почву. См. примеч. 70.

72. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (AM). Датируется согласно следующему письму (второму за один день).

Фогель – см. примеч. 55.

Тархова – см. примеч. 68.

73. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (AM).

...зашел к Выгодским... О Выгодских см. примеч. 54.

Фогель – см. примеч. 55.

Емельян – неустановленное лицо.

...о мезентериальных железах... Речь идет о внутрибрюшных лимфоузлах (вероятно, о поражении их туберкулезным процессом – как предполагали, он имелся и у Н. М., см. письмо 123).

Цанов – врач в Ялте.

Вольфсон Мирон Борисович (1880–1932), член правления и главный редактор Госиздата РСФСР.

Пунины – см. примеч. 67.

«Кася» – касса.

Рыбаковы предлагают 200 рублей. См. примеч. 71 и следующее письмо.

74. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (AM). Датируется согласно записи дневника П. Лукницкого (см. ниже).

200 р. для меня взял у Рыбаковых Пунин... Было очень легко. М., чтобы не тревожить жену, смягчает обстоятельства получения займа – ср. дневниковую запись П. Н. Лукницкого от 15 февраля 1926 г.: «Вчера был у А<нны> А<ндреевны> Мандельштам. Рыбаков дал 150 рублей, но под ответственность А. А. Никаких дел с Мандельштамом не захотел иметь и знакомиться не захотел» (Записи Лукницкого, с. 118). См. также письма 71 и 73.

Осложненье, что ему должна «старушка»... Подразумевается А. Ахматова, см. выше.

У Жени «злоба дня» – его отношения с Наташей... Наташа – Наталья Григорьевна Григорьева (1899–1975), однокурсница Е. Э. Мандельштама по Петроградскому медицинскому институту, эпидемиолог; жила в семье Е. Э. Мандельштама вместе с сестрой, Татьяной Григорьевной Григорьевой (1904–1981), энтомологом, ставшей позднее второй женой Е. Э. Мандельштама. Комментарий Н. М. к письму: «Евг. Эм. женился на сестре Наташи. Наташ<а> рыдала по ночам. – Громко <...> С ней жил Евген<ий> Эм<ильевич>, а потом женился на ее сестре» (*28*, с. 177).

75. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

...встретил Шилейку.... О Владимире Казимировиче Шилейко (1891–1930) и его отношениях с М. см.: Шилейко В. Пометки на полях. СПб., 1999. С. 3–47, 133.

Я живучий, говорил я, а он сказал: да, на свою беду... Другой разговор в той же тональности передал В. К. Шилейко в письме к жене 16 марта 1928 г.: «Вчера днем меня на улице окликнул Мандельштам, куда-то спешивший на извозчике. Так странно было с ним беседовать, – как будто мы на асфоделевых лугах сошлись. Viximus, floruimus! Он еще больше меня приклонился долу, и говорили-то мы о мертвецах» (Шилейко В. Последняя любовь: Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой. М., 2003. С. 215).

Меня еще душит перевод Даудистеля. Ср. примеч. 68, 70.

Маршак заключает договор на биографию Халтурина – плотника-народовольца. Маршак Самуил Яковлевич (1887–1964) – писатель и переводчик, руководил детским сектором Ленотгиза. Упомянутый договор вскоре был «отвергнут» (см.

примеч. 79). Степан Николаевич Халтурин (1856/1857–1882) – революционер, организатор «Северного союза русских рабочих», член исполкома «Народной воли».

Затем Федин включил книгу стихов в «план» – пошлют в Москву (только список названий и «аннотацию») – и... вычеркнут... Писатель Константин Александрович Федин (1892–1977) был в это время на должности заместителя заведующего отделом художественной литературы Ленотгиза. Речь идет о книге стихов М., см.: «Список рукописей портфеля Ленотгиза, намеченных к отклонению. Составлен 26 января 1926 г. <...> Мандельштам. Стихи 1917–1925 гг. 64 стр.» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 545). Книга была включена в план в начале следующего года, см. письмо 112.

Саша – см. примеч. 54.

Бены – Б. К. и Е. К. Лившиц, см. примеч. 67.

76. *Н. Я. Мандельштам*

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

Вольфсон – см. примеч. 73.

Горлин – см. примеч. 54.

...получаю маленькую легкую книгу французскую о судах и судьях. В одном из издательских документов книга поименована: Воновен. Судьи буржуазного общества. Анри Воновен (Henri Vonoven, псевдоним – Henri Varennes; 1865 – после 1930) – французский писатель. Его книги освещали громкие уголовные и политические процессы; некоторые посвящены проблемам юстиции. Какую точно книгу получил М. для перевода, установить не удается.

Женя сдал комнату какой-то пожилой актрисе... Актриса – Мария Александровна Моравская (1879–?), комедийная актриса (*27*, с. 156).

...«немножко» курю, – а в чистых комнатах из-за астмы нельзя. Астмой страдала М. Н. Дармолатова.

Сегодня Федин спросил: сколько я хочу за книгу стихов? См. примеч. 75.

...«Прибой» начнет платить, очевидно, во вторник. Вторник – 23 февраля.

77. *Н. Я. Мандельштам*

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

...кончаю буквально последние 5 страниц проклятого немца. Речь идет о переводе книги А. Даудистеля «Жертва» (см. примеч. 75).

К трем часам заехал в Гиз. Зашел в комнатку к Федину и Груздеву. См. примеч. 75, 76. Груздев Илья Александрович (1892–1960) – критик, литературовед; заведующий отделом художественной литературы Ленотгиза.

...пробуют протащить «Рвача» Эренбурга. Роман был написан в 1924 г., тогда же Эренбург предложил его Ленгизу. Вскоре издательство дало ответ: «Тов. Ионов, ознакомившись с содержанием Вашего романа, пришел к заключению, что выпуск его в пределах СССР невозможен» (Фрезинский Б. Я. Илья Эренбург и Николай Бухарин // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 301, примеч. 38). Как следует из настоящего письма, новая попытка издания романа делалась после смещения И. И. Ионова (см. примеч. 66). В статье, написанной в 1926 г., видный рапповский деятель отметил намерение Ленотгиза: «...самый откровенно контрреволюционный из своих романов, на днях, по сообщению ленинградских газет, издаваемый нашим смекалистым Гизом, хотя и с предисловием Когана...» (Горбачев Г. Е. К юбилею одной резолюции // Удар: Альманах / Ред. А. Безыменский. М., 1927. [Кн.] 1. С. 182).

«Тёпа» – тепло.

...пустить зайчика в большевиков... По устному комментарию Н. М., рядом находился пансионат, где отдыхали ответственные партийные работники, и М. забавлялся, пуская из окна на отдыхавших солнечные зайчики.

Митя – сосед Н. М. по пансионату (?).

78. Н. Я. Мандельштам

СС 3. Т. 4. Телеграмма (АМ), печ. по этому источнику. Адрес: Ялта, Горный, 3. Пансион Тарховой.

79. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

...послал тебе телеграмму... См. № 78.

Я заключил договорок с Горл<иным> на 4–4 1/2 листа: 210 р. Уточнить, о каком договоре пишет М., возможности не представилось.

Книга стихов зарезана. См. примеч. 75.

Детский договор отвергнут. Подразумевается договор на биографию С. Н. Халтурина (см. примеч. 75).

Женя сегодня едет в Москву. Его выживают московские пройдохи. См. письмо 81.

80. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). Датируется по сведениям о выплатах в изд-ве «Прибой».

Антитироидин (антитиреоидин) – препарат для лечения Базедовой болезни (при повышенной функции щитовидной железы).

1-го марта получаю 200 р. за новую книгу в Гизе. Затем 170 еще в Прибое. «Новая книга» – вероятно, «Тени» Э. Перошона, рукопись перевода которой М. должен был, по договору, представить 20 января 1926 г.

«Сеятель» сегодня дал ответ: очень хотят взять горлинскую книгу, но колеблются. См. письмо 67.

«Гурме» – см. примеч. 67.

Мы с Беном решили написать сценарий по «делу Джорыгова». Прочти в вечерках. Речь идет о деле по обвинению инженера Джорыгова (Джорогова) в убийстве сожительницы; отчеты о судебном процессе по этому делу печатались в вечерних выпусках ленинградской «Красной газеты» с 19 февраля 1926 г. По сообщениям в газетах, Джорыгов в 1919 г. был осужден за разбой и убийство. В тюрьме составил проект крематория, за что получил премию и был освобожден. В 1922 г. за новое убийство получил срок в 10 лет (Красная газета. Веч. вып. 1925. 10 мая). См. также: И. Пр. Убийца или невиновный? // Красная газета. Веч. вып. 1924. 23 окт. Интерес газеты к теме вызывался тем, что в Ленинграде планировалось устройство крематория (в 1927 г.), он должен был быть построен в Александро-Невской лавре, на территории Митрополичьего сада.

...пойдем на ту днепровскую гору тогдашнюю. Это была Владимирская горка в Киеве (*28*, с. 177).

«Шары» – книга стихов для детей (вышла в конце 1925 г.).

Рыбаковым отдам 100 р. 1 марта. Остальные условлено в конце месяца. См. письма 71, 73, 74 и примеч.

Клычков С. А. – см. примеч. 153.

81. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

Грюнберг Леон Борисович – редактор, секретарь изд-ва «Прибой».

«Капоцан» – рукомойник.

Тархова – см. примеч. 68.

Рыбаков – см. примеч. 71.

Лев Платоныч еще есть? Его не зацапали? Справься: мне он очень нужен. Лев Платоныч – «машинист», перепечатывавший для М. в предыдущий его приезд в Ялту рукописи переводов. Комментарий Н. М.: «Машинист, церковник. В 30-х годах лагерь. Огромная семья» (*28*, с. 175).

У них враги Кугель и Щеголев. Александр Рафаилович Кугель (1864–1928) и П. Е. Щеголев (см. примеч. 24) входили в руководство второго, параллельного МОДПИКу, профессионального общества – Драмсоюза. См.: *27*, с. 159, 165–167.

Свирский – см. примеч. 42.

...в подвале на Тверском, где наша старушка-сторожиха Хлебникова угощала... Велимира Хлебникова М. в 1922 г. водил кормить в подвал главного здания Дома Герцена, где они с женой столовались у «старушки-дворничихи», см.: *30*, с. 80-81. Записи для памяти Хлебникова об этом приведены А. Е. Парнисом: Слово и судьба: Осип Мандельштам. М., 1991. С. 192.

Твоего переводика я не выбросил. См. примеч. 70.

Поэт Комаровский «тот самый». Комаровский Василий Алексеевич (1881–1914) – поэт-царскосел, автор сборника «Первая пристань» (1913); стихи В. А. Комаровского высоко ценили также Н. Гумилев и А. Ахматова.

Безобразова – тетка В. А. Комаровского по линии матери (вероятно – Любовь Евграфовна). Комментарий Н. М.: «Ко мне ходила его тетка Безобразова. Она жила у своих слуг. Тема ее разговора: “My position is very sad”. Я спросила о родстве с Комаровским. Он оказался племянником. “У нас все писали стихи”, – сказала она. “Васю” она не заметила» (*28*, с. 185).

Сейчас звонил Грюнбер<г>: прочел обо мне в каком-то английском Magasin’е. Уважает. Упоминания о М. в английских журналах за предшествующие месяцы нами не обнаружены.

А<нна> Андр<еевна> прочла в «Mercure de France». По-видимому, речь идет о статье Жана Шюзевиля «Русская

поэзия от 1890 г. до наших дней» (Chuzeville J. La Poésie russe de 1890 à nos jours), помещенной в номере журнала за 15 сентября 1925 г. Шюзевиль писал: «И, наконец, несколько других поэтов чистого искусства, счастливо испытавших влияние Гумилева: Пастернак, Адамович, Г. Иванов и О. Мандельштам.

Мандельштам – в числе поэтов, от которых есть основания ждать многого. Он прекрасно овладел ремеслом, имеет вкус к композиции и умеет строить. Он поэт по преимуществу.

Его стремление освободиться от “ностальгии Скифа” дает основание ожидать возврата к тем составляющим классицизма, без которых – Пушкин тому пример и залог – поэзия была бы только криком новорожденного: (следует перевод ст-ния “О временах простых и грубых....” – *А.М.*)». Ахматова была знакома с Шюзевилем лично (*53а*, с. 651). В начале того же года парижский журнал «Le Commerce» в своем 6-м выпуске опубликовал ст-ние «1 января 1924», перевод был выполнен Е. А. Извольской. В 1930 г. тот же журнал напечатал (в № 24) «Египетскую марку» в переводе Жоржа Лимбура и Д. П. Святополк-Мирского.

82. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

Пурим – еврейский праздник в память избавления от Амана, вельможи при дворе персидского царя Артаксеркса; в 1926 г. этот праздник приходился на 28 февраля. Сутки по еврейскому календарю исчисляются с вечера предшествующего числа, в данном случае – с вечера (после захода солнца) 27 февраля, когда отец М. и попал в засаду.

Белицкий – см. примеч. 66.

...привезу часы, колечки... Часы и колечки были заложены в ломбарде, см. примеч. 55.

83. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). Датируется по указанию в тексте.

Бабушка ушла к Радловым. Бабушка – М. Н. Дармолатова, см. примеч. 42. Радловы – семья ее дочери А. Д. Радловой (муж – Сергей Эрнестович Радлов, 1892–1958).

«Кухня» – книга стихов для детей, изданная Мандельштамом в 1926 г.

Антитироидин – см. примеч. 80.

...завтра вышлю перевод «1002 ночи». Речь идет о только что вышедшей книге Ф. Геллера в переводе М.

84. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

...вышла книжка Вагинова. Какая-то беспомощная. Вагинов Константин Константинович (1899–1934) – поэт, прозаик; речь идет о его книге «Стихотворения» (Л., 1926). Другую оценку книге М. дал в разговоре с Ахматовой 23 марта, см.: Записи Лукницкого, с. 119.

85. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

Тюфлины – соседи Н. М. по пансионату.

86. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). Датируется на основании сведений о заседании в Зубовском институте (см. ниже).

Митя – см. примеч. 77.

...поручи М<арье> Мих<айловне>. Марья Михайловна – неизвестное лицо.

Зубовский институт основан в 1912 г. В. П. Зубовым (1885–1969); в 1920 г. был переименован в Российский Институт истории искусств.

Вчера меня затащили на заседание в Зуб<овский> Институт. Читал Тихонов. Меня встретили, как Сологуба, молодежь уступала мне стулья, как Франс Энгру, и я был оракулом-младенцем... Запись об этом заседании сохранилась в дневнике Л. Я. Гинзбург: «В понедельник Тихонов читал в “Комитете” (современной литературы) новые стихи (прекрасные). <...> Потом заговорил Мандельштам. <...> Он говорил о том, что стихотворение не может быть описанием. Что каждое стихотворение должно быть событием. <...> В стихотворении, он говорил, замкнуто пространство, как в карате бриллианта... размеры этого пространства не существенны... но существенно соотношение этого пространства (его микроскопичность) с пространством реальным... Поэтическое пространство и поэтическая вещь четырехмерны – нехорошо, когда в стихи попадают вещи внешнего мира, то есть когда стихи описывают...» (Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Л., 1982,

С. 353). «Понедельник» в записи Л. Гинзбург – 8 марта. С ошибкой в дате – 4 марта – указано в изд.: Поэтика: Временник отд. словес. наук. Т. 4. Л.: Academia. 1928. С. 152. В отчете, составленном И. А. Груздевым (ошибочно датированном 6-м апреля): «Чтение Н. С. Тихоновым цикла стихов “Юг” и поэмы “Лицом к лицу”. О. Э. Мандельштам: “Юг” прекрасен, поэма не нравится. Это и не поэма. Поэма должна быть или эпической с выраженными точно эмоциональными заданиями: гнев, страх, храбрость, – или же быть субъективной, где всё взято вокруг одного героя и его переживаний. А здесь нарушено то и другое. <...> Нет сюжета, всё сплошная гипербола. Видно влияние Пастернака, незаметное и перейденное. Хлебников оказал хорошее влияние» (РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 36. Впервые опубл. Е. А. Тоддесом: Вторые тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 100). Рассказ В. А. Каверина о том же заседании был записан в 1960-е гг. М. А. Балцвиником: «Так вот, Мандельштам, явившись, учинил с ним большую дискуссию. Он, между прочим, говорил, что стихи Тихонова неотрывны от бумаги... и это очень верно! Тихонов, вообще, довольно успешно отбивался» (частное собр.). В собственных воспоминаниях Каверина слова Мандельштама в этом эпизоде несколько смягчены (Новый мир. 1966. № 11. С. 133–134).

...как Франс Энгру... Прокомментировать это сравнение нам не удалось.

87. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). Датируется по указанию в тексте на 17-е марта.

...с Митиной визой... Митя – см. примеч. 77.

88. Н. Я. Мандельштам

Письма к Н. Я. Мандельштам. Печ. по автографу (АМ).

15-го я поеду к тебе. М. выехал в Москву 15 марта, см. письмо 90.

Часы целы. Выкупаю. Ср. письмо 82. См. примеч. 55.

89. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

...действительно во вторник выеду в Москву... Вторник – 16-е марта, М. выехал в Москву 15 марта, см. письмо 90.

Лоланов – хозяин пансионата, куда собиралась переехать Н. М. В его пансионате Мандельштамы жили весной–летом 1928 г.

Вольфсон – см. примеч. 73.

Грюнберг – см. примеч. 81.

Посылаю тебе деду. Речь идет о фотографии.

И книжку Вагинова. См. о ней в письме 84.

«О море – нежный “братец” человечий» – из ст-ния «В селеньях городских, где протекала юность...» (Вагинов К. Стихотворения. Л., 1926. С. 19). Кавычки внутри цитаты – выделение М.

Вейки – извозчики-финны, появлявшиеся в Петербурге–Ленинграде на Масленицу. См. примеч. «Шум времени».

...две книжки для Гиза и «Прибоя». Из вероятных переводных работ: Лекаш Б. Радан Великолепный. М.; Л.: ГИЗ, 1926 (вышла в ноябре); Андерсен-Нексе М. «Революция женщины» и другие рассказы (перевод вышел в изд-ве «Прибой» в мае 1926 г.). 11-м марта 1926 г. датировано следующее письмо: «Уважаемый Осип Эмильевич. Посылаю к Вам за последними листами книги Нексэ. Леон Борисович <Грюнберг> просил передать, что получение книги необходимо сегодня же, т. к. в случае, если мы не сдадим ее сегодня в набор, книга запаздывает с выходом и издательство «Прибой» откажется от приема рукописи. С приветом Никитина» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 33. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 85).

...условиться с моим спутником. Вероятно, М. имеет в виду Вольфсона (см. выше).

Возя – см. примеч. 71.

90. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

...в квартирке Шкловского. В это время Шкловский жил по адресу: Скатертный пер. 22, кв. 31а.

Остаются еще разные московские мелочи: Воронский и «Шум времени», у которого возрастает успех. Возможно, М. был намерен вести с А. К. Воронским разговор о переиздании «Шума времени».

Ночую (выбор большой) сегодня у Пастернака. См. примеч. 91.

Договор заключит Лившиц. Вероятно, Б. К. Лившицу была оставлена доверенность для заключения договоров и

получения гонорара, такое же поручение ранее выполнил Д. И. Выгодский, см. примеч. 54.

91. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (AM).

...уже получил санкцию Гиза на договор. Упоминаемый договор идентифицировать не удалось.

В «Кино-печати» тоже дают фантастические деньги... Остается поговорить завтра с Нарбутом и Воронским. «Кино-печать» – издательство (1925–1927). О содержании переговоров с ним, а также с В. И. Нарбутом и А. К. Воронским в этот приезд М. сведений не получено. Нарбут Владимир Иванович (1888–1938) – поэт-акмеист, издательский работник; в 1922–1928 гг. заведовал изд-вом ЗИФ. См. также примеч. 120.

В субботу я поеду прощаться в Петербург. На все дела мне нужен там один понедельник. А во вторник думаю выехать прямо в Ялту. Суббота приходилась на 20 марта. 22 или 21 марта в Ленинграде М. был у Ахматовой, 25 марта выехал из Ленинграда (Записи Лукницкого, с. 118). В Ялту прибыл около 27 марта.

Вчера я ночевал у Пастернака в комнате с его братом на ужасном одре-диване – по адресу: Волхонка 14, кв. 9 (*40а*, с. 51).

Лена – Елена Михайловна Фрадкина (1902–1981), художница, жена Е. Я. Хазина.

Соня – Софья Касьяновна Вишневецкая (1899–1962), художница; в то время – жена драматурга В. В. Вишневского.

92. Э. В. Мандельштаму

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ).

В недатированном письме того же времени Н. М. писала: «Милый деда! Слава богу, кончается мое крымское изгнание, и скоро мы будем в Петербурге. Я очень по вас соскучилась. С кем вы теперь разговариваете? С кем играете в шахматы? Очень долго и мучительно тоскливо тянулась зима. Два месяца – без Оси – были ужасные, но сейчас здесь чудесно: весна, солнце, веселый городок...

Деда миленький! Вы меня не узнаете: я ведь четырехпудовая! Вы меня такой никогда не видели» (Переписка семьи, с. 67).

...это был первый месяц, когда мы с Надей действительно отдохнули. В Ялту М. приехал около 27 марта, см. примеч. 91.

Через две недели я думаю выехать в Петербург... Уеду я, конечно, один и вышлю Наде из Москвы или из Петербурга на дорогу и на жизнь в Киеве, где она останется дней 10. Планы несколько изменились: в Киев М. выехал вместе с женой в начале мая, около 10 мая вернулся в Ленинград.

Насчет «воспоминаний» о тебе ты глубоко неправ: я их далеко не исчерпал, не вытряхнул. Вероятно, отец писал М. о «воспоминаниях», включенных в «Шум времени».

93. Э. В. Мандельштаму

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ).

Н. М. вернулась из Киева в Ленинград в конце мая или начале июня. До сентября Мандельштамы жили в пансионате в Детском Селе (в Китайской деревне).

94. Н. Я. Мандельштам

СС 3. Т. 4. Почтовая карточка (АМ), печ. по этому источнику. Адрес: Крым. Коктебель, близ Феодосии. До востребования. Надежде Яковлевне Мандельштам. Штемпели: Детское Село 23.9.26; Коктебель 27.9.26.

Н. М. вновь выехала на лечение в Крым во второй половине сентября 1926 г.

Аня – сестра Н. М., см. примеч. 39 и 99.

Лаврентьев – заведующий пансионатом, размещенным в здании Александровского Лицея в Детском Селе, куда М. должен был переехать из дома в Китайской деревне.

Срезневский – Вячеслав Вячеславович (1880–1942), врач-психиатр, профессор Военно-медицинской академии; с его женой В. С. Срезневской (1888–1964) была дружна Ахматова.

Кугель – Иона Рафаилович (1873–1942?), в это время заведовал вечерним выпуском ленинградской «Красной газеты».

Гиз на октябрь утвердил Тартарена: 200 р. Вероятно, речь идет о выплате части гонорара за перевод «Тартарена из Тараскона» А. Доде (книга вышла в январе 1927 г.).

95. Н. Я. Мандельштам

ВРСХД. 1977. № 120. Отрезной купон почтового перевода на 40 руб. (АМ), печ. по этому источнику. Отправитель: Осип Эмильевич Мандельштам. 8 л<иния>, д. 31, кв. 5. Штемпель: Ленинград 25.9.26.

Страховская снимала квартиру в пансионате, занимавшем здание Александровского Лицея; ближе неизвестна.

96. Н. Я. Мандельштам

ВРСХД. 1977. № 120. Почтовая карточка (АМ), печ. по этому источнику. Адрес: Крым, Коктебель, близ Феодосии, дача Литвиненко. Надежде Яковлевне Мандельштам. Штемпель: Детское Село. 26.9.26.

Газета – ленинградская «Красная газета» (вечерний выпуск).

Был на съемке Совкино. В недатированном письме того же времени Н. М. отвечала: «Какая съемка была во дворе дома? Надеюсь, не Фэкс? Если увидишь Фэкс, пожалуйста, закрой глаза. Хорошо? Напиши мне обо всем, нянечке. <...> Осик, не смотри без меня на дитеньков!» (Переписка семьи, с. 69). ФЭКС (Фабрика эксцентрического актера) – студия, в которой О. А. Ваксель (см. примеч. «Возможна ли женщине мертвой хвала?..») получала роли, здесь и далее под «Фэксом» Н. М. имеет в виду ее.

97. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

А к Юнгу гулять ходишь? Имеются в виду фамильный склеп и бывшее имение семьи основателя Коктебеля Э. А. Юнге, расположенные на окраине поселка.

...я приехал вечером к Ане в Китайскую: она там 2 дня одна сторожила. Речь идет о домике в Китайской деревне, где Мандельштамы жили летом этого года вместе с отцом М. и сестрой Н. М.

«У вас Якобсон, у меня – Луначарский». Прокомментировать эту фразу из-за отсутствия сведений не удается.

...нас просила переехать в воскресенье, т. е. завтра... Здесь описка, правильно: «послезавтра».

Леонов арестовал мою гизю. Леонов был, вероятно, сотрудником финансового отдела Госиздата, «арест» на получение гонораров был связан с нарушением каких-то обязательств по договорам на переводы.

Аня вчера со мной приехала в город и ночует 2 ночи у дяди. См. примеч. 99.

Федин К. А. в это время работал в Госиздате, см. письма 75–77 и примеч.

Войтоловский Лев Наумович (1876–1941) – литературовед, историк литературы, публицист; в то время – сотрудник Госиздата.

Миша Слонимский зав. в «Прибое»! С 15 окт<ября>! Слонимский Михаил Леонидович (1897–1972), писатель; дальний родственник М. по линии матери. Был назначен заведующим литературно-художественным отделом изд-ва «Прибой».

Давидка – Д. И. Выгодский, см. примеч. 54.

...мой бывший богатый дядя Абрам Копелянский – из-за границы. Этот родственник М. упоминается в «Египетской марке».

...рядом с панс<ионом> Белицкого... Пансионат принадлежал, предположительно, Е. Я. Белицкому (см. примеч. 66).

Бены – см. примеч. 67.

...ты ведь именинник. Именины Н. М. приходятся на 30 сентября.

Рожденье Надика. Н. М. родилась 18 (30) октября 1899 г.

Не жалей «пелек»! Речь идет, по-видимому, о деньгах.

98. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). Датировано по указанию в тексте на понедельник.

Вчера я принес домой твои часики. Я пошел к секретарю ломбарда, и мне разрешили частичный выкуп. Часики теперь останутся с нами и никогда не уйдут, а скоро и цепочка вернется. См. примеч. 55.

...в «Прибое» назначен Слонимский, он предлагает мне fixe, как Горлин Бену. Fixe – фиксированные условия работы, вероятно – штатная должность. Слонимский – см. примеч. 97.

Варвара Кирилловна Менделеева (урожд. Лемох, 1876 – после 1951) – соседка Евгения Мандельштама по коммунальной квартире.

Макс – М. А. Волошин.

99. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

Уже почти отработал Леонову 90 р. – См. примеч. 97.

Аня же у дяди. Комментарий Н. М.: «Мой дядя, переменивший даже отчество (Александр Александрович)» (*28*, с. 178). В главе «Семья» Н. М. писала о сестре: «Она жила в темной комнате для прислуги в квартире нашего дяди, брата отца, в нищете, совершенно одинокая» (*30а*, с. 88).

Бен – Б. К. Лившиц.

Гефт Израиль Соломонович (1892–1937, расстрелян) – в 1926 г. заведующий Ленотгизом. См. примеч. 66.

Кика – Кирилл, сын Б. К. Лившица.

Конор – Конар Федор Михайлович (1895–1933, расстрелян), заведующий издательским сектором ГИЗа.

100. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

Аня – сестра Н. М.

101. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

Лаврентьев – заведующий пансионатом в Детском Селе.

Максимыч – по-видимому, завхоз в пансионате в Детском Селе.

...живем против Кикиной колокольни. «Кикиной колокольней» М. называет колокольню церкви, в которой в 1925 г. крестили Кирилла Лившица (Кику). Крестными были М. А. Кузмин и Н. Я. Мандельштам, см. *28*, с. 178.

Повторение истории с Грановским. О какой «истории» идет речь, не установлено.

102. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

Аня – сестра Н. М.

Татька – Наташа, племянница М.

Кика – Кирилл, сын Б. К. Лившица.

103. Н. Я. Мандельштам

СС 3. Т. 4. Телеграмма (АМ), печ. по этому источнику. Адрес: Мандельштам, дача Литвиненко, Коктебель, Крым.

104. Н. Я. Мандельштам

СС 3. Т. 4. Телеграмма (АМ), печ. по этому источнику. Адрес: Крым, Коктебель, дача Литвиненко, Мандельштам.

105. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

Главнаука – ведомство, которому принадлежал пансионат.

106. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

Даже снег выпал непрактичный. Комментарий Н. М.: «Хозяйка в Ялте (Тархова) говорила, что снег бывает, но "непрактичный", т. е. тает» (*28*, с. 178).

107. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

«Ленинградодежда» – магазин одноименного треста.

Слонимский берет в «Прибое» простой перевод Тартарена. Перевод «Тартарена...» М. выполнял также для ГИЗа, см. примеч. 94.

Леонов – см. примеч. 97.

...вторая книга (Вильдрак) в «Прибое» будет на днях. Эта книга («Открытия» Шарля Вильдрака) вышла в 1927 г. в переводе Т. Тургеневой. На нее М. писал рецензию для изд-ва (см. в наст. томе).

Больнамушка – существительное от слова «больно».

108. Н. Я. Мандельштам

СС 3. Т. 4. Телеграмма (АМ), печ. по этому источнику. Адрес: Крым, Коктебель, дача Литвиненко, Мандельштам.

109. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

110. А. Э. Мандельштаму

Переписка семьи. Рукопись (собрание П. М. Нерлера), печ. по этому источнику. Запись Н. М. под диктовку; последний абзац – рукой М.

Мы с Надей уже неделю в Москве и сегодня возвращаемся домой, справившись с издательскими делами. По воспоминаниям Б. В. Горнунга и его письмам к жене, М. (вместе с Н. М.) приехал в Москву 23 мая, 29 мая он был еще в Москве; цель поездки – обсуждение с В. И. Нарбутом плана издания сокра-

щенных переводов западных классиков (Горнунг Б. В. Заметки к биографии О. Э. Мандельштама / Публ., предисл., примеч. М. Б. Горнунга // Сохрани мою речь. М., 2000. Вып. 3, ч. 2. С. 153, 159, 161).

...намечается возможность через месяц махнуть на юг. Поездка в Армавир состоялась осенью 1927 г.

...подражая «растратчикам». Имеются в виду персонажи одноименной повести В. П. Катаева, впервые опубликованной в журнале «Красная новь» в 1926 г.

Бескин очень милый человек. Бескин Осип Мартынович (1892–1969) – литературный критик; член редакционно-издательского совета Главполитпросвета. В 1926–1927 гг. заведовал отделом художественной литературы ГИЗа.

Нарбут идет в гору. Помимо заведования изд-вом «Земля и фабрика», Нарбут получил должность заведующего литературно-художественным отделом ГИЗа.

Лена – жена Е. Я. Хазина, Е. М. Фрадкина.

111. М. А. Зенкевичу

СС 3. Т. 4. Печ. по автографу (ГЛМ).

В записке речь идет, по-видимому, о рукописи перевода книги, которую М. должен был сдать, согласно договору, 10 июля.

Михаил Александрович Зенкевич (1886–1973) – поэт, входивший в группу акмеистов, переводчик, в то время – редактор изд-ва «Земля и фабрика» (ЗИФ).

Александра Николаевна Зенкевич (урожд. Гусикова, 1899–1979), актриса – жена М. А. Зенкевича (с 1926 г.).

«Уленшпигель» – роман Ш. де Костера «Легенда о Тиле Уленшпигеле». М. подготовил для изд-ва ЗИФ новое издание романа на основе двух прежних переводов – В. Н. Карякина и А. Г. Горнфельда. Договор с изд-вом был подписан 3 мая 1927 г. Книга вышла не позднее сентября 1928 г. Драматические события, последовавшие за выходом книги, отражены в письме 119 и следующих.

Лена-конструктивистка. – Имеется в виду Е. М. Фрадкина (см. примеч. 91).

112. А. Б. Халатову

Varietas et Concordia: Essays in Honour of Pekka Pesonen. Helsinki. 2007. С. 299–300 (в публ.: Левинтон Г. А. Мелочи о

Мандельштаме из архива Н. И. Харджиева). Машинопись, подпись и дата – автограф (СХ, ГМ Амстердама), печ. по этому источнику.

В АМ сохранился предшествующий проект текста данного письма: «Сообщаю Вам по предложению В. И. Нарбута краткие сведения о прохождении моей книги в Госиздате.

В январе текущего года книга моя была включена Ленотгизом в годовой план, получивший формальное утверждение Москвы. Понадобилось утверждение в квартальном плане: в первом квартале Московский редплан вынес постановление: "ввиду возражений со стороны торгового сектора перенести вопрос, согласно предложения Ленотгиза, на президиум". Это постановление, состоявшееся с участием т. Бескина, было зафиксировано протоколом № 69.

Ленотгиз настаивал на печатании книги. Главный редактор Ленотгиза тов. Горохов дважды писал в Москву – т.т. Бескину и Янсону, приводя в пользу книги доводы литературно-принципиального характера и всячески предлагая ускорить рассмотрение вопроса в президиуме.

Наконец, только в июне месяце вопрос был поставлен на повестку президиума редплана и получил отрицательное разрешение – по отводу торгового сектора.

Тов. Горохов на днях говорил мне – и не откажется Вам подтвердить, что Ленотгиз не меняет своей положительной позиции по отношению к моей книге и не разделяет опасений торгового сектора в Москве.

Дополнительные сведения я могу Вам дать в личной беседе» (машинопись, опубл.: СС 3. Т. 4).

Халатов Артемий Багратович (1896–1937, расстрелян) – в 1927–1932 гг. председатель правления Госиздата РСФСР (к обязанностям приступил 15 июля 1927 г.). Письмо Н. И. Бухарина к Халатову от 10 августа 1927 г. с просьбой «переговорить» с М. и оказать ему содействие в издании книги стихотворений см.: Галушкин А. Ю. Из разысканий об О. Э. Мандельштаме // Сохрани мою речь. М., 2008. Вып. 4, ч. 1. С. 177–180.

...как Вы мне предложили через В. И. Нарбута. Нарбут был на должности заведующего литературно-художественным отделом ГИЗа, см. примеч. 110.

...о прохождении моей книги в Госиздате. Речь идет о книге «Стихотворения». Договор М. с Ленотгизом на ее издание был подписан 18 августа 1927 г.

Представитель русской литературы... Речь идет о представителе отдела или сектора русской литературы издательства.

Бескин – см. примеч. 110.

Горохов – Леонид Борисович, главный редактор Ленотгиза.

Янсон Яков Давыдович (1886–1938, расстрелян), ответственный работник Госиздата, впоследствии зав. изд-вом «Academia», ранее – видный революционер.

113. Д. И. Выгодскому

СС 3. Т. 4. Печ. по автографу (собрание М. С. Лесмана).

...перевод Розы Коген. Имеется в виду рукопись романа «Сквозь ночь», переведенного Н. М., книга вышла из печати в начале 1928 г.

114. Е. И. Замятину

СС 3. Т. 4. Печ. по автографу (ИМЛИ).

О стихах Ф. К. Сологуба М. писал в несохранившейся прозе в 1908 г. (см. примеч. 6), в статьях и в очерке «К юбилею Ф. К. Сологуба» (1924), см. т. 2 наст. изд.

Вечер памяти Сологуба состоялся 5 марта. Упомянутые в письме обстоятельства отражены также в дневнике П. Н. Лукницкого: «Я знаю, что О. Мандельштам, получив в четверг (1/III) письмо с приглашением, а потом – в городе – стихи от Л<юдмилы> Н<иколаевны> (был у А. А<хматовой>, и она по просьбе Л. Н. передала их ему), обиделся и воспылал возмущением – на то, что поэту, ему, Осипу Мандельштаму, писатель – Замятин – посмел выбирать, назначать стихи. Я видел, как вечером в пятницу, в гостях у Фромана, Мандельштам петухом налетел на случайно пришедшую туда Л. Н. (пришла по поводу вечера), стал торжественно и резко с ней спорить и заявил, что неопубликованных стихов читать не будет и согласится выступить только со стихами старыми, которые выберет сам. Едва удалось избежать скандала.

Здесь же он стал требовать, чтоб пригласили Пяста. Л. Н. ответила уклончиво. После, провожая Л. Н., я говорил с ней о Пясте, она решила не приглашать его: Пяст декламирует ужасно. Однако, когда я рассказал об этом А. А., она посоветовала Л. Н. – Пяста пригласить, чтоб не обидеть его. О. Мандельштам на следующий день прислал письмо, в кото-

ром повторил просьбу пригласить Пяста (О. Манд. заявил, что Пяста необходимо пригласить, потому что ему стихи Сологуба ближе, чем кому бы то ни было, что у них некое “сродство душ” и пр.). Пяст был приглашен, но выступить отказался, заявив, что стихи Сологуба ему совершенно чужды и он не представляет себе, как он стал бы их читать» (Лукницкий П. Н. Дневник 1928 года. Acumiana, 1928–1929 / Публ. и коммент. Т. М. Двинятиной // Лица: Биогр. альманах. СПб., 2002. Вып. 9. С. 360–361). М. не пришел на вечер, предупредив устроителей письмом (Там же. С. 361).

Людмила Николаевна – жена Е. И. Замятина.

Я прочту две-три пьесы из «Пламенного Круга». «Пламенный Круг» (1908) – книга стихов Ф. К. Сологуба.

Пяст (Пестовский) Владимир Алексеевич (1886–1940) – поэт, друг М.

115. Н. Я. Мандельштам

СС 3. Т. 4. Телеграмма (АМ), печ. по этому источнику. Адрес: Ялта. Пансион Лоланова. Орлиное гнездо.

Выезжаю среду. Среда приходилась на 19-е апреля.

...хлопоты закончены. «Хлопотами» в «Четвертой прозе» М. называл «дело спасения пятерых жизней» осужденных на казнь «спецов», приговор суда был объявлен 14 апреля, отменен через день или два по постановлению ЦИК СССР (см. примеч. в т. 2 наст. изд.). Н. М. писала: «Мандельштам приехал в Ялту с месячным опозданием. Он задержался в Москве из-за хлопот об осужденных стариках. В Ялту он привез экземпляр только что вышедшей книги» (*30*, с. 417).

116. А. Коробовой

СС 2. Т. 2. Печ. по автографу (РНБ. Ф. 474. Альб. 2). На конверте: Заказное. Ленинград. Проспект 25 октября, 28. Государственное Издательство. Лит.-Худ. Н. Коробовой. От О. Э. Мандельштама. Штемпели: Ялта 25.VI.1928; Ленинград 28.VI.1928.

Адресат – Нюра (Анна) Коробова, стажер редакционного отдела Ленотгиза. О ней см.: Варковицкая Л. М. «Госиздатские пирожки» // Воспоминания о Корнее Чуковском. М., 1983.

Лидия Мойсеевна Варковицкая (1892–1975) – в 1926–1930 годах – издательский редактор Ленотгиза; редактировала книги М. «Стихотворения» и «Египетская марка» (обе – 1928).

Лит.-Худ. – Литературно-художественный отдел Ленотгиза.

...умоляю всё выбросить. В вышедшей книге (Мандельштам О. Египетская марка. Л.: Прибой, 1928) упомянутые в письме очерки опущены. Из них в архиве сохранился только очерк «Возвращение» (см. в наст. томе).

Обратитесь к Груздеву, Слонимскому. Об И. Груздеве и М. Слонимском см. примеч. 77 и 97.

Обложку я просил бы поручить Митрохину. Митрохин Дмитрий Исидорович (1883–1973) – художник, оформил обложки книг М. «Стихотворения» и «О поэзии» (обе – 1928). Обложку книги «Египетская марка» оформил художник Евгений Дмитриевич Белуха (1889–1943).

Прилагаю письмо к Д. Н. Ангерту. Д. Ангерт в 1928 г. – главный редактор Ленотгиза. См. справку в примеч. 67.

...передайте содержание моих финансовых вопросов т. Лихницкому. Лихницкий Измаил Михайлович (1879–1941, расстрелян) – зав. учетно-операционной частью Ленотгиза.

...то, что я в письме к Ангерту называю «незыблемостью нашего соглашения». М. имеет в виду «Протокол совещания по урегулированию расчетов с автором Мандельштам О. Э.» от 16.02.1928 г. (ЦГАЛИ СПб), см. примеч. «Четвертая проза».

Вторая повесть в «Звезде» будет. Речь идет о повести «Смерть Бозио», анонсированной в журнале (1928, в номерах 11 и 12). Повесть не была написана, о Бозио см. примеч. «Египетская марка» в т. 2 наст. изд.

117. Б. К. Лившицу

Записи Лукницкого. Черновой автограф (ИРЛИ. Ф. 754. Коллекция. Альбом X) с пояснительной записью Лукницкого: Черновик письма телеграммы, посланной О. Э. Мандельштамом Б. К. Лившицу в Царск. Село 14 августа 1928 г. из Ялты.

См. запись в дневнике П. Н. Лукницкого за 14 августа 1928 г.: «Отчаянная телеграмма Лившицу Б. К. – кстати, разговор о нем (отзывался о нем О. М., приоткрывая свое недружелюбие, показывая эгоистичность и неблагодарность Лившица). Попытки продать шубу, отмена заказа сапожнику и получение от него 5 рублей задатку <...> Мое содействие, поиски комнаты, успех...» (Лукницкий П. Н. Дневник 1928 года. Acumiana, 1928–1929 / Публ. и коммент. Т. М. Двинятиной // Лица: Биогр. альманах. СПб., 2002. Вып. 9. С. 434).

118. А. А. Ахматовой

Воздушные пути. Нью-Йорк. 1965. Кн. IV (в «Листках из дневника» Ахматовой, без писем П. Лукницкого и Н. Мандельштам). Полностью: Записи Лукницкого, с. 123–124. Печ. по копии П. Н. Лукницкого (ИРЛИ). Перед копией пояснительная запись Лукницкого: «Письмо Осипа Мандельштама, мое и Н. Я. Мандельштам из Ялты в Ленинград. Написано химическим карандашом на 3-х листах клетчатой бумаги – из блокнота. Листы размером 14 × 8,5 см.». Помета Лукницкого: «Письмо написано 25/VIII, отправлено 26/VIII 1928».

...пишем Вам с П. Н. Лукницким из Ялты, где все трое ведем суровую трудовую жизнь. В Ялте Мандельштамы переводили романы Майн Рида по договору с изд-вом ЗИФ, см. заявление 20.

Николай Степанович – Гумилев, 25 августа – день его гибели. В письме П. Н. Лукницкого упомянут его сборник «Костер» (1918).

119. В редакцию газеты «Вечерняя Москва»

Вечерняя Москва. 1928. 12 декабря. Печ. по тексту газеты. Сохранились также черновики и машинопись с правкой, с разночтениями (РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 35–38).

Эпиграф – цитата из письма в редакцию А. Горнфельда, озаглавленного «Переводческая стряпня», опубликованного: Красная газета. Веч. вып. 1928. 28 нояб.; цитата приведена с неточностями.

Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867–1941) – литературовед, переводчик; его перевод «Тиля Уленшпигеля» вышел отдельным двухтомным изданием в 1919 г. в Петрограде: Де Костер Ш. Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, их приключениях, отважных, забавных и достославных, во Фландрии и иных странах.

Карякин Василий Никитич (1872–1938) – переводчик. В его переводе издана книга: Де Костер Ш. Уленшпигель. М.: Современные проблемы, 1916. См. также примеч. «Записи дневникового характера» в т. 2 наст. изд.

Словарь Макарова – «Полный французско-русский словарь» Н. П. Макарова (первое изд. – 1870).

120. М. А. Зенкевичу

СС 3. Т. 4. Печ. по автографу (ГЛМ).

Лившиц мне переслал твое письмо, где говорится о приостановке печатанья Майн-Рида. Письмо не сохранилось. Лившиц Б. К. – см. примеч. 54. Вместе с М. и другими авторами выполнял переводы издававшихся ЗИФом томов Собраний сочинений Т. Майн Рида и В. Скотта. Через месяц издательство расторгло договор с М. и Лившицем, см. письмо 122.

Владимир Иванович – Нарбут. В августе 1928 г. он был исключен из партии, снят с поста заведующего изд-вом ЗИФ. В постановлении ЦКК ВКП(б) говорилось: «скрыл от партии, как в 1919 г., когда он был освобожден из ростовской тюрьмы... так и после, когда его дело разбиралось в ЦКК, свои показания деникинской контрразведке, опорачивающие партию...» (Правда. 1928. 3 окт. С. 4). См. статью Р. Д. Тименчика: Русские писатели. 1800–1917: Биогр. словарь. М., 1999. Т. 4. С. 229. Н. М. писала: «Воронский одолел Нарбута с помощью Горького. Он раздобыл документ, подписанный Нарбутом в деникинской тюрьме, кажется, в Ростове. Спасая жизнь, Нарбут отрекся от большевизма и вспомнил про свое дворянство. Воронский победил бы Нарбута и без всякого документа – он действительно принадлежал к победителям, а Нарбут торчал сбоку припека – таких терпели только в годы гражданской войны. Ирония судьбы в том, что всех ожидала одинаковая участь. После падения Нарбут растерялся, потому что успел войти в роль партийного монаха, строителя советской литературы. Вскоре он пришел в себя, переехал из развалюхи, которая пошла на слом, в чистую комнату, нашел заработок в научном издательстве, где сидел редактором Шенгели, и зачастил в гости к нам и к Багрицкому, куда его иногда брала с собой жена» (*30*, с. 51).

...ее будут оперировать в Киеве. Время операции Н. М. датируется на основании записки Е. Я. Хазина (не публиковалась, см. примеч. 121), предположительно – между 12 и 18 января, исходя из этого датируется данное письмо.

Гедройц Вера Игнатьевна (1876–1932) – по профессии врач-хирург; писала стихи и участвовала в деятельности первого Цеха поэтов, по которому велось ее знакомство с Мандельштамом и М. А. Зенкевичем. О ее жизни в Киеве в 1920-е гг. см.: Мец А. Г. Новое о Сергее Гедройц // Лица: Биогр. альм. М.; СПб, 1992. Вып. 1.

...предупреди Лихова, что в январе подлежит оплате том «Охотн<ики> за растен<иями> – Гаспар Гаучо». Эти романы составили т. VIII Собрания сочинений Т. Майн Рида, вышедший в феврале 1930 г. Лихов – ответственный работник ЗИФа, ближе неизвестен.

У стариков нет кредита. Речь идет о родителях Н. М. – в их квартире Мандельштамы жили во время приездов в Киев.

Александра Николаевна. См. примеч. 111.

121. Н. Я. Мандельштам

СС 3. Т. 4. Печ. по автографу (АМ). Записка в больничную палату киевской клиники (см. письмо 123).

Говорил с Женей. В Зифе всё хорошо. Рукопись пришла. Подразумевается, по-видимому, том VIII Собрания сочинений Т. Майн Рида (см. примеч. 120). Женя (Е. Я. Хазин), брат Н. М., был во время отъезда М. в Киев посредником в его отношениях с издательствами. В обширной записке (письме?), сохранившейся в АМ в виде машинописной копии, Е. Хазин описал свою встречу с руководящими работниками ЗИФа (И. И. Ионовым, А. Г. Венедиктовым, Камковым) в связи с оплатой сданного тома Майн Рида; дату встречи он определил предположительно – между 20 и 23 января 1929 г.

122. И. И. Ионову

ВРСХД. 1977. № 120. Идентичные машинописные копии в АМ (с пометой о том, что утраченный оригинал – также машинописная копия) и в СХ, ГМ Амстердама (с пометой Н. И. Харджиева: Киев. 16. II.1929). Печ. по указанным источникам, датируется согласно помете Харджиева. В АМ с примечанием Н. М.: «Письмо написано в начале января. Ответа на него не получено. В марте через Я. З. Черняка Ионов объявил Мандельштаму, что никакого соглашения на почве этого письма не может быть. Письмо сохранилось в машинописной копии, страницы разрозненные» (датирующие пометы Н. М. неточны).

Ионов Илья Ионович в 1928–1929 гг. руководил изд-вом ЗИФ. См. примеч. 66.

Только что я получил извещение, что Вы, во-первых, объявили договор на Майн-Рида со мной и Лившицем расторгнутым, а во-вторых, заявили Лившицу, что работать

с нами впредь вообще отказываетесь. Конфликт с ЗИФом начался после претензий, высказанных А. Г. Горнфельдом в статье «Переводческая стряпня» (см. примеч. 119). О предпринятых Ионовым шагах Е. К. Лившиц вспоминала: «К Ионову Лившиц взял меня. Ионов остановился в “Европейской”. Лившиц зашел в номер один. Потом рассказал, что Ионов поздоровался с ним по-английски. Бенедикт Конст. ответил: I do not speak English. – Как же вы тогда переводите с английского? Договор был разорван». Во время приезда Ионова в Ленинград М. был в Киеве. Вероятно, по инициативе М. и Лившица между ними и ЗИФом по поводу расторгнутых в одностороннем порядке договоров состоялся третейский суд (7 апр. 1929 г., по письму Р. В. Иванова-Разумника к А. Г. Горнфельду от 8 апреля: РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 321. Л. 13). О решении третейского суда можно судить по тому, что в 1929–1930 гг. работа по этому договору возобновилась, вышло восемь томов Собрания сочинений Т. Майн Рида под редакцией и с примечаниями Мандельштама (из них три – с участием Б. К. Лившица).

Шунявский. Правильно: Шумяцкий (Борис Захарович, 1886–1938, расстрелян) – партийный и государственный деятель. Возглавлял «Прибой» с января по сентябрь 1926 г. До этого – полпред СССР в Персии (Зубкова Н.А. Рабочее кооперативное издательство «Прибой» // Книга и культура. М., 1979. С. 200).

...книгу Даудистеля «Жертва» или «Тартарена» Доде. Речь идет об изданиях: Даудистель А. Жертва. Л.: Прибой, 1926; Доде А. Тартарен из Тараскона. Л.: Прибой, 1927.

Впрочем, Рабле по сходной цене был кому-то заказан. М. намекает на изданный ЗИФом в том же году «Гаргантюа и Пантагрюэль» в переводе В. А. Пяста.

Для опыта мною были заказаны переводы с английского переводчикам, рекомендованным Зифом. В какое время и кому давались эти «заказы», сведений не имеется.

123. Э. В. Мандельштаму

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ). Конец письма утрачен.

Приблизительно в те же дни отцу мужа писала и Н. М.: «Очень скучаю без вас. Каково вам без нас, милый деда? Как живете, что делаете?

Меня зарезали, как поросенка, выпотрошили, и всё оказалось хорошо. Я страшно рада операции и тому, что она произошла до разрыва договора с ЗИФом. Это мне подвезло. Ведь это дорогая штука. Ося тяжело пережил всю мою болезнь. Замечательно ухаживал за мной, как настоящая "сестрица милосердия". Он у вас хороший, ваш Ося. Хотелось бы мне, деда, чтобы Осе удалось бросить переводы – была бы большая радость. Но я боюсь даже думать о таком счастье... Как растет Татя? Наверно, уже взрослая девочка. Большая ли она? Хотелось бы на нее взглянуть. Кого видите из наших знакомых? Встречаете ли Лившицев? Заходит ли к вам Аня?

Деда, после операции я стала такой веселой, что по целым дням смеюсь. Только сегодня проснулась почему-то грустная. Впрочем, это понятно: погода пасмурная, день нелепый; мороз, а солнца нет. Разве это порядок?

Здесь у меня есть приятельница Витя с дочкой Иркой. Девочка очаровательная, а мать просто милая и славная. Ирка называет Осю – Озиб Мильевич, а меня – Надя, и спрашивает, хожу ли я в детский сад. Однажды она спросила у меня: Надя, а мама тебе позволила итти гулять. Она, видно, думает, что я маленькая, но особой крупной слонячей породы.

Ну, целую деда. Надеюсь скоро, так или иначе, с вами встретиться и поцеловать в лобик...» (Переписка семьи, с. 74–75. Письмо не датировано).

Гедройц – см. примеч. 120.

Вырубова (урожд. Танеева) Анна Александровна (1884–1964) – фрейлина императрицы Александры Федоровны.

Зиф, как тогда летом в Ялте, не хотел выслать денег. См. заявление 20.

...копию письма, которое я отправил этому самодуру. Речь идет о письме 122.

Я первый поднимаю вопрос о безобразиях в переводном деле... Первую статью о качестве переводов – «Жак родился и умер» – М. опубликовал еще в 1926 г.

Маленькая русская газетка – и больше ничего. Имеется в виду газета «Вечерний Киев», которая поместила 25 янв. 1929 г. статью М. «Веер герцогини»; на русском языке в Киеве в то время выходили также газеты «Киевский пролетарий» и «Пролетарская правда».

Ради 5 червонцев пришлось устроить вечер. Вечер в Киеве состоялся 26 января 1929 г. в Доме врача, М. читал сти-

хотворения и отрывки из «Египетской марки» (Пролетарская правда. 1929. 25 янв.; Вечерний Киев. 1929. 29 янв.).

...свел меня с громадной украинской кинофабрикой Вуфку. ВУФКУ – Всеукраинское фотокиноуправление. Подтверждением связи М. с ВУФКУ служит его кинорецензия «Шпигун» (см. примеч. в наст. томе). В издаваемом ВУФКУ журнале «Кіно» (1929. № 6) была напечатана в переводе на украинский язык рецензия М. на фильм «Кукла с миллионами» (см. там же).

Шулявка – район Киева, см. также примеч. «Шпигун» в наст. томе.

Святошино – дачное место под Киевом (ныне в черте города).

...киевские советско-литературные организации затеяли единственный на Украине русский журнал. По-видимому, эта инициатива развития не получила, с 1927 г. в Харькове на русском языке уже выходил журнал «Красное слово».

РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция.

...поднять газетную кампанию. Несколько позднее в этом году М. выступил в печати со статьями «Потоки халтуры» и «О переводах» (см. в наст. томе).

124. В Федерацию объединений советских писателей

ВРСХД. 1977. № 120. Машинописная копия (АМ), печ. по этому источнику. На копии примечание: «Отрывки, которые сохранились». Текстуальные совпадения – в статье «Потоки халтуры».

То, что случилось у меня и Лившица с Ильей Ионовичем Ионовым... Подробнее об этом инциденте см. письмо 122 и примеч.

125. В редколлегию Госиздата

СС 3. Т. 4. Печ. по автографу (РГАЛИ. Ф. 611. Оп. 2. Ед. хр. 25. Л. 123). На листе визы: Отклонить. В дело.

В письме речь идет о повести «Фагот», заявка на которую была подана в издательство (см. в разделе «Приложение (1)»).

Усиевич Елена Феликсовна (1893–1968) – партийный деятель; литературный критик.

126. В редакцию «Литературной газеты»

Лит. газета. 1929. № 4. 13 мая. Печ. по тексту газеты. См. коммент. к письму 127.

Заславский Давид Иосифович (1880–1965) – литературный критик и фельетонист. Его статья (см. ниже), написанная по заказу руководства «Литературной газеты» (что подтверждается признанием самого Заславского, см. примеч. 127), содержала завуалированные обвинения в плагиате.

Вслед за письмом Мандельштама в номере было помещено письмо в редакцию за подписью пятнадцати писателей:

Уважаемый тов. редактор!

В № 3 от 7 мая с. г. «Литературной газеты» помещен фельетон Д. Заславского «О скромном плагиате и развязной халтуре», состоящий из ряда подтасовок, передержек, умолчаний и оскорбительных сопоставлений, – фельетон, направленный к шельмованию поэта О. Мандельштама как писателя и общественного деятеля. Для своего фельетона Д. Заславский использовал инцидент, произошедший в конце прошлого года между критиком Горнфельдом, из<дательст>вом ЗИФ и О. Мандельштамом.

Два года тому назад ЗИФ поручил О. Мандельштаму литературную обработку существующих русских переводов «Тиля Уленшпигеля». О. Мандельштам обратился к единственным двум наличным переводам (Горнфельда и Карякина) и на три четверти переработал их заново. На титульном листе появившейся книги было ошибочно проставлено имя Мандельштама как **переводчика**.

Первым, кто поднял тревогу, – был сам О. Мандельштам, настоявший в издательстве на печатном исправлении ошибки, что и было сделано (см. письмо издательства: «Красная Вечерняя Газета», № 313, 1928 г.).

Одновременно с этим Мандельштам телеграфно известил обо всем Горнфельда и выразил готовность удовлетворить его материально.

Вот что пишет Горнфельд в самом начале своего последующего письма в редакцию:

«В № 313 “Вечерней Красной Газеты” напечатано письмо правления издательства ЗИФ о том, что перевод выпущенного этим издательством романа де-Костера “Тиль Уленшпигель”

ошибочно приписан на обложке О. Мандельштаму. Письмо это вполне своевременно: **оно снимает** с известного поэта возможное в таком случае обвинение в плагиате».

Заславский, взяв за основу своего фельетона это письмо Горнфельда, не только недобросовестно отрезал кусок, цитирующий с полным адресом поправку ЗИФа и **обеляющий** Мандельштама, но также сознательно утаил полный достоинства ответ Мандельштама («Вечерняя Москва», № 288), до конца признающего свою ошибку, связанную с дурной практикой издательств.

В своей статье Заславский осмеливается приравнивать редакционную работу Мандельштама, состоящую по своей природе именно в переделке отдельных фраз и выражений, – к переделкам, которыми маскируется плагиатор.

Опасаясь вполне возможной уголовной ответственности, Заславский хитроумно заменяет по отношению к Мандельштаму обвинение в плагиате – обвинением в халтуре. Между тем нужно быть просто малограмотным, чтобы не видеть, насколько **выиграл** текст «Уленшпигеля» от художественного труда Мандельштама.

Таким образом, статья Заславского, не приводящая ни единого нового факта, а напротив, сознательно утаивающая от читателя почти весь опубликованный по исчерпанному делу материал, имеет, очевидно, лишь одну «целевую установку».

Недостойный фельетон направлен против статьи О. Мандельштама в «Известиях», статьи, открывающей кампанию за оздоровление всего переводческого дела в нашем Союзе. Сознательно умаляя значение статьи, призывающей к революционизированию громадной отрасли книжного производства, статьи, из которой ГИЗом уже сделаны важнейшие организационные выводы, – Заславский рядом возмутительных приемов пытается набросить тень на доброе имя писателя. Мы же заявляем следующее:

О. Мандельштам крупный поэт, один из квалифицированнейших переводчиков, мастер слова. Мандельштам за последние восемь лет прекрасно перевел десятки книг, сотни печатных листов.

Выражая свое негодование по поводу развязного выпада Заславского, мы считаем ошибкой со стороны «Литературной газеты» помещение его фельетона и твердо уверены, что газета не замедлит эту ошибку признать и исправить.

Корнелий Зелинский, Всеволод Иванов, Николай Адуев, Борис Пильняк, Мих. К<о>заков, Илья Сельвинский, А. Фадеев, Борис Пастернак, Валентин Катаев, Константин Федин, Юрий Олеша, Михаил Зощенко, Леонид Леонов, Л. Авербах, Э. Багрицкий.

* * *

В АМ сохранились два черновика проекта данного письма:

(1)

Третья подтасовка З<аславского> в том, что затушевывает, что обработка допускает удаление от подлинника.

Даже таким мастакам, как З<аславский>, не позволено реценз<ировать> книги путем переклейки чужих писем в редакц<ию> (кусками на свежий картон).

Далее, З<аславский> выкрал из дела, утаив от читателя (который не обязан всё помнить), мое ответное письмо Г<орнфельду> в «В<ечерней> Москве». Это было ему нужно, чтобы создать иллюзию, будто я пойман З<аславским>, и пойман с поличным: «Возьмем за шиворот» и т. д.

Между тем в письме сказано, что я первый известил Г<орнфельда> об использов<ании> его <и> карякинского текста, взял на себя моральную и материальную ответств<енность> за дурную практику издат<ельств>, настоял на поправке ЗИФа и т. д.

Статья З<аславского>, не приводящая ни единого нового факта, выкрадывающая из дела почти весь опублик<ованный> материал и сплошь состоящая из передержек, подозрит<ельна> отсутствием всякой целевой установки.

Но эта установка есть:

Позорный фельет<он> З<аславского> – это публицистический шантаж, направленный против моей статьи в «Известиях», открывающей кампанию по оздоровлению переводческого дела. О статье брошено вскользь два слова: «собственно, ничего нового» и «вызвала некоторую полемику». Это сказано о статье, призывающей революционизировать всё переводческое дело, всколыхнувшей всю изд<ательскую> общественность, о статье, из которой уже сделаны Гизом важнейшие организ<ационные> выводы.

(2)

[.....] взять чужое письмо в редакцию, отрезать от него кусок, содержащий упоминания о документе, совершенно меняющем положение вещей, утаить само существование этого документа, хотя адрес его дается полностью, и построить свои обвинения вопреки оговорке, сделанной тут же автором письма, который решительно и недвусмысленно отказывается поддерживать обвинение в данной плоскости, – вот что сделал Заславский...

Может, такие приемы и годятся для «травли лиц в печати» по чьей-либо темной указке, но советский журналист, работающий на совесть, должен был устыдиться подобной сноровки...

Мы клеймим поступок Заславского и выражаем недоумение по поводу того, чей заказ он выполнил в своей статье, не приводя ни единого нового факта и лишь сталкивая извращенный и подтасованный материал с цитатой из статьи О. Мандельштама в «Известиях».

Право О. Мандельштама на почин в кампании по оздоровлению переводного дела в нашем Союзе неоспоримо: он заслужил его многолетней и блестяще выполненной в самых тяжелых условиях работой, в которой «Уленшпигель» – лишь незначительное звено.

Нам совершенно непонятно утверждение З<аславского>, что статья М<андельштама>, «собственно говоря, не содержит ничего нового», т. к. она впервые на страницах нашей прессы намечает с должной силой и глубиной организационно-общественный и творческий подход к столь важному делу.

127. В Исполнительное бюро Федерации объединений советских писателей

СС 3. Т. 4. Авторизованная машинопись с правкой (РГАЛИ), печ. по этому источнику. Справа вверху помета М.: «Копия».

Письмо было рассмотрено на заседании Исполбюро ФОСПа 21 мая, см. примеч. 128. Сохранились записи М. тех же дней: «Газета все-таки инсценирует “Дело Мандельштама”. Заславскому оставлена трибуна обвинителя. Канатчиков в Конфликт<ной> комиссии будет судить самого себя. (Он ее

председатель.) Вопрос об “Уленшпигеле” берется вне общей практики издательств.

Я требую: передачи дела во всем объеме в Исполбюро.

Редакция покрывает основную передержку Заславского, умолчавшего про общую ненормальную практику, от которой я, единственный из всех, еще до начала травли в печати, начал резкий отход.

У меня есть список изданий, подобных “Уленшп<игелю>” (десятки книг, имена Луначарского, Когана, Нусинова, Левидова (тот же “Уленшпигель” Горнфельда (!) и т. д.).

Не допустите инсценировки “дела Мандельштама”!

Насколько мне известно, имеется ответ Г<орнфельда> на мое “письмо”, распространявшийся им в рукописи. О. М. 19 апр. 1929» (автограф – РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 31–33).

С самого начала редакция «Литературной газеты» вела себя как заинтересованная сторона. Это обвинение подтверждается признанием самого Заславского в письме к Горнфельду от 13 мая: «Лично я ввязался в это дело случайно. <...> Но “Литературная газета” просила меня написать фельетон, мне казалась эта тема подходящей, редакция (то есть те члены редакции, которые со мной говорили) эту тему одобрили, и я не предполагал, что поднимется из-за этого такой шум» (РГАЛИ. Ф. 155).

Канатчиков Семен Иванович (1879–1937, расстрелян) – партийный работник. В 1929–1930 гг. – секретарь ФОСП и ответственный редактор «Литературной газеты»; позднее – главный редактор ГИХЛа и председатель редсовета изд-ва «Федерация».

128. Н. Я. Мандельштам

Слово и судьба: Осип Мандельштам: Исслед. и материалы. М., 1991. С. 137 (в публ. В. К. Лукницкой «Мандельштам в записях дневника П. Н. Лукницкого»). Телеграмма, копия П. Н. Лукницкого (ИРЛИ), печ. по этому источнику. Адрес: Ленинград. Фонтанка 34. Ахматовой для Мандельштам. Помета П. Н. Лукницкого: «Из Москвы. Получена 27/V-1929 вечером».

В ответной телеграмме того же дня Н. М. просила выслать постановление конфликтной комиссии, необходимое для совещания ленинградских писателей 28 мая (ИРЛИ).

Зелинский Корнелий Люцианович (1896–1970) – литературный критик, теоретик литературы.

Канатчиков – см. примеч. 127.

...дальше постановления Исполбюро своих требованиях не пойдут. 21 мая 1929 г. состоялось заседание Исполбюро ФОСП, на котором было заслушано заявление Мандельштама (см. письмо 127) и принято постановление: «Принимая во внимание, что переделка старых переводов иностранных авторов и их переиздание повседневно практикуется сейчас издательствами, Исполбюро считает, что инцидент т. Мандельштама, квалифицированного и опытного переводчика и редактора, и т. Заславского является следствием не частного, а общего явления, характеризующего состояние переводческого дела в СССР, поэтому Исполбюро постановляет: 1. Частный инцидент между Мандельштамом и Заславским считать исчерпанным опубликованием всего фактического материала по этому вопросу в «Литературной газете». 2. Создать Комиссию при ФОСП для проработки вопроса об урегулировании переводческого дела» (ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 32). Конфликтная комиссия под председательством С. И. Канатчикова, собравшаяся, по-видимому, на следующий день, 22 мая 1929 г., не согласилась с этим постановлением и назначила на июнь свое заседание по «разбору» дела (см. примеч. 130).

...статья идет независимо всего очевидно среду. Речь идет о статье: И. Б-с <Бачелис?>. Инцидент исчерпан // Комсомольская правда. 1929. 2 июня (воскресенье).

...информируй писателей воздержись всяких советов таком деле важна абсолютно свободная инициатива. Речь идет о писателях Ленинграда. На собрании, состоявшемся 28 мая, было принято «Письмо в редакцию», в котором говорилось: «Мы считаем, что метод редакционной подачи материалов <...> превратил полемику по принципиальному вопросу в личную травлю О. Мандельштама». Письмо подписали: В. Саянов, В. Каверин, М. Слонимский, Н. Тихонов, И. Поступальский, П. Лукницкий, А. Моргулис, Б. Эйхенбаум, А. Ахматова, Ю. Тынянов, С. Семенов, В. Эрлих, М. Карпов, П. Журба, В. Пяст, М. Фроман, К. Вагинов, Г. Горбачев, И. Груздев, Б. Лившиц, З. Штейнман. Письмо было отвезено И. Груздевым в Москву и передано им в «Литературную газету», которая не опубликовала его (Записи Лукницкого, с. 124–125).

129. Ленинградским писателям

Лукницкая В. Перед тобой земля. Л., 1988. С. 80. Автограф и машинописная копия (ИРЛИ). Печ. по автографу. На листе машинописи помета П. Н. Лукницкого: «Письмо О. Э. Мандельштама. (Получено А. А. Ахматовой 13 июня 1929)». Вероятно, было послано Ахматовой вместе с письмом 130.

...за статью в «Известиях». – Имеется в виду статья «Потоки халтуры» (Известия. 1929. 7 апр.), см. в наст. томе.

130. А. А. Ахматовой

Записи Лукницкого. Печ. по автографу (ИРЛИ). Конверт, адрес: Ленинград. Фонтанка 34 (бывший Шереметевский дом). Кв. Пунина. Анне Андреевне Ахматовой. Штемпели: Москва 11.6.29; Ленинград 13.6.29. Письмо сопровождено «Приложением» – более поздней записью Н. М.: «Практика, в которую был вовлечен О. Э. и в которой он замешан менее всех других, настолько обширна, что даже Конфликтная комиссия Федерации вынуждена была вынести порицание издательствам. Но тем не менее порицание выносится только ему одному, а не всему сонму редакторов во главе с Луначарским и Коганом, и притом с инсинуирующими намеками на фантастические, лживые “материалы”, после почти двухмесячной абсолютно бессодержательной травли».

...постановление Исполбюро, прекратившего дело. Речь идет о постановлении 21 мая, см. примеч. 128.

...созвали отмененную конфликтную комиссию. Заседание комиссии состоялось 10 июня 1929 г. по инициативе «Лит. газеты» (см. ниже). О содержании зачитанного на нем заявления М. можно судить по пересказу его в письме Д. Заславского к А. Горнфельду от 13 июня 1929 г.: «Мандельштам 1) не признает компетенции конфл<иктной> комиссии в этом деле, но как будто не отказывается от рассмотрения в специальной комиссии <...> 2) Он не верит в беспристрастие конфл<иктной> комис<сии> и считает ее суждение предрешенным» (РГАЛИ. Ф. 155).

...сообщили уборщице из Цекубу. М. в это время жил в общежитии ЦЕКУБУ, П. Лукницкий записал 18 июня: «О. Э. в ужасном состоянии, ненавидит всех окружающих, озлоблен страшно, без копейки денег и без всякой возможности их достать, голодает в буквальном смысле этого слова. Он живет (отдельно от Н. Я.) в общежитии ЦЕКУБУ, денег не платит,

за ним долг растет, не сегодня-завтра его выселят» (Записи Лукницкого, с. 126).

Письмо 15-ти – в «Лит. газете» от 13 мая, см. примеч. 126.

...присутствовали Олеша, Пастернак и Зелинский. О своем выступлении на этом заседании комиссии Б. Пастернак писал Н. Тихонову 11 июня 1929 г., см.: Лит. наследство. М., 1983. Т. 93. С. 679.

Шойхет, Зонин и Колесников. См. заявление 22.

История с М<айн>-Р<идом> – см. письма 120, 122.

Сегодня или завтра постановление будет сформулировано. В понедельник появится в «Литгазете». Постановление опубликовано не было, оно обсуждалось на заседании Исполбюро 13 июня, было вынесено решение: «Постановление принять к сведению. Опубликование считать излишним». Второй пункт повестки дня – «Об обязанности Конфликтной комиссии рассматривать конфликты по заявлению Литгазеты» – был решен в пользу Мандельштама: «Считать, что Конфликтная комиссия рассматривает дела в двух случаях, или по заявлению сторон, или по постановлению Исполбюро» (ИМЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 35).

Всё дело находится в бюро расследований «Комсомольской Правды» как травля ЗИФом работника. Заявление «Комсомольской правды» (и РАПП) о «деле Мандельштама» рассматривалось на Исполбюро ФОСП 5 августа (Там же. Л. 35).

...чудовищное письмо Заславского. Д. Заславский в письме от 4 июня 1929 г. сообщал А. Горнфельду: «Я написал резкий ответ «Комс<омольской> Правде», который, вероятно, не будет напечатан» (РГАЛИ. Ф. 155). Текст этого «ответа» не обнаружен.

Нейштадт Владимир Ильич (1898–1959) – поэт и переводчик, был знаком с М. по участию в работе Московского лингвистического кружка (см. примеч. 45).

131. Н. Е. Мандельштам

Три письма. Почтовая карточка (АЕМ), печ. по этому источнику. Штемпели: Москва 17.06.29; Гнивань 19.06.29.

Гнивань – железнодорожная станция вблизи Винницы, в поселке недалеко от Гнивани Тата вместе с бабушкой отдыхала летом.

Мы с Надей тоже едем на юг. О поездке Мандельштамов на юг в этом году сведений не имеется.

132. В. М. Саянову

Отрывок: Звезда. 1971. № 1. С. 214 (в статье Д. Хренкова «Страницы из жизни Виссариона Саянова»); полностью: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980, С. 254–256 (публ. С. С. Гречишкина). Машинопись на бланке редакции газеты «Московский комсомолец», подпись – автограф (ИРЛИ). Печ. по этому источнику.

О работе М. в газете см.: *38*. На письмо Саянов ответил: «Дорогой Осип Эмильевич! На днях напишу Вам подробней. Пока же ограничусь уведомлением о том, что письмо мною получено и что принципиально я согласен содействовать привлечению литературной молодежи Ленинграда к сотрудничеству в “Московском Комсомольце”» (черновик, РГАЛИ. Ф. 1334. Оп. 2. Ед. хр. 317).

Саянов Виссарион Михайлович (1903–1959) – поэт, литературный критик.

Тихонов – Николай Семенович, см. примеч. 187.

...издательства «Рабочая Москва». Газета «Московский комсомолец» организационно относилась к этому издательству.

133. Открытое письмо советским писателям

ВРСХД. 1977. № 120. Поздняя машинописная копия (АМ), печ. по этому источнику. Там же еще один фрагмент черновика, сохранившийся в виде машинописной копии:

[.....] пройти мимо подобной гнусности. Неужели вы могли подумать, что я буду дальше разгуливать с этим пятном в вашей среде только потому, что зачинщики травли оставили меня в покое?

Если бы вы потрудились меня запросить, вы бы узнали о грязных махинациях издательства ЗИФ, о чиновниках-лжесвидетелях, исполнявших волю начальства, о том, как Федерация писателей, то есть вы сами, длительно и упорно подготовляла против меня уголовный процесс, покрывая негодяя Заславского, и получила пощечину от Губсуда и от Верховного Суда республики; вы бы узнали о жалкой роли 15 писателей, тихонечко и «на всякий случай» отступившихся от этого чудовищного дела.

Я удивляюсь, как вы терпели меня столько лет в своей среде. Очевидно, это было недоразумением. Я спрашиваю в

упор: за кого вы меня принимали? Какая цена вашим рукопожатиям?

Теперь я с горечью оглядываюсь на весь свой жизненный путь. Собачий юбилей был мне наградой. Какой пример уважения к труду и к личности работника даете вы, писатели, нашей стране? Не в том беда, что вы надвое преломили мою жизнь, варварски разрушили мою работу, отравили мой воздух и мой хлеб, а в том, что вы умудрились этого не заметить.

Я договариваю за вас: я делаю то, что вы поленились или побоялись сделать. Больше вам не придется «защищать достоинство советской литературы от Мандельштама» (подлинное выражение из всесоюзной писательской грамоты, изготовленной в Доме Герцена)[.....] (опубл.: ВРСХД 1977. № 120).

* * *

Мотивы письма повторяются в «Четвертой прозе».

Когда издательство, внезапно меняя точку зрения на свой договор... К этому месту в машинописной копии письма имеется примечание Н. М.: «Трудовой договор на редактуру толковался Зифом как подрядческий и на судах, и в Фоспе. Тот же Зиф пытался утверждать, что, когда в советском договоре пишется: “редактор”, следует читать: “переводчик”».

Рогачевские с мочалкой. М. имеет в виду литературного критика Львова-Рогачевского Василия Львовича (1873–1930), который входил в состав конфликтной комиссии ФОСП по делу Мандельштама – Заславского.

3) Абсурдное обвинение Исполбюро... Вероятна описка, при правильном: ...абсурдное постановление Исполбюро...

В августе Федерация объявляет печатно о пересмотре дела. Сообщение об этом было дано в «Литературной газете»: «Делегация РАППа внесла в исполбюро Федерации заявление о необходимости пересмотра решения конфликтной комиссии по делу тт. О. Мандельштама – Д. Заславского. Исполбюро ФОСП, не входя в рассмотрение вопроса по существу, ввиду наличия формальных мотивов для пересмотра дела (участие в прежнем составе комиссии представителей заинтересованной стороны и т. д.), постановило выделить новый состав комиссии, которая завтра вторично разберет дело» (1929. 26 авг. С. 3).

...«комиссией для разбора обвинений, предъявленных Мандельштаму “Литгазетой”». Заседания комиссии состо-

ялись 2 и 16 декабря, решение комиссии сохранилось в фонде А. Г. Горнфельда, при письме его корреспондента А. Б. Дермана от 31 декабря 1929 г. (РГАЛИ).

В гражданских камерах Губсуда и Верх<овного> Суда издательство всеми способами добивалось моего привлечения по 177 ст. Уг<оловного> Код<екса>, ссылаясь как на главный аргумент на статью «Литгазеты» и на решение ФОСПа от 21-го июня. На судах дело сорвалось, и поведение «Литгазеты» было заклеймено особым пунктом в решении Верх<овного> Суда. 177 статья Уголовного кодекса – нарушение закона об авторском праве. О рассмотрении дела Верховным судом сведений не получено.

Собачий юбилей был мне наградой. В 1928 г. исполнилось двадцать лет литературной деятельности Мандельштама, началом которой он считал 1908 г. (этим годом помечены самые ранние из его сохранившихся стихотворений).

134. Неустановленному адресату

СС 3. Т. 4. Машинопись (АМ), печ. по этому источнику.

135. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ, на обороте бланка для писем газеты «Рабочая Москва»). Начало письма утрачено.

Дай мне, деточка, горе твое понести. В середине февраля 1930 г. в Киеве умер отец Н. М. – Яков Аркадьевич Хазин.

136. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. (в виде двух отдельных писем). Печ. по автографу (АМ).

У моего Жени – процесса пока нет. Никаких злоупотреблений. Но травля и шельмование грандиозные. <...> Он исключен из Модпика. Без всяких средств. Хочет по врачебной линии, когда всё выяснится. Пошел было в Совкино (его пригласили после начала травли – дружески – демонстративно) – но под чьим-то давлением сняли. Ср. в воспоминаниях Е. Э. Мандельштама: «К концу 1930 года атмосфера в правлении стала невыносима. В жизни Ленинградского отделения ВСЕРОСКОМДРАМа это был тоже тревожный период. Одновременно с расправой, произведенной В. Трониным в центральном аппарате, он решил, пользуясь теми же методами,

заняться нашим отделением. Чтобы обуздать непокорный во многих отношениях филиал, надо было найти способ убрать меня, а сделать это, не дискредитировав меня в глазах авторской общественности, было невозможно. Меня очень любили. Путь для этого был выбран довольно тривиальный, надежный. Неожиданно в наше отделение нагрянула из Москвы большая комиссия. Она перерыла всю документацию и отчетность и распустила слух о каких-то якобы существовавших злоупотреблениях. Работать стало невозможно. <...> Скомпрометировать меня Тронину не удалось. Все мои ближайшие друзья и сотрудники продолжали оставаться на своих местах. <...> Неожиданно судьба помогла мне найти выход. В Ленинграде существовал уже несколько лет профсоюзный горком писателей, объединявший литераторов и занимавшийся охраной их профессиональных интересов, их бытом. Ответственным секретарем горкома был мой друг В. Н. Владимиров-Венцель. Владимиров добился кооптации меня в состав горкома. Мне было предложено руководство и платная работа во вновь создаваемой при горкоме организации – ЛЕНКУБЛИТе. Название это расшифровывается так: Ленинградская комиссия по улучшению быта литераторов» (*27*, с. 167–168).

Григорьева – Наташа, сестра жены Евгения Тани, см. коммент. 74.

Таня – Григорьева, см. коммент. 74.

Лапповцы – члены ЛАПП, Ленинградской ассоциации пролетарских писателей.

В газете положение улучшилось. К этому времени «Московский комсомолец» был закрыт. Возможно, М. имеет в виду «Комсомольскую правду».

Юрасов – неустановленное лицо.

«Комсомолец Востока» – газета (Ташкент, 1926–1934); с 1935 г. выходила под названием «Комсомолец Узбекистана».

Теперь дело «Дрейфуса». Сразу по приезде – вызов на пленум комиссии. «Делом Дрейфуса» М. называет травлю, начатую фельетоном Д. И. Заславского (см. письмо 133 и предшествующие). Далее в тексте речь идет о Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) (см. заявление 23). См. также следующее письмо.

У Березнера на комиссии прорвалось: «Имейте в виду, что фельетон был заказан». Комментарий Н. М.: «О. М.

добился, чтобы “Дело Дрейфуса” (о фельетоне Заславского) разобрали. Согласился на это Березнер, секретарь замоскворецкого райкома» (*28*, с. 179). О том, что «фельетон» (статья Д. И. Заславского) был заказан, см. примеч. 127.

Шифрины – семья Ниссона Абрамовича Шифрина (1892–1961), театрального художника.

Озет – Общество землеустройства трудящихся евреев.

Моргулис – см. примеч. 140.

Асеев, Адуев, Лидин. Асеев Николай Николаевич (1889–1963) – поэт; о его творчестве М. писал в статьях «Литературная Москва», «Буря и натиск» (т. 2 наст. изд.). Адуев Николай Альфредович (наст. фамилия Рабинович, 1895–1950) – писатель-сатирик, автор (совместно с А. Арго) пародии на стихи М. (Россия. 1922. № 3). Лидин Владимир Германович (1894–1979) – писатель; его имя М. упоминал в статье «Литературная Москва. Рождение фабулы» (т. 2 наст. изд.).

Письмо сейчас рассылать нельзя. Речь идет, вероятно, о письме 133.

Шашкова – по-видимому, сотрудница редакции газеты «Комсомольская правда» или журнала «Пятидневка», где после закрытия «Московского комсомольца» М. еще некоторое время работал.

Иваницкий – неустановленное лицо.

...у жены Длигача. Длигач Лев Михайлович (1904–1949) – поэт, журналист, в 20-е гг. жил в Киеве; его жена Дина Бутман – актриса, впоследствии жена В. Н. Яхонтова.

«Пионер» – детский журнал.

137. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). Датируется на основании упоминания о предстоящем посещении амбулатории, см. следующую телеграмму.

Мучили с делом. См. предшествующее письмо.

Рузер (Рузер-Нирова) Нина (Мирра) Александровна (1884–?) в 1930 г. – инструктор отдела печати ЦК ВКП(б), заместитель редактора издательства «Молодая гвардия».

Не было ли связи с Освагом??? Ведь это бред. Указал на феод<осийских> коммунистов. Прочел я ему стихи про Керенского и др., указал ему сам всё неладное в стихах. Осваг (Осведомительное агентство) – информационно-

пропагандистское учреждение при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России. М. был знаком с некоторыми из феодосийских коммунистов, находившимися на нелегальном положении, – И. З. Каменским (Леонид Придорожный), Е. М. Григоруком. По неуточненным сведениям, М. согласился передать письмо кому-то из подпольщиков, в связи с чем был арестован. См. также: Зарубин В. Г. Арест Осипа Мандельштама в Феодосии в 1920 г. // Сохрани мою речь. Вып. 4, ч. 1. М., 2008. С. 133–142). «Стихи про Керенского» – «Когда октябрьский нам готовил временщик...» (1917).

Не позже чем через 10 дней будет созвано заседание для оглашения выводов комиссии. Состоялось ли названное заседание, неизвестно.

...особенно период у белых... М. находился на территории, занятой Добровольческой армией, в 1919–1920 гг.

Иду завтра в амбулаторию. См. следующую телеграмму.

Жалко книги остановившейся. Вероятно, речь идет о «Четвертой прозе», работа над которой была прервана в связи с отъездом Н. М. в Киев на похороны отца (*30*, с. 429).

Апель. И. Аппель работал вместе с Мандельштамом в редакции газеты «Московский комсомолец», через него летом 1929 г. М. передал записку С. И. Липкину: «Уважаемый товарищ Липкин! От И. Аппеля я узнал, что Вы собираетесь в Москву. Милости прошу ко мне. <М.?> Бронная, <?> О. Мандельштам» (не сохранилась, текст восстановлен адресатом по памяти, см.: СС 3. Т. 4. С. 122, 399–400).

Как быть 15-го? 15-е числа месяца – день выплаты аванса.

М<ария?> Ром<ановна> – неустановленное лицо.

Сутырин «пишет» резолюцию. Сутырин Владимир Андреевич (1902–1985) – писатель, драматург, литературный критик, член секретариата ФОСП.

Ich bin arm. См. примеч. «Четвертая проза».

Совсем не обязательно Ташкент. См. письмо 136.

138. Н. Я. Мандельштам

СС 3. Т. 4. Телеграмма (АМ), печ. по этому источнику. Адрес: Киев, Новая, 1, Хазиной.

139. Н. Я. Мандельштам

СС 3. Т. 4. Почтовая карточка (АМ), печ. по этому источнику. Адрес: Киев. Новая ул., д. 1. Датируется по предшествующей телеграмме.

Рассказал секр<етарю> газеты. Место работы М. после «Московского комсомольца» точно не установлено, см. примеч. 136.

140. И. Д. Ханцин

Russian Literature. 1977. Vol. V, iss. 2 (в статье А. Григорьева и Н. Петровой «Мандельштам на пороге 30-х годов»; оригинал воспроизведен фототипически на с. 192). Почтовая карточка (архив В. А. Мануйлова), печ. по этому источнику. Письмо не было отправлено, так как И. Д. Ханцин сама приехала в Старый Петергоф (где в санатории ЦЕКУБУ «Заячий Ремиз» в декабре 1930-го и первую неделю 1931 г. отдыхали Мандельштамы и Мануйлов) как раз после того, как оно было написано (*10*, с. 191, примеч. 18). Пребывание в санатории и дальнейшее устройство после возвращения из Армении – результат усилий Н. И. Бухарина, действовавшего через В. М. Молотова (*29*, с. 110, 168). Там же в санатории Н. М. обратилась с письмом к секретарю Бухарина А. П. Коротковой: «вот уже две недели как мы в Ленинграде, но ничего у нас не выклеилось; Мандельштам постепенно приходил в весеннее состояние, жить было негде, деваться некуда, денег не было. Все попытки самостоятельного устроения рвались, как мыльный пузырь. <...> Мы поночевали по знакомым, и под конец пришлось выметаться. Выхода не было никакого. Пришлось засесть в “бэсте” – в Доме Отдыха Цекубу в Старом Петергофе, куда мы перевели деньги (400 р. Литфонда, которые никак не могли получить наличными). Я совершенно отчаялась, но всё же от Мандельштама пока скрываю безнадежность положения, чтобы он окончательно не развинтился. Срок в Цекубу у нас до 7-го января – после этого пустота <...> Я прилагаю копию письма Молотову и знаю, что единственный исход – это серьезное вмешательство в судьбу Мандельштама» (*10*, с. 184–185).

Иза Давыдовна Ханцин (1899–1985) – пианистка, жена А. О. Моргулиса, адресата мандельштамовских «маргулет». Нотная запись – фраза из Сонаты соль-минор Шумана для фортепьяно – сделана М. по памяти (*10*, с. 189).

Александр Осипович Моргулис (1898–1938, погиб в лагере), он же *старик* (в приписке Н. М.) работал в то время на случайных должностях, позднее – переводчик. См. примеч. к «Маргулетам» в т. 1 наст. изд.

Тереза Давыдовна Ханцин – сестра И. Д. Ханцин, жена профессора-нейрохирурга А. З. Цейтлина; в эти дни гостила в Ленинграде.

Виктор Андроникович Мануйлов (1893–1988) – в это время начинающий филолог, впоследствии профессор ЛГУ. См. также примеч. «Посреди огромных буйволов...» в т. 1 наст. изд.

141. Э. В. Мандельштаму

СС 3. Т. 4. Печ. по автографу (АЕМ).

Содержание письма предполагает ссору М. с младшим братом.

142. Е. Э. Мандельштаму

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ). Записка на обороте перевода неидентифицированного французского текста, озаглавленного «Les trois folles» («Трое сумасшедших»). Предположительно относится к тому времени, когда после отдыха в Старом Петергофе (см. письмо 140) М. с женой жили в Ленинграде, останавливаясь у Е. Э. Мандельштама на Васильевском острове (8-я линия, д. 31, кв. 5).

143. Э. В. Мандельштаму

Переписка семьи. Автограф на отрывном купоне к посылке (АЕМ), печ. по этому источнику. Адрес: Ленинград. Восьмая линия, 31, кв. 5. Штемпель: Москва 20.3.31.

144. Э. В. Мандельштаму

Переписка семьи. На отрывном купоне к посылке, автограф (АЕМ), печ. по этому источнику. В качестве обратного указан адрес А. Э. Мандельштама: Москва, Старосадский пер., д. 10, кв. 3. Штемпель: Москва 10.4.31.

145. Е. Э. Мандельштаму

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ). Конверт, штемпель: Ленинград. 12.V.31 (спешное).

...выплатить 40% за собр<ание> соч<инений>. Речь идет о выплатах за двухтомное собрание сочинений Мандельштама в ГИХЛе, см. заявление 24. Издание не осуществилось.

...работается мне сейчас здорово. Весной 1931 г. М. работал над стихами так называемого «волчьего цикла».

146. Э. В. Мандельштаму

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ).

В письме того же времени Н. М. писала: «Квартирные бои, которые отняли у нас всю энергию и время – вернее, время, потому что приходилось только говорить по телефону и ждать, – подходят к концу. Я боюсь даже говорить о результате, так мечтаю о покое и квартире. Очень я устала, деда, не от Москвы – здесь мне жилось у брата лучше, чем где-либо, а от скитаний и неопределенности. Квартира – это, конечно, чудо, но ведь случаются же иногда чудеса. Правда, деда, случаются? Хочу жить тихо, в своем доме, со своими близкими. Помните, деда, как мы славно жили в Детском? Бывало и холодно, и голодно, а все-таки хорошо. Хоть бы опять вернулось такое время. С мамой моей вы наверное подружитесь – она очень легкий человек, приветливый, добрый. Вот, деда, какая жизнь. Скоро ли мы опять поживем вместе?

Как растет ваш внук и что делает внучка?

Передайте от меня привет Танюшке и скажите, что я ее очень люблю. Танька прелесть – хорошая, и умная, и милая, и славная. Словом, всё хорошее – что можно сказать. Очень бы хотела с ней повидаться, но я не скоро попаду, наверное, в Ленинград, а она и подавно в Москву.

Пишите, деда. Целую вас. Пишите побольше о себе и о своей жизни» (Переписка семьи, с. 80).

Руни – Районное управление народного имущества.

Леля – Элеонора Самойловна Гурвич (1900–1989), художница, жена А. Э. Мандельштама.

Большой цикл лирики – стихи 1931 г.

Сел я еще за прозу. Имеется в виду «Путешествие в Армению».

С 40% лопается. Отказывают... См. предшествующее письмо.

...получив ордер. Квартиру, о которой идет речь, М. не получил.

...как Юрик растет. Юрик – сын Е. Э. Мандельштама, родился 13 сентября 1930 г.

...упроси Женю выхлопотать мне у Старчакова 40%... Старчаков Александр Осипович (1892–1937, расстрелян) – журналист, литературный критик, литературовед, прозаик; в 1931 г. возглавлял Ленинградское отделение ГИХЛа.

147. В. П. Полонскому

Переписка семьи, с. 82 (в примеч.). Печ. по автографу (РГАЛИ).

Вячеслав Павлович Полонский (1886–1932) – литературный критик и журналист; в 1926–1931 гг. – главный редактор «Нового мира». При нем в «Новом мире» (1931, № 3) был напечатан цикл «Армения»; две другие новомировские подборки Мандельштама вышли уже после смерти В. П. Полонского (он умер 24 февраля 1932 г.), но, возможно, были приняты к публикации еще им самим – стихотворения «Довольно кукситься, бумаги в стол засунем...», «О, как мы любим лицемерить...» (1932, № 4); «Рояль», «Там, где купальни, бумагопрядильни...», «Ламарк», «Батюшков» (1932, № 6).

М. А. Зенкевич в конце 1920-х – начале 1930-х гг. был редактором отдела поэзии «Нового мира». См. примеч. 111.

...принято – одно. Это стихотворение даст читателю, с которым я и без того достаточно разобщен, крайне неполное понятие о последних этапах моей лирики, а потому печатать его обособленно я не могу. Это ст-ние – «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» (ниже в цитируемом письме – под названием «Москва»). 11 июля (в оригинале письмо ошибочно помечено 11 июня) М. Зенкевич, выступавший посредником между поэтом и редакцией, писал В. Полонскому: «О. Мандельштам согласен дать в “Новый мир” уже принятую Вами “Москву” с добавлением хотя бы еще одного стихотворения. Он предлагает “Фаэтонщика” – случай, бывший с ним в Шуше, где ему попался какой-то пьяный, напугавший его возница. Мы оба (я и Багрицкий) находим, что стихи, несмотря на несколько мрачный тон, приемлемы, вместе с “Москвой”, разумеется» (РГАЛИ).

148. В. П. Катаеву

СС 3. Т. 4. С. 405 (в примеч.). Печ. по автографу (РГАЛИ). Передавая записку Крученых, М. сопроводил ее следующей

надписью на отдельном листочке: «Сия записка передается в “Музей” А. Е. Крученых. О. Мандельштам».

149. Н. Я. Мандельштам

СС 3. Т. 4. Печ. по автографу (АМ). Записка, переданная в Боткинскую больницу, где находилась на лечении Н. М. На обороте – ответная записка Н. М.

ЗКП – газета «За коммунистическое просвещение» (позднее – «Учительская газета»); в редакции этой газеты некоторое время работала Н. М.

Колесникова – вероятно, Ольга Алексеевна, работала в Госиздате и ГИХЛе (в последнем – заместитель заведующего редакцией).

Ляшкевич Дмитрий Ефимович (1904–1989) – писатель; председатель московского горкома ССП.

Делигенский – врач, лечивший Н. М.

150. Н. Я. Мандельштам

СС 3. Т. 4. Печ. по автографу (АМ). Записка в Боткинскую больницу. Адрес: Корпус 11К имени д-ра Гетье. 2-й этаж, женское терапевтическое, последний по коридору изолятор (у врача Делигенского). На обороте – ответная записка Н. М.

Леля рожает. 21 ноября 1931 г. у Э. С. Гурвич родился сын Александр. 14 декабря А. Э. Мандельштам писал отцу: «Я переживаю сейчас очень тяжелый период жизни, несмотря на радость отцовства. Леля скоро месяц в больнице. У нее воспаление мочевого пузыря – не опасная, но затяжная болезнь, температура не падает. Болезнь требует диетического стола, много денег. Нет домработницы. Есть долги. Изнервничался порядочно, повышалась даже температура. Лелю, по-видимому, на днях отпустят домой. Буду долечивать дома. Что с Татей? Очень прошу тебя писать мне о ходе ее болезни. Маленький Шурик присвоил уже мое имя. Он славный, но худенький и медленно прибавляет в весе. Только сегодня меня с ним познакомили, разрешив мне с ним гулять 15 минут в день. Ося и Надя в Болшеве в Доме отдыха. Комнату им дают одну, 17 м, в неважной квартире и не очень скоро. Он не теряет надежды получить лучшее. В Наде болезнь какая-то сидит, хотя она чувствует себя лучше и температуры нет. Вероятно, ее придется устраивать в специальную клинику, что очень трудно. О тебе не перестаю думать, хотя тебе от этого не легче. Я твердо решил,

несмотря ни на какие обстоятельства, оказывать тебе регулярную небольшую, к сожалению, поддержку. Завтра перевожу 10 рублей, из следующей получки столько же. Жалованье задерживают на 8 дней. Став настоящим отцом семейства, я почувствовал, как я виноват перед тобой. Моя мечта – и думаю, что осуществимая, скопить зимой (буду работать по вечерам и т. д.) деньги, снять дачу для Шурика, Лели и тебя. Прости за сумбурное письмо, пишу в час ночи, надо писать еще в Ростов, Лелиным родным, которым я, кстати, порядочно задолжал. Еще раз, дорогой папа, пиши чаще и не отворачивайся от не очень хорошего, но очень любящего тебя сына» (Переписка семьи, с. 82–83).

Шенгели Георгий Аркадьевич (1894–1956) – поэт и переводчик; приятель М. тех лет. См. примеч. «Кто Маяковского гонитель...» в т. 1.

151. В. Б. Шкловскому

Фрагмент (1) – Памятные книжные даты, 1991. М.: Книга, 1991, С. 139 (публ. А. А. Морозова). Автограф (ИМЛИ). Фрагмент (2) – Вопросы литературы. 1968. № 4. С. 191 (публ. И. Семенко). Автограф (АМ). Печ. по автографам. Датируется по времени появления в печати указанной ниже статьи Шкловского.

Предложение объединить оба фрагмента принадлежало С. В. Василенко, см. его публ. «Восстановленное письмо О. Э. Мандельштама М. С. Шагинян» (Сохрани мою речь. М., 2000. Вып. 3, ч. 1). По его предположению, тема письма была связана с книгой Шагинян «Новый быт и искусство» ([Тифлис], б. г.). Публикатор датировал письмо мартом–апрелем 1933 г.

Мотивы письма указывают на действительного адресата. Это – В. Б. Шкловский. В статье «О людях, которые идут по одной и той же дороге и об этом не знают. Конец барокко», помещенной в номере «Литературной газеты» от 17 июля 1932 г., Шкловский писал: «Мандельштам – огромный поэт, но он для того, чтобы передать вещь, кладет вокруг нее литературные вещи, вытаскивая их из куля, как попутчик Занд. Вещи дребезжат, вещи, как эхо, разнообразно повторяют друг друга. Гнутся своды под барочными украшениями». Эти уподобления М. и парирует во фрагменте (1): «вы начали говорить только о вещах, т. е. о несуществующем в искусстве. <...> То, что вы называете вещью, – ужасная терминология, – давно пора ее в

архив, – применимо лишь к серийному производству ублюдков».

...маленькая книжка – «Путешествие в Армению». Шкловский присутствовал на авторском чтении «Путешествия в Армению» до публикации, 4 июля 1932 г., и писал о своих впечатлениях жене: «Был вчера у Асеева. Мандельштам читал свою прозу. Она очень хороша, но в ней вещи объясняются другими вещами, еще более нарядными. Живое солнце меркнет от лучей нарисованного» (*58*, с. 540–541).

Право смотреть на солнце и на картину – одного порядка, художник, как и всякий, оплачивает его рожденьем и смертью. Этой фразой М. отвечает на выпад Шкловского в указанном выше выступлении в «Литературной газете»: «Разве картины делаются для того, чтобы ими компрометировать солнце? Это вы сами в сетчатом мешке, в клетке, в вольере с сетками. Сетками от вас отделен мир». У Шкловского речь шла о концовке главы «Французы», где М. писал: «Я вышел на улицу из посольства живописи. Сразу после французов солнечный свет показался мне фазой убывающего затмения, а солнце – завернутым в серебряную бумагу. <...> Конец улицы, как будто смятый биноклем, сбился в прищуренный комок, и всё это – отдаленное и липовое – было напихано в веревочную сетку».

152. Е. Э. Мандельштаму

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ).

...тяжелое и несвойственное мне обязательство (3 очерка за 1500 р.) Один из этих очерков – «К проблеме научного стиля Дарвина» – был помещен 21 апреля 1932 г. в газете «За коммунистическое просвещение».

Выехать нечем. Речь идет, вероятно, о предполагавшейся поездке в Ленинград.

От «Нов<ого> Мира» после квартирных 2500... «Квартирными» М. называет деньги, пошедшие на взнос в жилищный писательский кооператив за квартиру в доме в Нащокинском переулке, куда поэт въехал в декабре 1933 или январе 1934 года. Андрей Белый, вступивший в тот же кооператив, в письме к Р. Иванову-Разумнику от 20 апреля 1932 г. называет такую же сумму: «я, независимо от получения квартиры, обязан в 32-ом году выплатить 2300 (не менее) рублей» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ.,

вступит. статья и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. Подготовка текста Т. В. Лавровой, А. В. Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 697, 698 – примеч. 3), см. также цитированное ниже письмо от 24 мая. О ходе строительства дома и взносах в жилищно-строительный кооператив см. письмо Г. А. Санникова Андрею Белому от 14 сент. 1932 г., письмо Андрея Белого Г. А. Санникову от 27 мая 1933 г., заявления Андрея Белого в Совет ФОСПа и в правление РЖСКТ в кн.: Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. 1928–1933. М., 2009. С. 88, 105–106, 200–203.

...я напечатаю еще в больших журналах 5–6 вещей, может быть, мою прозу. Проза – «Путешествие в Армению» – была напечатана в следующем году в журнале «Звезда». Стихи М. печатались в 1932 г. в «Новом мире» (в апрельском и июньском номерах), в «Литературной газете» (23 ноября); предполагалась публикация в журнале «Литературный современник» (анонс в № 1 за 1933 г.). Под прозу М. получил аванс в «Новом мире» 30 сентября 1931 г. (Новый мир. 2008. № 6. С. 145–146, 159. В публ.: Полонский Вяч. Моя борьба на литературном фронте / Подгот. текста и примеч. С. В. Шумихина).

Основной работник по-прежнему Надя. Н. М. работала в это время в газете «За коммунистическое просвещение».

Папа и В<ера> Як<овлевна> живут не «в одной комнате», а в целой квартире, и прекрасной – до 1 окт<ября>. О том, в чьей квартире они жили летом, сведений не получено. Вера Яковлевна Хазина – мать Н. М.

Квартиру получим, очевидно, в ноябре–декабре. Окончание строительства дома в Нащокинском переулке ожидалось в декабре 1932 г., о чем Андрей Белый писал Иванову-Разумнику 24 мая 1932 г.: «мы попали в премированный список (из около 300 кандидатов в первую очередь, т. е. в декабре, получат квартиры 50 человек), но... этот премированный список ложится на нас бременем; до июля надо выплатить 2300 рублей» (Указ. соч. С. 700).

153. Э. В. Мандельштаму

Из писем к родным. Печ. по автографу (АЕМ).

Узкое – санаторий ЦЕКУБУ под Москвой, в котором М. отдыхал около месяца в ноябре 1932 г.

Сельвинский Илья Львович (1899–1968) – поэт. Подписал коллективное письмо в «Литературную газету» в защиту М., см. примеч. 126.

...копаюсь сейчас в естественных науках – в биологии, в теории жизни. Интерес к этим наукам, возникший после знакомства с Б. С. Кузиным (см. письмо 154), отразился в писавшихся в этот год «Путешествии в Армению» и стихах этих лет.

...пустили жить у себя Клычкова. Клычков (Лешенков) Сергей Антонович (1889–1937) – поэт, ему посвящены ст-ния «Там, где купальни-бумагопрядильни...» и «Полюбил я лес прекрасный...» (1932).

Теперь говорят, что въедем в апреле, в мае. Ордер на вселение в двухкомнатную квартиру в Нащокинском переулке (ул. Фурманова), д. 5, кв. 26 был получен только в июле–августе, окончательный переезд состоялся в конце 1933 г., см. письмо 159.

...с неизбежной помощью сверху. – Намек на содействие Н. И. Бухарина.

В декабре я имел два публичных выступления. Первое из этих выступлений состоялось 10 ноября (а не в декабре, как пишет Мандельштам) 1932 г. в редакции «Литературной газеты». Н. И. Харджиев писал о нем Б. М. Эйхенбауму: «Зрелище было величественное. Мандельштам, седобородый патриарх, шаманил в продолжение двух с пол<овиной> часов. Он прочел все свои стихи (последних двух лет) – в хронологическом порядке! Это были такие страшные заклинания, что многие испугались. Испугался даже Пастернак, пролепетавший: "Я завидую Вашей свободе. Для меня Вы новый Хлебников. И такой же чужой. Мне нужна несвобода"» (цитируется по: Эйхенбаум Б. М. О литературе. М., 1987. С. 532, в примеч. Е. А. Тоддеса). Сообщение о втором выступлении появилось в литературной хронике газеты «Вечерняя Москва» 21 декабря 1932 г.: «ГИХЛ приняло к печати новый сборник стихотворений Осипа Мандельштама. В ближайшие дни издательство устраивает публичную читку последних произведений поэта».

...лишь несколько вещей напечатаны в «Литгазете». 23 ноября 1932 г. в газете была опубликована подборка ст-ний: «Ленинград», «Полночь в Москве» и «К немецкой речи», а 11 ноября 1932 г., на следующий день после выступления М., в той же газете появилась статья А. Селивановского «Разговор

о поэзии», в которой среди тех, кому «надо помогать», назван и «старик» О. Мандельштам.

...я продал мои книги в ГИХЛ. В авторской карточке Мандельштама в ГИХЛе значатся договоры № 243 от 8 сентября 1932 г. на книгу «Стихи» и № 313 от 31 января 1933 г. на книгу «Избранное» (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 5287. Л. 37 об.).

...ко мне обратился некий импресарио... с предложением моего вечера в Политехническом музее и повторением в Ленинграде. Импресарио – П. И Лавут, организатор турне и вечеров В. В. Маяковского и др. поэтов; два вечера М. в Ленинграде состоялись 22 февраля и 2 марта 1933 г. (в Капелле и в Доме печати), еще два вечера прошли в Москве 14 марта и 3 апреля – в Политехническом музее (вступительное слово произнес Б. М. Эйхенбаум) и в Клубе художников.

154. М. С. Шагинян

Отрывок – БП, с. 294; полностью – ВИЕТ. 1987. № 3. С. 131–132 (публ. П. Нерлера). Рукопись – семейный архив М. С. Шагинян, печ. по этому источнику. Основной текст и дата – рукой Н. М., подпись и следующая за нею фраза – рукой М. Черновой автограф (АМ).

Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982) – писательница; знакомство с ней у М. велось с 1910-х гг.

Эта вещь, которую я вам посылаю и хочу, чтобы вы прочли, еще не напечатана (будет в «Звезде» и в Ленингр. изд<ательстве>). Экземпляр «Путешествия в Армению» в архиве М. Шагинян не обнаружен; публикация осуществилась приблизительно в то же время в журнале «Звезда» (1933. № 5). В Издательстве писателей в Ленинграде (членом правления которого была М. С. Шагинян) книга была доведена до третьей корректуры, датируемой 31 июля 1933 г. по экземпляру из собрания Б. И. Соловьева в библиотеке РГАЛИ.

...но случилось так, что эта вещь – эта рукопись – уже работает и дышит, как живой человек, отвечает, как живая за живых, и вместе с ними борется. Например, в рукописи «Путешествие в Армению» было известно В. Б. Шкловскому, которому принадлежал и печатный отклик на еще не опубликованную «вещь» (см. примеч. 151).

Помните, в Эривани я брал у вас томик Гете, и читали статейку в ЗКП, где я поклонился и от вас, и от себя «живой» природе? Речь идет об очерке «К проблеме научного стиля

Дарвина» в газете «За коммунистическое просвещение» (1932. 21 апр.). О встречах М. с Мариэттой Шагинян в Армении других сведений не имеется.

Яков Самсонович Хачатрянц (1894–1960) – писатель и переводчик, муж М. С. Шагинян, сопровождал М. в поездке к храму Аван в Армении, см. фото: СС 3. Т. 3, с. 467.

Каково же бывает, когда человек, враждующий с постылым меловым молоком полуреальности, объявляется врагом действительности как таковой? Так случилось с моим другом – Борисом Сергеевичем Кузиным – московским зоологом и ревнителем биологии. Личностью его пропитана и моя новенькая проза, и весь последний период моей работы. Б. С. Кузин находился в это время под арестом. О нем см. «Путешествие в Армению», «Ламарк», «К немецкой речи» в т. 2 и 1 наст. изд. М. познакомился с Кузиным в Ереване (*16а*, с. 153 и след.). В «Путешествии в Армению» М. пишет о Кузине и обращается к нему с прямой речью. Н. М. писала: «Кузина “таскали” еще до нашего с ним знакомства в связи с делами биологов. Попался он в первый раз из-за каких-то своих шуточных стихов, которые тщательно от нас скрывал. Его вызывали на какие-то частные квартиры, где в отдельной, специально для этого закрепленной комнате сидел следователь и вербовал стукачей. Сел же он в первый раз еще в 32 году, а потом был взят вторично в один день с биологом Вермелем – оба они числились неоламаркистами и были уже изгнаны из Тимирязевки» (*29*, с. 35). В заключении он оставался около двух месяцев, а освобождением был обязан «знакомому... чекисту, увлекавшемуся энтомологией» (*29*, с. 38). После освобождения Кузина Мандельштамы увезли его на отдых в Старый Крым.

Энтелехия (термин Аристотеля) в виталистической философии – нематериальное жизненное начало, направляющее развитие организмов; телеологическое понятие (телеологией как термином М. неоднократно пользуется в «Пушкине и Скрябине» и статьях 1920-х гг.). В рукописи слово записано Н. М. с искажением.

У нас между наукой и поэзией пошлейшее разделение труда. (Хороша была смычка у Леонова в «Скутаревском».) Речь идет о романе Л. Леонова *«Скутаревский»* (1932), героем которого был видный ученый-физик. На роман откликнулся рецензией Г. В. Адамович: Собрание сочинений: Литературные заметки. СПб., 2007. Кн. 2. С. 167–174.

155. Е. Э. Мандельштаму и Т. Г. Григорьевой

Переписка семьи. Автограф (до слов «Во-вторых – летом» – рукой Н. М.) – АЕМ, печ. по этому источнику. Датируется по хронологическим ориентирам в тексте.

Оргкомитет – Организационный комитет Союза советских писателей.

Свирин Николай Григорьевич (1900–1937) – один из организаторов Литературного объединения Красной Армии и Флота (ЛОКАФ), с 1932 г. – секретарь оргкомитета Ленинградского отделения Союза писателей.

Наташе привет! Наташа – Н. Г. Григорьева, сестра жены Е. Э. Мандельштама, см. примеч. 74.

156. Э. В. Мандельштаму

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ). Датируется по времени приезда Мандельштамов в Старый Крым – 12 апреля, одновременно с Н. Н. Грин (об этом Н. М. писала Л. Е. Пинскому в 1966 г., см.: Слово и судьба: Осип Мандельштам: Исслед. и материалы. М., 1991. С. 151). Архивные сведения о дате см. в домовой книге Гринов: РГАЛИ. Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 4 об.

В первой половине апреля Н. М. писала: «Слушайте, дед. На днях вам позвонит по телефону Илья Александрович Груздев (если уже не позвонил) и вручит вам нечто приятное. Запрячьте этот дар в тайный карман и никому не отдавайте. Дело в том, что наши ресурсы кончаются. На последние деньги мы уедем, должно быть, отдохнуть, и до лета, когда вы поедете в дом отдыха, – у нас всё будет скрипеть. На Шуру не рассчитывайте – нам всё время приходится ему помогать» (Переписка семьи, с. 86–87).

Груздев – Илья Александрович, см. примеч. 77. Об отношении его к М. говорит дарственная надпись на книге «Горький» (Л., 1933): «Осипу Эмильевичу Мандельштаму, первому поэту, автору прекраснейшего эпоса – на отповедь, а, может быть, и на сочувствие от Ильи Груздева. 5/IV–33 г.» (*56в*, с. 236).

Хотя ты окружен домашними врачами. М. прежде всего имеет в виду брата Евгения, получившего незаконченное высшее медицинское образование.

На эту тему я подробно писал Жене. См. письмо 155.

157. Э. В. Мандельштаму

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ). Конец письма утрачен. Датируется по сведениям из писем А. Э. Мандельштама к отцу (Переписка семьи. С. 89–90).

Варковицкая – см. примеч. 116.

Лаганский Еремей Миронович (1887–1942) – журналист.

158. В Издательство писателей в Ленинграде

Слово и культура. М., 1987. С. 291–292 (в примеч.). Печ. по автографу (РГБ. Ф. 729. Карт. 6. Ед. хр. 15). «Разговор о Данте» был написан весной и летом 1933 г. в Старом Крыму и Коктебеле. Помимо Издательства писателей в Ленинграде, М. предлагал свою работу в Госиздат, где она также была отвергнута (*9а*, с. 44).

159. Э. В. Мандельштаму

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ).

В начале декабря мы переезжаем на свою квартиру... По воспоминиям Н. М., Мандельштамы переехали в новую квартиру в июле 1933 г. (*30*, с. 339); в октябре в этой квартире побывал М. В. Талов (Мандельштамовские материалы в архиве М. В. Талова / Публ. М. Таловой, А. Чулковой. Предисл., коммент. Л. Видгофа // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 333). Вероятно, в эти месяцы дом еще не был сдан и велась его достройка; окончательный переезд состоялся, по-видимому, в декабре.

Надя опять хворает. Н. М. в середине ноября 1933 г. находилась на лечении в Кремлевской больнице.

...начал снова писать. В ноябре 1933 г. Мандельштам работал над циклом «Восьмистишия» и переводил сонеты Петрарки.

...возобновим старую детскосельскую жизнь. Н. М. подразумевает лето 1926 г., когда Мандельштамы вместе с отцом жили в Китайской деревне.

160. В. Д. Бонч-Бруевичу

Память: Исторический сб. Париж, 1979. Вып. 2. С. 435–436 (публ. И. Флаттерова); Вопросы литературы. 1988. № 3. С. 278 (в статье С. В. Шумихина «Судьба архива О. Э. Мандельштама»). Печ. по автографу (РГБ. Ф. 369. Карт. 299. Ед. хр. 16). Адресация

рукой Н. М.: т. В. Д. Бонч-Бруевичу от О. Э. Мандельштама. Помета В. Д. Бонч-Бруевича: Мой архив.

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873–1955) – государственный и партийный деятель, литератор, историк; организатор и первый директор Государственного литературного музея. О телефонном разговоре М. с ним дает представление ответное (27 апреля) письмо Бонч-Бруевича: «Вы совершенно неправильно истолковали мой разговор с Вами по телефону. Разговор этот должен быть подразделен на две части: первая часть – когда мы говорили с Вами о Музее, и Вы, вероятно, запамятовали, что когда Вы не согласились с нашей оценкой и стали говорить, что Вы не можете, чтобы Вас оценивали таким масштабом, как Вас оценил Музей, то я Вам сказал: позвольте мне как Вашему читателю, а не как директору Музея, сказать о масштабах, которые Вы прилагаете к себе. И я сказал Вам мою точку зрения, изучавшего русскую поэзию с самых первых времен ее возникновения по сей день. Вы, вероятно, знаете, что я когда-то выпустил 5 изданий моей довольно известной антологии под названием «Избранные произведения русской поэзии», к сожалению, страшно исковерканные царской цензурой, где мною были объединены произведения русской поэзии на гражданские мотивы. Я сказал Вам, что оцениваю Вас совсем не тем масштабом, который Вы к себе прилагаете. Это мое право как Вашего усердного читателя, и думаю, что с этой моей оценкой согласны большинство Ваших читателей, что мне неоднократно приходилось выяснить в беседе с Вашими читателями и с товарищами по экспертной комиссии. Конечно, Вы можете не соглашаться с моей оценкой Вас, но думаю, что переоценка себя свойственна многим писателям нашего времени, и в частности поэтам. Мы все Вас любим и уважаем, но никак не можем ставить Вас на одну доску с классиками нашей поэзии. <...> Я просил бы Вас не счесть за обиду ни мой разговор с Вами по телефону, ни это мое письмо к Вам и твердо знать, что Ваши автографы мы хотели бы иметь в нашем Музее» (РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 1350. Л. 3–3 об.).

Литературный музей Наркомпроса (Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики, позднее – Государственный литературный музей) был образован 3 июля 1933 г. Сохранился заполненный М. сопроводительный бланк к представленным им архивным материалам (слова, вписанные М., выделены курсивом): «ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Я, нижеподписавшийся *Осип Эмильевич Мандельштам*; подроб-

ный адрес: *Нащокин<ский> пер., д. 5, кв. 26, телефон 5-42-92*; предлагаю Центральному музею художественной литературы, критики и публицистики к приобретению: *имеющиеся у меня архивные материалы* <...> Подпись: *О. Э. Мандельштам. 3 марта 1934 г.*» (РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 3531). Тот раздел бланка, в котором предлагалось оценить стоимость архива или же оставить оценку на усмотрение Фондовой комиссии, помет М. не содержит. Опись представленных поэтом материалов не сохранилась. Из протокола комиссии экспертов по приобретению фондов (от 16 марта 1934 г.) известна только цена, предложенная Музеем за архив: 500 рублей.

Тем же днем, что и письмо М., датирована доверенность: «В Литературный музей Наркомпроса. Отказываясь от передачи в Литмузей моих рукописей, доверяю жене моей, Надежде Яковлевне Мандельштам, получить обратно предложенные мною в Литмузей, согласно описи, материалы. О. Э. Мандельштам. 21 марта 1934 г.» (РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 1516). Эпизод с несостоявшейся продажей архива нашел отражение в эпиграмме М. «На берегу Эгейских вод...». См. также: *9а*, с. 44.

1934–1938

161. Е. Я. Хазину

СС 3. Т. 4. Телеграмма (АМ), печ. по этому источнику. Адрес: Москва, Страстной <бульвар>, 6. Хазину (на бланке телеграммы указан и второй адрес: Нащокинский <пер.>, 5).

В начале 10-х чисел июня 1934 г. ссылка в Чердынь была заменена Мандельштаму на высылку из Москвы, с разрешением на выбор места жительства. Выбор пал на Воронеж. 13 июня Е. Я. Хазин телеграфировал Мандельштамам из Москвы: «Обеспокоен отсутствием телеграмм замена подтверждена» (АМ). Мандельштамы выехали из Чердыни не ранее 15 июня.

162. В. Я. Хазиной и А. Э. Мандельштаму

СС 3. Т. 4. Телеграмма (АМ), печ. по этому источнику. Адрес: Москва, Пречистенка, Нащокинский 5. Хазиной, Мандельштаму.

В телеграмме речь идет, вероятно, о переводе денег от А. Э. Мандельштама: 6 июля он писал отцу о том, что вышлет деньги Мандельштаму 14 или 20 июля (Переписка семьи, с. 92–93).

163. Э. В. Мандельштаму

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ). Датируется по указанию в письме о поездке на открытие деревенского театра.

Комната у меня большая, хорошая. В это время Мандельштамы снимали комнату по адресу: Линейная ул., д. 1.

Я занимаюсь литературной консультацией. М. вел литературную консультацию в журнале «Подъем» (по письму П. И. Калецкого к М. А. Гецову от 18 января 1935, см.: Нерлер П. Павел Калецкий и Осип Мандельштам // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 67–68).

На днях вместе с группой делегатов и редактором областной газеты я ездил за 12 часов в совхоз на открытие деревенского театра. «Деревенский театр» был открыт в Воробьевке, районном центре Воронежской обл., 26 ноября 1934 г. Событие освещалось газетой «Коммуна» 17, 23, 26, 29 ноября. О том, что М. ездил в Воробьевку, свидетельствует также письмо М. И. Генкина к П. Ф. Юдину от 13 декабря 1934 г. (Лит. обозрение. 1991. № 1. С. 92, публ. П. Нерлера). Упомянутый редактор областной газеты – Александр Владимирович Швер (1898–1938, расстрелян).

Мы ходим обедать в отличную столовую газеты Коммуна. М. И. Генкин в указанном выше письме отмечал: «Жилищные условия поэта вполне удовлетворительны, комната большая, светлая. Он прикреплен к столовой издательства "Коммуна", где получает диетическое питание. Настроение у Мандельштама хорошее, он считает, что воронежские организации подошли к нему чутко и помогут ему выправить сделанные ошибки».

Надя делает перевод для Москвы, а я готовлюсь писать прозу на новом материале. Договор на перевод книги В. Маргерита «Вавилон» Н. М. подписала во время своей поездки в Москву в сентябре, книга вышла в 1935 г. «Проза на новом материале» – книга «Старый и новый Воронеж», договор на которую М. заключил через месяц с кооперативным издательством «Советский писатель» (см. также примеч. 167).

Надя сейчас не хворает, но очень худа. 8 сентября 1934 г. А. Э. Мандельштам писал отцу: «Надя снова болела колитом-дизентерией. Лежала в больнице. Сейчас поправляется» (Переписка семьи, с. 93).

164. Н. Я. Мандельштам

ВРСХД. 1977. № 120. Печ. по автографу (АМ). Датируется по сведениям из письма Рудакова к жене (см. ниже). В этой и следующих поездках Н. М. пыталась заключить договоры на переводы иностранных авторов с издательствами.

Вот доверенность. Доверенность не выявлена.

Ну я работаю Мопассана очень сильно. Речь идет о переводе повести Мопассана «Иветта». 3 марта 1935 г. О. Э. и Н. Я. Мандельштамы заключили договор с ГИХЛом на перевод сб-ка «Иветта» для планировавшегося изд-вом Собрания сочинений Мопассана (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 95–96). 7 апреля 1935 г. С. Б. Рудаков писал жене о Мандельштаме: «То ругает, то хвалит Иветту – и страшно гладко и быстро ее переводит, но скоро утомляется» (Письма Рудакова, с. 35). Перевод издан не был; пять новелл из сб. «Иветта» были опубликованы (по выходным данным – в переводе Н. М.) в составе V тома Полного собрания сочинений Мопассана (М.: ГИХЛ, 1946).

165. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3 (в виде двух отдельных писем). Печ. по автографу (АМ). К письму приложены автографы ст-ний: «Мне кажется, мы говорить должны...», «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...» (ранняя редакция), «Идут года железными полками...», «Еще мы жизнью полны в высшей мере...»; на отдельном листе записано ст-ние «Мир должно в черном теле брать...». Датируется по упоминанию о создании ст-ния *«Стрижка детей»* («Еще мы жизнью полны в высшей мере...»), в автографе датированном 25-м мая.

Стоичев (Стойичев, Стойчев) Стефан Николаевич (1891–1938, расстрелян) – в то время председатель Воронежского отделения Союза писателей, член редколлегии воронежского журнала «Подъем». С 1933 г. – директор Воронежского пединститута, заведующий кафедрой литературы.

Ай радио запущено. Помоги. Дай материалы: к Шервинскому (молодость Гете). Речь идет о материалах к радиокомпозиции «Молодость Гете» (см. в наст. томе) для воронежского облрадиокомитета. Шервинский Сергей Васильевич (1892–1991) – переводчик. Участвовал в подготовке Юбилейного Собрания сочинений Гете, его переводы из этого издания М. использовал в радиокомпозиции. О знакомстве с ним см. примеч. «Знакомства нашего на склоне...» (1934).

Так еще не ехал никто. Поездка А. Ахматовой к Мандельштаму состоялась только в феврале 1936 г.

166. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). Датируется по сведениям из письма Рудакова от 3 июня 1935 г. об окончании работы и «добавочных» стихотворениях: «Вечером вчера диктовали машинистке его стихи – это способ подчеркнуть, что стихи кончены <...> Отпечатана тетрадочка: “О. М. Одиннадцать стихотворений. Воронеж 1935” + три вещи отдельно» (Письма Рудакова, с. 60).

Посылаю исправленные стихи... Приложенные к письму стихи не сохранились.

«Каменноугольный – добровольный» – рифмовые слова из ст-ния «Мир начинался страшен и велик...».

Плоткин Лев Абрамович (1905/1906–1978) – литературовед, доцент Воронежского пединститута; в 1935–1936 гг. член редколлегии воронежского журнала «Подъем». С 1938 г. – зам. директора ИРЛИ.

«Желéзясь» – рифмовое слово из ст-ния «Идут года железными полками...».

167. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

В «Подъем» сдал то, что на машинке. Ср. в письме Рудакова от 3 июня: «Вечером вчера диктовали машинистке его стихи... Отпечатана тетрадочка “О. М. Одиннадцать стихотворений. Воронеж 1935” + 3 вещи отдельно» (Письма Рудакова, с. 60). Стихи в «Подъеме» напечатаны не были.

Поступать ли на службу в библиотеку? Речь идет, вероятно, о библиотеке Воронежского университета. Других сведений об этом замысле М. не имеется.

«Железо» – ст-ние «Идут года железными полками...».

Передай стихи, между прочим, Левину. Скажи ему: нельзя честно писать прозу в моем теперешнем воронежском положении. Левин Федор Маркович (1901–1972) – писатель, в то время директор и главный редактор изд-ва «Советский писатель», с которым М. заключил 5 января 1935 г. договор на книгу «Старый и новый Воронеж» (АМ); книга написана не была.

...предлагаю принять командировку... на Урал по старому маршруту. Напишу замечательную книгу (по старому договору). М. имеет в виду маршрут Москва – Свердловск – Пермь – Чердынь, по которому в конце мая – начале июня 1934 г. его под конвоем доставили к месту ссылки. «Старый договор» – от 5 января 1935 г. (см. выше). По этому договору срок представления рукописи истекал 1 августа 1935 г.

168–169. С. Б. Рудакову

Письма и записки Рудакову. Печ. по автографам (ИРЛИ).

Рудаков Сергей Борисович (1909–1944) – литературовед. В воронежской ссылке (март 1935 г. – июль 1936 г.) близко общался с М., работая над комментарием к его стихам (см.: Письма Рудакова, с. 7–31). Обе записки были вложены в письмо Рудакова к жене от 7 июня 1935 г. со следующим пояснением на обороте: «Это записки, которые я застаю приколотыми к его двери». Даты на записках проставлены С. Б. Рудаковым.

170. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). Датируется по содержанию предшествующих записок от 6 и 7 июня.

Стоичев – см. примеч. 165.

Марченко Дмитрий Антонович (?–1937, расстрелян) – секретарь парторганизации Союза советских писателей. В 1936 г. «снят с должности» (Власть и художественная интеллигенция: Документы, 1917–1953. М., 1999. С. 319).

Глауберман Семен Борисович (1897–1971) – врач-отоларинголог. О нем см. публ. А. Глаубермана: Сохрани мою речь. М., 2008. Вып. 4, ч. 1. С. 159–164.

171. С. Б. Рудакову

Письма и записки Рудакову. Печ. по автографу (ИРЛИ).

Записка в инфекционную больницу, где С. Б. Рудаков находился со скарлатиной.

Троша – рабочий-комсомолец, сосед Рудакова по городской комнате.

Лина (Полина) *Самойловна* Финкельштейн (?–1977) – жена С. Б. Рудакова.

Сестры Рудакова – Людмила и Алла, жили в ссылке в Саратове.

172. С. Б. Рудакову

Письма и записки Рудакову. Печ. по автографу (ИРЛИ). Датируется по письму П. С. Финкельштейн Рудакову, в котором она сообщала о несостоявшемся 30 ноября телефонном разговоре (ИРЛИ). Написано в инфекционную больницу (см. предшествующее примеч.).

Колли (Николай Григорьевич?) – воронежский фотограф; в ноябре и начале декабря 1935 г. фотографировал Мандельштама. 2 декабря Рудаков сообщал жене: «Колли снял меня и, говорят, вышло очень здорово» (Письма Рудакова, с. 117).

Стефа – медсестра в больнице. В письме от 9 декабря Н. М. писала Рудакову: «Слушайте, Трошину сестру надо устроить “по медицине” (сиделкой). Я хочу устроить это через Стефу. Уговорите его (Трошу. – *А. М.*) к нам зайти» (Письма Рудакова, с. 117).

Богомолов Леонид Иванович – врач, знакомый Рудакова.

173. С. Б. Рудакову

Письма и записки Рудакову. Печ. по автографу (ИРЛИ). Записка в больницу (см. примеч. 171).

А я в театр хожу на репетиции. С 10 октября 1935 г. Мандельштам заведовал литературной частью воронежского Большого Советского театра; был уволен из театра 1 августа 1936 г.

Горького ставим. В это время театр ставил пьесу Горького «Враги».

174. С. Б. Рудакову

Письма и записки Рудакову. Печ. по автографу (ИРЛИ). Записка в больницу (см. примеч. 171).

Затеял ехать на месяц в санаторий... В нервный в Тамбове не хочу. Выбрал Липецк общий. М. уехал всё же в санаторий в Тамбове (около 23 декабря, см. следующее письмо).

Получил письмецо от Эйхенбаума, который остановился в Москве у нас. Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959) – литературовед. Высокую оценку поэзии М. дал в работе «Анна Ахматова» (1923); подписал коллективное письмо в защиту М. (см. примеч. 128); вел творческий вечер М. в 1932 г. (см. примеч. 153). Наезжая из Ленинграда в Москву по делам редак-

тируемого им издания сочинений Лермонтова (М.: Academia, 1936–1937), иногда останавливался в квартире Мандельштама в Нащокинском переулке.

Надя везет в Москву все воронежские стихи. Н. М. уехала в Москву 15 ноября.

Концерт был хороший. Виолончель – Цомык. Цомык Герц Давидович (1914–1981) – виолончелист; в 1933 г. получил первую премию на Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей.

175. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). На конверте: Спешное. Москва, Пречистенка, Нащокин<ский> пер., д. 5, кв. 26, Надежде Яковлевне Мандельштам. Отпр<авитель>: О. Э. Мандельштам, г. Тамбов, Санаторий (Набережная, 9). Штемпели: Тамбов 26.XII.35; Москва 28. XII.35.

...как отвечает Союз, т. е. ЦК партии, на мои стихи, на письмо. Для этого достаточно разговора с Щербаковым. Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945) – советский партийный и государственный деятель, в 1934–1936 гг. – секретарь ССП. Конкретного ответа на свои обращения М. не получил. О разговоре со Щербаковым Н. М. писала: «Когда я в первый раз к нему пришла, мы оба несколько минут молчали. Я хотела, чтобы заговорил он; из этого ничего не вышло, потому что сановник предоставлял просительнице возможность изложить свою просьбу... Я поставила перед ним вопрос о печатании, хотя заранее знала, что все эти попытки обречены на полную неудачу. Он объяснил мне, что единственным критерием для печатания литературных произведений является их качество; стихи Мандельштама, очевидно, не выдерживают этой пробы, раз их не печатают. То же самое, но с менее выработанными интонациями повторил Марченко» (*29*, с. 131–132).

Не морочит ли тебя Детгиз? Куда девалось предложение Эфроса? В обоих случаях речь идет о получении работы, конкретное содержание этих планов и предложения Эфроса неизвестно. В письме, датируемом нами 5–7 мая 1935 г., Е. Я. Хазин писал сестре: «Пора тебе быть в Москве. Во-первых, работа. Эфрос в Москве. Луппол приезжает к 20-му. Думаю, что и без Луппола можно говорить в Гихле. Кстати: вы сдали Мопассана? Затем, Викт. Бор. <Шкловский> хотел возобновить разговоры, которые были весной» (АМ). Смысл цитированного места в

письме Мандельштама Н. М. в 1970-е гг. понимала неверно, что отразилось в ее комментарии: «Эфрос предлагал написать Сталину. Без Пастернака было нельзя. Пастернак отказался» (*28*, с. 179). Эфрос Абрам Маркович (1888–1954) – искусствовед, критик, переводчик.

Вольф Сергей Оскарович (1890–1951) – директор воронежского Большого Советского театра в 1929–1941 гг.

Генкин Максим Исаевич (1886–1938, расстрелян) – заведующий отделом культуры и пропаганды марксизма-ленинизма Центрально-Черноземного обкома ВКП(б).

Горячев Николай Михайлович (1905–1941) – председатель воронежского облрадиокомитета (1934–1936); позднее – директор воронежской филармонии.

Особняк Ксешинской – дом в С.-Петербурге, построенный для балерины М. Ф. Кшесинской в 1904–1906 гг. в стиле «модерн», на что М. намекает в письме.

Комплекты – ужасны. Подразумевается постельное белье.

Реентович Марк Наумович (1886–1953) – директор Тамбовского музыкального училища, заслуженный артист РСФСР.

Сметанин Григорий Александрович (1894–1952) – композитор, автор оперы «Гирей-хан» (1935). В 1922–1940 гг. преподавал теоретические предметы в Тамбовском музыкальном училище.

176. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). На конверте: Спешное. Москва, Пречистенка, Фурманов пер., д. 5, кв. 26, Надежде Яковлевне Мандельштам. Отпр<авитель> О. Э. Мандельштам, г. Тамбов, Набережная, 9, Санаторий. Штемпели: Тамбов 27. XII.35; Москва 29. XII.35 (три).

Целую Шуру и Шурика и В<еру> Я<ковлевну>! Шура – А. Э. Мандельштам, Шурик – его сын; Вера Яковлевна – мать Н. М., жила в это время в квартире М. в Нащокинском переулке.

177. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). На конверте: Спешное. Москва, Пречистенка, Фурманов пер., д. 5. кв. 26, Надежде Яковлевне Мандельштам. Отпр<авитель>. О. Э. Мандельштам,

г. Тамбов, Санаторий, Набережная, 9. Штемпели: Тамбов 28.XII.35 (три); Москва 30.XII.35 (три), 31.XII.35.

Щербаков – см. примеч. 175.

Можно ли мне написать Луппολу 20 строк «о Мопассане и франц<узской> метафоре и дураке-редакторе»? Луппол Иван Капитонович (1896–1943, умер в лагере) – историк-обществовед, в то время – директор Гослитиздата; насмешка М. вызвана тем, что Гослитиздат отклонил выполненный им по договору с издательством перевод повести Мопассана «Иветта».

Вишневский Всеволод Витальевич (1900–1951) – драматург; оказывал материальную помощь ссыльному Мандельштаму; его жена, С. К. Вишневецкая, – подруга Н. М. по Киеву.

178. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). На конверте: Спешное. Москва, Пречистенка, Фурманов пер., д. 5, кв. 26, Надежде Яковлевне Мандельштам. Отпр<авитель>: О. Э. Мандельштам, г. Тамбов, Санаторий, Набережная, 9. Штемпели: Тамбов 29.XII.35 (три); Москва 31.XII. 35 (три).

...мое далеко не шуточное обращение. Обращение М. в официальные инстанции не найдено. О нем, по-видимому, идет речь и в следующем письме.

179. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). На конверте: Спешное. Москва, Пречистенка, Фурманов пер., д. 5, кв. 26, Надежде Яковлевне Мандельштам. Отпр<авитель>: О. Э. Мандельштам, г. Тамбов, Санаторий, Набережная, 9. Штемпели: Тамбов 1.1.36; Москва 3.1.36.

Стоичев мне сказал, что письмо переслано 20-го дек<абря>. Подобедов утверждал, что – с какой-то припиской об отношении Обл<астного> отд<еления> Союза к моей деятельности («уж плохого мы не напишем»). Речь идет об обращении М. в официальные инстанции, см. примеч. 178.

Подобедов Максим Михайлович (1897–1993) – писатель, журналист; в те годы – ответственный редактор журнала «Подъем».

Я против «Наушников». Марченко прав. «Наушники» – ст-ние «Наушнички, наушники мои!..». Комментарий Н. М.:

«Марченко говорил, что “Наушники” дрянь...» (*28*, с. 179). О Марченко см. примеч. 170.

180. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). На конверте: Спешное. Москва, Пречистенка, Фурманов пер., д. 5, кв. 26, Надежде Яковлевне Мандельштам. Отпр<авитель>: О. Э. Мандельштам, г. Тамбов, Санаторий, Набережная, 9. Штемпели: Тамбов. Вокзал 2.1.36 (два); Москва 4.1.36.

181. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). На конверте: Спешное. Москва, Пречистенка, Фурманов пер., д. 5, кв. 26, Надежде Яковлевне Мандельштам. Отпр<авитель>: О. Э. Мандельштам, г. Тамбов, Санаторий, Набережная, 9. Штемпели: Тамбов. 3.1.1936; Москва. 5.1.1936.

...купил «Красную Новъ» с дрянными стихами доброго Зенкевича и Талмудом Зощенки. – Подразумевается № 12 журнала, в котором опубликовано ст-ние М. А. Зенкевича «С оказией на Кавказе» и окончание «Голубой книги» М. М. Зощенко.

...письмо мое в воронежский Союз бесконечно обязывает, что это не литература. О нем см. в письмах 178–179.

Еще о Старом Крыме. Речь идет о планах переезда в Старый Крым, где жила вдова А. С. Грина Нина Николаевна, после окончания воронежской ссылки. Сохранились письма Н. М. к ней периода воронежской ссылки.

«Цинцинатство» – от имени римского полководца V в. до н. э. Цинцината. Избранный в консулы, Цинцинат восстал против нравственного бессилия сената и своеволия трибунской власти. Его хотели выбрать в консулы и на следующий год, но он воспротивился этому, так как не желал нарушить закон, запрещавший одним и тем же лицам два года подряд занимать одну и ту же магистратуру. Через два года, ввиду опасности, угрожавшей Риму от сабинян, сенат назначил его диктатором; послы, явившиеся к нему с известием, застали его на поле за земледельческою работою. После победы над врагами ему был присужден триумф, после которого Цинцинат сложил с себя диктатуру и возвратился к своим земледельческим занятиям.

Плиний Младший (61/62 – ок. 114) – римский общественный деятель и писатель; в конце жизни – наместник Рима в малоазиатской провинции Вифинии.

Волошин – Максимилиан Александрович. М. имеет в виду его уединенную жизнь в Коктебеле.

182. Е. Я. Хазину

ВРСХД. 1977. № 120. С. 257. Печ. по автографу (АМ). Датируется по указанию на пленум Союза писателей.

Союз Писателей говорит, что дал мне работу в театре, а я там не работаю. В эти дни М. обращался за помощью также в писательские организации. См. в постановлении правления Воронежского отделения ССП от 16 марта 1936 г.: «Принять к сведению сообщение Стойчева о том, что им послано письмо в Правление ССП о возможности оказания помощи Мандельштаму со стороны Литфонда СССР и Всесоюзного правления ССП; правление Воронежского отделения ССП и местное отделение Литфонда в разные сроки уже выдало Мандельштаму свыше 1000 р., и дальнейшие его просьбы не могут быть удовлетворены. Правление не может также оказывать материальную помощь Мандельштаму, требования которого приняли с его стороны систематический характер. Правление считает, что, оказав помощь Мандельштаму в поступлении на работу в театр и его жене в получении работы от редакции “Коммуны”, оно сделало достаточно, чтобы Мандельштам мог устроиться материально без пособий со стороны Воронежского ССП» (*38б*, с. 93). В театре М. продолжал работать (см. в наст. письме выше).

...с трибуны облпленума писателей было здесь произнесено, что я «пустое место и пишу будуарные (бу-ду-ар-ны-е) стишки и что возиться со мной довольно». Пленум Воронежского отделения Союза советских писателей прошел 5–7 апреля в рамках кампании против «формализма». Источник сообщения М. о словах в его адрес не установлен. Позднее, 16 сентября, в помещенной в газете «Коммуна» статье «“Каникулы” в Союзе писателей» журналист И. Черейский писал: «На пленуме Союза писателей Воронежской области, состоявшемся в начале апреля этого года, шел разговор о недостатках, которые мешают успешной работе писателей. <...> Воронежская организация Союза Писателей сумела довольно

быстро разглядеть явно чуждых ей людей, которые пытались использовать Союз Писателей и журнал “Подъем”, развивая на его страницах путаные и вредные теории, предлагая туда свою литературную продукцию (Калецкий, Айч, Стеффен, Мандельштам)».

Наде дали в газете письма писать, но перестали платить, пока не отработает 200 р. за мою болезнь. Речь идет о работе Н. М. в газете «Коммуна».

183. Б. Л. Пастернаку

Память: Исторический сб. Париж, 1981. Вып. 4, на вклейке – фото автографа. Печ. по автографу (семейный архив Б. Л. Пастернака).

Спасибо, что обо мне вспомнили и подали голос. Это для меня ценнее всякой реальной помощи. «Сложившись, Пастернак и Ахматова послали Мандельштаму 1000 рублей <...> посылка сопровождалась несохранившейся запиской» (*40а*, с. 96).

Зинаида Николаевна Пастернак (урожд. Еремеева, в первом браке – Нейгауз; 1893–1966) – вторая жена Пастернака.

184. С. Б. Рудакову

Письма и записки Рудакову. Печ. по автографу (ИРЛИ).

М. с женой жили на даче в Задонске с 20 июня по август 1936 г. Рудаков, освобожденный из ссылки, приезжал сюда 7 июля проститься перед своим отъездом из Воронежа (Письма Рудакова, с. 184–185). Ю. Л. Слезкин, отдыхавший в Задонске, записал в день приезда М. в дневнике: «Неожиданно утром во время моей работы вваливается Осип Мандельштам с женой. Он совсем седой, страдает сердцем, выслан в Воронеж и решил провести лето в Задонске. Я повел его смотреть комнаты. Но он ходить не может – боится припадка, не отпускает от себя ни на шаг жену, говорит сбивчиво... Предоставили их себе самим, зайдя в два-три места и не найдя ничего» (Нерлер П. Он ничему не научился... // Лит. обозрение. 1991. № 1. С. 93). Из Задонска 4 августа Н. М. писала Н. Н. Грин: «Уже полгода, как Ося серьезно болен. <...> Он перенес острый аортит. Сейчас резкое расширение дуги аорты. <...> Есть признаки рассеянного склероза и, как говорят врачи, – несомненный склероз сосудов мозга. У него месяцами было головокружение даже в постели. <...> Заработков нет никаких. Ося работу потерял, а

мне работу не дают. Все поездки в Москву кончились ничем и я перестала ездить» (РГАЛИ).

Сосновка – поселок под Воронежем.

Хочу читать испанских поэтов. Интерес к Испании был вызван вспыхнувшей там гражданской войной. В декабре М. писал отцу о том, что научился читать по-испански (письмо 185). См. также письмо 219.

185. Э. В. Мандельштаму

Из писем к родным. Автограф (АЕМ).

...я пишу стихи. В начале декабря 1936 г. М. работал над стихами второй «Воронежской тетради».

...научился читать по-испански (книги взял здесь в университете). См. письма 184, 219.

...нашим шкапчиком. Об этом шкафе см. главу «Книжный шкап» в «Шуме времени».

186. В редакцию журнала «Звезда»

Глагол. Анн Арбор, 1981. Кн. 3; Часть речи. Нью-Йорк, 1982. Кн. 2/3, в обоих источниках – в публ. С. Полянина (псевдоним С. В. Поляковой) и с фототипическим воспроизведением автографа. Печ. по автографу (собр. А. М. Луценко).

«И бросил, о корнях жалея...». В первоначальном варианте: «И бросил, сил своих жалея...».

«Ниже клюва красным шит...». В первоначальном варианте: «И нагрудник красным шит...».

Не откажите мне в любезности нанести эти поправки на рукопись, находящуюся в вашем распоряжении. Ранее в журнал были посланы стихотворения: «Из-за домов, из-за лесов...», «Детский рот жует свою мякину...», «Пластинкой тоненькой жиллета...», «Сосновой рощицы закон...», «Когда заулыбается дитя...», «Внутри горы бездействует кумир...».

187. Н. С. Тихонову

Новый американец. Нью-Йорк, 1981. № 57. 10–16 марта. (Лит. прил.) (без указания имени адресата); Глагол. Анн Арбор, 1981. Кн. 3; Часть речи. Нью-Йорк, 1982. Кн. 2/3 (всюду – публ. С. В. Поляковой). Местонахождение источника текста неизвестно. Две идентичные машинописные копии – РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 137. Л. 136; Ед. хр. 244. Л. 24. Печ. по копиям РГАЛИ с исправлением опечаток.

Николай Семенович Тихонов (1896–1979) – поэт; в то время – председатель Ленинградского отделения Союза советских писателей и зав. отделом поэзии журнала «Звезда». В 1929 г. подписал коллективное письмо ленинградских писателей в «Лит. газету» в защиту М. (см. примеч. 128). 20 января 1937 г. Тихонов переслал копию настоящего письма В. Я. Кирпотину (в то время заведующему отделом художественной литературы ЦК ВКП(б) и члену Секретариата ССП) с просьбой проинформировать его, «как и что решили» по этому вопросу (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 244. Л. 25); ответ В. Я. Кирпотина неизвестен.

Посылаю Вам еще две новых пьесы. К письму приложены ст-ния «Как подарок запоздалый...» и «Оттого все неудачи...», записанные рукой Н. М.

«Кащеев кот» – «домашнее» название ст-ния «Оттого все неудачи...».

Вам, делегату VIII-го съезда (я слышал по радио Ваше прекрасное мужественное приветствие съезду). Имеется в виду VIII Чрезвычайный съезд Советов (25 нояб. – 5 дек. 1936 г.), принявший «сталинскую» Конституцию СССР.

188. В Воронежское отделение Союза советских писателей

Печ. впервые по автографу (РГАЛИ. Ф.1899. Оп. 1. Ед. хр. 722).

Контрреволюционный выпад – стихи «Мы живем, под собою не чуя страны...».

189. Б. Л. Пастернаку

Память: Исторический сб. Париж, 1981. Вып. 4. С. 322; на вклейке – фототипия автографа. Печ. по автографу (семейный архив Б. Л. Пастернака).

Письмо по неизвестной причине не было отправлено своевременно. Передано через А. Ахматову в мае 1944 г., о чем Н. М. писала Пастернаку 2 декабря 1945 г.: «Видели ли вы Анну Андреевну, когда она проезжала из Ташкента в Ленинград? Я нашла старое неотправленное письмо Оси к вам и просила передать его вам. Оно было про вас и про Осину к вам любовь. Он ведь вас очень любил. Когда-то вдруг написал, а потом запечатал и не отправил» (*40а*, с. 100). Л. Флейшман видит в этом письме реакцию М. на кампанию против Пастернака, начатую докладом В. П. Ставского на общемосковском собра-

нии писателей 16 декабря 1936 г., отчеты о котором появились в «Известиях» 17 декабря и «Литературной газете» 20 декабря (*56б*, с. 561, примеч. 147. См. также с. 553 и след.).

190. Е. Э. Мандельштаму

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). Это письмо, как и следующее, вероятно, не было отправлено – по устному свидетельству Е. Э. Мандельштама, не было им получено.

191. Е. Э. Мандельштаму

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ), с характерной для первых чисел года опиской в дате.

Письмо, возможно, не было отправлено – по устному свидетельству Е. Э. Мандельштама, не было им получено. 4 августа 1936 г. Н. М. писала Н. Н. Грин из Задонска: «Мы живем на то, что нам присылает Женя (Хазин. – *А. М.*). Осины братья, вдвоем, прислали 100 рублей и написали 10 гнусных писем о том, что больше оторвать у своих детей они не могут» (РГАЛИ).

192. Е. Э. Мандельштаму

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). Письмо, возможно, не было отправлено – по устному свидетельству Е. Э. Мандельштама, не было им получено, см. примеч. 190–191.

193. В редакцию журнала «Звезда»

Глагол. Анн Арбор, 1981. Кн. 3; Часть речи. Нью-Йорк, 1982. Кн. 2/3, в обоих источниках – в публ. С. Полянина (псевдоним С. В. Поляковой) с приложением фототипии автографа. Местонахождение автографа неизвестно, печ. по фототипии. См. письма 186–187.

Начатки ее имеются в Кр<асной> нови. Стихи этого времени в фонде журнала «Красная новь» (РГАЛИ) не сохранились.

«Рождение улыбки» – ст-ние «Когда заулыбается дитя...».

194. Ю. Н. Тынянову

СС 1. Т. 2 (1-е изд.). Печ. по копии Н. Е. Штемпель (АМ).

195. В неустановленный адрес

СС 3. Т. 4. Записи рукой Н. М. (разрозненные листы) – АМ, печ. по этому источнику. Тексты объединены в качестве набросков единого письма условно (по содержанию).

...проф<ессора> литерат<уры> Стоичева. См. примеч. 165.

Ставский – см. примеч. 197.

Адмвысылка – административная высылка. В те годы данное сокращение бытовало в устной речи, как и адмссылка, адмссыльный, – см. следующие письма.

...мне было отказано Обл<астным> ССП по соглашению с Правлением ССП в какой бы то ни было материальной поддержке и было предложено лечиться в общем порядке. О каком конкретно решении официальных инстанций пишет М., неизвестно. О его обращениях в 1936 г. см.: *38б*, с. 92–94.

196. К. И. Чуковскому

Грани. Франкфурт н/М, 1967. № 63. Печ. по автографу (семейный архив К. И. Чуковского). К письму, вероятно, были приложены ст-ния: «Вооруженный зреньем узких ос...» и «Были очи острее точимой косы...», записанные рукой Н. М. Идентификация ст-ний, приложенных к письму, осуществлена А. А. Морозовым по характеру чернил и другим косвенным признакам (Письма К. Чуковскому, с. 46).

С просьбами к К. И. Чуковскому о содействии в подыскании работы над переводами обращалась также Н. М., при письмах она посылала Чуковскому ст-ния воронежского периода, см.: Письма К. Чуковскому, с. 34–45.

197. Н. С. Тихонову

Новый американец. Нью-Йорк, 1981. № 57. 10–16 марта (Лит. прил.), без указания имени адресата; Глагол. Анн Арбор, 1981. Кн. 3; Часть речи. Нью-Йорк, 1982. Кн. 2/3. Местонахождение источника перечисленных публикаций неизвестно. Печ. по первой публ. с поправками по публ. С. В. Поляковой: Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исслед. и материалы. М., 1991. С. 32–33.

На днях я отослал Ставскому несколько стихотворений с просьбой об отклике и оценке их Союзом Советских Писателей. Ставский (Кирпичников) Владимир Петрович (1900–1943) – писатель; в 1936–1941 гг. – генеральный секретарь ССП. Письмо-донос В. П. Ставского в НКВД от 16 марта 1938 г. явилось причиной второго ареста М. (см.: *38в*, с. 13). Состав посланной ему подборки ст-ний не установлен.

198. В редакцию журнала «Знамя»

Мандельштам О. Э. Воронежские тетради. Ann Arbor, 1980. С. 122 (в коммент. В. А. Швейцер). Авторизованная машинопись (РГАЛИ. Ф. 619. Оп. 1. Ед. хр. 201. Л. 146–148), печ. по этому источнику. К письму приложена машинопись ст-ния «Неизвестный солдат» в редакции 4, датированной 2–10 марта 1937 г. (см. примеч. в т. 1 наст изд.).

Прилагаемым текстом отменяется ранее мною присланный. Когда точно и в какой редакции было послано стихотворение в первый раз, неизвестно. На первую посылку редакция журнала дала ответ, см. письмо 201. Н. М. об этом также писала: «По дороге мы заходили на почту и отправляли стихи в редакции московских журналов. Ответ пришел только один раз – на “Неизвестного солдата”. Редакция “Знамени” сообщала, что войны бывают справедливые и несправедливые и что пацифизм сам по себе не достоин одобрения. Но жизнь была такова, что даже этот казенный ответ показался нам благой вестью: всё же кто-то откликнулся и разговаривает!» (*29*, с. 91).

199. К. И. Чуковскому

Письма К. Чуковскому. Печ. по автографу (семейный архив К. И. Чуковского). К письму было, вероятно, приложено ст-ние «Заблудился я в небе – что делать?..» (Письма К. Чуковскому, с. 47).

200. В. Я. Хазиной

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). Вера Яковлевна приехала в Воронеж около середины апреля. О необходимости поездки в Москву Н. М. писала Е. Я. Хазину 19 декабря 1936 г.: «Теперь: приехать мне, очевидно, придется. Иначе на что же жить? Но не сейчас. Я должна побыть здесь до января. Потом, я думаю, маме всё же придется приехать, и я ручаюсь, что с Осей ей будет хорошо. <...> Женюша: 1) Ося обижается, что ты молчишь о его стихах. 2) Уверяет, что если к нему приедет мама, он будет с ней писать стихи» (АМ).

201. Е. Я. Хазину

ВРСХД. 1977. № 120. Печ. по автографу (АМ).

...на днях получил письмо от «Знамени», письмо вполне товарищеское, но с отклонением стихов. См. письмо 198 и примеч.

202. К. И. Чуковскому

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (семейный архив К. И. Чуковского). Вероятно, письмо было передано лично Н. М. во время поездки в Ленинград из Москвы, как и следующее письмо Н. Тихонову. Датируется по времени отъезда Н. М. в Москву. Возможно, к нему было приложено ст-ние «Если б меня наши враги взяли...», о чем Н. М. писала: «В таком виде О. М. послал стихотворение Корнею Ивановичу. Корней при встрече сказал, что последние строки ничуть не вытекают из начала – еще неизвестно, кто это “наши враги”, которые могут запереть двери... О.М. мне по этому поводу сказал, что у Корнея всё же есть нюх на такие вещи...» (Мандельштам Н. Я. Комментарий к стихам 1930–1937 гг. // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 290–291).

Адм-высылка – административная высылка, см. примеч. 195.

Есть один только человек в мире. Речь идет о Сталине. Просьба обратиться к Сталину, по комментарию А. А. Морозова, обусловлена тем, что к этому времени была написана «Ода» («Стихи о Сталине»), см.: Письма К. Чуковскому, с. 48. См. также примеч. 175.

203. Н. С. Тихонову

Новый американец. Нью-Йорк, 1981. № 57. 10-16 марта. (Лит. прил.) (без указания имени адресата); Глагол. Анн Арбор, 1981. Кн 3; Часть речи. Нью-Йорк, 1982. Кн. 2/3. Местонахождение автографа неизвестно, печ. по публ. С. В. Поляковой: Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исслед. и материалы. М., 1991. С. 33. Датируется по времени отъезда Н. М. Москву. См. примеч. 202.

204. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

Утром получили твое вокзальное письмо. По этой фразе датируется отъезд Н. М. из Воронежа – 16 или 17 апреля.

Наташа – Наталья Евгеньевна Штемпель (1908–1988), преподавательница русского языка и литературы в Воронеже; преданный друг Мандельштамов, автор воспоминаний о М. (Новый мир, 1987, № 10; «Ясная Наташа»: Осип Мандельштам и Наталья Штемпель. М.; Воронеж. 2008. С. 21–74).

Себастьян – неустановленное лицо.

...заказал с утра срочный телефон Жени. Женя – Е. Я. Хазин; вероятно, у него остановилась Н. М. (ср. ниже: *ты живи у нас дома*).

Дедушке скажи, что я хочу его видеть. Речь идет об отце М. – неясно, в Москве или Ленинграде он находился в тот момент.

205. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

Вторая поездка меня очень смущает. Возможно, М. говорит о намечавшейся поездке Н. М. в Ленинград из Москвы.

Наташа – см. примеч. 204.

Мы совсем не слабые люди. И в очень трудную минуту сумеем поступить так, как нужно. М., по-видимому, имеет в виду двойное самоубийство. Н. М. писала: «Мысль об этом последнем исходе всю нашу жизнь утешала и успокаивала меня, и я нередко – в разные невыносимые периоды нашей жизни – предлагала О. М. вместе покончить с собой. У О. М. мои слова всегда вызывали резкий отпор. Основной его довод: “Откуда ты знаешь, что будет потом... Жизнь – это дар, от которого никто не смеет отказываться...”. И, наконец, последний и наиболее убедительный для меня довод: “Почему ты вбила себе в голову, что должна быть счастливой?” О. М., человек абсолютно жизнерадостный, никогда не искал несчастья, но и не делал никакой ставки на так называемое счастье. Для него таких категорий не существовало. Впрочем, чаще всего он отшучивался: “Покончить с собой? Невозможно! Что скажет Авербах? Ведь это был бы положительный литературный факт!” И еще: “Не могу жить с профессиональной самоубийцей”» (*29*, с. 51–52).

206. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

Пелагея Герасимовна – вероятно, хозяйка квартиры, которую снимал Мандельштам с женой.

Эммина мама. См. примеч. 212.

Шурик – племянник М., сын А. Э. Мандельштама.

207. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

Ты моя Москва и Рим и маленький Давид. В сравнениях – аллюзии на мотивы ст-ния «Рим», где упоминается «Давид» Микеланджело.

Вчера я гулял с Наташей в парке. Эта прогулка в парке отразилась в ст-нии «Я к губам подношу эту зелень...», написанном два дня спустя.

«Дядя Леня» – возможно, Леонид Иванович Богомолов, врач, знакомый Мандельштамов.

208. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). Датируется соответственно следующему далее письму Ставскому.

Посылаю выписку и заявление для передачи Ставскому. См. следующее письмо.

209. В Секретариат Союза советских писателей

ВРСХД. 1977. № 120. Печ. по автографу (АМ). Данный экземпляр письма не был отправлен адресату, – вероятно, была послана перебеленная копия. В АМ сохранилось также аналогичное письмо в сокращенной редакции с приложением идентичной выписки – то, что было послано Е. Я. Хазину, см. письмо 210.

Заявление было послано Н. М., см. письмо 208.

Политическое преступление. М. говорит о ст-нии «Мы живем, под собою не чуя страны...».

Заявление к минскому пленуму. Текст этого заявления не обнаружен.

Выписка из статьи О. Кретовой. Кретова Ольга Капитоновна (1903–1994) – писательница, в то время заместитель председателя Воронежского отделения ССП. Упомянутая ее статья «За литературу, созвучную эпохе!» была напечатана под рубрикой: «К 5-летию постановления ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций». В своих воспоминаниях Кретова писала: «Мне до сих пор мучительно стыдно и за свою статью <...>, где я клеймила “троцкистов и других классово-враждебных людей”, среди них и О. Мандельштама. Я вынуждена была ее написать под давлением обстоятельств» (Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 39). Касаясь этого эпизода, Н. Е. Штемпель поясняла, что у Кретовой «арестовали мужа, и Ставский обещал на это

закрыть глаза, взамен же потребовал разоблачительную речь и статью» (Лит. обозрение. 1991. № 1. С. 94).

Стефан (правильно: Стефен) Александр Иванович (1885 – после 1942) – дипломат, писатель; отбывал ссылку в Воронеже (с 1933 г.), поддерживал знакомство с М. (Письма Рудакова, по именному указателю). Арестован в июле 1936 г. См. о нем статью А. Высоцкого «От него требовали оклеветать поэта...» (Воронежский курьер. 1991. 14 января).

Айч Натан Вольфович (1901 – после 1951) – литератор и артист цирка. В Воронеже находился в ссылке, поддерживал знакомство с М. (Письма Рудакова, по именному указателю). Печатался в воронежском журнале «Подъем». Был арестован и осужден в декабре 1935 г.

Песков Борис Глебович (1909–1944, погиб на фронте) – писатель, сотрудник журнала «Подъем». Будучи выселен из квартиры, М. ночевал две ночи у него (Письма Рудакова, с. 122–123).

Завадовский Леонид Николаевич (1888–1938, расстрелян) – писатель, член Общества политкаторжан; входил в редколлегию журнала «Подъем», ранее – член партии социалистов-революционеров.

210. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

...отправил тебе выписку из статьи О. Кретовой... и заявление мое Ставскому. См. письма 208 и 209.

...посылаю в адрес Евг<ения> Як<овлевича> вторую выписку и сокращенное заявление. См. примеч. 209.

211. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

...на обороте твоих списков. Письмо написано на обороте перечня воронежских стихотворений М.

Сохрани листки и привези. К письму был приложен автограф ст-ния «Клейкой клятвой липнут почки...», датированный 2-м мая 1937 г.

...пришлось приписать Наташе старшего брата и сестру, а также постулировать характер будущего мужа. Подразумевается ст-ние «Клейкой клятвой липнут почки...», обращенное к Н. Е. Штемпель.

...искать туфли на улицу Сити. Подразумевается, вероятно, главная улица Воронежа – проспект Революции.

«Солдат» – «Стихи о неизвестном солдате».

У нас испортился штепсель от машинки, и Адр<иан> Фед<орович> приделал к ней сложную висюльку. «Машинка» – радиоприемник, Адриан Федорович – сосед Мандельштамов, см. комментарий Н. М.: *28*, с. 180.

212. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ). Конверт, штемпели: Воронеж 5.5.37; Москва, 6.5.37 (три).

У тебя сразу трое гостей. Имена гостивших в тот момент в московской квартире Мандельштамов не установлены.

Казалось, что я тоже? Да? И что я ругаю Эмму? Эмма – Э. Г. Герштейн, см. комментарий Н. М.: *28*, с. 180.

Наташа и ее Борис. Борис – жених Н. Е. Штемпель.

Я тайно выкрался, и пошли в «Бристоль». «Бристоль» – ресторан при одноименной гостинице на центральной улице Воронежа, проспекте Революции; этот эпизод описан Н. Е. Штемпель в ее воспоминаниях (*58а*, с. 59–60).

...пришло письмо от Рудакова. Рудаков – Сергей Борисович, см. примеч. 168–169. Письмо не сохранилось.

Большое новое идет от стихов о русской поэзии? «Стихи о русской поэзии» – цикл из трех ст-ний (1932).

«Металлы Сассанидов» Эрмитажа. 50 р. Речь идет об издании: Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М.; Л.: Academia. 1935. (Альбом. Переплет и футляр – М. В. Ушаков-Поскочин. Цена 50 р.).

Эммочка – дочка соседки Мандельштамов, которая упомянута в письме 206. В письме тех же дней В. Я. Хазина писала Н. М.: «Сегодня остались без денег <...> Он пошел к Эминой мамаше, она зарезала курицу в кредит <...> всем интересуется великолепная Эмочка и бегает туда и обратно <...> надо детскую книжечку, ей 7-й год, ей родители читают, но не учат ее читать» (СС 2. Т. 3. С. 299).

213. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

...сочинил безделицу. Ее прилагаю. О каком ст-нии идет речь, установить не удается.

«Квакуши» – ст-ние «Я к губам подношу эту зелень...».

«Наташа» – ст-ние «Клейкой клятвой липнут почки...».

«Черемуха» – ст-ние «На меня нацелилась груша да черемуха...».

214. Н. Я. Мандельштам

СС 2. Т. 3. Печ. по автографу (АМ).

...сватовские стихи – ст-ние «Клейкой клятвой липнут почки...».

«Маленький парк» – ст-ние «Я к губам подношу эту зелень...».

«Железо» – ст-ние «Идут года железными полками...».

...твоя звездочка – ст-ние «О, как же я хочу...».

На персов я только облизываюсь. М. имеет в виду альбом, о котором упоминал в письме от 4 мая.

...около «Коммуны». Имеется в виду здание редакции газеты, находившееся на проспекте Революции.

215. Е. Я. Хазину

СС 3. Т. 4. Телеграмма (АМ, печ. по этому источнику. Адрес: Москва. Страстной бульвар 6/34.

В середине мая 1937 г. закончился срок ссылки М. в Воронеж.

216. Э. В. Мандельштаму

Переписка семьи, с. 98. Почтовая карточка (АЕМ), печ. по этому источнику. Адрес: Ленинград, 8-я линия, д. 31, кв. 5. Штемпели: Москва 10.VI.1937; Ленинград 12.VI.1937.

Я в Москве всё время болел... Меня собираются лечить. Союз Сов<етских> Писателей предложил мне помощь. М. был прикреплен к поликлинике Литфонда, см. заявление 28.

Назначена в Союзе читка моих новых стихов. В это время М. только добивался проведения такой читки. Она была назначена на 15 октября, но не состоялась (Швейцер В. А. Мандельштам после Воронежа // Синтаксис. Париж, 1989. № 25. С. 72).

Скоро выедем за город. Вскоре после возвращения из ссылки милиция потребовала, чтобы М. не нарушал предписанного ему паспортного режима и покинул Москву в 24 часа, см. следующее примеч.

217. Е. Е. Поповой

Синтаксис. Париж, 1989. № 25. С. 69 (в статье В. А. Швейцер «Мандельштам после Воронежа»). Телеграмма (РГАЛИ. Ф. 2440. Оп. 1. Ед. хр. 579), печ. по этому источнику. Адрес: Москва, Новое шоссе, 1.

Попова Еликонида (Лиля) Ефимовна (1903–1964) – режиссер «Театра одного актера» В. Н. Яхонтова, в недавнем прошлом – жена Яхонтова; к ней обращены стихотворения М. «Стансы» (1937), «На утесы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...», «С примесью ворона голуби...». В письме к Яхонтову (между 6 и 9 июня) Попова писала: «Как я провожу время? Большую часть времени у Мандельштамов» (Швейцер В. А. Указ. соч. С. 70). О содержании адресованной Поповой записки («Лиля, если Вы способны на неожиданность, Вы приедете», 3 мая 1936 г.) вспоминала Э. Г. Герштейн (*9а*, с. 66).

О жизни в Савелове Н. М. писала: «“Рано что-то мы на дачу выехали в этом году”, – сказал О. М., укрывшись от московской милиции в Савелове, маленьком поселке на высоком берегу Волги, против Кимр. Лес там чахлый. На пристанционном базаре торговали ягодами, молоком и крупой, а мера была одна – стакан. Мы ходили в чайную на базарной площади и просматривали там газету. Называлась чайная “Эхо инвалидов” – нас так развеселило это название, что я запомнила его на всю жизнь. Чайная освещалась коптящей керосиновой лампой, а дома мы жгли свечу, но О. М. при таком освещении читать не мог из-за глаз. Все мы достаточно в нашей жизни насиделись при коптилках, так что со зрением у нас не очень хорошо... Да и книг мы с собой почти не взяли, потому что не собирались пускать корней и жили как настоящие дачники. Это была временная стоянка – она нам понадобилась, чтобы передохнуть и оглядеться» (*29*, с. 151).

...смотрел Волгу Москву. Речь идет о поездке на строительство канала Волга–Москва. Н. М. писала: «В 37 году Лахути устроил О. М. командировку от ССП на канал. Доброжелательный перс надеялся, что О. М. что-нибудь сочинит и тем спасет себе жизнь. Вернувшись, О. М. аккуратно записал гладенький стишок и показал его мне: “Подарим Зенкевичу?” – спросил он. О. М. погиб, а стишок уцелел, не выполнив своей функции. Однажды в Ташкенте он попался мне на глаза, и я посоветовалась с Анной Андреевной, что мне

с ним делать: “Можно его в печку?” Было это на балахане, где мы вместе коротали эвакуационные дни. “Наденька, – сказала Анна Андреевна, – Осип дал вам полное право распоряжаться абсолютно всеми бумагами...”» (*29*, с. 22). Лахути А. А. (1887–1957) – персидский поэт, участвовал во втором тебризском восстании (1922), после поражения которого эмигрировал в Россию, занимал ответственные посты в издательствах и писательских организациях. Упоминается в шуточном ст-нии «Кто Маяковского гонитель...» (1927). В 1937 г. – ответственный секретарь Союза писателей СССР.

«Щелкунчик» – балет П. И. Чайковского; речь, по-видимому, идет о радиотрансляции.

218. Б. С. Кузину

Varietas et Concordia: Essays in Honour of Pekka Pesonen. Helsinki, 2007. С. 404–406 (в публ.: Левинтон Г. А. Мелочи о Мандельштаме из архива Н. И. Харджиева). Печ. по автографу (СХ, ГМ Амстердама).

О Б. С. Кузине см. примеч. 154. Мандельштамы приехали в Калинин (ранее и ныне – Тверь) в конце октября – начале ноября 1937 г. Гостиница «Селигер» находилась на ул. Советской, д. 52 (здание сохранилось).

Мы давно, всё время, ждали услышать ваш голос, хоть что-нибудь узнать о вас. Это первое достоверное сведение. Б. С. Кузин приблизительно в середине 1937 г. освободился из лагеря, куда был заключен по приговору, вынесенному в 1935 г. Процитируем соответствующее место из «Заметок к биографии Б. С. Кузина», составленных М. Н. Корниловым и М. А. Давыдовым: «В 1935 г. Кузин был арестован и очутился в казахстанском лагере. После того, как органам стало известно, что он знаком с антисталинским стихотворением О. Э. Мандельштама <...> арест и лагерь были неизбежны. Он сравнительно легко еще отделался – тремя годами заключения. Друга своего (Осипа Эмильевича) Б. С. никогда не упрекал за излишнюю откровенность. <...> Первое время в лагере Б. С. использовали на общих работах. После зимы 1935–1936 года – резкое ухудшение здоровья, и новые друзья-зоологи помогли ему перевестись на опытное сельскохозяйственное поле. Лагерная жизнь стала легче. Можно было даже отчасти продолжать научную работу. С помощью опытных специа-

листов-солагерников Б. С. овладел новой специальностью – паразитологией сельскохозяйственных растений. После освобождения (в сер<едине> 1937 г.) она помогла ему устроиться на научную станцию в Шортандах. Мудрое решение остаться работать в Казахстане сохранило Б. С. жизнь, но обрекло его почти на шестнадцать лет ссылки» (*16а*, с. 756).

Сейчас мною занялся Союз Писателей: вопрос об этой книге и обо мне поставлен, обсуждается, решается. Речь идет о книге, представленной в Союз писателей, см. примеч. к следующему письму.

Вера Яковлевна с жильцами. «Жильцами» М. назвал писателя Н. К. Костарева и его семью, вселенных в квартиру под поручительство Ставского (*29*, с. 66) и вскоре начавшего выживать хозяев, см. письмо Е. Я. Хазина: Переписка семьи, с. 97.

На днях мы слышали два концерта Сигетти. Сигетти (Сигети) Йожеф (1892–1973) – венгерский скрипач, гастролировал в СССР с 1924 по 1937 г. См. в письме Н. М. от 30 ноября 1937 г.: «На концертах вашего любимого скрипача мы были – и вспоминали вас» (*16а*, с. 520, в примеч. на с. 748 неверно отнесено к концертам Д. Ойстраха в Воронеже в мае 1936 г.).

219. Б. С. Кузину

Varietas et Concordia: Essays in Honour of Pekka Pesonen. Helsinki, 2007. С. 406–407 (в публ.: Левинтон Г. А. Мелочи о Мандельштаме из архива Н. И. Харджиева). Печ. по автографу (СХ, ГМ Амстердама). Датируется по письму Н. М. к Кузину от 22 декабря 1937 г., в котором обсуждается посланная Кузиным фотография, на которой он был снят в полушубке, и сообщается: «У Оськи тоже завелась шуба» (*16а*, с. 522). Ср. в настоящем письме: *Поздравляю с полушубком. Вдохновленный Вашим примером, я, кажется, куплю такой у хозяев.*

Хозяева – Павел Федорович и Татьяна Васильевна Травниковы (Сохрани мою речь. М., 2008. Вып. 4, ч. 1. С. 165–166, сообщение П. Нерлера). Адрес: Третья Никитина (3-я Никитинская) ул., д. 43. О своих квартирных хозяевах в Калинине Н. М. писала: «Татьяна Васильевна жила с мужем, рабочим-металлургом. Властвовала она в доме безраздельно, и ее муж, добрый и мягкий человек, охотно ей подчинялся. Они только всегда сохраняли декорум: Татьяна Васильевна не решала ничего, пока не спросит хозяина, – нас пригласили

выпить чаю, а придет хозяин, решит, сдавать ли комнату; а хозяин на всё отвечал – “как мать”. И против новых жильцов он не возражал, а с О. М. вскоре подружился – их объединяла общая страсть к музыке. К серебряной свадьбе сыновья – они вышли “в большие летчики”, и один из них даже представлялся Сталину – подарили отцу патефон и кучку пластинок. То были всё больше песни, модные тогда среди комсомольцев и военных. Старик предпочел сыновьему “горлодранству” несколько пластинок, раздобытых О. М.: Бранденбургский концерт, какую-то церковную вещь Дворжака, старых итальянцев и Мусоргского. Пластинки добывались тогда с большим трудом, и набор их был совершенно случайный, но мужчинам они доставляли массу радости. По вечерам, когда мы бывали в Калинине, они устраивали концерты, а Татьяна Васильевна ставила самовар и поила чаем с домашним вареньем. О. М. только всё норовил заварить по-своему и рассказывал, что первое, на что тратил, получив деньги, Шевченко, был фунт чаю... За чаем О. М. обычно просматривал газету; хозяину, как кадровому рабочему, удалось выписать “Правду”» (*29*, с. 172).

Испанским я занимался. Испанский язык М. изучал еще в университете. В его матрикуле (ЦГИА СПб) имеется запись об участии в соответствующем семинаре 1 мая 1913 г.

Читал Сида (великолепно). Romanceros в изд<ании> бр<атьев> Гримм и многотомную коллекцию кастильских классиков. Сид Кампеадор (ок. 1044 – 1099) – кастильский рыцарь, прославившийся своими подвигами в Реконкисте, национальный герой Испании. «Песнь о (моем) Сиде» («El cantar de Mio Cid») – эпическая анонимная поэма (ок. 1140). Romanceros (романсеро) – сборник испанских романсов, обычно различающихся по видам или циклам. «Песнь о Сиде» включается в «исторические» циклы романсеро.

Однако не узнал кастильских форм на винной этикетке (Castel de Romey – белое сухое вино), и был посрамлен Львом Никулиным. Н. М. вспоминала: «В один из первых дней после нашего приезда из Воронежа нас возил по Москве в своей новенькой, привезенной из Америки машине Валентин Катаев. Он влюбленными глазами смотрел на О. М. и говорил: “Я знаю, чего вам не хватает, – принудительного местожительства”... Вечером мы сидели в новом писательском доме с парадным

из мрамора-лабрадора, поразившим воображение писателей, еще помнивших бедствия революции и гражданской войны. <...> Катаев угощал нас новым для Москвы испанским вином и новыми апельсинами – они появились в продаже впервые после революции. <...> Пришел Никулин с молодой женой, только что родившей ему близнецов, и Катаев ахал, что у таких похабников тоже бывают дети. А я вспоминала старое изречение Никулина, которое уже перестало смешить меня: “Мы не Достоевские – нам лишь бы деньги”... Никулин пил испанское вино и говорил об испанских диалектах. Он только что съездил посмотреть на испанскую революцию» (*29*, с. 143).

Книга моя будет для вас большой неожиданностью. <...> Сейчас мои стихи читает Ставский. Речь идет о сборнике, данном на отзыв в Союз писателей и отрецензированном П. Павленко, см.: *38в*, с. 14–15.

220. Б. С. Кузину.

Впервые: *16а*, с. 527. Печ. по автографу (частное собрание).

221. Б. С. Кузину

Приписка М. публиковалась: ВИЕТ. 1987. № 3. С. 132 (публ. М. А. Давыдова и А. П. Огурцова). Полностью: *16а*, с. 529–530. Печ. по автографу (частное собрание).

...в Болшеве, где мы когда-то жили. В Болшеве Мандельштамы жили в ноябре–декабре 1931 г., см. примеч. 150.

222. В. П. Ставскому

Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1989. Т. 8. С. 355, в ст. П. Нерлера «С гурьбой и гуртом...». Машинописная копия (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 294. Л. 113), печ. по этому источнику. Вверху слева помета В. П. Ставского: «т. Каш<инцева>. Сохраните – Мандельштам»; слева внизу: «38 г.» (В. М. Кашинцева была заведующей секретариатом Союза советских писателей).

Ставский – см. примеч. 197.

Луппол – см. примеч. 177.

...«мы давно хотим издать эту книгу». – Речь идет о «Дневнике» братьев Гонкуров, см. письмо 223.

223. Б. С. Кузину

ВИЕТ. 1987. № 3. С. 132–133 (публ. М. А. Давыдова и А. П. Огурцова). Печ. по автографу (частное собрание).

Отправлено из дома отдыха «Саматиха» близ станции Черусти Муромской железной дороги, куда М. с женой прибыл 8 марта. Мандельштамы отдыхали по двухмесячной путевке, полученной в Союзе писателей. Этот дом отдыха оказался западней: 2 мая 1938 г. М. был здесь вторично арестован. См. примеч. 224.

С собой груда книг. М<ежду> п<рочим,> весь Хлебников. Имеется в виду пятитомное Собрание произведений Велимира Хлебникова (Л., 1928–1933). Эти книги были взяты М. перед поездкой в Саматиху у Н. И. Харджиева (по его устному свидетельству).

Чуть-чуть не сделался переводчиком. Давали дневник Гонкуров. Потом раздумали. См. письмо 222.

...купил в Калинине пласт<инку>. «Слав<янские> танцы» № 1 и № 8 действительно прелесть. О покупке пластинок в Калинине, в том числе Дворжака, Н. М. писала в воспоминаниях (*29*, с. 172).

Шостакович – Леонид Андреев. Здесь гремит его 5-я симфония. Пятая симфония Д. Д. Шостаковича была написана в 1937 г. и неоднократно исполнялась по радио. Основная тема симфонии – «становление личности в условиях советской действительности». О сравнении с Леонидом Андреевым см. ниже.

Полька «Жизни Человека». Под музыку польки шел второй акт пьесы Л. Андреева «Жизнь человека» (1907). О ней М. пишет в главе «Семья Синани» «Шума времени»: «не было дома, где бы не бренчали одним пальцем тупую польку из “Жизни человека”, сделавшуюся символом мерзкого, уличного символизма».

224. Э. В. Мандельштаму

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ). На конверте: Ленинград, В.О., Восьмая линия, д. 31, кв. 5, Эмилю Вениаминовичу Мандельштаму. Штемпели: Пески 16.4.38; Ленинград 18.4.38.

О пребывании в доме отдыха Н. М. писала: «Всё шло как по маслу. Мы вышли на станции Черусти, и нас уже ждали розвальни с овчинами, чтобы не замерзнуть. Отсутствие неувязок – такая редкость в нашей жизни, что мы очень уди-

вились: видно, здорово строго приказали, чтобы всё было в порядке, раз не забыли выслать вовремя сани. Мы решили, что нас принимают как почетных гостей... Март стоял холодный, и мы слышали, как в лесу трещат сосны. Лежал глубокий снег, и первое время мы ходили на лыжах. Как все тенишевцы, О. М. вполне ловко ходил и на лыжах, и на коньках, и здесь в Саматихе оказалось, что прогулка на лыжах, не очень дальняя, конечно, требует меньше усилий, чем пешком. Нам сразу дали отдельную комнату в общем доме, но там стоял вечный шум, и по первой же просьбе нас перевели в избушку на курьих ножках, служившую обычно читальней. Главврач сказал, что его предупредили о приезде О. М. и предложили создать ему условия, и поэтому он решил временно закрыть для общего пользования читальню, чтобы дать нам пожить в тишине. А во время нашего пребывания в Саматихе врачу даже звонили несколько раз по телефону из Союза и спрашивали, как поживает О. М. Он докладывал нам об этих звонках с некоторым удивлением, считая, очевидно, что к нему попала важная птица. <...> Народ в санатории собрался спокойный – всё больше рабочие разных заводов. Как всегда в домах отдыха, они были поглощены своими временными любовными историями и на нас не обращали ни малейшего внимания. Приставал только “затейник”: ему всё хотелось устроить вечер стихов О. М., но и его удалось отвадить, сказав, что стихи пока запрещены и для устройства вечера требуется санкция Союза. Это он сразу понял и отступился. Было, конечно, скучновато. О. М. привез с собой Данте, Хлебникова, однотомник Пушкина под редакцией Томашевского, да еще Шевченко, которого ему в последнюю минуту подарил Боря Лапин. Несколько раз О. М. порывался съездить в город, но врач говорил, что ни на розвальнях, ни на грузовике нет места. Достать частных лошадей было невозможно – кругом почти не было деревень, да и в деревнях лошади остались только колхозные. “А мы часом не попались в ловушку?” – спросил как-то О. М. после одного из отказов врача довезти нас до станции, но тотчас об этом забыл. <...> Весь день Первого мая шла гульба. Мы сидели у себя и выходили только в столовую, но к нам доносились крики, песни и отголоски драк. К нам спаслась одна отдыхающая, текстильщица с одной из подмосковных фабрик. Чего-то она болтала, а О. М. шутил с ней, а я дрожала, что он скажет что-нибудь лишнее, а она побежит и донесет. Разговор зашел об арестах в их

поселке. Она рассказала про одного арестованного, что он хороший человек и к рабочим был всегда внимателен. О. М. стал ее расспрашивать... Когда она ушла, я долго его упрекала: "Что за невоздержанность... ну кто тебя за язык тянет!" Он уверял меня, что больше не будет – обязательно исправится и ни с кем из посторонних слова не скажет... И я навсегда запомнила, как я сказала: "Жди, пока исправишься – великий сибирский путь"... В ту ночь мне приснились иконы. Сон не к добру. Я проснулась в слезах и разбудила О. М. "Чего теперь бояться, – сказал он. – Всё плохое уже позади..." И мы снова заснули...» (*29*, с. 182–185).

225. А. Э. Мандельштаму и Н. Я. Мандельштам

Русская мысль. Париж, 1963. 5 февр., в статье Г. Стукова (Г. П. Струве) «Еще о судьбе Мандельштама». Печ. по автографу (АМ). На конверте: Москва. Старосадский пер., д. 3, кв. 10 или <д.> 10, <кв.> 3, Александру Эмильевичу Мандельштаму. Штемпели: Владивосток 30.11.1938; Москва 13.12.1938 и два штемпеля о доплате.

О дороге в пересыльный лагерь и дальнейшей судьбе поэта см.: *38в*, с. 24–58.

СВИТЛ – Северо-восточные исправительно-трудовые лагеря.

К.р.д. – контрреволюционная деятельность.

ОСО – Особое совещание.

ЗАЯВЛЕНИЯ. ДЕЛОВОЕ

1. Ректору С.-Петербургского университета

Печатается впервые по источнику: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 15. Ед. хр. 1790. Л. 1. На листе делопроизводственные пометы и штамп казначея: «Двадцать пять (25) руб. в пользу Ун-та принял». Других сведений о намерении М. получить естественно-научное образование не имеется.

Ректор – Боргман Иван Иванович (1849–1914), физик.

Окончивший курс Тенишевского Уч<илища> в Петербурге – 15 мая 1907 г., этим днем датирован аттестат М. (Там же. Л. 3 об. – 4).

2. В канцелярию С.-Петербургского университета

Печатается впервые по источнику: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 15. Ед. хр. 1790. Л. 2. На листе расписка: Документы полу-

чил. Мандельштам. Служебные пометы о выдаче документов и 25 руб. с датой: 8 октября 1907 г.

Вскоре, в середине октября, М. выехал в Париж и поступил там на словесный факультет Сорбонны, см. письмо 2. О причине отъезда брат М., Евгений, писал: «Встревоженная его дружбой и знакомством с революционной молодежью, напуганная арестами, мать решила отправить брата в Париж, где у нее были друзья» (27, с. 135). Документы, заполнявшиеся при поступлении в Парижский университет (Сорбонну), а позднее в Гейдельбергский университет – формуляры, см.: ВРХД. 1991. № 160. С. 256; *38а*, с. 20–22.

3. Ректору С.-Петербургского университета

Печатается впервые[1] по источнику: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 59170. Л. 1, 2. Датируется по входящему штемпелю: 7 авг. 1911. Штамп: Зачислен в студенты 10 сент. 1911. Ректор (подпись). На листе пометы служебного характера.

Ректор – Гримм Давид Давидович (1864–1941), юрист, специалист по римскому праву.

...сим обязуюсь, в течение настоящего учебного года, выдержать дополнительные испытания по греческому языку, за полный курс классической гимназии. Эти испытания М. должен был пройти до поступления в университет в Особом испытательном комитете при С.-Петербургском учебном округе. Такие же испытания по латинскому языку М. сдал 27 мая 1909 г. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 59170. Л. 6). В первом учебном году экзамен по греческому языку М. не смог сдать и был оставлен на второй год на 1-м курсе (Там же. Л. 3). Поверочный экзамен по греческому языку М. сдал в университете 9 апреля 1913 г. (Там же. Л. 11 об.). См. также примеч. «И глагольных окончаний колокол...» в томе 1 наст. изд.

4. Секретарю по студенческим делам
С.-Петербургского университета

Печатается впервые по источнику: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 59170. Л. 37. На листе входящий штемпель и помета о взносе платы за обучение. Недоразумение состояло в том, что М. еще в августе 1911 г. был приписан к призывному участку

[1] Когда настоящий том находился в производстве, заявления 3–7 были напечатаны в сб.: Scripta manent XVI: Сборник научных работ аспирантов-филологов. Смоленск, 2010. С. 32–48 (публ. М. Г. Сальман).

С.-Петербурга (Там же. Л. 42). Призывное свидетельство М. было отослано университетом в Ковно «для учинения надписи об отсрочке» в тот же день (Там же. Л. 38).

5. В канцелярию С.-Петербургского университета

Печатается впервые по источнику: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 59170. Л. 39. На типографском бланке, курсивом выделен типографский текст. Приложена справка о внесении платы от 5 ноября 1912 г. (Там же. Л. 40). Удостоверение было запрошено с целью получить отсрочку от призыва, которая и была предоставлена М. в феврале 1913 г. (Там же. Л. 43).

6. Ректору С.-Петербургского университета

Печатается впервые по источнику: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 59170. Л. 48. На листе входящий штемпель с датой: 19 авг. 1913 г.

За невзнос платы М. был исключен из университета 25 июня 1913 г. (Там же. Л. 46, 50). Разрешение Правления университета внести плату было дано 21 августа (Там же. Л. 49). После внесения платы исключение было аннулировано. Под «разрешением из Министерства» подразумевается разрешение Министерства народного просвещения остаться на второй год для сдачи экзамена по греческому языку (Там же. Л. 49), см. также примеч. к заявлению 3.

Ректор – Гримм Эрвин Давидович (1870–1940), историк.

7. Декану историко-филологического факультета Петроградского университета

Печатается впервые по источнику: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 59170. Л. 7. На типографском бланке, курсивом выделен типографский текст. Резолюция декана Федора Александровича Брауна (1862–1942): Выд<ать>. На листе штамп библиотеки об отсутствии претензий, другие пометы делопроизводственного характера. Выпускное свидетельство М. получил 18 мая (Там же. Л. 8, 8 об.)

8. В Петроградскую комиссию по улучшению быта ученых

Russian Literature Triquarterly. 1988. № 21. С. 187, в публикации И. Ф. Мартынова «Несколько документов к биографии О. Э. Мандельштама». Печатается по автографу (ЦГА СПб.

Ф. 2555. Оп. 1. Д. 555. Л. 72). На листе служебная помета: № 1192. 29/X <19>20. Две служебные пометы 1922 г., сделанные при пересмотре списков: «Уехал», «Отказ».

М. приехал в Петроград из Москвы (куда прибыл из Тифлиса) в первых числах октября и вскоре поселился в Доме искусств, с ходатайством о предоставлении ему комнаты в котором обращались 17 октября Е. Замятин и К. Чуковский (Чукоккала, с. 138).

9. В президиум Петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов

Печатается впервые по копии П. Н. Лукницкого (ИРЛИ). На листе запись Лукницкого: «Подлинник находится у Л. В. Бермана. Заявление написано черными чернилами рукой М. Л. Лозинского, а все подписи сделаны карандашом. Формат бумаги такой же (подлин<ник> – отдельный листок, плотная, белая бумага с водяной штриховкой и знаком). 6.VI.25. ПЛ». Местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно. Поэт Лазарь Васильевич (Вульфович) Берман (1894–1980) в 1920–1921 гг. – секретарь ПО ВСП.

Публикуемое заявление, вероятно, предшествовало общему собранию, на котором председателем ПО ВСП вместо Блока был избран Гумилев. По записи в дневнике Блока от 25 мая 1921 г., это собрание прошло «в феврале» (Блок А. А. Собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 420). Существенно, что в феврале 1921 г. все подписавшие заявление были членами 3-го Цеха поэтов. О переизбрании председателя ПО ВСП четверо из них писали в воспоминаниях, с противоречиями в хронологии событий и фактах. Всеволод Александрович *Рождественский* (1895–1977), секретарь ПО ВСП в 1920 г., – в нескольких мемуарных очерках, см.: Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 2. С. 211–215, 451–453; см. также: Блок в архиве Вс. А. Рождественского / Предисл., публ. М. В. Рождественской. Коммент. Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. М. 1987. Т. 92, кн. 4. С. 684–692. Владислав Фелицианович *Ходасевич* (1886–1939) – в очерке «Блок и Гумилев» (Ходасевич В. Ф. «Некрополь» и другие воспоминания. М., 1992. С. 100–101). Ирина *Одоевцева* (Ираида Густавовна Гейнике, 1901–1990) – в книге «На берегах Невы» (Одоевцева И. В. Избранное: Стихотворения. На берегах Невы. На берегах Сены. М., 1998. С. 298–299). *Иванов* Георгий Владимирович (1894–1958), секретарь ПО ВСП после фев-

раля 1921 г., – в очерках «Китайские тени» (Иванов Г. В. Собр. соч. М., 1994. Т. 3. С. 236–237, 271). Николай Авдеевич *Оцуп* (1894–1958) в мемуарных очерках данной темы не коснулся, а Михаил Леонидович *Лозинский* (1886–1955) мемуаров об этом времени своей жизни не оставил. Об упомянутых событиях см. также: Зоргенфрей В. А. Александр Александрович Блок // Александр Блок в воспоминаниях современников. С. 31 и в цитированных ниже воспоминаниях Н. А. Павлович.

...со времени последних перевыборов. Перевыборы состоялись приблизительно в середине декабря 1920 г., о чем можно судить по последовательности в изложении событий в «Воспоминаниях об Александре Блоке» Н. А. Павлович. Она писала: «Вскоре в союзе началось внутреннее обострение отношений. Гумилевский “клан” все громче высказывал свое неудовольствие действиями нашего президиума и характером наших публичных выступлений. При перевыборах в Союзе поэтов забаллотировали Шкапскую, меня, Сюнненберга (К. Эрберга)» (Блоковский сборник: Труды науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А. А. Блока, май 1962 г. Тарту, 1964. С. 476–477). Менее вероятен хронологический ориентир, указанный В. А. Рождественским в очерке «Как это начиналось» – вскоре после заседания (президиума) ПО ВСП 7 сентября 1920 г. (День поэзии. Л., 1966. С. 89).

10. В редакционный сектор Госиздата

СС 3. Т. 4. Печ. по автографу (ГАРФ. Ф. 395. Оп. 9. Ед. хр. 17. Л. 252). На заявлении резолюция: К изданию не принимать. 5/XII–22 г.

Калашников Александр Георгиевич (1893–1962) – физик и педагог; в то время – заведующий редакционным сектором Госиздата РСФСР (впоследствии – министр просвещения РСФСР и академик АПН РСФСР).

Геббель Христиан Фридрих (1813–1863) – немецкий драматург. Его стихотворная пьеса «Ирод и Мариамна» (1850) Мандельштамом переведена не была.

11. В Правление Всероссийского союза писателей

Переписка семьи, с. 58 (в примеч.). Печ. по автографу (ИМЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед хр. 15). В левом верхнем углу – помета: <Рас(?)>смотрено. 15.XII. А. С<вирский>.

Всероссийский союз писателей с отделениями в Москве и Петрограде существовал в 1920–1929 гг., объединяя писателей и представителей гуманитарных наук на правах профсоюзной организации (однако ВЦСПС отказывал ему в регистрации). Союзу были сданы помещения для устройства писателей в Доме Герцена, где в 1922–1923 гг. жили Мандельштамы. Комендантом писательского общежития был А. И. Свирский.

Парнах Валентин Яковлевич (1891–1951), *Шепеленко* Дмитрий Иванович (1897–1972), *Карпов* Пимен Иванович (1887–1963), *Зубакин* Борис Михайлович (1894–1938, расстрелян) – московские литераторы, поэты. О В. Я. Парнахе см. преамбулу к примеч. «Египетская марка» в т. 2 наст. изд.

12. В книгоиздательство «Petropolis»

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ).

Письмо написано, вероятно, с целью получить деньги для брата Евгения, только недавно освобожденного из-под ареста (см. письмо 44). Договор на книгу «Tristia» М. заключил 5 ноября 1920 г. Пункт 6 договора гласил: «Автор получает в качестве гонорара по сто (100) рублей за стих, уплачиваемые ему по мере сдачи материала Издательству. Уплатой всей следуемой суммы все права автора в отношении Издательства погашаются» (РГАЛИ Ф. 1893. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1 об.). Из-за цензурных притеснений издательство в 1922 г. было переведено его основателем, Я. Н. Блохом, в Берлин, где и был отпечатан тираж «Tristia». Яков Ноевич *Блох* (1892–1968) – историк театра и переводчик.

13. В хозяйственную комиссию Всероссийского союза писателей

Переписка семьи, с. 61 (в примеч.). Рукой Н. М., подпись и дата – автограф (ИМЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 16), печ. по этому источнику.

Кубу (ЦЕКУБУ) – (Центральная) комиссия по улучшению быта ученых.

14. В правление Всероссийского союза писателей

СС 3. Т. 4. Печ. по автографу (ИМЛИ Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 419). На заявлении помета: «Заслушано. Принято к сведению. Протокол 31 авгу<ста> <1>923». См. следующее заявление и примеч.

15. В правление Всероссийского союза писателей

Столица, 1991. № 9. С. 54–55 (публ. Е. Ю. Литвин). Рукой Н. М., подпись, дата, адрес – автограф (ИМЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 17), печ. по этому источнику. Автограф фрагмента черновика этого заявления (РГАЛИ), с авторской пометой: Это «часть» моего письма в Союз. О. М.

В заявлении упомянуты литераторы Потапенко Игнатий Николаевич (1856–1929), Клычков С. А. (см. примеч. к письму 153), Шепеленко Д. И. (см. примеч. к заявлению 3), Ширяевец А. В. (см. письмо 50), литературовед Благой Дмитрий Дмитриевич (1893–1984), впоследствии член-корреспондент АН СССР, автор работ о Пушкине и поэтах его времени.

Свирский – см. примеч. к письму 42.

...о «юбилее». Возможно, имеется в виду отмечавшееся 23 октября 1922 года тридцатилетие литературной деятельности А. И. Свирского; в вечере участвовал и М., см.: Новая русская книга. Берлин, 1922. № 10. С. 36.

16. Во Всероссийский союз писателей

Столица. 1991. № 9. С. 55 (публ. Е. Ю. Литвин). Рукой Н. М., подпись, дата, адрес (частично) – автограф (ИМЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 18), печ. по этому источнику. На заявлении пометы: «К делу. А. С<вирский?>» и «Ответ в Протоколе от 9.XI.23».

Н. М. писала: «Под конец срока в Гаспре – мы прожили там два месяца – приехал Абрам Эфрос и деловито сообщил: “Мы вам вынесли выговор” (Эфрос был активным членом Союза писателей). Мандельштам спросил, какой выговор и как могли вынести какой бы то ни было выговор, не вызвав его и не запросив объяснений: “Вы ведь всё же общественная организация...”. Эфрос заявил, что выговор не имеет никакого значения, а вынесен он по жалобе Свирского, потому что Мандельштам “набросился на его жену”, требуя, чтобы она не шумела на кухне. Свирский, как потом выяснилось, никакой жалобы не подавал. Всё это было выдумкой Эфроса, знаменитого интригана союзписательского типа. (Впоследствии он был организатором фельетона Заславского, который был принесен в ночную редакцию во время дежурства Эфроса.)» (*30*, с. 166–167).

17. В Московское общество драматических писателей и композиторов

СС 3. Т. 4. Печ. по автографу (ГЛМ. Ф. 151. Оп. 1. Ед. хр. 102). На машинописном бланке, печатный текст выделен курсивом).

На заявлении помета: «Внесено». Перевод М. (первоначально предназначавшийся для изд-ва «Всемирная литература») вышел в 1925 г. в Госиздате под названием «Кромдейр-старый».

Московское общество драматических писателей и композиторов (МОДПИК) существовало в 1904–1930 гг. В Ленинградском отделении общества работал брат М., Евгений, см. письма 70, 101, 136.

18. В издательство «Время»

Переписка семьи. Печ. по автографу (АЕМ).

М. в это время жил в Детском Селе в пансионате. «Шум времени» вышел в конце марта – начале апреля 1925 г.

19. В правление Ленинградского отделения Всероссийского Союза поэтов

День поэзии, 1987. Л., 1987. С. 182 (в статье В. К. Лукницкой «Так они начинали»). Печ. по автографу (ИРЛИ), фототипически воспроизведен в книге: Лукницкая В. К. Перед тобой земля. Л., 1988, между с. 192 и 193. На заявлении помета: Принят в действ<ительные> члены. Засед<ание> Правления 28/1 1927. П. Лукницкий. Лукницкий Павел Николаевич (1900–1973) – писатель, в то время – секретарь правления Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов.

20. А. Г. Венедиктову

ВРСХД. 1977. № 120. Машинописная копия с пометами Н. М. (АМ), печ. по этому источнику.

Венедиктов Александр Георгиевич (1884–1932) – член правления изд-ва ЗИФ. В его переводе (совместно с А. И. Роммом) вышел т. I Собрания сочинений Майн Рида «Вольные стрелки» (октябрь 1930 г.). Автор книги: История международного рабочего движения / Под ред. и с предисл. Н. И. Бухарина. 2-е изд. М.; Л., [1925].

В АМ сохранились машинописные копии телеграммы и письма А. Г. Венедиктова к Мандельштаму на бланке издательства:

26 июля 1928 года. О. Э. Мандельштаму. № 6623.

Ялта, ул. Коммунаров, 25

Настоящим доводим до Вашего сведения, что выслать гонорар сейчас не представляется возможным, так как, согласно пп. 4 и 7 договора № 896, рукопись считается сданной только в случае представления в готовом для редакционной работы виде и гонорар оплачивается не позднее 4 недель со дня поступления. Между тем рукопись «Ямайские Мароны» в полном виде поступила лишь около 16 июля; рукопись же «На дне трюма» предоставлена без английского названия, необходимого для Главлита.

Член правления (Венедиктов)

За секретаря редчасти (Козлова)

Там же сохранилась телеграмма: «Майн-Рид будет принят и одобрен по мере надобности. Венедиктов». Упомянутый в письме Венедиктова роман «Ямайские мароны» вышел в декабре 1929 г. как том XV Собрания сочинений Т. Майн Рида (перевод под ред. и с примеч. Б. Лившица и О. Мандельштама, предисловие А. Старчакова).

Шойхет – см. заявление 22.

«Антикварий» – VII том Собрания романов В. Скотта (перевод с английского под ред. и в обработке Б. Лившица и О. Мандельштама, предисл. И. Машбиц-Верова), вышел в декабре 1928 г.

«На дне трюма» – XXI том Собрания сочинений Т. Майн Рида (перевод под ред. и с примеч. О. Мандельштама, предисловие А. Старчакова), вышел в июле 1929 г.

21. В Федерацию объединений советских писателей

СС 3. Т. 4. Черновой автограф (АМ), печ. по этому источнику. Писалось к заседанию Исполбюро ФОСП 21 мая, где рассматривался вопрос о конфликте М. и Д. И. Заславского (см. примеч. к письму 127), протокол которого зачитывался на заседании конфликтной комиссии 22 мая.

Екатерина Георгиевна Рожицына (Рожицына–Каяндер) – переводчик с английского, литератор. Автор книги «Русские святые» (М.: «Безбожник», 1930).

Александр Ильич Ромм (1898–1943) – поэт и переводчик, был знаком с М. по участию в работе Московского лингвистического кружка (см. примеч. 45). Очерк биографии см. во вступительной заметке А. Л. Беглова и Н. Л. Васильева к публикации материалов из его архива: Philologica. 1995. № 3/4. С. 199–200.

Александр Ильич Зонин (1901–1962) – литературный критик, прозаик; зав. отделом печати Ленинградского горкома ВКП(б).

Михаил Александрович Зенкевич – см. примеч. к письму 111.

22. В Московский губернский суд

ВРСХД. 1977. № 120. Машинописная копия (АМ), печ. по этому источнику. Дело об иске В. Н. Карякина к изд-ву ЗИФ (М. фигурировал в этом деле в качестве соответчика) в первый раз слушалось в Московском губернском суде 11 мая 1929 г. Суд отложил рассмотрение дела, назначив литературную экспертизу. «Официальным экспертом от Союза писателей» был Б. В. Горнунг, см.: Горнунг Б. В. Заметки к биографии О. Э. Мандельштама / Публ., предисл., примеч. М. Б. Горнунга // Сохрани мою речь. М., 2000. Вып. 3, ч. 2. С. 158). Письмо М. написано в связи с подготовкой следующего заседания Губсуда, состоявшегося 11 июня, на котором иск В. Н. Карякина был отклонен (Вечерний Киев. 19 июня. С. 4). См. также анонимную заметку: Дело тов. Мандельштама в суде. Мандельштам создал новое литературное произведение // Комсомольская правда. 1929. 18 июня.

23. В Центральную контрольную комиссию ВКП(б)

СС 3. Т. 4. Черновые наброски (АМ), печ. по этому источнику. Датируется соответственно содержанию письма 136. Обращение в высшие партийные инстанции было связано с возобновлением (по инициативе С. И. Канатчикова?) разбора дела в конфликтной комиссии 2 декабря 1929 г., получившего продолжение в Исполбюро ФОСПа в начале января 1930 г. Обращение в органы ВКП (б), возможно, последовало от «Комсомольской правды», выступавшей в защиту М., или от «Вечерней Москвы», где М. в это время работал. Корреспондент Горнфельда А. Б. Дерман писал ему 5 февраля 1930 г.: «На днях Канатчиков мне говорил, что его и Ионова вызывали в редком

и чуть что не 2 часа спрашивали по этому делу. А далее, как утверждают, дело пошло уже и далее – в ЦКК, в Агитпроп Ц. К.» (РГАЛИ).

...от халтуры к негровладельчеству. 5 июля 1929 г. «Правда» поместила статью Д. Заславского «Жучки и негры», в которой завуалированно это обвинение предъявлялось.

Авербах Леопольд Леонидович (1903–1939, расстрелян) – литературный критик, один из руководителей ВАПП, редактор журнала «На литературном посту»; в июльском (№ 13) номере этого журнала была опубликована статья М. «О переводах».

...выступление М<андельштама> в «Известиях». Имеется в виду статья «Потоки халтуры» (Известия. 1929. 7 апр.).

Канатчиков на первой полосе «Л<итератерной> г<азеты>» печатает статью... М. имеет в виду статью Д. Заславского «О скромном плагиате и развязной халтуре» (Лит. газета. 1929. 7 мая).

В закрытии страниц «Литгазеты» для письма 22-х ленингр<адских> писателей и письма Ромма и Бенедиктова, напечатанного в «Комс<омольской> правде». Бенедиктов – А. Венедиктов. О письме ленинградских писателей от 28 мая, переданном в «Литгазету» и не напечатанном, см. примеч. 128. Публикации указанных писем А. Ромма и А. Венедиктова в «Комсомольской правде» не обнаружены. Справки об авторах см. в примеч. к заявлениям 20 и 21.

Весьма резкая речь Аксенова «о деле, порочащем ФОСП», не была передана по существу в отчете «Л<итературной> г<азеты>» о данном собрании, хотя все остальные речи переданы по существу. Отчет опубликован в первом номере «Лит. газеты» за 1930 г. (6 янв. С. 1). Выступление И. Аксенова изложено в отчете следующим образом: «– Члены правления не обращались к писателям за помощью в своей работе, – говорит тов. Аксенов. – Секции бездействовали. Слабо проявляло себя правление по линии работы в “Федерации”. Например, по вопросу о деле О. Мандельштама правление должно было давно созвать общее собрание писателей».

24. В правление ГИХЛа

СС 3. Т. 4. Печ. по автографу (АМ). Данный экземпляр заявления по назначению подан не был.

Шендерович Матвей Осипович – заместитель заведующего ГИХЛом.

...по договору № 79/X с ГИХЛом в Ленинграде... Содержание договора не установлено.

Старчаков – см. примеч. 146.

25. А. Б. Халатову

СС 3. Т. 4. Печ. по автографу (АМ). Резолюция: «т. Мандельштам: 1) сегодня не смогу 2) давайте завтра, обязательно с утра. 19/IX. А. Халатов».

Об адресате см. примеч. к письму 112. Просьба М., предположительно, была связана с планировавшимся в ГИХЛе изданием двухтомного собрания сочинений (см. примеч. к письму 145). Датируется на основании этого предположения. К осени 1931 г. относится эпизод, пересказанный Э. Г. Герштейн со слов М.: «Он сидел в приемной директора Государственного издательства Халатова. Долго ждал. Мимо него проходили в кабинет другие писатели. Мандельштама секретарша не пропускала. Терпение его лопнуло, когда пришел Катаев и сразу был приглашен к Халатову. “Я – русский поэт”, – гордо выкрикнул Мандельштам и ушел из приемной, хлопнув дверью» (*9а*, с. 26–27).

26. И. М. Гронскому

ВРСХД. 1977. № 120. Поздняя машинописная копия (АМ), печ. по этому источнику.

Гронский Иван Михайлович (1894–1985) – партийный и советский деятель, редактор газ. «Известия» (1931–1934) и журнала «Новый мир» (1931–1937); с мая 1932-го до середины 1933 г. был председателем Оргкомитета Союза советских писателей.

...в январе 31-го года отменили решение жилищной комиссии горкома писателей о предоставлении мне даже одной комнаты <...> Когда это решение под давлением извне было восстановлено, упорно саботировали въезд в дом, так что физическое вселение удалось осуществить лишь благодаря энергичному вмешательству председателя горкома – т. Ляшкевича. О попытке получить квартиру в 1931 г. см. письмо 146 и примеч. О Ляшкевиче см. примеч. к письму 149 и примеч. к следующему заявлению.

Россовский Михаил Андреевич (1899 – после 1961) – драматург, ответственный секретарь Всероскомдрама.

Павленко Петр Андреевич (1899–1951) – писатель; о нем см.: *29* и *30* – по именным указателям.

Уткин Иосиф Павлович (1903–1944) – поэт.

27. В Горком писателей

СС 2. Т. 4. Машинописная копия (АМ), печ. по этому источнику. В АМ – копия ответа на это заявление за подписью председателя горкома Д. Е. Ляшкевича: «Члену Горкома т. Мандельштаму. Ваше заявление считаю безусловно преждевременным, т. к. решение товарищеского суда будет утверждаться на ближайшем заседании Горкома. Сейчас уже поступил ряд дополнительных фактов. Вам необходимо занять другую позицию к профессиональной организации, полагаю, что вы дадите другое заявление, снимающее ваше первое. Ляшкевич».

В АМ сохранился черновик заявления: «...Расправа, достойная сутенера или охранника, изображалась как дело чести. Человек, истязавший женщину, был объявлен защитником женщины. Были приложены все усилия, чтобы представить изб<иение> закономерным актом.

Если осмыслить происшедшее, то постановщики саргидж<ановского> дела в Д<оме> Герцена превратили С<аргиджана> в юридического палача, действующего согласно неписаному, но уважаемому кодексу. [При этом избиение моей жены рассматривалось как случайное бесплатное приложение к избиению меня самого, а двойной задачей преступного суда было поднять вторую часть расправы на принципиальную высоту, а первую – выкинуть из дела.]».

Письмо написано «по горячим следам» товарищеского суда по «делу Мандельштама – Саргиджана». Существо дела сводилось к следующему: сосед Мандельштама по Дому Герцена, живший, как и он, в левом флигеле особняка, писатель Сергей Петрович Бородин (1902–1974; до 1941 г. выступал под псевдонимом Амир Саргиджан) во время ссоры из-за не возвращенного Мандельштаму долга ударил Н. М. А. Н. Толстой, председательствовавший на этом суде, вынес порицание обеим сторонам. Это и вызвало столь бурную реакцию поэта, проявившуюся не только в выходе из горкома, но и в знаменитой пощечине А. Н. Толстому в мае 1934 г. См. об этом

заметку «Нелитературный вечер», подписанную инициалами А. Г. (Вечерняя Москва. 1932. 15 сент.). См. также воспоминания Ф. Ф. Волькенштейна («Сохрани мою речь»: Мандельштамовский сб. М., 1991. С. 53–57).

28. В. П. Ставскому

ВРСХД. 1977. № 120. Печ. по автографу (АМ). Данный экземпляр письма не был отправлен адресату, вероятно, была послана перебеленная копия. Датируется по медицинским справкам в АМ (25 мая – 19 июня). Там же сохранился еще один фрагмент черновика: «По заключению городской районной амбулатории, необходимо помещение немедленно в нервный санаторий. Ни одно из исследований, предписанных проф. Роменковой от Литфонда, не сделано. Сердце ослабело. Задыхаюсь. Держится температура. Растет психическое возбуждение. Боюсь один ходить и физически не могу. Прилагаю бумаги присланных вами врачей».

Болезнь развилась на фоне требования милиции покинуть Москву, где М. лишился права проживания как ранее приговоренный к высылке. Н. М. писала: «“Сдаваться еще рано”, – сказал наутро О. М. и пошел в Союз писателей к Ставскому, но тот его не принял: раньше чем через неделю – передал он через секретаря – он принять О. М. не сможет, потому что занят по горло. Из Союза О. М. бросился в Литфонд, и там на лестнице с ним случился припадок стенокардии. Вызвали скорую помощь и доставили О. М. домой, приказав лежать. <...> В довольно хорошем настроении О. М. полеживал на “бессарабской линейке”, и каждый день к нему приходил врач из Литфонда. Дней через десять его отправили к консультанту Литфонда, профессору Разумовой (Роменковой. – *А. М.*), женщине с умным лицом, в комнате которой висели этюды Нестерова. Нас удивило, с какой легкостью она дала справку о том, что О. М. нуждается в постельном режиме и общем обследовании» (*29*, с. 277–278).

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПИСЬМА

1. В Отдел печати ЦК РКП (б)

К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе. М.: Красная новь, 1924. С. 106–107, под загл.: «Письмо группы писателей, оглашенное на литературном Совещании

при Отделе Печати ЦК РКП»; перепеч.: Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. М.; Л., 1925. С. 137–138; История русской советской литературы. М., 1958. Т. 1. С. 47; 2-е изд. М., 1967. Т. 1. С. 52. Печ. по первой публ.

Совещание, созванное Отделом печати ЦК РКП(б) под председательством Я. Яковлева, состоялось 9 мая 1924 г. Резолюция, принятая на этом совещании, позже легла в основу известного постановления ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г.

«На посту» – журнал Московской ассоциации пролетарских писателей (июнь 1923 – май 1925), отличавшийся крайним догматизмом и воинственностью по отношению к писателям-«попутчикам».

2. В Московский горком писателей

СС 3. Т. 4. Копия рукой В. А. Меркурьевой (РГАЛИ), печ. по этому источнику.

Меркурьева Вера Александровна (1876–1943) – поэтесса, участница сборников: «Весенний салон поэтов» (М., 1918), «Поэзия революционной Москвы» (Берлин, 1922), «Золотая зурна» (Владикавказ, 1926). О ней см. статью М. Л. Гаспарова: Русские писатели, 1800–1917: Биогр. словарь. М., 1999. Т. 4. С. 31–32. По сведениям М. Л. Гаспарова (в статье о творчестве Меркурьевой), М. приблизительно в то же время «помог ей получить первый заказ на переводы – с туркменского» (Лица: Биогр. альманах. СПб., 1994. Вып. 5. С. 77). О знакомстве с М. располагаем сведениями из ее письма к Е. Я. Архиппову от 4 января 1934 г.: «Мандельшт. обворожителен, но – посмотреть и почитать. Кстати, стихов своих он мне так и не дал – разрознены, затеряны, единственный экз. печатается в ГИХЛе, выйдет неизвестно когда. Теперь, в морозы, я и вовсе от него отрезана» (РГАЛИ).

ПРИЛОЖЕНИЕ (2)

Письма Н. Я. Хазиной к О. Э. Мандельштаму

С Надеждой Яковлевной Хазиной (с 1922 г. – жена О. Э. Мандельштама) поэт познакомился вскоре после приезда в Киев (из Харькова) во второй половине апреля 1919 г. Об этом периоде их жизни см. главу «Потрава» во «Второй

книге» Н. Мандельштам. Из Киева Мандельштам уехал не позднее начала 20-х чисел августа (здесь и ниже даты даются по старому стилю) 1919 г., вскоре после того, как Киев был занят Добровольческой армией 18 (31) августа, что устанавливается по упоминаниям о нем в письмах корреспондентов М. А. Волошина (*35*, с. 194), свидетельствующих о том, что М. появился в Коктебеле в первой половине сентября. Ранее, на основании мемуаров Я. И. Соммер, время отъезда М. из Киева датировалось концом октября: Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества (в документах, письмах, высказываниях современников). СПб., 1993. Т. 1 (1891–1923). С. 174.

Как следует из публикуемых нами писем, перед отъездом было решено, что Надя Хазина приедет к Мандельштаму позднее. В письмах 1 и 2 она пишет о поисках возможности уехать к М.

1. Печатается впервые по автографу (АМ). Письмо было передано, очевидно, с П. Г. Пастуховым, см. ниже. Сохранилось не полностью – утрачены половины двух первых листов.

Здесь есть журнал, редактор Мизинов, он просит Ваши стихи и разрешение напечатать Ваше имя в списках сотрудников. Николай Порфирьевич Мизинов (1896–не ранее 1932) – поэт. Принимал участие в альманахе «Дальние окна», вышедшем в Киеве приблизительно в октябре 1919 г.

Подробности Вам расскажет Паня. Паня – художник Павел Георгиевич Пастухов, М. упоминает его в письме 35 (см. примеч.). По-видимому, с ним и было передано настоящее письмо.

Гришенька – возможно, персонаж очерка «Киев», где М. упоминал о «Гришеньке Рабиновиче, бильярдном мазчике из петербургского кафе Рейтера, которому довелось на мгновение стать начальником уголовного розыска и милиции» (см. в наст. томе).

2. Печатается впервые по автографу (АМ). Сохранился один лист письма, из-за повреждения текст в начале листа связному прочтению не поддается

Из содержания следует, что письмо было отправлено в Феодосию или Коктебель – вероятно, почтой.

Илья Григ<орьевич> – Эренбург. Как видно из публикуемого письма, Н. Хазина была намерена выехать из Киева

вместе с ним. Об И. Г. Эренбурге и его окружении в Киеве см. в ее воспоминаниях: *30*, с. 19–20.

Прокопенко – вероятно, Александр Петрович, харьковский врач-окулист; автор стихов и прозы, участник художественно-артистической жизни Харькова.

Смирнов Александр Александрович (1883–1962) – филолог-медиевист, с 1911 г. – приват-доцент С.-Петербургского университета. В 1919 г. жил в Харькове, весной этого года М. во время пребывания в Харькове вместе с ним переводил пьесу Ж. Ромена «Армия в городе».

3. Печатается впервые по автографу (АМ). Текст сохранился фрагментарно.

Из содержания следует, что письмо было отправлено в Феодосию или Коктебель – вероятно, почтой.

Маккавейский Владимир Николаевич (1893–1920) – киевский поэт. О встречах с ним в Киеве см.: *30* (по именному указателю). Погиб в рядах Добровольческой армии в бою под Ростовом. Упоминается в очерке М. «Киев» (см. примеч.).

Жекулин в Киеве, они на вас чего-то сердятся в «Летописи». Жекулин Николай Сергеевич (1892–1933) – юрист и экономист, директор киевского издательства «Летопись». С этим издательством М. заключил договор на переиздание своей книги «Камень», дополненной новыми стихами 1914–1919 гг. Жекулин «сердился» на М., вероятно, за невыполнение определенных по договору условий. Издательство предполагало также издать три книги И. Г. Эренбурга (одну из них, пьесу «Рубашка Бланш», – в соавторстве с А. Н. Толстым). Впоследствии Жекулин участвовал в боевых действиях на стороне Добровольческой армии, затем эмигрировал. С 1921 г. преподавал в учебных заведениях Праги, автор ряда научных работ.

...халдейка из «Софиевская 3» доню пригнетала, что <если> она вас увидит, то выцарапает в<ам глаза>. Речь идет о хозяйке кофейни в Киеве на Софиевской ул., где собирались поэты. Н. М. вспоминала: «Когда пришли белые, карнавал кончился и кофейня опустела. Хозяйка перестала улыбаться и целыми днями дежурила у дверей, чтобы изловить хоть когонибудь из прежних посетителей и выдать белым. Всех, кто принес мгновенный расцвет кофейне с настоящей простоква-

шей, она считала большевиками и люто ненавидела. Первым ей попался Эренбург, но сумел отвертеться. Он предупредил меня, чтобы я не ходила по Софиевской, но я опять не придала значения его совету. В результате следующей попалась *я*, и недавно еще улыбчивая хозяйка требовала, чтобы я сказала, где тот, "с кем ты гуляла", потому что именно его она считала главным большевиком и мечтала немедленно растерзать, как терзали перед Думой рыжих женщин, заподозренных в том, что они-то и есть "чекистка Роза"» (*30*, с. 26).

4. Печатается впервые по автографу (АМ).

Исаак Моисеевич Рабинович (1894–1961) – киевский художник. О работе с ним в Киеве см.: *30* (по именному указателю); *28*, с. 174. В середине октября выехал вместе с И. Г. Эренбургом из Киева в Харьков, о чем Эренбург пишет в книге «Люди, годы, жизнь» (кн. 2, ч. 2).

А. Э. – Александр Эмильевич, брат О. М.

ДОПОЛНЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ К ТОМАМ 1 И 2

К т. 1, с. 335, ст-ние «Большевикам мил элеватор...».

Правильное написание слова в стихе 2 – élevé (с двумя акцентами).

— – —

К т. 1, с. 358 (раздел «Из незавершенного и утраченного»).

* * *

И пропшикал на прощанье:
До свиданья, до свиданья.

— – —

К т. 1, с. 520 (раздел «Комментарий», преамбула).

В качестве приложения к тому прибавлен раздел избранных переводов (данное обстоятельство не учтено в названии и местоположении раздела в томе по оплошности составителя).

— – —

К т. 1, с. 600 (раздел «Комментарий», ст-ние «Я пью за военные астры...»).

...папского замка вино – «Châteauneuf du Pape» (а не «Vine de pape», как было указано в т. 1), буквально: «Новый замок Папы».

— – —

К т. 1, с. 723 (раздел «Комментарий»).

«И пропшикал на прощанье...». Из шуточных стихов о партийном и государственном деятеле М. И. Калинине. По устному рассказу Юлии Германовны Каменской, жены тенишевского приятеля М. Юрия Андреевича Каменского, стишок был написан после обращения М. к Калинину с какой-то просьбой, см.: *32*, с. 246.

— – —

К т. 2, с. 481 (раздел «Комментарий», примеч. «Франсуа Виллон»).

Du mouvement avant toute chose – Движение прежде всего. Перефразирован (далее по тексту комментария).

— – —

К т. 2, с. 528 (раздел «Комментарий», примеч. «Борис Пастернак»).

Герцен и Огарев, когда стояли на Воробьевых горах мальчиками. Речь идет об эпизоде, описанном в первой части «Былого и дум» Герцена, – клятве верности, которую Герцен и Огарев дали друг другу.

— – —

К т. 2, с. 543 (раздел «Комментарий», примеч. «Разговор о Данте», гл. II).

Брунетто Латини (1220 – 1294 или 1295) – итальянский писатель, философ, государственный деятель, автор энциклопедических сводов – итальянского стихотворного «Tesoretto» и французского прозаического «Livre du Trésor».

— – —

К т. 2, с. 600 (раздел «Комментарий», примеч. «Разговор о Данте», гл. VII).

...ed Anselmuccio mio / Disse: "Tu guardi sì, padre: che hai?" – ...и Ансельмуччо мой сказал: «Отец, куда ты смотришь? Что с тобой?» (перевод О. Мандельштама, см. первую редакцию, с. 444).

— – —

К т. 2, с. 670 (раздел «Комментарий», преамбула к «Путешествию в Армению»).

Собственные имена в «Путешествии в Армению». *Самакаперт* – вариант названия, также: Самакаберд, Цамакаберт и впоследствии установившееся Цамакаберд. В тексте архивных источников и первой публ.: Самапакерт; по-видимому, М. запомнил название со слуха и воспроизводил его с ошибкой (с перестановкой двух букв), ориентируясь, вероятно, на тюркские топонимы, кончающиеся на -керт (селение, город), например, «Степанакерт». В наст. изд. название исправлено. Остальные топонимы Армении (Гокча, Норадуз и др.) М. воспроизвел без ошибок. *Мадера* – написание названия острова, принятое в 1920-е и 1930-е гг., ныне принятое – Мадейра.

Две случайные ошибки М. допустил при воспроизведении имен из «Истории Армении» Фавстоса Бузанда. Имя *Драстамат* в тексте архивных источников и первой публ. он воспроизводит с перестановкой букв: Дармастат; название исторической области *Ангех* (у Фавстоса Бузанда – Ангех-тун) М. воспроизвел с ошибкой в одной букве: Андех, о вероятной причине ошибки см.: Золян С. Т. Семантика и поэтика поэтического перевода – заметки об армянской поэзии в Зеркале русских переводов. Ереван, 2007. С. 136. Оба слова в наст. изд. исправлены. Название крепости, в которую был заключен царь Аршак, М. перевел как *Аньюш*, и в наст. изд. следуем авторскому переводу. В других переводах на русский язык отмечается значительная вариативность: Ануш, Ан'уш, Анхуш, Анйуш (*примеч. А. Меца*).

Избранные даты жизни О. Э. Мандельштама[1]

1891 3 (15) января в Варшаве родился О. Э. Мандельштам.

1892 Семья поселяется в Павловске.

1897 Семья переезжает на жительство в Петербург.

1899 Поступил в 1-й класс общеобразовательной школы кн. В. Н. Тенишева (преобразована в 1900 г. в Тенишевское коммерческое училище).

1906 Летом живет с семьей в Зегевольде. **В октябре вместе с Борисом Синани участвует в охране Совета партии социалистов-революционеров, собравшегося в Райволе.

1907 В январе помещает стихи в училищном журнале «Пробужденная мысль». 15 мая окончил Тенишевское училище. 13 августа подает прошение о зачислении вольнослушателем естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета; 8 октября отзывает документы. 14 сентября выступил с чтением стихов на вечеринке в Тенишевском училище. 2 октября уезжает в Париж (через Вильно). 11 (24) декабря знакомится с М. М. Карповичем.

1908 Живет в Париже до 2 мая: слушает лекции в Сорбонне, пишет прозу и стихи, **знакомится с Н. Гумилевым. Переживает «сильное увлечение Бодлером и особенно Верленом». Летом едет с семьей в Швейцарию. Совершает поездку в Геную 24 июля (6 августа).

---

[1] Сведения об участии в вечерах, почерпнутые из анонсов и не подтвержденные другими документальными свидетельствами, предваряются одной звездочкой, предположительные сведения и даты двумя звездочками. Даты до 1 февраля 1918 г. даны по старому стилю.

1909 Слушает курс лекций по стихосложению на «Башне» у Вячеслава Иванова (апрель–май). Летом живет на даче в Царском Селе (июнь). Едет с семьей в Германию и Швейцарию (июль–август). С сентября поселяется в Гейдельберге, поступает в Гейдельбергский университет.

1910 Живет в Гейдельберге **до апреля, в **мае–июне – в Гельсингфорсе, наездами в Петербурге. С конца июня живет в санатории в Ганґё (Финляндия), знакомится здесь с С. П. Каблуковым. 24 июля едет с семьей в Берлин, затем в Швейцарию; в середине октября вернулся в Петербург. 26 октября был на заседании Религиозно-философского общества. Первая публикация стихов в «Аполлоне».

1911 С марта до осени живет преимущественно в Финляндии. 14 марта на «Башне» знакомится с Анной Ахматовой. 2 апреля приезжает к Гумилевым в Царское Село. 14 (27) мая в Выборге крещен в епископско-методистское исповедание. 10 сентября зачислен в Петербургский университет. 4 октября приходит на «Башню» вместе с В. Пястом. 29 октября присутствует на заседании *ОРХС*. С ноября живет преимущественно в Мустамяках. 28 ноября приходит на «Башню» вместе с В. Нарбутом. 2 декабря был на заседании *ЦП* у Гумилевых в Царском Селе. 3 декабря выступает на заседании *ОРХС* с речью памяти И. Ф. Анненского. 10 декабря был на заседании *ЦП*.

1912 До осени живет **преимущественно в Финляндии. 10 января **был на заседании *ЦП*. 13 января читал стихи в «Бродячей собаке». 28 января **был на заседании *ОРХС*. 31 марта – на концерте в Дворянском собрании. 21 апреля беседует с Блоком на вечере в Петровском училище. 13 июня приходит к Пясту, встречает здесь Блока. Осенью входит в группу акмеистов. **1 октября был на заседании *ЦП* у Гумилевых в Царском Селе. 15 октября был у М. Лозинского. **20 октября был на заседании *ЦП* и в «Бродячей собаке». **1 ноября был на заседании *ЦП* у Гумилевых в Царском Селе. **7 ноября читает стихи в редакции «Аполлона». 28 ноября был на чествовании памяти Лопе де Веги в университете. **17 декабря был на заседании *ЦП* у Городецкого. *19 декабря выступил в прениях по докладу Городецкого «Символизм и акмеизм» в «Бродячей собаке».

1913 Провозглашение акмеизма на страницах «Аполлона»; выступил со статьями и стихами (№ 2, 3, 4). **15 января был на заседании *ЦП* у Н. Бруни. **23 января был в «Бродячей собаке». **25 января – на заседании *ЦП* в Царском Селе у Гумилевых. 15 февраля выступил вместе с группой акмеистов на заседании Всероссийского литературного общества. **16 февраля был на заседании *ЦП*. *1 марта присутствовал на лекции Ф. Сологуба «Искусство наших дней». В конце марта вышел «Камень». **19 апреля участвует в заседании *ЦП* в Царском Селе. **1 октября – на заседании *ЦП* в Царском Селе у Гумилевых. **3 ноября на лекции Д. Бурлюка «Пушкин и Хлебников». **9 ноября читает стихи на заседании *ОРХС*. 13 ноября читает стихи на вечере романо-германского кружка в университете. 16 ноября читает стихи на вечеринке вологодского землячества вместе с Маяковским, Северяниным, Г. Ивановым. 27 ноября читает стихи в «Бродячей собаке». 30 ноября читает стихи на заседании *ОРХС*. 3 декабря был в «Обществе поэтов». 7 декабря присутствует на лекции Пяста «Поэзия вне групп». 8 декабря читает стихи на заседании *ОРХС*. *10 декабря выступил в прениях по лекции Н. Кульбина «Футуризм и отношение к нему современного общества» в «Бродячей собаке». Испытывает тяготение к футуризму, сближается с Бенедиктом Лившицем. 11 декабря присутствует в «Обществе поэтов» на докладе Пяста о Тирсо де Молине. **14 декабря присутствует на чествовании памяти И. Ф. Анненского в *ОРХС*.

1914 3 января был на вечере «Бродячей собаки» в зале на Малой Конюшенной, 3. 7 (6?) января в редакции «Северных записок» знакомится с Б. Эйхенбаумом. 10 января был на заседании *ЦП*. 16 января выступил вместе с Н. Гумилевым в прениях по лекции Г. Чулкова «Пробуждаемся мы, мертвецы, или нет» в Тенишевском училище. **23 января был на докладе Вяч. Иванова об Алкее и Сафо в «Обществе поэтов». 26 января выступил с чтением стихов на вечере лирики в «Бродячей собаке». 1 февраля был у Чудовских. *8 февраля читал стихи на вечере «О новом слове» в Тенишевском училище. *23 февраля был в «Бродячей собаке». 30 марта выступил в «Обществе поэтов» с докладом «О гражданской поэзии». *31 марта выступил в прениях по докладу

В. Пяста «Театр слова и театр движения» в «Бродячей собаке». Был на представлении «Балаганчика» Блока в Тенишевском училище (**7 апреля). **22 апреля был в «Обществе поэтов» на докладе Е. Лисенкова об акмеизме. 25 апреля выступил с декларацией акмеизма и чтением стихов вместе с Н. Гумилевым, С. Городецким, М. Зенкевичем на заседании Всероссийского литературного общества. А. М. Зельманова-Чудовская создает акварельный портрет Мандельштама (**ранее лета). По четвергам приходит на собрания художников в квартиру Л. Бруни (**вторая половина 1914-го – первая половина 1915 г.). Летом живет в Финляндии. На начало войны откликнулся ст-нием «Европа». 21 октября проводит заседание *ЦП* в качестве синдика (избран на предыдущем заседании на время отсутствия Н. Гумилева). 31 октября был у А. Попова (Вира). *21 ноября читает стихи на вечере лирики в «Бродячей собаке». Завершил работу над статьей «Петр Чаадаев». *30 ноября читал стихи на вечере в Художественном бюро Н. Е. Добычиной. 22 декабря уезжает в Варшаву.

1915 Возвращается в Петроград (ок. 6 января). 25 января читает стихи на вечере в Городской думе. *27 января читает стихи на вечере в «Бродячей собаке». 30 марта читает стихи на вечеринке в редакции «Нового журнала для всех». 14 апреля приходит к Блоку. 18 апреля читает стихи на вечере в Тенишевском училище. В конце июня уезжает в Коктебель, живет в пансионе Е. О. Волошиной; знакомится с Анастасией и Мариной Цветаевыми. В сентябре вернулся в Петроград. 18 ноября был на концерте, посвященном Скрябину. Переводит «Федру» Расина. 12 декабря читает стихи на заседании *ОРХС*. В конце декабря вышло второе издание «Камня».

1916 В его жизнь входит Марина Цветаева, с которой встретился на вечере в доме Каннегисеров около 7 января. 10 января надписывает ей свою книгу «Камень». Около 20 января едет в Москву вслед за Цветаевой. В феврале–июне пишет стихи, обращенные к ней. До мая живет преимущественно в Москве, часто приезжает домой в Петроград. В Москве приходит к Вяч. Иванову. 15 апреля читает стихи на вечере в Тенишевском училище. *28 апреля читает стихи на вечере в «Привале

комедиантов». 4 июня приезжает к Марине Цветаевой в Александров. 7 июня приезжает в Коктебель. Читает стихи на вечере в Феодосии 18 июля. Выезжает в Петроград при известии о болезни матери (около 24 июля). 26 июля – у гроба матери. **Поездка в Одессу (август). С осени живет в Петрограде. Сдает экзамены в университете. Читает стихи на вечерах в «Привале комедиантов». Участвует в заседаниях возобновившегося (второго) *ЦП*. Новый год встречает с С. П. Каблуковым.

1917 Февральскую революцию встретил в Петрограде. 1 апреля – на пасхальной вечерне в Александро-Невской лавре вместе с С. П. Каблуковым. 18 мая получил в университете выходное свидетельство. Едет в Алушту (живет здесь в **мае–июне). 3 июля находится в Петрограде. В конце июля – сентябре живет в Алуште, затем в Феодосии. Вернулся в Петроград в середине октября. В ноябре пишет стихи «Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...» и «Среди священников левитом молодым...». В декабре – частые встречи с Ахматовой, вместе с ней выступает на вечерах с чтением стихов; пишет ст-ние «Кассандре».

1918 Работает в Комиссии по эвакуации Петрограда. Становится сотрудником газет «Вечерняя звезда» и «Страна». Наездами бывает в Москве, куда окончательно переезжает в июне. Работает в Наркомпросе, в отделе реформы школы. Выступает с чтением стихов на «Утре о России» в Петрограде. В мае пишет «Гимн» («Прославим, братья, сумерки свободы...»). В июне – столкновение с Я. Блюмкиным из-за выносимых им смертных приговоров заложникам в ЧК; добивается у Дзержинского освобождения одного из арестованных; скрывается от преследования Блюмкина. 20 октября в Петрограде приходит к Блоку.

1919 В феврале уезжает в Харьков, работает во Всеукраинском литературном комитете при Наркомпросе Украины. Выступает с чтением стихов на вечерах, печатается в харьковских «Известиях», «Путях творчества», «Творчестве». Переезжает в Киев (**вторая половина апреля). Выступает с чтением стихов на вечерах. Знакомится с Н. Я. Хазиной, своей будущей женой. 31 (17) августа Киев взят Добровольческой армией. В сентябре

едет в Феодосию. Живет в Коктебеле, затем в Феодосии. Помещает стихи в журнале «К искусству».

1920 Зимой живет в Феодосии. Выступает с чтением стихов в Феодосийском литературно-артистическом кружке. По кружку знакомится с коммунистами-подпольщиками. Июль – ссора и разрыв с М. Волошиным. По подозрению в связях с подпольщиками арестован контрразведкой Добровольческой армии. После освобождения уезжает в Батум, здесь арестован военными властями. После освобождения живет в Батуме и Тифлисе. Читает стихи на вечерах (сентябрь). Возвращается в Петроград (через Владикавказ и Москву) около 15 октября. 21 октября – читал стихи в Клубе поэтов, А. Блок оставляет запись в дневнике о его ст-нии «Венеция». 24 октября выступил в Доме литераторов. Читает стихи на вечерах; широкий успех ст-ний последних лет у слушателей. Конец октября – знакомство с О. Н. Арбениной и цикл ст-ний, к ней обращенных (ноябрь–декабрь).

1921 Участвует в деятельности третьего Цеха поэтов. 11 февраля – присутствует на панихиде по Пушкину в Исаакиевском соборе, заказанной по его инициативе. В марте едет в Москву, оттуда 7 апреля к Н. Я. Хазиной в Киев. Возвращение в Москву и поездки в Петроград. В конце мая или начале июня едет вместе с женой из Москвы на Кавказ в поезде Центроэвака. Ростов – Кисловодск – Баку – Тифлис – Батум (здесь знакомится с М. Булгаковым; читает лекцию о Блоке). В Баку навещает Вяч. Иванова. В октябре в Тифлисе становится членом Союза русских писателей в Грузии. Переводит стихи грузинских поэтов. В декабре едет в Сухум, затем в Новороссийск.

1922 Январь – в Ростове-на-Дону. Февраль – в Харькове: здесь отдает в печать «О природе слова»; выступает на вечере памяти Блока. В конце февраля – начале марта приезжает в Киев. Видится здесь с Бенедиктом Лившицем. Выступил в Киеве с докладом об акмеизме 7 марта. Регистрирует брак с Н. Я. Хазиной. Вместе с женой уезжает в Петроград через Москву (конец марта). В Москве поселяется в Доме Герцена. Знакомится с Пастернаком. Готовит к печати старофранцузский эпос в своем переводе. Печатается в газете «Накануне». В ав-

густе вышла из печати книга «Tristia». В октябре пишет ст-ние «Век».

1923 Живет в Москве, зарабатывает на жизнь переводами прозы и очерками. В марте пишет «Грифельную оду». В конце мая – начале июня вышла «Вторая книга». Август–сентябрь – в доме отдыха Цекубу в Гаспре; пишет «Шум времени». Возвращается в Москву через Севастополь. Поселяется на Б. Якиманке (д. 45, кв. 8). В конце декабря едет в Киев.

1924 Январь – в Киеве. Пишет стихи «1 января 1924». 5 января выступает на своем творческом вечере в киевском Доме печати. Возвращение в Москву. 20-е числа января – у гроба В. И. Ленина. Поездка в Петроград (февраль–апрель). Приходит к Ахматовой. Летом – в доме отдыха Цекубу в Апрелевке. В конце июля переезжает на жительство в Ленинград, поселяется здесь на ул. Герцена (д. 49, кв. 4); в сентябре встречается здесь с Пастернаком. Работает над переводами и детскими стихами. Рождество Мандельштамы проводят вместе с Бенедиктом Лившицем и его женой. Новый год встречают со знакомыми юности, Борисом Бабиным и его женой.

1925 Появление в доме Мандельштамов Ольги Ваксель и стихи, к ней обращенные. Болезнь Н. Я. Мандельштам. Весной поселяются с ней в пансионе Зайцева в Детском Селе, сюда приезжает и Ахматова. В конце апреля – начале мая вышел «Шум времени». Летом – в пансионате в Луге. В середине октября – отъезд жены в Ялту на лечение. Интенсивная работа над переводами, чтобы обеспечить лечение жены материально. В середине ноября едет в Ялту.

1926 В конце января возвращается в Ленинград (через Севастополь и Москву), работает над переводами. Начало мая – поездка в Киев, куда приезжает Н. Я. Мандельштам. Летом живут в пансионате в Де8тском Селе (в «Китайской деревне»). Общение с Б. Лившицем. Сентябрь – отъезд Н. Я. Мандельштам в Коктебель. Живет в квартире Е. Э. Мандельштама на Васильевском острове. В декабре поселяется в пансионате в Детском Селе (в здании Лицея). Возвращение Н. Я. Мандельштам из Коктебеля.

1927 Живет в Лицее, весной и летом пишет здесь «Египетскую марку». Готовит к печати «Стихотворения». Работает над переводами. В мае едет в Москву, ведет переговоры с издательствами о получении заказов на переводы. Осенью в Лицее знакомится с Яхонтовым, Поповой и Владимирским; пишет очерк «Яхонтов». В конце октября едет с женой в Сухум и Армавир (к А. Э. Мандельштаму). Возвращается в Лицей (**декабрь).

1928 Живет в Лицее. Весной через Н. И. Бухарина возбуждает хлопоты о помиловании незнакомых ему лично людей, приговоренных к расстрелу за растрату (**по делу Общества взаимного кредита). Получает от Бухарина телеграмму о смягчении приговора. Вышли из печати «Стихотворения» (май). Едет в Ялту, поселяется вместе с женой в пансионате Лоланова. Выходят из печати «О поэзии» (июнь), «Египетская марка» (сентябрь). В начале сентября выходит из печати «Тиль Уленшпигель» (переводы Горнфельда и Карякина в литературной обработке Мандельштама; на титульном листе ошибочно указан переводчиком). Октябрь и ноябрь – в санатории Цекубу в Узком (под Москвой). 28 ноября «Красная газета» помещает письмо Горнфельда с обвинением Мандельштама в плагиате (в связи с выходом «Тиля Уленшпигеля»). 12 декабря М. помещает ответное письмо в «Вечерней Москве». Переезжает на жительство в Москву, поселяется у А. Э. Мандельштама. В декабре едет в Киев.

1929 Январь – в Киеве; 26-го выступает на своем творческом вечере в Доме врача. Возвращается в Москву. История с «Тилем Уленшпигелем» переносится в ведомственные и судебные инстанции. Теряет работу в издательствах. 14 апреля – письмо Бухарина к Тер-Габриеляну с просьбой подыскать работу для Мандельштама в Армении. В июне Губернский суд отказывает Карякину в иске по делу «Уленшпигеля»; дело продолжает рассматриваться в комиссии ФОСПа (Федерация объединений советских писателей) и Окружном суде. Получает приглашение в Ереванский университет от наркома просвещения Армении Мравяна. С сентября работает в «Московском комсомольце». Зимой начата «Четвертая проза».

1930 Январь – прекращается издание «Московского комсомольца». Поездки в Тифлис (попытка найти рабо-

ту) и Ленинград. Возвращается в Москву. Закончил «Четвертую прозу». В начале апреля едет с женой в Сухум. 14 апреля (день гибели Маяковского) – в санатории в Сухуме. Едут в Тифлис, затем в Ереван; живут здесь в гостинице, совершая поездки по Армении. Знакомится с Б. С. Кузиным. В ноябре едет в Тифлис. После многолетнего перерыва вновь пишет стихи. Едет в Ленинград; в конце декабря живет в доме отдыха Цекубу в Новом Петергофе. Пишет стихи «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...».

1931 Пишет стихи «волчьего цикла». Возвращается в Москву. Живет, часто меняя квартиры, у знакомых и родственников. В мартовском номере «Нового мира» помещен цикл «Армения». Работает над «Путешествием в Армению».

1932 В конце января получает комнату в Доме Герцена. За отсутствием средств к существованию и невозможностью устроиться на работу подает заявление в Совет Народных Комиссаров о назначении пенсии; просьба удовлетворена (решение от 23 марта). В апреле, июне – публикации стихов в «Новом мире». Конфликт с Саргиджаном. Летом живет в санатории Цекубу в Болшеве. 10 ноября – закрытый творческий вечер в редакции «Литературной газеты»; 23 ноября газета помещает ст-ние «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...». Ноябрь – в санатории Цекубу в Узком. Декабрь – в Переделкине.

1933 С помощью Бухарина предпринимает попытку издать собрание сочинений. Едет в Ленинград, где проходят его творческие вечера: 23 февраля в Капелле, 3 марта в Доме журналиста. Возвращается в Москву, проводит творческие вечера в Политехническом музее (14 марта) и Клубе художников (3 апреля). Добивается освобождения из-под ареста Б. С. Кузина. Вместе с ним едет в Старый Крым (май), живут у Н. Н. Грин. В мае – июне живет в Коктебеле, пишет «Разговор о Данте», обсуждает его с Андреем Белым. В июне возвращается в Москву. Погромные статьи (в «Литературной газете», «Правде») в связи с публикацией «Путешествия в Армению» (Звезда. 1933. №5). Осенью пишет «Мы живем, под собою не чуя страны...». Поселяется в кооперативной квартире (Нащокинский пер., д. 5, кв. 26). Пишет стихи «Квартира тиха, как бумага...».

1934 В собственной квартире. Гостят: отец, Л. Н. Гумилев, Ахматова. Знакомится с М. Петровых, пишет обращенные к ней стихи. Смерть Андрея Белого и стихи, ему посвященные. В середине апреля едет в Ленинград, дает пощечину А. Толстому как председателю третейского суда за уклончивое решение по делу об оскорблении Н. Я. Мандельштам писателем Саргиджаном. Возвращается в Москву. 15 мая приезжает в гости Ахматова. 16 мая – обыск и арест из-за стихов «Мы живем, под собою не чуя страны...». Попытки друзей и жены повлиять на ход дела, ходатайство Бухарина перед Сталиным. Приговор – высылка в Чердынь. Отъезд туда этапом, вместе с женой, 29 мая. Две недели в Чердыни. Болезнь, пребывание в больнице. Телеграммы правительству с просьбой о замене места ссылки. Ответная телеграмма с разрешением замены. Чердынь – Свердловск – Москва – Воронеж (начало июля). Работает литконсультантом в газете «Коммуна». 23–26 ноября – поездка на открытие деревенского театра в Воробьевке. Знакомство и встречи с П. И. Калецким.

1935 Февраль – выступление с докладом об акмеизме на собрании Воронежского союза советских писателей. Поездки Н. Я. Мандельштам в Москву для подыскания переводческой работы. В конце марта в Воронеж приезжает высланный из Ленинграда С. Б. Рудаков, 1 апреля приходит к Мандельштаму. Сближение с ним и почти непрерывное тесное общение до отъезда Рудакова в июле 1936 г. С апреля пишет стихи Первой Воронежской тетради. Работает над текстами радиопередач для воронежского радио. В конце мая встречается с высланным из Москвы антропологом Рогинским. В октябре начал работать литконсультантом в воронежском Большом Советском театре. В конце декабря едет в санаторий в Тамбов.

1936 В январе возвращается из Тамбова. Приезжают навестить Мандельштама: в феврале – Ахматова, в мае – Э. Герштейн. Летом – на даче в Задонске. По возвращении из Задонска уволен из театра, остается без средств к существованию. Материальная помощь от Ахматовой, Пастернака, Шкловского, Вс. Вишневского. В сентябре познакомиться с Мандельштамом приходит

Н. Е. Штемпель. В декабре начинает писать стихи Второй Воронежской тетради.

1937 Посылает стихи в редакции московских и ленинградских журналов. В феврале начал работу над «Стихами о неизвестном солдате». Март – начало стихов Третьей Воронежской тетради. Статьи в «Подъеме» и «Воронежской коммуне» с политическими обвинениями против Мандельштама. 16 мая – последний день ссылки, получает разрешение выехать из Воронежа. Возвращение в Москву. Приходят навестить его Ахматова, Н. Харджиев и Э. Герштейн, С. Б. Рудаков. Частые встречи с В. Яхонтовым и Е. Поповой. В конце мая выясняется запрет проживать в Москве. Требование милиции покинуть Москву в течение 24 часов. Скрываются у Яхонтова, затем едут в Савелово. Продолжает работать над «Неизвестным солдатом». Пишет стихи, обращенные к Поповой. Приезд в Савелово Н. Штемпель. В октябре едут в Ленинград. Друзья собирают для Мандельштама деньги. Обращения в Союз писателей с требованием дать оценку его поэтической работе. Попытка устроить его творческий вечер в Союзе писателей (Лахути). Получает путевку в санаторий Литфонда в Саматихе через Ставского. Поездка в Москву. Зимой переезжают на жительство в Калинин.

1938 Живут в Калинине. В январе навестить Мандельштамов приезжает Н. Штемпель. Поездки в Москву и Ленинград (**февраль). 8 марта приезжают в санаторий в Саматихе. 16 марта генеральный секретарь Союза советских писателей В. П. Ставский обращается к наркому внутренних дел Н. И. Ежову «с просьбой помочь» в вопросе о Мандельштаме. 2 мая – арест. Н. Я. Мандельштам спасает архив, забирая его из квартиры в Калинине. Обыск в калининской квартире с ордером на арест Н. Я. Мандельштам (в ее отсутствие). 2 августа объявлен приговор: 5 лет лагерей за контрреволюционную деятельность. Этап на Дальний Восток. Пересыльный лагерь на Второй речке (ныне в черте Владивостока). 27 декабря О. Э. Мандельштам умер в больничном бараке в лагере на Второй речке.

Список сокращений[1]

А – Аполлон (журнал).

АЕМ – архив Е. Э. Мандельштама.

АЛ – архив М. Л. Лозинского.

АМ – архив О. Э. Мандельштама (находится в Библиотеке Принстонского университета, Отдел рукописей, шифр: CO 539).

ВИЕТ – Вопросы истории естествознания и техники (журнал).

ВР(С)ХД – Вестник русского (студенческого) христианского движения (журнал).

Встречи – Пяст В. Встречи. М., 1997.

Г – Гиперборей (журнал).

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГЛМ – Государственный литературный музей. Отдел рукописей.

ГРМ – Государственный Русский музей. Сектор рукописей.

ДнКабл – дневник С. П. Каблукова (РНБ).

Записи Лукницкого – Осип Мандельштам в дневниковых записях и материалах архива П. Н. Лукницкого / Публ. В. К. Лукницкой. Коммент. А. Г. Меца // Звезда. 1991. № 2. С. 110–129.

Из писем к родным – Из писем О. Э. Мандельштама к родным / Публ. Е. П. Зенкевич. Подгот. текста и коммент. Е. П. Зенкевич и П. Н. Нерлера // Новый мир. 1987. № 10. С. 201–227.

[1] Ссылки на частные архивы и собрания фиксируют местонахождение источников по состоянию на 1993 г. В настоящее время неизвестно местонахождение части источников из собрания Н. И. Харджиева; другая часть находится в Городском музее Амстердама.

ИМЛИ – Институт мировой литературы им. А. М. Горького. Отдел рукописей.

ИРЛИ – Институт русской литературы. Рукописный отдел.

К-1990 – Мандельштам О. Камень / Изд. подгот. Л. Я. Гинзбург, А. Г. Мец, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдин. Л., 1990. (Лит. памятники).

Мандельштам в Киммерии – Купченко В. П. Осип Мандельштам в Киммерии // Вопросы литературы. 1987. № 7. С. 186–202.

Музей Ахматовой – Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме. Сектор рукописей.

Переписка семьи – Осип Мандельштам в переписке семьи: (из архива А. Э. и Е. Э. Мандельштамов) / Публ., предисл. и примеч. Е. П. Зенкевич, А. А. Мандельштама, П. М. Нерлера // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исслед. и материалы. М., 1991. С. 50–101.

Письма Вяч. Иванову – Письма О. Э. Мандельштама к В. И. Иванову / Публ., вступ. ст. и примеч. А. А. Морозова // Записки Отдела рукописей / Гос. б-ка им. В. И. Ленина.1973. Вып. 34. С. 258–274.

Письма и записки Рудакову – Письма и записки С. Б. Рудакову 1935–1936 гг. / Публ. и примеч. Э. Г. Герштейн // Russian Literature Triquarterly. 1986. V. 19. С. 395–401.

Письма к Н. Я. Мандельштам – Slavia Orientalis. Warszawa, 1968. Vol. XVII. № 2. С. 209–218 (публ. R. Przybylski = Р. Пшибыльского).

Письма К. Чуковскому – Из архива К. И. Чуковского: Письма Н. Я. и О. Э. Мандельштам. Стихи. 1935–1937 / Подг. А. А. Морозова // Слово и судьба: Осип Мандельштам. М., 1991. С. 34–49.

Письма Рудакова – О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936) / Подгот. текста Л. Н. Ивановой, А. Г. Меца; Коммент. А. Г. Меца, Е. А. Тоддеса, О. А. Лекманова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1993. СПб., 1997.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

РГБ – Российская государственная библиотека. Отдел рукописей.

РНБ – Российская национальная библиотека. Отдел рукописей.

СИ – собр. А. Ивича (И. И. Бернштейна).

Собр. соч. (с указанием тома) – Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Терра, 1991.

Соч. (с указанием тома) – Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. М., 1990.

СС 1 (с указанием тома) – Мандельштам О. Собрание сочинений: В 2 т. Вашингтон; Нью-Йорк, 1964–1966.

СС 2 (с указанием тома) – Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. [2-е изд.]. Вашингтон; Нью-Йорк; Париж, 1967–1981.

СС 3 (с указанием тома) – Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1993–1997.

СХ, ГМ Амстердама – Фонд Н. Харджиева и Л. Чаги (Городской музей Амстердама) = Archive of the Khardzhiev–Chaga Foundation (Stedelijk Museum Amsterdam. F. 150).

Три письма – Мандельштам Т. Ю., Нерлер П. М. Три письма Осипа Мандельштама // Сохрани мою речь. М., 2000. Вып. 3, ч. 1. С. 14–16.

ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства С.-Петербурга.

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга.

Чукоккала – Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1999.

Список цитированных источников[1]

1. Азадовский К. М., Тименчик Р. Д. К биографии Н. С. Гумилева: Вокруг дневников и альбомов Ф. Ф. Фидлера // Рус. литература. 1988. № 2.

2. Акимова М. В. Парнах В. Я. // Русские писатели. 1800–1917: Биогр. словарь. М., 1999. Т. 4.

3. Амфитеатров-Кадашев В. А. Страницы из дневника // Минувшее: Ист. альм. М.; СПб., 1996. Т. 20.

4. Анненский И. Ф. Книги отражений. М., 1979. (Лит. памятники).

5. Ахматова А. А. Листки из дневника // Вопр. литературы. 1989. № 2.

6. Блок Г. П. Из петербургских воспоминаний / Публ. Ю. М. Гельперина; Послесл. Р. Д. Тименчика, Е. А. Тоддеса, М. О. Чудаковой // Тыняновский сб.: Вторые тыняновские чтения. Рига, 1986.

7. Видгоф Л. М. Москва Мандельштама: Книга-экскурсия. М., 2006.

8. Володарская Л. И. Цель в жизни – мыслить и страдать // Минувшее: Ист. альм. М.; СПб., 1992. Т. 11.

9. Волошин М. А. Путник по вселенным / Сост., коммент. В. П. Купченко и З. Д. Давыдова. М., 1990.

9а. Герштейн Э. Г. Мемуары. СПб., 1998.

10. Григорьев А., Петрова Н. О. Мандельштам. Материалы к биографии // Russiun literature. 1984. Vol. XV, iss. 1.

---

[1] В тексте комментариев первая цифра в ссылках (выделенная курсивом) соответствует номеру настоящего списка. Часть литературных источников (цитированных в примечаниях однократно) в настоящий список не включена.

11. Дутли Р. Век мой, зверь мой: Осип Мандельштам. Биография / Пер. с нем. К. М. Азадовского. СПб., 2005.

12. Иванов В. И. По звездам. СПб., 1909.

13. Иванов В. И. Борозды и межи. М., 1916.

14. Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3.

15. Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник, 1988. М., 1989.

16. Кубатьян Г. И. Место армянской темы в творчестве Мандельштама // Вестн. Ереван. гос. ун-та. Обществ. науки. 1989. № 6.

16а. Кузин Б. С. Воспоминания. Произведения. Переписка; Мандельштам Н. Я. 192 письма к Б. С. Кузину. СПб., 1999.

17. Купченко В. П. Литературная Феодосия в 1920 году // De visu. 1994. № 3/4.

18. Купченко В. П. Вокруг Волошина // Новое лит. обозрение. 1996. № 17.

19. Купченко В. П. Осип Мандельштам в Киммерии // Вопр. литературы. 1987. № 7.

19а. Купченко В. П. Ссора поэтов // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исслед. и материалы. М., 1991. С. 176–183.

20. Левинтон Г. А. Романия и романистика у Мандельштама // Res philologica–II. СПб., 2001.

20а. Левинтон Г. А. «На каменных отрогах Пиэрии» Мандельштама: Материалы к анализу // Russian Literature. 1977. Vol. V, iss. 2, 3.

21. Левинтон Г. А. Поэтический билингвизм и межъязыковые влияния // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979.

22. Левинтон Г. А. Ремизовский подтекст в «Четвертой прозе» // Лотмановский сб. М., 1995.

23. Лившиц Б. К. Полутораглазый стрелец. Л., 1989.

24. [Лукницкий П. Н.] Осип Мандельштам в записях дневника и материалах архива П. Н. Лукницкого // Звезда. 1991. № 2.

25. Магаротто Л. Полемика Тициана Табидзе с О. Мандельштамом и И. Терентьевым; Табидзе Т. Директор 41 градуса Терентьев // Русский литературный авангард: Материалы и исслед. Тренто, 1990.

26. Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981.

26а. Мандельштам О. Разговор о Данте / Послесл. Л. Е. Пинского; Подгот. текста и примеч. А. А. Морозова. М., 1967.

27. Мандельштам Е. Э. Воспоминания // Новый мир. 1995. № 10.

28. [Мандельштам Н. Я.] «Любил, но изредка чуть-чуть изменял»: Заметки Н. Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама / Публ. Т. М. Левиной; Примеч. Т. М. Левиной и А. Т. Никитаева // Philologica. 1997. № 8/10.

29. Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1989.

30. Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М., 1990.

30а. Мандельштам Н. Я. Книга третья. Париж, 1987.

31. Матич О. Русские в Голливуде. Голливуд о России // Новое лит. обозрение. 2002. № 54.

32. Мец А. Г. Осип Мандельштам и его время: анализ текстов. СПб., 2005.

33. Миндлин Э. Л. Необыкновенные собеседники. М., 1979.

34. Мицишвили Н. Эпопея: Грузинская хроника времен революции. Тбилиси, 1932.

35. Морозов А. А. [Примечания] // Мандельштам О. Шум времени. М.: Вагриус, 2002.

36. Мочульский К. В. Письма В. М. Жирмунскому / Коммент. и публ. А. В. Лаврова // Новое лит. обозрение. 1999. № 35.

37. Нерлер П. М. Осип Мандельштам в Наркомпросе в 1918–1919 гг. // Вопр. литературы. 1989. № 9.

38. Нерлер П. М. Осип Мандельштам в «Московском комсомольце» // Лит. учеба. 1982. № 4.

38а. Нерлер П. М. Осип Мандельштам в Гейдельберге. М., 1994.

38б. Нерлер П. М. «Он ничему не научился...» // Лит. обозрение. 1991. № 1. С. 91–95.

38в. Нерлер. П. М. «С гурьбой и гуртом...». Хроника последнего года жизни О. Э. Мандельштама. М., 1994.

39. Одоевцева И. В. Избранное: Стихотворения. На берегах Невы. На берегах Сены. М., 1998.

39а. Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. М., 2002.

40. Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник, 1983. Л., 1985.

40а. Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Координаты лирического пространства // Лит. обозрение. 1990. № 2 С. 44–50; № 3. С. 91–100.

41. Ронен О. Из города Энн: Сб. эссе. СПб., 2005.

42. Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002.

43. Сато Юсуке, Сорокина В. В. «Маленький мужик с взъерошенною бородой» // Philologica. 1998. № 5.

44. Святополк-Мирский Д. П. Поэты и Россия. СПб., 2002.

45. Сегал Д. М. «Сумерки свободы»: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // Минувшее: Ист. альм. М., 1991. Т. 3

46. Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000.

47. Тименчик Р. Д. Из комментариев к мандельштамовским текстам // Пятые тыняновские чтения: Тез. докл. и материалы для обсуждения. Рига, 1990.

48. Тименчик Р. Д. Осип Мандельштам в Батуме в 1920 году // Сохрани мою речь. М., 2000. Вып. 3, ч. 2.

49. Тименчик Р. Д. Из комментариев к мандельштамовским текстам: Артур Яковлевич Гофман // Мандельштам О. Поэтика и текстология: Материалы науч. конф. 27–29 дек. 1991 г. М., 1991.

50. Тименчик Р. Д. Мандельштам и Латвия // Даугава.1988. № 2.

51. Тименчик Р. Д. Текст в тексте у акмеистов // Учен. зап. Тартусского гос. ун-та. 1981. Вып. 567.

52. Тименчик Р. Д. Заметки на полях именных указателей // Новое лит. обозрение. 1993. № 4.

53. Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме // Russian literature. 1974. № 7/8.

53а. Тименчик Р. Д. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Торонто. 2005.

54. Тихвинская Л. И. Кабаре и театры миниатюр в России, 1908–1917. М., 1995.

55. Тоддес Е. А. Мандельштам и опоязовская филология // Тыняновский сб.: Вторые тыняновские чтения. Рига, 1986.

55а. Тоддес Е. А. Заметки о ранней поэзии Мандельштама // Темы и вариации: Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Stanford, 1994.

55б. Тоддес Е. А. Поэтическая идеология // Лит. обозрение. 1991. № 3.

56. Тоддес Е. А. Статья «Пшеница человеческая» в творчестве Мандельштама 20-х годов // Тыняновский сб.: Третьи тыняновские чтения. Рига, 1988.

56а. Флейшман Л. С. Эпизод с Безыменским в «Путешествии в Армению» // Slavica Hierosolymitana. 1978. Vol. III.

56б. Флейшман Л. С. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб., 2005.

56в. Фрейдин Ю. Л. «Остаток книг»: библиотека О. Мандельштама // Слово и судьба: Осип Мандельштам. М., 1991.

57. Чуковский К. И. Дневник. 1901–1929. М., 1991.

58. Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Статьи–воспоминания–эссе (1914–1933) / Сост. А. Ю. Галушкина, А. П. Чудакова. Предисл. А. П. Чудакова. Подгот. текста, коммент. А. Ю. Галушкина. М., 1990.

58а. Штемпель Н. Е. Мандельштам в Воронеже. М., 1992.

59. Harris J. G. Mandelstamian «Zlost», Bergson, and a new acmeist esthetic? // Ulbandus Review. 1978. Vol. 2, № 2.

59a. Hellman B. Osip Mandelstam and Finland // Модернизм и постмодернизм в русской литературе и культуре. Helsinki, 1996.

60. Rusinko E. Acmeism, postsymbolism, and Henry Bergson // Slavic Review. 1982. Vol. 41, № 3.

Указатель имен к томам 1–3

Содержание

ПРОЗА

Очерки

Рецензии, предисловия

ПИСЬМА

1903–1920

1921–1934

1934–1938

Заявления. Деловое

Коллективные письма

Приложение (2)

Письма Н. Я. Хазиной к О. Э. Мандельштаму, 1919

Осип Эмильевич Мандельштам

Полное собрание сочинений и писем в трех томах

Том третий

Проза
Письма

Редактор *Б. Н. Романов*

Художественный редактор *В. Н. Сергутин*

Корректор – *Л. Н. Морозова*

Верстка – *А. Б. Метелкин*

Оператор *И. А. Чижикова*

Фото на суперобложке
М. М. Суменовой

Информационная поддержка –
журнал «Новое время» (“The New Times”)

Подписано в печать 30.11.2010
Формат 60×100/16. Объем 59 п.л.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Заказ -2845

ISBN 978-5-904995-10-2

Издательство «Прогресс-Плеяда»
Гл. редактор С. С. Лесневский
125009, Москва, Тверской бульвар, 14, стр. 1, офис 705
Тел./факс: (495) 648-07-86
E-mail: progresspl@yandex.ru

ОАО «Типография “Новости”»
105005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46

Исправления к тому 3
Полного собрания сочинений и писем О. Э. Мандельштама

К **с. 741–742**. В примечании к письму 20 цитируется запись дневника Вяч. Иванова, в которой дважды названо имя Мандельштама (Иванов В. И. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 801–803). Однако при проверке текста дневника по рукописи Н. А. Богомолов выяснил, что на самом деле написанное автором имя – не «Мандельштам», а «Линденбаум» (Богомолов Н. А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2011. С. 14–16). Таким образом, запись Вяч. Иванова аргументом в пользу знакомства Мандельштама и Маковского в мае–июне 1909 года не может являться.

К **с. 742**, 15 снизу. *Напечатано*: ...вошло в первую публикацию. *Следует читать*: ...вошло во вторую публикацию.